ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1960

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

16

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шестнадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с сентября 1864 по июль 1870 г., со времени основания Международного Товарищества Рабочих (Первого Интернационала) до начала франко-прусской войны 1870—1871 годов.

В связи с оживлением в 60-х годах буржуазно-демократических движений, усилением национально-освободительной борьбы угнетенных народов, политическим пробуждением рабочего класса и назреванием революционного подъема в ряде стран Европы особенно широко развернулась теоретическая и практическая революционная деятельность основоположников научного коммунизма, направленная на подготовку международного пролетариата к новым классовым боям.

Гигантский труд по завершению первого тома главного экономического произведения научного коммунизма — «Капитала» — Маркс сочетал в это время с неутомимой, кипучей работой по руководству Международным Товариществом Рабочих, работой, которая, по словам Энгельса, была «венцом всей его партийно-политической деятельности».

Предметом теоретических занятий Энгельса, принимавшего живое участие в деятельности Интернационала и оказывавшего постоянную помощь Марксу в руководстве этой международной организацией пролетариата, было изучение ряда актуальных исторических и военных проблем, разработка национального и крестьянского вопросов. С 1869 г. Энгельс особое место уделял исследованию истории Ирландии с целью научного обоснования интернационалистской позиции пролетариата в ирландском

вопросе, который приобрел в это время особую остроту и политическое значение. Деятельность Маркса и Энгельса в эти годы является ярким образцом характерного для научного коммунизма сочетания революционной теории с революционной политикой, с практикой классовой борьбы.

Эта многосторонняя научная и политическая деятельность Маркса и Энгельса находит свое отражение в работах настоящего тома. Большая их часть тесно связана с деятельностью основоположников марксизма в Интернационале, с их борьбой за пролетарскую партию. Ряд публикуемых в томе материалов посвящен главному труду Маркса — «Капиталу», который составит содержание томов 23—26 настоящего издания.

После выхода в 1859 г. работы «К критике политической экономии» Маркс с некоторыми перерывами продолжает свои экономические исследования. Обширная рукопись 1861—1863 гг. явилась первым систематическим наброском, правда еще черновым и незаконченным, всех частей задуманного Марксом труда. В ходе дальнейшей работы Маркс со свойственной ему величайшей научной добросовестностью привлекал все новые и новые материалы, уточнял план и структуру исследования, писал новые и переделывал по нескольку раз уже готовые главы.

В 1863—1865 гг. им был создан новый вариант рукописи трех томов «Капитала». Приступив в январе 1866 г. к окончательной подготовке первого тома для печати, Маркс начал, как он писал Энгельсу, «вылизывать дитя после стольких родовых мук». Работа над «Капиталом» потребовала от Маркса огромного напряжения сил, так как, наряду с ней, он много времени отдавал своей деятельности в Международном Товариществе Рабочих, преодолевая тяжелую материальную нужду и болезни. В апреле 1867 г. Маркс отвез готовую рукопись первого тома издателю в Гамбург. 16 августа 1867 г. был подписан в печать последний лист.

Опубликование первого тома «Капитала» имело величайшее историческое значение для освободительной борьбы пролетариата, для развития его революционной теории — научного коммунизма. «С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, — писал Энгельс, — не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих» (см. настоящий том, стр. 240).

Экономическое учение Маркса, основы которого были заложены в таких произведениях как «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «Манифест Коммунистической партии», «К критике политической экономии», приобрело в «Капитале» наиболее развитый, стройный, классический характер.

Созданное Марксом экономическое учение произвело коренной переворот, подлинную революцию в политической экономии. Только идеолог пролетариата — класса, свободного от ограниченности и своекорыстных предрассудков эксплуататорских классов, — мог исследовать законы капиталистического общества и научно доказать неизбежность его гибели и торжества более высокого общественного строя — коммунизма. В «Капитале» научный коммунизм получил свое наиболее глубокое и всестороннее обоснование. Это бессмертное творение Ознаменовало собой гигантский шаг в дальнейшем развитии всех составных частей марксизма — политической экономии, философии, учения о социалистической революции, о диктатуре пролетариата. «Капитал» явился могучим и несокрушимым теоретическим оружием пролетариата в его борьбе против капиталистического рабства.

К первому тому «Капитала» Маркса примыкает ряд работ основоположников научного коммунизма, включенных в настоящий том: «Заработная плата, цена и прибыль» Маркса, «Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса», составленный Энгельсом, рецензии, написанные им в связи с выходом «Капитала» и др.

Работа Маркса «Заработная плата, цена и прибыль» относится к числу важнейших произведений марксистской политической экономии. В этой работе за два года до выхода в свет первого тома «Капитала» Маркс в сжатой и популярной форме изложил основы своего экономического учения. Вместе с тем она служит превосходным образцом использования выводов революционной теории для определения практических задач рабочего движения.

Направленная непосредственно против ошибочных взглядов члена Интернационала Уэстона, эта работа, представляющая собой доклад Маркса в Генеральном Совете Интернационала, наносила в то же время удар прудонистам, а также лассальянцам, которые, исходя из лассалевской догмы о «железном законе» заработной платы, отрицательно относились к экономической борьбе рабочих и к профессиональным союзам. В своем докладе Маркс решительно выступает против этой реакционной проповеди пассивности и смирения пролетариев перед эксплуатирующим их капиталом. Раскрыв экономическую суть заработной платы и прибавочной стоимости, Маркс доказывает, что капитал жаждет максимальной наживы, и, если рабочие не будут оказывать ему противодействия, они рискуют превратиться в «сплошную массу опустившихся бедняков, которым уже нет спасения» (см. настоящий том, стр. 154).

Исходя из своего экономического учения, Маркс дает в этой работе теоретическое обоснование роли и значения экономической борьбы рабочих и подчеркивает необходимость подчинять ее конечной цели пролетариата — уничтожению системы наемного труда.

Работа «Заработная плата, цена и прибыль» имеет большое значение для правильного понимания марксовой теории обнищания пролетариата. Маркс доказывает в ней, что общая тенденция капиталистического способа производства состоит в понижении заработной платы, цены рабочей силы до ее минимальной границы, то есть до стоимости средств существования, физически необходимых для рабочего и его семьи. Однако эта тенденция вовсе не является фатальной и непрерывной, она наталкивается на сопротивление и решительное противодействие рабочих. В разных странах, в разных исторических и общественных условиях, в разные фазы промышленного цикла эта тенденция проявляется то с большей, то с меньшей силой.

В томе публикуется ряд рецензий, написанных Энгельсом для рабочей, демократической и буржуазной печати в связи с опубликованием I тома «Капитала», чтобы положить конец умышленному замалчиванию гениального труда Маркса буржуазной наукой и прессой, а также с целью популяризации этого труда в массах. В рецензиях, написанных анонимно для буржуазной прессы, Энгельс критикует книгу как бы «с буржуазной точки зрения», чтобы, применив, по выражению Маркса, это «военное средство», заставить буржуазных экономистов заговорить о книге.

Составленный Энгельсом «Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса» заканчивается 13-й главой «Машины и крупная промышленность» (по первому изданию — четвертым разделом 4-й главы). Он помогает понять наиболее трудные проблемы «Капитала», в частности, теорию стоимости и прибавочной стоимости.

Статья Маркса «Плагиаторы» представляет собой разоблачение лассальянских вульгаризаторов экономического учения Маркса, которые почти дословно заимствовали отдельные положения из «Капитала», искажая их и не называя имени автора.

В статье Маркса «Мой плагиат у Ф. Бастиа» дается отпор неоднократно возобновлявшимся впоследствии попыткам буржуазных ученых приписать те или иные положения «Капитала» предшественникам или современникам Маркса, чтобы умалить всемирно-историческое значение этого великого труда основоположника научного коммунизма.

Основное содержание шестнадцатого тома составляют статьи и документы Маркса и Энгельса, отражающие их деятельность в Интернационале.

Историческая обстановка, сложившаяся к середине 60-х годов, благоприятствовала воплощению в жизнь великой идеи единства и боевой солидарности международного пролетариата, которую неустанно пропагандировали Маркс и Энгельс. Мировой экономический кризис 1857—1858 гг. и развернувшиеся вслед за ним стачечные бои в различных странах Европы воочию показали рабочим необходимость братской солидарности различных национальных отрядов международного пролетариата в борьбе против капитала. Наряду с развертыванием экономических боев росла и политическая активность пролетариата. Новый подъем буржуазно-демократических движений в Германии и Италии; назревание кризиса Второй империи во Франции; самоотверженная борьба английских рабочих против планов господствующих классов Англии организовать интервенцию в США для оказания помощи рабовладельческому Югу; развертывавшаяся в Англии борьба за избирательную реформу; польское восстание 1863—1864 гг., вызвавшее глубокое сочувствие европейского пролетариата, — все это способствовало вовлечению широких рабочих масс в политическую борьбу и усиливало тягу к согласованным действиям пролетариев разных стран.

Успеху Международного Товарищества Рабочих способствовала не только создавшаяся к тому времени историческая обстановка, но и то обстоятельство, что во главе этой организации стоял Карл Маркс. Среди всех тех, кто 28 сентября 1864 г. присутствовал на международном рабочем собрании в Сент-Мартинс-холле в Лондоне, положившем начало Интернационалу, Маркс был единственным человеком, «который ясно понимал, что происходит и что следует основать: это был тот человек, который еще в 1848 г. бросил в мир призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»» (Ф. Энгельс).

Маркс был подлинным организатором, вождем и душой Интернационала. Он был автором его программных документов, множества обращений, заявлений, резолюций, отчетов и других документов, являющихся важнейшими вехами славной истории Интернационала. Маркс был фактически главой руководящего органа Интернационала, Генерального Совета, боевого штаба международного рабочего движения. Опираясь на помощь Энгельса, Маркс лично и через своих соратников — когда обстоятельства делали невозможным его собственное присутствие — направлял деятельность конференций и конгрессов

Международного Товарищества Рабочих, разрабатывал важнейшие решения конгрессов, вел борьбу за победу в Интернационале идейных и организационных принципов революционного пролетариата.

При основании Интернационала Маркс должен был считаться с различными условиями борьбы пролетариата, с неодинаковой степенью развития и разным теоретическим уровнем рабочего движения в различных странах. Он видел первоочередную задачу Интернационала в том, чтобы, направляя различные потоки рабочего движения в единое русло, способствовать выделению пролетариата из мелкобуржуазной демократии, созданию действительно самостоятельных рабочих организаций и установлению общности действий различных отрядов международного пролетариата. Строя Интернационал на широкой основе существовавших в то время разнородных рабочих организаций, Маркс стремился, опираясь на практический опыт рабочих масс, поднять их до осознания своих революционных задач, постепенно, шаг за шагом привести их к единой теоретической программе и соединить таким образом социализм с рабочим движением.

Эта гибкая и последовательно революционная тактика Маркса ярко сказалась уже при выработке первых программных документов Интернационала. Сообщая о тех трудностях, с которыми он встретился при разработке «Учредительного Манифеста Международного Товарищества Рабочих» и «Временного Устава Товарищества», Маркс писал Энгельсу 4 ноября 1864 года: «Было очень трудно так поставить дело, чтобы наши взгляды были выражены в форме, которая делала бы их приемлемыми для современного уровня рабочего движения... Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи. Необходимо быть сильнее на деле и умереннее по форме».

В «Учредительном Манифесте» Маркс на основе конкретного анализа экономического развития, а также изменений в положении рабочих масс за время с 1848 по 1864 год формулирует следующий весьма важный теоретический вывод: «... на современной порочной основе всякое дальнейшее развитие производительной силы труда неизбежно углубляет общественные контрасты и обостряет общественные антагонизмы» (см. настоящий том, стр. 7).

Отмечая две крупные победы, одержанные рабочим классом— завоевание закона о десятичасовом рабочем дне в Англии и развитие кооперативного движения, — Маркс доказывает, что кооперативное производство, ведущееся без капиталистов,

только тогда может освободить рабочий класс, когда оно будет «развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства». Но этому будут препятствовать господствующие классы, пользующиеся своей политической властью. «Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса» (см. настоящий том, стр. 10). Маркс обосновывает далее мысль, что необходимыми условиями для освобождения пролетариата являются создание пролетарской партии, а также братский союз между рабочими разных стран.

Так, опираясь на практический опыт рабочих масс, Маркс подводит их к выводу о всемирно-исторической миссии пролетариата, о необходимости борьбы за пролетарскую революцию и установление диктатуры рабочего класса, теоретическое обоснование которой было дано в «Манифесте Коммунистической партии».

В вводной части «Временного Устава» Маркс сформулировал положение, которое, по словам В. И. Ленина, явилось основным принципом Интернационала: «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом» (см. настоящий том, стр. 12). В этой предельно сжатой формулировке, ставшей боевым кличем рабочих всех стран, выражена важнейшая мысль о пролетариате как самом прогрессивном, последовательно революционном классе, непримиримо враждебном капитализму, классе, политическая и идейная самостоятельность которого является необходимым и важнейшим условием его освобождения.

При разработке «Временного Устава» Маркс также тщательно учитывал исторически сложившиеся формы рабочего движения в разных странах. Интернационал не противопоставлял себя уже существующим рабочим организациям, а стремился опереться на них и направить их деятельность к единой общей цели. Эта гибкая организационная структура Интернационала отвечала его задаче «объединить в *одну* великую армию все боеспособные силы рабочего класса Европы и Америки» (Ф. Энгельс).

«Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», написанная Марксом в связи с предстоявшим в 1866 г. конгрессом Интернационала в Женеве, является дальнейшей конкретизацией и развитием первых программных документов Интернационала. Маркс ограничил ее вопросами, самым непосредственным образом затрагивающими интересы рабочих масс, связав их с конечной целью борьбы пролетариата. Маркс придерживается здесь основного

тактического принципа, выдвинутого в «Манифесте Коммунистической партии» — в движении сегодняшнего дня отстаивать будущность движения.

В «Инструкции» Маркс выдвинул в качестве одной из основных задач Интернационала объединение действий рабочих разных стран в их экономической борьбе против капитала.

Какое значение придавал Маркс помощи со стороны Интернационала экономической борьбе рабочих, которая особенно усилилась в связи с кризисом 1866 г., и крепнувшей в этой борьбе международной солидарности пролетариата, показывают также написанные Марксом воззвания и статьи «Предостережение», «Бельгийские избиения», «Локаут строительных рабочих в Женеве» и составленный Энгельсом по просьбе Маркса «Доклад о цеховых товариществах горняков в угольных копях Саксонии». Большой конкретный материал, освещающий эту сторону деятельности Интернационала, содержится также в написанных Марксом «Четвертом годовом отчете Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих» и «Отчете Генерального Совета IV ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих». Постоянная материальная и моральная поддержка со стороны Интернационала бастующим и локаутированным рабочим повышала его авторитет и способствовала распространению его влияния среди рабочих разных стран.

Особое значение придается в «Инструкции» борьбе за ограничение рабочего дня, которое Маркс рассматривает как необходимое условие для восстановления физической силы рабочего класса, его умственного развития и для его общественной и политической деятельности. Отстаивая это важнейшее требование в противовес прудонистам и другим противникам законодательного ограничения рабочего дня, Маркс разъясняет значение этого требования и в ряде более поздних своих документов (см. «Проект резолюции о сокращении рабочего дня, предложенный Генеральным Советом Брюссельскому конгрессу» и «Запись речи К. Маркса о сокращении рабочего дня», стр. 330 и 585 настоящего тома). Выдвинутое в «Инструкции» требование 8-часового рабочего дня стало одним из основных лозунгов борьбы пролетариата во всех капиталистических странах.

Важной задачей рабочих Маркс считал также заботу об охране труда детей и подростков и о воспитании детей рабочих, так как «будущее их класса, и, следовательно, человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения» (см. настоящий том, стр. 198). В гармоническом сочетании производительного труда детей и подростков, их умственного

и физического воспитания и политехнического обучения Маркс видит одно из важнейших средств духовного подъема рабочего класса. Вопросам воспитания и образования были посвящены также речи Маркса в Генеральном Совете (см. запись этих речей, стр. 595—597 настоящего тома).

В разделе «Инструкции» о кооперативном труде Маркс, вопреки прудонистам и другим мелкобуржуазным реформаторам, доказывает, что кооперативное движение само по себе не может преобразовать капиталистическое общество и что коренные изменения общественного строя «могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям» (см. настоящий том, стр. 199).

Огромное значение имеют страницы «Инструкции», посвященные профессиональным союзам, их прошлому, настоящему и будущему. Развивая положения, выдвинутые им еще в «Нищете философии» и получившие дальнейшее развитие в докладе «Заработная плата, цена и прибыль», Маркс рассматривает профессиональные союзы не только как центры «партизанской борьбы между капиталом и трудом», но и как организующие центры рабочего класса в борьбе за уничтожение самой системы наемного труда. О принятой на основе «Инструкции» резолюции Женевского конгресса о профессиональных союзах и экономической борьбе В. И. Ленин писал: «Резолюция этого конгресса точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев)... Убеждение в том, что единая классовая борьба необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии» (В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 158—159).

Вопреки прудонистам и другим противникам политической борьбы, в «Инструкции» выдвинуты две конкретные политические задачи — борьба за восстановление Польши на демократических основах и борьба против грабительских войн и их орудия — постоянных армий.

Написанная Марксом «Инструкция» явилась разработанной на основе практического опыта рабочего движения конкретной программой действий Интернационала.

Основные принципы Интернационала Марксу, Энгельсу и их сторонникам приходилось отстаивать в борьбе против различных социалистических или полусоциалистических сект,

пытавшихся навязать свои догмы Международному Товариществу Рабочих. Хотя уже революции 1848—1849 гг. нанесли сокрушительный удар всем многочисленным формам мелкобуржуазного социализма, однако забвение традиций революционных годов, втягивание новых масс в рабочее движение, постоянное влияние мелкобуржуазной среды, в особенности в странах, где еще преобладало мелкое производство, — все это способствовало временному оживлению различных разновидностей сектантства. По мере развития действительного рабочего движения эти секты становились все более и более реакционными.

Ряд статей и документов, входящих в настоящий том, направлен против прудонистских идей, имевших значительное влияние во Франции и в Бельгии.

В статье «О Прудоне» Маркс, как бы подводя итог той критике философских, экономических и политических воззрений Прудона, которую он дал в «Нищете философии» и в других своих работах, вскрыл всю несостоятельность идеологии прудонизма. Касаясь практических проектов Прудона, направленных на «решение социального вопроса», Маркс подвергает уничтожающей критике выдвинутую Прудоном идею «дарового кредита» и основанного на нем «народного банка», эту, по словам Маркса, «насквозь *мещанскую* фантазию», усиленно рекламируемую прудоновской школой. Резюмируя свою оценку Прудона, Маркс характеризует его как типичного идеолога мелкой буржуазии.

В отличие от прудонистов, отрицавших всякое политическое действие рабочего класса и стремившихся ограничить интересы пролетариата кругом «чисто рабочих» вопросов, Маркс видел задачу секций Интернационала в разных странах «не только в том, чтобы служить организационными центрами рабочего класса, но также и в том, чтобы поддерживать в различных странах всякое политическое движение, способствующее достижению нашей конечной цели — *экономического освобождения рабочего класса»* (см. настоящий том, стр. 443). Маркс стремился к тому, чтобы рабочий класс выполнял почетную роль авангарда в общедемократическом движении, чтобы он выступал как самостоятельная политическая сила на национальной и международной арене.

Ярким примером этой политики Маркса являются написанные им обращения Международного Товарищества Рабочих к президентам США А. Линкольну и Э. Джонсону. В этих обращениях Маркс подчеркнул огромное значение войны против рабства в Америке для судеб международного пролетариата.

Выступая за поддержку всякого прогрессивного, демократического движения, Маркс и Энгельс воспитывали у пролетариата и его передовых деятелей в Интернационале подлинно интернационалистское отношение к борьбе угнетенных народов за свое освобождение. Борясь против национализма мадзинистов в Италии и лассальянцев в Германии, Маркс и Энгельс в то же время решительно выступали против свойственного прудонистам игнорирования национального вопроса, в частности их отрицательного отношения к борьбе польского народа за свою независимость.

В конкретно-исторических условиях 40 и 60-х годов XIX века Маркс и Энгельс придавали особенно важное значение созданию независимой демократической Польши как союзника европейской демократии в борьбе против реакционного влияния царизма. «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской» (В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 403).

Публикуемые в томе заметка «Поправка» и «Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года» раскрывают позицию Маркса в польском вопросе, кратко выраженную им в резолюции, внесенной на митинге: «Свобода в Европе не может быть утверждена без независимости Польши» (см. настоящий том, стр. 204).

В направленной против прудонистов работе «Какое дело рабочему классу до Польши?» Энгельс обосновал непримиримое отношение рабочего класса к политике национального угнетения, необходимость для пролетариата быть в первых рядах борцов за освобождение угнетенных народов. В то же время Энгельс предупреждал об опасности использования национального движения, в особенности малых народов, реакционными силами. Он раскрыл в своей работе подлинную сущность бонапартистского «принципа национальностей», который использовался заправилами Второй империи, русским царизмом и правящими кликами других стран для того, чтобы подчинить национальную борьбу угнетенных народов интересам реакционных держав. Основоположники марксизма рассматривали борьбу польского народа за свободу и независимость как составную часть борьбы за революционное, демократическое преобразование Европы, которое создало бы более благоприятные условия для борьбы пролетариата за свое освобождение.

В том входят также документы («Резолюции Генерального Совета о конфликте в парижской секции», «Резолюция Генерального Совета по поводу выступления Ф. Пиа», заявление Генерального Совета «О преследованиях членов французских секций» и др.), свидетельствующие о непосредственном участии, которое Маркс принимал в руководстве французскими рабочими — членами Интернационала. Резко осуждая левое фразерство и авантюристическую тактику мелкобуржуазных демократов типа Ф. Пиа, Маркс в то же время стремился высвободить французских рабочих из-под влияния реформистских идей Прудона, вовлечь их в общедемократическую борьбу против Второй империи.

Большое место в томе занимают статьи и другие документы Маркса и Энгельса, посвященные Германии и рабочему движению в этой стране, где в 60-х годах с новой силой встали вопросы, не решенные революцией 1848—1849 гг., в первую очередь вопрос об объединении. В противоположность Ф. Лассалю, который выступал за поддержку Пруссии в деле объединения Германии сверху, Маркс и Энгельс боролись, как и в 1848— 1849 гг., за объединение Германии снизу, революционным путем. Важнейшее условие победы революционно-демократического пути объединения Маркс и Энгельс видели в организованности, сплоченности и политической сознательности самого прогрессивного класса Германии — пролетариата. Однако основанный в 1863 г. Всеобщий германский рабочий союз, хотя и помогал высвобождению рабочих из-под влияния буржуазной партии прогрессистов, не мог выполнить тех задач, которые история поставила перед германским пролетариатом: возглавивший этот Союз Лассаль встал на путь соглашения с реакционным правительством Бисмарка. Маркс и Энгельс не знали всех фактов об отношениях Лассаля с Бисмарком (переписка между ними была опубликована лишь в 1928 г.), однако он» ясно видели заигрывания вождя Всеобщего германского рабочего союза с «железным канцлером». Узнав уже после смерти Лассаля о том, что он обещал Бисмарку поддержку со стороны Всеобщего германского рабочего союза в деле аннексии Пруссией Шлезвиг-Гольштейна взамен обещанного Бисмарком введения всеобщего избирательного права, Маркс и Энгельс расценили это как предательство интересов рабочего класса.

После смерти Лассаля основоположники научного коммунизма предприняли серьезные шаги, чтобы ликвидировать последствия глубоко ошибочной и вредной тактики Лассаля и направить Всеобщий германский рабочий союз на правильный революционный путь. Не располагая в то время другими сред-

ствами для критики лассальянства и пропаганды своих взглядов в Германии, Маркс и Энгельс дали согласие на сотрудничество в создаваемой Швейцером газете «Social-Demokrat». К этому их побудило и то, что в полученном ими проспекте газеты «не фигурировали ни лозунги Лассаля, ни его имя» (см. настоящий том, стр. 86), а также то обстоятельство, что неофициальным редактором газеты должен был явиться их старый соратник, бывший член Союза коммунистов В. Либкнехт.

Маркс послал в «Social-Demokrat» упомянутую выше статью «О Прудоне»; в ней, как он писал Энгельсу, чувствительные удары, которые он наносил Прудону, попадали также и в Лассаля. Маркс имел в виду то место своей статьи, где говорится о свойственном мелкому буржуа шарлатанстве в науке и политическом приспособленчестве. В свою очередь Энгельс в комментарии к стародатской народной песне «Барин Тидман», посланной им в «Social-Demokrat», подчеркнул огромное революционное значение борьбы крестьянства против помещиков в противовес лассальянцам, которые, исходя из лассальянской теории «единой реакционной массы», отрицали революционную роль крестьянства.

Убедившись в том, что, несмотря на все их предупреждения, редактор «Social-Demokrat» Швейцер следует по стопам Лассаля и направляет газету на путь соглашения с юнкерским правительством Бисмарка, Маркс и Энгельс публично заявили о своем разрыве с газетой. В публикуемом в томе заявлении они охарактеризовали лассальянство как «королевско-прусский правительственный социализм» (см. настоящий том, стр. 79).

Критике политической позиции лассальянцев посвящена и работа Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». В этом произведении содержится глубокий анализ расстановки классовых сил в Германии и позиций политических партий в конституционном конфликте, возникшем между прусским правительством и либеральной буржуазией в связи с вопросом о реорганизации армии. Энгельс, исходя из существующих военных и политических условий, подвергает правительственный проект реорганизации армии глубокой и всесторонней критике. Анализируя позицию прогрессистской партии в конституционном конфликте, Энгельс бичует трусливую, колеблющуюся политику буржуазной оппозиции, готовой из страха перед народом пойти на компромисс с силами реакции. Большое место в своей брошюре Энгельс отводит обоснованию тактики рабочего класса в обстановке сложившейся в стране революционной ситуации. Энгельс доказывает всю тщетность надежд

на то, что правительство Бисмарка пойдет на уступки рабочим. Разоблачая социальную демагогию бисмарковского правительства, Энгельс опирается при этом на опыт Франции, на аналогичную политику бонапартизма, в частности, на результаты введенного Луи Бонапартом всеобщего избирательного права. Тем самым Энгельс предостерегает рабочих от свойственной лассальянцам идеализации всеобщего избирательного права как всеспасающего средства, способного при любых условиях избавить пролетариат от политического гнета и экономической эксплуатации.

Энгельс видит главную задачу немецкого пролетариата в создании действительно самостоятельной рабочей партии, не зависимой как от либерально-буржуазного влияния, так и от еще более тлетворного влияния прусской реакции. Политика рабочей партии в конституционном конфликте должна состоять в том, чтобы поддерживать буржуазную партию прогрессистов в борьбе за всеобщее избирательное право и политические свободы, в то же время беспощадно бичуя каждый ее непоследовательный шаг и каждую слабость, «на лицемерные же заигрывания реакции отвечать: «С копьем в руке примем мы дары твои, с копьем наперевес»» (см. настоящий том, стр. 78).

Борьба Маркса и Энгельса против лассальянства расчищала путь для проникновения идей научного коммунизма и для распространения влияния Интернационала в Германии. Успеху этой борьбы способствовало то, что рабочие массы на практическом опыте рабочего движения Германии и других стран убеждались в несостоятельности лассальянских догм. В письме Маркса «Президенту и правлению Всеобщего германского рабочего союза» и в статьях Энгельса «К роспуску лассальянского рабочего Союза» с удовлетворением отмечается, что под влиянием самой жизни, под давлением рабочих масс Союз должен был поставить вопросы об агитации за политическую свободу, о нормировании рабочего дня, о международном сотрудничестве рабочего класса — вопросы, «которые действительно должны быть исходными пунктами всякого серьезного рабочего движения» (см. настоящий том, стр. 329).

Большое внимание, сочувствие и поддержку встретила у Маркса и Энгельса деятельность А. Бебеля и В. Либкнехта по созданию подлинно пролетарской партии в Германии. Несмотря на некоторые ошибки и промахи, подвергавшиеся критике со стороны Маркса и Энгельса, Бебель и Либкнехт в основном вопросе политической жизни Германии занимали, в отличие от лассальянцев, правильную революционную позицию. «Лассаль и лассальянцы, видя слабые шансы проле-

тарского и демократического пути, вели шаткую тактику, приспособляясь к гегемонии юнкера Бисмарка. Их ошибки сводились к уклону рабочей партии на бонапартистски-государственно-социалистический путь. Напротив, Бебель и Либкнехт последовательно отстаивали демократический и пролетарский путь, борясь с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине, национализму» (В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 265).

В «Заявлении в лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих» Маркс высоко оценивает значение состоявшегося в 1868 г. в Нюрнберге съезда немецких рабочих союзов, который проходил под руководством А. Бебеля и В. Либкнехта и высказался за присоединение к Интернационалу.

Огромное значение для всей последующей истории германского рабочего движения имело основание в 1869 г. в Эйзенахе Социал-демократической рабочей партии. Несмотря на известную теоретическую незрелость эйзенахцев, особенно обнаружившуюся при разработке их теоретической программы, на которой отчасти сказалось влияние лассальянства, им все же с помощью Маркса и Энгельса удалось «заложить прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии. А дело шло тогда именно о *фундаменте* партии» (В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 266).

Основание Социал-демократической рабочей партии, примкнувшей к Международному Товариществу Рабочих, знаменовало собой крупную победу идей Интернационала в рабочем движении Германии.

Ряд произведений, публикуемых в томе, отражает неуклонное стремление Маркса и Энгельса помочь формированию Социал-демократической рабочей партии, поднять теоретический уровень немецких рабочих путем пропаганды идей научного коммунизма.

В статье «Карл Маркс» Энгельс выступает против легенды о Лассале как родоначальнике немецкого рабочего движения и как оригинальном мыслителе. Напоминая революционные традиции 1848—1849 гг., важнейшие вехи истории Союза коммунистов, Энгельс подчеркивает, что у Лассаля «был предшественник, стоявший неизмеримо выше его в интеллектуальном отношении, о существовании которого он, правда, умалчивал, вульгаризируя в то же время его труды; имя его — Карл Маркс» (см. настоящий том, стр. 378). В краткой, но богатой по содержанию биографии Маркса Энгельс характеризует развитие его идей, дает оценку его важнейших теоретических

трудов и его партийно-политической деятельности, вплоть до руководящей роли в Интернационале, организации, которая «знаменует собой эпоху в рабочем движении» (см. настоящий том, стр. 382).

В целях оживления революционных традиций 1848—1849 гг. и ознакомления немецких рабочих с важнейшими произведениями научного коммунизма Маркс и Энгельс предприняли переиздание двух своих работ — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Крестьянская война в Германии».

В «Предисловии ко второму изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта»» Маркс, коснувшись вновь вопроса о сущности бонапартизма, выступает против подмены конкретного классового анализа исторических событий поверхностными историческими аналогиями. Высказанные Марксом по этому вопросу замечания были в значительной мере направлены против ошибочных воззрений некоторых руководителей германской социал-демократии, некритически воспринявших ходячую фразу о цезаризме.

В «Предисловии ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии»», Энгельс анализирует изменения, происшедшие в экономической и политической жизни страны с 1848 г., и роль различных классов и партий в этот период германской истории. Оценивая результаты австро-прусской войны 1866 г., ход которой он освещал в «Заметках о войне в Германии» (см. настоящий том, стр. 169—193), Энгельс дает яркую характеристику позиции прусской буржуазии и вскрывает причины свойственной ей трусости и готовности пойти на сделку с реакцией. Говоря о переменах, которые произошли в немецком рабочем движении за 20 лет и о будущности этого движения, Энгельс выдвигает как главную проблему вопрос о союзниках пролетариата, о необходимости для рабочего класса бороться за руководство крестьянскими массами. Важнейший теоретический и политический вывод о необходимости союза пролетариата с крестьянством, сформулированный на опыте революций 1848—1849 гг. в работах Маркса «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», а также в работе Энгельса «Крестьянская война в Германии», получил здесь свое дальнейшее развитие и конкретизацию. Энгельс показывает необходимость дифференцированного подхода к крестьянству и анализирует, какие слои крестьянства и по каким причинам могут стать союзниками в революционной борьбе пролетариата.

Подчеркнув важность решения Базельского конгресса Интернационала о земельной собственности, Энгельс оказал помощь в выработке правильной линии Социал-демократической

рабочей партии, руководство которой в известной мере недооценивало значение для Германии этого важнейшего решения.

Резолюция Базельского конгресса о необходимости упразднить частную собственность на землю и превратить ее в собственность общественную имела громадное теоретическое и политическое значение для всего Интернационала. Эта резолюция, в подготовке которой самое непосредственное участие принимал Маркс (см. «Запись речей К. Маркса о земельной собственности», настоящий том, стр. 590—591), свидетельствовала об идейной победе марксизма над защитниками частной собственности — прудонистами, о победе социализма над мелкобуржуазным реформаторством.

С первых шагов деятельности Международного Товарищества Рабочих Маркс приложил немало труда, чтобы вовлечь в Товарищество пролетариат Англии в лице самых мощных его организаций — тред-юнионов (см. «Проект резолюций об условиях приема рабочих организаций в Международное Товарищество Рабочих», настоящий том, стр. 16). В заметке «О связях Международного Товарищества Рабочих с английскими рабочими организациями» Маркс в октябре 1868 г. отмечал: «... не существует ни одной сколько-нибудь значительной организации британского пролетариата, которая не была бы прямо, через своих собственных вождей, представлена в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих» (см. настоящий том, стр. 346).

Маркс надеялся, что под идейным влиянием Интернационала, подкрепляемым опытом самого рабочего движения, удастся преодолеть свойственную тред-юнионам цеховую замкнутость, ограниченность целей борьбы, сводившейся лишь к защите непосредственных экономических нужд рабочих, отрицательное отношение к политической борьбе рабочего класса, в результате чего английский пролетариат превратился в политическом отношении в придаток либеральной партии. Маркс стремился освободить английских рабочих от опеки либеральной буржуазии, изолировать оппортунистических лидеров тред-юнионов и таким образом помочь формированию английского пролетариата в самостоятельную общественную и политическую силу. Развертывавшаяся в это время в Англии кампания за новую избирательную реформу благоприятствовала разрешению этих задач. Интернационал, по инициативе Маркса, предпринял энергичные шаги для основания Лиги реформы, которая должна была стать руководящим и организующим центром борьбы английских рабочих за всеобщее избирательное право. Маркс считал, что в отличие от Франции и Германии, где преобладало

крестьянское население и отсутствовали буржуазно-демократические свободы, в Англии, где большинство населения составлял пролетариат, где военщина и бюрократия не играли еще значительной роли, всеобщее избирательное право могло быть использовано революционным пролетариатом как рычаг для своего освобождения.

Испуганные размахом движения за избирательную реформу оппортунистические лидеры тред-юнионов приложили всё усилия к тому, чтобы ограничить рамки движения, урезать его лозунги, добиться компромисса с правительством. Ряд публикуемых в томе материалов («Проект резолюции Генерального Совета о газете «Bee-Hive»» и др.) свидетельствует о решительной борьбе Маркса против соглашательства в важнейших вопросах лидеров тред-юнионов — этих представителей «рабочей аристократии», вскормленной за счет сверхприбылей, которые получала буржуазия в результате промышленной и колониальной монополии Англии. Соглашательская политика оппортунистических вождей тред-юнионов явилась главной причиной того, что широко развернувшееся движение имело своим результатом куцую избирательную реформу, оставившую без политических прав большинство трудящегося населения Англии.

Одной из серьезных причин неудачи борьбы за реформу Маркс считал отказ Лиги реформы от поддержки национально-освободительной борьбы ирландского народа, что способствовало углублению пагубного для рабочего движения раскола между английскими и ирландскими рабочими. Бурный подъем революционной борьбы ирландского народа за свою независимость заставил Маркса вплотную заняться ирландским вопросом, которому он придавал огромное теоретическое и политическое значение. Учтя соотношение классовых сил в самой Англии и революционные возможности ирландского освободительного движения, Маркс творчески пересмотрел свой прежний взгляд на ирландский вопрос. Если раньше Маркс считал, что рабочее движение угнетающей, английской нации принесет свободу Ирландии, то теперь он пришел к выводу, что национальное освобождение Ирландии и осуществление революционно-демократических преобразований в аграрном строе «Зеленого острова» должно послужить *«предварительным* условием *освобождения* английского *рабочего класса»* (см. настоящий том, стр. 407). Обоснование Марксом требования предоставления Ирландии национальной независимости, вплоть до ее отделения от Англии, в качестве лозунга английского рабочего движения явилось новым вкладом в разработку принципов пролетарской национальной политики. На опыте Ирландии

Маркс, сделав дальнейший шаг в развитии своих идей по национальному и колониальному вопросу, пришел к исключительно важному выводу о необходимости сочетания национально-освободительного движения в этой первой английской колонии с борьбой пролетариата за социализм в метрополии. Руководствуясь этим теоретическим положением, Маркс воспитывал английских рабочих и их руководителей в Генеральном Совете в духе решительной и действенной поддержки освободительного движения угнетенных ирландцев и разоблачал оппортунистическую позицию лидеров английских тред-юнионов, зараженных буржуазным шовинизмом. Маркс был душой и вдохновителем кампаний, митингов, дискуссий в защиту и поддержку борющейся Ирландии, докладчиком и автором резолюций по ирландскому вопросу.

Маркс решительно выступил в защиту жестоко преследуемых английским правительством ирландских мелкобуржуазных революционеров — фениев, хотя и подвергал критике их заговорщическую тактику. Написанная им резолюция Генерального Совета «Заключенные в Манчестере фении и Международное Товарищество Рабочих» (20 ноября 1867 г.) рассматривала смертный приговор, вынесенный четырем фениям, как акт политической мести английского правительства и разоблачала судебный подлог, на основании которого был вынесен приговор. «Проект резолюции Генерального Совета о политике британского правительства по отношению к ирландским заключенным» (16 ноября 1869 г.) был внесен Марксом на открытой им дискуссии по ирландскому вопросу, в ходе которой он выступал дважды (см. настоящий том, стр. 604—608). В этой резолюции Маркс обнажил фальшивую и антинародную политику либерального правительства, показав, что она, несмотря на демагогические обещания и жалкие реформы Гладстона, по существу ничем не отличается от колонизаторской политики консерваторов. Статьи Маркса «Английское правительство и заключенные фении», а также статьи по ирландскому вопросу, написанные под влиянием Маркса его дочерью Женни для французской газеты «Marseillaise» раскрыли перед лицом европейской общественности факты свирепой расправы правящих классов Англии с участниками национально-освободительного движения в Ирландии, варварского обращения с заключенными фениями в тюрьмах «человеколюбивой» гладстоновской Англии.

В документах Интернационала — «Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии» (январь 1870 г.) и «Конфиденциальное сообщение» (март 1870 г.) — Маркс

обосновал интернациональное значение ирландского вопроса, показав важность разрешения ирландской проблемы для развития международного рабочего движения, прежде всего для успехов борьбы английского пролетариата. Он указал, что одной из основ экономического могущества английских господствующих классов является колониальная эксплуатация Ирландии, ставшей *«цитаделью* английского лендлордизма» (см. настоящий том, стр. 406). В этих документах Маркс, наиболее полно раскрывая позицию Интернационала в ирландском вопросе, писал: «Его главная задача— ускорить социальную революцию в Англии. Для этой цели необходимо нанести решающий удар в Ирландии» (см. настоящий том, стр. 407). Маркс призывал рабочий класс угнетающей нации к решительной борьбе против всякого национального гнета. Он показал, что одной из главных причин слабости английского рабочего движения, несмотря на его организованность, является всячески разжигаемая английской буржуазией национальная рознь между английскими и ирландскими рабочими. Угнетение Ирландии и других колоний, подчеркивал Маркс, служит огромным тормозом для прогрессивного развития самой Англии. «Народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи» — так сформулировал Маркс важнейший принцип пролетарского интернационализма (см. настоящий том, стр. 438).

В разделе «Из рукописного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса» впервые публикуются рукописи Маркса «Набросок непроизнесенной речи по ирландскому вопросу» (ноябрь 1867 г.) и «Набросок доклада по ирландскому вопросу в лондонском Коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих 16 декабря 1867 года», а также рукопись незаконченной работы Энгельса «История Ирландии» и несколько написанных им фрагментов на эту же тему. Эти рукописи, впервые включаемые в состав Сочинений, ярко свидетельствуют о том, что свои выводы в ирландском вопросе основоположники марксизма строили на основе всестороннего изучения истории Ирландии и англо-ирландских отношений.

В «Наброске непроизнесенной речи по ирландскому вопросу» Маркс глубоко анализирует социально-экономические процессы, протекавшие в Ирландии, рисует картину ужасающих бедствий народных масс в первой английской колонии и на основе этого анализа дает классическую характеристику фенианского движения — нового этапа национально-освободительной борьбы ирландцев.

Во второй рукописи — «Набросок доклада по ирландскому вопросу», — в основу которой был положен первый набросок,

Маркс характеризует основные исторические этапы колониального порабощения Ирландии Англией, показывая губительные для ирландского народа результаты английского господства, процесс уничтожения зачатков ирландской промышленности и превращения этой страны в сельскохозяйственный придаток метрополии. В обоих набросках Маркса, являющихся ярким обличением колониальной политики господствующих классов Англии и методов их хозяйничания в порабощенных странах, с исключительной наглядностью и силой раскрыта грабительская сущность того переворота в земельных отношениях в Ирландии, который осуществлялся в интересах английских крупных землевладельцев и выразился в экспроприации ирландских крестьян, в массовом сгоне их с земли.

Публикуемая в томе рукопись «История Ирландии» отражает работу Энгельса над задуманной им книгой, охватывающей историю этой страны с древнейших времен по 1870 год. Судя по дошедшему до нас отрывку и фрагментам, Энгельс намеревался в этой книге дать широкую картину порабощения Ирландии английскими колонизаторами и многовековой борьбы ирландского народа против своих угнетателей, а также нанести удар буржуазным апологетам колониального господства, Англии, защитникам реакционных расистско-колонизаторских идей. В главе «Природные условия» Энгельс решительно опровергает попытки английских географов, экономистов, историков возвести географическую среду в определяющий фактор в истории и доказать с помощью мнимо научных географических изысканий, что Англия якобы призвана покорить Ирландию (см. настоящий том, стр. 482). Энгельс дает подробное описание климата и почвы Ирландии с целью разоблачения лживых измышлений буржуазных авторов, оправдывавших сгон ирландских крестьян с земли тем, что «Ирландия якобы самим своим климатом осуждена, вместо производства хлеба для ирландцев, поставлять мясо и масло англичанам» (см. настоящий том, стр. 497). В главе «Древняя Ирландия» Энгельс, выступая против некритического подхода к ранним периодам ирландской истории и их националистического приукрашивания, в то же время главный огонь своей критики направляет против шовинистических попыток английских буржуазных историков (Голдуина Смита и др.) изобразить древних ирландцев отсталым народом, неспособным к созданию своей собственной культуры и цивилизации и заимствовавшим ее у пришельцев-норманнов и англичан.

История древней Ирландии, показывает Энгельс в своей работе и в фрагментах к ней, свидетельствует о самостоятельности

и одаренности ирландского народа; историческое прошлое этой страны, подчеркивает Энгельс, изобилует героическими эпизодами борьбы с иноземными захватчиками. Критикуя работы об Ирландии английских буржуазных историков, Энгельс вскрывает некоторые черты, присущие буржуазной историографии в целом. Разоблачая буржуазный объективизм, Энгельс подчеркивает, что пресловутая «объективность» является лишь маскировкой, прикрывающей апологетическую сущность писаний буржуазных историков, готовых в угоду буржуазии фальсифицировать историческую действительность, превращать историческую науку в выгодно сбываемый товар.

Важное значение имеет сделанный Энгельсом вывод о характере так называемого норманского завоевания ряда стран Европы в период раннего средневековья. Энгельс опровергает реакционные норманистские теории, приписывающие норманнам роль основателей многих государств Европы, и показывает подлинный результат вторжений норманнов в Ирландию и другие страны. Характеризуя эти вторжения как «разбойничьи набеги», он доказывает, что выгода для исторического развития от них «была совершенно ничтожна по сравнению с теми огромными и бесплодными даже для самих скандинавских стран смутами, которые были этими набегами вызваны» (см. настоящий том, стр. 516).

Разоблачая жестокую эксплуататорскую политику английских колонизаторов в Ирландии, Энгельс развивает мысль, что в конечном счете эта насильственная, ассимиляторская политика обречена на крах. Английским господствующим классам, указывает Энгельс, не удалось и не удастся, несмотря на все усилия, искоренить национальные традиции ирландского народа и примирить его с английским господством. Работа Энгельса проникнута горячим сочувствием к угнетенному народу и ненавистью к колониальной системе капитализма. Дополняя выступления Маркса по ирландскому вопросу, она является примером отстаивания пролетарских принципов в национальном вопросе. «Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе, — указывал В. И. Ленин, — дала величайший, доныне сохранивший громадное *практическое* значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям» (В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 412).

Подлинно пролетарская, интернационалистская позиция Маркса и Энгельса в ирландском вопросе вызвала ожесточенное сопротивление со стороны шовинистически настроенных

лидеров тред-юнионов, а также со стороны нового противника марксизма в Интернационале — бакунизма.

Ряд статей и документов, входящих в настоящий том, отражают непримиримую борьбу Маркса и Энгельса как против теоретических воззрений Бакунина, так и против его дезорганизаторской, подрывной деятельности в Интернационале.

В написанном Марксом документе «Международное Товарищество Рабочих и Альянс социалистической демократии» разоблачается замысел Бакунина и его сторонников ввести в Интернационал Альянс социалистической демократии в качестве особой международной организации со своей программой, своей организационной структурой и своими руководящими органами, чтобы, опираясь на эту организацию, овладеть Интернационалом и подчинить его анархистскому влиянию. В письме Генерального Совета центральному бюро Международного альянса социалистической демократии от 9 марта 1869 г. подвергнут критике главный пункт программы бакунистов — требование «политического, экономического и социального уравнения классов». Вскрыв подлинную суть этого требования, сводящегося к буржуазной проповеди «гармонии труда и капитала», Маркс писал: «Не *уравнение классов* — бессмыслица, на деле неосуществимая — а, наоборот, *уничтожение классов* — вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью Международного Товарищества Рабочих» (см. настоящий том, стр. 364).

Получив отказ в приеме Альянса на выдвинутых ими условиях, бакунисты заявили о согласии распустить свою организацию с тем, чтобы ее члены вступили в местные секции Интернационала. Однако на деле Бакунин и его сторонники сохранили Альянс как тайную организацию, направленную на борьбу против Генерального Совета и его вождя Маркса.

Эту борьбу бакунисты намеревались развернуть уже на ближайшем конгрессе Интернационала в Базеле, в повестку дня которого был по их настоянию включен вопрос об отмене права наследования.

В написанном Марксом докладе Генерального Совета о праве наследования развивается мысль, что признание отмены права наследования отправной точкой социального переворота, заимствованное Бакуниным у Сен-Симона, «ошибочно теоретически и реакционно на практике» (см. настоящий том, стр. 384). Ставя вопрос о праве наследования на конкретную историческую почву, Маркс доказывает, что оно зависит от существующего общественного строя и изменяется в связи с изменениями этого строя. «Как и все гражданское право вообще, — пишет

Маркс, — законы о наследовании являются не *причиной,* а *следствием, юридическим выводом* из *существующей экономической организации общества,* которая основана на частной собственности на средства производства, то есть на землю, сырье, машины и пр. ... Нам надлежит бороться с причиной, а не со следствием, с экономическим базисом, а не с его юридической надстройкой» (см. настоящий том, стр. 383). Маркс доказывает, что требование отмены права наследования не только несостоятельно теоретически, но и вредно в политическом отношении, так как оно может лишь отвлечь пролетариат от его действительных задач и оттолкнуть от него его союзника — крестьянство. Вместо того, чтобы положить начало социальной революции, это бакунистское требование может положить ей конец.

На Базельском конгрессе попытка бакунистов захватить руководство в Интернационале потерпела крах. Это послужило сигналом для открытой и непрерывной войны бакунистов против Генерального Совета и всех секций Интернационала, отвергавших воззрения Бакунина, в особенности его проповедь полного воздержания от политической деятельности. Центром подрывной работы бакунистов стала Швейцария, где им удалось временно превратить в свое орудие печатный орган Романского федерального комитета «Egalite».

В упомянутом выше циркуляре «Конфиденциальное сообщение» Маркс прослеживает всю историю отношений Интернационала с Альянсом. Касаясь тех вопросов, которые служили поводом для нападок бакунистов на Генеральный Совет, Маркс дает глубокое теоретическое обоснование политике руководящего органа Интернационала, в частности в ирландском вопросе. Маркс разоблачает дезорганизаторскую, двурушническую позицию Бакунина, доказывая, что, несмотря на официальное заявление о роспуске Альянса, он сохранил его как тайную организацию.

В борьбе против бакунистов — этих типичных представителей мелкобуржуазного бунтарства, — Маркс нашел поддержку у Русской секции Интернационала, созданной весной 1870 г. в Женеве русскими политическими эмигрантами, учениками Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Русская секция направила Марксу свою программу и устав, а также письмо с просьбой быть ее представителем в Генеральном Совете. Марко проявлял особый интерес к революционному движению в России, как к силе, направленной против общего врага европейской демократии — русского царизма. Дав свое согласие представлять Русскую секцию в Генеральном Совете, Маркс писал

ей: «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века» (см. настоящий том, стр. 428).

Деятельность Русской секции В. И. Ленин рассматривал как попытку «перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернационал» (В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 260).

Хотя члены Русской секции по своему мировоззрению были в общем сторонниками мелкобуржуазного социализма, их огромной исторической заслугой было то, что они решительно выступали против бакунистской проповеди воздержания от политической борьбы, а также против его бунтарской анархистской тактики.

Требование воздержания от политической борьбы было основным требованием, вокруг которого бакунисты стремились в это время объединить все антимарксистские течения в Интернационале. Поэтому в повестку дня очередного конгресса Интернационала, который должен был собраться летом 1870 г. в Майнце, Маркс включил пункт: «Соотношение между политической деятельностью и социальным движением рабочего класса» (см. настоящий том, стр. 456). Однако конгресс не смог состояться ввиду начавшейся в июле 1870 г. франко-прусской войны.

Деятельность Маркса и Энгельса по созданию и укреплению Интернационала — первой в истории массовой революционной международной организации пролетариата, заложившей, по словам В. И. Ленина, «фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм» (В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 281) — имела всемирно-историческое значение. Эта деятельность явилась важнейшим этапом в борьбе основоположников марксизма за пролетарскую партию, за распространение великих идей научного коммунизма. Как показывают материалы настоящего тома, уже в течение первых лет истории Международного Товарищества Рабочих революционное учение Маркса и Энгельса завоевывает прочные позиции в рабочем движении, марксизм одерживает важные победы над различными течениями, чуждыми и враждебными пролетариату. Период развития Интернационала, отраженный в данном томе, весь ход и результаты борьбы течений в рабочем движении в этот период подготовили почву для неизбежного торжества марксистского учения — могучего идейного оружия пролетариата в его борьбе за революционное преобразование общества.

* * *

В состав настоящего тома включено 36 работ, не вошедших в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Среди них «Конспект первого тома «Капитала»» и «История Ирландии» Энгельса, наброски непроизнесенной речи и доклад Маркса по ирландскому вопросу, ряд документов Интернационала и записи речей Маркса и т. д. Из вновь включенных работ 16 впервые печатаются на русском языке, из них 14 работ вообще публикуются впервые.

В раздел «Из рукописного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса» вошли подготовительные работы Маркса и Энгельса по ирландскому вопросу. Рукописи рецензий Энгельса на первый том «Капитала» для «Rheinische Zeitung» и «The Fortnightly Review» и его конспекта этого тома, а также статьи Маркса «Мой плагиат у Ф. Бастиа», тесно примыкающие к аналогичным, публиковавшимся-при жизни авторов работам, посвященным популяризации «Капитала», даются вместе с печатными произведениями.

В «Приложения» входят документы, в составлении или редактировании которых участвовал Маркс, протокольные записи речей на заседаниях Генерального Совета и газетные отчеты о речах, которые из-за краткости и несовершенства записи не могут быть помещены в основной текст тома. В раздел «Приложения» входят также статьи, написанные женой Маркса и его дочерью Женни при его непосредственном участии. Все эти документы чрезвычайно важны для раскрытия деятельности Маркса по руководству Интернационалом.

Международный характер деятельности Маркса нашел свое выражение и в том, что документы Интернационала подготовлялись им на разных языках, часто параллельно на нескольких. При подготовке русского текста использованы многочисленные печатные и рукописные варианты этих документов на различных языках, причем важнейшие из разночтений отражены в подстрочных примечаниях к соответствующим работам. Заглавия статей даны в соответствии с оригиналом.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СЕНТЯБРЬ 1864 — ИЮЛЬ 1870

ADDRESS

AND

PROVISIONAL RULES

OF THE

WORKING MEN'S INTERNATIONAL ASSOCIATION,

ESTABLISHED SEPTEMBER 28, 1864,

AT A PUBLIC MEETING HELD AT ST. MARTIN'S HALL, LONG ACRE, LONDON.

PRICE ONE PENNY.

PRINTED AT THE "BEE-HIVE" NEWSPAPER OFFICE,
10, BOLT COURT, FLEET STREET.

1864.

Титульный лист первого издания
Учредительного Манифеста и Временного Устава
Международного Товарищества Рабочих

К. МАРКС

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ,

ОСНОВАННОГО 28 СЕНТЯБРЯ 1864 г. НА ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ, СОСТОЯВШЕМСЯ В СЕНТ-МАРТИНС-ХОЛЛЕ, ЛОНГ-ЭЙКР, В ЛОНДОНЕ [1]

Рабочие!

Что нищета рабочих масс с 1848 по 1864 г. не уменьшилась, — это факт бесспорный, а, между тем, по развитию промышленности и по росту торговли этот период не имеет себе равных в истории. В 1850 г. один умеренный, хорошо осведомленный орган британской буржуазии предсказывал, что если ввоз и вывоз Англии возрастут на 50%, то пауперизму в этой стране придет конец. Увы! 7 апреля 1864 г. канцлер казначейства обрадовал свою парламентскую аудиторию заявлением, что общая сумма импорта и экспорта Англии увеличилась в 1863 г. «до 443955000 фунтов стерлингов! Эта поразительная сумма почти втрое больше суммы торговых оборотов сравнительно недавно минувшей эпохи 1843 года!» При всем том, канцлер красноречиво говорил о «бедности». «Подумайте, — восклицал он, — о тех, которые находятся на грани бедности», о «заработной плате, которая... не повысилась», о «человеческой жизни, которая... в девяти случаях из десяти сводится к борьбе за существование!»[2] Но он умолчал об ирландском народе, который на севере постепенно вытесняется машинами, а на юге — стадами овец; впрочем, даже число овец идет на убыль в этой несчастной стране, правда, не с такой быстротой, как число людей. Он не повторил того, о чем только что проговорились высшие представители аристократии в припадке внезапно овладевшего ими страха. Когда паника, вызванная «душителями»[3], достигла известных размеров, палата лордов постановила произвести обследование условий ссылки и каторжных работ и опубликовать результаты в виде отчета. Истина раскрылась на страницах объемистой

Синей книги 1863 г.[4], и официально подтвержденными фактами и цифрами было доказано, что в Англии и Шотландии худшие из уголовных преступников — каторжники — работают гораздо меньше и питаются гораздо лучше, чем английские и шотландские сельскохозяйственные рабочие. Но это еще не все. Когда вследствие Гражданской войны в Америке рабочие Ланкашира и Чешира были выброшены на улицу, та же палата лордов послала в промышленные округа врача с поручением установить то минимальное количество углерода - и азота, которое, будучи предоставлено по самой дешевой цене и в наиболее простой форме, было бы в среднем достаточно для «предупреждения заболеваний, вызываемых голодом». Доктор Смит, медицинский уполномоченный, установил, что 28000 гранов углерода и 1330 гранов азота в неделю составляют тот минимум, который может поддерживать жизнь среднего взрослого человека... ровно на том уровне, ниже которого начинаются заболевания, вызываемые голодом; он обнаружил, далее, что это количество почти в точности соответствует той скудной пище, которой под гнетом крайней нужды фактически вынуждены довольствоваться рабочие хлопчатобумажных фабрик*. Но слушайте дальше! Тот же ученый доктор спустя некоторое время был снова послан медицинским инспектором Тайного совета для обследования питания беднейшей части рабочего класса. Результаты его изысканий изложены в «Шестом отчете о здоровье населения», изданном по распоряжению парламента в нынешнем году[5]. Что же обнаружил этот доктор? Что питание ткачей шелка, швей, перчаточников, чулочников и т. д. в среднем** хуже пайка безработных хлопчатобумажной промышленности и не содержит даже того количества углерода и азота, которого «как раз достаточно для предупреждения заболеваний, вызываемых голодом».

«Мало того», — читаем мы в отчете, — «при обследовании семей, принадлежащих к сельскохозяйственному населению, оказалось, что более одной пятой этих семей не получает необходимого минимума углеродистой пищи, что более одной трети этих семей не получает необходимого минимума азотистой пищи и что в трех графствах (Беркшир, Оксфордшир и Сомерсетшир) недостаток азотистой пищи был обычным явлением». «Следует вспомнить», — добавляет официальный отчет, — «что значительное ухудшение питания становится фактом лишь после упорного

* Вряд ли нужно напоминать читателю, что углерод и азот, наряду с водой и некоторыми неорганическими веществами, составляют сырье для человеческой пищи. Однако для питания человеческого организма эти простые химические составные части должны быть доставляемы в виде растительных или животных веществ; картофель, например, содержит главным образом углерод, между тем как пшеничный хлеб содержит углерод и азот в надлежащей пропорции.

** В немецком тексте добавлено: «из года в год». *Ред.*

противодействия и что, как правило, оно следует за другими лишениями... Даже поддержание чистоты становится дорогим или затруднительным, и если еще из чувства собственного достоинства и делаются попытки поддерживать ее, то всякая такая попытка ведет к новым мукам голода». «Это наводит на грустные размышления, особенно если вспомнить, что бедность, о которой идет речь, вовсе не является заслуженным наказанием за леность; это — во всех случаях бедность трудящегося населения. На самом деле труд, за который рабочие получают это скудное питание, в большинстве случаев оказывается чрезвычайно продолжительным».

Отчет приводит странный и весьма неожиданный факт, что «из всех частей Соединенного королевства» — Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии — «именно в Англии», в самой богатой части королевства, «сельскохозяйственное население питается всего хуже»; но даже сельскохозяйственные рабочие Беркшира, Оксфордшира и Сомерсетшира питаются лучше, чем огромное число квалифицированных рабочих домашней промышленности в восточной части Лондона.

Таковы официальные данные, опубликованные по распоряжению парламента в 1864 г., в золотой век свободной торговли, в то самое время, когда канцлер казначейства сообщал палате общин, что

«в положении среднего рабочего в Великобритании наступило улучшение, которое надо признать исключительным и не имевшим себе равного ни в одной стране и ни в одну эпоху».

Этому официальному славословию резко противоречит сухое замечание официального отчета о здоровье населения:

«Под общественным здравием страны подразумевается здоровье масс ее населения, а эти массы вряд ли будут здоровы, если вплоть до самых их низов не будет обеспечено хоть некоторое благосостояние».

Ослепленный пляской статистических цифр в отчетах о прогрессе нации, канцлер казначейства восклицает в диком восторге:

«С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны повысился на 6%... За восемь лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основу доход 1853 г., на 20%! Факт столь поразительный, что он представляется почти невероятным!.. Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи», — добавляет г-н Гладстон, — «всецело ограничивается имущими классами!»[6].

Если вы хотите узнать, при каких условиях, влекущих за собой потерю здоровья, деморализацию и умственное вырождение, создавалось и создается рабочим классом это «ошеломляющее увеличение богатства и мощи, всецело ограничивающееся имущими классами», то взгляните на описание типографий, портняжных и швейных мастерских в последнем «Отчете о здоровье населения»![7] Сопоставьте с этим изданный в 1863 г.

«Отчет комиссии по обследованию условий детского труда», где, например, сообщается, что

«гончары, как мужчины, так и женщины, в физическом и умственном отношениях являются наиболее вырождающейся категорией населения», что «нездоровый ребенок, в свою очередь, становится нездоровым родителем», что «прогрессирующее ухудшение расы неизбежно» и что «вырождение населения Стаффордшира было бы еще более значительным, если бы не постоянный приток из соседних местностей и не браки с более здоровыми группами населения»[8].

Просмотрите Синюю книгу г-на Трименхира «Жалобы пекарей-поденщиков»![9] А кого не заставило содрогнуться парадоксальное заявление фабричных инспекторов, подтвержденное официальной статистикой рождений и смертности, что состояние здоровья ланкаширских рабочих, хотя и посаженных на голодный паек, фактически улучшилось, потому что, вследствие хлопкового голода, они временно прекратили работу на хлопчатобумажных фабриках, что смертность детей в этот период уменьшилась, так как матери получили, наконец, возможность кормить их грудью, а не опиумной микстурой Годфри.

Но взглянем еще раз на лицевую сторону медали! Отчет о подоходном и поимущественном налоге, представленный палате общин 20 июля 1864 г., показывает нам, что, по оценке сборщика, число лиц с ежегодным доходом в 50000 ф. ст. и выше увеличилось с 5 апреля 1862 по 5 апреля 1863 г. на тринадцать, то есть возросло за один этот год с 67 до 80. Из этого же отчета обнаруживается, что приблизительно 3000 человек ежегодно делят между собой доход в 25000000 ф. ст., сумму, превышающую ту сумму, которая приходится ежегодно на долю всей массы сельскохозяйственных рабочих Англии и Уэльса. Посмотрите перепись 1861 г., и вы увидите, что число землевладельцев мужского пола в Англии и Уэльсе уменьшилось с 16934 в 1851 до 15066 в 1861 году; это означает, что концентрация земли за 10 лет выросла на 11%. Если в Англии концентрация земельной собственности в руках немногих будет и далее происходить с такой же скоростью, то земельный вопрос чрезвычайно упростится, как это было в Римской империи, когда Нерон злорадно усмехнулся, услышав, что половина африканской провинции принадлежит шести владельцам.

Мы так подробно остановились на этих «фактах, столь поразительных, что они представляются почти невероятными», потому что Англия занимает первое место в Европе в отношении торговли и промышленности*, Вспомните, что несколько ме-

* В немецком тексте добавлено: «и фактически представляет ее на мировом рынке». *Ред.*

сяцев назад один из эмигрировавших сыновей Луи-Филиппа публично поздравлял английских сельскохозяйственных рабочих с их участью, которая якобы лучше участи их менее счастливых товарищей по ту сторону Ла-Манша. В самом деле, при несколько измененных местных условиях и в меньшем масштабе, те же факты, что и в Англии, повторяются во всех промышленных и передовых странах континента. Во всех этих странах с 1848 г. имело место неслыханное развитие промышленности и никому не снившееся расширение ввоза и вывоза. Во всех этих странах «увеличение богатства и могущества, всецело ограничивающееся имущими классами», действительно было «ошеломляющим». Во всех этих странах, так же как и в Англии, реальная заработная плата* слегка повысилась для меньшинства рабочего класса, тогда как для большинства повышение денежной заработной платы так же мало означало реальное увеличение благосостояния, как, например, для обитателей лондонского дома для бедных или сиротского приюта — тот факт, что необходимые для их содержания продукты в 1861 г. стоили 9 ф. ст. 15 шилл. 8 пенсов вместо 7 ф. ст. 7 шилл. 4 пенсов в 1852 году. Повсюду широкие массы рабочего класса опускались все ниже и ниже, по меньшей мере в такой же степени, в какой стоящие над ними классы поднимались вверх по общественной лестнице. Во всех странах Европы теперь стало очевидной истиной для каждого непредубежденного ума и отрицается только людьми, заинтересованными в том, чтобы убаюкивать других ложными надеждами, что ни усовершенствование машин**, ни применение науки к производству, ни улучшение средств сообщений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни новые рынки, ни свободная торговля, ни все это вместе взятое не устранит нищеты трудящихся масс; что на современной порочной основе всякое дальнейшее развитие производительной силы труда неизбежно углубляет общественные контрасты и обостряет общественные антагонизмы. Во время этой «ошеломляющей» эпохи экономического прогресса голодная смерть в столице Британской империи почти приобрела характер общественного установления. Эта эпоха отмечена в летописях мира все более частыми повторениями, все более обширными размерами и все более гибельными результатами социальной чумы, именуемой торгово-промышленным кризисом.

* В немецком тексте добавлено: «то есть количество продуктов питания, которое может быть приобретено на получаемую денежную плату». *Ред.*

** В немецком тексте добавлено: «ни химические открытия». *Ред.*

После неудачи революции 1848 г. все партийные организации и органы партийной печати рабочего класса на континенте были уничтожены грубым насилием, наиболее передовые сыны рабочего класса в отчаянии бежали в заатлантическую республику, и недолговечные мечты об освобождении исчезли с наступлением эпохи промышленной лихорадки, нравственного разложения и политической реакции. Поражение рабочего класса на континенте, которому отчасти способствовала дипломатия английского правительства, действовавшего тогда, как и теперь, в братском союзе с санкт-петербургским кабинетом, распространило вскоре свое заразительное действие и по эту сторону Ла-Манша. Поражение братьев по классу на континенте привело английский рабочий класс в уныние и подорвало в нем веру в свое собственное дело, а земельным и денежным магнатам оно вернуло их несколько поколебленную самоуверенность. Они нагло взяли обратно уступки, о которых уже было объявлено. Открытие новых золотоносных земель вызвало огромную эмиграцию, в результате которой британский пролетариат понес невозместимые потери. Другие, ранее активные его представители, соблазненные временным увеличением количества работы и заработной платы, превратились в «политических штрейкбрехеров». Все попытки поддержать или преобразовать чартистское движение потерпели решительную неудачу; органы печати рабочего класса один за другим прекратили свое существование вследствие равнодушия масс; в самом деле, никогда ранее рабочий класс Англии, казалось, не мирился до такой степени с положением политического ничтожества. Если раньше между рабочим классом Англии и рабочим классом континента не было солидарности в действиях, то теперь во всяком случае наблюдалась солидарность в поражении.

И все же истекший со времени революций 1848 г. период имел и положительные черты. Отметим здесь лишь два крупных факта.

После тридцатилетней борьбы, которую английский рабочий класс вел с изумительным упорством, он использовал временный раскол между землевладельческой и денежной аристократией, чтобы добиться билля о десятичасовом рабочем дне[10]. Чрезвычайно благотворные последствия этого билля для фабричных рабочих в физическом, нравственном и умственном отношении, отмечаемые каждые полгода в отчетах фабричных инспекторов, стали теперь общепризнанными. Большинство европейских правительств должны были принять, с более или менее значительными изменениями, английский фабричный закон, и сам английский парламент вынужден ежегодно расширять сферу

действия этого закона. Но в этом мероприятии для рабочих, помимо его практического значения, было еще нечто другое, что содействовало его удивительному успеху. Устами своих известнейших ученых, вроде д-ра Юра, профессора Сениора и других мудрецов того же сорта, буржуазия предсказывала и без конца твердила, что всякое законодательное ограничение рабочего времени должно прозвучать похоронным звоном для британской промышленности, которая, подобно вампиру, может существовать лишь питаясь кровью, да притом еще детской кровью. В старину убийство детей принадлежало к таинствам религии Молоха, но практиковалось оно лишь в некоторых высокоторжественных случаях, не чаще, вероятно, одного раза в год; притом Молох не обнаруживал исключительной склонности к детям бедняков. Эта борьба вокруг законодательного ограничения рабочего времени велась с тем большим ожесточением, что, независимо от испуга жаждущих прибыли, здесь дело шло о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем заключается политическая экономия рабочего класса. Поэтому билль о десятичасовом рабочем дне был не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса.

Но предстояла еще более значительная победа политической экономии труда над политической экономией собственности[*]. Мы говорим о кооперативном движении, в частности о кооперативных фабриках, основанных без всякой поддержки усилиями немногих смелых «рук». Значение этих великих социальных опытов не может быть переоценено. Не на словах, а на деле рабочие доказали, что производство в крупных размерах и ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих; они доказали, что для успешного производства орудия труда вовсе не должны быть монополизированы в качестве орудий господства над рабочим и для его ограбления и что, подобно рабскому и крепостному труду, наемный труд — лишь преходящая и низшая[**] форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с готовностью и воодушевлением.

[*] В немецком тексте вместо слов «политической экономии собственности» напечатано: «политической экономии капитала». *Ред.*

[**] В немецком тексте добавлено: «общественная». *Ред.*

В Англии семена кооперативной системы были посеяны Робертом Оуэном; опыты, произведенные рабочими на континенте, представляют собой по существу практический вывод из теорий, не изобретенных, но провозглашенных во всеуслышание в 1848 году.

В то же время опыт периода 1848—1864 гг. неоспоримо доказал*, что как бы кооперативный труд ни был превосходен в принципе и полезен на практике, он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополии, ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, пока он не выходит за узкий круг случайных усилий отдельных рабочих. Именно поэтому, вероятно, благонамеренные аристократы, буржуазные болтуны-филантропы и даже изворотливые экономисты — все как один вдруг стали расточать вызывающие отвращение похвалы той самой системе кооперативного труда, которую они тщетно старались погубить в зародыше, которую они осмеивали как утопию мечтателей или клеймили как кощунство социалистов. Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства. Но магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь воздвигать всевозможные препятствия на его пути. Вспомните, с какой насмешкой лорд Пальмерстон во время последней парламентской сессии обрушился на защитников билля о правах ирландских арендаторов: палата общин, — воскликнул он, — есть палата землевладельцев[11].

Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса. Рабочие, по-видимому, поняли это, так как в Англии, Германии, Италии и Франции одновременно началось оживление и одновременно были предприняты шаги в целях политической реорганизации рабочей партии.

Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание. Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных

* В немецком тексте добавлено: «положение, которое виднейшие вожди рабочего класса уже в 1851—1852 гг. отстаивали применительно к кооперативному движению в Англии». *Ред.*

усилий. Эта мысль побудила рабочих разных стран, собравшихся 28 сентября 1864 г. на публичном митинге в Сент-Мартинс-холле, основать Международное Товарищество.

Еще одно убеждение воодушевляло участников этого собрания.

Если освобождение рабочего класса требует братского сотрудничества рабочих*, то как же они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство парода? Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана[12]. Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу, огромные и не встречавшие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанность — самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность — объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами.

Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Написано К. Марксом
между 21 и 27 октября 1864 г.

Напечатано в брошюре «Address and Provisional Rules of the Working Men's International Association, Established September 28, 1864, at a Public Meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London», изданной в Лондоне в ноябре 1864 г. Авторский перевод на немецкий язык напечатан в газете «Social-Demokrat» №№ 2 и 3, 21 и 30 декабря 1864 г.

Печатается по тексту брошюры, сверенному с текстом газеты «Social-Demokrat»

Перевод с английского

---

* В немецком тексте добавлено: «разных стран». *Ред.*

К. МАРКС

ВРЕМЕННЫЙ УСТАВ ТОВАРИЩЕСТВА[13]

Принимая во внимание:

что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза рабочего класса разных стран;

что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

что нынешний новый подъем движения рабочего класса в наиболее развитых промышленных странах Европы, вызывая

новые надежды, служит вместе с тем серьезным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения все еще разрозненных движений;

принимая во внимание указанные соображения, нижеподписавшиеся члены комитета, уполномоченные на это постановлением публичного собрания, состоявшегося 28 сентября 1864 г. в Сент-Мартинс-холле в Лондоне, предприняли необходимые шаги для основания Международного Товарищества Рабочих.

Они заявляют, что это Международное Товарищество и все вступившие в него общества и отдельные лица будут признавать истину, справедливость и нравственность основой в своих отношениях друг к другу и ко всем людям, независимо от цвета их кожи, их верований или национальности.

Они считают долгом человека требовать прав человека и гражданина не только для себя самого, но и для всякого человека, выполняющего свои обязанности. Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав[14].

Исходя из всего этого они составили следующий Временный Устав Международного Товарищества:

1. Настоящее Товарищество основано для того, чтобы служить центром сношений и сотрудничества между рабочими обществами, существующими в различных странах и преследующими одинаковую цель, а именно — защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса.

2. Общество принимает название «Международное Товарищество Рабочих».

3. В 1865 г. в Бельгии будет созван общий рабочий конгресс, состоящий из представителей тех рабочих обществ, которые к тому времени присоединятся к Международному Товариществу. Конгресс призван провозгласить перед лицом Европы общие стремления рабочего класса, утвердить окончательный устав Международного Товарищества, обсудить пути и средства для его успешной деятельности и назначить Центральный Совет Товарищества[15]. Общий конгресс созывается один раз в год.

4. Центральный Совет заседает в Лондоне; в его состав входят рабочие различных стран, представленных в Международном Товариществе. Он избирает из своей среды должностных лиц, необходимых для ведения дел, а именно: председателя, казначея, генерального секретаря, секретарей-корреспондентов для разных стран и т. д.

5. На своих ежегодных заседаниях общий конгресс заслушивает гласный отчет о годичной деятельности Центрального

Совета. Центральный Совет, ежегодно назначаемый конгрессом, имеет право пополнять свой состав новыми членами. В случае крайней необходимости Центральный Совет может созвать общий конгресс ранее установленного годичного срока.

6. Центральный Совет служит международным органом, осуществляющим связь между различными сотрудничающими обществами, добиваясь того, чтобы рабочие одной страны были постоянно осведомлены о движении их класса во всех других странах; чтобы одновременно и под общим руководством проводилось обследование социальных условий в различных странах Европы; чтобы вопросы, поднятые в одном обществе, но представляющие общий интерес, обсуждались всеми и чтобы в тех случаях, когда требуются немедленные практические меры, например в случае международных конфликтов, все общества, входящие в Товарищество, действовали одновременно и согласованно. Во всех надлежащих случаях Центральный Совет берет на себя инициативу внесения предложений в различные национальные или местные общества.

7. Так как успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией, а, с другой стороны, польза, приносимая международным Центральным Советом, в значительной степени зависит от того, будет ли он иметь дело с немногими национальными центрами рабочих товариществ или с множеством мелких и разрозненных местных обществ, то члены Международного Товарищества должны, каждый в своей стране, приложить все усилия для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации, представленные национальными центральными органами. Само собой разумеется, однако, что применение этой статьи устава зависит от особенностей законов каждой страны и что, независимо от наличия препятствий, чинимых законами, самостоятельным местным обществам не возбраняется входить в непосредственные сношения с Центральным Советом в Лондоне.

8. До созыва первого конгресса комитет, избранный 28 сентября 1864 г., действуя в качестве Временного Центрального Совета, приложит усилия к установлению связей между рабочими организациями различных стран, привлечению членов в Соединенном королевстве, проведению подготовительных мер к созыву общего конгресса и обсуждению с национальными и местными обществами основных вопросов, которые должны быть предложены этому конгрессу.

9. Каждый член Международного Товарищества, переезжающий на жительство из одной страны в другую, получит

братскую поддержку со стороны объединенных в Товариществе рабочих.

10. Объединяясь в нерушимый союз братского сотрудничества, рабочие общества, вступающие в Международное Товарищество, сохраняют, однако, в неприкосновенности свои существующие организации.

Написано К. Марксом между 21 и 27 октября 1864 г.

Напечатано в брошюре «Address and Provisional Rules of the Working Men's International Association, Established September 28, 1864, at a Public Meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London», изданной в Лондоне в ноябре 1864 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИЙ ОБ УСЛОВИЯХ ПРИЕМА РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ [16]

I

Обратиться к рабочим организациям с приглашением присоединяться к Товариществу в коллективном порядке, предоставив им определить размер своих взносов по своему усмотрению, в зависимости от средств, которыми они располагают.

II

Общества, присоединяющиеся к Товариществу, получают право избрать по одному представителю в состав Центрального Совета; Совет оставляет за собой право принять или отвергнуть этих делегатов*.

Внесено К. Марксом 22 ноября 1864 г.

Напечатано в «The Bee-Hive Newspaper» № 163, 26 ноября 1864 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета, сверенному с текстом газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* В отчете о заседании Совета, помещенном в «Bee-Hive Newspaper» № 163, 26 ноября 1864 г., вторая резолюция сформулирована следующим образом: «Лондонские общества, присоединяющиеся к Товариществу, получают право избрать по одному представителю в состав Центрального Совета; Совет оставляет за собой право принять или отвергнуть этих представителей. Что касается обществ вне Лондона, желающих присоединиться к Товариществу, то им предоставляется право избрать одного из своих членов в качестве корреспондента». *Ред.*

К. МАРКС

ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ АВРААМУ ЛИНКОЛЬНУ [17]

Милостивый государь!

Мы шлем поздравления американскому народу в связи с Вашим переизбранием огромным большинством.

Если умеренным лозунгом Вашего первого избрания было сопротивление могуществу рабовладельцев, то победный боевой клич Вашего вторичного избрания гласит: смерть рабству!

С самого начала титанической схватки в Америке рабочие Европы инстинктивно почувствовали, что судьбы их класса связаны со звездным флагом. Разве борьба за территории, которая положила начало этой суровой эпопее, не должна была решить, будет ли девственная почва необозримых пространств предоставлена труду переселенца или опозорена поступью надсмотрщика над рабами?

Когда олигархия 300000 рабовладельцев дерзнула впервые в мировой истории написать слово «рабство» на знамени вооруженного мятежа, когда в тех самых местах, где возникла впервые, около ста лет назад, идея единой великой демократической республики, где была провозглашена первая декларация прав человека[18] и был дан первый толчок европейской революции XVIII века, когда в тех самых местах контрреволюция с неизменной последовательностью похвалялась тем, что упразднила «идеи, господствовавшие в те времена, когда создавалась прежняя конституция», заявляя, что «рабство — благодетельный институт, единственное, в сущности, решение великой проблемы отношения капитала к труду», и цинично провозглашала собственность на человека «краеугольным камнем нового здания», — тогда рабочий класс Европы понял сразу, — еще

раньше, чем фанатичное заступничество высших классов за дело джентри-конфедератов послужило для него зловещим предостережением, — что мятеж рабовладельцев прозвучит набатом для всеобщего крестового похода собственности против труда и что судьбы трудящихся, их надежды на будущее и даже их прошлые завоевания поставлены на карту в этой грандиозной войне по ту сторону Атлантического океана. Поэтому рабочий класс повсюду терпеливо переносил лишения, в которые вверг его хлопковый кризис[19], горячо выступал против интервенции в пользу рабовладения, которой настойчиво добивались власть имущие, — и в большинстве стран Европы внес свою дань крови за правое дело.

Пока рабочие — подлинная политическая сила Севера — позволяли рабству осквернять их собственную республику, пока перед негром, которого покупали и продавали, не спрашивая его согласия, они кичились высокой привилегией белого рабочего самому продавать себя и выбирать себе хозяина, — они не были в состоянии ни добиться истинной свободы труда, ни оказать своим европейским братьям поддержку в их борьбе за освобождение; но это препятствие на пути к прогрессу теперь снесено кровавой волной гражданской войны.

Рабочие Европы твердо верят, что, подобно тому как американская война за независимость положила начало эре господства буржуазии, так американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса. Предвестие грядущей эпохи они усматривают в том, что на Авраама Линкольна, честного сына рабочего класса, пал жребий провести свою страну сквозь беспримерные бои за освобождение порабощенной расы и преобразование общественного строя,

Подписано от имени Международного Товарищества Рабочих Центральным Советом: ***Ле Любе*** — секретарь-корреспондент для Франции, ***Ф. Рыбчинский*** (Польша), ***Эмиль Холторп*** (Польша), ***Ж. Б. Бокке, Г. Юнг*** — секретарь-корреспондент для Швейцарии, ***Морисо, Джордж У. Уилер, Ж. Денуаль, П. Бордаж, Леру, Таландье, Журден, Дюпон, Р. Грей, Д. Лама, Сетаччи, Ф. Солюстри, П. Альдовранди, Дж. Баньягатти, Дж. П. Фонтана*** — секретарь-корреспондент для Италии, ***Дж. Лейк, Дж. Бакли, Дж. Хауэлл, Дж. Осборн, Дж. Д. Стейнсби, Дж. Гросмит, Г. Эккариус, Фридрих Лесснер, Вольф,***

К. Кауб, Генрих Боллетер, Людвиг Отто, Н. П. Хансен **(Дания),** ***Карл Пфендер, Георг Лохнер, Петер Петерсен, Карл Маркс*** **—** секретарь-корреспондент для Германии, ***А. Дик, Л. Вольф, Дж. Уитлок, Дж. Картер, У. Морган, Уильям Делл, Джон Уэстон, Питер Фокс, Роберт Шо, Джон Лонгмейд, Роберт Генри Сайд, Уильям Уорли, Блакмор, Р. Хартуэлл, У. Пиджин, Б. Лекрафт, Дж. Найасс,***

Дж. ***Оджер*** — председатель Совета, ***Уильям Р. Кример*** — почетный генеральный секретарь.

Написано К. Марксом между 22 и 29 ноября 1864 г.

Напечатано в «The Bee-Hive Newspaper» № 169, 7 января 1865 г.

Печатается по тексту письменного адреса, сверенному с текстом газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «BEOBACHTER»[20]

28 ноября 1864 г.
1, Модена-Виллас, Мейтленд-парк,
Хаверсток-Хилл, Лондон

Господин редактор!

Прошу Вас поместить прилагаемый документ, касающийся г-на *Карла Блинда*[*].

То же самое заявление и в такой же форме — в виде письма в редакцию штутгартского «Beobachter» — послано мною для опубликования нескольким прусским газетам, и я ditto[**] приму меры к напечатанию его в *здешней немецкой газете,* так что ответственность за него несу исключительно я.

Уважающий Вас

К. Маркс

Напечатано в газете «Der Beobachter» № 282, 3 декабря 1864 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] См. следующую статью. *Ред.*
[**] — также. *Ред.*

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «BEOBACHTER» В ШТУТГАРТЕ [21]

Милостивый государь!

При посредстве своего подставного лица, д-ра Броннера из Брадфорда, *г-н Карл Блинд* отправил Вам послание, написанное *г-ном Карлом Блиндом,* в интересах *г-на Карла Блинда* и по поводу *г-на Карла Блинда,* где среди прочих курьезов проскользнула следующая фраза:

«К исчерпанному путем всесторонних разъяснений и снова извлеченному редакцией на свет божий старому спору» по поводу листовки «Предостережение», направленной против Фогта, «я здесь не желаю возвращаться».

Он «не желает возвращаться»! Какое великодушие!

В доказательство того, что самонадеянное тщеславие г-на Карла Блинда то и дело заставляет г-на Карла Блинда выходить за пределы чистого комизма, достаточно упомянуть о *моей работе* против *Фогта*[22]. Из ответа Блинда Вы и Ваши читатели должны вывести заключение, что обвинения, выдвинутые в этой работе против г-на Карла Блинда, *опровергнуты «путем всесторонних разъяснений».* В действительности же г-н Карл Блинд, проявляющий обычно такую страсть к писанию, *ни разу* со времени появления моего сочинения, то есть на протяжении четырех лет, не отважился обмолвиться ни единым словечком и уж тем более «возвращаться к старому спору» со «всесторонними разъяснениями».

Наоборот, *г-н Карл Блинд* успокоился на том, что его заклеймили как *«гнусного лжеца»* (см. стр. 66 и 67 моей работы[23]). Г-н Карл Блинд неоднократно публично заявлял, что он будто бы не *знает, кто* выпустил в свет листовку против Фогта, будто *«он совершенно непричастен к этому делу»* и т. д. Кроме того, г-н Карл Блинд опубликовал свидетельское показание владельца типографии *Фиделио Холлингера,* подкрепленное другим

свидетельским показанием наборщика *Вие, о* том, что листовка якобы не была отпечатана в типографии Холлингера и не исходила от г-на Карла Блинда. В моем сочинении против Фогта приведены *affidavits* (показания, равносильные данным под присягой) наборщика Фёгеле и самого *Вие в полицейском суде на Боу-стрит в Лондоне,* которыми доказано, что тот же самый г-н Карл Блинд *написал рукопись* листовки, *отдал* ее *для напечатания* в типографию Холлингера, *собственноручно правил* корректурные листы и что для опровержения этих фактов он *состряпал ложное показание,* посулив за это ложное показание деньги от имени Холлингера и благодарность в будущем от своего собственного имени, *выманил подпись у наборщика Вие* и, наконец, отправил этот состряпанный им фальшивый документ с добытой им самим подписью Вие в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung»[24] и другие немецкие газеты как полное благородного негодования доказательство моего *«злостного измышления».*

Пригвожденный таким образом к позорному столбу, г-н *Карл Блинд* умолк. Почему? Потому что (см. стр. 69 моей работы[25]) он мог опровергнуть опубликованные мною *affidavits* только посредством *контр-affidavits,* но при этом, однако, он предстал бы «перед внушающим серьезные опасения английским судом», где «с *уголовными делами шутки плохи».*

В упомянутом послании в Вашу газету содержатся также фантастические сообщения относительно американских подвигов г-на *Карла Блинда.* Для выяснения этого вопроса разрешите мне привести выдержку из письма *И. Вейдемейера,* которое было мною получено несколько дней тому назад. Как вы, вероятно, помните, *И. Вейдемейер* редактировал в свое время вместе с О. Люнингом «Neue Deutsche Zeitung»[26] во Франкфурте и был всегда одним из лучших борцов немецкой рабочей партии. Вскоре после начала Гражданской войны в Америке он вступил в ряды федералистов. Фримонт вызвал его в Сент-Луис, где он служил сперва капитаном в местном корпусе инженерных войск, затем подполковником в артиллерийском полку, а когда недавно штату Миссури снова угрожало вражеское вторжение, он получил вдруг приказ организовать 41-й полк миссурийских волонтеров, во главе которого он находится сейчас в чине полковника. Из Сент-Луиса, главного города штата Миссури, где стоит его полк, *Вейдемейер* сообщает следующее:

«В приложении ты найдешь вырезку из одной здешней газеты *«Westliche Post»*[27], в которой литературный мародер *Карл Блинд* опять с невероятно важным видом разглагольствует якобы от имени «немецких республиканцев». Правда, здешним людям довольно-таки безразлично, каким образом он искажает стремления и агитацию *Лассаля:* тот, кто читал работы последнего, знает, как ему отнестись к *шутовству Блинда;* но кто не дал

себе труда ознакомиться несколько поближе с лассалевской агитацией, может, пожалуй, доверчиво восхищаться мудростью и «стойкостью убеждений» этого великого баденца, заговорщика par excellence* и члена всех тайных обществ и будущих временных правительств; суждения его никакого значения не имеют. *К тому же люди здесь сейчас слишком заняты другими делами, чтобы интересоваться протестами Блинда.* Но на родине несомненно стоило бы как следует ударить по рукам этого *важничающего шута,* и потому я посылаю тебе эту статью, которая служит только образчиком его прежних творений подобного же рода».

Присланная И. Вейдемейером вырезка из *«Westliche Post»* озаглавлена *«Республиканский протест, Лондон, 17 сентября 1864* г.» и является *американским изданием «Республиканского протеста»,* который все тот же неизбежный *г-н Карл Блинд* поместил одновременно под тем же заглавием в «Neue Frankfurter Zeitung»[28], а затем со свойственным ему муравьиным трудолюбием переслал в лондонскую газету «Hermann»[29] в виде перепечатки из «Neue Frankfurter Zeitung».

Сравнение обоих изданий блиндовской стряпни показало бы, что тот же самый г-н Карл Блинд, который во Франкфурте и в Лондоне заявляет протест с честно-республиканско-катоновской горестной миной, в то же самое время в отдаленном Сент-Луисе без всяких стеснений дает волю своей самой злостной глупости и пошлейшей наглости. Сравнение обоих изданий протеста, которое здесь не к месту, дало бы, кроме того, новый презабавный материал для выяснения методов фабрикации писем, циркуляров, памфлетов, протестов, предостережений, защитительных статей, воззваний, обращений и тому подобных глубокомысленно-торжественных политических рецептов Блинда, от которых столь же трудно избавиться, как от пилюль г-на Холлуэя или от солодового экстракта г-на Хоффа.

Я далек от намерения разъяснять значение такой личности, как *Лассаль,* и подлинную тенденцию его агитации этому нелепому Мадзини-Скапену**, за которым не стоит ничего, кроме его собственной тени. Наоборот, я убежден, что, лягая *мертвого льва,* г-н *Карл Блинд* выполняет лишь то призвание, которым наделили его природа и Эзоп[30].

Карл Маркс

28 ноября 1864 г.
1, Модена-Виллас, Мейтленд-парк, *Лондон*

Напечатано в газете «Nordstern» № 287, 10 декабря 1864 г.

Печатается по копии с рукописи, переписанной женой Маркса Женни Маркс и выправленной автором

Перевод с немецкого

* — по преимуществу. *Ред.*

** В газете «Nordstern» вместо «einem grotesken Mazzini-Scapin» напечатано; «einem grotesken Clown» (нелепому клоуну). *Ред.*

К. МАРКС

О ПРУДОНЕ

(ПИСЬМО И. Б. ШВЕЙЦЕРУ)[31]

Лондон, 24 января 1865 г.

Милостивый государь!

Я получил вчера письмо, в котором Вы требуете от меня подробной оценки *Прудона.* Недостаток времени не позволяет мне удовлетворить Ваше желание. К тому же здесь у меня нет под рукой *ни одного* из его произведений. Однако в доказательство своей готовности пойти Вам навстречу, я наскоро сделал краткий набросок. Вы его можете потом пополнить, сделать к нему добавления, сократить его, — словом, делать с ним, что Вам заблагорассудится[*].

Первых опытов Прудона я уже не помню. Его ученическая работа о *«Всемирном языке»*[32] показывает, с какою бесцеремонностью брался он за проблемы, для решения которых ему недоставало даже самых элементарных знаний.

Его первое произведение *«Что такое собственность?»*[33] является безусловно самым лучшим его произведением. Оно составило эпоху, если не новизной своего содержания, то хотя бы повой и дерзкой манерой говорить старое. В произведениях известных ему французских социалистов и коммунистов *«propriete»*[**], разумеется, не только была подвергнута разносторонней критике, но и утопически *«упразднена».* Этой книгой Прудон стал приблизительно в такое же отношение к Сен-Симону и Фурье, в каком стоял Фейербах к Гегелю. По сравнению с Гегелем Фейербах крайне беден. Однако *после* Гегеля он сделал эпоху, так как выдвинул *на первый план* некоторые неприятные хри-

[*] Мы сочли за лучшее поместить письмо *без всяких изменений. (Примечание редакции газеты «Social-Demokrat».)*

[**] — «собственность». *Ред.*

стианскому сознанию и важные для успехов критики пункты, которые Гегель оставил в мистическом clair-obscur*.

Если можно так выразиться, в этом произведении Прудона преобладает еще сильная мускулатура стиля. И стиль этого произведения я считаю главным его достоинством. Видно, что даже там, где Прудон только воспроизводит старое, для него это самостоятельное открытие; то, что он говорит, для него самого было ново и расценивается им как новое. Вызывающая дерзость, с которой он посягает на «святая святых» политической экономии, остроумные парадоксы, с помощью которых он высмеивает пошлый буржуазный рассудок, уничтожающая критика, едкая ирония, проглядывающее тут и там глубокое и искреннее чувство возмущения мерзостью существующего, революционная убежденность — всеми этими качествами книга *«Что такое собственность?»* электризовала читателей и при первом своем появлении на свет произвела сильное впечатление. В строго научной истории политической экономии книга эта едва ли заслуживала бы упоминания. Но подобного рода сенсационные произведения играют свою роль в науке, так же как и в изящной литературе. Возьмите, например, книгу *Мальтуса «О народонаселении»*[34]. В первом издании это было не что иное, как *«sensational pamphlet»*** и вдобавок — *плагиат* с начала до конца. И все-таки какое сильное впечатление произвел этот *пасквиль на человеческий род!*

Будь книга Прудона у меня под рукой, легко было бы показать на нескольких примерах его *первоначальную манеру* писать. В тех параграфах, которые он сам считал наиболее важными, он подражает в трактовке *антиномий Канту,* — это единственный немецкий философ, с которым он был тогда знаком по переводам, — и создается определенное впечатление, что для него, как и для Канта, разрешение антиномий является чем-то таким, что лежит *«по ту сторону»* человеческого рассудка, то есть что для его собственного рассудка остается неясным.

Несмотря на всю кажущуюся архиреволюционность, уже в «Что такое собственность?» наталкиваешься на противоречие: с одной стороны, Прудон критикует общество с точки зрения и сквозь призму взглядов французского парцелльного крестьянина (позже — *petit bourgeois****), а с другой стороны, прилагает к нему масштаб, заимствованный им у социалистов.

Уже само заглавие указывало на недостатки книги. Вопрос был до такой степени неправильно поставлен, что на него невозможно было дать правильный ответ. *Античные «отношения*

* — полумраке. *Ред.*
** — «сенсационный памфлет». *Ред.*
*** — мелкого буржуа. *Ред.*

собственности» были уничтожены *феодальными,* а феодальные — *«буржуазными».* Сама история подвергла таким образом критике *отношения собственности* прошлого. То, о чем в сущности шла речь у Прудона, была существующая, *современная буржуазная собственность.* На вопрос: что она такое? — можно было ответить только критическим анализом *«политической экономии»,* охватывающей, совокупность этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений,* а в их реальной форме, то есть как *производственных отношений.* Но так как Прудон спутал всю совокупность этих экономических отношений с общим юридическим понятием *«собственность», «la propriete»,* то он и не мог выйти за пределы того ответа, который дал *Бриссо* еще до 1789 г. в тех же словах и в подобном же сочинении[35]: «La propriete c'est le vol»*.

В лучшем случае из этого вытекает только то, что буржуазно-юридические понятия о *«краже»* применимы также к *«честному»* доходу самого буржуа. С другой стороны, ввиду того, что *«кража»,* как насильственное нарушение собственности, сама *предполагает собственность,* Прудон запутался во всевозможных, для него самого неясных, умствованиях относительно *истинной буржуазной собственности.*

Во время моего пребывания в Париже в 1844 г. у меня завязались личные отношения с Прудоном. Я потому упоминаю здесь об этом, что и на мне до известной степени лежит доля вины в его *«sophistication»,* как называют англичане фальсификацию товара. Во время долгих споров, часто продолжавшихся всю ночь напролет, я заразил его, к большому вреду для него, гегельянством, которого он, однако, при незнании немецкого языка не мог как следует изучить. То, что я начал, продолжал после моей высылки из Парижа г-н *Карл Грюн.* В качестве преподавателя немецкой философии он имел передо мною еще то преимущество, что сам ничего в ней не понимал.

Незадолго до появления своего второго крупного произведения — *«Философия нищеты* и т. д.»[36], — Прудон сам известил меня о нем в очень подробном письме, в котором, между прочим, имеются следующие слова: *«J'attends votre ferule critique»***. Действительно, эта критика вскоре обрушилась на него (в моей книге *«Нищета философии* и т. д.», *Париж,* 1847[37]) в такой форме, что навсегда положила конец нашей дружбе.

Из того, что здесь сказано, Вы видите, что в книге Прудона *«Философия нищеты, или Система экономических противоречий»*

---

* — «Собственность — это кража». *Ред.*

** — «Жду вашей строгой критики». *Ред.*

в сущности впервые он давал ответ на вопрос: *«Что такое собственность?».* В самом деле, только после появления своей первой книги Прудон начал свои экономические занятия; он открыл, что на поставленный им вопрос можно ответить не *бранью,* а лишь *анализом* современной *«политической экономии».* В то же время он сделал попытку диалектически изложить систему экономических категорий. Вместо неразрешимых *«антиномий» Канта* теперь в качестве средства развития должно было выступить *гегелевское «противоречие».*

Критику его двухтомного пухлого произведения Вы найдете в моем ответном сочинении. Я показал там, между прочим, как мало проник Прудон в тайну научной диалектики и до какой степени, с другой стороны, он разделяет иллюзии спекулятивной философии, когда, вместо того чтобы видеть в *экономических категориях теоретические выражения исторических, соответствующих определенной ступени развития материального производства, производственных отношений,* он нелепо превращает их в искони существующие, *вечные идеи,* и как таким окольным путем он снова приходит к точке зрения буржуазной экономии*.

Далее я еще показываю, сколь недостаточным, порой просто ученическим, является его знакомство с «политической экономией», критику которой он предпринял, и как вместе с утопистами он гоняется за так называемой *«наукой»,* с помощью которой можно было бы a priori** изобрести формулу для «решения социального вопроса», вместо того, чтобы источником науки делать критическое познание исторического движения, движения, которое само создает *материальные условия освобождения.* Особенно же там показано, насколько неясными, неверными и половинчатыми остаются понятия Прудона об основе всего — *меновой стоимости;* вот почему он видит в утопическом истолковании теории стоимости *Рикардо* основу новой науки. Свое суждение о его общей точке зрения я резюмирую в следующих словах:

«Каждое экономическое отношение имеет свою хорошую и свою дурную сторону — это единственный пункт, в котором г-н Прудон не изменяет самому себе. Хорошая сторона

---

* «Говоря, что существующие отношения — отношения буржуазного производства — являются *естественными,* экономисты хотят этим сказать, что это именно те отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершаются сообразно законам природы. Следовательно, сами эти отношения являются не зависящими от влияния времени *естественными законами.* Это — *вечныв законы,* которые должны всегда управлять обществом. Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет» (см. стр. 113 моей работы[38]).

** — заранее, до опыта, исходя лишь из отвлеченных соображений. *Ред.*

выставляется, по его мнению, экономистами; дурная — изобличается социалистами. У экономистов он заимствует убеждение в необходимости вечных экономических отношений; у социалистов — ту иллюзию, в силу которой они видят в нищете только нищету (вместо того, чтобы видеть в ней революционную, разрушительную сторону, которая ниспровергнет старое общество*). Он соглашается и с теми и с другими, пытаясь сослаться при этом на авторитет науки. Наука же сводится в его представлении к тощим размерам некоторой научной формулы; он находится в вечной погоне за формулами. Вот почему г-н Прудон воображает, что он дал критику как политической экономии, так и коммунизма; на самом деле он стоит ниже их обоих. Ниже экономистов — потому, что он как философ, обладающий магической формулой, считает себя избавленным от необходимости вдаваться в чисто экономические детали; ниже социалистов — потому, что у него не хватает ни мужества, ни проницательности для того, чтобы подняться — хотя бы только умозрительно — выше буржуазного кругозора ...

Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь *мелким буржуа,* постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом»**.

Как ни сурово звучит этот приговор, я и теперь подписываюсь под каждым его словом. При этом, однако, не следует забывать, что в то время, когда я объявил книгу Прудона кодексом социализма petit bourgeois и теоретически это доказал, экономисты, а вместе с ними и социалисты все еще предавали Прудона анафеме как завзятого ультрареволюционера. Вот почему я и позднее никогда не присоединял своего голоса к тем, кто кричал о его *«измене»* революции. Не его вина, если, с самого начала ложно понятый как другими, так и самим собой, он не оправдал необоснованных надежд.

В противоположность к *«Что такое собственность?»* в *«Философии нищеты»* все недостатки прудоновской манеры изложения очень невыгодно бросаются в глаза. Стиль сплошь и рядом *am poule****, как говорят французы. Высокопарная спекулятивная тарабарщина, выдаваемая за немецкую философскую манеру, выступает повсюду, где ему изменяет галльская острота ума. Так и режет ухо самохвальство, базарно-крикливый, рекламный тон, в особенности чванство мнимой *«наукой»,* бесплодная болтовня о ней. Искренняя теплота, которой проникнута его

* Фраза, заключенная в скобки, добавлена Марксом в данной статье. *Ред.*
** Там же, стр. 119, 120[39].
*** — напыщенный. *Ред.*

первая работа, здесь, в определенных местах, систематически подменяется лихорадочно возбужденной декламацией. К тому же это беспомощное и отвратительное старание самоучки щегольнуть своей ученостью, самоучки, у которого естественная гордость оригинальностью и самостоятельностью своего мышления уже сломлена и который, вследствие этого, как parvenu* в науке, воображает, что должен чваниться тем, что ему не присуще и чего у него совсем нет. И вдобавок эта психология мелкого буржуа, который до непристойности грубо, неостроумно, неглубоко и прямо-таки неправильно обрушивается на такого человека, как *Кабе,* заслуживающего уважения за его практическую роль в движении французского пролетариата[40]; зато он весьма учтив, например, по отношению к *Дюнуайе* (как-никак «государственный советник»), хотя все значение этого Дюнуайе заключается в комичной серьезности, с какой он на протяжении трех толстых и невыносимо скучных томов[41] проповедует ригоризм, так охарактеризованный Гельвецием: *«On veut que les malheureux soient parfaits».* (От несчастных требуют совершенства.)

Февральская революция произошла для Прудона действительно совсем некстати, ведь он всего лишь за несколько недель до нее неопровержимо доказал, что *«эра революций»* навсегда миновала. Его выступление в Национальном собрании, хотя оно и обнаружило, как мало понимал он все происходящее, заслуживает всяческой похвалы[42]. *После* июньского восстания это было актом высокого мужества. Кроме того, его выступление имело тот положительный результат, что г-н *Тьер* в произнесенной против предложений Прудона речи[43], которая потом была издана в виде отдельной брошюры, доказал всей Европе, какой жалкий детский катехизис служил пьедесталом этому духовному столпу французской буржуазии. В сравнении с г-ном *Тьером Прудон* и в самом деле вырастал до размеров допотопного колосса.

Изобретение *«crеdit gratuit»*** и основанного на нем *«народного банка»* («banque du peuple») принадлежит к последним экономическим «подвигам» Прудона. В моей книге *«К критике политической экономии», вып. 1,* Берлин, 1859 (стр. 59—64[44]) доказывается, что теоретическая основа его взглядов имеет своим источником незнание основных элементов буржуазной «политической экономии», а именно — отношения *товаров* к *деньгам,* тогда как практическая надстройка была простым воспроизведением гораздо более старых и значительно лучше разработанных

* — выскочка. *Ред.*

** — «дарового кредита». *Ред.*

проектов. Что кредит — подобно тому, как он, например, в Англии в начале XVIII века, а затем снова в начале XIX века способствовал переходу имущества из рук одного класса в руки другого, — при определенных экономических и политических условиях может содействовать ускорению освобождения рабочего класса, это не подлежит ни малейшему сомнению и разумеется само собой. Но считать *капитал, приносящий проценты, главной формой капитала,* пытаться сделать особое применение кредита, мнимую отмену процента, основой общественного преобразования — это насквозь *мещанская* фантазия. И действительно, мы видим, что эта фантазия подробно развивалась уже *экономическими идеологами английской мелкой буржуазии семнадцатого века.* Полемика Прудона с Бастиа (1850 г.) о капитале, приносящем проценты[45], стоит значительно ниже *«Философии нищеты».* Он доходит до того, что даже Бастиа удается его побить, и он комично неистовствует всякий раз, когда его противник наносит ему удар.

Несколько лет тому назад Прудон написал на конкурс, объявленный, кажется, лозаннскими властями, сочинение о *«Налогах»*[46]. Здесь исчезают и последние следы гениальности, и остается только *petit bourgeois tout pur*[*].

Что касается политических и философских сочинений Прудона, то во всех них обнаруживается тот же самый противоречивый, двойственный характер, что и в экономических работах. К тому же они имеют чисто местное значение — только для Франции. Однако его нападки на религию, церковь и т. д. были большой заслугой в условиях Франции в то время, когда французские социалисты считали уместным видеть в религиозности знак своего превосходства над буржуазным вольтерьянством XVIII века и немецким безбожием XIX века. Если Петр Великий варварством победил русское варварство, то Прудон сделал все от него зависящее, чтобы фразой победить французское фразерство.

Его книгу о *«Государственном перевороте»*[47] надо рассматривать не просто как плохое произведение, а как прямую подлость, которая, однако, вполне соответствует его мелкобуржуазной точке зрения; здесь он заигрывает с Луи Бонапартом и действительно старается сделать его приемлемым для французских рабочих; таково же его последнее произведение против *Польши*[48], в котором он в угоду царю обнаруживает цинизм кретина.

Прудона часто сравнивали с *Руссо.* Нет ничего ошибочнее такого сравнения. Он скорее похож на *Ник. Ленге,* книга кото-

[*] — чистейший мелкий буржуа. *Ред.*

рого *«Теория гражданских законов»*[49], впрочем, очень талантливое произведение.

Прудон по натуре был склонен к диалектике. Но так как он никогда не понимал подлинно научной диалектики, то он не пошел дальше софистики. В действительности это было связано с его мелкобуржуазной точкой зрения. Мелкий буржуа, так же как и историк *Раумер,* составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны». Таков он в своих экономических интересах, а *потому* и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он in everything*. Он — воплощенное противоречие. А если при этом, подобно Прудону, он человек остроумный, то он быстро привыкает жонглировать своими собственными противоречиями и превращать их, смотря по обстоятельствам, в неожиданные, кричащие, подчас скандальные, подчас блестящие парадоксы. Шарлатанство в науке и политическое приспособленчество неразрывно связаны с такой точкой зрения. У подобных субъектов остается лишь один побудительный мотив — их *тщеславие;* подобно всем тщеславным людям, они заботятся лишь о минутном успехе, о сенсации. При этом неизбежно утрачивается тот простой моральный такт, который всегда предохранял, например, Руссо от всякого, хотя бы только кажущегося компромисса с существующей властью.

Быть может, потомство, характеризуя этот недавний период французской истории, скажет, что Луи Бонапарт был его Наполеоном, а Прудон — его Руссо-Вольтером.

А теперь я всецело возлагаю на Вас ответственность за то, что Вы так скоро после смерти этого человека навязали мне роль его посмертного судьи.

Уважающий Вас

Карл Маркс

Написано 24 января 1865 г.

Напечатано в газете «Social-Demokrat» № 16, 17 и 18; 1, 3 и 5 февраля 1865 г.

Печатается по тексту галеты, сверенному с частично сохранившейся рукописью

Перевод с немецкого

* — во всем. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

БАРИН ТИДМАН

СТАРОДАТСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ [50]

Ранним утром, — светлый день едва настал, —
Барин Тидман одеваться в спальне стал
И красивую сорочку надевал.
Это любят сюдерхардцы.

Обтянув красивою сорочкой стан
И надев зеленый шелковый кафтан,
Он сафьянные сапожки шнуровал.
Это любят сюдерхардцы.

И сафьянные сапожки затянув,
Золоченые к ним шпоры пристегнув,
Он спесиво в Сюдерхарде шел на тинг.
Это любят сюдерхардцы.

И потребовал тотчас, придя на тинг,
Чтоб платил налоги каждый эделинг:
С плуга каждого семь шеффелей зерна.
Это любят сюдерхардцы.

С плуга каждого семь шеффелей зерна,
С четырех свиней — одну, да чтоб жирна.
Но старик один разгневался на то.
Это любят сюдерхардцы.

Но старик один разгневался на то:
«Столько дать не можем мы никто, никто!
Прежде чем нам эту подать заплатить» —
Это любят сюдерхардцы.

«Прежде чем нам эту подать заплатить,
С тинга пусть никто не смеет уходить!
Сюдерхардцы, стойте крепко все стеной!»
Это любят сюдерхардцы.

«Сюдерхардцы, стойте крепко все стеной,
Чтобы Тидман не ушел от нас живой!»
И старик ему дал первый кулаком, —
Это любят сюдерхардцы.

И старик ему дал первый кулаком.
Барин Тидман — сразу наземь кувырком.
Вот лежит он, барин Тидман, кровь вокруг.
Это любят сюдерхардцы.

Вот лежит он, барин Тидман, кровь вокруг;
Но свободно в черноземе ходит плуг,
И свободно свиньи кормятся в лесу.
Это любят сюдерхардцы.

Этот эпизод средневековой крестьянской войны разыгрался в Сюдерхарде («харде» — судебный округ) к северу от Орхуса в Ютландии. На тинге — окружном судебном собрании — помимо судебных разбирались также и податные и административные дела. Песня показывает, как крепнущее дворянство выступало против эделингов, то есть свободных крестьян, а также и те средства, с помощью которых крестьяне умели положить конец дворянским домогательствам. В такой стране, как Германия, где имущие классы включают в себя столько же феодального дворянства, сколько и буржуазии, а пролетариат состоит из такого же или даже большего количества сельскохозяйственных пролетариев, как и промышленных рабочих, — старая бодрая крестьянская песня как раз к месту.

Фридрих Энгельс

Написано около 27 января 1865 г.

Напечатано в газете «Social-Demokrat» № 18, 5 февраля 1865 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «SOCIAL-DEMOKRAT»

ЗАЯВЛЕНИЕ [51]

В номере 16 Вашей газеты г-н М. Гесс из Парижа ставит под подозрение совершенно ему неизвестных *французских членов лондонского Центрального Комитета* Международного Товарищества Рабочих, заявляя следующее:

«Действительно нельзя понять, какое кому дело до того, *что некоторые друзья Пале-Рояля*[52] *состоят также в лондонском обществе;* ведь оно публичное и т. д.»

В одном из прежних номеров, в болтливой заметке о газете *«L'Association»*[53], тот же господин М. Г. пустил в ход аналогичные инсинуации против *парижских друзей* лондонского Комитета. Мы объявляем его инсинуации вздорной клеветой.

Вообще же мы рады, что этот инцидент подтвердил наше убеждение, что парижский пролетариат, как и прежде, непримиримо враждебен бонапартизму в обоих его видах — и в образе Тюильри[54], и в образе Пале-Рояля — и что ни на миг у него не появлялась мысль продать свою историческую честь (или, может быть, надо сказать вместо *«свою историческую честь»* — «свое историческое право первородства как носителя революции»?) за чечевичную похлебку. Мы рекомендуем этот пример немецким рабочим.

Лондон и Манчестер

Написана К. Марксом 6 февраля 1865 г.

Впервые напечатано в книге «Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883». Bd. III, Stuttgart, 1913

Печатается по черновой рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ
и
НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ[55]

Написано Ф. Энгельсом в конце января — 11 февраля 1865 г.

Напечатано отдельной брошюрой в Гамбурге в конце февраля 1865 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

Die

preußische Militärfrage

und die

deutsche Arbeiterpartei.

Von

Friedrich Engels.

Hamburg.

Otto Meißner.

1865.

Титульный лист первого издания брошюры Ф. Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия»

Прения по военному вопросу велись до сих пор исключительно между правительством и феодальной партией, с одной стороны, и либеральной и радикальной буржуазией — с другой. Теперь, когда приближается кризис, настало время высказаться также и рабочей партии.

В критике военных дел, о которых идет речь, мы можем исходить только из существующих реальных отношений. Мы не можем ожидать от прусского правительства, чтобы оно действовало иначе, чем исходя из прусской точки зрения, пока в Германии и Европе сохраняются нынешние отношения. Столь же мало можем мы требовать и от буржуазной оппозиции, чтобы она исходила из иной точки зрения, чем точка зрения ее собственных буржуазных интересов.

Партия рабочих, которая во всех вопросах, разделяющих реакцию и буржуазию, стоит вне непосредственного конфликта, имеет то преимущество, что может обсуждать такие вопросы совершенно хладнокровно и беспристрастно. Только она и может обсуждать их научно, исторически, как если бы они уже были достоянием прошлого, — анатомически, как если бы они уже стали трупами.

I

Каково было состояние прусской армии при прежней системе, об этом после опыта мобилизации 1850 и 1859 гг.[56] не может быть двух мнений. Абсолютная монархия с 1815 г. была связана официальным обещанием не взимать никаких новых налогов и не выпускать никаких займов без предварительного согласия будущего представительного учреждения. Нарушить это обещание было невозможно; без такого согласия ни один заем не сулил ни малейшего успеха. Налоговая же система была в общем такова, что доходы от налогов возрастали отнюдь не в той же пропорции, в какой возрастало богатство страны. Абсолютизм был беден, очень беден, и чрезвычайных расходов, вызванных бурями 1830 г.[57], было достаточно, чтобы принудить его к крайней бережливости. Отсюда введение двухгодичного срока службы, отсюда система экономии во всех отраслях военного управления, которая свела к самому низкому количественному и качественному уровню запас вооружения, подготовленный на случай мобилизации. Несмотря на это, положение Пруссии, как великой державы, надо было сохранять; для этого к началу войны ей нужна была возможно более сильная первоочередная полевая армия, вот почему к ней был присоединен ландвер первого призыва[58]. Следовательно, позаботились о том, чтобы при первой же угрозе войны стала необходимой мобилизация и чтобы вместе с мобилизацией рухнуло и все здание. Такой случай произошел в 1850 г. и закончился полнейшим фиаско Пруссии.

В 1850 г. обнаружились только материальные недостатки системы; вся эта история закончилась раньше, чем могли обнаружиться моральные изъяны. Вотированные палатами фонды были употреблены на то, чтобы по возможности устранить материальные недостатки. По возможности, так как ни при каких

условиях нельзя держать материальную часть подготовленной таким образом, чтобы за две недели снарядить и привести в боевую готовность призванные резервы, а еще через две недели — весь первый призыв ландвера. Не следует забывать, что в кадровых войсках числилось самое большее три призывных возраста, между тем как резерв и ландвер первого призыва вместе насчитывали девять призывных возрастов; следовательно, на каждых трех солдат кадровых войск, находящихся в боевой готовности, надо было в течение четырех недель снарядить не менее семи призванных. Но вот началась Итальянская война 1859 г., а с ней и новая всеобщая мобилизация. И на этот раз материальные недостатки еще в значительной мере давали себя чувствовать, но они были гораздо менее значительны по сравнению с моральными изъянами системы, которые вскрылись только теперь, когда армия была мобилизована на более продолжительный срок. На ландвер не обращалось никакого внимания, это бесспорно; кадры его батальонов большей частью не существовали, и их еще только нужно было создавать; из наличных офицеров многие были непригодны к полевой службе. Но даже если бы все это обстояло иначе, все же оставалось фактом, что офицеры не могли не быть совершенно чуждыми для своих солдат, чуждыми именно в силу своих военных качеств, и что у большинства из них эти военные качества были слишком низки, чтобы батальоны с такими офицерами можно было с полной уверенностью посылать против испытанных войск. Если офицеры ландвера прекрасно сражались во время Датской войны[59], то не следует забывать, что существует большое различие между батальоном, имеющим $^4/_5$ кадровых офицеров и $^1/_5$ офицеров ландвера, и батальоном, в котором соотношение обратное. К этому присоединился еще один решающий момент. Сразу обнаружилось то, что могли бы предвидеть заранее: хотя с ландвером можно идти в бой, именно в бой для защиты своей собственной страны, однако с ним ни при каких обстоятельствах нельзя вести наступательной войны. Ландвер до такой степени является организацией оборонительной, что идти с ним в наступление можно только лишь в результате отраженного неприятельского нашествия, как это было в 1814 и 1815 годах. Ландвер, состоящий в большинстве своем из женатых людей в возрасте от 26 до 32 лет, не позволит месяцами держать себя на границах без дела, когда из дому ежедневно прибывают письма о том, что жена и дети терпят нужду, так как пособия семьям призванных оказались в высшей степени недостаточными. К этому присоединилось еще и то, что солдаты не знали, против кого они должны сражаться: против французов или против австрийцев —

ведь ни те, ни другие в ту пору не причинили Пруссии никакого вреда. Можно ли было с такими войсками, деморализованными месяцами бездействия, идти в наступление против хорошо организованных и обладающих военным опытом армий?

Ясно, что должна была наступить перемена. Пруссия должна была при данных условиях иметь более крепкую организацию первоочередной полевой армии. Как же она создавалась?

Тридцать шесть призванных пехотных полков ландвера были задержаны на время и превращены постепенно в новые линейные полки. Мало-помалу численность кавалерии и артиллерии была также увеличена настолько, чтобы она соответствовала этому усиленному составу пехотных войск, и, наконец, крепостная артиллерия была отделена от полевой, что во всяком случае было улучшением, в особенности для Пруссии. Словом, пехота была удвоена, а кавалерия и артиллерия увеличены приблизительно в полтора раза. Для того, чтобы сохранить этот усиленный состав армии, было предложено увеличить срок службы в кадровых войсках с пяти до семи лет, — три года на действительной службе (в пехоте), четыре в резерве, — напротив, воинскую повинность в ландвере второго призыва сократить на четыре года и, наконец, увеличить контингент ежегодного рекрутского набора с прежних 40000 до 63000. Ландвер же тем временем был оставлен без всякого внимания.

Увеличение батальонов, эскадронов и батарей в установленных таким образом размерах почти в точности соответствовало увеличению населения Пруссии с 10 миллионов в 1815 до 18 миллионов в 1861 году; а так как богатство Пруссии за это время росло быстрее, чем ее население, и так как другие европейские великие державы усилили свои армии с 1815 г. в гораздо большей степени, то такое увеличение кадрового состава армии нисколько не было чрезмерным. При этом из всех тягот воинской повинности по проекту увеличивалось только пребывание в резерве для наиболее молодых возрастов, зато для старших возрастов пребывание в ландвере было вдвое облегчено, а ландвер второго призыва фактически почти совсем уничтожался, тогда как первый призыв занял теперь примерно место, отводившееся ранее второму.

Однако против проекта можно было возразить следующее:

Всеобщая воинская повинность, — кстати сказать, единственный демократический институт, существующий в Пруссии, хотя бы только на бумаге, — представляет собой такой огромный прогресс в сравнении со всеми прежними военными системами, что там, где она уже существовала, хотя бы и в несовершенном виде, она не может быть снова упразднена на длитель-

ный срок. Имеется только два ясно выраженных принципа организации наших нынешних войск: либо вербовка, — но она устарела и возможна только в исключительных случаях, как, например, в Англии, — либо всеобщая воинская повинность. Всякие конскрипции и жеребьевки[60] — только очень несовершенные формы последней. Основная идея прусского закона 1814 г. — каждый гражданин государства, физически к тому годный, обязан в течение тех лет, когда он способен носить оружие, лично защищать страну — эта основная идея значительно выше принципа найма заместителя, практикуемого во всех странах с конскрипционной системой, и после своего пятидесятилетнего существования эта идея, конечно, не будет принесена в жертву страстному желанию буржуазии ввести, как говорят французы, «торговлю человеческим мясом».

Но раз уж прусская военная система основана на всеобщей воинской повинности без заместительства, то она может развиваться в свойственном ей духе и с успехом только при условии, если все больше будет осуществляться ее основной принцип. Посмотрим, как обстоит дело в этом отношении.

В 1815 г. на 10 миллионов жителей — 40000 призванных, что составляет 4 на тысячу. В 1861 г. на 18 миллионов — 63000 призванных, то есть $3^1/_2$ на тысячу. Следовательно, шаг назад, хотя и это — прогресс в сравнении с положением вещей до 1859 г., когда призывалось только $2^2/_9$ на тысячу. Чтобы снова достигнуть хотя бы процентной нормы 1815 г., надо было бы призывать 72000 человек. (Мы увидим, что на самом деле в армию ежегодно вступает приблизительно такое или даже большее количество.) Но разве военная мощь прусского народа исчерпывается ежегодным набором четырех человек на тысячу населения?

Дармштадтская «Allgemeine Militar-Zeitung»[61] многократно доказывала на основании статистики средних немецких государств, что в Германии *ровно половина* являющихся к набору молодых людей годна к военной службе. Число же молодых людей, явившихся к набору в 1861 г., равнялось, согласно «Zeitschrift des preussischen statistischen Bureaus»[62] (март 1864 г.) — 227005. Это давало бы ежегодно 113500 годных к службе рекрутов. Если мы исключим отсюда 6500 человек как незаменимых или морально непригодных, то все же остается еще 107000. Почему же из них служат только 63000 или самое большее 72000—75000 человек?

Во время сессии 1863 г. военный министр фон Роон сообщил военной комиссии палаты депутатов следующие данные о наборе 1861 года:

Общая численность населения (перепись 1858 г.)		17 758 823	
Двадцатилетние военнообязанные призыва 1861 г.		217 438	
Перенесенные из списков прежних лет военнообязанные, о которых еще нет окончательного решения		348 364	565 802
Из них:			
1) Оставшихся неразысканными		55 770	
2) Переехавших в другие округа и там подлежавших призыву		82 216	
3) Не явившихся без уважительных причин		10 960	
4) Поступивших вольноопределяющимися сроком на три года		5 025	
5) Имеющих права вольноопределяющихся с одногодичным сроком службы		14 811	
6) Получивших отсрочку или освобожденных как лиц духовного звания		1 638	
7) Обязанных к морской службе		299	
8) Исключенных из списков как морально непригодных		596	
9) Освобожденных окружными комиссиями как явно непригодных		2 489	
10) Освобожденных окружными комиссиями как длительно непригодных		15 238	
11) Перечисленных в эрзац-резерв[63]:			
а) ростом ниже 5 футов после троекратного освидетельствования	8 998		
б) ростом ниже 5 футов 1 дюйма 3 линий после троекратного освидетельствования	9 553		
в) временно непригодных после троекратного освидетельствования	46 761		
г) по домашним обстоятельствам после троекратного освидетельствования	4 213		
д) оставшихся до распоряжения после пятикратного освидетельствования	291	69 816	
12) Предназначенных для службы в обозе, кроме призванных в обоз		6 774	
13) Получивших отсрочку на год:			
а) временно непригодных	219 136		
б) по домашним обстоятельствам	10 013		
в) лишенных прав гражданского состояния и состоящих под следствием	1 087	230 236	495 868
Остается к призыву			69 934
Фактически призвано			59 459
Остаются впредь до распоряжения			10 475

Как бы несовершенна ни была эта статистика, как бы ни затемняла она все дело тем, что в каждой статье, с 1 до 13, смешиваются лица призыва 1861 г. с лицами двух предыдущих возрастных контингентов, оставшихся впредь до распоряжения, все же она содержит несколько очень ценных признаний.

В качестве рекрутов было призвано 59459 человек. В качестве вольноопределяющихся с трехгодичным сроком поступило 5025 человек. На одногодичный срок службы имели право 14811 человек; как известно, годность к службе вольноопределяющихся с одногодичным сроком не подвергается слишком строгому испытанию ввиду того, что их содержание ничего не стоит; поэтому мы можем допустить, что, по крайней мере, половина из них, следовательно 7400, действительно поступили на службу. Это по очень скромному подсчету; ведь категория лиц, проходящих аттестацию для одногодичной службы, состоит большей частью из годных к службе людей; те, которые заведомо негодны, вообще не считают нужным подвергаться аттестации. Все же возьмем цифру 7400. В соответствии с этим, в 1861 г. в армию вступило всего 71884 человека.

Посмотрим дальше. В качестве духовных лиц получило отсрочку, либо освобождено 1638 человек. Почему господа духовные не должны служить, — понять невозможно. Напротив, год военной службы, жизнь на открытом воздухе, соприкосновение с внешним миром могут быть им только полезны. Итак, смело внесем их в списки; $^{1}/_{3}$ из общего количества, которая приходится на текущий год, считая, что $^{3}/_{4}$ из них будет негодных, все же составит 139 человек, которых следует взять.

18551 человек были отпущены потому, что они не вышли ростом. Заметим себе, что они «уволены *в резерв»,* а не вообще освобождены от службы. Следовательно, в случае войны они все-таки должны будут служить. Они освобождаются только от парадной службы мирного времени, так как для этого они недостаточно представительны на вид. Тем самым признается, что эти низкорослые люди вполне годны для службы, и в случае необходимости их даже намереваются использовать. Что эти низкорослые люди могут быть отличными солдатами, доказывает французская армия, в которой служат люди до 4 футов 8 дюймов ростом. Поэтому мы безусловно причисляем их к военным ресурсам страны. Вышеупомянутая цифра включает только тех, которые после троекратного освидетельствования окончательно отставлены вследствие их небольшого роста; это, следовательно, то количество, которое повторяется ежегодно. Мы вычеркиваем отсюда половину, негодную по другим причинам, и у нас, таким образом, остается 9275 парней небольшого

роста, из которых опытный офицер наверняка быстро сделал бы великолепных солдат.

Дальше мы находим 6774 человека, предназначенных в обоз, *кроме* призванных в обоз людей. Но обоз тоже относится к армии, и совершенно непонятно, почему эти люди не должны отбыть короткую шестимесячную службу в обозе, что было бы лучше как для них, так и для обоза.

Следовательно, мы имеем:

Действительно поступивших на службу людей	71 884
Духовных лиц	139
Людей годных, но ростом ниже установленной нормы	9 275
Лиц, предназначенных в обоз	6 774
Всего	88 072 человека,

которые, *по собственному признанию* рооновской статистики, ежегодно могли бы вступать в армию, если бы всеобщую воинскую повинность проводили всерьез.

Возьмем теперь непригодных:

Получили отсрочку на год как временно непригодные	219 136	человек
После троекратного освидетельствования, как ditto*, перечислены в резерв	46 761	»
Исключены из списков как длительно непригодные только	17 727	»
Всего	283 624	человека

Таким образом, лица, *длительно* непригодные вследствие *действительных* физических недостатков, составляют менее 7% всех освобожденных от службы вследствие непригодности и менее 4% всех являющихся ежегодно в призывные комиссии. Почти 17% временно непригодных, после троекратного освидетельствования, ежегодно перечисляются в резерв. Это, следовательно, 23-летние люди, то есть люди, находящиеся в таком возрасте, когда человеческий организм начинает уже окончательно складываться. Мы, несомненно, не преувеличим, если предположим, что треть из них по достижении 25-летнего возраста окажется вполне годной к службе, а это составит 15587 человек. Самое меньшее, чего можно требовать от этих людей, это чтобы в течение, двух лет они ежегодно отбывали службу в пехоте по три месяца для того, чтобы пройти хотя бы школу рекрутов. А это было бы равно-

* — сказано. *Ред.*

сильно увеличению армии мирного времени на 3897 человек.

Однако всей системе медицинского освидетельствования рекрутов в Пруссии придан своеобразный характер. Рекрутов было всегда больше, чем их можно набрать, и все же хотели сохранить при этом видимость всеобщей воинской повинности. Что могло быть проще, как отбирать в желательном количестве самых лучших людей, а остальных под тем или иным предлогом объявлять непригодными? При таких условиях, которые, кстати сказать, существовали в Пруссии с 1815 г. и существуют по сей день, понятие непригодности к военной службе получило совершенно ненормально растяжимое толкование, как это лучше всего доказывает сравнение со средними немецкими государствами. В тех из них, где существует конскрипция и жеребьевка, не было никаких оснований объявлять непригодными большее количество лиц, чем их было в действительности. Условия в них таковы же, как и в Пруссии; в отдельных государствах, как, например, в Саксонии, даже хуже, так как там процент населения, занятого в промышленности, выше. Однако, как уже говорилось выше, в «Allgemeine Militar-Zeitung» неоднократно было доказано, что в средних государствах Германии *ровно половина* людей, являющихся на призыв, годна; точно так же должно обстоять дело и в Пруссии. Как только начнется серьезная война, в представлении о пригодности к военной службе в Пруссии произойдет внезапная революция, и тогда поймут, на беду для себя слишком поздно, как много пригодных сил было упущено.

Но вот что удивительнее всего. Среди 565802 военнообязанных, о которых еще нет решения, имеется:

Оставшихся неразысканными	55 770	человек
Переехавших в другие округа *или* там подлежащих призыву	82 216	»
Не явившихся без уважительных причин	10 960	»
Всего	148 946	человек

Таким образом, несмотря на прославленный прусский контроль, — а тот, кому когда-либо довелось быть военнообязанным в Пруссии, знает, что это значит, — каждый год исчезает целых 27% военнообязанных. Как же это может быть? И куда девается 82216 человек, которых исключают из списков как «переехавших в другие округа или там подлежащих призыву»? Неужели для того, чтобы освободиться от воинской повинности, в настоящее время достаточно просто переехать из Берлина в Потсдам? Мы склонны думать, что в данном случае — ведь и на старуху

бывает проруха — господа чиновники попросту дали маху в своей статистике, а именно, что эти 82216 человек фигурируют *дважды* в общей сумме 565802: один раз в своем родном округе и вторично в округе, куда они переехали. Было бы очень желательно установить это точно, — и лучше всего может это сделать военная комиссия палаты, — ибо уменьшение действительного числа военнообязанных до 483586 значительно изменило бы все процентные отношения. Но допустим пока, что это правильно, — тогда все еще остается 66730 человек, ежегодно исчезающих и улетучивающихся, которых ни прусский контроль, ни полиция не могут призвать под ружье. Это составляет почти 14% военнообязанных. Отсюда следует, что все помехи в свободе передвижения, существующие в Пруссии под предлогом контроля военнообязанных, *совершенно излишни.* Действительная эмиграция из Пруссии, как известно, *очень незначительна* и не может идти ни в какое сравнение с числом испарившихся рекрутов. Из этого количества — около 67000 человек — эмигрируют из Пруссии далеко не все. Большая часть либо все время остается внутри страны, либо отправляется за границу лишь на короткий срок. Вообще все предупредительные мероприятия против уклонения от воинской повинности бесполезны и, в крайнем случае, они толкают к эмиграции. Тем не менее основная масса молодых людей не имеет возможности эмигрировать. Стоит только тех лиц, которые уклоняются от призыва, заставить исправно и без послабления отбывать службу — и не нужна будет вся эта бестолковая канитель и бумагомаранье, а рекрутов будет больше, чем раньше.

Впрочем, для полной уверенности, будем считать доказанным только то, что вытекает из собственной статистики г-на фон Роона, а именно, что, не считая вольноопределяющихся с одногодичным сроком, ежегодно может быть призвано 85000 молодых людей. Численность же теперешней армии мирного времени составляет приблизительно 210000 человек. При двухлетнем сроке службы 85000 человек ежегодно составят вместе 170000; к этому нужно добавить офицеров, унтер-офицеров и сверхсрочнослужащих — от 25000 до 35000 человек; всего получается, таким образом, от 195000 до 205000 человек; с одногодичными же вольноопределяющимися — от 202 до 212 тысяч человек. Следовательно, при двухгодичном сроке службы в пехоте и пешей артиллерии (о кавалерии будет сказано позже) все кадры реорганизованной армии могут быть доведены, даже согласно собственной статистике правительства, до полной численности мирного времени. При *действительном* проведении всеобщей воинской повинности, при двухгодичном сроке служ-

бы, в армии, по всей вероятности, было бы на 30000 человек больше; следовательно, чтобы не превышать все же количество в 200000—210000 человек, можно было бы часть людей увольнять уже после 1—$1^1/_2$ лет службы. Это досрочное увольнение в качестве награды за усердие по службе было бы полезней для всей армии, чем удлинение срока службы на шесть месяцев.

Численный состав армии военного времени получился бы следующий:

Четыре возрастных контингента, согласно плану реорганизации, по 63000 человек каждый — дают в сумме 252000 резервистов. Три же возрастных контингента — по 85000 каждый — дают 255000 резервистов. Следовательно, результат несомненно столь же благоприятный, как и по плану реорганизации. (Так как здесь речь идет только о численных *соотношениях,* то ничего не изменится, если мы в данном случае совершенно не станем принимать в расчет уменьшения числа возрастных групп резерва.)

В этом-то и заключается слабое место плана реорганизации. Под видом возвращения к первоначальной всеобщей воинской повинности, которая, разумеется, не может существовать без ландвера, как мощного резерва армии, он делает скорее уклон в сторону франко-австрийской кадровой системы[64] и тем самым вносит неустойчивость в прусскую военную систему, что должно повлечь за собой самые худшие последствия. Нельзя смешивать обе системы, нельзя одновременно иметь преимущества обеих. Несомненно — и это никогда не оспаривалось, — что кадровая система с продолжительными сроками воинской повинности и пребывания на действительной службе обеспечивает армии в начале войны большие преимущества. Люди лучше знают друг друга; даже отпускники, которым большей частью отпуска даются каждый раз лишь на короткий срок, считают себя в течение всего отпускного времени солдатами и всегда готовы к тому, чтобы быть призванными на действительную службу, чего, конечно, нельзя сказать о прусских резервистах; благодаря этому батальоны, впервые участвующие в бою, несомненно обнаруживают большую стойкость. Против этого, однако, следует возразить, что если считать это самым важным, то можно с таким же успехом принять английскую систему десятилетнего срока действительной службы; что для французов безусловно гораздо полезнее оказались их алжирские походы, войны в Крыму и в Италии[65], чем долгосрочная служба; что, наконец, при этой системе можно подготовить только часть способного носить оружие человеческого материала и что, следовательно,

далеко не все силы нации приводятся в действие. Кроме того, немецкий солдат, как показывает опыт, очень легко привыкает к боевой обстановке, и три значительных сражения, проведенных хотя бы с переменным успехом, уже да ют исправному в других отношениях батальону столько же, сколько целый лишний год службы. Для такого государства, как Пруссия, кадровая система невозможна. При кадровой системе Пруссия могла бы располагать армией *самое большее* в 300000—400000 человек, при составе ее в мирное время в 200000 человек. Однако, чтобы поддержать свое положение великой державы, такое количество необходимо ей уже для выступления в поход первоочередной полевой армии, то есть ей потребуется для всякой серьезной войны, включая крепостные гарнизоны, пополнения и т. д., 500000—600000 человек. Если 18 миллионов пруссаков должны во время войны выставить приблизительно такую же многочисленную армию, как 35 миллионов французов, 34 миллиона австрийцев и 60 миллионов русских, то это может быть достигнуто только посредством всеобщей воинской повинности, непродолжительной, но напряженной службы и сравнительно длительного пребывания в ландвере. При такой системе всегда приходится кое-чем пожертвовать в отношении боевой готовности войск и даже их боеспособности в первый момент войны; государство и политика приобретают нейтральный, оборонительный характер; но следует также помнить, что заносчивая наступательная тактика кадровой системы привела от Йены к Тильзиту, а скромная оборонительная тактика системы ландвера и всеобщей воинской повинности привела от Кацбаха к Парижу[66]. Итак, либо конскрипционная система и заместительство с семи-восьмигодичным сроком службы, из которого почти половина на действительной службе, без дальнейшего отбывания повинности в ландвере; либо же всеобщая воинская повинность с пятигодичным, самое большее шестигодичным сроком службы, из которых два года на действительной службе с последующим отбыванием повинности в ландвере прусского или швейцарского типа[67]. Но чтобы народные массы несли сперва тяготы конскрипционной системы, а затем еще системы ландвера, — этого не сможет выдержать ни одна европейская нация, даже турки, которые, сохраняя свое воинственное варварство, все еще обладают наибольшей выносливостью. Большое количество обученных людей при коротком сроке службы и продолжительном пребывании военнообязанными или же небольшое количество обученных при длительном сроке службы и коротком сроке пребывания военнообязанными — вот в чем вопрос; но нужно выбирать либо то, либо другое.

Уильям Нейпир, который, разумеется, считает английского солдата лучшим в мире, говорит в своей истории войны на Пиренейском полуострове, что английский пехотинец после трехлетней службы вполне подготовлен во всех отношениях[68]. А ведь нужно иметь в виду, что элементы, из которых формировалась английская армия в начале этого столетия, были наихудшими из всех элементов, из которых вообще может быть создано войско. Теперешняя английская армия сформирована из гораздо лучших элементов, но и они в моральном и интеллектуальном отношении все еще бесконечно хуже состава прусской армии. И разве того, чего достигали английские офицеры в три года, имея дело с таким сбродом, нельзя достигнуть в Пруссии в два года при наличии превосходно поддающегося обучению, частью уже хорошо обученного, с самого начала морально подготовленного сырого рекрутского материала?

Конечно, в настоящее время учиться солдат должен больше. Но это обстоятельство никогда не выдвигалось в качестве серьезного возражения против двухгодичного срока службы. Обычно ссылаются на необходимость воспитания *настоящего солдатского духа,* который вырабатывается-де только на третьем году службы. Если господам угодно говорить откровенно и если они не желают принять во внимание признанное выше лучшее качество батальонов, то это соображение скорее политического, чем военного характера. Настоящий солдатский дух должен проявить себя больше при внутреннем Дюппеле[69], чем при внешнем. Нам никогда не приходилось видеть, чтобы прусский солдат на третьем году службы выучился чему-нибудь большему, чем скучать, вымогать у рекрутов деньги на выпивку и отпускать плоские остроты по адресу своего начальства. Если бы большинство наших офицеров прослужило хоть один год в качестве рядовых или унтер-офицеров, они не могли бы этого не заметить. «Настоящий солдатский дух», поскольку он имеет политический характер, как это показывает опыт, очень быстро испаряется и к тому же безвозвратно. Военный же дух остается и после двух лет службы.

Двухгодичного срока, следовательно, вполне достаточно, чтобы обучить наших солдат службе в пехоте. С тех пор как полевая артиллерия отделена от крепостной, это относится и к пешей артиллерии; отдельные трудности, которые могут здесь встретиться, можно будет устранить либо еще большим разделением труда, либо и без того желательным упрощением материальной части полевой артиллерии. Равным образом никаких трудностей не встретил бы набор большего количества сверхсрочников; но именно эту категорию людей, если они не годятся

в унтер-офицеры, в прусской армии считают весьма нежелательной. Какое это хорошее доказательство *против* продолжительного срока службы! Только в крепостной артиллерии с ее столь разнообразной материальной частью и в инженерных войсках с их многосторонними отраслями работы, которые, однако, нельзя полностью отделить друг от друга, опытные сверхсрочники становятся ценными, хотя и здесь они редки. Конная артиллерия потребует такого же срока службы, как и кавалерия.

Что касается кавалерии, то тот, кто привык с детства к верховой езде, нуждается только в кратком сроке службы, вновь обучаемые же обязательно требуют длительного срока. У нас мало людей, привыкших с детства к верховой езде, и потому нам бесспорно нужен четырехгодичный срок службы, намеченный в плане реорганизации. Единственной настоящей формой боя для конницы является атака в сомкнутом строю с саблями наголо, для проведения которой необходимо величайшее мужество и полнейшее взаимное доверие людей. Следовательно, люди должны знать, что они могут положиться как друг на друга, так и на своих командиров. А для этого нужен продолжительный срок службы. Но и без уверенности всадника в своей лошади кавалерия тоже никуда не годится; человек ведь должен уметь ездить верхом, а чтобы достигнуть уверенности в том, что он может управлять лошадью, то есть почти любой лошадью, которая ему может достаться, — для этого также необходим длительный срок службы. Для этого рода войск сверхсрочники безусловно желательны, и чем больше они будут настоящими ландскнехтами, тем лучше, — лишь бы у них была любовь к делу. Со стороны оппозиции нас будут упрекать в том, что это означает создание кавалерии из одних только наемников, готовых принять участие в любом государственном перевороте. Мы отвечаем: возможно. Но при существующих условиях кавалерия всегда будет реакционной (вспомним баденских драгун 1849 г.[70]), подобно тому как артиллерия всегда будет либеральной. Это заложено в природе вещей. Дело нисколько не изменится от того, будет ли несколькими сверхсрочниками больше или меньше. К тому же при баррикадной борьбе кавалерия все равно непригодна, а баррикадная борьба в больших городах, особенно поведение приэтом пехоты и артиллерии, решает в настоящее время судьбу всех государственных переворотов.

Но кроме увеличения числа сверхсрочников существуют еще другие средства для поднятия боеспособности и внутренней сплоченности армии при непродолжительном сроке службы. Сюда относятся, между прочим, учебные лагеря, которые сам военный министр фон Роон назвал средством, компенсирующим более

короткий срок службы. Далее, рациональная постановка обучения, — и в этом отношении в Пруссии нужно сделать еще очень много. Предрассудок, что при непродолжительном сроке службы для компенсации его краткости необходимы якобы преувеличенная точность парадного марша, «муштровка» при экзерцициях, смехотворно высокое выбрасывание ног, чтобы «без сгиба в колене» пробивать дыру в воздухе, — весь этот предрассудок покоится на явном преувеличении. О необходимости всего этого в прусской армии болтали до тех пор, пока это не превратилось, наконец, в неподлежащую сомнению аксиому. Но какая польза в том, что солдаты при ружейных приемах с такой силой ударяют ружьем о собственное плечо, что почти опрокидываются, причем по всему строю пробегает отнюдь не воинственное содрогание, чего не увидишь ни в какой другой армии? — Наконец, в качестве эквивалента сокращенного срока службы, и самого существенного эквивалента его, следует считать лучшее физическое воспитание юношества. Необходимо только позаботиться, чтобы действительно что-нибудь делалось в этом направлении. Правда, во всех сельских школах поставлены параллельные брусья и турники, но наши бедняги школьные учителя еще плохо умеют с ними обращаться. Пусть назначат в каждый округ хотя бы по одному отставному унтер-офицеру, пригодному к работе в качестве учителя гимнастики, и поручат ему руководство обучением гимнастике; пусть позаботятся о том, чтобы школьная молодежь постепенно научилась маршировать в строю, усвоила движения взвода и роты и твердо бы знала соответствующие команды. В течение 6—8 лет это возместится сторицей, и рекрутов будет больше, и они будут крепче.

В вышеизложенной критике плана реорганизации мы исходили, как было сказано, исключительно из фактически существующих политических и военных условий. Сюда относится и предположение, что при теперешних обстоятельствах законодательное установление двухгодичного срока службы для пехоты и пешей артиллерии явилось бы максимально достижимым сокращением срока службы. Мы даже полагаем, что такое государство, как Пруссия, совершило бы величайший промах, — независимо от того, какая бы партия ни стояла у власти, — если бы оно в настоящий момент еще более сократило положенный срок службы. Пока с одной стороны находится французская армия, а с другой — русская, и пока существует возможность согласованного нападения их обеих одновременно, необходимо иметь войска, которым не пришлось бы учиться азбуке военного дела только лишь перед лицом неприятеля. Поэтому мы совершенно не принимаем во внимание фантазий о милиционной

армии без всякого, так сказать, срока службы; в той форме, в какой себе это представляют, милиционная армия в настоящее время невозможна для страны с 18 миллионами жителей и с границами, совершенно открытыми для нападения; впрочем, и при других условиях она возможна не в такой форме.

После всего вышеизложенного спрашивается: были ли приемлемы основные черты плана реорганизации для палаты депутатов, стоящей на прусской точке зрения? Мы отвечаем, исходя из военных и политических соображений: увеличение кадров в том виде, как это было проведено, усиление армии мирного времени до 180000—200000 человек, превращение ландвера первого призыва в крупный армейский резерв, или во второочередную полевую армию, или же в крепостные гарнизоны было приемлемо при условии, *что будет строго проводиться всеобщая воинская повинность, что законодательным порядком будет установлен двухгодичный срок пребывания на действительной службе, трехгодичный в резерве и пребывание до 36-летнего возраста в ландвере* и что, наконец, *будут восстановлены кадры ландвера первого призыва.* Можно ли было добиться осуществления этих условий? Лишь немногие из тех, кто следил за дебатами, станут отрицать, что при «новой эре»[71], а, пожалуй, даже и позднее это было возможно.

Как же вела себя буржуазная оппозиция?

II

Прусская буржуазия, которая, как самая развитая часть всей немецкой буржуазии, имеет в данном случае право представлять последнюю, влачит свое политическое существование с таким отсутствием мужества, которому нет равного в истории даже этого не отличающегося храбростью класса и которое может быть только до известной степени оправдано происходившими в то же время внешними событиями. В марте и апреле 1848 г. буржуазия была господином положения; но едва начались первые самостоятельные выступления рабочего класса, как буржуазия тотчас же испугалась и бросилась назад под защиту той самой бюрократии и того самого феодального дворянства, над которыми она только что одержала победу с помощью рабочих. Неизбежным результатом этого явился мантёйфелевский период[72]. Наконец наступила — и притом без всякого содействия буржуазной оппозиции — «новая эра». Неожиданная удача вскружила головы буржуа. Они совершенно позабыли о том положении, которое сами себе создали своими неоднократными пересмотрами конституции, своей покорностью бюрократии и феодалам (вплоть до восстановления феодальных провинциальных и окружных сословных собраний[73]), своим постоянным отступлением с одной позиции на другую. Они вообразили теперь, что снова стали господами положения, совершенно позабыв о том, что сами же восстановили все враждебные им силы, которые, с тех пор окрепнув, держали в своих руках реальную государственную власть совершенно так же, как и до 1848 года. Тут-то и нагрянула реорганизация армии подобно зажигательной бомбе, брошенной в их среду.

У буржуазии только два пути для приобретения политической власти. Так как она представляет собой армию офицеров без солдат и может добыть себе этих солдат только из рабочих, то она должна либо обеспечить себе союз с рабочими, либо выкупать

по частям политическую власть у сил, находящихся выше нее и противостоящих ей, а именно у королевской власти. История английской и французской буржуазии показывает, что иных путей не существует.

Но прусская буржуазия — правда, без всяких оснований — совершенно потеряла охоту к тому, чтобы заключить искренний союз с рабочими. В 1848 г. немецкая рабочая партия, находившаяся тогда еще в начале своего развития и организации, была готова проделать для буржуазии работу на очень скромных условиях, но последняя боялась малейшего самостоятельного движения пролетариата больше, чем феодального дворянства и бюрократии. Спокойствие, купленное ценою холопства, казалось ей более предпочтительным, чем даже одна только *перспектива* борьбы за свободу[74]. С тех пор этот священный страх перед рабочими сделался у буржуа традиционным, пока, наконец, г-н Шульце-Делич не начал своей агитации за копилку[75]. Эта агитация должна была доказать рабочим, что для них нет большего счастья, чем в течение всей жизни подвергать самих себя и даже свое потомство промышленной эксплуатации буржуазии; больше того, что рабочие сами должны способствовать этой эксплуатации, добывая себе приработок посредством разного рода промышленных товариществ и тем самым предоставляя капиталистам возможность снижать заработную плату. Хотя промышленная буржуазия наряду с гусарскими поручиками — несомненно наиболее невежественный класс немецкой нации, все же подобная агитация среди такого в умственном отношении развитого народа, как немецкий, заведомо не имела никаких шансов на продолжительный успех. Более проницательные головы из среды самой буржуазии должны были понять, что из этого ничего не могло получиться, и союз с рабочими снова провалился.

Оставался мелочный торг с правительством из-за политической власти, за которую платилось чистоганом — разумеется, из народного кармана. *Реальная* власть буржуазии в государстве заключалась лишь в праве, к тому же еще очень ограниченном, вотировать налоги. Значит, сюда-то и надо было приложить рычаг, и класс, который так превосходно умеет торговаться, наверняка должен был при этом оказаться в выигрыше.

Но не тут-то было! Прусская буржуазная оппозиция — в полную противоположность классической буржуазии Англии XVII и XVIII столетий — поняла дело так, что она выторгует власть, *не* платя за это денег.

В чем же должна была состоять правильная политика буржуазной оппозиции, если исходить из чисто буржуазной точки

зрения и полностью учитывать условия, при которых была преподнесена реорганизация армии? Буржуазная оппозиция должна была знать, если она учитывала свои силы, что она, которая только что была поднята — и, право, без всяких усилий с ее стороны — из того унизительного положения, в котором находилась при Мантёйфеле, безусловно не имела сил помешать *фактическому* проведению плана, который ведь уже начали осуществлять. Она должна была знать, что с каждой бесплодно прошедшей сессией становилось все труднее устранить фактически существующее нововведение, что, следовательно, с каждым годом правительство будет предлагать все меньшую цену за то, чтобы добиться согласия палаты. Она должна была знать, что ей еще очень далеко до того, чтобы иметь возможность назначать и свергать министров, и что, следовательно, чем дольше будет тянуться конфликт, тем меньше будет она встречать склонных к компромиссам министров. Она должна была, наконец, знать, что прежде всего в ее же собственных интересах было не доводить дела до крайности. Ибо серьезный конфликт с правительством, при том уровне развития, на котором находились немецкие рабочие, должен был неизбежно вызвать к жизни независимое рабочее движение и тем самым в крайнем случае снова поставить ее перед дилеммой: или союз с рабочими, но теперь уже на значительно менее выгодных условиях, чем в 1848 г., или же — на колени перед правительством и «pater, peccavi!»*.

Либеральная и прогрессистская буржуазия[76] должна была поэтому подвергнуть проект реорганизации армии и неразрывно с ним связанное увеличение контингента мирного времени беспристрастному деловому изучению, и тогда она, вероятно, пришла бы примерно к тем же результатам, что и мы. При этом ей не следовало забывать, что она все-таки не в состоянии была воспрепятствовать предварительному введению новшеств, поскольку план содержал так много верных и нужных вещей, а могла только замедлить их окончательное установление. Она должна была, следовательно, прежде всего остерегаться того, чтобы сразу занять прямо враждебную позицию в отношении реорганизации; напротив, она должна была эту реорганизацию и деньги, которые предстояло на нее вотировать, использовать для того, чтобы купить себе на них у «новой эры» возможно большую компенсацию, чтобы за 9 или 10 миллионов марок новых налогов приобрести себе как можно больше политической власти.

А как много тут надо было еще сделать! Было тут и все мантёйфелевское законодательство о печати и праве союзов; была

* — «отче, я согрешил!». *Ред.*

тут и перешедшая без всяких изменений от абсолютной монархии власть полиции и чиновничества; устранение судов от решения дел путем оспаривания их компетенции; провинциальные и окружные сословные собрания и, прежде всего, господствовавшее при Мантёйфеле толкование конституции, в противовес которому нужно было установить новую конституционную практику; было тут и нарушение городского самоуправления бюрократией и еще тысяча других вещей, которые всякая другая буржуазия в подобном положении охотно выкупила бы ценою увеличения налогов на полталера с каждого жителя, и все это можно было получить, если бы действовали хоть сколько-нибудь искусно. Но буржуазная оппозиция была иного мнения. Что касается свободы печати, союзов, собраний, то законы Мантёйфеля установили как раз те пределы, в которых буржуа чувствовали себя покойно. Они могли беспрепятственно выступать в умеренной форме против правительства; всякое увеличение свободы приносило им меньше выгоды, чем рабочим, и буржуазия скорее готова была терпеть несколько большее притеснение со стороны правительства, чем дать рабочим свободу самостоятельного движения. Так же обстояло дело и с ограничением власти полиции и чиновников. Буржуазия полагала, что посредством министерства «новой эры» она уже подчинила себе бюрократию, и была довольна тем, что эта бюрократия сохраняла полную свободу действий в отношении рабочих. Она совершенно забыла, что бюрократия гораздо сильнее и жизнеспособнее, чем любое дружественное буржуазии министерство. И вот она вообразила, что с падением Мантёйфеля наступило тысячелетнее царство буржуазии и что дело теперь лишь в том, чтобы собрать созревшую жатву буржуазного единодержавия, не платя за это ни гроша.

Но как можно вотировать столько денег, да еще после того, как годы, последовавшие за 1848 г., обошлись так дорого, так увеличили государственный долг и так повысили налоги! — Милостивые государи, вы — депутаты самого молодого конституционного государства в мире, и вы не знаете, что конституционализм — самая дорогостоящая в мире форма правления? Она чуть ли еще не дороже бонапартизма, который — apres moi le deluge![*] — покрывает старые долги все новыми и новыми и таким образом в десять лет растрачивает ресурсы столетия? Золотые времена ограниченного абсолютизма, которые вам все еще мерещатся, никогда не вернутся назад.

Но как же быть с оговорками в конституции насчет продолжения взимания уже однажды вотированных налогов? — Вся-

[*] — после меня хоть потоп! *Ред.*

кий знает, как скромна была «новая эра» в требовании денег. Вследствие того, что ценой официально зафиксированных контруступок издержки на реорганизацию включались в ординарные расходы, — вследствие этого приходилось поступиться еще немногим. Дело заключалось в вотировании новых налогов, которыми должны были покрываться эти издержки. Тут-то и можно было поскаредничать, а для этого нельзя было и желать лучшего министерства, чем министерство «новой эры». Ведь буржуазия продолжала бы еще оставаться хозяином положения настолько, насколько это было и раньше, и завладела бы новыми орудиями власти в других областях.

Но ведь реакция окрепнет, если ее главное орудие — армию — увеличат вдвое? В этом вопросе прогрессистские буржуа впадали в совершенно неразрешимый конфликт сами с собой. Они требуют от Пруссии, чтобы она играла роль немецкого Пьемонта. Но для этого необходима сильная, боеспособная армия. У них министерство «новой эры», которое втихомолку придерживается тех же взглядов, наилучшее министерство, какое у них может быть в данных условиях. Они *отказывают* этому министерству в усилении армии. Ежедневно, с утра до вечера, у них не сходит с уст слава Пруссии, величие Пруссии, рост могущества Пруссии; но они *отказывают* Пруссии в таком усилении армии, которое лишь в точности соответствовало бы усилению, произведенному после 1814 г. у себя другими великими державами. Почему же они это делают? Потому что боятся, что это усиление пойдет на пользу только реакции, поднимет разорившееся военное дворянство и вообще даст феодальной и абсолютистско-бюрократической партии возможность путем государственного переворота похоронить весь конституционализм.

Допустим, что прогрессистские буржуа были правы, не желая усиливать реакцию, и что армия была вернейшей опорой реакции. Но представлялся ли когда-либо более удобный случай поставить армию под контроль палаты, чем именно эта реорганизация, предложенная самым дружественным буржуазии министерством, какое Пруссия когда-либо видала в спокойные времена? Как только дали бы согласие на известных условиях вотировать кредиты на усиление армии, разве нельзя было именно тогда же договориться о кадетских корпусах, о дворянских привилегиях и обо всех других спорных пунктах и добиться гарантий, которые придали бы офицерскому корпусу более буржуазный характер? Для «новой эры» одно лишь было ясно: усиление армии должно быть проведено. Окольные пути, которыми она контрабандой протаскивала реорганизацию в жизнь,

лучше всего изобличали ее нечистую совесть и страх перед депутатами. Вот за это-то и надо было ухватиться обеими руками; другого такого случая буржуазии не дождаться вновь и через сотню лет. Чего только не выторговали бы в розницу у этого министерства, если бы прогрессисте кие буржуа взялись за дело не как скряги, а как крупные дельцы!

Ну, а теперь о практических результатах реорганизации в отношении самого офицерского корпуса. Нужно было найти офицеров для удвоенного числа батальонов. Кадетские корпуса уже далеко не могли удовлетворить этой потребности. Был проявлен такой либерализм, какого никогда еще раньше не проявляли в мирные времена; должности лейтенантов предлагались просто в качестве премии студентам, вольнослушателям и всем образованным молодым людям. Кто видел снова прусскую армию после реорганизации, тот не узнавал ее офицерского корпуса. Мы говорим это не понаслышке, а по личным наблюдениям. Специфический офицерский жаргон был почти вытеснен, молодые офицеры говорили на своем обычном родном языке; они никоим образом не принадлежали к замкнутой касте, а представляли больше, чем когда-либо с 1815 г., все образованные классы и все провинции государства. Итак, эта позиция уже была завоевана в силу естественного хода событий; дело заключалось теперь только в том, чтобы удержать ее и использовать. Но прогрессистские буржуа все это игнорировали и продолжали болтать, как будто все эти офицеры были благородными кадетами. А между тем никогда с 1815 г. в Пруссии не было большего числа офицеров из среды буржуазии, чем именно теперь.

Кстати сказать, мы приписываем отважное поведение прусских офицеров перед лицом неприятеля в шлезвиг-гольштейнской войне главным образом этому вливанию свежей крови. Младшие офицеры старого состава одни не осмелились бы так часто действовать на собственный риск. В этом отношении правительство право, приписывая реорганизации существенное влияние на «блистательность» этих успехов; в чем кроме этого заключалась опасность реорганизации для датчан — нам неведомо.

Наконец — главный вопрос: облегчается ли с усилением армии мирного времени осуществление государственного переворота? Совершенно верно, что армии являются орудием, с помощью которого совершаются государственные перевороты, и что, следовательно, всякое усиление армии увеличивает также возможность совершения государственного переворота. Но численность армии, которая требуется великой державе, опреде-

ляется не большими или меньшими шансами на государственный переворот, а размерами армий других великих держав. Кто сказал А, должен сказать и Б. Кто принял мандат прусского депутата и начертал на своем знамени величие Пруссии и ее влиятельное положение в Европе, тому приходится также соглашаться и на то, чтобы были созданы средства, без которых о величии Пруссии и ее влиятельном положении не может быть и речи. Если же эти средства не могут быть созданы без того, чтобы не облегчить возможность государственных переворотов, то тем хуже для господ прогрессистов. Если бы в 1848 г. они не вели себя так до смешного трусливо и неискусно, то период государственных переворотов, вероятно, давным-давно был бы позади. Но при существующих условиях им ничего больше не остается, как в конце концов все же признать необходимость усиления армии в той или иной форме, а свои опасения насчет государственных переворотов оставить при себе.

Между тем вопрос имеет ведь и другие стороны. Во-первых, все же предпочтительнее было вести переговоры о вотировании средств на это орудие государственного переворота с министерством «новой эры», чем с министерством Бисмарка. Во-вторых, само собой разумеется, что каждый дальнейший шаг к действительному проведению всеобщей воинской повинности делает прусскую армию менее пригодным орудием для государственных переворотов. Коль скоро стремление к самоуправлению и понимание необходимости борьбы против всех сопротивляющихся этому элементов уже проникло во всю народную массу, то и молодые люди в возрасте 20—21 года должны быть также захвачены этим движением, и осуществление государственного переворота с их помощью, даже под начальством феодального и абсолютистского офицерства, должно становиться все более затруднительным. Чем больше повышается уровень политического развития в стране, тем неблагонадежнее становится настроение призванных рекрутов. Даже нынешняя борьба между правительством и буржуазией должна была уже дать доказательства этого.

В-третьих, двухгодичный срок службы — достаточный противовес увеличению численности армии. В той мере, в какой усиление армии увеличивает в руках правительства материальные средства для насильственных переворотов, в той же самой мере двухгодичный срок службы уменьшает моральные средства для этого. На третьем году службы вечная зубрежка абсолютистских наставлений и привычка к повиновению у солдат может в известный момент, и притом в течение срока службы, принести кое-какие плоды. На. третьем году службы, когда отдельному солдату в военном отношении почти уже нечему

учиться, наш призванный в порядке всеобщей воинской повинности в известной мере уже приближается к солдату, призванному на длительный срок в соответствии с франко-австрийской системой. Он приобретает кое-какие качества профессионального солдата и, как таковой, во всяком случае может быть гораздо легче использован, чем более молодой солдат. Если рассматривать вопрос с точки зрения возможности государственного переворота, то увольнение из армии солдат на третьем году службы наверняка уравновесило бы призыв еще 60000— 80000 человек.

А к этому присоединяется еще один и притом решающий момент. Мы не хотим отрицать, что могли бы создаться условия,— для этого мы слишком хорошо знаем нашу буржуазию, — при которых даже без мобилизации, с армией обычного состава мирного времени, государственный переворот все же был бы возможен. Но это едва ли вероятно. Чтобы совершить серьезный переворот, почти всегда необходимо произвести мобилизацию. Но тогда дело принимает иной оборот. Прусская армия мирного времени, при известных обстоятельствах, может стать простым орудием в руках правительства для использования внутри страны; прусская же армия военного времени — ни в коем случае. Тот, кому когда-нибудь приходилось видеть один и тот же батальон сперва на мирном, а затем на военном положении, знает, какая огромная разница во всем поведении людей, в характере всей массы. Люди, вступавшие в армию почти мальчиками, снова возвращаются в нее теперь уже взрослыми людьми; они приносят с собой накопленное ими чувство собственного достоинства, уверенность в себе, твердость и характер, что идет на пользу всему батальону. Отношение солдат к офицерам и офицеров к солдатам сразу становится иным. Батальон довольно значительно выигрывает в военном отношении, но в политическом—для абсолютистских целей — он становится совершенно ненадежным. Это можно было видеть еще при вступлении в Шлезвиг, где, к великому удивлению корреспондентов английских газет, прусские солдаты повсюду открыто принимали участие в политических демонстрациях и безбоязненно высказывали свои далеко не правоверные взгляды. И этим результатом — политической непригодностью мобилизованной армии для абсолютистских целей — мы обязаны главным образом мантёйфелевским временам и «новейшей» эре. В 1848 г. дело обстояло еще совершенно иначе.

В том-то как раз и состоит одна из лучших сторон прусской военной системы как до, так и после реорганизации, что при *такой* военной системе Пруссия не может ни вести непопулярную

войну, ни совершить государственный переворот, который обещал бы быть прочным. Ибо если бы даже армия мирного времени и позволила использовать себя для маленького государственного переворота, то все же достаточно было бы первой мобилизации и первой угрозы войны, чтобы снова поставить под вопрос все «завоевания». Геройские подвиги армии мирного времени при «внутреннем Дюппеле» без санкции их со стороны армий военного времени имели бы лишь кратковременное значение, а получить эту санкцию будет чем дальше, тем труднее. Реакционные газеты объявили «армию», в противовес палатам, истинным народным представительством. Разумеется, они имели при этом в виду только офицеров. Если бы когда-либо дело дошло до того, что господа из «Kreuz-Zeitung»[77] совершили бы государственный переворот, для чего им необходима *мобилизованная* армия, то будьте уверены, им пришлось бы сильно разочароваться в этом народном представительстве.

Но, в конце концов, и не в этом заключается главная гарантия против государственного переворота. Она заключается в том, что ни одно правительство не может путем государственного переворота собрать такую палату, которая станет вотировать ему новые налоги и займы, и что если бы оно даже создало палату, готовую на это, ни один банкир в Европе не открыл бы ему кредита на основании такого вотума палаты. В большинстве европейских государств дело обстояло бы иначе. Но Пруссия, после обещаний 1815 г. и многих тщетных попыток до 1848 г. получить деньги, теперь уже пользуется такой репутацией, что ей не ссудят ни гроша без правомерного и неоспоримого решения палаты. Сам г-н Рафаэль фон Эрлангер, который ссужал деньги даже американским конфедератам[78], вряд ли доверил бы наличные деньги прусскому правительству, вышедшему из государственного переворота. Этим Пруссия обязана исключительно ограниченности абсолютизма.

В том-то и заключается сила буржуазии, что правительство, когда оно нуждается в деньгах, — а это рано или поздно обязательно должно случиться, — принуждено *само обращаться за деньгами к буржуазии,* но в данном случае уже не к политическому представительству буржуазии, которое, в конце концов, знает, что оно для того и существует, чтобы платить, а к крупным финансистам, которые не прочь обделать хорошее дельце с правительством, которые измеряют кредитоспособность любого правительства тем же масштабом, что и кредитоспособность любого частного лица, и которым совершенно безразлично, много или мало солдат нужно прусскому государству. Эти господа учитывают вексель только с тремя подписями, и если наряду

с правительством он подписан только палатой господ, без палаты депутатов, либо палатой депутатов, состоящей из подставных лиц, то они считают такой вексель дутым и отказываются от сделки.

Здесь кончается военный вопрос и начинается вопрос конституционный. Безразлично, в результате каких ошибок и хитросплетений буржуазная оппозиция очутилась теперь в таком положении, что она должна либо одержать победу в военном вопросе, либо потерять тот остаток политической власти, которым она еще обладает. Правительство уже поставило под сомнение все ее право вотирования бюджета. И если правительство рано или поздно все же *должно* будет заключить мир с палатой, то не будет ли самой лучшей политикой просто настаивать на своем до тех пор, пока этот момент не наступит?

Раз уж конфликт зашел так далеко — безусловно да. Возможность заключить соглашение с существующим правительством на приемлемых основах — более чем сомнительна. Буржуазия, вследствие переоценки своих собственных сил, поставила себя в такое положение, что на этом военном вопросе она должна проверить, является ли она в государстве решающим фактором или же вовсе ничем. Если она победит, то одновременно завладеет властью назначать и смещать министров, властью, которой обладает английская палата общин. Если она потерпит поражение, то конституционным путем она никогда больше не приобретет какого-либо значения.

Но плохо знает наших немецких буржуа тот, кто думает, что от них можно ожидать такой выдержки. Мужество буржуазии в политических делах всегда находится в точном соответствии с тем весом,, который она имеет в гражданском обществе данной страны. В Германии социальная мощь буржуазии гораздо меньше, чем в Англии и даже во Франции; в Германии буржуазия не вступила в союз со старой аристократией, как в Англии, и не уничтожила ее с помощью крестьян и рабочих, как во Франции. Феодальная аристократия в Германии все еще является силой, враждебной буржуазии, и, вдобавок, силой, связанной с правительствами. Фабричная промышленность, основа всей социальной мощи современной буржуазии, значительно меньше развита в Германии, чем во Франции и Англии, несмотря на ее огромный прогресс с 1848 года. Колоссальные скопления капиталов у отдельных лиц, часто встречающиеся в Англии и даже во Франции, в Германии бывают реже. Отсюда — мелкобуржуазный характер всей нашей буржуазии. Условия, в которых она живет, кругозор, который она может себе выработать,— мелочны; что же удивительного в том, что и весь образ ее мыслей

такой же мелочный! Откуда же при таких условиях может появиться мужество бороться за дело до конца? Прусская буржуазия прекрасно знает, в какой зависимости от правительства она находится в сфере своей собственной промышленной деятельности. Концессии[79] и административный контроль гнетут ее, как кошмар. При открытии каждого нового предприятия правительство может чинить ей препятствия. А тем более в политической области! Во время конфликта по военному вопросу буржуазная палата может только отвергать, она вынуждена только обороняться, в то время как правительство действует агрессивно, интерпретирует по-своему конституцию, преследует либеральных чиновников, аннулирует либеральные городские выборы, пускает в ход все рычаги бюрократического насилия, чтобы втолковать буржуа их верноподданническую точку зрения, захватывает фактически одну позицию за другой и таким образом завоевывает себе такое положение, какого не было даже у Мантёйфеля. Между тем внебюджетное расходование финансов и взимание налогов спокойно производится своим чередом, а реорганизация армии приобретает с каждым годом своего существования новую силу. Короче говоря, стоящая в перспективе окончательная победа буржуазии с каждым годом приобретает все более революционный характер, а ежедневно умножающиеся частичные победы правительства во всех областях все более и более приобретают вид совершившихся фактов. К тому же появляется совершенно независимое как от буржуазии, так и от правительства рабочее движение, которое вынуждает буржуазию либо делать рабочим весьма неприятные уступки, либо же быть готовой в решительный момент действовать без помощи рабочих. Хватит ли у прусской буржуазии при таких обстоятельствах мужества стоять на своем до конца? Ей бы следовало с 1848 г. необычайно выправиться, — в ее же собственном смысле, — но та жажда компромисса, которая с момента открытия нынешней сессии все время ярко проявляется в партии прогрессистов, не свидетельствует об этом. Мы опасаемся, что буржуазия и на этот раз не остановится перед тем, чтобы совершить предательство по отношению к самой себе.

III

«Каково же отношение рабочей партии к этой реорганизации армии и к возникшему на этой почве конфликту между правительством и буржуазной оппозицией?»

Для полного развертывания своей политической деятельности рабочий класс нуждается в значительно более широкой арене, чем та, которую представляют собой отдельные государства теперешней раздробленной Германии. Государственная раздробленность будет препятствием для движения пролетариата и никогда не приобретет в его глазах права на существование, никогда не явится предметом его серьезных размышлений. Немецкий пролетариат не будет заниматься имперскими конституциями, прусским верховенством, триадой[80] и тому подобными вещами, — разве только с единственной целью навсегда покончить со всем этим; вопрос, сколько солдат требуется прусскому государству для прозябания в качестве великой державы, для него безразличен. Увеличатся ли несколько военные тяготы в результате реорганизации или нет, — для рабочего класса, *как класса,* это не имеет большого значения. Зато для него вовсе не безразлично, будет ли всеобщая воинская повинность проведена полностью или нет, Чем большее количество рабочих обучится владеть оружием, тем лучше. Всеобщая воинская повинность — необходимое и естественное дополнение к всеобщему избирательному праву; она дает возможность избирателям отстаивать свои решения с оружием в руках против всяких попыток государственного переворота.

Все более и более последовательное проведение всеобщей воинской повинности — единственный момент в реорганизации прусской армии, который представляет интерес для рабочего класса Германии.

Более важным является вопрос: какую позицию должна занять рабочая партия в возникшем на этой почве конфликте между правительством и палатой?

Современный рабочий, пролетарий, — продукт великой промышленной революции, которая именно за последние сто лет во всех цивилизованных странах совершила полный переворот во всем способе производства, сначала в промышленности, а затем и в земледелии; в результате этой революции в производстве принимают участие только два класса: класс капиталистов, владеющих орудиями труда, сырьем и жизненными средствами, и класс рабочих, которые не имеют ни орудий труда, ни сырья, ни жизненных средств, а должны сперва своим трудом покупать эти последние у капиталистов. Современный пролетарий, следовательно, имеет дело непосредственно только с *одним* общественным классом, который враждебно противостоит ему, эксплуатирует его,— с классом капиталистов, буржуа. В странах, где эта промышленная революция осуществлена полностью, как, например, в Англии, рабочий действительно имеет дело только с капиталистами, потому что и в деревне крупный арендатор имения является не чем иным, как капиталистом; аристократ, который только проедает земельную ренту со своих владений, не имеет с рабочим абсолютно никаких общественных точек соприкосновения.

Иначе обстоит дело в странах, где эта промышленная революция еще только совершается, как в Германии. Здесь еще сохранилось от прежних феодальных и послефеодальных отношений множество общественных элементов, которые, так сказать, затемняют общественную среду (medium) и лишают социальный строй Германии того простого, ясного, классического характера, которым отличается стадия развития Англии. Здесь, в Германии, в атмосфере, все более модернизирующейся с каждым днем, среди вполне современных капиталистов и рабочих живьем разгуливают изумительнейшие допотопные ископаемые: феодальные господа, вотчинные суды, захолустное юнкерство, телесные наказания, регирунгсраты, ландраты, цеховщина, конфликты из-за сферы компетенции, право административных взысканий и т. д. И мы видим, что в борьбе за политическую власть все эти ископаемые, продолжающие еще жить, объединяются против буржуазии, которая, будучи благодаря своей собственности могущественнейшим классом новой эпохи, во имя этой новой эпохи требует себе от них политического господства.

Кроме буржуазии и пролетариата, современная крупная промышленность производит еще нечто вроде промежуточного класса, стоящего между ними, — мелкую буржуазию. Эта последняя состоит частью из остатков прежнего, полусредневекового бюргерства, частью из рабочих, несколько поднявшихся над общим уровнем. Мелкая буржуазия в меньшей мере участвует

в производстве, чем в распределении товаров; главное ее занятие — розничная торговля. В то время как старое бюргерство было самым устойчивым, современная мелкая буржуазия является наиболее меняющимся классом общества; банкротство стало в ее среде постоянным явлением. Благодаря обладанию небольшим капиталом, она по своим жизненным условиям примыкает к буржуазии, по неустойчивости же своего существования — к положению пролетариата. Ее политическая позиция так же полна противоречий, как и ее общественное бытие; в общем же ее наиболее точным выражением является «чистая демократия». Ее политическое призвание состоит в том, чтобы подталкивать вперед буржуазию в ее борьбе против остатков старого общества и в особенности против ее собственной слабости и трусости и помогать в завоевании таких свобод, как свобода печати, союзов и собраний, всеобщего избирательного права, местного самоуправления, без которых, несмотря на их буржуазную природу, трусливая буржуазия все же может обойтись, но без которых рабочие никогда не смогут завоевать себе освобождения.

В ходе борьбы между остатками старого, допотопного общества и буржуазией всюду, рано или поздно, наступает такой момент, когда обе борющиеся стороны обращаются к пролетариату и ищут его поддержки. Это совпадает обыкновенно с тем моментом, когда рабочий класс сам начинает приходить в движение. Феодальные и бюрократические представители гибнущего общества призывают рабочих к нападению совместно с ними на кровопийцкапиталистов, единственных врагов рабочего, а буржуа указывают рабочим на то, что они вместе представляют новую общественную эпоху и поэтому по отношению к гибнущей *старой* общественной форме их интересы, во всяком случае, совпадают. В то же время и рабочий класс постепенно приходит к сознанию, что он является особым классом, с особыми интересами и с особым самостоятельным будущим; и вместе с тем возникает вопрос, который настойчиво выдвигался последовательно в Англии, во Франции и в Германии: какую позицию должна занять рабочая партия по отношению к борющимся?

Это прежде всего будет зависеть от того, к каким целям в интересах класса стремится рабочая партия, то есть та часть рабочего класса, которая пришла к сознанию общих интересов класса.

Насколько известно, передовые рабочие в Германии выдвигают требование: освобождение рабочих от капиталистов путем передачи капитала, принадлежащего государству, ассоциированным рабочим для ведения производства за общий счет и без

капиталистов, а в качестве средства для осуществления этой цели — завоевание политической власти путем всеобщего, прямого избирательного права[81].

Одно уже ясно: ни феодально-бюрократическая партия, которую принято называть просто *реакцией,* ни либерально-радикальная буржуазная партия не склонны будут добровольно уступить этим требованиям. Но ведь пролетариат становится силой с того момента, когда он образует самостоятельную рабочую партию, а с силой приходится считаться. Обе враждующие партии знают это и поэтому в известный момент будут склонны сделать рабочим мнимые или действительные уступки. На чьей же стороне рабочие могут добиться наибольших уступок?

Для реакционной партии уже само существование буржуа и пролетариев является бельмом на глазу. Ее сила зависит от того, будет ли снова приостановлено или, по крайней мере, замедлено современное общественное развитие. Иначе все имущие классы постепенно превратятся в капиталистов, все угнетенные классы — в пролетариев, а вместе с тем исчезнет сама собой реакционная партия. Реакция, если она последовательна, стремится, конечно, упразднить пролетариат, но не путем движения вперед к его ассоциированию, а путем возврата вспять, превращения современных пролетариев сновав цеховых подмастерьев и в крепостных или полукрепостных зависимых крестьян [bauerliche Hintersassen]. Устраивает ли наших пролетариев такое превращение? Хотят ли они снова вернуться под отеческую опеку цехового мастера и «милостивого господина», если бы нечто подобное было возможно? Разумеется, нет! Ведь именно отделение рабочего класса от всякой прежней мнимой собственности и мнимых привилегий, установление неприкрытого антагонизма между капиталом и трудом сделало вообще возможным существование единого многочисленного рабочего класса с общими интересами, существование рабочего движения, рабочей партии. К тому же подобный поворот истории вспять совершенно невозможен. Паровые машины, механические прядильные и ткацкие станки, паровые плуги и молотилки, железные дороги и электрический телеграф, современные паровые прессы делают невозможным такое нелепое движение вспять; наоборот, постепенно и неумолимо они уничтожают все остатки феодальных и цеховых отношений и растворяют все перешедшие от прежнего времени мелкие общественные противоречия в едином всемирно-историческом антагонизме между капиталом и трудом.

У буржуазии, напротив, нет никакой другой исторической задачи, как только всесторонне увеличить и поднять до высшего

уровня упомянутые ранее гигантские производительные силы и средства обмена современного общества; при помощи своих кредитных обществ прибрать к рукам и те средства производства, которые унаследованы от прежних времен, а именно земельную собственность; развить при помощи современных орудий труда все отрасли производства; уничтожить все остатки феодального производства и феодальных отношений и таким образом свести все общество к простому антагонизму между классом капиталистов и классом неимущих рабочих. В той же мере, в какой происходит это упрощение общественных классовых противоречий, растет сила буржуазии, но в еще большей мере возрастает также сила пролетариата, его классовое сознание и способность к победе; только в результате этого увеличения мощи буржуазии пролетариат мало-помалу становится большинством, преобладающим большинством в государстве, как это уже имеет место в Англии, но чего вовсе нет еще в Германии, где в деревне крестьяне всех категорий, а в городах мелкие мастера, мелкие торговцы и т. п. еще преобладают над пролетариатом.

Следовательно, каждая победа реакции задерживает общественное развитие и неизбежно отдаляет момент победы рабочих. Напротив, каждая победа буржуазии над реакцией в известной мере является вместе с тем и победой рабочих, способствует окончательному свержению господства капиталистов, приближает время победы рабочих над буржуазией.

Сравним положение немецкой рабочей партии в 1848 г. и теперь. В Германии еще достаточно ветеранов, которые накануне 1848 г., когда делались первые шаги к основанию немецкой рабочей партии, принимали в этом участие, которые после революции помогали ее построению, пока тогдашние условия позволяли это. Все они знают, какого труда стоило, даже в те бурные времена, вызвать к жизни рабочее движение, поддерживать его развитие, удалять реакционно-цеховые элементы, и как все это снова замерло спустя несколько лет. Если же теперь рабочее движение возникло, так сказать, само собой, то отчего это происходит? А оттого, что с 1848 г. крупная капиталистическая промышленность в Германии достигла неслыханных успехов, оттого, что она уничтожила массу мелких мастеров и других промежуточных элементов между рабочими и капиталистами, прямо противопоставила рабочую массу капиталистам, короче— создала значительный пролетариат там, где раньше он либо не существовал, либо был крайне малочисленным. Благодаря этому промышленному развитию рабочая партия и рабочее движение стали необходимостью.

Это не значит, что не могут наступить такие моменты, когда реакции покажется выгодным сделать уступки рабочим. Но это — уступки всегда совсем особого сорта. Они никогда не имеют политического характера. Феодально-бюрократическая реакция не станет ни расширять избирательное право, ни предоставлять свободу печати, союзов и собраний, ни ограничивать власть бюрократии. Уступки, которые она делает, всегда направлены прямо против буржуазии, и они такого сорта, что нисколько не увеличивают политической мощи рабочих. Так в Англии против воли фабрикантов был проведен закон о десятичасовом рабочем дне для фабричных рабочих. Так можно было бы в Пруссии потребовать от правительства точного исполнения предписаний о продолжительности рабочего времени на фабриках — предписаний, которые теперь существуют лишь на бумаге, — далее, можно было бы требовать права коалиций для рабочих[82] и т. д. и, может быть, добиться этого. Однако, какие бы уступки ни делались со стороны реакции, одно остается неизменным: они достигаются без каких-либо встречных услуг со стороны рабочих; и это справедливо, так как, отравляя существование буржуазии, реакция тем самым уже достигает своей цели, и рабочие не обязаны ее благодарить, да они никогда и не благодарят ее.

Но существует еще один вид реакции, который за последнее время имел большой успех и очень в моде в определенных кругах; это тот вид реакции, который в настоящее время называют бонапартизмом. Бонапартизм является необходимой государственной формой в такой стране, где рабочий класс, который достиг в городах высокой ступени своего развития, но в деревне численно перевешивается мелким крестьянством, оказался побежденным в великой революционной битве классом капиталистов, мелкой буржуазией и армией. Когда во Франции парижские рабочие были побеждены в гигантской битве в июне 1848 г., одновременно и буржуазия была совершенно истощена этой победой. Она сознавала, что второй такой победы выдержать не сможет. Номинально она еще господствовала, но была слишком слаба для господства. На первый план выдвинулась армия,— настоящий победитель, — опирающаяся на класс, из которого она преимущественно рекрутировалась, на мелких крестьян, желавших отдохнуть от городских смутьянов. Формой этого господства был, само собой разумеется, военный деспотизм, его естественным шефом — прирожденный наследник его, Луи Бонапарт.

Отношение бонапартизма как к рабочим, так и к капиталистам характеризуется тем, что он препятствует им наброситься

друг на друга. Это означает, что он защищает буржуазию от насильственных нападений рабочих, поощряет мелкие мирные стычки между обоими классами, а во всем остальном лишает как тех, так и других всяких признаков политической власти. Ни права союзов, ни права собраний, ни свободы печати; всеобщее избирательное право — но под таким бюрократическим гнетом, что оппозиционные выборы почти невозможны; засилие полиции, невиданное до сих пор даже в полицейской Франции. Наряду с этим происходит прямой *подкуп* некоторой части как буржуазии, так и рабочих; первых — путем колоссальных кредитных мошенничеств, при помощи которых деньги мелких капиталистов перекочевывают в карманы крупных; вторых — путем колоссальных государственных строительных работ, которые рядом с естественным, самостоятельным пролетариатом концентрируют в больших городах пролетариат искусственный, связанный с империей, зависимый от правительства. Наконец, льстят чувству национальной гордости посредством мнимо-героических войн, которые, однако, всегда ведутся с высочайшего дозволения Европы против общего в данный момент козла отпущения, да и то лишь при том условии, что победа заранее обеспечена.

Самое большее, что при таком правительстве достается и рабочим и буржуазии, это то, что они отдыхают от борьбы, что промышленность — при прочих благоприятных условиях— сильно развивается, что, следовательно, создаются элементы для новой и более ожесточенной борьбы и что эта борьба вспыхивает, как только перестает существовать потребность в такой передышке. Было бы верхом глупости ожидать большего для рабочих от правительства, которое как раз для того только и существует, чтобы держать рабочих в узде по отношению к буржуазии.

Перейдем теперь к специально разбираемому нами случаю. Что может предложить рабочей партии реакция в Пруссии?

Может ли эта реакция предложить рабочему классу действительное участие в политической власти? — Безусловно нет. Во-первых, в новейшей истории, ни в Англии, ни во Франции, никогда еще не бывало случая, чтобы реакционное правительство сделало это. Во-вторых, в современной борьбе в Пруссии дело идет как раз о том, сосредоточит ли правительство всю реальную власть в своих руках или же оно должно будет разделить ее с парламентом. Не станет же правительство, в самом деле, пускать все средства в ход, лишать буржуазию власти лишь для того, чтобы затем подарить эту власть пролетариату!

Феодальная аристократия и бюрократия могут сохранить свою реальную власть в Пруссии и без парламентского предста-

вительства. Их традиционное положение при дворе, в армии, среди чиновничества гарантирует им эту власть. Им даже незачем желать особого представительства, так как палаты из дворян и чиновников, существовавшие при Мантёйфеле, в настоящее время в Пруссии надолго все-таки невозможны. Поэтому они не прочь послать к черту и всю систему палат.

Напротив, буржуазия и рабочие могут действительно организованно использовать политическую власть только через парламентское представительство, а это парламентское представительство только тогда чего-нибудь стоит, когда за ним обеспечено участие в обсуждении и решении, другими словами — если оно может держать в своих руках «ключ от денежного ящика». Но именно этому-то Бисмарк, как он сам признает, хочет помешать. Мы спрашиваем: в интересах ли рабочих, чтобы у этого парламента была отнята вся власть, у парламента, в который рабочие сами рассчитывают войти посредством завоевания всеобщего и прямого избирательного права и в котором они надеются когда-нибудь составить большинство? Разве в их интересах приводить в движение все рычаги агитации с целью войти в состав такого органа, который в конечном счете не будет иметь никакого веса? Разумеется, нет!

Ну, а если бы правительство отменило существующий избирательный закон и октроировало всеобщее и прямое избирательное право? Да, *если бы! Если бы* правительство выкинуло такой бонапартистский трюк и рабочие согласились бы на это, то уже тем самым они заранее признали бы за правительством право путем нового октроирования снова уничтожить всеобщее и прямое избирательное право, как только это ему заблагорассудится. И какую ценность имело бы тогда все это всеобщее и прямое избирательное право?

Если бы правительство октроировало всеобщее и прямое избирательное право, то оно заранее ограничило бы его такими оговорками, что оно уже не было бы всеобщим и прямым избирательным правом.

Что же касается самого всеобщего и прямого избирательного права, то стоит только отправиться во Францию, чтобы убедиться, какие безобидные выборы можно проводить при его помощи, когда имеется многочисленное тупое сельское население, хорошо организованная бюрократия, хорошо вышколенная пресса,союзы, в достаточной степени придавленные полицией, и совершенно нет никаких политических собраний. Много ли представителей рабочих вводит всеобщее и прямое избирательное право во французскую палату? А ведь французский пролетариат имеет перед немецким то преимущество, что он значительно более

концентрирован и обладает более продолжительным опытом борьбы и организации.

Тут возникает еще другой вопрос. В Германии сельского населения вдвое больше, чем городского, то есть в Германии $^2/_3$ населения живет земледелием и $^1/_3$ промышленностью. И так как крупное землевладение является в Германии правилом, а мелкий парцелльный крестьянин — исключением, то, иными словами, это значит, что если $^1/_3$ рабочих находится под командой капиталистов, то $^2/_3$ находятся *под командой феодальных господ.* Пусть же люди, которые все время нападают на капиталистов, но не находят ни одного негодующего словечка против феодалов, хорошенько поймут это. В Германии феодалы эксплуатируют вдвое большее количество рабочих, чем буржуазия; они являются в Германии точно такими же прямыми противниками рабочих, как и капиталисты. Но это далеко еще не все. Патриархальное ведение хозяйства в старых феодальных имениях приводит к наследственной зависимости сельского батрака иди безземельного крестьянина [Hausler] от его «милостивого господина», зависимости, сильно затрудняющей сельскохозяйственному пролетарию приобщение к движению городских рабочих. Попы, систематическое отупление деревни, скверное школьное обучение, оторванность людей от всего мира довершают остальное. Сельскохозяйственный пролетариат представляет собой ту часть рабочего класса, которая с наибольшим трудом и позднее других уясняет себе свои собственные интересы, свое собственное общественное положение; иными словами, это — та часть, которая дольше всего остается бессознательным орудием в руках эксплуатирующего ее привилегированного класса. А что же это за класс? В Германии это — не буржуазия, а *феодальное дворянство.* Но даже во Франции, где ведь существуют почти исключительно свободные крестьяне, владеющие землей, где у феодального дворянства давно уже отнята всякая политическая власть, всеобщее избирательное право не привело рабочих в палату, а наоборот, почти совсем устранило их оттуда. Каков же был бы результат всеобщего избирательного права в Германии, где феодальное дворянство является еще реальной социальной и политической силой и где на одного промышленного рабочего приходится два сельскохозяйственных рабочих? В Германии борьба против феодальной и бюрократической реакции — ведь та и другая у нас теперь неотделимы — равносильна борьбе за духовное и политическое освобождение сельского пролетариата, и пока сельский пролетариат не втянут в движение, до тех пор городской пролетариат в Германии не может достигнуть и не достигнет ни малейшего успеха, до тех пор всеобщее и прямое

избирательное право является для пролетариата не оружием, а *западней.*

Быть может, это весьма откровенное, но необходимое разъяснение Воодушевит феодалов на выступление в пользу всеобщего и прямого избирательного права. Тем лучше.

Или, может быть, правительство ограничивает (если вообще при нынешнем положении дел есть еще что ограничивать) печать, право союзов, право собраний в отношении буржуазной оппозиции только для того, чтобы сделать подарок рабочим в виде свободной печати, свободного права союзов и собраний? В самом деле, не идет ли рабочее движение спокойно и беспрепятственно своим путем?

Вот тут-то и зарыта собака. Правительство *знает,* и буржуазия также знает, что все нынешнее немецкое рабочее движение только *терпимо,* — оно существует лишь до тех пор, пока это *угодно* правительству. Пока правительству выгодно, чтобы это движение существовало, чтобы у буржуазной оппозиции вырос новый, независимый противник, до тех пор оно будет терпеть это движение. Но с того момента, когда это движение превратит рабочих в самостоятельную силу, когда оно вследствие этого станет опасным для правительства, такому положению сразу наступит конец. Приемы, посредством которых покончили с агитацией прогрессистов в печати, союзах и на собраниях, пусть послужат предостережением для рабочих. Те же самые законы, указы и карательные меры, которые были применены в то время, могут быть в любой день направлены против рабочих и положат конец их агитации; они и будут применены, как только эта агитация станет опасной. Чрезвычайно важно, чтобы рабочие ясно разбирались в этом вопросе, чтобы они не впали в то самое заблуждение, в какое впала буржуазия при «новой эре», когда ее тоже только *терпели,* а она уже считала свое положение прочным. И если бы кто-либо вообразил, что теперешнее правительство освободит печать, право союзов и собраний от нынешних оков, то он относился бы именно к тем людям, с которыми не стоит и разговаривать. А без свободы печати, без права союзов и собраний рабочее движение невозможно.

Существующее в Пруссии правительство не так глупо, чтобы самому себе перерезать горло. И если бы дело дошло до того, что реакция кинула бы немецкому пролетариату в виде приманки несколько мнимых политических уступок, то — надо надеяться — немецкий пролетариат ответит ей гордыми словами старой «Песни о Хильдебранде»[83]:

Mit geru scal man geba infahan, ort widar orte.
«С копьем в руке примем мы дары твои, с копьем наперевес».

Что касается *социальных* уступок, которые реакция могла бы сделать рабочим, — сокращение рабочего дня на фабриках, лучшее соблюдение фабричных законов, право коалиции и т. д., — то опыт всех стран доказывает, что реакция делает такие предложения без того, чтобы рабочим нужно было предлагать ей за это хоть что-нибудь взамен. Реакция нуждается в рабочих, а вовсе не рабочие в реакции. Следовательно, пока рабочие в своей собственной самостоятельной агитации отстаивают эти требования, они могут рассчитывать на то, что наступит момент, когда реакционные элементы выдвинут те же самые требования исключительно для того, чтобы досадить буржуазии; и таким путем рабочие достигают успехов против буржуазии, нисколько не будучи обязанными благодарить реакцию.

Но если рабочей партии нечего ожидать от реакции, кроме мелких уступок, которые ей и так достанутся, без необходимости ради них заниматься попрошайничеством, — то чего же может она ожидать от буржуазной оппозиции?

Мы видели, что буржуазия и пролетариат — оба дети новой эпохи, что оба они в своей общественной деятельности стремятся к тому, чтобы устранить остатки хлама, унаследованного от прежних времен. Правда, они должны вести между собой очень серьезную борьбу, но эта борьба может быть доведена до конца только тогда, когда они будут стоять друг против друга, один на один. Только благодаря тому, что старый хлам полетит за борт, «корабль будет готов к бою», но с той лишь разницей, что на этот раз бой развернется не между двумя судами, а на борту одного корабля, между офицерами и матросами.

Буржуазия не может завоевать своего политического господства, не может выразить это политическое господство в конституции и в законах без того, чтобы не дать в то же время оружия в руки пролетариата. Против старых сословий, различающихся по признаку происхождения, она должна начертать на своем знамени права человека; против цеховщины — свободу торговли и промыслов; против бюрократической опеки — свободу и самоуправление. Чтобы быть последовательной, она должна, стало быть, требовать всеобщего и прямого избирательного права, свободы печати, союзов, собраний и отмены всех исключительных законов против отдельных классов населения. Но это и все, чего пролетариат должен требовать от буржуазии. Он не может требовать, чтобы буржуазия перестала быть буржуазией, но он несомненно может требовать, чтобы она последовательно проводила свои собственные принципы. А вместе с этим пролетариат получает в руки и то оружие, которое ему необходимо для его окончательной победы. С помощью свободы печати, права соб-

раний и союзов он завоевывает себе всеобщее избирательное право, с помощью же всеобщего и прямого избирательного права, в сочетании с указанными агитационными средствами, — все прочее.

Следовательно, в интересах рабочих поддерживать буржуазию в ее борьбе против всех реакционных элементов *до тех пор, пока она верна самой себе.* Каждое завоевание, которое буржуазия вырывает у реакции, идет при этих условиях, в конечном счете, на пользу рабочему классу. Это инстинктивно поняли и немецкие рабочие. Во всех немецких государствах они совершенно правильно голосовали повсюду за наиболее радикальных кандидатов, имевших шансы быть избранными.

Но что, если буржуазия изменит самой себе, если она предаст свои собственные классовые интересы и вытекающие из них принципы?

Тогда у рабочих остаются два пути!

Либо толкать вперед буржуазию вопреки ее воле, насколько возможно принуждать ее расширить избирательное право, обеспечить свободу печати, союзов и собраний и таким образом создать пролетариату условия, при которых он получит свободу движения и организации. Так поступали английские рабочие со времени парламентской реформы 1832 г., французские рабочие со времени июльской революции 1830 г., и именно посредством и с помощью этого движения, ближайшие цели которого были чисто буржуазного характера, они способствовали своему собственному развитию и организации больше, чем каким-либо иным путем. А такой случай неизбежно наступит, ибо буржуазия, при недостатке у нее политического мужества, повсюду время от времени изменяет себе.

Либо же рабочие совершенно отворачиваются от буржуазного движения и предоставляют буржуазию ее участи. Этот случай имел место в Англии, Франции и Германии после поражения европейского рабочего движения в 1848—1850 годах. Он возможен только после колоссального и в данный момент безрезультатного напряжения сил, после которого класс нуждается в передышке. При здоровом состоянии рабочего класса такого рода случай невозможен; ведь он был бы равносилен полному политическому самоотречению, а на это не способен на долгий срок такой мужественный по своей природе класс, класс, которому нечего терять и который должен приобрести все.

Даже в самом крайнем случае, когда буржуазия из страха перед рабочими спрячется за спину реакции и для защиты от рабочих будет взывать к силе враждебных ей элементов, — даже и тогда рабочей партии не останется ничего другого, как

продолжать агитацию, которой буржуазия изменила, агитацию вопреки буржуазии за буржуазную свободу, свободу печати, за право собраний и союзов. Без этих свобод рабочая партия сама не может получить свободу движения; борясь за них, она борется за условия своего собственного существования, за воздух, который ей нужен для дыхания.

Само собой разумеется, что во всех этих случаях рабочая партия не будет просто плестись в хвосте у буржуазии, а будет выступать как совершенно отличная от нее, самостоятельная партия. Она будет по всякому поводу напоминать буржуазии, что классовые интересы рабочих и классовые интересы капиталистов прямо противоположны и что рабочие сознают это. Она будет сохранять и развивать свою собственную организацию в противовес партийной организации буржуазии и только вести с последней переговоры как сила с силой. Таким путем она обеспечит себе позицию, которая внушит к ней уважение, будет разъяснять отдельным рабочим их классовые интересы, и при ближайшей революционной буре, — а эти бури теперь так же регулярно повторяются, как торговые кризисы и как бури в дни равноденствия, — будет готова к действию.

Отсюда сама собой вытекает политика рабочей партии в прусском конституционном конфликте:

прежде всего сохранять рабочую партию организованной, насколько это позволяют нынешние условия;

понуждать партию прогрессистов к *действительному* прогрессу, насколько это возможно; заставить ее сделать свою программу более радикальной и придерживаться этой программы; беспощадно бичевать и высмеивать каждый ее непоследовательный шаг и каждую слабость;

военный вопрос, как таковой, предоставить его естественному ходу, отдавая себе отчет в том, что рабочая партия тоже проведет когда-нибудь свою собственную, *немецкую* «реорганизацию армии»;

на лицемерные же заигрывания реакции отвечать: «С копьем в руке примем мы дары твои, с копьем наперевес».

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «SOCIAL-DEMOKRAT» [84]

Нижеподписавшиеся обещали свое сотрудничество в «Social-Demokrat» и разрешили опубликовать свои имена в списке сотрудников лишь при непременном условии, что газета будет редактироваться в духе той краткой программы, которая была им сообщена. Ни на минуту не упускали они из виду трудного положения «Social-Demokrat» и поэтому никаких требований, не подходящих для берлинского меридиана, не предъявляли. Но они неоднократно требовали, чтобы против министерства и феодально-абсолютистской партии выступали, по крайней мере, столь же смело, как против прогрессистов. Тактика, которой придерживается «Social-Demokrat», исключает возможность их дальнейшего сотрудничества в нем. Взгляд нижеподписавшихся на королевско-прусский правительственный социализм и на правильную позицию рабочей партии по отношению к такого рода обману был уже подробно развит в № 73 «Deutsche-Brusseler-Zeitung» от 12 сентября 1847 г. в ответ на № 206 выходившего тогда в Кёльне «Rheinischer Beobachter»[85], в котором предлагался союз «пролетариата» с «правительством» против «либеральной буржуазии». Мы и сегодня подписываемся под каждым словом нашего тогдашнего заявления.

Фридрих Энгельс, Карл Маркс

Лондон и Манчестер, 23 февраля 1865 г.

Написано К. Марксом 18 февраля 1865 г.

Напечатано в газете «Social-Demokrat» № 29, 3 марта 1865 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАМЕТКА О БРОШЮРЕ «ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ» [86]

На днях в издательстве Отто Мейснера в Гамбурге выйдет брошюра *Фридриха Энгельса* под заглавием «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» (цена 6 зильбергрошей). В противоположность новейшей «социал-демократической» партийной тактике* автор в этой брошюре снова отстаивает ту позицию, на которой стояли литературные представители пролетариата 1846—1851 гг., и развивает эту точку зрения как против реакции, так и против прогрессистской буржуазии в связи с обсуждаемыми как раз теперь военным и бюджетным вопросами.

Написано Ф. Энгельсом 27 февраля 1865 г.

Напечатано в газете «Berliner Reform» № 53, 3 марта 1865 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* В варианте данной заметки, посланном в письме к Зибелю от 27 февраля 1865 г., Энгельс так характеризует сущность этой тактики: «бисмаркофильское направление, усвоенное новейшей «социал-демократией», делало невозможным участие представителей «Neue Rheinische Zeitung» в органе *этой* «социал-демократии»». Эти слова включены в текст заметки, опубликованной в «Dusseldorfer Zeitung». *Ред.*

INTERNATIONAL

Working Men's Association

INTERNLE ARBEITER ASSOCN. ASSOCIATION INTERNLE DES OUVRIERS. ASSOCNE INTERNLE OPERAI

CARD OF MEMBERSHIP.

This is to Certify that Frederick Engels was admitted a Member of the abovc Association 18

and paid as his Annual Subscription

R. Shaw Corresponding Secretary for America.

Bernard	Cor. Sec for Belgium.	Jules Johannard	Italy.
Eugene Dupont	France.	Anthony Zabicki	Poland.
Karl Marx	Germany	H. Jung	Switzerland.
[illegible]	Treasurer.	J. George Eccarius	Secr Gen Council.

Членский билет Международного Товарищества Рабочих, принадлежавший Ф. Энгельсу

К. МАРКС

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИЙ О КОНФЛИКТЕ В ПАРИЖСКОЙ СЕКЦИИ [87]

1) Центральный Совет в Лондоне утверждает настоящий состав Правления парижского отделения в лице граждан Толена, Фрибура и Лимузена, а также выражает им свою благодарность за их усердную деятельность.

2) Введение гражданина *Пьера Венсара* в состав Правления парижского отделения признается желательным[88].

3) Выражая благодарность гражданину Лефору за участие, которое он принял в организации Международного Товарищества, и искренне желая его сотрудничества в качестве homme de conseil* при Правлении парижского отделения, лондонский Центральный Совет вместе с тем не считает себя вправе навязывать гражданина Лефора Правлению парижского отделения в какой бы то ни было официальной должности.

4) Гражданин *Виктор Шили* назначается *представителем* лондонского Центрального Совета в Париже.

В качестве такового ему надлежит действовать только совместно с *Правлением* парижского отделения. Он будет осуществлять то droit de surveillance**, которое само парижское отделение сочло нужным признать как необходимый атрибут Центрального Совета, обусловленный современной политической конъюнктурой.

Написано К. Марксом 4 марта 1865 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

---

* — советника. *Ред.*
** — право наблюдения. *Ред.*

К. МАРКС

РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О КОНФЛИКТЕ В ПАРИЖСКОЙ СЕКЦИИ [89]

I резолюция. Поскольку гражданин Толен неоднократно подавал в отставку, а Центральный Совет каждый раз отказывался удовлетворить его просьбу, то Совет предоставляет гражданину Толену и Парижскому правлению в настоящий момент еще раз обсудить, является ли при нынешних обстоятельствах такое освобождение от должности целесообразным. Центральный Совет заранее утверждает любое решение, которое Правление примет по этому вопросу[90].

II резолюция. Принимая во внимание пожелания 32 членов Международного Товарищества Рабочих, выраженные на собрании, состоявшемся в Париже 24 февраля, и верный основным принципам суверенитета и самоуправления народа, Центральный Совет отменяет свое постановление о назначении официального защитника для французской прессы. Вместе с тем Совет пользуется этим случаем, чтобы выразить свое глубокое уважение гражданину Лефору как одному из инициаторов создания Международного Товарищества Рабочих, в частности, и как заслуженному общественному деятелю вообще[91]; — далее Совет протестует против того принципа, будто только ouvrier* может быть признан в качестве должностного лица в нашем Товариществе[92].

III резолюция. Совет постановляет утвердить состав нынешнего Правления, включив в него еще гражданина Венсара.

IV резолюция. Центральный Совет настоятельно рекомендует Парижскому правлению прийти к соглашению с гражданами

* — рабочий. *Ред.*

Лефором и Белюзом так, чтобы они и та группа рабочих, представителями которой они являются, были представлены в Правлении тремя членами. Однако выражая такое пожелание, Совет не имеет ни права, ни намерения диктовать свою волю.

V резолюция. Так как Парижское правление выразило свою готовность признать непосредственного представителя Центрального Совета, Совет назначает гражданина Шили своим представителем при названном Правлении.

Частная инструкция Шили

«Совет заявляет, что в случае, если соглашение не будет достигнуто, группа Лефора имеет право по нашему Уставу (см. § 7[*]) *после получения членских карточек* образовать местную секцию Товарищества».

Это надо сообщить in terrorem[**], но конфиденциально, Фрибуру и К°, чтобы побудить их сделать необходимые уступки при условии, если Лефор и Белюз (директор Народного банка[93]) искренне постараются побудить свою группу стать членами Товарищества.

Написано К. Марксом

Утверждено Генеральным Советом 7 марта 1865 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

[*] См. настоящий том, стр. 14. *Ред.*

[**] — в качестве угрозы. *Ред.*

К. МАРКС

РЕЦЕНЗИЯ НА БРОШЮРУ Ф. ЭНГЕЛЬСА «ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ»[94]

«ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ» ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА (ГАМБУРГ, ОТТО МЕЙСНЕР)[*]

Эта весьма важная брошюра делится на три главы.

В первой автор подвергает критике реорганизацию прусской армии с точки зрения военной науки. Главную ошибку он усматривает в том, что план этой реорганизации, «под видом возвращения к первоначальной *всеобщей воинской повинности,* которая ... не может существовать без *ландвера,* как мощного резерва армии, ... делает скорее уклон в сторону *франко-австрийской кадровой системы».*

Во второй главе в резкой форме критикуется подход к военному вопросу со стороны *буржуазной оппозиции.* Автор приходит к такому заключению:

«Безразлично, в результате каких ошибок и хитросплетений буржуазная оппозиция очутилась теперь в таком положении, что она должна либо одержать победу в военном вопросе, либо потерять тот остаток политической власти, которым она еще обладает... Хватит ли у прусской буржуазии... мужества стоять на своем до конца? Ей бы следовало с 1848г. необычайно выправиться... но та жажда компромисса, которая с момента открытия нынешней сессии все время ярко проявляется в партии прогрессистов, не свидетельствует об этом»[**].

В третьей главе автор исследует вопрос об отношении «рабочей партии к этой реорганизации армии» и «к возникшему на этой почве конституционному конфликту». Его ответ резюмируется в следующих словах:

[*] «Die preussische Militarfrage und die deutsche Arbeiterpartei». Von Friedrich Engels (Hamburg, Otto Meissner). *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 64—65. *Ред.*

«Все более и более последовательное проведение всеобщей воинской повинности — единственный момент в реорганизации прусской армии, который представляет интерес для рабочего класса Германии»*.

Политика, которую должен проводить рабочий класс в конституционное конфликте, заключается в том, чтобы «прежде всего сохранять рабочую партию организованной, насколько это позволяют нынешние условия; понуждать партию прогрессистов к *действительному* прогрессу, насколько это возможно... на лицемерные же заигрывания реакции отвечать: «С копьем в руке примем мы дары твои, с копьем наперевес»»**.

Написано К. Марксом около 13 марта 1865 г.

Напечатано в газете «Hermann» 18 марта 1865 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* См. настоящий том, стр. 66. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 78. *Ред.*

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРИЧИНАХ ОТКАЗА ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА В ГАЗЕТЕ «SOCIAL-DEMOKRAT» [95]

В свое послесловие к заявлению гг. *Рюстова* и *Гервега о* их выходе из состава сотрудников *(«Social-Demokrat»* № 31) г-н фон Швейцер включил присланную из Лондона в *«Neue Frankfurter Zeitung»* статью для доказательства того, «как *непоследовательно* и *внутренне не обосновано* поведение гг. *Маркса* и *Энгельса».* Он пытается фальсифицировать факты. Поэтому даем следующую фактическую справку:

11 ноября 1864 г. г-н фон Швейцер письменно уведомил меня об основании газеты *«Social-Democrat», органа Всеобщего германского рабочего союза,* и, между прочим, сообщил в связи с этим следующее:

«Мы обратились, примерно, к 6—8 испытанным членам партии или, по крайней мере, к близко стоящим к ней людям с целью привлечь их к сотрудничеству, и можно почти не сомневаться, что они дадут свое согласие. Однако мы считаем *несравненно более важным,* чтобы *Вы, основатель немецкой рабочей партии»* (эти слова подчеркнуты самим г-ном фон Швейцером) «*и ее первый передовой боец, помогли бы* нам своим сотрудничеством. *Мы питаем надежду, что Союзу,* который хотя бы косвенно *обязан своим происхождением Вашей собственной деятельности,* Вы окажете поддержку после постигшей его великой утраты в его тяжелой борьбе».

К этому пригласительному письму был приложен *проспект, «изданный на правах рукописи».* Вопреки тому, что теперь, вслед за *«Neue Frankfurter Zeitung»,* лживо утверждает г-н фон Швейцер, будто бы в этом проспекте «основой являлись лозунги Лассаля» или же будто «на знамени было начертано имя Лассаля», в нем не фигурировали ни лозунги Лассаля, ни его имя. Проспект содержал только три пункта: «солидарность народных

интересов», «вся могущественная Германия — единое свободное народное государство», «уничтожение господства капитала». Прямо сославшись на *этот* проспект, мы с Энгельсом обещали свое сотрудничество.

19 ноября 1864 г. г-н фон Швейцер писал мне:

«Если бы Вы еще хотели сделать какие-нибудь замечания относительно издания проспекта, сообщите их *немедленно».*

Никаких замечаний я не сделал.

Далее г-н фон Швейцер запросил:

«Можем ли мы» (редакция) «ожидать от Вас время от времени статей и *не позволите ли Вы* нам вместе с тем *сообщить об этом нашим читателям?»*

Мы с Энгельсом потребовали, чтобы нам сперва была дана возможность ознакомиться, в чьем обществе нам предстояло публично фигурировать. Г-н фон Швейцер после этого перечислил сотрудников, добавив:

«Если участие кого-либо из этих господ явилось бы для Вас препятствием, то вопрос, надо надеяться, будет улажен, если Вы примете во внимание, что ведь между сотрудниками газеты вовсе не существует строгой солидарности».

28 ноября г-н фон Швейцер писал:

«Согласие Ваше и Энгельса *вызвало в партии,* поскольку она вообще *посвящена* в это, *самую радостную сенсацию».*

Уже два первых пробных номера содержали в себе кое-что, вызывавшее сомнение. Я заявил протест. И *между прочим* я высказал свое возмущение по поводу того, что из частного письма, которое я, узнав о смерти Лассаля, написал графине Гацфельдт, были вырваны несколько слов соболезнования, опубликованы без моего согласия за моей подписью и что ими нагло *злоупотребили,* устроив раболепно-льстивый *«трезвон»* по адресу Лассаля. Г-н фон Швейцер ответил мне 30 декабря:

«Милостивый государь! Будьте *снисходительны к* нам — дело *мало-помалу наладится,* наше положение очень затруднительно. Хорошие вещи делаются не сразу, и *поэтому я надеюсь,* что *Вы успокоитесь и присмотритесь в течение некоторого времени».*

Это было *уже 20 декабря 1864 г.*, когда у меня были еще только первые пробные номера!

В начале *января 1865 г.,* после конфискации одного из первых номеров *«Social-Demokrat», я* поздравил г-на фон Швейцера с этим событием, прибавив, что он должен открыто порвать с министерством.

Когда пришло известие о смерти *Прудона,* он попросил у меня статью о Прудоне. Я исполнил его желание, послав статью

с ближайшей почтой, однако воспользовался этим случаем, чтобы охарактеризовать теперь в его собственной газете «всякий, хотя бы только *кажущийся, компромисс* с существующей властью» как нарушение «простого морального такта», а заигрывание Прудона с Л. Бонапартом после государственного переворота — как «подлость»*. Одновременно *Энгельс* послал ему перевод одной стародатской крестьянской песни**, чтобы в пояснении к ней внушить читателям *«Social-Demokrat»* необходимость борьбы против заскорузлого юнкерства.

В течение того же *января* мне пришлось, однако, снова заявить протест против «тактики» г-на фон Швейцера[96]. Он отвечал мне 4 *февраля:*

«Что касается *нашей тактики,* то прошу Вас учесть, насколько затруднительно наше положение. Мы непременно должны попытаться сперва *укрепиться* и т. п.»

В конце января одна инсинуация в корреспонденции из Парижа в *«Social-Demokrat»* заставила Энгельса и меня выступить с заявлением***, в котором между прочим говорилось, что мы рады констатировать подтверждение нашего мнения о том, что «парижский пролетариат, как и прежде, непримиримо враждебен бонапартизму в обоих его видах — и в образе Тюильри, и в образе Пале-Рояля — и что ни на миг у него не появлялась мысль продавать свое историческое право первородства, как передового борца революции, за чечевичную похлебку». Заявление оканчивалось словами: «Мы рекомендуем этот пример немецким рабочим».

Тем временем парижский корреспондент в № 21 *«Social-Demokrat»* исправил свое прежнее сообщение и отнял таким образом у нашего заявления его непосредственный повод. Поэтому мы не возражали против отказа г-на фон Швейцера напечатать его. Но в то же время я написал ему, что «мы подробно изложим в другом месте наш взгляд на отношение рабочих к прусскому правительству». Наконец, я сделал последнюю попытку разъяснить ему на *практическом примере,* на *вопросе о коалициях,* все убожество его *«тактики»,* если только она действительно вытекала из честных мотивов[97]. Он ответил мне 15 февраля:

«Если Вам угодно, как в последнем письме, давать мне разъяснения по *теоретическим (!) вопросам,* то я с *благодарностью* приму от Вас такое *поучение.* Что же касается *практических вопросов тактики сегодняшнего дня,* то прошу Вас учесть, что для того, чтобы судить об этих вещах,

* См. настоящий том, стр. 30. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 32—33. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 34. *Ред.*

нужно находиться в центре движения. Поэтому Вы несправедливы к нам, если *где-либо и в какой бы то ни было форме высказываете Ваше недовольство нашей тактикой.* Вы могли бы это делать только в том случае, если бы точно знали положение. Не забывайте также, что Всеобщий германский рабочий союз — сплоченная организация и что он до известной степени связан *своими традициями.* Ведь вещи in concreto* всегда сопровождаются некоторыми *осложнениями».*

Ответом на этот швейцеровский ультиматум было наше с Энгельсом официальное заявление о выходе из состава сотрудников газеты**.

Карл Маркс

Лондон, 15 марта 1865 г.

Напечатано в газете «Berliner Reform» № 67, 19 марта 1865 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — на практике. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 79. *Ред.*

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «BERLINER REFORM» [98]

Из присланных мне сюда № 68 газеты *«Reform»* и № 37 *«Social-Demokrat»* я вижу, что растерянный и изолгавшийся г-н фон Швейцер делает попытки вывернуться из созданных им же самим «милых препятствий»[*]. Habeat sibi![**] Однако я не позволю ему превратить мое заявление от 15 марта[***], в котором я просто предоставляю ему возможность дать характеристику самому себе, в *заявление о Лассале.* Охватывающая приблизительно 15 лет и находящаяся в моих руках переписка Лассаля со мной совершенно лишает Швейцера и К° возможности представить в извращенном виде наши личные отношения, либо взять под подозрение мотивы моего нейтрального отношения к лассалевской агитации. Что же касается отношения теоретических работ Лассаля к моим, то это — дело научной критики. Возможно, что в дальнейшем представится случай для рассмотрения того или иного вопроса. Но при всех условиях уважение к памяти Лассаля запрещает мне превращать такого рода вещи в предмет газетной полемики с сикофантами.

Карл Маркс

Зальтбоммель, 28 марта 1865 г.

Напечатано в газете «Berliner Reform» № 78, 1 апреля 1865 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью

Перевод с немецкого

[*] Гейне. «Новая весна». Пролог. *Ред.*

[**] — Пусть себе! *Ред.*

[***] См. настоящий том, стр. 86—89. *Ред.*

К. МАРКС

«ПРЕЗИДЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» [99]

По случаю моего возвращения из Голландии в Лондон «Social-Demokrat» преподносит мне в № 39 собственноручно испеченный г-ном Бернхардом Беккером пирог Asa fotida[100], состряпанный главным образом из крох фогтовской клеветы. Судебно-документальное опровержение лживых фогтовских выдумок находится в моем сочинении «Господин Фогт», Лондон, 1860 год[101]. Однако совершенно вопреки своему обыкновению, г-н Бернхард Беккер, «президент человечества», не ограничивается на сей раз простым списыванием. Впервые в своей жизни он пытается сказать нечто свое.

«Больше того», — говорит «президент человечества», — «Маркс заложил через Дронке за 1000 талеров рукопись, которая была выкуплена прусским комиссаром полиции Штибером, шпионившим за эмигрантами в Лондоне».

И трижды на протяжении своего самолично оглашенного президентского доклада наш Бернхард Беккер со все возрастающей резвостью возвращается к этому «факту».

На стр. 124 моего «Господина Фогта» я говорю в примечании[102]:

«Я сам познакомился в 1850 г. в Лондоне с Бандьей и его тогдашним приятелем, теперь генералом Тюрром. Подозрения, вызванные во мне его плутнями со всевозможными партиями — орлеанистами, бонапартистами и т. д. — и его сношениями с полицейскими всех «национальностей», он рассеял простым способом, предъявив мне изготовленный собственноручно Кошутом патент, согласно которому Бандья, бывший уже ранее временным полицей-президентом в Коморне под начальством Клапки,

назначался теперь полицей-президентом in partibus*. В качестве тайного начальника полиции на службе революции он, естественно, должен был иметь «открытый» доступ к полиции, находящейся на службе правительств. Летом 1852 г. я обнаружил, что он утаил рукопись, которую я передал ему для одного берлинского книготорговца, и доставил ее одному из немецких правительств[103]. После того как я написал об этом эпизоде и о других давно бросавшихся мне в глаза особенностях этого человека одному венгру в Париже (Семере) и загадка Бандьи, благодаря вмешательству третьего достаточно осведомленного лица, была вполне решена, я в начале 1853 г. послал за своей подписью публичное разоблачение его в «New-Yorker Criminal-Zeitung»»[104].

«Президент человечества», видимо, не читал опубликованного мною 13 лет тому назад в «New-Yorker Criminal-Zeitung» подробного разоблачения Бандьи, который в то время проживал еще в Лондоне. Иначе он, пожалуй, подогнал бы свои измышления несколько ближе к фактическому положению вещей. А так он целиком отдается игре своей пленительной фантазии, и что же могло быть ей ближе, чем приятная ассоциация мыслей — Лондон и заклад? Тем не менее я ручаюсь, что Бернхард Беккер никогда не закладывал своих рукописей.

«Президент человечества» соблаговолил далее добавить:

«что при появлении венского «Botschafter», официозного органа австрийского правительства, Маркс хотел заполучить меня» (того же самого Бернхарда Беккера) «корреспондентом этой газеты, причем он умолчал об официозном характере новой газеты, которая, по его словам, была ему прислана; напротив, он подчеркивал, что я могу давать туда весьма резкие статьи».

Г-н Бернхард Беккер, который тогда еще не был «президентом человечества» и имел неизменную привычку кропать «весьма бесцветные статьи» для лондонского «Hermann», удивил меня в один прекрасный вечер (до этого я случайно видел его только один или два раза), появившись собственной персоной в моем доме — незадолго перед тем как он по известным причинам потихоньку улизнул из Лондона. Он жалобно скулил предо мной о своей несчастной судьбе и просил, не могу ли я достать ему корреспондентскую работу, чтобы помочь в его горькой нужде? Я ответил, что г-н Колачек известил несколько дней тому назад г-на С. Боркхейма, политического эмигранта и купца в Сити, об основании новой, якобы «очень либеральной» венской газеты, прислал ему пробные номера и просил его завербовать лондон-

* — in partlbua Infldelium — вне реальной действительности, за границей (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

ского корреспондента. Идя навстречу горячо выраженному желанию Бернхарда Беккера, я обещал обратиться по этому поводу к г-ну Боркхейму, который всегда охотно оказывает услуги эмигрантам. Насколько мне помнится, Бернхард Беккер написал даже одну или несколько пробных статей в Вену. И вот оказывается, что его неудачная попытка сделаться корреспондентом «Botschafter» доказывает мою связь с австрийским правительством! Г-н Бернхард Беккер полагает, очевидно, что если графиня Гацфельдт предоставила ему должность, то господь бог даровал ему также и необходимый для этого разум!

«И вот», — рассказывает далее Бернхард Беккер, — «Либкнехт систематически воздействует на графиню Гацфельдт, которой и Маркс шлет телеграммы и письма, чтобы настроить ее против Союза».

Г-н Бернхард Беккер воображает, что перешедший к нему по завещанию сан[105] я принимаю совершенно так же «систематически» всерьез, как и сам он! Мои письма к графине Гацфельдт после смерти Лассаля содержали выражение соболезнования, ответы на различные вопросы, поставленные мне в связи с подготовлявшейся брошюрой о Лассале, а также разъяснения по поводу отпора, который меня просили дать одному из тех, кто клеветал на Лассаля, что я и сделал*. Во избежание недоразумений, я, однако, счел целесообразным напомнить графине в письме от 22 декабря 1864 г., что я не был согласен с политикой Лассаля. Этим и закончилась наша переписка, в которой не было ни слова о Союзе[106]. Графиня просила меня, между прочим, срочно написать ей, считаю ли я уместным приложить некоторые портреты к подготовлявшейся брошюре. Я ответил телеграммой: нет! Эта единственная телеграмма фигурирует у г-на Бернхарда Беккера, — столь же великого лингвиста, как поэта и мыслителя, — во множественном числе.

Он рассказывает, что я и после этого принял участие в одной направленной против него кампании. Единственный шаг, сделанный мною в этом сугубо важном деле, заключался в следующем: из Берлина мне написали, что определенные круги преследуют Бернхарда Беккера за то, что он не желает использовать «Social-Demokrat» и Союз для агитации за включение Шлезвиг-Гольштейна в состав Пруссии[107]. В то же время меня просили предостеречь относительно этой «интриги» г-на Клингса в Золингене, — некоторое влияние на которого приписывалось мне вследствие прежних наших связей, — и г-на Филиппа Беккера в Женеве. Я сделал и то, и другое — первое через одного

* См. настоящий том, стр. 21—23. *Ред.*

барменского друга[*], второе через моего друга Шили в Париже, который, подобно мне, вообразил, что в «президенте человечества» шевельнулось что-то человеческое и что он в самом деде хоть раз повел себя прилично. Теперь он, конечно, придает фактам прямо противоположный смысл — как диалектик!

Но «президент человечества» велик не только как поэт, мыслитель, лингвист и диалектик. Он вдобавок еще и патолог чистейшей воды. Мою полуторагодичную болезнь — карбункулез, случайно продолжавшуюся еще 6 месяцев после смерти Лассаля, эту багряную болезнь он объясняет «черной завистью к величию Лассаля».

«Но», — патетически добавляет он, — «он не дерзнул выступить против Лассаля, потому что превосходно знал, что тот уложил бы его на месте своей гигантской палицей, как уложил Бастиа-Шульце».

Однако как раз в этом своем последнем сочинении о «Бастиа-Шульце»[108] Лассаль свыше всякой меры превозносит мою «Критику политической экономии», Берлин, 1859[109], называет ее произведением, «создающим эпоху», «шедевром» и ставит ее наравне с произведениями А. Смита и Рикардо. Отсюда г-н Бернхард Беккер со свойственной ему силой мышления делает вывод, что Лассаль мог бы поразить меня насмерть так же, как Шульце-Бастиа. Впрочем, Лассаль имел также совсем иное представление о моем «дерзании». Когда, в связи с одним обстоятельством, о котором здесь не к чему говорить, я написал ему, что мы с Энгельсом будем вынуждены публично выступить против него по причинам, которые я привел[110], он ответил подробно письмом, которое лежит сейчас передо мной, где он сначала выдвигает свои контраргументы и затем заканчивает обращением:

«Обдумайте все это, прежде чем выступить публично и во всеуслышание. К тому же расхождение и раскол между нами были бы прискорбным событием для нашей и без того небольшой и имеющей особый характер партии!»[111]

Г-н Бернхард Беккер видит полнейшее противоречие в том, что я знать ничего не хотел о какой-то захудалой Международной ассоциации, в которой-де фигурировал он, Бернхард Беккер[112], и в то же время принял самое деятельное участие в Международном Товариществе, учрежденном в сентябре прошлого года вождями лондонских тред-юнионов.

Очевидно, способность различения у г-на Бернхарда Беккера не уступает силе его умозаключений. Его ассоциация,— похваляется он, — во время своего расцвета разрослась до

[*] — Карла Зибеля. *Ред.*

целых «400 человек», тогда как наше Товарищество столь нескромно, что уже сейчас насчитывает в одной только Англии десять тысяч членов. В самом деле, недопустимо, чтобы нечто подобное совершалось, так сказать, за спиной «президента человечества»!

Учитывая все это и в особенности уйму способностей г-на Бернхарда Беккера, лишь очень бегло отмеченную мной, едва ли можно считать справедливыми его жалобы на то, что на такого человека, как он, захотели взвалить сразу слишком много; что ему пожаловали не только роль самодержца в качестве основного амплуа, но «между прочим» и менее важную должность «по закупке яиц и масла для дома»[113]. Однако, пожалуй, можно установить лучшие правила домашнего распорядка в отношении этих его двойственных функций. Пусть в будущем его основным занятием сделают «закупку яиц и масла для дома» и, наоборот, предоставят ему только совсем «между прочим» президентствовать над человечеством.

Карл Маркс

Лондон, 8 апреля 1865 г.

Напечатано в газете «Berliner Reform» № 88, 13 апреля 1865 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПОПРАВКА[114]

После того как на польском митинге, состоявшемся в Лондоне 1 марта, были приняты два предложения гг. Билса и Леверсона, упомянутые в № 30 Вашей газеты, *г-н Питер Фокс* (англичанин) от имени *Международного Товарищества Рабочих* внес предложение:

«Признать, что целостная и независимая Польша является непременным условием существования демократической Европы и что, пока это условие остается неосуществленным, революционные победы на континенте могут быть только кратковременными прелюдиями к длительным периодам господства контрреволюции».

После краткого исторического обзора тех бедствий, которые постигли Европу в силу того, что Польша утратила свою свободу, и вследствие завоевательной политики России, г-н П. Фокс указал, что позиция *либеральной* партии в этом вопросе не совпадает с позицией *демократического* общества, от имени которого он говорит. Девиз консервативной Европы гласит: порабощенная Европа с порабощенной Польшей в качестве основы. Напротив, девиз Международного Товарищества Рабочих — свободная Европа, опирающаяся на свободную и независимую Польшу.

Г-н Эккариус (немецкий рабочий, заместитель председателя Международного Товарищества Рабочих) поддержал это предложение и подробно осветил участие Пруссии в различных разделах Польши. Он заключил свою речь словами: *«Гибель прусской монархии* — это conditio sine qua non[*] для создания Германии и восстановления Польши».

[*] — непременное условие. *Ред.*

Г-н Ле Любе, французский член *Международного Товарищества Рабочих,* также высказался в защиту этого предложения, которое *было принято единогласно под несмолкаемые возгласы одобрения всего митинга.*

«Daily News» и некоторые другие «либеральные» лондонские газеты, недовольные успехом *Международного Товарищества Рабочих,* без содействия которого, кстати сказать, польский митинг в Сент-Мартинс-холле вообще не состоялся бы, *выбросили* эту часть отчета. От имени Международного Товарищества Рабочих прошу Вас поместить эту поправку.

Лондон и т. д.

Г. Юнг, секретарь-корреспондент
Международного Товарищества Рабочих
для Швейцарии

Написано К. Марксом 13 апреля 1865 г.

Напечатано с небольшими изменениями в газете «Der weise Adler» № 48, 22 апреля 1865 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

BEE-HIVE NEWSPAPER.

A JOURNAL OF GENERAL INTELLIGENCE, ADVOCATING INDUSTRIAL INTERESTS

No. 186. [illegible] LONDON, SATURDAY, MAY 20, 1865. Price Twopence.

К. МАРКС

ОБРАЩЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ К ПРЕЗИДЕНТУ ДЖОНСОНУ [115]

ЭНДРЬЮ ДЖОНСОНУ, ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Милостивый государь!

Демон «своеобразного порядка»[116], за господство которого поднялся вооруженный Юг, не мог позволить своим приверженцам с честью погибнуть в открытом бою. Дело, начатое изменой, он должен был закончить подлостью. Как война Филиппа II за инквизицию создала своего Жерара, так и война Джефферсона Дэвиса за рабовладение выдвинула своего Бута.

Не наша задача бросать слова горя и гнева, когда сердца в Старом и Новом свете охвачены волнением. Даже наемные клеветники, которые из года в год, изо дня в день упорно вели сизифову работу по моральному убийству Авраама Линкольна и возглавляемой им великой республики, стоят теперь, пораженные ужасом, перед этим всеобщим взрывом народного негодования и соперничают друг с другом, осыпая цветами красноречия его открытую могилу. Они теперь поняли, наконец, что это был человек, которого не могли сломить невзгоды и опьянить успехи, который непреклонно стремился к своей великой цели, никогда не компрометировал ее слепой поспешностью, спокойно соразмерял свои поступки, никогда не возвращался вспять, не увлекался волной народного сочувствия, не падал духом при замедлении народного пульса, смягчал суровость действий теплотой доброго сердца, освещал улыбкой юмора омраченные страстью события, исполнял настолько скромно и просто свою титаническую работу, насколько пышно,

высокопарно и торжественно совершают свои ничтожные дела правители божьей милостью, — словом, он был одним из тех редких людей, которые, достигнув величия, сохраняют свои положительные качества. И скромность этого недюжинного и хорошего человека была такова, что мир увидел в нем героя лишь после того, как он пал мучеником.

Честь быть отмеченным наряду с таким вождем принадлежит второй жертве демонов рабовладения — мистеру Сьюарду. Не он ли был в момент всеобщего колебания настолько проницателен, что мудро предвидел и мужественно предсказал «неизбежность конфликта»?[117] Не он ли в самые мрачные часы этой борьбы обнаружил достойную римлянина верность своему долгу: никогда не отчаиваться в республике и ее путеводной звезде? Мы искренне надеемся, что он и его сын выздоровеют и вернутся к общественной деятельности и заслуженному уважению гораздо скорее, чем в «90 дней»[118].

После окончания ужасающей Гражданской войны — если мы примем во внимание ее огромные размеры и широкий размах и сравним со Столетней войной, с Тридцатилетней войной, двадцатитрехлетней войной Старого света[119], едва ли можно сказать, что эта война продолжалась 90 дней — Вам, сэр, выпала задача выкорчевывать при помощи законов корни того, что было срублено мечом, стать во главе трудного дела политического переустройства и социального возрождения. Глубокое сознание Вашей великой задачи охранит Вас от всяких компромиссов с суровым долгом. Вы никогда не забудете, что, начиная новую эру освобождения труда, американский народ возложил ответственность за руководство на двух людей труда: один из них Авраам Линкольн, а другой — Эндрью Джонсон.

Подписано в Лондоне 13 мая 1865 г. от имени Международного Товарищества Рабочих Центральным Советом:

Карл Кауб, Эдвин Коулсон, Ф. Лесснер, Карл Пфендер, Н. П. Хансен, Карл Шаппер, Уильям Делл, Георг Лохнер, Георг Эккариус, Джон Осборн, П. Петерсен, А. Джанкс, Климош, Джон Уэстон, Г. Боллетер, Б. Лекрафт, Дж. Бакли, Питер Фокс, Н. Сальвателла, Джордж Хауэлл, Бордаж, А. Вальтье, Роберт Шо, Дж. Лонгмейд, У. Морган, Дж. У. Уилер, Дж. Д. Найасс, У. Уорли, Д. Стейнсби, Ф. де Лассасси, Дж. Картер, Эмиль Холторп — секретарь

для Польши; ***Карл Маркс*** — секретарь для Германии; ***Г. Юнг*** — секретарь для Швейцарии; ***Э. Дюпон*** — секретарь для Франции; ***Дж. Уитлок*** — секретарь по финансовым делам; ***Дж. Оджер*** — председатель; *У. Р. Кример* — почетный генеральный секретарь.

Написано К. Марксом между 2 и 9 мая 1865 г.

Напечатано в «The Bee-Hive Newspaper» № 188, 20 мая 1865 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ЦЕНА И ПРИБЫЛЬ [120]

Написано К. Марксом в конце мая — 27 июня 1865 г.

Впервые опубликовано отдельной брошюрой в Лондоне в 1898 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Граждане!

Разрешите мне, прежде чем перейти к вопросу по существу, сделать несколько предварительных замечаний.

Сейчас на континенте царит настоящая эпидемия стачек, и требование повышения заработной платы стало всеобщим. Этот вопрос будет обсуждаться на нашем конгрессе*. Вы, стоящие во главе Международного Товарищества, должны иметь по этому важнейшему вопросу твердо сложившиеся убеждения. Поэтому я считаю своей обязанностью рассмотреть вопрос основательно, даже рискуя подвергнуть ваше терпение суровому испытанию.

Второе предварительное замечание я должен сделать относительно гражданина Уэстона. Он, полагая, что действует в интересах рабочего класса, не только изложил перед вами, но и защищал публично взгляды, которые, как ему известно, среди рабочего класса в высшей мере непопулярны. К такому проявлению морального мужества каждый из нас должен отнестись с глубоким уважением. Я надеюсь, что несмотря на резкий тон моего доклада, по окончании его гражданин Уэстон увидит, что я согласен с идеей, из которой он, как мне кажется, исходил при составлении своих тезисов, хотя в их теперешней форме я считаю эти тезисы теоретически ложными и практически опасными.

Теперь непосредственно перехожу к интересующему нас вопросу.

---

* См. настоящий том, стр. 532. *Ред.*

1. ПРОИЗВОДСТВО И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Фактически аргументация гражданина Уэстона покоится на двух предпосылках:

1) что *масса национальной продукции* представляет собой *нечто неизменное,* является *постоянным* количеством или, как сказал бы математик, величиной *постоянной;*

2) что *сумма реальной заработной платы,* то есть заработной платы, измеряемой количеством товаров, которые можно на псе купить, есть сумма *неизменная,* величина *постоянная.*

Его первое утверждение явно ошибочно. Вы знаете, что из года в год стоимость и масса продукции увеличиваются, производительная сила национального труда растет, а количество денег, необходимое для обращения этой возрастающей продукции, непрерывно изменяется. То, что верно для всего года и для различных лет при сравнении их друг с другом, то верно и для каждого отдельного дня в году. Масса, или величина, национальной продукции непрерывно изменяется. Это — не *постоянная,* а *переменная* величина, и, — если даже оставить в стороне изменение в численности населения, — она должна быть переменной величиной вследствие непрерывных изменений в *накоплении капитала* и в *производительной силе труда.* Совершенно верно, что если бы в один прекрасный день произошло *повышение общего уровня заработной платы,* то *само по себе* это повышение, каковы бы ни были его дальнейшие последствия, *непосредственно* не вызвало бы изменения в массе продукции. Оно на первых порах происходило бы на основе существующего положения вещей. Но если национальная продукция была величиной *переменной,* а не *постоянной, до* повышения заработной платы, то она будет переменной, а не постоянной, и *после* этого повышения.

Допустим, однако, что масса национальной продукции является величиной не *переменной,* а *постоянной.* Даже и в этом случае то, что наш друг Уэстон считает логическим выводом, осталось бы не более, чем голословным утверждением. Если нам дано определенное число, скажем 8, то *абсолютные* границы этого числа не мешают его частям изменять свои *относительные* границы. Если прибыль равна 6, а заработная плата 2, то заработная плата может возрасти до 6, а прибыль упасть до 2, и все же общая сумма останется равной 8. Следовательно, неизменность массы продукции никоим образом не доказывает, что должна оставаться неизменной и сумма заработной платы. Как же в таком случае доказывает неизменность суммы заработной платы наш друг Уэстон? Он просто утверждает это.

Но если даже согласиться с его утверждением, то оно должно быть верным для двух направлений, а между тем гражданин Уэстон заставляет его действовать только в одном. Если сумма заработной платы есть величина постоянная, то ее нельзя ни повысить, ни понизить. Значит, если рабочие, добиваясь временного повышения заработной платы, поступают неразумно, то не менее неразумно поступают и капиталисты, добиваясь временного понижения заработной платы. Наш друг Уэстон не отрицает, что при известных обстоятельствах рабочие *могут* заставить капиталистов повысить заработную плату; но так как сумма заработной платы представляется ему величиной по природе постоянной, то за этим, по его мнению, должно последовать противодействие. С другой стороны, он знает также и то, что капиталисты *могут* силой осуществить понижение заработной платы и в действительности постоянно стремятся это сделать. Согласно принципу постоянства заработной платы, в этом случае должно последовать противодействие не в меньшей мере, чем в предыдущем. Значит, противодействуя попыткам понизить заработную плату или уже осуществленному понижению заработной платы, рабочие поступают правильно. Стало быть, они поступают правильно и тогда, когда добиваются *повышения заработной платы,* ибо всякое *противодействие* понижению заработной платы есть *действие,* направленное к ее повышению. Таким образом, согласно выставленному самим же гражданином Уэстоном принципу *постоянства заработной платы,* рабочие при известных обстоятельствах должны объединяться и бороться за повышение заработной платы.

Если гражданин Уэстон отвергает этот вывод, он должен отказаться и от той предпосылки, из которой этот вывод вытекает. В таком случае он должен говорить не о том, что сумма заработной платы есть *величина постоянная,* а о том, что, хотя она не может и не должна *повышаться,* она может и должна *падать* всякий раз, как капиталу будет угодно ее понизить. Если капиталисту заблагорассудится кормить вас вместо мяса картофелем, вместо пшеницы овсом, то вы должны принять его волю как закон политической экономии и покориться ей. Если в одной стране уровень заработной платы выше, чем в другой, например в Соединенных Штатах выше, чем в Англии, то вы должны объяснять это различие в уровнях заработной платы различием желаний американского и английского капиталистов, — метод, который, разумеется, чрезвычайно упростил бы изучение не только экономических, но и всяких других явлений.

Но даже и в этом случае мы могли бы спросить: *почему* желания американского капиталиста отличаются от желаний капиталиста английского? А для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам пришлось бы выйти из области *желаний.* Поп может сказать, будто бог хочет одного во Франции и другого в Англии. Если я потребую, чтобы он объяснил мне эту двойственность желаний, у него может хватить бесстыдства ответить мне, что богу угодно иметь одни желания во Франции и другие в Англии. Но наш друг Уэстон, разумеется, не прибегнет к подобной аргументации, полностью отрицающей всякое разумное рассуждение.

Конечно, капиталист *желает* взять как можно больше. Однако наша задача состоит не в том, чтобы толковать о его *желаниях,* а в том, чтобы исследовать его *силу, границы этой силы* и *характер этих границ.*

2. ПРОИЗВОДСТВО, ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ПРИБЫЛЬ

Мысли доклада, прочитанного нам гражданином Уэстоном, могли бы уместиться в ореховой скорлупе.

Все его рассуждения сводились к следующему: если рабочий класс заставит класс капиталистов платить ему в форме денежной заработной платы 5 шилл. вместо 4 шилл., то капиталист будет возвращать рабочим в форме товаров стоимость в 4 шилл. вместо стоимости в 5 шиллингов. Рабочий класс вынужден был бы в этом случае платить 5 шилл. за то, что до повышения заработной платы он покупал за 4 шиллинга. Но почему это должно случиться? Почему капиталист за 5 шилл. отдает стоимость всего в 4 шиллинга? Потому, что сумма заработной платы является твердо установленной. Но почему она определена товарами стоимостью в 4 шиллинга? Почему не товарами стоимостью в 3 или 2 шилл. или не какой-либо другой суммой? Если границы суммы заработной платы установлены каким-нибудь экономическим законом, не зависящим ни от воли капиталиста, ни от воли рабочего, то гражданину Уэстону следовало бы прежде всего изложить этот закон и доказать его. Далее, он должен был бы доказать, что сумма заработной платы, фактически выплаченной в каждый данный отрезок времени, всегда точно соответствует необходимой сумме заработной платы и никогда не отклоняется от нее. С другой стороны, если данные границы суммы заработной платы зависят от *одной лишь воли* капиталиста или от границ его алчности, то это — границы произвольные, в них нет ничего необходимого, они могут быть изменены *по* воле капиталиста, а поэтому могут быть изменены и *против* его воли.

Гражданин Уэстон иллюстрировал свою теорию следующим примером: если в миске содержится определенное количество супа, предназначенное для известного числа лиц, то это количество не может возрасти от того, что будут увеличены размеры ложек. Позволю себе заметить, что эта иллюстрация является довольно пошлой*. Она несколько напомнила мне сравнение, которое сделал Менений Агриппа. Когда римские плебеи забастовали против римских патрициев, патриций Агриппа сказал им, что патрицианское чрево питает плебейские члены государственного тела. Агриппе, однако, не удалось доказать, что можно питать члены одного человека, наполняя желудок другого. Гражданин Уэстон, в свою очередь, позабыл, что в миске, из которой едят рабочие, находится весь продукт национального труда и что брать из нее больше им мешает не малый объем миски и не скудное количество ее содержимого, а только лишь малые размеры их ложек.

С помощью какой уловки капиталист получает возможность давать за 5 шилл. стоимость в 4 шиллинга? С помощью повышения цены продаваемого им товара. Но зависит ли повышение цен или, говоря более общо, изменение цен товаров, зависят ли сами товарные цены от одной лишь воли капиталиста? Или же, напротив, для осуществления этой воли необходимы определенные условия? Если таких условий не требуется, то повышение и понижение рыночных цен, их непрерывные изменения становятся неразрешимой загадкой.

Раз мы предполагаем, что не произошло никакого изменения ни в производительной силе труда, ни в количестве применяемого капитала и труда, ни в стоимости денег, с помощью которых оцениваются стоимости продуктов, а произошло *изменение лишь в уровне заработной платы,* то каким образом это *повышение заработной платы* может оказывать влияние на *цены товаров?* Оно оказывает на них влияние только потому, что влияет на фактическое соотношение между спросом на эти товары и их предложением.

Совершенно верно, что рабочий класс, рассматриваемый как целое, тратит и вынужден тратить свой доход на *предметы первой необходимости.* Поэтому общее повышение уровня заработной платы вызывает рост спроса на *предметы первой необходимости,* а следовательно, и повышение их *рыночных цен.* Для капиталистов, производящих эти предметы, повышение выплачиваемой ими заработной платы компенсируется повышением рыночных цен на их товары. Но как обстоит дело с другими

* Игра слов; «spoon» — «ложка», «простак»; «spoony» — «глупый», «пошлый». *Ред.*

капиталистами, которые *не* производят предметов первой необходимости? Не следует думать, что таких капиталистов мало. Если вы примете во внимание, что две трети национального продукта потребляются пятой частью населения, — а один член палаты общин недавно утверждал даже, что они потребляются только седьмой частью населения, — то вы поймете, какая огромная часть национального продукта должна производиться в виде предметов роскоши или *обмениваться* на них, и какое огромное количество предметов первой необходимости должно расточаться на лакеев, лошадей, кошек и т. д. Эта расточительность, как мы знаем из опыта, при повышении цен на предметы первой необходимости всегда подвергается значительному ограничению.

Итак, каково же будет положение тех капиталистов, которые *не* производят предметов первой необходимости? Вызванное общим повышением заработной платы *падение нормы прибыли* они не смогут компенсировать *повышением цен на свои товары,* так как спрос на эти товары не увеличится. Их доход сократится, и к тому же из этого сократившегося дохода им придется больше платить за то же самое количество вздорожавших предметов первой необходимости. Мало того. Так как их доход уменьшится, им придется сократить свои затраты на предметы роскоши, и таким образом уменьшится их взаимный спрос на их же собственные товары. Вследствие этого уменьшения спроса цены на их товары упадут. Следовательно, в этих отраслях промышленности *норма прибыли понизится* не только под влиянием самого по себе общего повышения уровня заработной платы, но и под влиянием совместного действия общего повышения заработной платы, повышения цен на предметы первой необходимости и падения цен на предметы роскоши.

Каковы же будут последствия этого *различия норм прибыли* капиталов, занятых в разных отраслях промышленности? Конечно, такие же, как во всех случаях, когда по какой-либо причине возникают различия в *средних нормах прибыли* разных сфер производства. Капитал и труд перемещаются из менее выгодных отраслей в более выгодные, и этот процесс перемещения капитала и труда продолжается до тех пор, пока в одних отраслях промышленности предложение не возрастет соответственно возросшему спросу, а в других не упадет в соответствии с сокращением спроса. *Как только произойдет* это изменение, *норма прибыли* в разных отраслях промышленности снова *выровняется.* Так как вся перетасовка сначала возникла только вследствие изменения в соотношении спроса и предложения различных товаров, то после исчезновения причины прекра-

щается и ее действие, и *цены* возвращаются к своему прежнему уровню и равновесию. *Падение нормы прибыли,* вызванное повышением заработной платы, не ограничивается отдельными отраслями промышленности, а становится *всеобщим.* Согласно нашему предположению, не происходит изменения ни в производительной силе труда, ни в общей массе продукции, *но изменяется форма этой данной массы продукции.* Большая часть продукции находится теперь в форме предметов первой необходимости, меньшая часть — в форме предметов роскоши, или, что сводится к тому же, меньшая часть обменивается на заграничные предметы роскоши и соответственно больше потребляется в своей первоначальной форме, или, что опять-таки сводится к тому же, большая часть отечественной продукции обменивается вместо предметов роскоши на заграничные предметы первой необходимости. Поэтому общее повышение уровня заработной платы после временной пертурбации рыночных цен вызывает лишь общее понижение нормы прибыли, но не приводит к сколько-нибудь длительному изменению цен товаров.

Если мне скажут, что в вышеприведенной аргументации я исхожу из предположения, что весь прирост заработной платы тратится на предметы первой необходимости, то я отвечу, что сделал предположение, наиболее благоприятное для взглядов гражданина Уэстона. Если бы прирост заработной платы расходовался на предметы, которые ранее не входили в потребление рабочих, то реальное повышение покупательной силы рабочих не требовало бы доказательств. Однако, так как это повышение их покупательной силы является только следствием повышения заработной платы, то оно должно точно соответствовать сокращению покупательной силы капиталистов. Поэтому *не увеличились бы общие размеры спроса* на товары, а *изменились бы* составные части этого спроса. Возрастание спроса на одной стороне уравновешивалось бы сокращением спроса на другой. Так как общая сумма спроса остается, таким образом, неизменной, то не может произойти никакого изменения и в рыночных ценах товаров.

Таким образом, мы приходим к следующей дилемме: либо прирост заработной платы расходуется в одинаковой мере на все предметы потребления — и в этом случае расширение спроса со стороны рабочего класса должно уравниваться сокращением спроса со стороны класса капиталистов, — либо Прирост заработной платы расходуется только на некоторые предметы, рыночные цены которых временно возрастут, — и в этом случае вызванное этим повышение нормы прибыли

в некоторых отраслях и соответствующее падение нормы прибыли в остальных отраслях промышленности вызовут изменение в распределении капитала и труда, изменение, которое будет продолжаться до тех пор, пока предложение в одних отраслях промышленности не увеличится соответственно возросшему спросу, а в других — не понизится соответственно сократившемуся спросу. При первом предположении не произойдет никакого изменения в ценах товаров; при втором же предположении после некоторых колебаний рыночных цен меновые стоимости товаров установятся на прежнем уровне. При обоих предположениях общее повышение уровня заработной платы не вызовет в конечном счете никакого другого следствия, кроме общего падения нормы прибыли.

Желая подействовать на ваше воображение, гражданин Уэстон предлагал вам подумать о тех затруднениях, которые вызвало бы общее повышение заработной платы английских сельскохозяйственных рабочих с 9 до 18 шиллингов. Подумайте только, восклицал он, об огромном повышении спроса на предметы первой необходимости и о страшном повышении цен, которое оно за собой повлечет! Все вы знаете, что средняя заработная плата американского сельскохозяйственного рабочего более чем в два раза превышает среднюю заработную плату английского сельскохозяйственного рабочего, хотя цены сельскохозяйственных продуктов в Соединенных Штатах ниже, чем в Соединенном королевстве, хотя общие отношения между трудом и капиталом в Соединенных Штатах те же, что и в Англии, хотя масса годовой продукции в Соединенных Штатах гораздо меньше, чем в Англии. Для чего же наш друг бьет в набат? Просто для того, чтобы отделаться от действительно стоящего перед нами вопроса. Внезапное повышение заработной платы с 9 до 18 шилл. означало бы внезапное повышение ее на 100%. Однако мы вовсе не обсуждаем вопроса о том, может ли общий уровень заработной платы в Англии внезапно повыситься на 100%. Нам вообще нет никакого дела до *величины* этого повышения, которое в каждом конкретном случае должно зависеть от данных обстоятельств и соответствовать им. Нам нужно лишь выяснить, каковы будут последствия общего повышения уровня заработной платы, даже если это повышение не превысит одного процента.

Итак, отбрасывая выдуманное нашим другом Уэстоном фантастическое повышение заработной платы на 100%, я остановлю ваше внимание на том повышении заработной платы, которое действительно имело место в Великобритании в период с 1849 по 1859 год.

Всем вам известен проведенный в 1848 г. десятичасовой билль или, вернее, билль о $10^1/_2$-часовом рабочем дне. Это — одна из величайших экономических перемен, свидетелями которых мы были. Этот билль означал внезапное и принудительное повышение заработной платы не в каких-либо местных промыслах, а в ведущих отраслях промышленности, опираясь на которые Англия господствует на мировом рынке. Это было повышение заработной платы при исключительно неблагоприятных условиях. Доктор Юр, профессор Сениор и все другие экономисты, являющиеся официальными выразителями интересов буржуазии, *доказывали,* — и, я должен сказать, доказывали гораздо более основательными доводами, чем наш друг Уэстон, — что этот билль явится похоронным звоном для английской промышленности. Они доказывали, что дело тут идет не о простом повышении заработной платы, а о таком ее повышении, которое вызвано уменьшением количества применяемого труда и основано на этом уменьшении. Они утверждали, что 12-й час, который хотят отнять у капиталиста, как раз и является тем единственным часом, из которого капиталист извлекает свою прибыль. Они запугивали уменьшением накопления, повышением цен, потерей рынков, сокращением производства, вытекающим отсюда понижением заработной платы, окончательным разорением. Они даже заявляли, что законы Максимилиана Робеспьера о максимуме[121] — пустяки в сравнении с этим законом, и в известном смысле они были правы. Ну, а что же оказалось на деле? Повышение денежной заработной платы фабричных рабочих, несмотря на сокращение рабочего дня; значительное увеличение числа рабочих, занятых на фабриках; непрерывное падение цен на фабричные изделия; поразительное развитие производительной силы труда фабричных рабочих; неслыханное, все прогрессирующее расширение рынков для фабричных товаров. В 1861 г. в Манчестере на собрании Ассоциации содействия развитию науки я сам слышал, как г-н *Ньюмен* признал, что и он, и доктор Юр, и Сениор, и все другие официальные представители экономической науки ошиблись, между тем как инстинкт народа оказался правильным. Я говорю не о профессоре Фрэнсисе Ньюмене, а о г-не У. Ньюмене[122], который занимает в экономической науке выдающееся место, как соавтор и издатель работы г-на *Томаса Тука «История цен»,* этого прекрасного труда, прослеживающего историю цен с 1793 по 1856 год[123]. Если бы были верны навязчивая мысль нашего друга Уэстона о неизменной сумме заработной платы, о неизменной массе продукции, о неизменном уровне производительной силы труда, о неизменной воле капиталистов

и все его прочие неизменности и окончательности, то тогда были бы правильными мрачные предсказания профессора Сениора, и не прав был бы Роберт Оуэн, который уже в 1815 г. объявил общее ограничение рабочего дня первым подготовительным шагом к освобождению рабочего класса[124] и на собственный страх и риск, вопреки общему предубеждению, действительно провел это ограничение рабочего дня на своей собственной бумагопрядильной фабрике в Нью-Ланарке.

В то самое время, когда вводился десятичасовой билль и когда происходило вызванное им повышение заработной платы, в Великобритании, по причинам, на которых здесь не место останавливаться, наблюдалось также *общее повышение заработной платы сельскохозяйственных рабочих.*

Хотя это и не требуется для моей непосредственной цели, я, чтобы не быть ложно понятым вами, сделаю здесь несколько предварительных замечаний.

Если человек получал заработную плату в 2 шилл. в неделю, а затем его заработная плата повысилась до 4 шилл., то *уровень заработной платы* повысился на 100%. Если подойти к этому повышению заработной платы с точки зрения повышения *ее уровня,* то оно может показаться огромным, а между чем *действительная величина заработной платы,* 4 шилл. в неделю, все же остается ничтожно малой, голодной подачкой. Поэтому не следует обольщать себя громко звучащими процентами повышения *уровня* заработной платы. Мы должны всегда спросить, какова была ее *первоначальная* величина?

Далее, нетрудно понять, что если 10 рабочих получают по 2 шилл. в неделю, 5 рабочих — по 5 шилл. и 5 рабочих — по 11 шилл., то все 20 человек вместе получают 100 шилл. в неделю, или 5 фунтов стерлингов. Если затем *общая* сумма их недельной заработной платы возрастет, скажем, на 20%, то с 5 ф. ст. она повысится до 6. Если взять в среднем, то можно сказать, что *общий уровень заработной платы* возрос на 20%, хотя бы фактически заработная плата 10 рабочих осталась неизменной, заработная плата группы рабочих в 5 человек возросла с 5 шилл. на каждого до 6 шилл., и сумма заработной платы другой группы в 5 рабочих — с 55 шилл. до 70. Положение половины рабочих нисколько не улучшилось, положение $^1/_4$ — улучшилось лишь в самой незначительной степени и только положение остальной $^1/_4$ действительно улучшилось. Однако, если оперировать *средними величинами,* то общая сумма заработной платы этих 20 рабочих повысилась на 20%, и, поскольку дело касается всего капитала, который применяет этих рабочих, и цен производимых ими товаров, здесь все будет

обстоять совершенно так же, как если бы среднее повышенно заработной платы в одинаковой мере коснулось всех рабочих. В упомянутом примере с сельскохозяйственными рабочими, у которых уровень заработной платы в разных графствах Англии и Шотландии весьма различен, повышение ее повлияло на рабочих весьма неравномерно.

Наконец, в тот период, когда происходило это повышение заработной платы, ряд фактов, — как-то: новые налоги, вызванные войной с Россией, массовый снос жилищ сельскохозяйственных рабочих[125] и т. д., — действовал в противоположном направлении.

После стольких предварительных замечаний я констатирую, что в период с 1849 по 1859 г. средний уровень заработной платы сельскохозяйственных рабочих Великобритании *повысился приблизительно на 40%.* В подтверждение этого я мог бы привести обширный и подробный материал, но для цели, стоящей передо мной, считаю достаточным отослать вас к добросовестному критическому реферату, прочитанному в 1859 г. покойным г-ном *Джоном Ч. Мортоном* в лондонском Обществе искусств и ремесел на тему о *«Силах, применяемых в земледелии»*[126]. Г-н Мортон приводит данные из счетов и других подлинных документов, собранных им приблизительно у 100 фермеров, проживающих в 12 шотландских и 35 английских графствах.

Согласно взглядам нашего друга Уэстона, особенно если принять во внимание одновременное повышение заработной платы фабричных рабочих, в 1849—1859 гг. должно было бы произойти громадное повышение цен на сельскохозяйственные продукты. А что произошло в действительности? Несмотря на войну с Россией и ряд неурожаев в 1854—1856 гг., средняя цена пшеницы, основного сельскохозяйственного продукта Англии, находившаяся в 1838—1848 гг. приблизительно на уровне 3 ф. ст. за квартер, упала приблизительно до 2 ф. ст. 10 шилл. за квартер в 1849—1859 годах. Это значит, что цена пшеницы упала больше чем на 16% при одновременном повышении средней заработной платы сельскохозяйственных рабочих на 40%. За тот же самый период, если сопоставить его конец с его началом, то есть 1859 г. с 1849 г., официально зарегистрированный пауперизм сократился с 934419 человек до 860470, то есть на 73949 человек. Я согласен, что уменьшение это весьма незначительно, к тому же в последующие годы оно было сведено на нет, и все же это — уменьшение.

Могут сказать, что вследствие отмены хлебных законов[127] ввоз хлеба из-за границы в период с 1849 по 1859 г. больше

чем удвоился по сравнению с периодом 1838—1848 годов. Но что из того? С точки зрения гражданина Уэстона следовало ожидать, что этот внезапный колоссальный и непрерывно возрастающий спрос на иностранных рынках должен был бы поднять цены сельскохозяйственных продуктов на огромную высоту, так как влияние возросшего спроса остается одним и тем же, независимо от того, возникает ли этот спрос вне страны или внутри нее. А что произошло в действительности? За исключением нескольких неурожайных лет в течение всего этого периода во Франции раздавались постоянные жалобы на разорительное падение хлебных цен, американцы не раз были вынуждены сжигать излишки своей продукции, а Россия, если верить г-ну Уркарту, поощряла Гражданскую войну в Соединенных Штатах, так как конкуренция со стороны янки подрывала вывоз русских сельскохозяйственных продуктов на рынки Европы.

Если свести аргументацию гражданина Уэстона в *ее абстрактной форме,* то она состоит в следующем: всякое повышение спроса всегда происходит на основе данной массы продукции. Поэтому оно *никогда не может увеличить предложения требующихся товаров,* а может *только повысить их денежные цены.* Однако даже самое обыденное наблюдение показывает, что в некоторых случаях увеличение спроса вообще не изменяет рыночных цен-товаров, а в других случаях вызывает лишь временное повышение рыночных цен, за которым следует рост предложения. Этот рост предложения приводит к падению цен *до* их прежнего уровня, а в некоторых случаях *ниже* прежнего уровня. Происходит ли повышение спроса вследствие роста заработной платы или вследствие каких-либо иных причин, это нисколько не изменяет условий проблемы. С точки зрения гражданина Уэстона это общее явление было бы так же трудно объяснить, как и то явление, которое происходит при исключительных обстоятельствах, при повышении заработной платы. Поэтому в вопросе, который мы рассматриваем, его аргументация не доказывает решительно ничего. Она обнаруживает лишь неумение гражданина Уэстона разобраться в законах, в силу которых увеличение спроса вызывает увеличение предложения, а вовсе не обязательное повышение рыночных цен.

3. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ДЕНЬГИ

Во второй день прений наш друг Уэстон облек свое старое утверждение в новые формы. Он сказал: при общем повышении денежной заработной платы, для того чтобы выдавать эту заработную плату, потребуется больше наличных денег. Если

количество денег является *неизменным,* то как же можно с помощью этой неизменной суммы денег выплачивать большую сумму денежной заработной платы? Раньше затруднение состояло в том, что приходящееся на долю рабочего количество товаров, несмотря на увеличение его денежной заработной платы, оставалось неизменным; теперь затруднение состоит в том, что денежная заработная плата увеличилась, несмотря на неизменность количества товаров. Разумеется, если вы отвергнете первоначальную догму гражданина Уэстона, отпадут и производные затруднения.

Тем не менее я вам покажу, что этот вопрос о деньгах не имеет к рассматриваемому предмету ровно никакого отношения.

В вашей стране механизм платежей гораздо совершеннее, чем в любой из стран Европы. Благодаря широкому распространению и концентрации системы банков, для того чтобы привести в обращение ту же самую сумму стоимостей или совершить то же самое или даже большее количество сделок, требуется гораздо меньше денег. Например, с заработной платой дело обстоит так: английский фабричный рабочий еженедельно отдает свою заработную плату лавочнику, который еженедельно отсылает ее банкиру, тот еженедельно возвращает ее фабриканту, который вновь выплачивает ее своим рабочим и так далее. Благодаря такому механизму, годовая заработная плата рабочего, скажем в 52 ф. ст., может выплачиваться с помощью одного-единственного соверена*, который каждую неделю проделывает один и тот же кругооборот. Но даже в Англии этот механизм менее совершенен, чем в Шотландии; к тому же он не везде одинаково совершенен, и поэтому мы наблюдаем, например, что в некоторых сельских округах, по сравнению с чисто фабричными округами, требуется гораздо больше денег для обращения гораздо меньшей суммы стоимостей.

Если вы переправитесь через Ла-Манш, то увидите, что *денежная заработная плата* на континенте гораздо ниже, чем в Англии, а между тем в Германии, Италии, Швейцарии и Франции для выплаты ее требуется *гораздо большая сумма денег.* Там каждый соверен не столь быстро перехватывается банкиром и не столь быстро возвращается промышленному капиталисту, поэтому, вместо одного соверена, который необходим в Англии для того, чтобы обслужить ежегодное обращение в 52 ф. ст., на континенте требуется, быть может, 3 соверена для выплаты годовой денежной заработной платы в 25 фунтов

* Соверен — английская золотая монета достоинством в 1 фунт стерлингов. *Ред.*

стерлингов. Таким образом, сравнивая континентальные страны с Англией, вы сразу заметите, что низкая денежная заработная плата может потребовать гораздо больше денег, чем высокая денежная заработная плата, и что фактически это — чисто технический вопрос, который совершенно не связан с нашим предметом.

Согласно лучшим исчислениям, какие мне только известны, годовой доход рабочего класса Англии может быть оценен в 250 млн. фунтов стерлингов. Эта громадная сумма выплачивается с помощью приблизительно 3 млн. фунтов стерлингов. Допустим, что происходит повышение заработной платы на 50%. Тогда вместо 3 млн. ф. ст. наличных денег потребуется $4^1/_2$ млн. фунтов стерлингов. Так как рабочий для весьма значительной части своих ежедневных расходов пользуется серебром и медью,—то есть простыми знаками, стоимость которых по отношению к золоту так же произвольно устанавливается законом, как и стоимость неразменных бумажных денег, — повышение денежной заработной платы на 50% в крайнем случае потребует дополнительного обращения соверенов, скажем, на сумму в один миллион. Один миллион, который сейчас в форме слитков или монет покоится в подвалах Английского банка или частных банкиров, поступит в обращение. Однако можно избежать даже тех незначительных затрат, которые связаны с чеканкой или снашиванием в обращении этого дополнительного миллиона, и их действительно избегают в тех случаях, когда пополнением средств обращения вызывается какое-либо затруднение. Вы все знаете, что в Англии деньги, находящиеся в обращении, делятся на два больших вида. Один из них состоит из всякого рода банкнот и употребляется в сделках между торговцами, а также при сравнительно крупных платежах, совершающихся между потребителями и торговцами; другой вид, состоящий из металлических монет, обращается в розничной торговле. Хотя эти два вида обращающихся денег и различны, однако они переплетаются друг с другом. Так, золотая монета весьма широко применяется даже и при сравнительно крупных платежах для уплаты дробных сумм меньше 5 фунтов стерлингов. Если бы завтра были выпущены банкноты в 4, 3 или 2 ф. ст., то золотые монеты, наполняющие эти каналы обращения, сразу были бы оттуда извлечены и устремились бы туда, где в них ощущается нужда вследствие повышения денежной заработной платы. Таким образом, требующийся вследствие повышения заработной платы на 50% дополнительный миллион мог бы быть доставлен без добавления хотя бы одного соверена. Того же результата можно достигнуть и без увеличения числа банкнот, увеличив

обращение векселей, как это в течение весьма значительного времени практиковалось в Ланкашире.

Если общее повышение уровня заработной платы, — например на 100%, как предположил гражданин Уэстон для заработной платы сельскохозяйственных рабочих, — вызывает значительное повышение цен на предметы первой необходимости и требует, согласно взглядам Уэстона, добавочной суммы денег, которых нельзя добыть, *общее падение заработной платы* должно было бы вызвать те же последствия, в той же самой степени, но в обратном направлении. Прекрасно! Все вы знаете, что 1858—1860 годы были годами наибольшего процветания хлопчатобумажной промышленности и что в особенности 1860 г. в этом отношении не имеет себе равного в летописях торговли, причем в это время наибольшего расцвета достигли и все другие отрасли промышленности. Заработная плата рабочих хлопчатобумажной промышленности и рабочих всех других связанных с нею отраслей в 1860 г. была выше, чем когда-либо раньше. Но вот наступил американский кризис, и заработная плата всех этих рабочих была внезапно снижена приблизительно до четверти ее прежних размеров. При противоположном движении это означало бы повышение на 300%. Если заработная плата повышается с 5 до 20, мы говорим, что она повысилась на 300%. Если она падает с 20 до 5, мы говорим, что она упала на 75%). Но сумма повышения в одном случае и сумма понижения в другом случае была бы одной и той же, а именно 15 шиллингов. Итак, это было внезапное, небывалое изменение уровня заработной платы, распространившееся к тому же на такое число рабочих, которое, — если считать всех рабочих, не только непосредственно занятых в хлопчатобумажной промышленности, но и косвенно зависящих от нее, — в $1^1/_2$ раза превышало число сельскохозяйственных рабочих. Но упала ли цена пшеницы? Нет, она *поднялась* со среднего годичного уровня в 47 шилл. 8 пенсов за квартер в трехлетие 1858—1860 гг. до среднего годичного уровня в 55 шилл. 10 пенсов за квартер в трехлетие 1861—1863 годов. Что же касается денег, то на монетном дворе в 1861 г. было отчеканено монеты на 8673232 ф. ст. против 3378102 ф. ст. в 1860 году. Иными словами, в 1861 г. было отчеканено на 5295130 ф. ст. больше, чем в 1860 году. Правда, банкнот в 1861 г. было в обращении на 1319000 ф. ст. меньше, чем в 1860 году. Вычтем эту сумму, и все-таки для 1861 г. обращающихся денег окажется больше по сравнению с годом процветания, 1860, на 3976130, или около 4 млн. фунтов стерлингов; а золотой запас Английского банка за это время сократился, правда, не в той же самой пропорции, но близкой к ней.

Сравним 1862 с 1842 годом. Кроме того, что колоссально увеличились стоимость и количество находящихся в обращении товаров, один только капитал, регулярно уплачивавшийся за акции, облигации и т. п., за ценные железнодорожные бумаги, доходил в 1862 г. в Англии и Уэльсе до 320 млн. ф. ст., суммы, которая в 1842 г. показалась бы баснословной. И все же общее количество денег, находившихся в обращении в 1862 и 1842 гг., было приблизительно одно и то же. И вообще наблюдается тенденция к прогрессивному уменьшению денег, находящихся в обращении, несмотря на огромный рост не только общей стоимости товаров, но и размеров всех денежных сделок. С точки зрения нашего друга Уэстона это — неразрешимая загадка.

Если бы он вник в дело несколько глубже, то нашел бы, что стоимость и масса находящихся в обращении товаров и сумма заключенных денежных сделок вообще ежедневно меняются — даже если совершенно оставить в стороне заработную плату и допустить, что она неизменна; что ежедневно меняется количество выпущенных банкнот; что ежедневно меняется сумма платежей, реализуемых без помощи денег, посредством векселей, чеков, жирокредита, расчетных палат; что, поскольку требуются действительные металлические деньги, ежедневно изменяется соотношение между количеством обращающихся монет, с одной стороны, монет и слитков, находящихся в запасе или покоящихся в подвалах банков, — с другой; что ежедневно меняется количество золота, поглощаемое национальным обращением, и количество его, отсылаемое за границу для международного обращения; он понял бы, что его догма о якобы неизменной сумме денег представляет собой чудовищное заблуждение, несовместимое с нашей повседневной жизнью. Вместо того чтобы превращать свое непонимание законов денежного обращения в аргумент против повышения заработной платы, гражданину Уэстону следовало бы изучить законы, позволяющие денежному обращению приспособляться к столь непрерывно изменяющимся условиям.

4. ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СПРОС

Наш друг Уэстон придерживается латинской поговорки: «repetitio est mater studiorum», что значит: повторение — мать учения, и потому он еще раз в новой форме повторил свою первоначальную догму, утверждая, что вызываемое повышением заработной платы уменьшение денег должно повлечь за собой уменьшение капитала и так далее. Так как мы уже говорили о его фантазии насчет денег, то я считаю совершенно излишним

подробно разбирать те воображаемые последствия, которые, по его мнению, вытекают из выдуманных им потрясений денежного обращения. Я лучше прямо попытаюсь свести его догму, — которая остается *все той же,* хотя он и повторяет ее в столь разных видах, — *к ее простейшему теоретическому выражению.*

Его некритический подход к трактовке своей темы станет очевидным из одного-единственного замечания. Он возражает против повышения заработной платы или против высокой заработной платы, как результата ее повышения. А я спрашиваю его: что же такое высокая и что такое низкая заработная плата? Почему, например, 5 шилл. в неделю составляют низкую, а 20 шилл. в неделю — высокую заработную плату? Если 5 — низкая заработная плата по сравнению с 20, то 20 — еще ниже по сравнению с 200. Если кто-нибудь, читая лекцию о термометре, начнет разглагольствовать о высокой и низкой температуре, то этим он никому никаких знаний не сообщит. Он прежде всего должен сказать, как определяется точка замерзания и точка кипения, и сообщить, что эти отправные точки устанавливаются естественными законами, а не прихотью тех, кто продает термометры или изготовляет их. Гражданин же Уэстон, говоря о заработной плате и прибыли, не только не сумел вывести из экономических законов такие отправные точки, но даже не почувствовал необходимости искать их. Он удовольствовался тем, что принял ходячие обывательские выражения низкого и высокого, как нечто имеющее точно определенный смысл, хотя совершенно очевидно, что заработную плату можно назвать высокой или низкой лишь по сравнению с некоторым масштабом, с помощью которого измеряется ее величина.

Он не сможет мне сказать, почему за определенное количество труда дается определенная сумма денег. Если он мне ответит — это определяется законом предложения и спроса, то я тотчас же его спрошу — а каким же законом регулируются сами предложение и спрос? — и подобный ответ сразу же поставит его в тупик. Соотношение между предложением труда и спросом на него подвергается постоянным изменениям, а вместе с этими изменениями меняются и рыночные цены труда. Если спрос превышает предложение, заработная плата повышается; если предложение превышает спрос, заработная плата падает, хотя при подобных обстоятельствах может оказаться необходимым *прощупать* действительное состояние спроса и предложения, например, путем стачки или каким-либо другим способом. Но если законом, регулирующим заработную плату, вы признаете предложение и спрос, то с вашей стороны будет ребячеством и бесполезным делом ратовать против повышения

заработной платы, потому что, согласно тому высшему закону, на который вы ссылаетесь, периодическое повышение заработной платы столь же необходимо и законно, как и периодическое ее падение. Если же вы *не* признаете предложение и спрос законом, регулирующим заработную плату, то я еще раз повторю свой вопрос: почему за определенное количество труда дается определенная сумма денег?

Но посмотрим на дело с более широкой точки зрения: если вы вообразите, будто предложением и спросом в конечном счете определяется стоимость труда или какого-либо другого товара, вы весьма ошибетесь. Предложение и спрос регулируют только временные *колебания* рыночных цен. Они могут объяснить, почему рыночная цена товара поднимается выше его *стоимости* или падает ниже его *стоимости,* но они никак не могут объяснить самое эту *стоимость.* Предположим, что предложение и спрос взаимно уравновешиваются или, как говорят экономисты, взаимно покрываются. Ведь в тот самый момент, когда эти противоположные силы становятся равными, они взаимно парализуют друг друга и перестают действовать в том или другом направлении. В тот момент, когда между предложением и спросом устанавливается равновесие и потому они перестают действовать, *рыночная цена* товара совпадает с его *действительной стоимостью,* с нормальной ценой, вокруг которой колеблются его рыночные цены. Поэтому при исследовании природы этой *стоимости* нам нет никакого дела до временных воздействий предложения и спроса на рыночные цены. Это относится как к заработной плате, так и к ценам всех других товаров.

5. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ЦЕНЫ

Все доводы нашего друга, если привести их к простейшему теоретическому выражению, сводятся к следующей единственной догме: *«Цены товаров определяются или регулируются заработной платой».*

Для опровержения этого устаревшего и уже опровергнутого заблуждения я мог бы сослаться на практический опыт. Я мог бы указать вам на то, что продукция, являющаяся делом рук английских фабричных рабочих, горняков, судостроительных рабочих и т. д., труд которых оплачивается относительно высоко, продается дешевле соответствующей продукции других наций, тогда как, например, продукты труда английских сельскохозяйственных рабочих, труд которых оплачивается относительно низко, дороже, чем эти же продукты почти у всех

других наций. Я мог бы показать путем сравнения различных изделий одной и той же страны или товаров разных стран, что за некоторыми, скорее кажущимися, чем действительными, исключениями, в среднем высокооплачиваемый труд производит дешевые товары, а низкооплачиваемый — дорогие. Это, конечно, отнюдь не доказывает, что высокая цена труда в одном случае и низкая его цена в другом являются каждый раз причинами этих диаметрально противоположных результатов, но это во всяком случае доказывает, что цены товаров не определяются ценами труда. Однако нам совершенно нет надобности прибегать к этому эмпирическому методу.

Но, быть может, кто-нибудь станет отрицать, что гражданин Уэстон выдвинул догму: *«Цены товаров определяются или регулируются заработной платой».* Действительно, он ни разу не давал такой формулировки. Даже напротив, он говорил, что прибыль и рента тоже образуют составные части товарных цен, так как из цены товаров приходится выплачивать не только заработную плату рабочих, но и прибыль капиталистов и ренту земельных собственников. Но из чего, по его мнению, складываются цены? Прежде всего из заработной платы. Затем прибавляется процентная надбавка в пользу капиталиста и другая процентная надбавка в пользу земельного собственника. Предположим, что плата за труд, который применяется при производстве товара, составляет 10. Если норма прибыли составляет 100% к выплаченной заработной плате, то капиталист надбавит 10, и если норма ренты также составляет 100% к заработной плате, то будет сделана еще одна надбавка в 10 и вся цена товара будет равна 30. Но подобное определение цены означает просто, что цена определяется заработной платой. Если в упомянутом случае заработная плата повысилась бы до 20, то цена товара повысилась бы до 60 и так далее. В соответствии с этим, все старые авторы по вопросам политической экономии, выдвигавшие догму, будто цены регулируются заработной платой, пытались доказать это тем, что рассматривали прибыль и ренту *лишь как процентные надбавки к заработной плате.* Никто из них, разумеется, не был в состоянии свести границы этих процентных накидок к какому-либо экономическому закону. Напротив, они, по-видимому, полагали, что прибыль устанавливается традицией, обычаем, волей капиталиста или каким-нибудь другим столь же произвольным и необъяснимым способом. Утверждая, что прибыль определяется конкуренцией между капиталистами, они тем самым ничего не говорят. Правда, эта конкуренция несомненно выравнивает различные нормы прибыли различных отраслей производства, то есть сводит их

к одному среднему уровню, но она никак не может определять самого этого уровня или общей нормы прибыли.

Что мы подразумеваем, когда говорим, что цены товаров определяются заработной платой? Так как заработная плата есть название для цены труда, то мы подразумеваем, что цены товаров регулируются ценой труда. Так как *«цена»* есть меновая стоимость, — а говоря о стоимости, я всегда имею в виду меновую стоимость, — меновая *стоимость, выраженная в деньгах, то* это положение сводится к тому, что *«стоимость товаров определяется стоимостью труда»* или *«стоимость труда есть общая мера стоимости».*

Но как в таком случае определяется сама *«стоимость труда»?* Тут мы заходим в тупик, разумеется, мы попадем в тупик, если попытаемся рассуждать логически. Между тем, защитники этой доктрины не очень-то заботятся о логике. Возьмите, например, нашего друга Уэстона. Сперва он нам сказал, что цены товаров определяются заработной платой и что, следовательно, когда повышается заработная плата, должны повышаться и цены. Затем он стал доказывать нам, что, наоборот, повышение заработной платы не принесет никакой пользы, так как повысятся цены товаров и так как заработная плата на деле измеряется ценами тех товаров, на которые она расходуется. Итак, мы начинаем с заявления, что стоимость товаров определяется стоимостью труда, а кончаем заявлением, что стоимость труда определяется стоимостью товаров. Таким образом, мы поистине вращаемся в порочном кругу и не приходим ни к какому выводу.

В целом очевидно, что если мы делаем всеобщей мерой и регулятором стоимости стоимость одного товара, например труда, хлеба или какого-нибудь другого товара, то мы лишь отодвигаем затруднение, так как определяем одну стоимость другой стоимостью, которая в свою очередь нуждается в определении.

Догма, согласно которой «цены товаров определяются заработной платой», в своем наиболее абстрактном выражении сводится к тому, что «стоимость определяется стоимостью», а эта тавтология означает, что фактически мы вообще ничего не знаем о стоимости. Если принять эту предпосылку, то все рассуждения об общих законах политической экономии превращаются в пустопорожнюю болтовню. Поэтому великой заслугой Рикардо было то, что в своем сочинении *«Начала политической экономии»*, изданном в 1817 г., он совершенно разрушил старое ходячее и отжившее ложное представление, будто «цены определяются заработной платой»[128], представление, которое Адам Смит и его французские предшественники отвергали в под-

линно научной части своих исследований, но тем не менее воспроизводили в более поверхностных и вульгаризаторских главах.

6. СТОИМОСТЬ И ТРУД

Граждане, теперь я подошел к тому пункту, когда должен приступить к действительному выяснению рассматриваемого вопроса. Я не могу обещать, что сделаю это вполне удовлетворительно, так как для этого мне пришлось бы охватить всю область политической экономии. Я могу, как говорят французы, только «effleurer la question», то есть коснуться лишь основных пунктов.

Первый вопрос, который мы должны поставить, — это: что такое *стоимость* товара? чем она определяется?

На первый взгляд может показаться, что стоимость товара есть нечто совершенно *относительное* и что ее нельзя установить, если не рассматривать товар в его отношениях со всеми товарами. Действительно, говоря о стоимости, о меновой стоимости товара, мы имеем в виду количественные соотношения, в которых этот товар обменивается на все другие товары. Но тогда возникает вопрос: как устанавливаются те пропорции, в которых товары обмениваются друг на друга?

Из опыта мы знаем, что эти пропорции бесконечно разнообразны. Если мы возьмем какой-нибудь товар, например пшеницу, то увидим, что квартер пшеницы обменивается на различные другие товары в почти бесконечно разнообразных пропорциях. Однако, *так как его стоимость во всех этих случаях остается одной и той же,* независимо от того, выражается ли она в шелке, золоте или каком-нибудь другом товаре, то эта стоимость должна быть чем-то отличным от тех *разнообразных пропорций,* в которых она *обменивается* на другие товары, и чем-то независимым от них. Должна существовать возможность выразить ее в форме, отличной от этих разнообразных отношений равенства между различными товарами.

Далее: если я говорю, что квартер пшеницы обменивается на железо в определенной пропорции или что стоимость одного квартера пшеницы выражается в определенном количестве железа, я тем самым говорю, что стоимость пшеницы и ее эквивалент в виде железа равны *какой-то третьей вещи,* которая не является ни пшеницей, ни железом, ибо я исхожу из того, что они выражают одну и ту же величину в двух различных формах. Поэтому каждый из этих товаров, как пшеница, так и железо, должен независимо от другого быть сведен к этой третьей вещи, которая составляет их общую меру.

Чтобы сделать понятным это положение, я приведу очень простой пример из геометрии. Как мы поступаем, когда сравниваем площади треугольников всевозможных видов и величин или когда сравниваем площади треугольников с площадями прямоугольников или каких-нибудь других прямолинейных фигур? Мы приводим площадь любого треугольника к выражению, совершенно отличному от его видимой формы. Зная, что площадь треугольника равна половине произведения его основания на высоту, мы можем сравнивать различные величины всех родов треугольников и всех прямолинейных фигур друг с другом, так как каждая из этих фигур может быть разбита на известное число треугольников.

Этим же методом надлежит пользоваться и в отношении стоимостей товаров. Мы должны иметь возможность привести их все к одному, общему им всем выражению, различая их лишь по тем пропорциям, в каких они содержат в себе одну и ту же тождественную меру.

Так как *меновые стоимости* товаров представляют собой только *общественные функции* этих вещей и не имеют ничего общего с их *естественными* свойствами, то мы прежде всего должны спросить: какова общая *общественная субстанция* всех товаров? Это *труд.* Чтобы произвести товар, необходимо затратить на него или вложить в него известное количество труда. И я говорю не просто о *труде,* а об *общественном* труде. Человек, который производит предмет непосредственно для своих собственных надобностей, для того чтобы самому его потребить, создает *продукт,* но не *товар.* Как производитель, работающий для самого себя, он ничем не связан с обществом. Но чтобы произвести *товар,* человек не только должен произвести предмет, удовлетворяющий ту или иную *общественную* потребность, но и самый его труд должен составлять неотъемлемую часть общей суммы труда, затрачиваемой обществом. Его труд должен быть подчинен *разделению труда внутри общества.* Он — ничто без других подразделений труда и в свою очередь необходим, чтобы их *дополнять.*

Рассматривая *товары как стоимости,* мы рассматриваем их исключительно как *воплощенный, фиксированный* или, если хотите, *кристаллизованный общественный труд. С* этой точки зрения они могут *отличаться* друг от друга лишь тем, что представляют большее или меньшее количество труда. Например, на производство шелкового носового платка может быть затрачено большее количество труда, чем на производство одного кирпича. Однако чем измеряется *количество труда? Временем, в течение которого продолжается труд,* — часами, днями и так

далее. Для того чтобы к труду можно было прилагать эту меру, все виды труда должны быть сведены к среднему, или простому, труду, как их единству.

Итак, мы приходим к следующему заключению: товар имеет *стоимость* потому, что он представляет собой *кристаллизацию общественного труда. Величина* его стоимости или его *относительная* стоимость зависит от того, содержится в нем большее или меньшее количество общественной субстанции, то есть она зависит от относительного количества труда, необходимого для производства товара. Таким образом, *относительные стоимости товаров* определяются *соответственными количествами,* или *суммами, труда,* которые *вложены, воплощены, фиксированы в этих товарах. Соответствующие* количества товаров, для производства которых требуется *одинаковое рабочее время, равны.* Или: стоимость одного товара относится к стоимости другого товара, как количество труда, фиксированное в одном из них, относится к количеству труда, фиксированному в другом.

Я предвижу, что многие из вас спросят: существует ли действительно столь большая или вообще какая-либо разница между утверждением, что стоимости товаров определяются *заработной платой,* и утверждением, что они определяются *относительным количеством труда,* необходимым для производства товаров? Однако вы должны знать, что *вознаграждение* за труд и *количество* труда — совершенно различные вещи. Допустим, например, что в одном квартере пшеницы и в одной унции золота содержатся *равные количества труда.* Я пользуюсь этим примером, так как его привел *Бенджамин Франклин* в своей первой работе, изданной в 1729 г. и озаглавленной *«Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег»*[129], где он один из первых нащупал истинную природу стоимости. Итак, мы предположили, что один квартер пшеницы и одна унция золота суть *равные стоимости,* или *эквиваленты,* потому что они представляют собой *кристаллизацию равных количеств среднего труда,* стольких-то дней или стольких-то недель труда, соответственно фиксированного в них. Определяя так относительные стоимости золота и хлеба, прибегаем ли мы каким бы то ни было образом к помощи *заработной платы* сельскохозяйственного рабочего или горняка? Ни в малейшей степени. Мы оставляем совершенно *без определения* вопрос о том, как оплачивался их дневной или недельный труд, и даже вопрос о том, применялся ли наемный труд вообще. Если он применялся, то заработная плата обоих этих рабочих могла быть вовсе неравна. Рабочий, труд которого воплощен в квартере пшеницы, мог получить только 2 бушеля пшеницы, а рабочий,

занятый в горном деле, — $^{1}/_{2}$ унции золота. Или, если предположить, что их заработная плата одинакова, она может в самых различных пропорциях отклоняться от стоимостей произведенных ими товаров. Она может равняться $^{1}/_{2}$, $^{1}/_{3}$, $^{1}/_{4}$, $^{1}/_{5}$ или какой-либо другой доле квартера хлеба или унции золота. Их *заработная плата* не может, конечно, *превышать* стоимости произведенных ими товаров, не может быть *больше* нее, но она может быть *меньше* нее, и притом в самой различной степени. Их *заработная плата* будет *ограничена стоимостями* продуктов, по *стоимости их продуктов* отнюдь не ограничены заработной платой. А самое главное, стоимости, относительные стоимости, например хлеба и золота, устанавливаются совершенно независимо от стоимости примененного труда, то есть от *заработной платы.* Поэтому определение стоимости товаров *относительными количествами фиксированного в них труда* есть нечто совершенно отличное от тавтологического метода определения стоимости товаров стоимостью труда или *заработной платой.* Но этот пункт получит дальнейшее освещение в ходе нашего исследования.

Исчисляя меновую стоимость товара, мы должны к количеству труда, употребленного в *последней* стадии производства, прибавить количество труда, *предварительно* вложенного в сырье для товара, и труд, затраченный на оборудование, инструменты, машины и здания, необходимые для осуществления труда. Например, стоимость определенного количества хлопчатобумажной пряжи представляет собой кристаллизацию некоторого количества труда, присоединенного к хлопку в процессе прядения, количества труда, предварительно вложенного в самый хлопок, количества труда, воплощенного в угле, масле и в других используемых вспомогательных материалах, количества труда, вложенного в паровую машину, веретена, фабричное здание и так далее. Орудия производства в собственном смысле, как-то: инструменты, машины, здания, снова и снова служат в течение более или менее продолжительного времени в повторяющихся процессах производства. Если бы они изнашивались сразу, подобно сырью, то вся их стоимость сразу переносилась бы на товары,. при производстве которых они применялись. Но так как, например, веретено изнашивается лишь постепенно, то делается средний расчет, в основу которого кладется средняя продолжительность существования веретена и его средний износ за определенный период, скажем за день. Таким путем мы исчисляем, какая часть стоимости веретена переносится на ежедневно вырабатываемую пряжу и, следовательно, какая часть всего количества труда, вложенного, напри-

мер, в фунт пряжи, приходится на труд, предварительно вложенный в веретено. Для стоящей перед нами цели нет надобности останавливаться на этом вопросе сколько-нибудь подробнее.

Может показаться, что если стоимость товара определяется *количеством труда, затраченного на его производство,* то чем ленивее или неискуснее человек, тем большую стоимость будет иметь произведенный им товар, так как тем больше рабочего времени потребуется для изготовления этого товара. Подобное заключение было бы, однако, печальным заблуждением. Вы помните, что я употребил выражение *«общественный* труд», а это выражение *«общественный»* означает очень многое. Говоря, что стоимость товара определяется *количеством труда,* вложенного в него, или кристаллизованного в нем, мы имеем в виду *количество труда, необходимое* для производства товара при данном состоянии общества, при определенных общественно-средних условиях производства, при данном общественно-среднем уровне интенсивности и искусности применяемого труда. Когда в Англии паровой ткацкий станок начал конкурировать с ручным станком, то для превращения определенного количества пряжи в ярд хлопчатобумажной ткани или сукна стала требоваться лишь половина прежнего рабочего времени. Правда, бедному ручному ткачу приходилось теперь работать 17—18 часов в день вместо 9 или 10, как то было раньше. Однако в продукте 20 часов его труда теперь заключалось лишь 10 часов общественного труда, или 10 часов труда, общественно-необходимого для того, чтобы превратить определенное количество пряжи в ткань. Поэтому продукт 20 часов его труда заключал в себе теперь не больше стоимости, чем раньше заключалось в его 10-часовом продукте.

Итак, если меновые стоимости товаров определяются количеством воплощенного в них общественно-необходимого труда, то при всяком увеличении количества труда, потребного для производства товара, стоимость его должна увеличиваться, а при всяком уменьшении этого количества она должна понижаться.

Если бы количество труда, необходимое для производства определенных товаров, оставалось постоянным, то были бы постоянны и их относительные стоимости. Однако это не так. Количество труда, необходимое для производства товара, непрерывно изменяется вместе с изменениями производительной силы применяемого труда. Чем выше производительная сила труда, тем больше продукта изготовляется в данное рабочее время, и чем ниже производительная сила труда, тем меньше продукта изготовляется в единицу времени. Если, например в связи с ростом населения, оказалось бы необходимым

обрабатывать менее плодородные земли, прежнее количество продуктов можно было бы получить лишь при условии затраты большего количества труда, и стоимость сельскохозяйственных продуктов вследствие этого повысилась бы. С другой стороны, если, пользуясь современными средствами производства, один прядильщик за один рабочий день превращает в пряжу во много тысяч раз больше хлопка, чем он мог переработать в такое же время с помощью прялки, то очевидно, что каждый фунт хлопка поглотит во много тысяч раз меньше труда прядильщика, чем раньше, и, следовательно, стоимость, присоединяемая процессом прядения к каждому фунту хлопка, будет во много тысяч раз меньше, чем прежде. Стоимость пряжи соответственно уменьшится.

Если оставить в стороне различие природных особенностей и приобретенных производственных навыков различных людей, то производительная сила труда должна зависеть главным образом:

1) от *естественных* условий труда, как-то: плодородия почвы, богатства рудников и т. д.;

2) от прогрессирующего совершенствования *общественных сил труда,* которое обусловливается производством в крупном масштабе, концентрацией капитала, комбинированием труда, разделением труда, машинами, усовершенствованием методов производства, использованием химических и других естественных факторов, сокращением времени и пространства с помощью средств связи и транспорта и всякими другими изобретениями, посредством которых наука заставляет силы природы служить труду и благодаря которым развивается общественный, или кооперативный, характер труда. Чем выше производительная сила труда, тем меньше труда затрачивается на данное количество продукта и, следовательно, тем меньше стоимость продукта. Чем ниже производительная сила труда, тем больше труда затрачивается на данное количество продукта и тем, следовательно, выше его стоимость. Поэтому мы можем установить, как общий закон, следующее:

Стоимости товаров прямо пропорциональны рабочему времени, затраченному на их производство, и обратно пропорциональны производительной силе затраченного труда.

До сих пор мы говорили о *стоимости,* теперь же я добавлю несколько слов о *цене,* являющейся особой формой, которую принимает стоимость.

Цена, взятая сама по себе, есть не что иное, как *денежное выражение стоимости.* Например, стоимости всех товаров в Англии выражаются в золотых ценах, тогда как на конти-

ненте они выражаются преимущественно в серебряных ценах. Стоимость золота или серебра, подобно стоимости всех других товаров, определяется количеством труда, необходимого для их добывания. Вы обмениваете известную сумму продуктов своей страны, в которых кристаллизовано определенное количество вашего национального труда, на продукты стран, производящих золото и серебро, продукты, в которых кристаллизовано определенное количество *их* труда. Именно таким путем, то есть фактически с помощью обмена товара на товар, люди приучаются выражать стоимости всех товаров, то есть затрачиваемое на их производство количество труда, в золоте и серебре. Присмотритесь внимательнее к этому *денежному выражению стоимости* или, — что сводится к тому же, — к *превращению стоимости в цену,* и вы найдете, что здесь мы имеем дело с процессом, посредством которого *стоимости* всех товаров получают *самостоятельную и однородную форму,* или посредством которого они выражаются, как количества *одинакового* общественного труда. Цену, поскольку она является лишь денежным выражением стоимости, *А. Смит* называл *естественной ценой,* а французские физиократы — *«необходимой ценой».*

Каково же отношение между *стоимостью* и *рыночными ценами,* или между *естественными ценами* и *рыночными ценами?* Все вы знаете, что *рыночная цена* всех однородных товаров *одинакова,* как бы ни были различны условия производства у отдельных производителей. Рыночные цены выражают лишь *среднее количество общественного труда,* необходимое при средних условиях производства для того, чтобы снабдить рынок определенным количеством определенных изделий. Они исчисляются применительно ко всей массе товаров данного рода. Постольку *рыночная цена* товара совпадает с его *стоимостью.* С другой стороны, колебания рыночных цен, то поднимающихся выше стоимости, или естественной цены, то опускающихся ниже нее, зависят от колебаний предложения и спроса. Отклонения рыночных цен от стоимостей наблюдаются постоянно, но, как говорит *Адам Смит:*

«Естественная цена представляет собой как бы центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайности могут иногда удерживать их много выше уровня естественной цены, а иногда понижать ниже этого уровня. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему»[130].

Я не могу сейчас рассмотреть этот вопрос подробно. Достаточно сказать, что *если* предложение и спрос взаимно уравновешиваются, то рыночные цены товаров будут соответствовать их

естественным ценам, то есть их стоимостям, которые определяются количеством труда, необходимым для производства этих товаров. Но предложение и спрос *должны* постоянно стремиться уравновесить друг друга, хотя они осуществляют это, лишь компенсируя одно колебание другим, повышение — понижением и vice versa*. Если, вместо того чтобы рассматривать только ежедневные колебания, вы проанализируете движение рыночных цен за более продолжительные периоды, как это сделал, например, г-н Тук в своей *«Истории цен»,* то вы найдете, что колебания рыночных цен, их отклонения от стоимостей, их повышения и понижения взаимно нейтрализуют и компенсируют друг друга; так что, если оставить в стороне влияние монополии и некоторые другие модификации, на которых я сейчас останавливаться не могу, все виды товаров продаются в среднем по их *стоимостям,* по их естественным ценам. Средние периоды, на протяжении которых взаимно компенсируются колебания рыночных цен, для разного рода товаров различны, потому что для одного рода товаров приспособление предложения к спросу достигается легче, а для других — труднее.

Итак, если в общем, в пределах более или менее продолжительных периодов, все виды товаров продаются по их стоимостям, то нелепо предполагать, будто прибыль — не в отдельных случаях, а постоянная и обычная прибыль в разных отраслях промышленности — проистекает из накидки на товарные цены, или из того, что товары продаются по ценам, превышающим *их стоимость.* Абсурдность подобного представления станет очевидной, если мы попробуем его обобщить. Все то, что кто-нибудь постоянно выгадывал бы в качестве продавца, он должен был бы постоянно терять в качестве покупателя. Не поможет делу и ссылка на то, что есть люди, которые покупают, не продавая, или потребляют, не производя. То, что эти люди уплачивают производителям, они должны сначала получить от этих последних даром. Если кто-нибудь сначала забирает у вас деньги, а потом возвращает их вам, покупая ваши товары, вы никогда не сможете разбогатеть, продавая ваши товары слишком дорого этому же самому человеку. Такого рода сделка может уменьшить убыток, но она отнюдь неспособна принести прибыль.

Следовательно, для того чтобы объяснить *общую природу прибыли,* вы должны исходить из положения, что в среднем товары *продаются по своим действительным стоимостям* и что *прибыль получается от продажи товаров по их стоимостям,*

* — наоборот. *Ред.*

то есть от продажи их пропорционально количеству воплощенного в них труда. Если вы не можете объяснить прибыли на основе этого предположения, то вы вообще не можете ее объяснить. Это кажется парадоксальным и противоречащим повседневному опыту. Но парадоксально и то, что земля движется вокруг солнца и что вода состоит из двух легко воспламеняющихся газов. Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей.

7. РАБОЧАЯ СИЛА

После того как мы подвергли анализу, насколько это возможно в столь беглом обзоре, природу *стоимости, стоимости всякого товара,* мы должны сосредоточить внимание на специфической *стоимости труда.* И здесь я опять должен поразить вас утверждением, которое покажется вам парадоксом. Все вы уверены, что вы ежедневно продаете именно свой труд, что, следовательно, труд имеет цену и что, — так как цена товара представляет собой лишь денежное выражение его стоимости, — наверное должна существовать такая вещь, как *стоимость труда.* Однако такой вещи, как *стоимость труда* в обычном смысле этого слова, в действительности не существует. Мы видели, что количество кристаллизованного в товаре необходимого труда образует его стоимость. Так вот, применяя это понятие стоимости, как смогли бы мы определить стоимость, скажем, 10-часового рабочего дня? Сколько труда содержится в этом дне? 10 часов труда. Если бы мы сказали, что стоимость 10-часового рабочего дня равна 10 часам труда, или количеству содержащегося в этом рабочем дне труда, то это было бы тавтологией и даже больше того — бессмыслицей. Разумеется, после того, как мы откроем истинный, но скрытый смысл выражения *«стоимость труда»,* мы так же сможем объяснить это иррациональное и, казалось бы, невозможное применение стоимости, как мы можем объяснить видимые, как они нам представляются, движения небесных тел после того, как мы познали их действительное движение.

То, что продает рабочий, не является непосредственно его *трудом,* а является его *рабочей силой,* которую он передает во временное распоряжение капиталиста. Это настолько верно, что законы — не знаю, как в Англии, но во всяком случае в некоторых континентальных странах — устанавливают *максимальный срок,* на который разрешается продавать свою

рабочую силу. Если бы разрешалось продавать рабочую силу на любой срок, то немедленно восстановилось бы рабство. Если бы подобная продажа охватывала, например, все время жизни рабочего, она тотчас превратила бы его в пожизненного раба его нанимателя.

Уже один из старейших экономистов и оригинальнейших философов Англии, *Томас Гоббс,* в своем *«Левиафане»* инстинктивно уловил этот факт, не замеченный всеми его преемниками. Он говорит:

«Стоимость, или *ценность, человека,* как и всех других вещей, есть его *цена,* то есть то, что дается за *пользование его силой»*[131].

Если мы станем исходить из этой основы, мы сможем определить *стоимость труда* так же, как и стоимость всякого другого товара.

Но прежде чем сделать это, мы должны спросить, как возникло то странное явление, что мы находим на рынке, с одной стороны, категорию покупателей, владеющих землей, машинами, сырьем и средствами существования, то есть предметами, которые, кроме необработанной земли, все являются *продуктами труда,* а с другой стороны категорию продавцов, которым нечего продавать, кроме своей рабочей силы, своих рабочих рук и головы; что одни постоянно покупают с целью извлекать прибыль и обогащаться, тогда как другие постоянно продают, для того чтобы заработать на жизнь. Исследование этого вопроса было бы исследованием того, что экономисты называют *предварительным* или *первоначальным накоплением;* но что следовало бы назвать *первоначальной экспроприацией.* Мы обнаружили бы, что это так называемое *первоначальное накопление* означает не что иное, как ряд исторических процессов, которые привели к *разрушению* существовавшего *прежде единства* между работником и его средствами труда. Однако подобное исследование выходит за пределы поставленной передо мной темы. Это *отделение* трудящегося от средств труда, будучи однажды осуществлено, в дальнейшем сохраняется и воспроизводится в постоянно расширяющемся масштабе вплоть до тех пор, пока новая и коренная революция в способе производства не уничтожит его и не восстановит первоначально существовавшего единства в новой исторической форме.

Итак, что же такое *стоимость рабочей силы?*

Подобно стоимости всякого другого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимым для ее производства. Рабочая сила человека существует только в его

живой личности. Для того чтобы вырасти и поддерживать свою жизнь, человек должен потреблять определенное количество жизненных средств. Однако человек, подобно машине, изнашивается, и его приходится заменять другим человеком. Кроме того количества жизненных средств, которое необходимо для поддержания существования *самого рабочего,* он нуждается еще в некотором их количестве для того, чтобы вырастить детей, которые должны его заменить на рынке труда и увековечить род рабочих. Сверх того, приходится затратить еще известную сумму стоимости для того, чтобы рабочий смог развить свою рабочую силу и приобрести определенную квалификацию. Для нашей цели здесь достаточно рассмотреть только *средний* труд, при котором издержки на воспитание и обучение составляют ничтожно малую величину. Однако, пользуясь случаем, я должен отметить, что так как издержки производства рабочей силы различного качества различны, то должна быть различной и стоимость рабочей силы, применяемой в разных отраслях производства. Поэтому требование *равной заработной платы* основано на заблуждении, является *неразумным* желанием, которому никогда не суждено осуществиться. Это требование представляет собой порождение того ложного и поверхностного радикализма, который принимает предпосылки и пытается уклониться от выводов. На основе системы наемного труда стоимость рабочей силы устанавливается так же, как стоимость всякого другого товара, а так как различные виды рабочей силы имеют разные стоимости, то есть требуют для своего производства разных количеств труда, то и на рынке труда они *должны* оплачиваться по разным ценам. Требовать *равного или хотя бы только справедливого вознаграждения* на основе системы наемного труда — это то же самое, что требовать *свободы* на основе системы рабства. Что вы считаете правильным и справедливым, это к вопросу не относится. Вопрос заключается в том, что является необходимым и неизбежным при данной системе производства.

После всего сказанного ясно, что *стоимость рабочей силы* определяется *стоимостью жизненных средств,* необходимых для того, чтобы произвести, развить, сохранить и увековечить рабочую силу.

8. ПРОИЗВОДСТВО ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Теперь предположим, что для производства среднего количества жизненных средств, необходимых данному рабочему ежедневно, требуется *6 часов среднего труда.* Предположим,

кроме того, что 6 часов среднего труда воплощаются также в количестве золота, равном 3 шиллингам. Тогда 3 шилл. будут *ценой,* или денежным выражением, *дневной стоимости рабочей силы* этого рабочего. Работая по 6 часов в день, он ежедневно производил бы стоимость, достаточную для того, чтобы приобрести среднее количество необходимых ему ежедневно жизненных средств, то есть чтобы поддерживать свое существование в качестве рабочего.

Но этот человек — наемный рабочий. Поэтому ему приходится продавать свою рабочую силу капиталисту. Продавая ее за 3 шилл. в день, или за 18 шилл. в неделю, он продает ее по ее стоимости. Предположим, что он — прядильщик. Если он работает 6 часов в день, то он ежедневно присоединяет к хлопку стоимость в 3 шиллинга. Эта стоимость, ежедневно присоединяемая им к хлопку, представляет собой точный эквивалент его заработной платы, или ежедневно получаемой им цены его рабочей силы. Однако в этом случае капиталист не получил бы *никакой прибавочной стоимости,* или *прибавочного продукта.* Здесь мы наталкиваемся, таким образом, на действительное затруднение.

Покупая рабочую силу рабочего и оплачивая ее стоимость, капиталист, как и все другие покупатели, приобрел право потреблять купленный товар, пользоваться им. Подобно тому, как машину потребляют или используют, приводя ее в движение, так и рабочую силу человека потребляют и используют, заставляя его работать. Оплатив дневную или недельную стоимость рабочей силы рабочего, капиталист тем самым приобрел право использовать эту рабочую силу, или заставлять ее работать в течение *всего дня или всей недели.* Рабочий день или рабочая неделя имеют, конечно, известные границы. Но на этом мы подробнее остановимся позже.

Теперь я хочу обратить ваше внимание на один решающий пункт.

Стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимым для ее сохранения или воспроизводства, тогда как *пользование* этой рабочей силой ограничено лишь работоспособностью и физической силой рабочего. Дневная или недельная *стоимость* рабочей силы есть нечто совершенно отличное от ежедневной или еженедельной *затраты* этой силы, так же, как корм, необходимый для лошади, и-то время, в течение которого она может нести на себе всадника, представляют собой совсем не одно и то же. То количество труда, которым ограничена *стоимость* рабочей силы рабочего, отнюдь не образует границы того количества труда, которое способна выполнить

его рабочая сила. Возьмем, например, нашего прядильщика. Мы видели, что для ежедневного воспроизводства своей рабочей силы он должен каждый день воспроизводить стоимость в 3 шилл., и это он выполняет, работая ежедневно 6 часов. Однако это не лишает его способности работать ежедневно 10, 12 или больше часов. Но, оплатив дневную или недельную *стоимость* рабочей силы прядильщика, капиталист приобрел право пользоваться его рабочей силой в течение *целого дня или целой недели.* Поэтому капиталист заставляет прядильщика работать, скажем, *12* часов в день. *Сверх и кроме* 6 часов труда, которые необходимы для возмещения его заработной платы, или стоимости его рабочей силы, рабочий будет работать *еще 6 часов,* которые я назову часами *прибавочного труда,* причем этот прибавочный труд воплотится в *прибавочной стоимости* и *прибавочном продукте.* Если, например, наш прядильщик, работая ежедневно 6 часов, присоединяет к хлопку стоимость в 3 шилл., стоимость, составляющую точный эквивалент его заработной платы, то за 12 часов он присоединит к хлопку стоимость в 6 шилл. и произведет *соответствующее прибавочное количество пряжи.* Так как он продал свою рабочую силу капиталисту, то вся создаваемая им стоимость, или весь создаваемый им продукт, принадлежит капиталисту, который является pro tempore* собственником его рабочей силы. Следовательно, авансируя 3 шилл., капиталист благодаря этому реализует стоимость в 6 шилл., так как, авансируя стоимость, в которой кристаллизованы 6 часов труда, он взамен получает стоимость, в которой кристаллизованы 12 часов труда. Ежедневно повторяя этот процесс, капиталист ежедневно будет авансировать 3 шилл. и ежедневно класть себе в карман 6 шилл., половина которых снова идет на выдачу заработной платы, а другая половина составляет *прибавочную стоимость,* за которую капиталист не платит никакого эквивалента. Именно на *такого рода обмене между капиталом и трудом* основано капиталистическое производство, или система наемного труда, и этот обмен должен постоянно приводить к тому, что рабочий воспроизводится как рабочий, а капиталист — как капиталист.

Норма прибавочной стоимости при прочих равных условиях зависит от соотношения между той частью рабочего дня, которая необходима для воспроизводства стоимости рабочей силы, и *прибавочным временем,* или *прибавочным трудом,* затрачиваемым на капиталиста. Следовательно, она зависит от того, в *какой мере рабочий день продолжается сверх того времени,* в течение

* — временным. *Ред.*

которого рабочий воспроизводит своим трудом только стоимость своей рабочей силы, или возмещает свою заработную плату.

9. СТОИМОСТЬ ТРУДА

Теперь мы должны вернуться к выражению *«стоимость, или цена, труда».*

Мы видели, что в действительности это — не что иное, как стоимость рабочей силы, измеряемая стоимостью товаров, необходимых для ее сохранения. Но так как рабочий получает свою заработную плату *после* окончания своего труда и так как, кроме того, рабочий знает, что на самом деле он отдает капиталисту именно свой труд, то стоимость, или цена, его рабочей силы неизбежно представляется ему *ценой,* или *стоимостью, самого его труда.* Если цена его рабочей силы равна 3 шилл., в которых воплощены 6 часов труда, и если при этом он работает 12 часов, то он неизбежно рассматривает эти 3 шилл. как стоимость, или цену, 12 часов труда, хотя эти 12 часов труда воплощаются в стоимости в 6 шиллингов. Отсюда вытекают два вывода:

Во-первых: стоимость, или цена, рабочей силы приобретает видимость *цены, или стоимости, самого труда,* хотя, строго говоря, стоимость и цена труда представляют собой бессмысленные термины.

Во-вторых: хотя *оплачивается* только часть дневного труда рабочего, а другая часть остается *неоплаченной,* и хотя именно этот неоплаченный, или прибавочный, труд образует тот фонд, из которого образуется *прибавочная стоимость,* или *прибыль,* однако кажется, будто весь труд является оплаченным трудом.

Эта обманчивая видимость отличает *наемный труд* от других *исторических* форм труда. На основе системы наемного труда даже *неоплаченный* труд представляется *оплаченным* трудом. У *раба,* наоборот, даже оплаченная часть его труда представляется неоплаченной. Для того чтобы работать, раб, разумеется, должен жить, и часть его рабочего дня идет на возмещение стоимости его собственного содержания. Но так как между рабом и господином не заключается никаких торговых сделок, так как между обеими сторонами не совершается никаких актов купли и продажи, то весь труд раба кажется безвозмездным.

Возьмем, с другой стороны, крепостного крестьянина, который, можно сказать, еще вчера существовал на всем востоке Европы. Этот крестьянин работал, например, 3 дня на самого себя на своем собственном или предоставленном ему участке, а в течение остальных 3 дней выполнял принудительный и без-

возмездный труд в поместье своего господина. Таким образом, здесь оплаченная часть труда была осязательно отделена во времени и пространстве от неоплаченной, и наши, либералы преисполнялись моральным негодованием, считая абсурдной самую мысль заставлять человека работать даром.

А между тем, работает ли человек 3 дня в неделю на себя на своем собственном участке, а 3 дня безвозмездно в поместье своего господина, или же он работает на фабрике или в мастерской 6 часов в день на самого себя, а 6 часов на своего предпринимателя, дело сводится к одному и тому же, хотя в последнем случае оплаченная часть труда нераздельно слита с неоплаченной и природа всей сделки совершенно замаскирована тем, что *существует договор* и что в конце недели совершается *платеж.* В одном случае безвозмездный труд представляется трудом добровольным, а в другом случае — принудительным. В этом вся разница.

Если я буду употреблять выражение *«стоимость труда»,* то только как обычный ходячий термин для обозначения *«стоимости рабочей силы».*

10. ПРИБЫЛЬ ИЗВЛЕКАЕТСЯ ПРИ ПРОДАЖЕ ТОВАРА ПО ЕГО СТОИМОСТИ

Предположим, что средний час труда воплощается в стоимости, равной 6 пенсам, или что 12 средних часов труда воплощаются в 6 шиллингах. Предположим далее, что стоимость труда равна 3 шилл., или продукту 6-часового труда. Затем, если в сырье, машинах и т. д., использованных в процессе производства товара, воплощены 24 средних часа труда, то их стоимость составит 12 шиллингов. Если, кроме того, нанятый капиталистом рабочий присоединяет к этим средствам производства 12 часов своего труда, то эти 12 часов создадут добавочную стоимость в 6 шиллингов. Итак, *общая стоимость продукта* составит 36 часов овеществленного труда и будет равна 18 шиллингам. Но так как стоимость труда, или выплаченная рабочему заработная плата, равна только 3 шилл., то за 6 часов прибавочного труда, затраченного рабочим и воплощенного в стоимости товара, капиталист не платит никакого эквивалента. Продавая этот товар по его стоимости, за 18 шилл., капиталист, таким образом, реализует и стоимость в 3 шилл., за которую он не уплатил никакого эквивалента. Эти 3 шилл. составляют его прибавочную стоимость, или прибыль, которую он и кладет себе в карман. Следовательно, капиталист реализует прибыль в 3 шилл. не потому, что он продает свой товар по цене,

превышающей его стоимость, а потому, что продает его *по его действительной стоимости.*

Стоимость товара определяется *общим количеством* содержащегося в нем *труда.* Но часть этого количества труда воплощена в стоимости, за которую был уплачен эквивалент в форме заработной платы, другая же часть его воплощена в стоимости, за которую *не* было уплачено *никакого* эквивалента. Часть труда, содержащегося в товаре, представляет собой *оплаченный* труд, другая часть — *неоплаченный.* Следовательно, продавая товар *по его стоимости,* то есть как кристаллизацию *всего количества труда,* затраченного на товар, капиталист обязательно продаст его с прибылью. Он продает не только то, за что уплатил эквивалент, но также и то, что ему ничего не стоило, хотя его рабочему это стоило труда. То, чего стоит товар капиталисту, и то, чего он действительно стоит, — это две различные вещи. Итак, повторяю — нормальная и средняя прибыль получается не от продажи товаров *выше* их действительной стоимости, а при продаже их *по их действительной стоимости.*

11. РАЗЛИЧНЫЕ ЧАСТИ, НА КОТОРЫЕ РАСПАДАЕТСЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Прибавочную стоимость, или ту часть всей стоимости товара, в которой воплощен *прибавочный* — или *неоплаченный* — *труд* рабочего, я называю *прибылью.* Не вся эта прибыль попадает в карман капиталиста-предпринимателя. Монополия на землю дает земельному собственнику возможность часть этой *прибавочной стоимости* присваивать под названием *ренты,* причем безразлично, используется ли земля для сельского хозяйства, для построек, для железных дорог или для какой-либо другой производственной цели. С другой стороны, тот факт, что обладание *средствами труда* дает капиталисту-предпринимателю возможность производить *прибавочную стоимость* или, что то же самое, *присваивать некоторое количество неоплаченного труда,* ведет к тому, что собственник средств труда, полностью или частично ссужающий их капиталисту-предпринимателю, словом, *капиталист, ссужающий деньги,* получает возможность требовать себе другую часть этой прибавочной стоимости под названием *процента.* Таким образом, капиталисту-предпринимателю *как таковому* остается только то, что называется *промышленной,* или *коммерческой,* прибылью.

Вопрос о том, какими законами регулируется это распределение всей суммы прибавочной стоимости между указанными

тремя категориями людей, совершенно не относится к нашей теме. Однако из всего сказанного вытекает следующее.

Рента, процент и промышленная прибыль — это только *различные названия разных частей прибавочной стоимости* товара, или *воплощенного в нем неоплаченного труда,* и все они в одинаковой мере *черпаются из этого источника, и только из него одного.* Они не порождаются *землей* как таковой и *капиталом* как таковым, но земля и капитал дают своим собственникам возможность получать соответствующие доли прибавочной стоимости, выжимаемой капиталистом-предпринимателем из рабочего. Для самого рабочего имеет второстепенное значение вопрос о том, прикарманивает ли всю эту прибавочную стоимость — результат его прибавочного, или неоплаченного, труда — капиталист-предприниматель или же этот последний вынужден некоторые ее части под названием ренты и процента выплачивать третьим лицам. Предположим, что капиталист-предприниматель пользуется только собственным капиталом и сам является собственником нужной ему земли. В этом случае прибавочная стоимость целиком шла бы в его карман.

Именно капиталист-предприниматель непосредственно выжимает эту прибавочную стоимость из рабочего, независимо от того, какую ее часть он в конечном счете сможет удержать для самого себя. Таким образом, вся система наемного труда, вся современная система производства, основывается именно на этом отношении между капиталистом-предпринимателем и наемным рабочим. Поэтому некоторые из граждан, принимавших участие в наших прениях, были неправы, когда пытались смягчить положение вещей и представить это основное отношение между капиталистом-предпринимателем и рабочим, как вопрос второстепенный; хотя они были правы, утверждая, что при данных обстоятельствах повышение цен может в весьма неодинаковой степени задеть капиталиста-предпринимателя, земельного собственника, денежного капиталиста и, если угодно, сборщика налогов.

Из сказанного вытекает и другой вывод.

Та часть стоимости товара, которая представляет только стоимость сырья, машин, словом — стоимость потребленных средств производства, вовсе *не* образует *дохода,* а *только* возмещает *капитал.* Но даже если оставить этот вопрос в стороне, то неверно, будто другая часть стоимости товара, *которая образует доход,* или может быть израсходована в виде заработной платы, прибыли, ренты и процента, *слагается* из стоимости заработной платы, стоимости ренты, стоимости прибыли и так далее. Мы сперва исключим отсюда заработную плату и будем рассматривать только промышленную прибыль, процент и ренту.

Мы только что видели, что содержащаяся в товаре *прибавочная стоимость,* или та часть его стоимости, в которой воплощен *неоплаченный труд,* сама *распадается* на различные части, которые носят три разных названия. Но было бы совершенно неверно говорить, что стоимость этой части товара *складывается* или *образуется* путем *сложения самостоятельных стоимостей этих трех компонентов.*

Если один час труда воплощается в стоимости в 6 пенсов, если рабочий день рабочего составляет 12 часов и если половина этого времени представляет собой неоплаченный труд, то этот прибавочный труд присоединяет к товару *прибавочную стоимость* в 3 шилл., то есть стоимость, за которую не было уплачено никакого эквивалента. Эта прибавочная стоимость в 3 шилл. составляет *весь* тот *фонд,* который капиталист-предприниматель может поделить, безразлично в какой пропорции, с земельным собственником и лицом, ссужающим деньги. Эта стоимость в 3 шилл. образует собой границу той стоимости, которую они могут между собой поделить. Но дело происходит вовсе не так, что сам капиталист-предприниматель накидывает на стоимость товара произвольную стоимость в качестве прибыли для себя, затем начисляется другая стоимость для земельного собственника и т. д., и общая стоимость товара слагается из этих произвольно установленных стоимостей. Таким образом вы видите всю неправильность того ходячего представления, которое смешивает *распадение данной стоимости* на три части с *образованием* этой стоимости путем сложения трех *самостоятельных* стоимостей, превращая тем самым совокупную стоимость, из которой черпается рента, прибыль и процент, в произвольную величину.

Пусть вся реализуемая капиталистом прибыль равняется 100 фунтам стерлингов. Рассматривая эту сумму прибыли как *абсолютную* величину, мы называем ее *массой прибыли.* Если же мы вычисляем отношение этих 100 ф. ст. к авансированному капиталу, то эту *относительную* величину мы называем *нормой прибыли.* Очевидно, что эта норма прибыли может быть выражена двояким образом.

Предположим, что капитал, *авансированный на заработную плату,* составляет 100 фунтов стерлингов. Если созданная прибавочная стоимость тоже равна 100 ф. ст., то это показывает, что половина рабочего дня рабочего состоит из *неоплаченного* труда и, — если измерять эту прибыль стоимостью капитала, авансированного на заработную плату, — мы скажем, что *норма прибыли* равна 100%, так как авансированная стоимость равна 100, а реализованная стоимость — 200.

Если же, с другой стороны, мы примем во внимание не только капитал, *авансированный на заработную плату,* а *весь* авансированный *капитал,* скажем 500 ф. ст., из которых 400 ф. ст. представляют стоимость сырья, машин и т. д., то окажется, что *норма прибыли* равна только 20%, так как прибыль, 100 ф. ст., составит только пятую часть *всего* авансированного капитала.

Первый способ выражения нормы прибыли есть единственный способ, который показывает действительное соотношение между оплаченным и неоплаченным трудом, действительную степень exploitation* (позвольте мне воспользоваться этим французским словом) труда. Второй способ выражения употребляется обычно, и он в самом деле пригоден для некоторых целей, во всяком случае весьма удобен для того, чтобы скрыть, в каких размерах капиталист выжимает из рабочего даровой труд.

В тех замечаниях, которые мне остается сделать, я буду употреблять слово *прибыль* для обозначения всей массы выжимаемой капиталистом прибавочной стоимости, безотносительно к тому, как распределяется эта прибавочная стоимость между разными категориями лиц; а употребляя выражение *норма прибыли,* я буду всегда измерять прибыль ее отношением к стоимости капитала, авансированного на заработную плату.

12. ОБЩЕЕ СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРИБЫЛЬЮ, ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТОЙ И ЦЕНАМИ

Если вычесть из стоимости товара стоимость, возмещающую сырье и другие затраченные на него средства производства, то есть если вычесть стоимость, представляющую содержащийся в товаре прошлый труд, то остальная часть стоимости товара сводится к тому количеству труда, которое присоединено рабочим в *последнем* производственном процессе. Если этот рабочий работает 12 часов в день, а 12 часов среднего труда кристаллизуются в количестве золота, равном 6 шилл., то эта присоединенная стоимость в 6 шилл. представляет собой *единственную* стоимость, которую создал его труд. Эта, определяемая рабочим временем, данная стоимость представляет собой единственный фонд, из которого и рабочий и капиталист должны извлекать каждый свою часть, или долю, единственную стоимость, подлежащую делению на заработную плату и прибыль. Очевидно, что сама эта стоимость не изменится, в каких бы разнообразных соотношениях она ни распределялась между этими двумя сторонами. Ничего не изменится также, если вместо

* — эксплуатации. *Ред.*

одного рабочего взять все рабочее население или вместо одного рабочего дня взять, например, 12 млн. рабочих дней.

Так как капиталист и рабочий могут распределить между собой только эту ограниченную стоимость, то есть стоимость, измеряемую всем трудом рабочего, то чем больше получает один, тем меньше получает другой, и vice versa. Если дано определенное количество, то всегда одна его часть будет увеличиваться в том же отношении, в каком уменьшается другая. Если заработная плата изменяется, то прибыль изменится в противоположном направлении. Если заработная плата понижается, то прибыль повысится; если заработная плата повышается, то прибыль понизится. Если рабочий получает, как мы предположили раньше, 3 шилл., равные половине созданной им стоимости, то есть, иными словами, если весь его рабочий день состоит наполовину из оплаченного и наполовину из неоплаченного труда, то *норма прибыли* составит 100%, так как капиталист получит тоже 3 шиллинга. Если рабочий получает только 2 шилл., или работает на себя только $^1/_3$ всего дня, то капиталист получит 4 шилл., и норма прибыли составит 200%. Если рабочий получает 4 шилл., капиталист получит только 2, и норма прибыли опустится до 50%. Но все эти изменения не окажут влияния на стоимость товаров. Значит, общее повышение заработной платы повело бы к падению общей нормы прибыли, но не повлияло бы на стоимости товаров.

Но хотя стоимости товаров, которыми в конечном счете должны регулироваться их рыночные цены, определяются исключительно совокупными количествами фиксированного в них труда и не зависят от деления каждого такого количества на оплаченный и неоплаченный труд, отсюда никоим образом не следует, что стоимости отдельных товаров или группы товаров, производимых, например, в течение 12 часов, будут оставаться постоянными. *Количество* или масса товаров, произведенных в данное рабочее время или с помощью данного количества труда, зависит от *производительной силы* применяемого труда, а не от его *растянутости во времени,* или продолжительности. При одном уровне производительной силы труда прядильщика за 12-часовой рабочий день можно произвести, например, 12 ф. пряжи, а при более низком уровне производительной силы — только 2 фунта. Значит, если 12-часовой средний труд воплощается в стоимости в 6 шилл., то в одном случае 12 ф. пряжи стоили бы 6 шилл., а в другом 2 ф. пряжи стоили бы тоже 6 шиллингов. Таким образом, в одном случае 1 ф. пряжи стоил бы 6 пенсов, а г. другом — 3 шиллинга. Эта разница в цене была бы следствием разницы в производительной силе применяемого

труда. При большей производительной силе в 1 ф. пряжи воплощался бы 1 час труда, тогда как при меньшей производительной силе в 1 ф. пряжи воплощалось бы 6 часов труда. Цена 1 ф. пряжи в одном случае равнялась бы только 6 пенсам, хотя бы заработная плата была относительно высока, а норма прибыли низка, в другом случае она равнялась бы 3 шилл., хотя бы заработная плата была низка, а норма прибыли высока. Так было бы потому, что цена фунта пряжи определяется *всем количеством вложенного* в него *труда,* а не той *пропорцией, в какой все это количество делится на оплаченный и неоплаченный труд.* Упомянутый мною раньше факт, что высокооплачиваемый труд может производить дешевые товары, а низкооплачиваемый — дорогие, уже не кажется поэтому парадоксальным. Этот факт является только выражением того общего закона, что стоимость товара определяется количеством вложенного в него труда и что это количество труда всецело зависит от производительной силы применяемого труда и поэтому изменяется с каждым изменением производительности труда.

13. ВАЖНЕЙШИЕ СЛУЧАИ БОРЬБЫ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ИЛИ ПРОТИВ ЕЕ ПОНИЖЕНИЯ

Теперь рассмотрим со всей серьезностью важнейшие случаи борьбы за повышение заработной платы или против ее понижения.

1) Мы видели, что *стоимость рабочей силы,* или, употребляя более распространенное выражение, *стоимость труда,* определяется стоимостью жизненных средств или количеством труда, требующимся для их производства. Итак, если в данной стране стоимость жизненных средств, которые в среднем ежедневно потребляет рабочий, составляет 6 часов труда и выражается в 3 шилл., то рабочему нужно работать 6 часов в день для того, чтобы произвести эквивалент своего дневного содержания. Если весь рабочий день равняется 12 часам, то капиталист оплатит рабочему стоимость его труда, выплатив ему 3 шиллинга. Половина рабочего дня составляет неоплаченный труд, п норма прибыли равняется 100%. Но предположим теперь, что вследствие понижения производительности, для того чтобы произвести, скажем, то же самое количество сельскохозяйственных продуктов, требуется больше труда, так что цена среднего количества ежедневно потребляемых рабочим жизненных средств повышается с 3 до 4 шиллингов. В этом случае *стоимость* труда увеличивается на $^1/_3$, или на $33^1/_3$%. Для того чтобы произвести эквивалент дневного содержания рабочего

соответственно его прежнему жизненному уровню, потребовалось бы 8 часов труда. Следовательно, прибавочный труд сокращается с 6 до 4 часов, а норма прибыли понижается со 100 до 50%. Но требуя повышения заработной платы, рабочий тем самым требует только, чтобы ему уплатили *возросшую стоимость его труда,* подобно тому как всякий другой продавец товара, когда издержки на его товар увеличиваются, добивается, чтобы была оплачена повысившаяся стоимость его товара. Если заработная плата не повышается или повышается недостаточно для того, чтобы возместить возросшую стоимость жизненных средств, то *цена* труда опускается *ниже стоимости труда* и жизненный уровень рабочего ухудшается.

Но может произойти изменение также и в противоположном направлении. Вследствие роста производительности труда то же самое количество жизненных средств, в среднем ежедневно потребляемое рабочим, может понизиться в цене с 3 до 2 шилл., другими словами, для того чтобы воспроизвести эквивалент стоимости ежедневно потребляемых жизненных средств, вместо 6 часов рабочего дня потребуется только 4 часа. Теперь рабочий сможет купить за 2 шилл. столько же жизненных средств, сколько раньше он покупал за 3 шиллинга. *Стоимость труда* действительно понизилась бы, но при этой уменьшившейся стоимости труда рабочий располагал бы тем же количеством товаров, что и прежде. Прибыль в этом случае повысилась бы с 3 шилл. до 4, а норма прибыли — со 100% до 200%. Хотя абсолютный уровень жизни рабочего остался бы прежним, его *относительная* заработная плата и вместе с тем его *относительное общественное положение,* положение его по сравнению с капиталистом, ухудшилось бы. Сопротивляясь этому понижению относительной заработной платы, рабочий требовал бы только известной доли в том, что дают возросшие производительные силы его собственного труда, и стремился бы только сохранить свое прежнее относительное положение на социальной лестнице. Так, после отмены хлебных законов английские фабриканты, совершив вопиющее нарушение торжественных обещаний, которые они давали в пору агитации против хлебных законов, понизили заработную плату в общем на 10%. Сопротивление рабочих на первых порах оказалось безрезультатным, но потом, вследствие обстоятельств, на которых я не могу сейчас останавливаться, потерянные 10% были отвоеваны вновь.

2) *Стоимость* жизненных средств, а следовательно и *стоимость труда,* может остаться неизменной, но при этом могут измениться их *денежные цены* вследствие предшествующего *изменения стоимости денег.*

Благодаря открытию более богатых рудников и т. д. может случиться, что производство, например, 2 унций золота будет требовать не больше труда, чем раньше требовало производство 1 унции. В этом случае *стоимость* золота понизится наполовину, или на 50%. *Стоимость труда,* как и *стоимость* всех других товаров, будет теперь выражаться в удвоенных против прежнего *денежных ценах.* Двенадцать часов труда, выражавшиеся прежде в 6 шилл., будут выражены теперь в 12 шиллингах. Если заработная плата рабочего останется попрежнему равной 3 шилл., а не повысится до 6 шилл., то *денежная цена его труда* будет равняться теперь только *половине стоимости его труда,* и жизненный уровень рабочего чрезвычайно понизится. В большей или меньшей мере это будет иметь место также и в том случае, если заработная плата повысится, но не в полном соответствии с падением стоимости золота. В рассматриваемом нами примере ничего не изменяется ни в производительной силе труда, ни в предложении и спросе, ни в стоимостях товаров. Не изменяется ничего, кроме денежных *названий* этих стоимостей. Говорить, что в подобном случае рабочий не должен добиваться соответствующего повышения заработной платы, значит говорить, что рабочий должен довольствоваться тем, что ему платят названиями вместо вещей. Вся предшествующая история доказывает, что всякий раз, как происходит подобное обесценение денег, капиталисты спешат воспользоваться этим удобным случаем, чтобы обмануть рабочих. Одна весьма многочисленная школа экономистов утверждает, что вследствие открытия новых золотых россыпей, вследствие улучшенной разработки серебряных рудников и более дешевого снабжения ртутью стоимость драгоценных металлов снова понизилась. Это могло бы объяснить всеобщее и одновременно возникшее на континенте требование повысить заработную плату.

3) До сих пор мы исходили из предположения, *что рабочий день* имеет определенные границы. Однако сам по себе рабочий день постоянных границ не имеет. Постоянной тенденцией капитала является стремление растянуть рабочий день до его крайней, физически возможной продолжительности, ибо по мере увеличения продолжительности рабочего дня возрастает прибавочный труд, а следовательно и создаваемая им прибыль. Чем больше удается капиталу удлинить рабочий день, тем большее количество чужого труда он присваивает. В течение XVII века и даже двух первых третей XVIII века 10-часовой рабочий день был обычным рабочим днем по всей Англии. Во время антиякобинской войны[132], которая фактически была войной

британских баронов против британских трудящихся масс, капитал справлял свои вакханалии и удлинил рабочий день с 10 до 12, 14, 18 часов. *Мальтус,* человек, которого во всяком случае нельзя заподозрить в слезливой сентиментальности, в памфлете, опубликованном около 1815 **г.**, объявил, что если так будет продолжаться и дальше, то жизнь нации будет подорвана в самом своем корне[133]. За несколько лет до повсеместного введения вновь изобретенных машин, около 1765 г., в Англии появился памфлет под заглавием *«Опыт о промышленности»*[134]. Анонимный автор, отъявленный враг рабочего класса, разглагольствует о необходимости расширить границы рабочего дня. Для достижения этой цели он предлагает, среди прочих средств, учредить *работные дома,* которые, по его словам, должны быть *«домами ужаса».* И какую же продолжительность рабочего дня предлагает он для этих *«домов ужаса»? Двенадцать часов,* — как раз ту самую продолжительность рабочего дня, которую в 1832 г. капиталисты, экономисты и министры объявили не только фактически существующим, но необходимым рабочим временем для детей моложе 12 лет[135].

Продавая свою рабочую силу, — а при современной системе рабочий вынужден это делать, — рабочий предоставляет капиталисту потреблять эту силу, но в определенных разумных границах. Он продает свою рабочую силу для того, чтобы ее сохранить — здесь мы оставляем в стороне ее естественное изнашивание, — а не для того, чтобы ее разрушить. При продаже рабочим своей рабочей силы по ее дневной или недельной стоимости предполагается, что эта рабочая сила не должна подвергаться в один день или в одну неделю такому расходованию, такому изнашиванию, как в 2 дня или 2 недели. Возьмем машину стоимостью в 1000 фунтов стерлингов. Если она служит 10 лет, то ежегодно она будет присоединять к стоимости товаров, в производстве которых она участвует, по 100 фунтов стерлингов. Если она служит 5 лет, то она прибавляет к стоимости этих товаров по 200 ф. ст. ежегодно. Иными словами, стоимость ее ежегодного изнашивания обратно пропорциональна срокам, в течение которых она потребляется. Но именно в этом отношении рабочий отличается от машины. Машины изнашиваются не в полном соответствии с их потреблением; человек же, наоборот, разрушается в гораздо большей степени, чем это можно было бы думать на основании одних только цифровых данных об удлинении его работы.

Когда рабочие борются за то, чтобы свести рабочий день к его прежней разумной величине, или, — будучи не в состоянии добиться установления законом нормального рабочего дня, —

стремятся предотвратить чрезмерный труд путем повышения заработной платы, повышения не только пропорционального выжимаемому из них добавочному времени, но и большего, чем пропорциональное, они лишь выполняют свой долг по отношению к самим себе и своему роду. Они только ставят пределы тираническим узурпациям капитала. Время есть пространство человеческого развития. Человек, не располагающий ни минутой свободного времени, человек, вся жизнь которого, не считая обусловливаемых чисто физическими потребностями перерывов на сон, еду и т. д., поглощается работой на капиталиста, — такой человек низведен до положения хуже вьючного животного. Изможденный телесно и огрубевший духовно, он — только машина для производства чужого богатства. Между тем, вся история современной промышленности показывает, что капитал, если ему не препятствовать, будет бездушно и беспощадно стремиться к тому, чтобы низвести весь рабочий класс до этого состояния крайней деградации.

Удлиняя рабочий день, капиталист может платить *более высокую заработную плату* и тем не менее хуже оплачивать *стоимость труда.* Это имеет место в том случае, когда повышение заработной платы не соответствует увеличению выжимаемого из рабочего количества труда и ускоряющемуся вследствие этого разрушению рабочей силы. Капиталист может достигнуть этого и другим способом. Например, английские буржуазные статистики скажут вам, что средние заработки рабочих семей, занятых на ланкаширских фабриках, повысились. Они забывают при этом, что теперь, кроме взрослого мужчины, главы семьи, под джаггернаутову колесницу[136] капитала брошены его жена и, может быть, трое или четверо детей и что повышение общего заработка семьи отнюдь не соответствует повышению общего количества прибавочного труда, извлекаемого из рабочей семьи.

Даже при определенных границах рабочего дня, которые существуют в настоящее время во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству, может оказаться необходимым повышение заработной платы хотя бы только для того, чтобы удержать оплату *стоимости труда* на прежнем уровне. При повышении *интенсивности* труда человек может быть вынужден затрачивать в 1 час столько жизненной силы, сколько он раньше тратил в 2 часа. В производствах, подпавших под фабричное законодательство, это уже до известной степени осуществлено путем ускорения работы машин и увеличения количества рабочих машин, обслуживаемых одним человеком. Если повышение интенсивности труда, или массы

труда, расходуемой в 1 час, находится в надлежащем соответствии с сокращением продолжительности рабочего дня, то рабочий все-таки выиграет от этого сокращения. Если же эта граница нарушена, он теряет в одной форме то, что выигрывает в другой, и 10 часов труда могут оказаться столь же разрушительными, как раньше 12 часов. Противодействуя этой тенденции капитала борьбой за такое повышение заработной платы, которое соответствовало бы повышению интенсивности труда, рабочий только борется против обесценения своего труда и вырождения своего рода.

4) Все вы знаете, что по причинам, на объяснении которых останавливаться сейчас нет необходимости, капиталистическое производство проходит через определенные периодические циклы. Оно проходит через стадию покоя, возрастающего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя. Рыночные цены товаров и рыночные нормы прибыли следуют за этими фазами, то опускаясь ниже своего среднего уровня, то поднимаясь выше него. Рассматривая весь цикл в целом, вы заметите, что одно отклонение рыночной цены компенсируется другим и что в среднем, в пределах всего цикла, рыночные цены товаров регулируются их стоимостями. В фазах понижения рыночных цен и в фазах кризиса и застоя рабочий, если его вовсе не выбросят с производства, будет наверняка получать пониженную заработную плату. Чтобы не быть обманутым, он даже и при таком падении рыночных цен должен бороться с капиталистом против чрезмерного понижения заработной платы. Если бы во время фаз процветания, когда капиталисты получают особо высокую прибыль, рабочий не боролся за повышение заработной платы, то в среднем за весь промышленный цикл он не получил бы даже своей *средней заработной платы,* или *стоимости своего* труда. В высшей степени глупо требовать, чтобы рабочий, заработная плата которого в неблагоприятные фазы цикла неизбежно понижается, отказывался в благоприятные фазы возмещать свои потери. Вообще *стоимости* всех товаров реализуются только благодаря выравниванию непрерывно меняющихся рыночных цен, происходящему вследствие непрерывных колебаний предложения и спроса. На основе современной системы труд есть только товар, подобно другим товарам. Значит, и труд должен проходить через те же самые колебания, и только в результате их можно получить среднюю цену, соответствующую его стоимости. Было бы абсурдно с одной стороны рассматривать труд как товар, а с другой стороны ставить его вне тех законов, которыми регулируются цены товаров. Раб получает постоянное и определенное количество жизненных

средств, наемный же рабочий — нет. Он должен добиваться повышения заработной платы в одном случае хотя бы только для того, чтобы компенсировать ее падение в другом случае. Если бы рабочий покорно принял волю капиталиста, приказание капиталиста, как высший экономический закон, ему пришлось бы переносить все невзгоды положения раба, не имея при этом даже той обеспеченности существования, которой пользуется раб.

5) Во всех рассмотренных мною случаях, — а они составляют 99 из 100, — мы видели, что борьба за повышение заработной платы идет лишь следом за *предшествующими* изменениями, что она есть неизбежный результат предшествующих изменений в размерах производства, в производительной силе труда, в стоимости труда, в стоимости денег, в продолжительности или интенсивности выжимаемого труда, в колебаниях рыночных цен, обусловленных колебаниями предложения и спроса и соответствующих различным фазам промышленного цикла; словом, эта борьба является противодействием, которое труд оказывает предшествующему действию капитала. Рассматривая борьбу за повышение заработной платы независимо от всех этих обстоятельств, принимая во внимание только изменения заработной платы и упуская из виду все другие изменения, обусловливающие их, вы исходите из ложной предпосылки, чтобы прийти к ложным выводам.

14. БОРЬБА МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1) Я показал, что периодическое сопротивление рабочих понижению заработной платы и их периодические попытки добиться повышения заработной платы неразрывно связаны с системой наемного труда и диктуются именно тем фактом, что труд приравнен к товару и, следовательно, подчинен тем же законам, которые управляют общим движением цен; я показал далее, что общее повышение заработной платы приводит к понижению общей нормы прибыли, но не влияет ни на средние цены товаров, ни на их стоимости; теперь возникает, наконец, вопрос: насколько в этой непрерывной борьбе между капиталом и трудом последний может добиться успеха?

Я мог бы ответить обобщением и сказать, *что рыночная цена* труда, как и всех других товаров, за большой отрезок времени будет соответствовать его *стоимости;* что, следовательно, несмотря на все повышения и понижения и независимо от действий рабочего, он будет в среднем получать только

стоимость своего труда, которая сводится к стоимости рабочей силы, определяемой стоимостью жизненных средств, необходимых для содержания и воспроизводства этой силы; а эта стоимость жизненных средств в свою очередь определяется количеством труда, необходимым для их производства.

Но некоторые особенности отличают *стоимость рабочей силы,* или *стоимость труда,* от стоимости всех других товаров. Стоимость рабочей силы складывается из двух элементов: один из них чисто физический, другой — исторический или социальный. *Низшая граница* стоимости рабочей силы определяется *физическим* элементом. Это значит, что рабочий класс, для того чтобы себя сохранять и воспроизводить, для того чтобы увековечить свое физическое существование, должен получать абсолютно необходимые для его жизни и размножения жизненные средства. Следовательно, *стоимость* этих необходимых жизненных средств образует низшую границу *стоимости труда. С* другой стороны, продолжительность рабочего дня тоже имеет свои крайние, хотя и весьма растяжимые пределы. Ее высший предел дан физической силой рабочего. Если ежедневное истощение жизненных сил рабочего заходит за известные границы, то становится невозможным повторять такое напряжение изо дня в день. Однако, как я сказал, эти пределы весьма растяжимы. При быстрой смене хилых и недолговечных поколений рабочий рынок может быть обеспечен не хуже, чем при ряде следующих друг за другом сильных и долговечных поколений.

Кроме этого чисто физического элемента, стоимость труда определяется в каждой стране *традиционным уровнем жизни.* Этот уровень предполагает не только удовлетворение потребностей физической жизни, но и удовлетворение определенных потребностей, порожденных теми общественными условиями, в которых люди находятся и воспитываются. Жизненный уровень англичанина может быть сведен к жизненному уровню ирландца, жизненный уровень немецкого крестьянина — к уровню крестьянина лифляндца. О той значительной роли, которую в этом отношении играют исторические традиции и общественные привычки, вы можете узнать из работы *г-на Торнтона «Перенаселение»*[137], в которой он показывает, что средняя заработная плата в различных сельскохозяйственных округах Англии и теперь еще более или менее различна в зависимости от того, были ли те условия, при которых эти округа вышли из крепостного состояния, более или менее благоприятными.

Этот входящий в стоимость труда исторический или социальный элемент может расширяться или сокращаться, или даже

совершенно исчезать, так что не останется ничего сверх *физического предела.* Во время *антиякобинской войны,* предпринятой — как любил говорить неисправимый пожиратель налогов и любитель синекур старый Джордж Роуз — для спасения благ нашей святой религии от нашествия нечестивых французов, добрые английские фермеры, о которых мы так благодушно говорили на одном из наших предыдущих заседаний, понизили заработную плату сельскохозяйственным рабочим даже ниже *этого чисто физического минимума;* нехватку же жизненных средств, необходимых для физического сохранения рабочих и продолжения их рода, они восполняли из фондов вспомоществования на основе *законов о бедных*[138]. Это был превосходный способ превратить наемного рабочего в раба, а гордого шекспировского йомена — в паупера.

Если вы сравните уровень заработной платы, или стоимости труда, в различных странах или в одной и той же стране в различные исторические эпохи, то вы найдете, что сама *стоимость труда* есть величина не постоянная, а переменная, переменная даже при том условии, если стоимость всех других товаров остается неизменной.

Подобное сравнение показало бы также, что меняется не только *рыночная норма прибыли,* но и *средняя норма* ее.

Однако, что касается *прибыли,* то не существует никакого закона, который определял бы ее *минимум.* Мы не можем сказать, каков крайний предел ее понижения. Почему же мы не можем установить этого предела? Потому что, хотя мы можем определить *минимум* заработной платы, мы не можем определить ее *максимум.* Мы можем только сказать, что, если даны границы рабочего дня, *максимум прибыли* соответствует *физическому минимуму заработной платы,* а если дана заработная плата, *максимум прибыли* соответствует такому удлинению рабочего дня, какое только допускают физические силы рабочего. Таким образом максимум прибыли находит свои границы в физическом минимуме заработной платы и в физическом максимуме рабочего дня. Очевидно, что между обеими этими границами *максимальной нормы прибыли* возможно множество вариаций. Фактический уровень ее устанавливается лишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом: капиталист постоянно стремится понизить заработную плату до ее физического минимума и удлинить рабочий день до его физического максимума, тогда как рабочий постоянно оказывает давление в противоположном направлении.

Дело сводится к вопросу о соотношении сил борющихся сторон.

2) Что касается *ограничения рабочего дня,* как в Англии, так и во всех других странах, то ограничение это никогда не устанавливалось иначе как путем *законодательного вмешательства,* а это вмешательство никогда не имело бы места без постоянного давления со стороны рабочих. Во всяком случае, ограничения рабочего дня никогда нельзя было достигнуть путем частных соглашений между рабочими и капиталистами. Сама эта необходимость *общего политического действия* служит доказательством того, что в своих чисто экономических действиях капитал является более сильной стороной.

Что касается *границ, стоимости труда,* то их действительное установление всегда зависит от предложения и спроса. Я говорю о спросе на труд со стороны капитала и о предложении труда со стороны рабочих. В колониальных странах закон предложения и спроса благоприятствует рабочему. Этим объясняется относительно высокий уровень заработной платы в Соединенных Штатах. Там капитал, как он ни старается, не может воспрепятствовать тому, что рынок труда постоянно пустеет вследствие постоянного превращения наемных рабочих в независимых самостоятельных крестьян. Для очень значительной части американского народа положение наемного рабочего представляется лишь переходным состоянием, из которого рабочий рассчитывает наверняка выйти в течение более или менее короткого срока. Для того чтобы исправить это положение вещей в колониях, отечески заботливое британское правительство придерживается с недавних пор так называемой современной теории колонизации, которая состоит в том, что на землю в колониях искусственно устанавливается высокая цена с целью воспрепятствовать слишком быстрому превращению наемных рабочих в независимых крестьян.

Но перейдем к старым цивилизованным странам, в которых капитал господствует над всем процессом производства. Возьмите, например, повышение заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Англии за время с 1849 по 1859 год. Каковы были последствия этого повышения? Фермеры не смогли, как им посоветовал бы наш друг Уэстон, повысить стоимость пшеницы; они не смогли даже повысить ее рыночных цен. Напротив, они вынуждены были примириться с понижением их. Но за эти 11 лет они ввели всевозможные машины, начали применять более научные методы, превратили часть пахотной земли в пастбища, увеличили размеры ферм, а вместе с тем и размеры производства и, сократив спрос на труд с помощью этих, а также и других мер, увеличивших его производительную силу, снова достигли того, что сельское население стало относительно из-

быточным. Таков и вообще тот метод, каким капитал в старых, давно заселенных странах быстрее или медленнее реагирует на повышение заработной платы. Рикардо справедливо заметил, что машина постоянно конкурирует с трудом и часто может быть введена лишь при том условии, если цена труда достигла известного уровня[139]; но применение машин есть только один из многих методов увеличения производительной силы труда. То самое развитие, которое, с одной стороны, делает относительно избыточным простой труд, с другой стороны, упрощает труд квалифицированный и таким образом обесценивает его.

Этот же самый закон осуществляется и в другой форме. С развитием производительной силы труда накопление капитала ускоряется, несмотря даже на относительно высокий уровень заработной платы. Отсюда можно было бы заключить, — как это и сделал *А. Смит,* во времена которого современная промышленность находилась еще в младенческом возрасте, — что это ускоренное накопление капитала должно склонить чашу весов в пользу рабочего, ибо оно обеспечивает все возрастающий спрос на его труд. Разделяя этот взгляд, многие из современных авторов удивляются тому, что хотя английский капитал за последние 20 лет возрастал гораздо быстрее, чем возрастало население Англии, заработная плата повысилась не столь значительно. Но одновременно с прогрессом накопления происходит *прогрессирующее изменение в строении капитала.* Та часть всего капитала, которая состоит из постоянного капитала — машин, сырья, всевозможных средств производства, все более возрастает по сравнению с другой частью капитала, которая расходуется на заработную плату, или на покупку труда. Этот закон был более или менее точно установлен г-ном Бартоном, Рикардо, Сисмонди, профессором Ричардом Джонсом, профессором Рамсеем, Шербюлье и другими.

Если первоначальное соотношение этих двух составных частей капитала было один к одному, то при дальнейшем развитии промышленности оно будет 5 к 1 и так далее. Если из всего капитала в 600 единиц 300 затрачивается на инструменты, сырье и пр. и 300 на заработную плату, то для того, чтобы создать спрос на 600 рабочих вместо 300, нужно удвоить весь капитал. Но если в дальнейшем из капитала в 600 единиц 500 будет затрачиваться на машины, материалы и т. д. и только 100 на заработную плату, то для того, чтобы создать спрос на 600 рабочих вместо 300, этот же самый капитал должен будет уже увеличиться с 600 до 3600. Поэтому в ходе развития промышленности спрос на труд не идет в ногу с накоплением капитала.

Правда, он возрастает, но в пропорции, постоянно уменьшающейся по сравнению, с ростом всего капитала.

Этих немногих замечаний будет достаточно, чтобы показать, что самое развитие современной промышленности должно все более склонять чашу весов в пользу капиталиста и в ущерб рабочему и что, следовательно, общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению среднего уровня заработной платы, а к понижению его, то есть в большей или меньшей степени низводит *стоимость труда* до ее *минимального предела.* Но если *положение вещей* при современной системе имеет такую тенденцию, то значит ли это, что рабочий класс должен отказаться от борьбы с грабительскими посягательствами капитала и прекратить свои попытки использовать представляющиеся возможности для временного улучшения своего положения? Если бы рабочие так поступили, они выродились бы в сплошную массу опустившихся бедняков, которым уже нет спасения. Надеюсь, я показал, что борьба рабочих за уровень заработной платы неразрывно связана со всей системой наемного труда, что стремления рабочих повысить заработную плату в 99 случаях из 100 являются лишь усилиями сохранить уже существующую оплату стоимости труда и что необходимость бороться с капиталистами за цену труда коренится в положении рабочих, которое вынуждает их продавать самих себя как товар. Если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение.

Вместе с тем, даже если совершенно оставить в стороне то общее закрепощение рабочих, которое связано с системой наемного труда, рабочий класс не должен преувеличивать конечные результаты этой повседневной борьбы. Он не должен забывать, что в этой повседневной борьбе он борется лишь против следствий, а не против причин, порождающих эти следствия; что он лишь задерживает движение вниз, но не меняет направления этого движения; что он применяет лишь паллиативы, а не излечивает болезнь. Поэтому рабочие не должны ограничиваться исключительно этими неизбежными партизанскими схватками, которые непрестанно порождаются никогда не прекращающимся наступлением капитала или изменениями рынка. Они должны понять, что современная система при всей той нищете, которую она с собой несет, вместе с тем создает *материальные условия* и *общественные формы,* необходимые для экономического переустройства общества. Вместо *консервативного* девиза: *«Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день!»,* рабочие

должны написать на своем знамени революционный лозунг: «Уничтожение системы наемного труда!»

После этого очень длинного и, боюсь, утомительного изложения, которое я вынужден был дать в интересах освещения основного вопроса, я закончу свой доклад предложением следующей резолюции:

1) Общее повышение уровня заработной платы привело бы к понижению общей нормы прибыли, но в целом не отразилось бы на ценах товаров.

2) Общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению, а к понижению среднего уровня заработной платы.

3) Тред-юнионы успешно действуют в качестве центров сопротивления наступлению капитала. Частично они терпят неудачу вследствие неправильного использования своей силы. В общем же они терпят неудачу, поскольку ограничиваются партизанской борьбой против следствий существующей системы, вместо того чтобы одновременно стремиться изменить ее, вместо того чтобы использовать свои организованные силы в качестве рычага для окончательного освобождения рабочего класса, то есть окончательного уничтожения системы наемного труда.

THE COMMONWEALTH.
REGISTERED FOR TRANSMISSION ABROAD.
No. 159. SATURDAY, MARCH 24, 1866. PRICE ONE PENNY.

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАКОЕ ДЕЛО РАБОЧЕМУ КЛАССУ ДО ПОЛЬШИ? [140]

I

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «COMMONWEALTH»

Милостивый государь!

Повсюду, где рабочий класс принимал самостоятельно участие в политических движениях, его внешняя политика с самого начала выражалась в немногих словах — *восстановление Польши.* Так обстояло дело с чартистским движением во все время его существования; так обстояло дело с французскими рабочими еще задолго до 1848 г. и в памятный 1848 г., когда 15 мая они двинулись к Учредительному собранию с криками: «Vive la Pologne!» — Да здравствует Польша![141] Так обстояло дело и в Германии, где в 1848 и 1849 гг. органы печати рабочего класса требовали войны с Россией для восстановления Польши[142]. Так обстоит дело и теперь, с одним лишь исключением, о котором подробнее скажем ниже. Рабочие Европы единодушно провозглашают восстановление Польши как неотъемлемую часть своей политической программы, как требование, наиболее выражающее их внешнюю политику. Буржуазия, правда, тоже питала и теперь еще питает чувство «симпатии» к полякам, но это чувство не помешало ей оставить поляков в беде в 1831, в 1846, в 1863 гг., более того, не помешало ей, в то время как она сама на словах защищала интересы Польши, развязать руки злейшим врагам последней, людям вроде лорда Пальмерстона, фактически являвшимся пособниками России. Но отношение рабочего класса иное. Он хочет вмешательства, а не невмешательства; он хочет войны с Россией, потому что Россия вторгается в дела Польши; и он это доказывал каждый раз, когда поляки восставали против своих угнетателей. Совсем недавно Международное Товарищество Рабочих еще полнее

выразило это всеобщее инстинктивное чувство класса, представителем которого оно является, начертав на своем знамени: «Отпор русской угрозе Европе — восстановление Польши!»[143]

Эта программа внешней политики рабочих Западной и Центральной Европы нашла единодушное признание со стороны класса, которому она была предложена, за одним лишь исключением, как было уже сказано. Среди рабочих во Франции имеется незначительное меньшинство последователей школы покойного П. Ж. Прудона. Эта школа in toto* расходится с большинством передовых и мыслящих рабочих; она их объявляет невежественными глупцами и в большинстве вопросов придерживается мнений, совершенно противоположных их мнениям. Это относится также и к их внешней политике. Прудонисты в роли судей угнетенной Польши выносят ей приговор подобно стейлибриджским присяжным: «И поделом». Они восхищаются Россией как великой страной будущего, как самой передовой державой во всем мире, наряду с которой не стоит даже упоминать о такой ничтожной стране, как Соединенные Штаты. Они обвинили Совет Международного Товарищества в том, что он якобы подхватил бонапартистский принцип национальностей и объявил великодушный русский народ вне пределов цивилизованной Европы, а это — тяжкий грех против принципов всемирной демократии и братства всех народов. Таковы их обвинения[144]. Отбросив в сторону их демократическую фразеологию, сразу можно увидеть, как они дословно и буквально повторяют то, что говорят о Польше и России крайние тори всех стран. Подобные обвинения не заслуживали бы опровержения; но поскольку они исходят от части рабочего класса, пусть даже самой немногочисленной, следует еще раз рассмотреть русско-польский вопрос и обосновать то, что отныне позволительно называть внешней политикой объединенных рабочих Европы.

Но почему же в связи с Польшей мы все время говорим только о России? Разве две немецкие державы, Австрия и Пруссия, не принимали участия в ее ограблении? Разве они тоже не удерживают в порабощении часть Польши и не участвуют вместо с Россией в подавлении всякого польского национального движения?

Хорошо известно, как упорно Австрия добивалась того, чтобы остаться в стороне от польских дел, как долго она сопротивлялась планам раздела, исходившим от России и Пруссии. Польша была естественным союзником Австрии против России.

* — целиком. *Ред.*

С того момента, как Россия стала грозной силой, интересам Австрии как нельзя более отвечало сохранение Польши в неприкосновенности между нею и новой крепнущей империей. И лишь тогда, когда Австрия увидела, что судьба Польши решена, что с ее участием или без него две другие державы решили уничтожить Польшу, только тогда она из чувства самозащиты присоединилась к ним, чтобы взять свою долю территории. Но уже в 1815 г. она стояла за восстановление независимой Польши; в 1831 и в 1863 гг. она была готова воевать ради этого и отказаться от своей части Польши при условии, что Англия и Франция согласятся поддержать ее. То же было и во время Крымской войны. Все это говорится не в оправдание общей политики австрийского правительства. Австрия достаточно часто доказывала, что угнетение более слабых наций — дело привычное для ее правителей. Но в вопросе о Польше инстинкт самосохранения оказался сильнее жажды новых территорий или привычки правителей. Вот почему в настоящее время не об Австрии должна идти речь.

Что касается Пруссии, то принадлежащая ей часть Польши слишком невелика, чтобы это могло иметь большое значение. Ее друг и союзник Россия умудрилась избавить ее от девяти десятых того, что она получила при трех разделах. Но и то немногое, что осталось у нее, душит ее, как кошмар. Это приковало ее к триумфальной колеснице России; из-за этого ее правительство смогло даже в 1863 и в 1864 гг. позволить себе беспрепятственно нарушать законы, посягать на свободу личности, на право собраний, на свободу печати в прусской Польше, а затем уже и по всей остальной территории страны; это совершенно извратило либеральное движение буржуазии, которая, боясь потерять территорию в несколько квадратных миль на восточной границе, позволила правительству поставить поляков вне закона. Рабочие не одной только Пруссии, но и всей Германии, больше, чем рабочие какой-либо другой страны, заинтересованы в восстановлении Польши, и во всех революционных движениях они показали, что сознают это. Восстановление Польши означает для них освобождение их собственной страны от вассального подчинения России. В силу этого, как нам кажется, и Пруссия не является главным обвиняемым. Когда рабочий класс России (если в этой стране есть таковой в том смысле, как это понимают в Западной Европе) создаст политическую программу, и в эту программу войдет требование освобождения Польши, — тогда, и лишь тогда, речь пойдет уже не о России как нации, и обвиняемым останется только царское правительство.

II

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «COMMONWEALTH»

Говорят, что требовать независимости Польши якобы значит признавать «принцип национальностей» и что принцип национальностей — бонапартистское изобретение, состряпанное для поддержки наполеоновского деспотизма во Франции. Что же такое этот «принцип национальностей»?

Договорами 1815 г. границы различных европейских государств были установлены исключительно в соответствии с требованиями дипломатии и главным образом требованиями наиболее сильной тогда континентальной державы — России. Во внимание не принимались ни пожелания, ни интересы, ни национальные различия населения. Таким образом Польша была разделена, Германия была разделена, Италия была разделена, не говоря уже о множестве более мелких национальностей, населяющих Юго-Восточную Европу, о которых в то время мало кому было что-либо известно. Вследствие этого для Польши, Германии и Италии самым первым шагом всякого политического движения стало стремление к восстановлению того национального единства, без которого национальная жизнь являлась лишь призрачной. И когда после подавления революционных попыток в Италии и Испании в 1821—1823 гг. и снова после июльской революции 1830 г. во Франции радикальные политические деятели большей части цивилизованной Европы установили связь друг с другом и попытались выработать нечто вроде общей программы, их общим лозунгом стало освобождение и объединение угнетенных и раздробленных наций[145]. Так было и в 1848 г., когда количество угнетенных наций увеличилось еще на одну, а именно — на Венгрию. Не могло, конечно, быть двух мнений о праве каждого из больших национальных образований Европы распоряжаться своей судьбой во всех внутренних делах, независимо от своих соседей, поскольку это не нарушало свободы других. Это право действительно было одним из основных

условий внутренней свободы для всех. Могла ли, например, Германия стремиться к свободе и единству, если она в то же время помогала Австрии непосредственно или через своих вассалов удерживать в порабощении Италию? Ведь сокрушение австрийской монархии — первейшее условие объединения Германии!

Это право больших национальных образований Европы на политическую независимость, признанное европейской демократией, не могло, конечно, не получить такого же признания в особенности со стороны рабочего класса. Это было на деле не что иное, как признание за другими большими, несомненно жизнеспособными нациями тех же прав на самостоятельное национальное существование, каких рабочие в каждой отдельной стране требовали для самих себя. Но это признание и сочувствие национальным стремлениям относилось только к большим и четко определенным историческим нациям Европы; это были Италия, Польша, Германия, Венгрия. Франция, Испания, Англия, Скандинавия, которые не были разделены и не находились под иностранным господством, были лишь косвенно заинтересованы в этом деле; что же касается России, то ее можно упомянуть лишь как владелицу громадного количества украденной собственности, которую ей придется отдать назад в день расплаты.

После coup d'etat* 1851 г. Луи-Наполеон, император «божьей милостью и волей нации», вынужден был изобрести демократизированное и популярно звучащее название для своей внешней политики. Написать на своем знамени «принцип национальностей», — что могло быть лучше? Каждая национальность должна быть вершителем собственной судьбы; каждой обособленной части какой-либо национальности должно быть разрешено присоединиться к своему великому отечеству, — что могло быть более либеральным? Но, заметьте, — теперь уже речь шла не о *нациях,* а о *национальностях.*

Нет страны в Европе, где под управлением одного правительства не было бы различных национальностей. Кельты горной Шотландии и валлийцы по своей национальности, несомненно, отличаются от англичан, однако никто не назовет эти остатки давно исчезнувших народов, так же как и кельтских обитателей Бретани во Франции, нациями. Кроме того, ни одна государственная граница не совпадает с естественными границами национальности, то есть с границами языка. Есть множество людей вне Франции, родной язык которых — французский, точно так же как вне Германии есть множество людей, говорящих по-немецки, и, по всей вероятности, такое положение

* — государственного переворота. *Ред.*

останется и впредь. Естественным результатом сложного и медленного исторического развития, через которое прошла Европа в течение последнего тысячелетия, является то, что почти каждой большой нации пришлось расстаться с некоторыми периферийными частями своего организма, которые, оторвавшись от ее национальной жизни, большей частью приобщились к национальной жизни какого-нибудь другого народа и уже не хотят воссоединяться со своим основным стволом. Немцы в Швейцарии и Эльзасе не желают присоединения к Германии, точно так же, как и французы в Бельгии и Швейцарии не хотят политического присоединения к Франции. И, в конце концов, не малая польза есть в том, что различные нации, сформировавшиеся политически, в большинстве случаев имеют в своем составе кое-какие инородные элементы, которые создают связующее звено с их соседями и вносят разнообразие в слишком монотонную однородность национального характера.

Таким образом, мы видим различие между «принципом *национальностей»,* и старым положением демократии и рабочего класса о праве крупных европейских *нации* на отдельное и независимое существование. «Принцип национальностей» совершенно не затрагивает великого вопроса о праве на национальное существование исторических народов Европы, а если и затрагивает, то только для того, чтобы запутать его. Принцип национальностей поднимает двоякого рода вопросы: во-первых, вопросы о границах между этими крупными историческими народами и, во-вторых, вопросы о праве на самостоятельное национальное существование многочисленных мелких остатков тех народов, которые фигурировали более или менее продолжительное время на арене истории, но затем были превращены в составную часть той или иной более мощной нации, оказавшейся в силу большей жизнеспособности в состоянии преодолеть большие трудности. Европейское значение народа, его жизнеспособность — ничто с точки зрения принципа национальностей; румыны из Валахии, которые никогда не имели ни истории, ни энергии, необходимой для того, чтобы ее создать, значат для него столько же, сколько итальянцы с их двухтысячелетней историей и устойчивой национальной жизнеспособностью; валлийцы и жители острова Мэн, если бы они захотели этого, имели бы такое же право на самостоятельное политическое существование, как англичане, — как бы абсурдно это ни казалось[146]. Все это — полнейший абсурд, облеченный в популярную форму, для того, чтобы пустить пыль в глаза легко-серным людям, удобная фраза, которую можно использовать или отбросить, если этого требуют обстоятельства.

Каким бы пустым ни было это изобретение, но, чтобы додуматься до него, нужна была более умная голова, чем голова Луи-Наполеона. Принцип национальностей является отнюдь не бонапартистским изобретением для возрождения Польши, *а только русским изобретением, выдуманным для уничтожения Польши.* Как мы увидим дальше, Россия поглотила большую часть старой Польши под предлогом соблюдения принципа национальностей. Эта идея существует уже больше ста лет, и теперь Россия все время пользуется ею. Что такое панславизм, как не применение Россией в своих же интересах принципа национальностей к сербам, хорватам, русинам[147], словакам, чехам и другим остаткам былых славянских народов в Турции, Венгрии и Германии? Даже в настоящий момент русское правительство имеет агентов, разъезжающих среди лапландцев Северной Норвегии и Швеции для агитации среди этих кочующих дикарей в пользу идеи «великой финской национальности», которая должна быть восстановлена на крайнем севере Европы, конечно, под протекторатом России. «Вопль отчаяния» угнетенных лапландцев раздается очень громко в русской печати, но он исходит не от самих угнетенных кочевников, а от русских агентов, — и, в самом деле, ведь это страшное угнетение заставлять этих бедных лапландцев учиться культурному норвежскому или шведскому языку вместо того, чтобы ограничиваться своим варварским, полуэскимосским наречием! Принцип национальностей мог быть действительно изобретен только в Восточной Европе, где приливы азиатских нашествий в течение тысячелетия, набегая один за другим, оставили на берегу эти груды перемешанных обломков наций, которые даже и теперь этнолог едва может различить, и где в полнейшем беспорядке перемешаны тюрки, финские мадьяры, румыны, евреи и около дюжины славянских племен. Такова была почва для выработки принципа национальностей, а как Россия его вырабатывала, мы увидим сейчас на примере Польши.

III

ДОКТРИНА НАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРИМЕНЕНИИ К ПОЛЬШЕ

Польша, подобно почти всем другим европейским странам, населена людьми различных национальностей. Массу населения, основное ее ядро, несомненно образуют собственно поляки, говорящие на польском языке. Но уже с 1390 г. собственно Польша была объединена с Литовским великим княжеством[148], которое составляло, до последнего раздела 1794 г., неотъемлемую часть польской республики. Это Литовское великое княжество было населено большим количеством различных племен. Северные провинции Прибалтики были во владении самих *литовцев,* народа, говорящего на языке, отличном от языков его славянских соседей; эти литовцы в значительной части были покорены германскими переселенцами, которые, в свою очередь, с трудом оборонялись от литовских великих князей. Дальше, на юге и на востоке нынешнего Царства Польского, находились *белорусы,* говорящие на языке, среднем между польским и русским, но более близком к последнему; и, наконец, южные области были населены так называемыми малороссами, язык которых в настоящее время большинством авторитетов считается совершенно отличным от великорусского языка (который мы обычно называем русским). Поэтому, когда люди говорят, что требовать восстановления Польши значит взывать к принципу национальностей, то они этим только доказывают, что не знают, о чем говорят, потому что восстановление Польши означает восстановление государства, состоящего, по крайней мере, из четырех различных национальностей.

Но что было с Россией в те времена, когда путем объединения с Литвой образовалось старое польское государство? Она находилась тогда под пятой монгольского завоевателя, которого поляки и германцы за 150 лет до того совместными усилиями прогнали назад к востоку, за Днепр. Лишь после долгой борьбы великие князья московские сбросили, наконец,

монгольское иго и приступили к объединению многочисленных княжеств Великороссии в единое государство. Но этот успех, казалось, только увеличил их честолюбие. Едва только Константинополь попал в руки турок, как великий князь московский вписал в свой герб двуглавого орла византийских императоров, объявив себя таким образом их преемником и мстителем в будущем; с тех пор, как известно, русские стремились завоевать Царьград, царский город, как они называют Константинополь на своем языке. Затем богатые равнины Малороссии возбудили у них жажду аннексии; но поляки всегда были храбрым, а в то время и сильным народом, который не только умел отстаивать свою собственную страну, но умел в свою очередь и нападать на другие страны; в начале XVII столетия они даже занимали Москву в течение нескольких лет[149].

Постепенная деморализация правящей аристократии, недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломили, наконец, мощь Польши. Страна, упорно сохранявшая в неприкосновенности феодальный общественный строй, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали свою буржуазию, развивали торговлю и промышленность и создавали большие города, — такая страна была обречена на упадок. Аристократия *действительно* довела Польшу до упадка, до полного упадка. И доведя ее до такого состояния, аристократы стали возлагать вину за это друг на друга и продавать себя и свою страну иностранцам. История Польши с 1700 по 1772 год — не что иное, как летопись русской узурпации власти в Польше, узурпации, ставшей возможной вследствие продажности дворянства. Русские солдаты почти непрерывно занимали страну, и польские короли, даже если они сами не хотели быть предателями, все больше становились игрушкой в руках русского посла. Игра велась так успешно и продолжалась так долго, что, когда Польша была, наконец, уничтожена, — во всей Европе не раздалось ни одного протеста, и все удивлялись только тому, что Россия великодушно уступила такую большую часть территории Австрии и Пруссии.

Особый интерес представляет способ, каким был осуществлен этот раздел. В то время в Европе уже существовало просвещенное «общественное мнение». Хотя газета «Times»[150] и не приступила еще тогда к фабрикации этого товара, однако существовал тот вид общественного мнения, который был создан огромным влиянием Дидро, Вольтера, Руссо и других французских писателей XVIII столетия. Россия всегда знала, как важно по возможности иметь на своей стороне общественное мнение, и она не преминула тоже заполучить его. Двор Екатерины II пре-

вратился в штаб-квартиру тогдашних просвещенных людей, особенно французов; императрица и ее двор исповедовали самые просвещенные принципы, и ей настолько удалось ввести в заблуждение общественное мнение, что Вольтер и многие другие воспевали «северную Семирамиду» и провозглашали Россию самой прогрессивной страной в мире, отечеством либеральных принципов, поборником религиозной терпимости.

Религиозная терпимость — вот то слово, которого недоставало, чтобы сломить Польшу. Польша всегда была чрезвычайно либеральна в религиозных вопросах; доказательством этого служит тот факт, что евреи нашли здесь убежище в то время, когда их преследовали во всех остальных странах Европы. Большая часть населения восточных провинций принадлежала к православной вере, в то время как собственно поляки были католиками. Значительная часть этих православных в XVI столетии была вынуждена признать верховенство папы, и они стали называться униатами, но многие из них сохранили во всех отношениях верность своей прежней православной религии. Это были главным образом крепостные, в то время как их благородные господа почти все были католиками; по национальности же эти крепостные были малороссами. И вот русское правительство, которое у себя в стране не терпело никакой иной религии, кроме православной, и карало вероотступничество как преступление, которое завоевывало чужие нации, присоединяя направо и налево чужие области, и в то же время все сильнее сковывало русского крепостного, — это самое русское правительство вскоре обрушилось на Польшу во имя религиозной терпимости, потому что Польша якобы притесняла православных, во имя принципа национальностей, потому что жители восточных областей были *малороссами* и поэтому требовалось их присоединить к *Великороссии,* и во имя революционного права, вооружая крепостных против их господ. Россия совсем не щепетильна в выборе своих средств. Говорят о войне класса против класса как о чем-то крайне революционном; однако Россия начала подобную войну в Польше еще около 100 лет тому назад, и это был превосходный образчик классовой войны, когда русские солдаты и малороссские крепостные вместе шли и сжигали замки польских аристократов лишь для того, чтобы подготовить русскую аннексию; а когда аннексия осуществилась, те же русские солдаты снова вернули крепостных под иго их господ.

Все это совершалось во имя религиозной терпимости, потому что принцип национальностей не был тогда еще в моде в Западной Европе. Но уже в то время им размахивали перед глазами малоросских крестьян, и он с тех пор играл важную роль

в польских делах. Первое и главное притязание России — объединение всех русских племен под властью царя, который называет себя самодержцем всея Руси (Samodergetz vseckh Rossyiskikh), в том числе Белоруссии и Малороссии. Чтобы подтвердить, что ее притязания не идут дальше этого, она старательно позаботилась о присоединении к себе во время трех разделов только белорусских и малороссских областей, оставив местность, населенную поляками, и даже часть Малороссии (Восточную Галицию) своим сообщникам. Но как обстоит дело в настоящее время? Большая часть областей, аннектированных в 1793 и 1794 гг. Австрией и Пруссией, находится теперь под русским владычеством под названием Царства Польского, и время от времени в среде поляков Возбуждают надежды, что если только они подчинятся главенству России и откажутся от всех притязаний на прежние литовские области, то они могут ожидать воссоединения всех остальных польских областей и восстановления Польши с русским императором в качестве короля. Если при настоящем положении дел Пруссия и Австрия начнут драку, то более чем вероятно, что в конечном счете это будет война не за присоединение Шлезвиг-Гольштейна к Пруссии или Венеции к Италии, а скорее за присоединение австрийской и, во всяком случае, прусской части Польши к России.

Так обстоит с принципом национальностей в применении к польским делам.

Написано Ф. Энгельсом в конце января— 6 апреля 1866 г.

Напечатано в газете «The Commonwealth» №№ 159, 160 и 165; 24, 31 марта и 5 мая 1866 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ [151]

Несколько времени тому назад лондонские портные-подмастерья образовали всеобщий союз[152], чтобы отстоять свои требования в противовес лондонским мастерам-портным, которые большей частью являются крупными капиталистами. Речь шла не только о том, чтобы привести заработную плату в соответствие с поднявшимися ценами на предметы потребления, но также и о том, чтобы положить конец исключительно грубому обращению с рабочими в этой отрасли промышленности. Мастера сделали попытку сорвать этот план путем вербовки портных-подмастерьев, главным образом в Бельгии, Франции и Швейцарии. В ответ на это секретари Центрального Совета Международного Товарищества Рабочих опубликовали в бельгийских, французских и швейцарских газетах предостережение, которое имело полный успех[153]. Маневр лондонских мастеров был сорван, они должны были сложить оружие и удовлетворить справедливые требования своих рабочих.

Потерпев поражение в Англии, мастера пытаются ныне организовать контрнаступление, начав его с *Шотландии.* Именно в результате лондонских событий они были вынуждены также и в Эдинбурге сначала согласиться на повышение заработной платы на 15%. Однако тайком они послали агентов в Германию, чтобы завербовать, в частности в ганноверских и мекленбургских деревнях, портных-подмастерьев для привоза их в Эдинбург. Первая партия их уже отправлена водным путем. Этот импорт преследует ту же цель, что и ввоз на Ямайку индийских[*] coolies

[*] В рукописи: «азиатских». *Ред.*

(кули), — *увековечение рабства.* Если бы мастерам Эдинбурга удалось посредством ввоза рабочей силы из Германии отнять уже сделанные ими уступки, то это неизбежно отразилось бы и на Англии. *И никто не пострадал бы от этого сильнее, чем сами немецкие рабочие,* которых в Великобритании больше, чем рабочих всех других наций континента. А вновь привезенные рабочие, будучи совершенно беспомощными в чужой стране, опустились бы вскоре до положения париев.

Кроме того, это дело чести для немецких рабочих доказать загранице, что они, подобно своим братьям во Франции, Бельгии и Швейцарии, умеют защищать общие интересы своего класса и не согласны стать *послушными ландскнехтами капитала* в его борьбе против труда.

По поручению Центрального Совета*
Международного Товарищества Рабочих

Лондон, 4 мая 1866 г. ***Карл Маркс***

Немецких портных-подмастерьев, желающих получить более подробные сведения о положении дел в Англии, просят направлять свои письма комитету немецкого отделения лондонского союза портных по адресу: *Альберту Ф. Хауфе,* Краун-паблик-хаус, Хедден-корт, Риджент-стрит, *Лондон.*

Напечатано в газете «Oberrheinischer Courier» № 113, 15 мая 1866 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью

Перевод с немецкого

* В рукописи: «Генерального Совета». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ[154]

Написано Ф. Энгельсом между 19 июня и 5 июля 1866 г.

Напечатано о газете «The Manchester Guardian» №№ 6190, 6194, 6197, 6201 и 6204; 20, 25 и 28 июня, 3 и 6 июля 1866 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

I

Нижеследующие заметки имеют целью дать беспристрастный анализ с чисто военной точки зрения текущих событий войны и, насколько это возможно, определить то влияние, которое они могут оказать на ее дальнейший ход.

Район, в котором должны быть нанесены первые решительные удары, это граница Саксонии и Богемии. Война в Италии вряд ли может привести к каким-либо серьезным результатам, пока не взят четырехугольник[155], а взятие его будет, пожалуй, довольно продолжительной операцией. Возможно, что в Западной Германии произойдет не мало военных столкновений, но, ввиду численности действующих там войск, результаты этих столкновений будут иметь лишь второстепенное значение по сравнению с событиями на границе Богемии. Поэтому мы обратим пока наше внимание исключительно на этот район.

Чтобы определить численное соотношение воюющих армий, для наших целей достаточно будет принять в расчет только пехоту, имея в виду, однако, что численность австрийской конницы относится к численности прусской, как 3 к 2. Что касается артиллерии, то соотношение обеих армий примерно такое же, как и в области пехоты, учитывая, что на 1000 чел. приходится примерно три орудия.

Прусская пехота состоит из 253 линейных батальонов, $83\frac{1}{2}$ учебно-запасных батальонов и 116 батальонов ландвера (первого призыва, включающего мужчин в возрасте от 27 до 32 лет). При этом учебно-запасные батальоны и ландвер составляют гарнизоны крепостей и предназначены помимо того для

военных действий против мелких немецких государств, в то время как линейные войска сосредоточены в Саксонии и вокруг нее против северной австрийской армии. Если вычесть примерно 15 батальонов, занимающих Шлезвиг-Гольштейн, и другие 15 батальонов, составлявших ранее гарнизоны Раштатта, Майнца и Франкфурта, а теперь сосредоточенных в Вецларе, то в главной армии остается около 220 батальонов. С конницей, артиллерией и теми частями ландвера, которые могут быть выведены из соседних крепостей, эта армия будет насчитывать около 300000 человек, сформированных в девять армейских корпусов.

Северная австрийская армия насчитывает семь армейских корпусов, каждый из которых по своей численности значительно превосходит прусский корпус. В настоящее время мы очень мало знаем об их составе и организации, но у нас есть все основания предполагать, что они образуют армию в 320000— 350000 человек. Следовательно, численное превосходство, по-видимому, обеспечено за австрийцами.

Прусская армия будет находиться под верховным командованием короля[*], то есть плац-парадного героя, обладающего в лучшем случае посредственными способностями и слабым, но довольно упрямым характером. Он будет окружен, во-первых, генеральным штабом армии, во главе которого стоит генерал Мольтке — превосходный офицер; во-вторых, «тайным военным кабинетом», состоящим из его фаворитов, и, в-третьих, теми высшими офицерскими чинами без определенных должностей, которых ему заблагорассудится зачислить в свою свиту. Невозможно придумать систему, которая бы лучше обеспечивала поражение армии уже самой организацией своего командования. Разумеется, здесь с самого начала возникает естественное соперничество между штабом армии и королевским кабинетом, причем каждый из двух, борясь за преобладающее влияние, будет измышлять и отстаивать облюбованные им планы операций. Одно это почти исключает возможность какого-либо единства цели и последовательности в действиях. Затем начинаются бесконечные военные советы, неизбежные при подобных обстоятельствах и в девяти случаях из десяти заканчивающиеся принятием какой-либо полумеры, а хуже этого на войне ничего быть не может. В таких случаях сегодняшние приказы обычно противоречат вчерашним, а когда возникают осложнения или положение становится угрожающим, то не отдаются вообще никакие приказы, и дела идут самотеком. «Ordre, contre-ordre,

[*] — Вильгельма I. *Ред.*

désordre»[*], — любил говорить Наполеон. Никто не несет никакой ответственности, так как безответственный король принимает всю ответственность на себя, и потому без прямого указания никто ничего не делает. Кампания 1806 г. проводилась подобным же образом отцом нынешнего короля[**], результатом чего были поражения при Йене и Ауэрштедте и разгром всей прусской армии в течение трех недель[156]. Нет оснований полагать, что нынешний король окажется более энергичным, чем его отец; и если в графе Бисмарке он нашел человека, которому может слепо подчиниться в области политики, то в армии не оказалось достаточно высокопоставленного человека, способного таким же образом взять на себя всю тяжесть руководства военными делами.

Австрийская армия находится под единоличным командованием генерала Бенедека, опытного военачальника, который, по крайней мере, знает, чего он хочет. Превосходство верховного командования решительно на стороне австрийцев.

Прусские войска подразделены на две «армии»: первая, под командованием принца Фридриха-Карла, состоит из 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 7-го и 8-го корпусов; вторая, под командованием кронпринца[***], — из 5-го и 6-го корпусов. Гвардия, образующая общий резерв, будет, вероятно, присоединена к первой армии. Но такая организация не только нарушает единство командования; она очень часто побуждает обе армии двигаться по двум различным операционным направлениям, согласовывать свои передвижения, устанавливать пункты соединения в пределах досягаемости неприятеля, другими словами — способствует обособлению каждой из этих армий, тогда как им следовало бы, по мере возможности, держаться вместе. Пруссаки в 1806 г. и австрийцы в 1859 г., при весьма сходных обстоятельствах, придерживались такого же способа действий и были разбиты[157]. Что же касается обоих командующих, то кронпринц как военачальник — величина неизвестная, а принц Фридрих-Карл безусловно не показал себя великим полководцем во время Датской войны[158].

Австрийская армия не подразделена подобным образом; командиры армейских корпусов подчинены непосредственно генералу Бенедеку. Следовательно, и в отношении организации армии австрийцы превосходят своих противников.

Прусские солдаты, особенно резервисты и солдаты ландвера, которых пришлось призвать для полного укомплектования

[*] — «Приказ, контр-приказ, беспорядок». *Ред.*
[**] — Фридрихом-Вильгельмом III. *Ред.*
[***] — Фридриха-Вильгельма. *Ред.*

линейных войск (а для этого потребовалось много людей), идут на войну против своей воли; австрийцы, наоборот, уже давно жаждут войны с Пруссией и с нетерпением ждут приказа о выступлении. Они, следовательно, имеют также преимущество ц в отношении *морального состояния* войск.

В течение 50 лет Пруссия не вела больших войн; ее армия, в общем, — армия мирного времени, в которой господствуют педантизм и формализм, свойственные всем армиям мирного времени. Не подлежит сомнению, что в последнее время, особенно с 1859 г., сделано много для того, чтобы избавиться от этого; но навыки сорокалетнею Давности не так-то легко искоренить, и встречается еще много бездарных педантов, в особенности на важнейших постах, и Именно среди старшего командного состава. Австрийцы же основательно излечились от этого недуга благодаря войне 1859 г. и наилучшим образом использовали купленный столь дорогой ценой опыт. Не подлежит сомнению, что в отношении организационных деталей, военной сноровки и опытности австрийцы также превосходят пруссаков.

Только у прусских войск, если не считать русских, нормальным боевым порядком является глубокая сомкнутая колонна. Представьте себе восемь рот, составляющих английский батальон, в сомкнутой колонне, фронт которой образован не одной, а двумя ротами, так что она имеет четыре роты в глубину и две в ширину, и вы получите «прусскую штурмовую колонну». Лучшей мишени для нарезного огнестрельного оружия нельзя себе представить, а так как нарезные пушки могут вести по ней огонь с 2000 ярдов, то при таком построении колонне вообще почти невозможно достичь неприятеля. Если хоть один снаряд взорвется среди этой массы, едва ли батальон будет годен на что-нибудь в этот день.

Австрийцы приняли в своей армии французскую сильно расчлененную колонну, которую вряд ли даже можно назвать колонной; это скорее две или три шеренги, следующие одна за другой на расстоянии 20—30 ярдов; такая колонна почти так же мало подвержена действию артиллерийского огня, как и развернутая линия. Преимущество в боевых порядках опять-таки оказывается на стороне австрийцев.

Всем этим преимуществам пруссаки могут противопоставить только два момента. Их интендантство несомненно лучше, поэтому и питание их войск будет лучше. В австрийском интендантстве — как и во всей австрийской администрации — свили себе гнездо взяточники и казнокрады, и оно вряд ли лучше русского. Имеются сведения, что даже сейчас войска получают

питание плохое и нерегулярное; в полевых условиях и в крепостях будет еще хуже, и, таким образом, австрийская администрация может оказаться более опасным врагом для крепостей четырехугольника, чем итальянская артиллерия.

Вторым преимуществом пруссаков является их лучшее вооружение. Хотя их нарезная артиллерия значительно лучше австрийской, но это преимущество в открытом поле не будет играть большой роли. Дальность, траектория и меткость прусских и австрийских нарезных ружей приблизительно равны, но у пруссаков ружья заряжаются с казенной части, поэтому они могут из своих рядов вести непрерывный меткий огонь, делая не меньше четырех выстрелов в минуту. Огромное превосходство этого оружия было доказано в Датской войне, и нет никакого сомнения в том, что австрийцы испытают его действие на себе в гораздо большей степени. Если они, в соответствии с инструкциями, которые, как говорят, им дал Бенедек, сразу перейдут к штыковой атаке, не тратя много времени на ведение огня, то они понесут огромные потери. В Датской войне потери пруссаков ни разу не превысили четверти, а иногда составляли всего лишь одну десятую часть потерь, понесенных датчанами; и, как недавно совершенно правильно отметил один военный корреспондент газеты «Times», датчане почти всюду терпели поражение, хотя на поле боя численное превосходство было на их стороне[159].

Все же, несмотря на игольчатое ружье, преимущество не на стороне пруссаков; и если они не хотят потерпеть поражение в первом же крупном сражении из-за превосходства командования, организации, боевых порядков и *морального состояния* австрийцев, а также, что не менее важно, из-за своих собственных командиров, то им бесспорно предстоит проявить совершенно иную отвагу, чем та, которой можно ожидать от армии, находившейся на мирном положении в течение 50 лет.

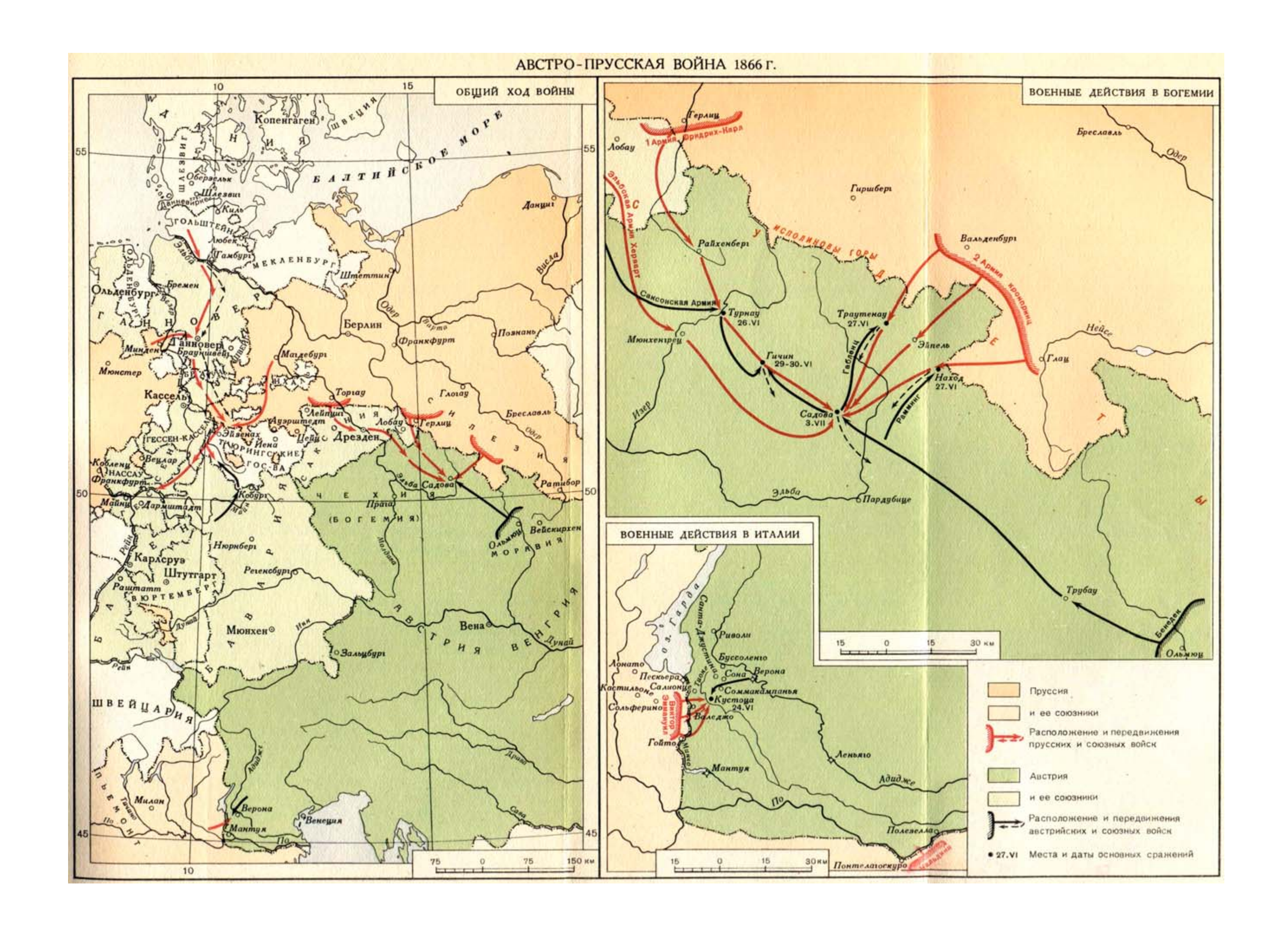
II

Публика начинает проявлять нетерпение по поводу явного бездействия двух больших армий на границе Богемии. Но это промедление объясняется многими причинами. Как австрийцы, так и пруссаки отлично сознают важность предстоящего столкновения, которое может решить исход всей кампании. И те и другие-спешат отправить на фронт всех, кого только можно: австрийцы — из новых формирований (четвертых и пятых батальонов пехотных полков), пруссаки — из частей ландвера, предназначавшегося первоначально лишь для гарнизонной службы.

В то же время и с той и с другой стороны предпринимаются, по-видимому, попытки создать при помощи маневра выгодное положение по отношению к своему противнику и начать кампанию при наиболее благоприятных для себя стратегических условиях. Чтобы понять это, нам придется взглянуть на карту и рассмотреть район расположения обеих армий.

Учитывая, что Берлин и Вена представляют собой естественные пункты отступления обеих армий и что поэтому австрийцы будут стремиться овладеть Берлином, а пруссаки — Веной, имеется три направления, по которым могут развернуться действия тех и других. Большая армия требует значительной территории, за счет ресурсов которой она должна существовать во- время марша; вместе с тем необходимость быстрого продвижения вынуждает такую армию совершать марш несколькими колоннами по соответствующему количеству параллельных дорог; поэтому ширина ее фронта увеличится и может колебаться в пределах, скажем, от 60 до 16 миль в зависимости от близости неприятеля и расстояния между дорогами. Это обстоятельство следует иметь в виду.

Первое направление проходит по левому берегу Эльбы и Молдавы, через Лейпциг и Прагу. Ясно, что на этом пути каждой

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1866 г.
ОБЩИЙ ХОД ВОЙНЫ
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В БОГЕМИИ
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ИТАЛИИ
Пруссия
и ее союзники
Расположение и передвижения прусских и союзных войск
Австрия
и ее союзники
Расположение и передвижения австрийских и союзных войск
27.VI Места и даты основных сражений

из воюющих сторон пришлось бы дважды переправляться через реку, второй раз на виду у противника. Если бы та или другая армия, продвигаясь по этому пути, попыталась обойти фланг противника, последний, совершая марш по более прямой и, следовательно, более короткой дороге, получил бы возможность опередить обходящую армию еще на линии реки, и, если бы ему удалось отбросить ее, он смог бы двинуться прямо на столицу неприятеля. Этот путь одинаково невыгоден для обеих сторон, и поэтому его можно не принимать во внимание.

Второе направление проходит по правому берегу Эльбы между рекой и горной цепью Судетов, отделяющей Силезию от Богемии и Моравии. Этот путь почти совпадает с прямой линией Берлин — Вена; в той его части, которая в настоящее время находится между двумя армиями, проходит железнодорожная линия от Лобау на Пардубице. Эта железная дорога пересекает ту часть Богемии, границей которой с юга и запада служит Эльба, а с северо-востока горы. В этой местности много хороших дорог, и, если бы обе армии двинулись прямо друг на друга, столкновение произошло бы именно здесь.

Третье направление проходит через Бреславль и далее через Судетскую цепь. Эта горная цепь, достигающая незначительной высоты у моравской границы, где она пересекается несколькими хорошими дорогами, становится более высокой и крутой у Исполиновых гор, образующих границу Богемии. Здесь имеется очень мало дорог; фактически на протяжении 40 миль между Траутенау и Райхенбергом вся северо-восточная часть хребта не пересекается ни одной дорогой, имеющей военное значение. Единственная существующая там дорога, ведущая от Гиршберга в долину Изера, обрывается на австрийской границе. Отсюда следует, что вся эта преграда длиной в 40 миль непреодолима, по крайней мере, для большой армии с ее бесчисленными обозами, и что при наступлении на Бреславль или через Бреславль необходимо перейти горы к юго-западу от Исполиновых гор.

В каком же положении в отношении коммуникаций окажется та и другая армия, если они развернут боевые действия на этом направлении?

Пруссаки, наступая из Бреславля прямо на юг, обнажают свои коммуникации с Берлином. Если бы австрийцы были достаточно сильны, чтобы иметь абсолютную уверенность в победе, они могли бы дать возможность пруссакам продвинуться до укрепленного лагеря Ольмюц, который задержал бы их продвижение, в то время как они сами могли бы двинуться на Берлин, рассчитывая решительной победой восстановить временно прерванные коммуникации; либо же они могли бы

встретить разрозненные прусские колонны при спуске их с гор и, в случае успеха, отбросить их назад к Глогау и к Познани, благодаря чему Берлин и большая часть прусских владений очутились бы в их власти. Поэтому наступление через Бреславль было бы для пруссаков целесообразным лишь при условии их значительного численного превосходства.

Австрийцы находятся в совершенно ином положении. У них то преимущество, что большая часть их страны расположена к юго-востоку от Бреславля, то есть на *прямом продолжении* линии, идущей от Берлина к Бреславлю. Укрепив северный берег Дуная близ Вены для защиты столицы от внезапного нападения, они могут временно и даже на довольно продолжительный срок пожертвовать своими прямыми коммуникациями с Веной и получать людские пополнения и припасы из Венгрии. Таким образом, они с одинаковой безопасностью могут действовать и в направлении Лобау и в направлении Бреславля, на север или на юг от гор; они имеют гораздо большую свободу маневрирования, чем их противник.

Но есть и другие причины, заставляющие пруссаков проявлять осторожность. От северной границы Богемии до Берлина— расстояние немногим больше половины расстояния от этой границы до Вены; но Берлин защищен намного хуже. Вена защищена Дунаем, за которым может укрыться разбитая армия, укреплениями, воздвигнутыми к северу от этой реки, а также укрепленным лагерем Ольмюц, мимо которого пруссаки не смогли бы безнаказанно и незаметно пройти, если бы после поражения главные силы австрийской армии заняли там позицию. Берлин не имеет никакой защиты, кроме полевой армии. Совершенно ясно, что в этих условиях и с учетом обстоятельств, подробно изложенных в нашей первой статье, пруссакам остается только обороняться.

Вместе с тем, те же обстоятельства, а также настоятельная политическая необходимость почти вынуждают Австрию вести наступление. Одна-единственная победа может обеспечить ей огромный успех, в то время как поражение не сломит силы ее сопротивления.

Стратегический план кампании по необходимости чрезвычайно прост в своих основных чертах. Кто бы из противников ни начал наступать первым, он окажется перед следующим выбором: либо ложное наступление к *северо-западу* от Исполиновых гор и действительное наступление к юго-востоку от них, либо vice versa*, Важнейшей чертой театра войны является преграда

* — наоборот. *Ред.*

в 40 миль длиной, и действия армий неизбежно должны развернуться вокруг нее. Мы скоро услышим о сражениях у обеих ее конечных пунктов, а несколько дней спустя выяснится и направление действительного наступления, а возможно, и судьба первой кампании. Все же мы склонны думать, что для таких двух малоподвижных армий, противостоящих друг другу, самая прямая дорога является в то же время самой безопасной и что трудности и опасности продвижения столь многочисленных войск отдельными колоннами по различным дорогам через трудно проходимую гористую местность почти наверняка приведут обе воюющие армии на дорогу Лобау — Пардубице.

До настоящего времени произошли следующие передвижения. В первую неделю июня пруссаки сосредоточили свою саксонскую армию вдоль саксонской границы от Цейца до Гёрлица и свою силезскую армию от Гиршберга до Нейсе. К 10 июня эти армии приблизились друг к другу, имея правое крыло на Эльбе близ Торгау, а крайнее левое близ Вальденбурга. С 12 по 16 июня силезская армия, состоящая теперь из 1-го, 5-го и 6-го корпусов и гвардии, снова растянула свой фронт на восток, на этот раз до Ратибора, то есть до крайнего юго-восточного угла Силезии. Это, в особенности выдвижение вперед гвардии, которая обычно действует вместе с главными силами, похоже на демонстрацию. Если же это нечто большее, чем демонстрация, и если не принято мер для того, чтобы по первому требованию и в кратчайший срок перебросить обратно к Гёрлицу эти четыре корпуса, то сосредоточение более 120000 человек в отдаленном закоулке есть явная ошибка, — они могут быть отрезаны от всех путей отступления и во всяком случае утратить всякую связь с остальной армией.

Об австрийцах, за исключением того, что они были сосредоточены вокруг Ольмюца, нам известно немного. Корреспондент газеты «Times», находящийся в их лагере, сообщает, что 6-й корпус, численностью в 40000 человек, прибыл 19 июня из Вейскирхена в Ольмюц, что свидетельствует о некотором продвижении на запад. Он добавляет, что 21 июня главная квартира должна была быть переведена в Трубау, на границу между Моравией и Богемией. Это перемещение свидетельствовало бы о продвижении в том же направлении, если бы данное сообщение сильно не походило на «утку», намеренно посланную в Лондон с тем, чтобы прусская главная квартира, получив его оттуда по телеграфу, была введена в заблуждение. Генерал, столь тщательно соблюдающий военную тайну, как Бенедек, и проявляющий такую, как он, антипатию к газетным корреспондентам, вряд ли станет 19 июня сообщать им, где будет находиться его

главная квартира 21-го, если только у него нет на это особых соображений.

Прежде чем закончить, бросим беглый взгляд на операции, имевшие место в Северо-Западной Германии. Пруссаки располагали там большим числом войск, чем было первоначально известно. Они имели 15 батальонов в Гольштейне, 12 в Миндене и 18 в Вецларе. Быстрыми концентрическими передвижениями, во время которых войска обнаружили совершенно неожиданную способность к форсированным маршам, они в два дня заняли всю территорию к северу от линии, проходящей от Кобленца к Эйзенаху, и все коммуникационные линии между восточными и западными областями королевства. Гессенским войскам, численностью около 7000 человек, удалось ускользнуть, но для 10000 или 12000 ганноверцев путь отступления по прямой линии на Франкфурт был отрезан, и уже 17 июня остальные части 7-го прусского армейского корпуса в составе 12 батальонов, совместно с двумя кобургскими батальонами, прибыли с Эльбы в Эйзенах. Таким образом, ганноверцы, по-видимому, окружены со всех сторон и могут спастись лишь чудом, если пруссаки проявят неимоверную глупость. Как только их судьба будет решена, войско, состоящее из 50 прусских батальонов, освободится и сможет выступить против союзной армии, которую принц Александр Дармштадтский формирует во Франкфурте; она будет состоять примерно из 23000 вюртембержцев, 10000 дармштадтцев, 6000 нассаусцев, 13000 баденцев (только еще мобилизуемых), 7000 гессенцев и 12000 австрийцев, находящихся уже в пути из Зальцбурга, — в общем, около 65000 человек, к которым, возможно, будут еще присоединены от 10000 до 20000 баварцев. Сообщают, что около 60000 человек уже сосредоточены во Франкфурте и что принц Александр решился перейти в наступление, вновь заняв Гессен 22 июня. Это, однако, не имеет большого значения. Пруссаки не выступят против него, пока не сосредоточат достаточного количества сил, а после этого, располагая 70000 человек всех родов войск и превосходством в вооружении, они смогут быстро расправиться с этой пестрой армией.

III

Первое крупное сражение произошло не в Богемии, а в Италии, и четырехугольник крепостей еще раз преподал итальянцам урок стратегии. Сила этой знаменитой позиции, равно как и всех сколько-нибудь значительных укрепленных позиций, заключается не столько в высокой обороноспособности ее четырех крепостей, сколько в том, что само расположение этих крепостей на местности, обладающей специфическими в военном отношении особенностями, почти всегда побуждает, а иногда и вынуждает наступающую сторону разделить свои силы для наступления в двух различных пунктах, в то время как обороняющаяся армия может бросить все свои силы против одной из наступающих групп, разбить ее благодаря своему численному превосходству, а затем обратиться против другой. Эту ошибку совершила итальянская армия. В то время как король с одиннадцатью дивизиями стоял у Минчо, Чальдини с пятью дивизиями находился в низовьях По близ Понтелагоскуро и Полезеллы. Итальянская дивизия насчитывает 17 батальонов по 700 человек в каждом. Следовательно, Виктор-Эммануил имел, включая конницу и артиллерию, по крайней мере 120000—125000 человек, Чальдини же — приблизительно половину этого количества. В то время как король переправился через Минчо 23 июня, Чальдини должен был перейти По в его нижнем течении и действовать в тылу у австрийцев. Но до настоящего времени не поступило еще никаких достоверных сведений о том, что этот маневр осуществлен. Во всяком случае эти 60000 человек, присутствие которых могло изменить и, вероятно, изменило бы исход сражения при Кустоце в прошлое воскресенье[160], едва ли добились за это время преимущества, могущего компенсировать поражение в крупном сражении.

Озеро Гарда расположено между двумя отрогами Альп, образующими к югу от него две группы гор, между которыми

Минчо пробивает себе путь к лагунам Мантуи. Обе группы гор образуют сильную военную позицию; их южные склоны обращены в сторону Ломбардской равнины, над которой они господствуют на расстоянии пушечного выстрела. В военной истории они хорошо известны. Расположенная между Пескьерой и Лонато западная группа служила ареной сражений при Кастильоне и Лонато в 1796 г. и при Сольферино в 1859 году[161]. За овладение восточной группой, расположенной между Пескьерой и Вероной, в 1848 г. борьба шла в течение трех дней[162]; и в прошлое воскресенье снова сражение развернулось за те же цели.

Восточная группа гор, с одной стороны спускаясь к реке Минчо, переходит в равнину у Валеджо, а с другой — в виде длинной дуги, обращенной к юго-востоку, — спускается к реке Адидже, которой достигает у Буссоленго. В направлении с севера на юг она разделена на две почти равные части глубокой лощиной, по которой протекает речка Тионе. Таким образом, продвигающиеся от Минчо войска должны сначала форсировать реку, а затем сразу же встретить в качестве нового препятствия эту лощину. Вдоль склона, спускающегося к равнине, на восток от лощины расположены следующие деревни: на самой южной точке Кустоца, далее к северу — Соммакампанья, Сона и Санта Джустина. Железная дорога из Пескьеры в Верону пересекает горы у Соммакампаньи, а шоссейная дорога — у Соны.

В 1848 г. пьемонтцы, взяв Пескьеру, блокировали Мантую и, расположив свой центр на восточных горах, растянули свои силы от Мантуи до Риволи на озере Гарда. 23 июля Радецкий выступил от Вероны с семью бригадами и, прорвав в центре чрезмерно растянутую линию расположения противника, сам занял эти горы. 24 и 25 июля пьемонтцы сделали попытку вернуть себе эту позицию, но были разбиты наголову 25 июля и тотчас же отступили через Милан за реку Тичино. Это первое сражение при Кустоце решило исход кампании 1848 года.

Телеграммы итальянской главной квартиры о происшедшем в прошлое воскресенье сражении довольно противоречивы. Однако, сопоставив их с телеграммами другой стороны, можно получить довольно ясное представление об обстоятельствах, при которых протекало сражение. Виктор-Эммануил рассчитывал, что его 1-й корпус (генерал Дурандо, четыре дивизии, или 68 батальонов) займет позицию между Пескьерой и Вероной, чтобы быть в состоянии прикрыть возможную осаду Пескьеры. Этой позицией несомненно должны были быть Сона и Соммакампанья. 2-й корпус (генерал Кукkьяри, три дивизии, или 51 батальон) и 3-й корпус (генерал Делла Рокка, с такими

же силами) должны были одновременно переправиться через Минчо для прикрытия действий 1-го корпуса. 1-й корпус, переправившись, по-видимому, у Салионце или южнее, тотчас же двинулся по направлению к горам. 2-й корпус, переправившись, очевидно, у Валеджо и 3-й — у Гойто, двинулись вперед по равнине. Все это происходило в субботу 23 июня. Австрийская бригада Пульца, которая несла сторожевую службу у Минчо, медленно отошла к Вероне. А в воскресенье, в годовщину сражения при Сольферино, вся австрийская армия выступила из Вероны навстречу противнику. Она успела, по-видимому, прийти вовремя и занять высоты Соны и Соммакампаньи, а также восточный край Тионской лощины раньше итальянцев. После этого борьба, очевидно, развернулась главным образом за овладение проходом через лощину. Два корпуса, наступавшие на равнине у южного края, имели возможность действовать совместно с 1-м итальянским корпусом, занимавшим горы, благодаря чему Кустоца перешла в их руки. Итальянцы, действовавшие на равнине, постепенно продвигались все дальше и дальше по направлению к Вероне с целью атаковать фланг и тыл австрийцев; австрийцы же высылали им навстречу войска. Таким образом, линии фронта обеих армий, из которых одна первоначально была развернута на восток, а другая — на запад, повернулись на четверть круга, и австрийцы оказались лицом к югу, а итальянцы к северу. Но так как горы тянутся от Кустоцы к северо-востоку, то фланговое движение 2-го и 3-го итальянских корпусов не могло оказать непосредственного влияния на положение их 1-го корпуса, занимавшего эти горы, ибо их нельзя было выдвинуть достаточно далеко вперед, не подвергая опасности совершающие этот маневр войска. Таким образом, австрийцы, по-видимому, противопоставили 2-му и 3-му корпусам только то количество войск, которого было достаточно для отражения их первого натиска, а все силы, находившиеся в их распоряжении, бросили против 1-го корпуса и разгромили его благодаря численному превосходству. Успех был полный. 1-й корпус после ожесточенного боя был отброшен, и в заключение австрийцы взяли приступом Кустоцу. Благодаря этому итальянское правое крыло, которое продвинулось к востоку и к северо-востоку за Кустоцу, должно быть, подверглось серьезной угрозе, вследствие чего произошел новый бой за эту деревню, во время которого, очевидно, была восстановлена прерванная связь и приостановлено наступление австрийцев со стороны Кустоцы. Однако деревня осталась в их руках, и в ту же ночь итальянцам пришлось переправиться обратно за Минчо.

Мы даем этот очерк сражения не в качестве исторического описания, для которого недостает еще очень, многих подробностей, а лишь как попытку с картой в руках и опираясь на военную науку и здравый смысл согласовать между собой различные телеграммы, относящиеся к этим событиям. И мы уверены, что, будь полученные телеграммы хоть сколько-нибудь точны и полны, общая картина сражения не оказалась бы очень отличной от нарисованной нами.

Австрийцы потеряли около 600 человек пленными, итальянцы около 2000 человек и несколько орудий. Это показывает, что сражение было поражением, но не катастрофой. Силы сторон, должно быть, были почти равны, хотя весьма вероятно, что австрийцы имели на поле боя меньше войск, чем их противник. Итальянцы имеют все основания поздравить себя с тем, что австрийцы не сбросили их в Минчо; положение 1-го корпуса, оказавшегося перед лицом превосходящих сил противника между рекой и лощиной на полосе земли, шириной от двух до четырех миль, было крайне опасным. То, что главные силы были посланы на равнину, пренебрегая командными высотами, имеющими решающее значение, явилось несомненной ошибкой. Но самой большой ошибкой, как мы уже отметили выше, было то, что армию разделили, оставили Чальдини с 60000 человек в низовьях По и начали наступление лишь с оставшимися силами. Чальдини мог помочь одержать победу при Вероне, а затем, вернувшись к низовьям По, переправиться через реку с гораздо большей легкостью, если уж такой комбинированный маневр надо было осуществить во что бы то ни стало. А сейчас он занимает те же позиции, что и в первый день, и,быть может, ему придется столкнуться с еще большими силами, чем до сих пор. Итальянцы теперь, должно быть, убедились, что имеют дело с весьма стойким противником. В битве при Сольферино Бенедек с 26000 австрийцев в течение целого дня отражал атаки всей пьемонтской армии, в два раза превосходившей его численностью, пока не получил приказания отступить вследствие поражения, нанесенного французами другому корпусу. Тогдашняя пьемонтская армия была значительно лучше нынешней итальянской армии; она была лучше обучена, более однородна и имела лучший командный состав. Нынешняя армия сформирована лишь недавно и потому наверняка страдает всеми свойственными подобной армии недостатками, тогда как теперешняя австрийская армия значительно превосходит армию 1859 года. Национальный энтузиазм — великая вещь, но пока он не сочетается с дисциплиной и организованностью, он никому не может принести победы в сражении. Даже гарибальдийская «тысяча»

была не просто толпой энтузиастов, — это были люди, прошедшие военную выучку, научившиеся в 1859 г. повиноваться приказам и выдерживать огонь. Надо надеяться, что штаб итальянской армии в своих собственных интересах воздержится от опрометчивых действий против армии, хотя численно и более слабой, но по существу более сильной и к тому же занимающей одну из сильнейших позиций в Европе.

IV

Допустим, что молодого прусского прапорщика или корнета, сдающего экзамен на чин лейтенанта, спросили, какой план вторжения прусской армии в Богемию был бы самым безопасным? Допустим, что наш молодой офицер ответил: «Лучшим способом было бы разделить войска на две приблизительно равные армии и послать одну из них в обход на восток от Исполиновых гор, а другую на запад, с тем чтобы они соединились у Гичина». Что бы сказал на это экзаменатор? Он заявил бы молодому человеку, что его план грешит против двух основных законов стратегии: во-первых, никогда не разделять своих войск таким образом, чтобы они не были в состоянии оказать друг другу поддержку, а, наоборот, держать их поближе друг к другу; и, во-вторых, в случае продвижения по разным дорогам, производить соединение соответствующих колонн в пункте, лежащем вне досягаемости противника; что поэтому предложенный план является худшим из всех возможных; что его можно было бы принять во внимание лишь в том случае, если бы Богемия была совершенно свободна от неприятельских войск, и что, следовательно, офицер, предлагающий подобный план кампании, не заслуживает даже чина лейтенанта.

Однако именно этот план был принят мудрым и ученым штабом прусской армии. Почти невероятно, но это так. Ошибка, за которую итальянцам пришлось поплатиться при Кустоце, была повторена пруссаками и притом в условиях, которые сделали ее в десять раз хуже. Итальянцы, по крайней мере, знали, что, имея десять дивизий, они численно превосходят противника. Пруссаки же должны были знать, что все их девять корпусов, вместе взятые, по численности в лучшем случае едва равны восьми корпусам Бенедека и что, разделив свои войска, они почти наверняка обрекали обе армии, одну поело другой, на разгром превосходящими силами противника. Если

бы не тот факт, что главнокомандующим является король Вильгельм, было бы совершенно непонятно, как подобный план мог не то что быть принятым, но даже обсуждаться коллегией столь несомненно способных офицеров, какими являются офицеры прусского штаба. Но никто не мог ожидать, что роковые последствия положения, при котором высшее командование находится в руках королей и принцев, скажутся так быстро и с такой силой. Пруссаки в настоящее время ведут в Богемии борьбу не на жизнь, а на смерть. Если австрийцы смогут воспрепятствовать соединению двух прусских армий в Гичине или около него, если каждая из этих двух армий, потерпев поражение, вынуждена будет отступить из Богемии и, отступая, еще более удалиться от второй армии, то можно будет считать кампанию по существу законченной. Тогда Бенедек сможет оставить без внимания армию кронпринца, пока она будет отступать на Бреславль, и со всеми своими силами преследовать армию принца Фридриха-Карла, которая едва ли избежит полного разгрома.

Вопрос в том, удалось ли помешать соединению двух прусских армий? До настоящего момента у нас нет сведений о событиях, имевших место после вечера пятницы 29 июня. Пруссаки, выбитые 28 июня генералом Эдельсхеймом из Гичина (в Богемии этот пункт называется Йичин), утверждают, что они 29-го снова атаковали город, и это — последняя информация, которой мы располагаем. Соединение тогда еще не произошло; не менее четырех австрийских корпусов, а также часть саксонского армейского корпуса к тому времени завязали сражение против примерно пяти или шести прусских корпусов.

Различные колонны армии кронпринца, спускаясь по богемскому склону холмов в долину, были встречены австрийцами в выгодных для последних пунктах — там, где долина, расширяясь, позволяла противопоставить прусским колоннам более широкий фронт и попытаться помешать их развертыванию; а пруссаки там, где это было возможно, могли выслать свои отряды через боковые долины для нападения на противника с флангов и тыла. Так обычно бывает в горной войне, и этим объясняется большое число пленных, которых всегда берут при таких обстоятельствах. Между тем, армии принца Фридриха-Карла и Херварта фон Биттенфельда, по-видимому, прошли через горные проходы, не встретив почти никакого сопротивления; первые столкновения произошли по линии реки Изер. то есть почти на полпути от исходных пунктов обеих армий. Попытка распутать и привести в соответствие крайне противоречивые и часто совершенно недостоверные телеграммы,

полученные за последние три-четыре дня, была бы безнадежным делом.

Сражение, естественно, протекало с весьма переменным успехом: по мере того, как подходили свежие силы, победа склонялась то на одну, то на другую сторону. Однако вплоть до пятницы общий результат сражения, по-видимому, складывался в пользу пруссаков. Если им удалось удержаться в Гичине, то соединение несомненно было осуществлено в субботу или в воскресенье, и тогда главная угроза для них миновала. Решающий бой для осуществления соединения велся, по всей вероятности, сосредоточенными массами войск с обеих сторон и, по крайней мере, должен был на ближайшее время определить ход кампании. Если пруссаки оказались победителями, то они сразу избавились от всех ими же самими созданных затруднений; но они могли бы добиться тех же или даже более значительных преимуществ, не подвергая себя таким ненужным опасностям.

Бои, по-видимому, были очень напряженными. Самой первой австрийской бригадой, вступившей в бой с пруссаками, была та «черно-желтая» бригада, которая в Шлезвиге штурмовала Кенигсберг близ Оберзелька за день до эвакуации Данневирке. Она называется черно-желтой по цвету петлиц, воротников и обшлагов двух полков, входящих в ее состав, и всегда считалась одной из лучших бригад армии. Однако она была разбита благодаря игольчатому ружью, причем более 500 человек одного из ее полков (Мартини) были взяты в плен после того, как пять раз подряд тщетно атаковали прусские линии. В последующем бою были захвачены знамена 3-го батальона Дейчмейстерского полка. Этот полк, комплектуемый исключительно в Вене, считается лучшим во всей армии. Таким образом, самые лучшие войска уже участвовали в сражении. Пруссаки, хотя они и не воевали давно, держались, должно быть, блестяще. С момента фактического объявления войны в армии воцарился совершенно иной дух главным образом в результате изгнания мелких государей из Северо-Западной Германии[163]. Это внушило войскам мысль — не важно, справедлива она или нет, мы лишь констатируем факт, — что на этот раз их призвали для борьбы за объединение Германии, и ранее недовольные и угрюмые резервисты и ландвер перешли австрийскую границу с громким «ура». Именно благодаря, главным образом, этому обстоятельству они и сражались так хорошо; но большую долю всех их успехов все же следует приписать их ружьям, заряжающимся с казенной части; и если им вообще удастся выпутаться из затруднительного положения,

в которое так опрометчиво их поставили их же генералы, они должны будут благодарить за это игольчатое ружье. Свидетельства об огромном его превосходстве над ружьем, заряжающимся с дула, и на этот раз единодушны. Один взятый в плен сержант из полка Мартини заявил корреспонденту «Kolnische Zeitung»[164]:

«Мы, конечно, сделали все, что можно было ожидать от храбрых солдат, но никто не может устоять против такого частого огня».

Если австрийцы потерпят поражение, виноватым в этом будет не столько генерал Бенедек или генерал Рамминг, сколько генерал «шомпол»*.

На северо-западе сдались ганноверцы, осознавшие свое положение в результате решительного наступления авангарда армии генерала Мантёйфеля под командой генерала Флиса. Благодаря этому 59 прусских батальонов освобождаются для действий против союзных войск. Поистине весьма своевременно начать дело, прежде чем Бавария закончит свое перевооружение, так как в противном случае для подчинения Юго-Западной Германии потребуется значительно больше войск. Бавария, как известно, всегда действует медленно и опаздывает с военными приготовлениями, но, закончив их, она может выставить на поле боя от 60000 до 80000 хороших солдат. Мы, быть может, скоро услышим о быстром сосредоточении пруссаков на Майне и об активных действиях против принца Александра Гессен-Дармштадтского и его армии.

* Игра слов: Ramming — фамилия, «ramrod» — шомпол, служащий для забивания пули в ружье, заряжающееся с дульной части. *Ред.*

V

Кампания, начатая пруссаками исключительной стратегической ошибкой, продолжалась ими с такой стремительной тактической энергией, что в течение ровно восьми дней была доведена до победного конца.

В последней статье мы писали, что прусский план вторжения в Богемию двумя армиями, разделенными Исполиновыми горами, мог быть оправдан лишь в том случае, если бы в Богемии не было неприятельских войск. Очевидно, таинственный план генерала Бенедека заключался главным образом в том, чтобы создать именно такое положение. По-видимому, в северо-западной части Богемии, где, как мы с самого начала предполагали, должны были разыграться решительные действия, оказалось всего два австрийских армейских корпуса — 1-й (Клам-Галласа) и 6-й (Рамминга). Если это делалось для того, чтобы устроить пруссакам ловушку, то Бенедек так хорошо с этим справился, что сам попал в нее. Во всяком случае, продвижение пруссаков двумя колоннами, между которыми лежит полоса непроходимой местности в 40—50 миль шириной, к пункту соединения, находящемуся на расстоянии двух полных переходов от исходных пунктов, и притом внутри неприятельского фронта, — такое продвижение при всех условиях остается чрезвычайно опасным маневром, за которым могло бы последовать полное поражение, если бы не странная медлительность Бенедека, неожиданный натиск прусских войск и их заряжающиеся с казенной части винтовки.

Линия наступления принца Фридриха-Карла с тремя корпусами (3-м, 4-м и 2-м — последний в резерве) шла через Райхенберг, к северу от трудно проходимых гор, с южной стороны которых наступал генерал Херварт с полутора корпусами (8-м и одной дивизией 7-го корпуса). В то же время кронпринц с 1-м, 5-м и 6-м корпусами и гвардией находился в горах у Глаца.

Таким образом, армия была разделена на три колонны — 45000 человек на правом фланге, 90000 человек в центре и 120000 человек на левом фланге, причем ни одна из этих колоны не могла оказать поддержку другой, во всяком случае в течение ближайших нескольких дней. Здесь для генерала, стоящего во главе по крайней мере такого же количества людей, более чем когда-либо, представлялся удобный случай разгромить своего противника по частям. Но, по-видимому, в этом направлении ничего не было сделано. 26 июня принц Фридрих-Карл имел у Турнау с бригадой 1-го корпуса первый серьезный бой, в результате которого он установил связь с Хервартом; 27-го последний занял Мюнхенгрец, в то время как первая колонна армии кронпринца — 5-й корпус — продвинулась за Наход и нанесла жестокое поражение 6-му австрийскому корпусу (Рамминга); 28 июня — единственный несколько неудачный для пруссаков день — авангард принца Фридриха-Карла занял Гичин, но был выбит оттуда конницей генерала Эдельсхейма; одновременно 1-й корпус армии кронпринца, понеся некоторые потери, был остановлен у Траутенау 10-м австрийским корпусом Габленца; он получил свободу действий только благодаря продвижению гвардии к Эйпелю по дороге, проходившей между 1-м и 5-м прусскими корпусами. 29 июня принц Фридрих-Карл атаковал Гичин, а армия кронпринца целиком разгромила 6-й, 8-й и 10-й австрийские корпуса. 30 июня новая попытка Бенедека вернуть Гичин силами 1-го корпуса и саксонской армии была блестяще отбита, после чего произошло соединение обеих прусских армий. Потери австрийцев равны, по меньшей мере, численности полутора корпусов, тогда как прусские потери составляют менее чем одну четверть этого количества.

Таким образом, мы видим, что 27 июня австрийцы располагали только двумя армейскими корпусами численностью около 33000 человек в каждом; 28-го — тремя, 29-го — четырьмя, и если одна прусская телеграмма соответствует действительности, частью пятого (4-й корпус); и только 30-го смог прибыть на помощь саксонский армейский корпус. Таким образом, в продолжение всего этого периода два, если не три, корпуса отсутствовали на поле боя, тогда как пруссаки сосредоточили в Богемии все свои силы. В самом деле, до вечера 29 июня общая численность австрийских войск на театре военных действий едва ли превышала численность каждой из двух прусских армий, а так как австрийские части вводились в бой постепенно и подкрепления прибывали лишь после поражения войск, уже вступивших в бой, то результат оказался роковым.

Сообщают, что 3-й армейский корпус (эрцгерцога Эрнста), действовавший в районе Кустоцы, немедленно после этого сражения был отправлен по железной дороге на север; в некоторых сообщениях он упоминается в числе сил, действующих под командой Бенедека. Однако этот корпус, присоединение которого довело бы состав всей армии, включая и саксонцев, до девяти корпусов, не мог подойти вовремя, чтобы принять участие в сражениях, происходивших в последних числах июня.

Каковы бы ни были ошибки прусского оперативного плана, они были исправлены быстротой и энергичными действиями пруссаков. Операции каждой из обеих армий были безупречны. Все их удары были короткими, сильными и решительными и обеспечивали им полный успех, а после соединения обеих армий их энергия не ослабела; они продолжали двигаться вперед, и уже 3 июля вся прусская армия встретилась с соединенными силами Бенедека и нанесла им последний сокрушительный удар[165].

Вряд ли можно предполагать, что Бенедек принял это сражение по доброй воле. Не подлежит сомнению, что вынужденный быстрым преследованием пруссаков задержаться со всей своей армией на сильной позиции, чтобы перегруппироваться и отправить вперед обоз своей отступающей армии, он не ожидал нападения значительными силами среди дня и рассчитывал уйти от преследования в течение ночи. Ни один человек в его положении, после полного разгрома четырех корпусов и таких тяжелых потерь, не стремился бы к немедленному решительному сражению, располагая возможностью безопасного отступления. Но пруссаки, по-видимому, заставили его принять бой, в результате чего последовало полное поражение австрийцев, которые теперь, — если еще не заключено перемирие, — вероятно пытаются добраться до Ольмюца или Вены при чрезвычайно неблагоприятных условиях, так как малейшее движение пруссаков в обход их правого фланга наверняка отрежет большое количество частей от прямого пути и оттеснит их к горам Глаца, где они будут взяты в плен. «Северная армия» — еще десять дней тому назад одна из лучших в Европе — перестала существовать.

Без сомнения скорострельное игольчатое ружье сыграло в этом деле большую роль. Едва ли без него удалось бы осуществить соединение обеих прусских армий, и наверное этот огромный и быстрый успех не был бы достигнут без такого перевеса огня, так как австрийская армия обычно менее подвержена панике, чем большинство европейских армий. Но были и другие обстоятельства, содействовавшие успеху. Мы уже упомянули о превосходном состоянии и решительных действиях обеих

прусских армий со времени их вступления в Богемию. Можно добавить также, что в этой кампании пруссаки отказались от системы колонн и в наступлении строили свои войска преимущественно развернутыми линиями, так что можно было использовать каждое ружье и предохранить людей от действия артиллерийского огня. Мы должны признать, что передвижения как на марше, так и при подходе к противнику выполнялись с такой организованностью и точностью, которых никак нельзя было ожидать от армии и командования, покрытых пятидесятилетней ржавчиной мирного времени. И, наконец, весь мир был, должно быть, поражен стремительностью, проявленной этими необстрелянными войсками во всех без исключения сражениях. Можно утверждать, что это сделали ружья, заряжающиеся с казенной части, но они ведь действовали не сами по себе, нужны были отважные сердца и сильные руки, чтобы приводить их в действие. Прусские войска очень часто сражались против численно превосходящих сил противника и почти всегда были наступающей стороной; поэтому австрийцам был предоставлен выбор позиции. При наступлении на сильные позиции и на города с забаррикадированными улицами преимущества ружей, заряжающихся с казенной части, почти исчезают; тогда предоставляют действовать штыку, и на его долю выпала немалая работа. Далее, кавалерия действовала с таким же пылом, а для нее клинок и стремительность конной атаки являются единственным оружием. Французские «утки» относительно того, что прусская кавалерия якобы сперва осыпала противника градом пуль из карабинов (заряжающихся с казенной части или иным образом), и лишь затем бросалась на него с саблями, могли возникнуть лишь там, где кавалерия часто прибегала к такой уловке и бывала всегда наказана за это, подвергаясь разгрому со стороны противника, превосходящего ее стремительностью атаки. Не будет ошибкой сказать, что прусская армия за одну какую-то неделю завоевала себе такую высокую оценку, какой никогда еще не получала, и может быть уверена теперь в том, что справится с любым противником. В истории не было случая, чтобы столь блестящий успех был достигнут в такой короткий срок и без сколько-нибудь значительных поражений, за исключением сражения у Йены, в котором была уничтожена вся тогдашняя прусская армия, и сражения при Ватерлоо, если не принимать во внимание поражение под Линьи[166].

THE INTERNATIONAL COURIER
ENGLISH PART
Published every Wednesday.

Nos 6 & 7 Vol. IV. (Registered for transmission abroad.) LONDON, FEBRUARY 20, 1867. ONE PENNY

К. МАРКС

ИНСТРУКЦИЯ ДЕЛЕГАТАМ ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ [167]

1. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА

Временный Центральный Совет рекомендует принять в общем и целом *план организации,* изложенный во Временном Уставе. Правильность этого плана и возможности его применения к условиям различных стран без ущерба для единства действий доказаны на опыте двух лет. На следующий год мы рекомендуем оставить место пребывания Центрального Совета в Лондоне, так как обстановка на континенте, по-видимому, не благоприятна для каких-нибудь перемен.

Члены Центрального Совета, само собой разумеется, должны быть избраны конгрессом (§ 5 Временного Устава) с правом кооптации.

Генерального секретаря следует избрать на конгрессе на один год в качестве единственного оплачиваемого должностного лица Товарищества. Мы предлагаем платить ему 2 ф. ст. в неделю[*]. *Единый годовой взнос для каждого индивидуального члена Товарищества* определяется *в полпенни* (может быть одно пенни). Стоимость членской карточки (книжки) должна оплачиваться дополнительно.

Призывая членов Товарищества создавать общества взаимопомощи и устанавливать между ними интернациональную связь, мы в то же время оставляем инициативу в этом вопросе (образование обществ взаимопомощи; моральная и материальная помощь сиротам членов Товарищества) швейцарцам, которые выдвинули это предложение на конференции в сентябре прошлого года.

[*] Во французском и немецком текстах далее следует абзац; *«Постоянный комитет,* фактически являющийся исполнительным органом Центрального Совета, должен быть избран конгрессом; функции отдельных его членов определяются Центральным Советом». *Ред.*

2. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПОМОЩИ ТОВАРИЩЕСТВА В БОРЬБЕ МЕЖДУ ТРУДОМ И КАПИТАЛОМ

(a) Этот вопрос, вообще говоря, охватывает всю деятельность Международного Товарищества, цель которого объединить, направив в общее русло, до сих пор разрозненную борьбу рабочего класса различных стран за свое освобождение.

(b) Одной из особых функций, которую наше Товарищество до сих пор успешно выполняло, является противодействие проискам капиталистов, всегда готовых, в случае стачек и локаутов, злоупотребить услугами иностранных рабочих, использовав их как орудие против местных рабочих. Одна из великих целей Товарищества — добиться того, чтобы рабочие различных стран не только *чувствовали,* но и *действовали* как братья и товарищи, борющиеся за свое освобождение в единой армии.

(c) Великим примером «интернационального объединения действий» явится *статистическое обследование положения рабочего класса во всех странах, осуществляемое самим рабочим классом.* Чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать. Приступив к такому большому труду, рабочие докажут, что они способны взять свою судьбу в собственные руки. Поэтому предлагаем:

В каждой местности, где существуют отделения нашего Товарищества, немедленно приступить к работе и собирать фактические данные по различным пунктам, указанным в прилагаемой схеме обследования.

Конгресс призывает всех рабочих Европы и Соединенных Штатов Америки принять участие, в собирании статистических сведений о рабочем классе; доклады и фактические данные следует направлять Центральному Совету. Центральный Совет на основании этих материалов составит общий доклад, присоединив к нему фактические данные в виде приложения.

Этот доклад вместе с приложением представляется очередному ежегодному конгрессу и, после утверждения им, печатается на средства Товарищества.

ОБЩАЯ СХЕМА ОБСЛЕДОВАНИЯ,
В КОТОРУЮ, РАЗУМЕЕТСЯ, МОГУТ БЫТЬ ВНЕСЕНЫ
ИЗМЕНЕНИЯ В КАЖДОЙ МЕСТНОСТИ

1. Наименование производства.
2. Возраст и пол занятых в нем лиц.
3. Число занятых в нем лиц.

4. Заработная плата: *(a)* учеников; *(b)* поденная или сдельная оплата труда; размер оплаты посредниками. Средний недельный, годовой заработок.

5. *(a)* Продолжительность рабочего дня на фабриках. *(b)* Продолжительность рабочего дня у мелких предпринимателей и в домашнем производстве, в случае наличия всех этих видов производства. *(c)* Ночной и дневной труд.

6. Перерывы на еду и обращение с рабочими.

7. Характеристика мастерской и условий труда: теснота помещения, плохая вентиляция, недостаток солнечного света, применение газового освещения. Чистота и т. д.

8. Род занятий.

9. Влияние работы на физическое состояние.

10. Моральные условия. Воспитание.

11. Состояние производства. Является ли оно сезонным или действует более или менее равномерно в течение всего года, испытывает ли значительные колебания, подвергается ли иностранной конкуренции, обслуживает ли оно преимущественно внутренний или внешний рынок и т. д.[168]

3. ОГРАНИЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ

Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу, является *ограничение рабочего дня.*

Оно необходимо как для восстановления здоровья и физической силы рабочего класса, который составляет основной костяк каждого народа, так и для обеспечения рабочим возможности умственного развития, дружеского общения между собою, социальной и политической деятельности.

Мы предлагаем *в законодательном порядке ограничить* рабочий день *8 часами.* Такое ограничение является общим требованием рабочих Соединенных Штатов Америки[169]; решение конгресса сделает его общей платформой рабочего класса во всем мире.

К сведению континентальных членов Товарищества, опыт которых в фабричном законодательстве сравнительно невелик, добавим, что никакое ограничение, установленное законом, не достигает цели и нарушается капиталом, если не указано точно то *время дня,* в которое должны укладываться эти 8 часов труда. Продолжительность этого времени должна определяться 8 часами труда и дополнительным временем на перерывы для еды. Например, если различные перерывы для еды занимают *один час,* определенное законом время дня должно охватывать 9 часов, скажем, от 7 утра до 4 пополудни или от 8 утра до 5 по-

полудни и т. п. Ночной труд должен разрешаться только в виде исключения в производствах или отраслях производства, точно установленных законом. Стремиться же надо к полной отмене ночного труда.

Этот параграф касается только взрослых лиц мужского или женского пола; последние, впрочем, совсем не должны допускаться к *какой бы то ни было ночной работе,* а также ко всем видам труда, опасным для более хрупкого женского организма, и подвергающим его воздействию ядовитых или других вредных веществ. Под взрослыми мы понимаем всех лиц, достигших 18-летнего возраста.

4. ТРУД ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ (ОБОЕГО ПОЛА)

Мы считаем тенденцию современной промышленности привлекать детей и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой и законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы. При разумном общественном строе *каждый ребенок с* 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками. Однако в настоящее время в нашу задачу входит забота только о детях и подростках из рабочего класса.

Мы считаем необходимым, основываясь на физиологии, разбить детей и подростков обоего пола на *три группы,* требующие различного отношения к себе: в первую группу должны входить дети от 9 до 12 лет, во вторую — от 13 до 15 лет, в третью — 16 и 17-летние. Мы предлагаем, чтобы для первой группы закон ограничил труд в какой бы то ни было мастерской или на дому *двумя* часами; для второй — *четырьмя* и для третьей — *шестью* часами. Для третьей группы должен быть перерыв по крайней мере в один час для еды или для отдыха.

Желательно, может быть, приступить к начальному школьному обучению ранее 9-летнего возраста; но мы касаемся здесь только самого необходимого противоядия против тенденций социального строя, который низводит рабочего до степени простого орудия накопления капитала и превращает задавленных нуждой родителей в рабовладельцев, продающих своих собственных детей. *Права* детей и подростков должны быть защищены. Они не в состоянии сами выступить в свою защиту. Поэтому долг общества вступиться за них.

Если буржуазия и аристократия пренебрегают своими обязанностями по отношению к собственным отпрыскам, это их дело. Пользуясь привилегиями этих классов, ребенок вынужден страдать и от их предрассудков.

Для рабочего класса дело обстоит совершенно иначе. Рабочий не свободен в своих действиях. В слишком многих случаях он даже так невежественен, что неспособен понимать подлинные интересы своего ребенка или нормальные условия человеческого развития. Как бы то ни было — наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса, и, следовательно, человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения. Они знают, что в первую очередь надо оградить работающих детей и подростков от разрушительного действия современной системы. Это может быть достигнуто лишь путем превращения *общественного сознания* в *общественную силу,* а при данных условиях этого можно добиться только посредством *общих законов,* проводимых в жизнь государственной властью. Проведением в жизнь таких законов рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, он превращает в свое орудие ту власть, которая теперь используется против него, он осуществляет путем общего законодательного акта то, чего напрасно добивался бы путем множества разрозненных индивидуальных усилий.

Исходя из этого, мы заявляем, что родителям и предпринимателям ни в коем случае не может быть разрешено применять труд детей и подростков, если он не сочетается с воспитанием.

Под воспитанием мы понимаем три вещи:

Во-первых: *умственное воспитание.*

Во-вторых: *физическое воспитание,* такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями.

В-третьих: *техническое обучение,* которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и одновременно дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств.

Распределению детей и рабочих подростков по возрастным группам должен соответствовать постепенно усложняющийся курс умственного и физического воспитания и технического обучения. Расходы на технические школы должны частично покрываться путем продажи их продукции.

Сочетание оплачиваемого производительного труда, умственного воспитания, физических упражнений и политехнического обучения поднимет рабочий класс значительно выше уровня аристократии и буржуазии.

Само собой разумеется, что применение труда всех лиц от 9 до 17 лет (включительно) ночью и во всех вредных для здоровья производствах должно быть строго запрещено законом.

5. КООПЕРАТИВНЫЙ ТРУД

Международное Товарищество Рабочих ставит себе целью объединить, направив в общее русло, *стихийное движение* рабочего класса, но отнюдь не диктовать или навязывать ему какие бы то ни было доктринерские системы. Поэтому конгрессу не следует провозглашать какую-либо *особую систему* кооперации, а следует ограничиться изложением некоторых общих принципов.

(a) Мы считаем, что кооперативное движение является одной из сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме. Большая заслуга этого движения заключается в том, что оно на деле показывает возможность замены современной деспотической и порождающей пауперизм системы *подчинения труда* капиталу — республиканской и благотворной системой *ассоциации свободных и равных производителей.*

(b) Однако ограниченная карликовыми формами, которые только и в силах создать своими усилиями отдельные рабы наемного труда, кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. Для того, чтобы превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда, необходимы *общие социальные изменения, изменения основ общественного строя,* которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям.

(c) Рекомендуем рабочим браться предпочтительнее за *кооперативное производство,* нежели за *кооперативную торговлю.* Последняя затрагивает только поверхность современного экономического строя, первая подрывает его основы.

(d) Рекомендуем всем кооперативным обществам превращать часть своего общего дохода в фонд для пропаганды своих принципов как делом, так и словом, а именно, содействуя учреждению новых производственно-кооперативных обществ, наряду с распространением своего учения.

(e) Во избежание вырождения кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества (societes par actions), рабочие каждого предприятия, независимо от того,

являются они пайщиками или нет, должны получать равные доли в доходе. Мы согласны допустить в виде чисто временной меры, чтобы пайщики получали небольшой процент.

6. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ СОЮЗЫ (ТРЕД-ЮНИОНЫ). ИХ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

(a) Их прошлое.

Капитал является концентрированной общественной силой, тогда как рабочий располагает только своей рабочей силой. Следовательно, *договор* между капиталом и трудом никогда не может быть заключен на справедливых условиях, справедливых даже с точки зрения общества, в котором собственность на материальные средства существования и труда противостоит живой производительной силе. Социальная сила рабочих заключается только в их численности. Но сила численного превосходства уничтожается их. разобщенностью. Разобщенность рабочих создается и продолжает существовать вследствие *неизбежной конкуренции между ними самими.*

Профессиональные союзы первоначально возникли из *стихийных* попыток рабочих устранить или по меньшей мере ослабить эту конкуренцию, чтобы завоевать такие условия договора, которые хотя бы избавили их от положения простых рабов. Непосредственная задача профессиональных союзов ограничивалась поэтому повседневными нуждами, попытками остановить непрерывное наступление капитала, одним словом, — вопросами заработной платы и рабочего времени. Такая деятельность профессиональных союзов не только законна, но и необходима. Без нее нельзя обойтись, пока существует современный способ производства. Более того, эта деятельность должна получить всеобщее распространение путем создания и объединения профессиональных союзов во всех странах. С другой стороны, — сами того не сознавая, профессиональные союзы становились *организационными центрами* для рабочего класса, подобно тому как средневековые муниципалитеты и коммуны были организационными центрами для буржуазии. Если профессиональные союзы необходимы для партизанской борьбы между капиталом и трудом, то они в еще большей степени важны как *организованная сила для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала. (b)* Их настоящее.

Слишком часто занятые исключительно местной и непосредственной борьбой с капиталом, профессиональные союзы еще

не вполне осознали, какую силу они представляютдля борьбы против самой системы наемного рабства. Поэтому они держались слишком в стороне от общего социального и политического движения. За последнее время все же в них, по-видимому, пробудилось* сознание их великой исторической миссии; об этом свидетельствует, например, их участие в нынешнем политическом движении в Англии[170], более широкое понимание ими своей функции в Соединенных Штатах[171] и принятая на состоявшейся недавно большой конференции делегатов тред-юнионов в Шеффилде следующая резолюция:

«Настоящая конференция, должным образом оценивая деятельность Международного Товарищества по объединению рабочих всех стран в единый братский союз, самым настоятельным образом рекомендует различным обществам, представленным здесь, войти в это Товарищество, полагая, что оно существенно содействует прогрессу и процветанию всего рабочего люда»[172].

(c) Их будущее.

Независимо от своих первоначальных целей, они должны теперь научиться сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей великой задачей его *полное освобождение.* Они должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, идущее в этом направлении. Считая себя и выступая на деле представителями всего рабочего класса и борцами за его интересы, они обязаны привлекать в свои ряды и неорганизованных рабочих. Они должны особенно заботиться об интересах рабочих хуже всего оплачиваемых отраслей производства, например, сельскохозяйственных рабочих, которые в силу неблагоприятных условий совершенно беспомощны**. Профессиональные союзы должны доказать всему миру, что они борются отнюдь не за узкие, эгоистические интересы, а за освобождение угнетенных миллионов.

7. ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ

(a) Никакие изменения в форме налогового обложения не могут вызвать существенного изменения в отношениях между трудом и капиталом.

(b) Тем не менее, если нужно выбирать между двумя системами налогового обложения, мы рекомендуем *полную отмену косвенных налогов* и *общую замену их прямыми налогами;*

* В немецком тексте добавлено: «по крайней мере в Англии». *Ред.*

** Во французском тексте вместо слов «совершенно беспомощны» напечатано: «неспособны к организованному сопротивлению». *Ред.*

Потому, что косвенные налоги повышают цены на товары, так как торговцы прибавляют к этим ценам не только сумму косвенных налогов, но и процент и прибыль на капитал, авансированный на их уплату;

Потому, что косвенные налоги скрывают от каждого отдельного лица сумму, которую оно платит государству, тогда как прямой налог ничем не замаскирован, взимается открыто и не вводит в заблуждение даже самого темного человека. Прямые налоги, следовательно, побуждают каждого контролировать правительство, тогда как косвенные налоги подавляют всякое стремление к самоуправлению.

8. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КРЕДИТ

Инициативу следует предоставить французам.

9. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС*

(a) Почему европейские рабочие поднимают этот вопрос? В первую очередь потому, что буржуазные писатели и агитаторы сговорились замалчивать его, хотя они и покровительствуют всем национальностям на континенте, даже Ирландии. Какова причина этого замалчивания? Причина та, что и аристократы и буржуа смотрят на темную азиатскую державу, которая держится на заднем плане, как на последний оплот против поднимающейся волны рабочего движения. Эта держава может действительно быть сломлена только путем восстановления Польши на демократической основе.

(b) При современном изменившемся положении Центральной Европы, и в частности Германии, более чем когда-либо необходимо существование демократической Польши. Без нее Германия превратится в форпост Священного союза, при ней она войдет в сотрудничество с республиканской Францией. Рабочее движение всегда будет встречать преграды, терпеть поражения и развитие его будет задерживаться, пока остается нерешенным этот важный европейский вопрос.

(c) Взять на себя инициативу в этом вопросе является в особенности долгом рабочего класса Германии, потому что Германия — одна из участниц разделов Польши.

---

* Во французском тексте: «О необходимости уничтожения русского влияния в Европе путем осуществления права наций на самоопределение и восстановления Польши на демократических и социальных основах». *Ред.*

10. АРМИИ*

(a) Гибельное влияние больших постоянных армий на *производство* достаточно доказывалось на буржуазных конгрессах всевозможных наименований, на мирных, экономических, статистических, филантропических и социологических конгрессах. Поэтому мы считаем совершенно излишним распространяться на эту тему.

(b) Мы предлагаем всеобщее вооружение народа и всеобщее обучение пользованию оружием.

(c) Мы допускаем в качестве временно необходимой меры существование небольших постоянных армий, служащих школами для обучения командного состава милиции; каждый гражданин мужского пола должен в течение очень короткого времени служить в этих армиях.

11. РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС**

Инициативу следует предоставить французам.

Написано К. Марксом в конце августа 1866 г.

Напечатано в газетах «The International Courier» №№ 6—7, 20 февраля и №№ 8— 10, 13 марта 1867 г. и «Le Courrier international» №№ 10 и 11, 9 и 16 марта 1867 г., а также в журнале «Der Vorbote» №№ 10 и 11, октябрь и ноябрь 1866 г.

Печатается по тексту газеты «The International Courier», сверенному с текстом газеты «Le Courrier international» и журнала «Der Vorbote»

Перевод с английского

* Во французском тексте: «Постоянные армии в их отношении к производству». *Ред.*

** Во французском тексте: «Религиозные идеи; их влияние на социальное, политическое и интеллектуальное развитие». *Ред.*

К. МАРКС

РЕЧЬ НА ПОЛЬСКОМ МИТИНГЕ В ЛОНДОНЕ 22 ЯНВАРЯ 1867 ГОДА [173]

Милостивые государыни и милостивые государи![*]

Тридцать с лишним лет тому назад во Франции вспыхнула революция. Это было событие, не предусмотренное провидением Санкт-Петербурга, который только что заключил с Карлом X тайный договор, дабы улучшить управление и географическое устройство Европы. По получении этого известия, нарушившего все планы, царь Николай созвал офицеров гвардии и обратился к ним с краткой воинственной речью, закончив ее словами: «Седлайте коней, господа!». Это не было пустой угрозой. Паскевич был послан в Берлин, чтобы там подготовить план вторжения во Францию. В несколько месяцев все было подготовлено. Пруссаки должны были сконцентрироваться на Рейне, польская армия — вступить в Пруссию, а московиты[**] — следовать за ними. Но тогда, как выразился Лафайет во французской палате депутатов, «авангард обратил оружие против главной армии»[174]. Восстание в Варшаве спасло Европу от второй антиякобинской войны.

Восемнадцать лет спустя произошло новое извержение революционного вулкана или, вернее, землетрясение, потрясшее весь континент. Даже Германия стала проявлять беспокойство, несмотря на то, что Россия постоянно держала ее на детских помочах со времени так называемой войны за независимость. Но что удивительнее всего, Вена первая из всех немецких го-

[*] В «Glos Wolny» тексту речи Маркса предпосланы следующие слова: «Вначале д-р Маркс, немец, внес краткую, но весьма выразительную резолюцию: «Свобода в Европе не может быть утверждена без независимости Польши»». *Ред.*

[**] Маркс употребляет слово «московиты», имея в виду поборников реакционной политики царского самодержавия. (См. также настоящий том, стр. 542). *Ред.*

родов попыталась воздвигнуть баррикады и сделала это с успехом. На этот раз — и это, по-видимому, впервые в своей истории — Россия потеряла самообладание. Царь Николай уже больше не обращался к гвардии, а опубликовал манифест к своему народу, в котором говорилось, что французская чума заразила даже Германию, что она приблизилась к границам империи и что революция в своем безумии обращает свой лихорадочный взор на святую Русь. «Ничего удивительного!» — воскликнул он. Ведь эта самая Германия в течение многих лет была очагом неверия. Язва кощунственной философии поразила жизненные центры этого внешне столь почтенного народа. И он закончил свое воззвание следующим обращением к немцам:

«С нами бог! Разумейте, языцы, и покоряйтеся, яко с нами бог!»[175]

Вскоре после этого он через своего верного слугу Нессельроде отправил немцам другое послание, исполненное нежности к этому языческому народу[176]. Откуда такая перемена? Дело в том, что берлинцы не только совершили революцию, но и провозгласили восстановление Польши, а прусские поляки, введенные в заблуждение народным энтузиазмом, начали создавать военные лагери в Познани. Отсюда эти заискивания царя. Снова польский народ, этот бессмертный рыцарь Европы, заставил монгола отступить. Только после того, как поляки были преданы немцами, особенно франкфуртским Национальным собранием, Россия пришла в себя и достаточно собралась с силами, чтобы нанести революции 1848 г. удар в ее последнем убежище — в Венгрии, но и здесь последним рыцарем, сразившимся с нею, был поляк, генерал Бем.

В настоящее время есть еще довольно наивные люди, которые полагают, что все это изменилось, что Польша перестала быть «необходимой нацией», как выразился один французский писатель, что она — лишь сентиментальное воспоминание. А вы знаете, что ни чувства, ни воспоминания не котируются на бирже. Когда последние русские указы об упразднении Царства Польского стали известны в Англии, орган ведущих денежных мешков увещевал поляков стать московитами[177]. Почему бы и не сделать им этого, хотя бы для лучшего обеспечения выплаты процентов с 6 миллионов ф. ст., только что предоставленных царю взаймы английскими капиталистами? В худшем случае, писал «Times», пусть бы даже Россия захватила Константинополь, лишь бы она позволила Англии захватить Египет и обеспечить дорогу к ее великому индийскому рынку! Иными словами, пусть Англия предоставит России Константинополь, если Россия милостиво позволит

Англии оспаривать Египет у Франции. Московит, пишет «Times», любит брать взаймы у Англии, и он хорошо платит. Он любит английские деньги. Действительно любит. Но как он любит самих англичан — об этом лучше всего вам расскажет «Gazette de Moscou»[178] от декабря 1851 года:

«Нет, должен, наконец, наступить черед вероломного Альбиона, и через некоторое время мы подпишем договор с этим народом только в Калькутте».

Я спрашиваю вас, что же изменилось? Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет. Только умственное ослепление господствующих классов Европы дошло до предела. Прежде всего, по признанию ее официального историка Карамзина, неизменной остается политика России[179]. Ее методы, ее тактика, ее приемы могут изменяться, но путеводная звезда этой политики — мировое господство, остается неизменной. Только изворотливое правительство, господствующее над массами варваров, может в настоящее время замышлять подобные планы. Как писал об этом Александру I во время Венского конгресса Поццо-ди-Борго, самый крупный русский дипломат нового времени, Польша является важнейшим орудием осуществления русских притязаний на мировое господство, но она вместе с тем остается непреодолимым препятствием до тех пор, пока поляк, утомленный бесконечными изменами Европы, не превратится в страшный бич в руках московита. Так вот, оставив в стороне настроение польского народа, я спрашиваю: произошло ли что-либо, помешавшее осуществлению планов России или парализовавшее ее действия?

Мне незачем напоминать вам, что ее завоевательная политика в Азии сопровождается непрерывными успехами. Мне незачем напоминать вам, что так называемая англо-французская война против России отдала в руки последней горные крепости Кавказа, господство на Черном море и морские права, которые Екатерина II, Павел и Александр I тщетно пытались вырвать у Англии. Железные дороги объединяют и концентрируют ее широко рассеянные силы. Ее материальные ресурсы в конгрессовой Польше[180], которая образует ее укрепленный лагерь в Европе, неимоверно увеличились. Укрепления Варшавы, Модлина, Ивангорода — пунктов, избранных Наполеоном I, — господствуют над всем течением Вислы и представляют грозный плацдарм для нападения на север, запад и юг. Панславистская пропаганда прогрессирует шаг за шагом по мере ослабления Австрии и Турции. А что означает панславистская пропаганда, вы могли узнать из опыта 1848—1849 гг., когда славяне, сражав-

шиеся под знаменами Елачича, Виндишгреца и Радецкого, вторглись в Венгрию, разорили Вену, разгромили Италию. И кроме всего этого, преступления Англии против Ирландии дали России нового могущественного союзника по ту сторону Атлантического океана.

Петр I однажды воскликнул, что для завоевания мира московитам не хватает только души[*]. Живительный дух, который нужен России, войдет в ее тело лишь после поглощения поляков. Что же вы тогда бросите на другую чашу весов? На этот вопрос отвечают с разных точек зрения. Одни говорят, что Россия, благодаря освобождению крестьян, вступила в семью цивилизованных народов. Немецкая мощь, недавно собранная в руках пруссаков, как утверждают другие, способна противодействовать всем ударам азиатов. Некоторые же, более радикальные, возлагают свои надежды на внутренние социальные преобразования в Западной Европе[**].

Так вот, что касается первого, то есть освобождения крепостных крестьян в России, то оно избавило верховную правительственную власть от противодействия, какое могли оказывать ее централизаторской деятельности дворяне. Оно создало широкие возможности для вербовки в свою армию, подорвало общинную собственность русских крестьян, разъединило их и укрепило их веру в царя-батюшку. Оно не очистило их от азиатского варварства, ибо цивилизация создается веками. Всякая попытка поднять их моральный уровень карается, как преступление. Достаточно вам лишь напомнить о правительственных репрессиях против обществ трезвости, которые стремились спасти московита от того, что Фейербах называет материальной субстанцией его религии, то есть от водки. Неизвестно, какие последствия в будущем повлечет за собой освобождение крестьян, сегодня же очевидно, что оно увеличило наличные силы царя.

Теперь относительно Пруссии. Этот прежний вассал Польши превратился в державу первого ранга лишь под покровитель-

[*] В тексте речи Маркса, опубликованном в «Socialisme», эта фраза изложена следующим образом: «План русской политики остается неизменным; средства ее осуществления значительно умножились с 1848 г., но до сих пор одно лишь остается для нее недостижимым, — и Петр I коснулся этого слабого пункта, когда воскликнул, что для завоевания мира московитам не хватает только души». *Ред.*

[**] В «Socialisme» конец данного абзаца изложен следующим образом: «Европеец с континента, может быть, ответит мне, что Россия, благодаря освобождению крепостных, вступила в семью цивилизованных народов, что немецкая мощь, недавно собранная в руках пруссаков, способна противодействовать всем ударам азиатов, и, наконец, что социальная революция в Западной Европе покончит с опасностью «международных конфликтов». Англичанин, который читает только «Times», может возразить мне, что, если бы, в худшем случае, Россия захватила Константинополь, тогда Англия завладела бы Египтом и таким образом обеспечила бы путь к своему обширному индийскому рынку». *Ред.*

ством России и благодаря разделу Польши. Если бы завтра она потеряла свою польскую добычу, она растворилась бы в Германии, вместо того чтобы ее поглотить. Чтобы существовать в качестве особой державы внутри Германии, она обязательно должна опираться на московита. Недавнее расширение ее господства не только не ослабило эти узы, но, напротив, сделало их неразрывными и усилило антагонизм с Францией и Австрией. В то же время Россия является опорой, на которой покоится неограниченная власть династии Гогенцоллернов и ее феодальных вассалов. Она является их щитом против народного недовольства. Таким образом, Пруссия является не оплотом против России, а ее орудием, предназначенным для вторжения во Францию и завоевания Германии.

Что же касается социальной революции, то что она означает, как не борьбу классов? Возможно, что борьба между рабочими и капиталистами будет менее жестокой и менее кровопролитной, чем в свое время борьба между феодальными сеньорами и капиталистами в Англии и во Франции. Хотелось бы на это надеяться. Но во всяком случае, хотя подобный социальный кризис может усилить энергию западных народов, он вызовет в то же время, как и всякий внутренний конфликт, нападение извне. Он снова наделит Россию той ролью, какую она уже играла во время антиякобинской войны и со времени возникновения Священного союза, — роль предназначенного свыше спасителя порядка. Она завербует в свои ряды все привилегированные классы Европы. Уже во время февральской революции не один только граф Монталамбер припадал ухом к земле, чтобы услышать, не приближается ли топот казацких коней[181]. Не одни только прусские оруженосцы в германских представительных собраниях провозглашали царя «отцом и покровителем». На всех европейских биржах при каждой победе русских поднимался курс бумаг, а при каждом поражении — понижался.

Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое московитами азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами героев, чтобы выиграть время для завершения своего социального преобразования.

Написано К. Марксом около 22 января 1867 г.

Напечатано в газетах «Glos Wolny» № 130, 10 февраля 1867 г. и «Le Socialisme» № 18, 15 марта 1908 г.

Печатается по тексту газеты «Glos Wolny», сверенному с текстом, газеты «Le Socialisme»

Перевод с польского

К. МАРКС

* ОПРОВЕРЖЕНИЕ [182]

Прошу уважаемую редакцию «Zeitung fur Norddeutschland» поместить нижеследующее опровержение.

С глубоким уважением

Карл Маркс

В РЕДАКЦИЮ

«ZE1TUNG FUR NORDDEUTSCHLAND»

В № 5522 Вашей газеты, вероятно по недосмотру, попала следующая заметка:

«Живущий в Лондоне доктор Маркс... намеревается, по-видимому, объехать континент с целью пропаганды в пользу этого дела («предстоящего восстания» в Польше)».

По-видимому, она является не чем иным, как неизвестно с какой «целью» состряпанной полицейской фальшивкой.

Лондон, 18 февраля 1867 г.

Карл Маркс

Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit», т. 2, № 3, 1901 г.

Печатается по копии с рукописи К. Маркса, переписанной Л. Кугельманом

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ К КОНГРЕССУ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ [183]

Рекомендовать делегатам Совета не принимать официального участия в конгрессе Лиги мира и выступать на конгрессе Товарищества Рабочих против всякого предложения, выдвинутого в пользу официального участия.

Внесено К. Марксом 13 августа 1867 г.

Напечатано в «The Bee-Hive Newspaper» № 305, 17 августа, 1867 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС
РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ ГАЗЕТЫ «ZUKUNFT» [184]

КАРЛ МАРКС. КАПИТАЛ. ТОМ I.
ГАМБУРГ, МЕЙСНЕР, 1867, 784 СТРАНИЦЫ. 8° [*]

Печальным для каждого немца является тот факт, что мы, народ мыслителей, до сих пор так мало сделали в области политической экономии. Наши знаменитости в этой области — в лучшем случае компиляторы, как Рау и Рошер, а если и встречается что-либо оригинальное, то мы имеем дело с протекционистами, как Лист (который, впрочем, списывал у одного француза[185]), или социалистами, как Родбертус и Маркс. Наша официальная политическая экономия, очевидно, в самом деле поставила себе задачей толкать в объятия социализма всякого, кто серьезно занимается экономической наукой. Ведь были же мы свидетелями того, что вся официальная политическая экономия осмелилась в борьбе против Лассаля отрицать давно известный и признанный закон определения заработной платы и что защиту таких людей, как Рикардо, от нападок Шульце-Делича и др. предоставили Лассалю. К сожалению, верно, что даже с Лассалем эти господа не могли справиться в научном отношении, и — какого бы признания ни заслуживали их практические стремления — они должны были принять упрек, что вся их наука состоит в размазывании гармоний Бастиа, затушевывающих все противоречия и трудности. Признание Бастиа авторитетом и отрицание Рикардо — такова в настоящее время официальная политическая экономия в Германии. Да и как может быть иначе? Политической экономией у нас, к сожалению, никто научно не интересуется; она представляет собой или предмет, изучаемый для сдачи экзаменов при поступлении на

[*] Karl Marx. Das Kapital. Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867, 784 Seiten. 80. *Ред.*

государственную службу, или донельзя поверхностно изучаемое вспомогательное средство для политической агитации. Виноваты ли в этом наша государственная раздробленность, наша, к сожалению, еще так мало развитая промышленность или наша традиционная в этой отрасли науки зависимость от заграницы?

При таких обстоятельствах весьма отрадно получить книгу, подобную рецензируемой, где автор, с негодованием противопоставляя принятой ныне опошленной политической экономии, или, как он ее весьма метко называет, *«вульгарной политической экономии»,* ее предшественников-классиков, до Рикардо и Сисмонди включительно, вместе с тем критически относится также и к классикам и в то же время всегда стремится не сходить с пути строго научного исследования. Прежние работы Маркса, в особенности появившаяся в 1859 г. у Дункера в Берлине работа о деньгах[186], уже выделялись своим строго научным характером и беспощадностью критики, и, насколько нам известно, до сих пор вся наша официальная политическая экономия ничего не противопоставила им. Но если она не могла справиться уже с той работой, то что же она сможет сделать с настоящей книгой о капитале, объемом в 49 листов? Мы хотим, чтобы нас правильно поняли. Мы не говорим, что против выводов этой книги ничего нельзя возразить, что Маркс привел все свои доказательства; мы говорим только: мы не думаем, чтобы среди всех наших экономистов нашелся хоть один, который был бы в состоянии их опровергнуть. Исследования, которые содержатся в этом труде, отличаются величайшей научной точностью. Сошлемся прежде всего на мастерское диалектическое построение исследования в целом, на то, каким образом в понятии товара уже представлены деньги в качестве существующих в себе, как показано превращение денег в капитал. Мы признаем, что считаем шагом вперед введение новой категории — *прибавочной стоимости,* и не видим, что можно было бы возразить против утверждения, что в качестве товара на рынке выступает не *труд,* а рабочая *сила;* мы считаем совершенно верным исправление закона Рикардо о норме прибыли (а именно, что вместо прибыли надо поставить: прибавочная стоимость). Мы должны признать, что исторический подход, который пронизывает всю книгу и который позволяет автору видеть в экономических законах не вечные истины, а лишь формулировку условий существования известных преходящих состояний общества, нам очень понравился; и мы, к сожалению, напрасно стали бы искать у наших официальных экономистов той учености и топкого понимания, с которыми изображены здесь различные исторические состояния общества и условия их существования.

Нашим дипломированным экономистам до сих пор были совершенно чужды исследования об экономических условиях и законах рабства, о различных формах крепостничества и личной зависимости и о происхождении свободных рабочих. Мы хотели бы также услышать мнение этих господ относительно имеющихся здесь исследований о кооперации, разделении труда и мануфактуре, машинах и крупной промышленности в их исторических и экономических взаимосвязях и взаимодействии; эти господа во всяком случае могут узнать здесь много нового. И что скажут они в особенности по поводу того прямо противоречащего всем обычным теориям свободной конкуренции и, тем не менее, доказанного здесь на основании официального материала факта, что хотя в Англии, родине свободной конкуренции, не существует ныне почти ни одной отрасли труда, где бы рабочий день не был строго определен путем государственного вмешательства и где бы за ним не следил фабричный инспектор, все же по мере ограничения рабочего времени не только происходит подъем отдельных отраслей промышленности, но и отдельный рабочий в сокращенное время производит больше продукта, чем прежде в более продолжительное?

Нельзя, к сожалению, отрицать, что особенно резкий тон, которым автор говорит об *официальных немецких* экономистах, имеет свое оправдание. Все они в той или иной мере принадлежат к «вульгарной политической экономии»; ради мимолетной популярности они проституировали свою науку и отреклись от ее классических корифеев. Они говорят о «гармониях» и путаются в банальнейших противоречиях. Пусть суровый урок, который дает им эта книга, пробудит их от летаргического сна и напомнит им, что политическая экономия — не дойная корова, снабжающая нас молоком, а наука, требующая серьезного и ревностного служения ей.

Написано Ф. Энгельсом 12 октября 1867 г.

Напечатано в приложении к газете «Die Zukunft» № 254, 30 октября 1867 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ «RHEINISCHE ZEITUNG» [187]

КАРЛ МАРКС. КАПИТАЛ. КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. ТОМ I. ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА. ГАМБУРГ, О. МЕЙСНЕР, 1867*

Всеобщее избирательное право прибавило к числу существовавших до сих пор парламентских партий новую, *социал-демократическую.* Во время последних выборов в Северогерманский рейхстаг она выставила в большинстве крупных городов, во всех фабричных округах своих собственных кандидатов и провела шесть или восемь депутатов. По сравнению с предыдущими выборами она показала значительно большую силу, и можно поэтому предполагать, что, по крайней мере, в настоящее время она находится еще в процессе роста. Было бы глупостью продолжать обходить благопристойным молчанием существование, деятельность и доктрины этой партии в стране, где благодаря всеобщему избирательному праву последнее решающее слово принадлежит ныне самым многочисленным и беднейшим классам.

Как бы ни расходились между собой немногочисленные социал-демократические парламентарии, все же можно с уверенностью сказать, что все фракции этой партии будут приветствовать настоящую книгу как свою *теоретическую библию,* как арсенал, из которого они будут черпать свои самые существенные аргументы. Уже по одной этой причине она заслуживает особенного внимания. Но и по своему содержанию она способна возбудить интерес. Если главная аргументация *Лассаля,* — а Лассаль в политической экономии был только учеником Маркса, — ограничивалась постоянным повторением так называемого рикардовского закона заработной платы, то здесь

* Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie, I. Band. Der Produktionsprozess des Kapitals. Hamburg, O. Meissner, 1867. *Ред.*

мы имеем перед собой произведение, автор которого с бесспорно редкой эрудицией рассматривает всю совокупность отношений между капиталом и трудом в его связи со всей экономической наукой, ставит себе конечной целью «раскрыть *экономический закон движения* современного общества» и при этом на основе безусловно добросовестных исследований, сделанных с несомненным знанием предмета, приходит к заключению, что весь «капиталистический способ производства» должен быть уничтожен. Далее, мы хотели бы обратить особое внимание еще на то, что не только в конечных выводах этого труда, но и на всем его протяжении автор излагает целый ряд важнейших пунктов политической экономил в совершенно новом свете и приходит в чисто научных вопросах к таким результатам, которые сильно отличаются от всей существовавшей до сих пор общепринятой политической экономии и которые патентованным экономистам придется подвергнуть серьезной критике и научно опровергать, если они не хотят допустить крушения своей прежней доктрины. В интересах науки желательно, чтобы полемика именно по этим пунктам развернулась в специальной литературе возможно скорее.

Маркс начинает с изложения отношения между товаром и деньгами; самое существенное об этом уже ранее было опубликовано в специальной работе[188]. Затем он переходит к капиталу, и здесь мы тотчас же подходим к центральному пункту всего труда. Что такое капитал? — Деньги, которые превращаются в товар с тем, чтобы из товара снова превратиться в большую, чем первоначальная, сумму денег. Покупая хлопок за 100 талеров и продавая его за 110, я утверждаю свои 100 талеров как капитал, как самовозрастающую стоимость. И вот возникает вопрос, откуда берутся эти 10 талеров, которые я зарабатываю при этом, как происходит, что путем двукратного простого обмена 100 талеров превращаются в 110 талеров? Ведь политическая экономия как раз предполагает, что при всяком обмене обмениваются равные стоимости. И Маркс разбирает всевозможные случаи (колебания цен товаров и т. д.), чтобы доказать, что при предпосылках, из которых исходит политическая экономия, образование 10 талеров *прибавочной стоимости* из первоначальных 100 талеров *невозможно.* И, тем не менее, этот процесс происходит ежедневно, а экономисты не дают нам объяснения этого факта. Это объяснение дает Маркс и притом следующим образом: загадку эту можно решить лишь в том случае, если мы найдем на рынке товар совершенно особого рода, товар, потребительная стоимость которого состоит в том, чтобы создавать меновую стоимость. Такой товар существует, это — *рабочая*

сила. Капиталист покупает на рынке рабочую силу и заставляет ее работать на себя с тем, чтобы продать ее продукт. Поэтому нам прежде всего надо исследовать рабочую силу.

Что такое стоимость рабочей силы? Согласно известному закону, это — стоимость тех жизненных средств, которые необходимы для того, чтобы рабочий мог поддерживать свое существование и продолжать свой род в соответствии с уровнем, исторически складывающимся в данной стране и в данную эпоху. Мы предполагаем, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы. Мы, далее, предполагаем, что эта стоимость выражается в *шестичасовом* труде в день, или в *половине* рабочего дня. Капиталист же утверждает, что купил рабочую силу на *целый* рабочий день, и заставляет рабочего работать 12 или более часов. Таким образом, при двенадцатичасовом труде он приобрел продукт шести часов труда рабочего, не заплатив за него. Из этого Маркс делает вывод: *всякая прибавочная стоимость,* какую бы ее часть ни взять — прибыль ли капиталиста, земельную ренту, налог и т. д., — есть *неоплаченный труд.*

Из заинтересованности фабриканта выколачивать ежедневно возможно большее количество неоплаченного труда и из заинтересованности рабочего в противоположном возникает борьба вокруг продолжительности рабочего дня. В заслуживающей особенного внимания иллюстративной части Маркс на протяжении почти ста страниц излагает историю этой борьбы в английской крупной промышленности, борьбы, которая, несмотря на протест фритредерских фабрикантов прошлой весной, закончилась тем, что не только вся фабричная промышленность, но и все мелкое производство и даже вся домашняя промышленность поставлены в рамки фабричного закона, по которому максимальное ежедневное рабочее время женщин и детей моложе 18 лет, — а тем самым косвенным образом и мужчин, — в наиболее значительных отраслях промышленности установлено в $10^1/_2$ часов[189]. Он вместе с тем объясняет также, почему английская промышленность не только не пострадала от этого, но, наоборот, выиграла, ибо за счет интенсивности труд каждого в отдельности увеличился в большей мере, нежели была сокращена его продолжительность.

Однако прибавочная стоимость может быть увеличена также и другим способом, чем путем удлинения рабочего времени за пределы времени, требующегося для производства необходимых жизненных средств или их стоимости. В данном рабочем дне, скажем в 12 часов, заключается, согласно прежнему предположению, 6 часов необходимого труда и 6 часов труда, затраченного на производство прибавочной стоимости. Если каким-

нибудь способом удастся сократить необходимое рабочее время до 5 часов, то для производства прибавочной стоимости остается 7 часов. Это может быть достигнуто путем сокращения рабочего времени, требующегося для производства необходимых жизненных средств, другими словами, путем удешевления жизненных средств, а последнее в свою очередь достигается благодаря усовершенствованиям в производстве. К этому пункту Маркс опять дает подробную иллюстрацию, рассматривая и исследуя три главных рычага, посредством которых осуществляются эти усовершенствования: 1) *кооперацию,* или умножение сил, возникающее из одновременного и планомерного сотрудничества многих; 2) *разделение труда* в том виде, в каком оно развивалось в период собственно мануфактуры (следовательно, примерно до 1770 года), наконец, 3) *машины,* которые положили начало развитию крупной промышленности. Эти исследования также представляют большой интерес и свидетельствуют о поразительном знании дела, вплоть до технологических деталей...[*]

Мы не можем вдаваться в дальнейшие подробности исследований относительно прибавочной стоимости и заработной платы, заметим только, во избежание недоразумений, что и школьной политической экономии, как показывает Маркс множеством цитат, не безызвестен факт, что заработная плата меньше, чем весь продукт труда. Надо надеяться, что эта книга предоставит случай господам профессорам дать нам более подробные объяснения по этому действительно недоуменному пункту. Следует с большой похвалой отметить, что все фактические данные, которые приводит Маркс, взяты из самых надежных источников, в большинстве своем из официальных парламентских отчетов. В этой связи мы поддерживаем предложение автора, косвенно сделанное им в предисловии: организовать также и в Германии через правительственных комиссаров, — которые, однако, не должны быть предубежденными бюрократами, — основательное обследование положения рабочих в различных отраслях промышленности и представить отчеты рейхстагу и публике.

Первый том заканчивается исследованием о накоплении капитала. По этому пункту уже довольно много писали, однако, мы должны признать, что и здесь дано много нового, а старое освещено с новых сторон. Самое замечательное здесь — это убедительное доказательство, что наряду с концентрацией и накоплением капитала и в ногу с ними происходит накопление

---

[*] На этом кончается страница рукописи; следующая страница, на которой, по-видимому, разбирался вопрос о прибавочной стоимости и заработной плате, до нас не дошла. *Ред.*

избыточного рабочего населения и что оба эти процесса в конце концов делают, с одной стороны, необходимым, а с другой стороны, возможным социальный переворот.

Как бы ни относился читатель к социалистическим взглядам автора, все же мы, надеемся, вышеизложенным показали ему, что здесь он имеет дело с трудом, который стоит гораздо выше обычной современной социал-демократической литературы. Добавим еще, что, за исключением нескольких трудных диалектических вещей на первых 40 страницах, книга, несмотря на всю ее строгую научность, написана вполне понятно и даже интересно благодаря саркастическому, никого не щадящему стилю автора.

Написано Ф. Энгельсом 12 октября 1867 г.

Впервые опубликовано в «Marx—Engels — Archiv», Bd, 2, 1927 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС
РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ «ELBERFELDER ZEITUNG» [190]

КАРЛ МАРКС О КАПИТАЛЕ (ГАМБУРГ, ИЗДАТЕЛЬСТВО ОТТО МЕЙСНЕРА, ТОМ I. 1867)

Пятьдесят листов ученого труда — чтобы доказать, что весь капитал наших банкиров, купцов, фабрикантов и крупных землевладельцев есть не что иное, как накопленный неоплаченный труд рабочего класса! Мы вспоминаем, как в 1849 г. «Neue Rheinische Zeitung» от имени силезских крестьян выставила требование «силезского миллиарда»[191]. Тысяча миллионов талеров, утверждала газета, такова сумма, которая при отмене крепостного права и феодальных повинностей была незаконно отнята у одних только силезских крестьян и попала в карман крупных землевладельцев, и эту сумму газета требовала возвратить. Но господа из блаженной памяти «Neue Rheinische Zeitung» подобны священной Сивилле с ее книгами: чем меньше им предлагают, тем больше они требуют. Что значит тысяча миллионов талеров в сравнении с той колоссальной претензией, которая теперь предъявляется от имени всего рабочего класса, ибо именно так мы должны понять это дело! Если весь накопленный капитал имущих классов есть не что иное, как «неоплаченный труд», то из этого, по-видимому, прямо следует, что этот труд должен быть задним числом оплачен, то есть что весь капитал, о котором идет речь, должен быть передан труду. Пожалуй, следовало бы тогда предварительно поговорить о том, *кто,* собственно, будет уполномочен получить этот капитал. Но шутки в сторону! При всем радикально-социалистическом подходе рассматриваемой книги к своей задаче, при всей резкости и беспощадности, с которыми она выступает в различных областях против людей, считающихся авторитетами, мы должны все же признать, что это — в высшей степени ученый труд, претендующий

на строжайшую научность. В печати уже не раз шла речь о том, что Маркс собирается подытожить результаты своих многолетних исследований в виде критики всей существовавшей до сих пор политической экономии и этим подвести под социалистические стремления тот научный базис, которого им до сих пор не смогли дать ни Фурье, ни Прудон, ни также Лассаль. Об этой работе уже давно и часто появлялись сообщения в прессе. В 1859 г. появился у Дункера в Берлине «первый выпуск»[192], в котором, однако, речь шла о вещах, не представлявших непосредственно практического интереса, и который поэтому обратил на себя незначительное внимание. Последующие выпуски не появились в свет, и казалось, что новая социалистическая наука не пережила своих родовых мук. Сколько острили по адресу этого нового откровения, о котором столь часто возвещали миру и которому, казалось, никогда не суждено будет увидеть свет! И вот перед нами, наконец, «первый том», — как уже сказано, в 50 листов, — и никто не может отрицать, что он содержит достаточно и более чем достаточно нового, смелого и дерзновенного и что все это преподнесено в весьма научной форме. На этот раз Маркс обращается со своими необычными положениями не к массам, а к людям науки. Им надлежит защитить законы их экономической теории, которые оспариваются здесь в самой своей основе, им надлежит доказать, что хотя капитал и является накопленным трудом, однако он не есть *неоплаченный* накопленный труд. Лассаль был агитатором-практиком, и против него можно было ограничиться выступлениями практически агитационного характера, в повседневной прессе, на собраниях. Но здесь речь идет о систематизированной научной теории, здесь ежедневная пресса не может иметь решающего значения, здесь решающее слово может сказать только наука. Надо надеяться, что такие люди, как Рошер, Рау, Макс Вирт и т. д., не упустят возможности выступить в защиту правильности всеми признанной до сих пор политической экономии против этого нового нападения, которым несомненно нельзя пренебречь. Социал-демократические семена во многих местах дали всходы среди молодого поколения и рабочего населения; в рассматриваемой книге они найдут достаточно большое количество новой пищи.

Написано Ф. Энгельсом, 22 октября 1867 г.

Напечатано в «Elberfelder Zeitung» № 302, 2 ноября 1867 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС
РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ «DUSSELDORFER ZEITUNG» [193]

КАРЛ МАРКС. КАПИТАЛ. КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. ТОМ I. ГАМБУРГ, МЕЙСНЕР, 1867*

Эта книга очень разочарует некоторых читателей. Уже в течение ряда лет в определенных кругах говорилось о предстоящем ее появлении. В ней-де, наконец-то, должно быть раскрыто подлинное социалистическое тайное учение и панацея, и иной читатель, увидев, наконец, сообщение о ее выходе в свет, может вообразить, что из нее он теперь узнает, как же, собственно, будет выглядеть коммунистическое тысячелетнее царство. Кто рассчитывал на это удовольствие, тот основательно заблуждался. Впрочем он узнает из нее о том, как не должно быть, причем это разъясняется весьма отчетливо и резко на 784 страницах, и у кого есть глаза, чтобы видеть, тот увидит, что здесь требование социальной революции выставлено достаточно ясно. Здесь речь идет не о рабочих ассоциациях с государственным капиталом, как у покойного Лассаля, здесь идет речь об *уничтожении капитала* вообще.

Маркс остается все тем же революционером, каким он был всегда, и он менее чем кто-либо стал бы скрывать в научном сочинении эти свои взгляды. Но о том, что будет после социального переворота, он говорит лишь в *самых* общих чертах. Мы узнаем, что крупная промышленность «приводит к созреванию противоречий и антагонизмов капиталистической формы процесса производства, а следовательно, в то же время и элементов для образования нового и моментов переворота старого общества», и далее, что уничтожение капиталистической формы

* Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867. *Ред.*

производства «восстанавливает индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации свободных рабочих и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»[194].

Этим мы должны удовлетвориться, и, судя по вышедшему тому, прийти к заключению, что обещанные II и III тома этого сочинения также дадут нам мало по этому интересному вопросу. Пока мы должны довольствоваться «Критикой политической экономии», и в ней перед нами раскрывается очень обширное поле. Мы не можем, конечно, здесь подвергнуть научному обсуждению обстоятельные выводы, которые сделаны в этой объемистой книге, мы не можем даже вкратце передать существо выдвинутых там основных положений. Все более или менее известные основные положения социалистической теории сводятся к тому, что в современном обществе рабочему не возмещается полная стоимость продукта его труда. Это положение красной нитью проходит и через всю рассматриваемую книгу, только здесь оно определено с гораздо большей точностью, прослежено последовательнее, со всеми вытекающими из него выводами, и теснее увязано с основными положениями политической экономии или же резче им противопоставлено, чем это делалось до сих пор. Эта часть работы весьма выгодно отличается от всех известных нам прежних подобных сочинений своим стремлением к строгой научности, и видно, что автор серьезно относится не только к своей теории, но и к науке вообще.

Особенно бросилось нам в глаза в этой книге то, что положения политической экономии автор рассматривает не как вечные истины, как это обыкновенно делается, а как результаты определенного исторического развития. В то время как даже естествознание все больше и больше превращается в историческую науку, — стоит напомнить хотя бы астрономическую теорию Лапласа, всю геологию и сочинения Дарвина, — политическая экономия была до сих пор столь же абстрактной, общей наукой, как математика. Какая бы судьба ни постигла другие утверждения этой книги, мы считаем непреходящей заслугой Маркса то, что он положил конец этому ограниченному представлению. С выходом в свет этого сочинения уже нельзя будет, например, не делать никакого экономического различия между рабским трудом, крепостным трудом и свободным наемным трудом; нельзя будет законы, действительные для современной крупной промышленности, которая характеризуется свободной конкуренцией, без дальнейших околичностей переносить на отношения древности или на средневековые цехи или, если

эти современные законы не подходят к прежним отношениям, просто объявлять эти последние еретическими. Из всех народов немцы в наибольшей степени и, пожалуй, почти только одни обладают историческим пониманием, и поэтому вполне в порядке вещей, что опять-таки именно немец вскрывает исторические связи также и в области политической экономии.

Написано Ф. Энгельсом между 3 и 8 ноября 1867 г.

Напечатано в «Dusseldorfer Zeitung» № 316, 17 ноября 1867 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В МАНЧЕСТЕРЕ ФЕНИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ [195]

На чрезвычайном заседании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, состоявшемся в среду вечером в помещении Совета, 16, Ист-Касл-стрит, Уэст, было принято следующее обращение:

«Обращение Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих.

Достопочтенному Гейторну-Харди, министру ее величества.

В настоящем обращении нижеподписавшиеся, представители рабочих организаций во всех частях Европы, заявляют:

Что казнь ирландских заключенных, приговоренных к смерти в Манчестере, нанесет большой ущерб моральному влиянию Англии на европейском континенте. Казнь четырех заключенных, которая основана на ложном показании и на ошибочном приговоре, что официально подтверждается фактом помилования Мегвайра, будет носить характер не судебного акта, а политической мести. Но если бы даже приговор манчестерского суда присяжных и показание, на которое он опирается, не были бы опорочены самим британским правительством, последнему теперь пришлось бы выбирать между кровавой практикой старой Европы и великодушной гуманностью молодой заокеанской республики[196].

Смягчение приговора, о котором мы просим, будет не только актом справедливости, но и актом политической мудрости.

По поручению Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих:

Джон Уэстон, председательствующий

Р. Шо, секретарь для Америки

Эжен Дюпон, секретарь для Франции

Карл Маркс, секретарь для Германии

Герман Юнг, секретарь для Швейцарии

П. Лафарг, секретарь для Испании

Жабицкий, секретарь для Польши

Деркиндерен, секретарь для Голландии

Бессон, секретарь для Бельгии

Г. Эккариус, генеральный секретарь»

20 ноября 1867 г.

Написано К. Марксом

Напечатано в газете «Le Courrier francais» № 163, 24. ноября, 1867 г.

Печатается по копии рукописи, переписанной женой Маркса Женни Маркс

Перевод с английского

К. МАРКС

ПЛАГИАТОРЫ[197]

«Social-Demokrat» от 29 ноября. Генеральное собрание членов Всеобщего германского рабочего союза

Прения о рабочем дне

Фон Хофштеттен (владелец газеты «Social-Demokrat») говорит :

1) *«Рабочая сила* в наши дни есть товар... Покупная цена» (следовало бы сказать: *стоимость)* «какого-либо предмета» (следовало бы сказать: *товара)* «определяется рабочим временем, необходимым для его производства. Рабочий должен работать определенное число часов, чтобы воспроизвести ту стоимость, которую он получил за свою рабочую силу; это — *необходимая часть рабочего дня,* но ни в коем случае не *самый рабочий день.* Чтобы установить его, нужно» (почему?) «присоединить к нему неопределенную часть; хотя эта часть и *неопределенна,* она все же имеет свои *необходимые границы».*

Карл Маркс. «Капитал. Критика политической экономии». 1867. Глава: «Рабочий день»

1) «Мы исходили из предположения, что *рабочая сила* покупается и продается по своей *стоимости.* Стоимость ее, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства. Следовательно, если для производства жизненных средств рабочего, потребляемых им в среднем ежедневно, требуется 6 часов, то в среднем он должен работать по 6 часов в день, чтобы ежедневно производить свою рабочую силу, или чтобы воспроизводить *стоимость,* получаемую при ее продаже. *Необходимая часть его рабочего дня* составляет в таком случае 6 часов и является поэтому, при прочих неизменных условиях, *величиной данной.* Но этим еще не определяется *величина самого рабочего дня...*

Правда, одна из его частей определяется рабочим временем, необходимым для постоянного воспроизводства самого рабочего, но его общая величина изменяется вместе с длиной, или продолжительностью, *прибавочного труда...* Хотя, таким образом, рабочий день есть не устойчивая, а текучая величина, все же, с другой стороны, он может изменяться лишь *в известных границах»* (стр. 198, 199) [242, 243][198].

2) «Однако *минимальные пределы* его (рабочего дня) не могут быть определены. Правда, если мы предположим, что... прибавочный труд=0, то мы получим минимальную границу, а именно ту часть дня, которую рабочий необходимо должен работать для поддержания собственного существования. Но при капиталистическом способе производства необходимый труд всегда составляет лишь часть его рабочего дня, т. е. рабочий день никогда не может сократиться до этого минимума. Зато у рабочего дня есть *максимальная граница.* Он не может быть продлен за известный предел. Эта максимальная граница определяется двояко. Во-первых, *физическим пределом рабочей силы.* Человек может расходовать в продолжение суток, естественная продолжительность которых равна 24 часам, лишь определённое количество жизненной силы, и мера этой затраты физиче-

2) «Одна» (граница), «именно *максимальная граница,* опирается в физическую возможность» (как может граница опираться *в* возможность!) «того, как долго человек вообще в состоянии работать, так как для поддержания своего существования он должен ведь также спать, отдыхать, одеваться и заботиться о своей чистоте. *Минимальная граница* определяется требованиями, которые зависят от данного *состояния культуры* каждой эпохи. В зависимости от этого состояния культуры и существующего законодательства различны и продолжительность рабочего дня и прибавочного труда. В соответствии с этим мы имеем 8-, 12-, 16- и даже 18-часовой рабочий день».

ской энергии образует меру физически возможного для него рабочего времени. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение одной части суток сила должна отдыхать, спать, в продолжение другой части суток человек должен удовлетворять другие физические потребности — питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д. Кроме этих чисто *физических границ* удлинение рабочего дня наталкивается на *границы морального свойства:* рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяется общим *состоянием культуры*... Но как те, так и другие границы (то есть максимальная физическая и моральная границы) весьма растяжимого свойства и открывают самые широкие возможности. Так, например, мы встречаем рабочий день в 8, 10, 12, 14, 16, 18 часов» (стр. 199) [243-244].

Совершив плагиат, г-н фон Хофштеттен превращает в бессмыслицу заимствованный им отрывок. Так, например, *максимальный предел* рабочего дня определяется, по г-ну фон Хофштеттену, чисто *физическими,* а его *минимальный предел — моральными* границами, и это после того, как раньше он, как попугай, повторял за мной, что *необходимая часть рабочего дня,* то есть его абсолютный минимальный предел, определяется *рабочим временем, необходимым* для поддержания рабочей силы!

3) «Опыт Англии показал, что при более коротком рабочем дне достигается тот же прибавочный труд, так как при этом труд делается гораздо интенсивнее».

3) Об интенсификации труда и достижении такого же или даже большего «прибавочного труда» при помощи принудительного законода-

тельного сокращения рабочего дня в Англии см. стр. 401— 409 [420-430].

4) «*Стремление* капиталистов направлено, таким образом, на то, чтобы *поставить себе целью* возможно более длинный рабочий день». (Какая бессмыслица! Стремление поставить целью!) «Но у рабочего только один-единственный товар — это его рабочая сила, и если в ней перейдена известная черта» (что это значит: *в рабочей силе* перейдена *черта?),* «то он должен сказать: я *использован* (!), я убит». (Браво! После того как он уже убит, он все же должен еще заявить об этом!) «Поэтому» (потому что он должен сказать это!) «мера работы должна быть в интересах рабочего определена, чтобы этот товар, рабочая сила, сохранялся и мог быть *использован* как можно дольше. Этим рабочий требует лишь осуществления своего несомненного права». (Только что он жаловался на то, что он уже *использован,* а теперь требует, в качестве своего несомненного права, чтобы его использовали!)

4) «Капиталист осуществляет свое право покупателя,. когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обусловливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной... Я хочу (говорит он)... сохранить свое единственное достояние — рабочую силу... *Пользование* моей рабочей силой и *расхищение* ее — это совершенно различные вещи... Ты оплачиваешь мне однодневную рабочую силу, хотя потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону товарообмена. Итак, я требую рабочего дня *нормальной* продолжительности и т. д.» (стр. 202, 201) [246, 245].

5) «В Англии эта величина» (рабочего дня) «установлена законодательным порядком в 10 часов (!), и там существуют фабричные инспектора, которые сообщают министерству о соблюдении этого закона. Во многих странах существуют также законы, ограничивающие детский труд: в Австрии, Швейцарии, Америке и в *Бельгии* (!) подобные законы *подготовляются* (!). В *Пруссии* также есть подобные законы, но здесь они существуют только на бумаге и никогда не соблюдались. В Америке по окончании войны, имевшей своим следст-

5) «Действующий теперь *фабричный акт* 1850 г. (не *в Англии,* а в *отдельных,* поименованных Марксом отраслях промышленности Соединенного королевства) устанавливает средненедельный рабочий день в 10 часов... Введены особые контролеры, наблюдающие за исполнением закона, непосредственно подчиненные министерству внутренних дел *фабричные инспектора,* отчеты которых

вием освобождение рабов, было выдвинуто требование даже восьмичасового рабочего дня. «Конгресс Международного Товарищества Рабочих» в 1866 г. также предложил восьмичасовой рабочий день».

публикуются парламентом каждое полугодие (стр. 207) [251].

… Действующие, а не подготовляемые ограничения рабочего дня малолетних в некоторых штатах Северной Америки (стр. 244) [281], общее ограничение рабочего дня во Франции (стр. 251) [286], для детей в некоторых кантонах Швейцарии (стр. 251) [286], в Австрии (стр. 252) [286], в Бельгии же не существует ничего подобного (там же). Были бы достойны похвалы предписания фон Хейдта, Мантёйфеля и им подобных, если бы они исполнялись (там же). В *Соединенных Штатах Северной Америки* всякое самостоятельное рабочее движение оставалось парализованным, пока рабство уродовало часть республики... Но смерть рабства тотчас же породила новую юную жизнь. Первым плодом Гражданской войны была *агитация за восьмичасовой рабочий день*... Одновременно ... *конгресс Международного Товарищества Рабочих* постановил: ...«Мы предлагаем *в законодательном порядке ограничить рабочий день 8 часами»* (стр. 279—280) [309, 310].

Подобно г-ну фон Хофштеттену также и следующий за ним оратор, г-н *Гейб* из Гамбурга, искажает изложенную Марксом историю фабричного законодательства в Англии. Оба они одинаково старательно замалчивают источник своей мудрости.

Написано К. Марксом 6 декабря 1867 г.

Напечатано в приложении к газете «Die Zukunft» № 291, 12 декабря 1867 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ ГАЗЕТЫ «BEOBACHTER» [199]

КАРЛ МАРКС. КАПИТАЛ. КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. ТОМ I. ГАМБУРГ, МЕЙСНЕР, 1867*

Как бы ни относиться к тенденции настоящей книги, мы все же считаем себя вправе сказать, что она принадлежит к числу тех произведений, которые делают честь немецкому духу. Примечательно, что автор, хотя и пруссак, но пруссак рейнский, а рейнские пруссаки еще до недавнего времени охотно называли себя «пруссаками поневоле», к тому же автор провел последние десятилетия вдали от Пруссии, в изгнании. Сама Пруссия давно уже перестала быть страной какой бы то ни было научной инициативы, в особенности же такая инициатива невозможна была там в исторической, политической или социальной области. О Пруссии можно скорее сказать, что она является представительницей русского, а не немецкого духа.

Что касается самой книги, то в ней следует четко различать два весьма разнородных момента: во-первых, превосходное положительное изложение предмета и, во-вторых, тенденцию выводов, которые делает из него автор. Первое в большей своей части является непосредственным обогащением науки. Автор рассматривает там экономические отношения, применяя совершенно новый, материалистический, естественно-исторический метод. Так, изложение проблемы денег, а также выполненное с большим знанием дела подробное исследование того, как различные последовательные формы промышленного производства, — в данном случае кооперация, разделение труда, а вместе с ним мануфактура в узком смысле и, наконец, машины,

* Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867. *Ред.*

крупная промышленность и соответствующие ей общественные связи и отношения, — естественно развиваются одна из другой.

Что же касается тенденции автора, то и в ней мы можем различить двоякое направление. Поскольку он старается доказать, что современное общество, рассматриваемое экономически, чревато другой, более высокой формой общества, постольку он в области общественных отношений стремится установить в качестве закона лишь тот же самый постепенный процесс преобразования, который Дарвин установил в области естественной истории. Такое постепенное изменение и на самом деле происходило до сих пор в общественных отношениях, начиная с глубокой древности, на протяжении средних веков вплоть до наших дней, и, насколько нам известно, еще никогда и никем в науке серьезно не утверждалось, что Адам Смит и Рикардо сказали последнее слово относительно дальнейшего развития современного общества. Наоборот, либеральное учение о прогрессе включает в себя также прогресс в социальной области, и лишь склонные к претенциозным парадоксам так называемые социалисты представляют дело таким образом, будто они одни взяли на откуп общественный прогресс. Следует признать заслугой Маркса по сравнению с обыкновенными социалистами то, что он показывает наличие прогресса и там, где крайне одностороннее развитие современных условий сопровождается ужасными непосредственными последствиями. Это имеет место везде при изображении вытекающих из фабричной системы в целом контрастов богатства и бедности и т. д. Именно этим критическим пониманием предмета автор дал, — наверное против своей воли, — самые сильные аргументы против всякого патентованного социализма [Sozialismus von Fach].

Совсем иначе обстоит дело с тенденцией, с субъективными выводами автора, с тем, каким образом он представляет себе и изображает конечный результат современного процесса общественного развития. Они не имеют ничего общего с тем, что мы называем положительной частью книги. Если бы позволило место, то можно было бы, пожалуй, показать, что эти его *субъективные* причуды опровергаются его же собственным *объективным* изложением.

Если весь социализм Лассаля состоял в том, чтобы ругать капиталистов и льстить прусским заскорузлым юнкерам, то здесь мы находим прямо противоположное. Г-н Маркс ясно показывает историческую необходимость капиталистического способа производства, как он называет нынешнюю социальную фазу, и равным образом ненужность только потребляющего землевладельческого юнкерства. Если Лассаль был преисполнен

иллюзий насчет призвания Бисмарка ввести социалистическое тысячелетнее царство, то г-н Маркс достаточно ясно дезавуирует своего неудачного ученика. Он не только определенно заявляет, что не имеет ничего общего со всем «королевско-прусским правительственным социализмом», но говорит также на стр. 762 и сл., что господствующая теперь во Франции и Пруссии система приведет в скором времени к господству над Европой русского кнута, если ей своевременно не будет положен конец.

Заметим в заключение, что здесь мы могли обратить внимание только на главные положения этого объемистого тома; при детальном разборе можно было бы отметить еще многое из того. что мы здесь вынуждены были опустить. Но для этой цели существует ведь достаточно специальных журналов, которые, несомненно, подробно остановятся на этом безусловно весьма замечательном произведении.

Написано Ф. Энгельсом 12—13 декабря 1867 г.

Напечатано в газете «Der Beobachter» № 303, 27 декабря 1867 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ «GEWERBEBLATT AUS WURTTEMBERG»[200]

КАРЛ МАРКС. КАПИТАЛ. КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.
ТОМ I. ГАМБУРГ, МЕЙСНЕР, 1867[*]

Если мы обращаем внимание на эту книгу, то вовсе не из-за специфически социалистической тенденции, открыто обнаруживаемой автором уже в предисловии.

Мы делаем это потому, что работа эта, независимо от ее тенденции, содержит научные исследования и фактический материал, заслуживающие всяческого внимания. Мы не станем здесь заниматься научной стороной книги, так как это не входит в нашу задачу, а ограничимся исключительно ее фактической стороной.

Мы не думаем, чтобы на немецком или иностранном языке существовало другое произведение, в котором был бы дан такой ясный и полный анализ основных черт новой истории промышленности со времен средних веков до сегодняшнего дня, какой дан на стр. 302—495 настоящей книги, в трех ее главах: кооперация, мануфактура и крупная промышленность. Каждая отдельная сторона промышленного прогресса здесь на своем месте выделена по заслугам, и если даже кое-где прорывается специфическая тенденция, то все же надо отдать справедливость автору, что он нигде не подгоняет факты под свою теорию, а, наоборот, стремится изложить свою теорию как результат фактов. Эти факты он всегда брал из лучших источников и, что касается новейшего времени, из источников подлинных и не известных в настоящее время в Германии: из английских парламентских отчетов. Те из немецких деловых людей, которые рассматривают свою промышлен-

[*] Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867. *Ред.*

ную деятельность не только с точки зрения повседневного барыша, но как важное звено во всем великом современном промышленном развитии всех стран и потому интересуются и тем, что не относится непосредственно к их отрасли, найдут здесь богатый и поучительный источник и будут нам благодарны за то, что мы обратили на него их внимание. Ведь давно уже прошли те времена, когда каждая отрасль хозяйства существовала сама по себе, обособленно и спокойно, теперь они все зависят друг от друга и от прогресса как в самых отдаленных странах, так и в непосредственной близи, а также от меняющейся конъюнктуры мирового рынка. И если, как это можно ожидать, новые договоры Таможенного союза[201] вскоре приведут к сокращению прежних покровительственных пошлин, то для всех наших фабрикантов станет необходимым познакомиться в общих чертах с историей современной промышленности для того, чтобы заранее знать, как следует вести себя при таких переменах. Большая образованность, которая до сих пор всегда спасала нас, немцев, несмотря на политическую раздробленность, была бы и в данном случае лучшим оружием, которое мы могли бы обратить против грубо-материалистичных англичан.

Это приводит нас к другому вопросу. При новом законодательстве Таможенного союза скоро должен наступить момент, когда в государствах, входящих в Союз, сами фабриканты потребуют одинаковой регламентации рабочего времени на фабриках. Очевидно, было бы несправедливо, если бы в одном немецком государстве рабочее время, особенно детей и женщин, целиком зависело от воли фабриканта, между тем как в другом оно подвергалось бы существенным ограничениям. Едва ли можно будет обойтись без соглашения об общих положениях в этом вопросе, в особенности, если действительно произойдет понижение покровительственных пошлин. Но в этом отношении у нас в Германии опыт совершенно недостаточен или можно даже сказать, что мы вообще не имеем никакого опыта и вынуждены ограничиваться исключительно теми уроками, которые можно извлечь из законодательства других стран, в особенности Англии, и из последствий этого законодательства. И здесь автор оказал большую услугу немецкой промышленности тем, что он дал историю английского фабричного законодательства и его результатов в самом подробном виде на основании официальных документов (ср. стр. 207—281, 399—496 [251—311, 420—515] и далее в отдельных местах). Вся эта сторона истории английской промышленности почти совершенно неизвестна в Германии, и читатель с удивлением узнает, что,

после того как парламентским актом текущего года не меньше $1^1/_2$ миллионов рабочих поставлены под правительственный контроль, теперь не только почти весь промышленный труд, но и большая часть труда в домашней промышленности, а также часть земледельческого труда в Англии подчинены надзору чиновников и что продолжительность его подлежит прямому или косвенному ограничению. Мы призываем наших фабрикантов не пугаться тенденции книги и серьезно изучить особенно эту ее часть; несомненно, что рано или поздно этот же вопрос будет поставлен и перед вами!

Написано Ф. Энгельсом 12—13 декабря 1867 г.

Напечатано в «Gewerbeblatt aus Wurttemberg» № 306, 27 декабря 1867 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ «NEUE BADISCHE LANDESZEITUNG» [202]

КАРЛ МАРКС. КАПИТАЛ. КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. ТОМ I. ГАМБУРГ, МЕЙСНЕР, 1867[*]

Мы предоставляем другим заняться теоретической и строго научной стороной этого труда и критиковать новый взгляд автора на происхождение капитала. Но мы не можем не обратить внимания на то, что он предлагает нам вместе с тем огромную массу ценнейшего исторического и статистического материала, который почти весь без исключения почерпнут из официальных отчетов комиссий английскому парламенту. Не без основания подчеркивает он важность таких обследовательских комиссий для изучения внутреннего социального положения любой страны. Такие комиссии, — если, конечно, туда попадают подходящие люди, — являются для народа лучшим средством узнать самого себя, и г-н Маркс едва ли неправ, когда говорит, что подобные обследования, проведенные в Германии, дали бы результаты, от которых мы сами должны были бы прийти в ужас. Ведь ни один англичанин до работы этих комиссий не знал о том, как живут беднейшие классы его страны! Понятно, разумеется, что без подобных обследований всякое социальное законодательство, как это теперь принято называть в Баварии, будет проводиться лишь со слабым знанием дела, а часто и совсем втемную. Так называемые «переписи» и «обследования», проводимые германскими правительственными учреждениями, даже отдаленно не похожи по своей ценности на данные этих комиссий. Мы слишком хорошо знаем бюрократический шаблон: рассылают формуляры и остаются довольны, если они возвращаются так или иначе

[*] Karl Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie, Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867. *Ред.*

заполненными; за информацией, на основе которой эти формуляры заполняются, слишком часто обращаются как раз к тем, в чьих интересах скрывать истину. Нечто противоположное представляют собой обследования английских комиссий, например, обследования условий труда в отдельных отраслях промышленности. Здесь заслушивают не только фабрикантов и мастеров, но и рабочих, вплоть до малолетних девочек; и не только они опрашиваются, но также и врачи, мировые судьи, духовные лица, школьные учителя и вообще все те, кто может дать какие-либо сведения о данном предмете. При этом каждый вопрос и каждый ответ стенографируется, дословно печатается и прилагается к общему материалу, на котором основан отчет комиссии с ее выводами и предложениями. Таким образом, отчет и материалы к нему показывают вместе с тем во всех деталях, выполнили ли и как выполнили члены комиссии свой долг; кроме того, они значительно затрудняют пристрастное отношение к делу отдельных членов комиссии. Подробности об этом, а также бесчисленное множество примеров, можно найти в вышеупомянутой книге. Здесь мы хотим подчеркнуть лишь один пункт, а именно, что в Англии в ногу с распространением свободы торговли и промышленности идет распространение установленного законом ограничения рабочего дня для детей и женщин, и тем самым почти все отрасли промышленности ставятся под наблюдение правительства. Г-н Маркс дает нам подробное историческое изложение этого развития, показывая, как сначала на прядильных и ткацких предприятиях в 1833 г. рабочий день был таким путем ограничен 12 часами; как после длительной борьбы между фабрикантами и рабочими рабочий день был, наконец, установлен в $10^1/_2$ часов и $6^1/_2$ часов для детей; как, начиная с 1850 г., под этот фабричный закон подпадает одна отрасль промышленности за другой: сначала ситценабивные фабрики (уже с 1845 г.), потом с 1860 г. — красильни и белильни, с 1861 г. — кружевные и чулочные фабрики, с 1863 г. — гончарное производство, фабрики обоев и т. д., наконец, с 1867 г. — почти все остальные сколько-нибудь значительные отрасли промышленности. О значении этого последнего акта 1867 г. можно судить по тому, что он ставит под защиту и контроль закона труд не менее *полутора миллионов* женщин и детей. Мы особо подчеркнули этот пункт, так как у нас в Германии, к сожалению, в этом отношении дела обстоят в целом весьма скверно, и мы должны быть благодарны автору за то, что он рассмотрел этот вопрос исчерпывающим образом и первым сделал его доступным для немецкой публики. Такого же мнения будет каждый гуманный человек,

как бы он ни относился к теоретическим положениям г-на Маркса.

Здесь не представляется возможным рассмотреть остальной ценный материал по истории промышленности и земледелия, но, на наш взгляд, всякий интересующийся политической экономией, промышленностью, положением рабочих, историей культуры и социальным законодательством, на какой бы точке зрения он ни стоял, не может не прочитать этой книги.

Написано Ф. Энгельсом в первой половине января 1868 г.

Напечатано в «Neue Badische Landeszeitung» № 20, 21 января 1868 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Demokratisches Wochenblatt.
Organ der deutschen Volkspartei.
No. 12. Leipzig, den 21. März. 1868.

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ «DEMOKRATISCHES WOCHENBLATT»[203]

«КАПИТАЛ» МАРКСА[*]

I

С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих, как та, которая лежит перед нами. Отношение между капиталом и трудом, — та ось, вокруг которой вращается вся наша современная общественная система, — здесь впервые исследовано научно, и притом с такой основательностью и остротой, которая была возможна лишь только для немца. Как бы ценны ни были и ни оставались сочинения Оуэна, Сен-Симона, Фурье, только немцу удалось достичь тех высот, с которых ясно и наглядно видна вся область современных социальных отношений, подобно тому как перед зрителем, стоящим на самой высокой вершине, открывается расположенный ниже горный ландшафт.

Существовавшая до сих пор политическая экономия учит нас, что труд есть источник всякого богатства и мера всех стоимостей, так что два предмета, на производство которых затрачено одинаковое рабочее время, обладают также одинаковой стоимостью, а так как в общем обмениваются друг на друга лишь равные стоимости, то эти предметы также должны обмениваться один на другой. Но вместе с тем эта политическая экономия учит, что существует особый род нако-

[*] Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie, von Karl Marx. Erster Band. Der Produktionsprozes des Kapitals. Hamburg, O. Meissner, 1867.

пленного труда, который она называет капиталом; что этот капитал, по ее мнению, благодаря содержащимся в нем вспомогательным источникам, повышает производительность живого труда в сотни и тысячи раз и за это требует известного вознаграждения, которое называется прибылью. Как мы все знаем, в действительности дело обстоит так, что прибыли накопленного, мертвого труда становятся все огромнее, капиталы капиталистов все колоссальнее, тогда как заработная плата живого труда делается все меньше, масса живущих только на заработную плату рабочих становится все многочисленнее и беднее. Как же разрешить это противоречие? Откуда может взяться прибыль капиталиста, если рабочему возмещается полная стоимость труда, которую он придает своему продукту? Ведь раз обмениваются только равные стоимости, то так должно быть и в данном случае. С другой стороны, как могут обмениваться равные стоимости, как может рабочий получать полную стоимость своего продукта, если, как признают многие экономисты, этот продукт делится между ним и капиталистом? Прежняя политическая экономия беспомощно стоит перед этим противоречием, пишет или смущенно лепечет ничего не говорящие фразы. До сих пор даже социалистические критики политической экономии не были в состоянии сделать ничего больше, как только выдвинуть это противоречие; никто его не разрешил, пока, наконец, Маркс не проследил и не показал весь процесс возникновения этой прибыли вплоть до места ее рождения и не сделал тем самым все ясным.

При исследовании капитала Маркс исходит из простого и общеизвестного факта, что капиталисты увеличивают стоимость своего капитала посредством обмена; они покупают товар за свои деньги и продают его затем за большее количество денег, чем он им самим стоил. Например, капиталист покупает хлопок за 1000 талеров и продает его затем за 1100 талеров и таким образом «зарабатывает» 100 талеров. Этот избыток в 100 талеров над первоначальным капиталом Маркс называет *прибавочной стоимостью.* Откуда возникает эта прибавочная стоимость? По предположению экономистов, обмениваются лишь равные стоимости, и с точки зрения абстрактной теории это правильно. Следовательно, покупка хлопка и его перепродажа так же не могут доставить прибавочной стоимости, как и обмен одного серебряного талера на 30 зильбергрошей и обратный обмен этой разменной монеты на серебряный талер: от такого обмена никто не делается ни богаче, ни беднее. Прибавочная стоимость не может возникнуть также вследствие того, что продавцы продают товары выше их стоимости

или покупатели покупают их ниже их стоимости, потому что каждый поочередно бывает то покупателем, то продавцом и таким образом теряет в одном случае то, что выигрывает в другом. Прибавочная стоимость не может возникнуть также и вследствие того, что продавцы и покупатели обманывают друг друга, так как это не создало бы никакой новой стоимости, никакой прибавочной стоимости, а лишь иным образом распределило бы наличный капитал между капиталистами. Несмотря на то, что капиталист покупает товары по их стоимости и продает товары по их стоимости, он все же извлекает больше стоимости, чем вкладывает. Как же это происходит?

При современных общественных отношениях капиталист находит на товарном рынке *товар,* который обладает своеобразным свойством, заключающимся в том, что его *потребление есть источник новой стоимости, есть создание новой стоимости,* и этот товар — *рабочая сила.*

Какова стоимость рабочей силы? Стоимость всякого товара измеряется необходимым для его производства трудом. Рабочая сила существует в виде живого рабочего, который нуждается в определенной сумме жизненных средств как для себя, так и для содержания своей семьи, обеспечивающей продолжение существования рабочей силы и после его смерти. Таким образом, рабочее время, необходимое для производства этих жизненных средств, и представляет стоимость рабочей силы. Капиталист оплачивает ее понедельно и тем покупает право пользоваться недельным трудом рабочего. До этого пункта господа экономисты должны будут в общем согласиться с нами в вопросе о стоимости рабочей силы.

И вот капиталист ставит своего рабочего на работу. В течение определенного времени рабочий затрачивает то количество труда, которое представлено в его недельной заработной плате. Если мы предположим, что его недельная заработная плата представляет три рабочих дня, то рабочий, начав работу в понедельник, в среду вечером уже *возместит* капиталисту *полную стоимость уплаченной заработной платы.* Но прекращает ля он после этого работу? Ни в коем случае. Капиталист купил его *недельный* труд, и рабочий должен работать еще три остальных дня недели. Этот *прибавочный труд* рабочего, труд сверх того времени, которое необходимо для возмещения его заработной платы, есть *источник прибавочной стоимости,* прибыли, источник постоянно усиливающегося возрастания капитала.

Пусть нас не упрекают в том, что допущение, будто рабочий в три дня вырабатывает полученную им заработную плату и

остальные три дня работает на капиталиста, является произвольным. Требуется ли ему для возмещения заработной платы именно три дня, или два, или четыре, в данном случае это, конечно, совершенно безразлично и изменяется в зависимости от обстоятельств; но основное заключается в том, что капиталист, наряду с трудом, который он оплачивает, выколачивает также труд, который он *не оплачивает,* и это — отнюдь не произвольное допущение, ибо в тот самый день, когда капиталист стал бы систематически получать от рабочего лишь столько труда, сколько он ему оплачивает в заработной плате, в этот самый день он закрыл бы свое предприятие, так как в этом случае вся его прибыль пошла бы прахом.

Здесь мы имеем решение всех упомянутых выше противоречий. Происхождение прибавочной стоимости (значительную часть которой составляет прибыль капиталиста) теперь стало совершенно ясным и простым. Стоимость рабочей силы оплачивается, но эта стоимость гораздо меньше той, которую капиталист в состоянии выколотить из рабочей силы; и эта разница, *неоплаченный труд,* как раз и образует долю капиталиста или, точнее говоря, класса капиталистов. Ибо даже та прибыль, которую хлопкоторговец в вышеприведенном примере выручил из хлопка, должна, если только не имело место повышение цен на хлопок, состоять из неоплаченного труда. Торговец продал свой товар фабриканту хлопчатобумажной ткани, который может выручить из своей продукции, помимо упомянутых 100 талеров, еще прибыль для себя и который, стало быть, делит с торговцем присвоенный неоплаченный труд. Именно на этот неоплаченный труд содержатся вообще все нетрудящиеся члены общества. Из него оплачиваются государственные и местные налоги, которые падают на класс капиталистов, земельная рента землевладельцев и т. д. На нем покоится весь существующий общественный строй.

С другой стороны, было бы нелепо предполагать, что неоплаченный труд возник лишь при современных отношениях, когда производство ведется, с одной стороны, капиталистами, с другой — наемными рабочими. Напротив. Угнетенный класс во все времена должен был доставлять неоплаченный труд. В течение весьма продолжительного времени, когда господствующей формой организации труда было рабство, рабы были принуждены работать гораздо больше, чем им это возмещалось в форме жизненных средств. При господстве крепостничества, вплоть до отмены барщинных повинностей крестьян, происходило то же самое; здесь разница между временем, в течение которого крестьянин работает для поддержания своего

собственного существования, и прибавочным трудом на помещика обнаруживается даже осязательно, так как работа на помещика производится отдельно от работы на себя. Теперь изменилась форма, но существо дела осталось тем же; и до тех пор пока «часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства» (Маркс, стр. 202) [246].

II

В предыдущей статье мы видели, что каждый рабочий, нанятый капиталистом, выполняет двоякого рода труд. В течение одной части своего рабочего времени он возмещает выдаваемую ему капиталистом заработную плату, и эту часть труда Маркс называет *необходимым трудом.* Но после этого ему приходится продолжать работу, и в течение этого времени он производит для капиталиста *прибавочную стоимость,* значительную часть которой составляет прибыль. Эта часть труда называется *прибавочным трудом.*

Мы предполагаем, что рабочий три дня в неделю работает для возмещения своей заработной платы и три дня для производства прибавочной стоимости для капиталиста. Иначе говоря, это значит, что при ежедневном двенадцатичасовом труде он в течение шести часов отрабатывает свою заработную плату и шесть часов работает для производства прибавочной стоимости. Из недели можно выжать только шесть, а если включить и воскресенье, то семь рабочих дней, но из каждого отдельного дня можно выжать шесть, восемь, десять, двенадцать, пятнадцать и даже больше рабочих часов. Рабочий продает капиталисту за свою однодневную заработную плату один рабочий день. Но *что такое рабочий день?* Восемь часов или восемнадцать?

Капиталист заинтересован в том, чтобы сделать рабочий день возможно длиннее. Чем он длиннее, тем больше производится прибавочной стоимости. Верное чутье подсказывает рабочему, что каждый час труда, который он работает сверх возмещения заработной платы, у него незаконно отбирается; он чувствует на собственной шкуре, что значит работать чрезмерно длительное время. Капиталист борется за свою прибыль, рабочий — за свое здоровье, за несколько часов ежедневного отдыха, чтобы иметь возможность не только работать, спать

и есть, но проявлять себя в качестве человека также и в других отношениях. Заметим еще мимоходом, что от доброй воли отдельных капиталистов совершенно не зависит, желают ли они вступать в эту борьбу или нет, так как конкуренция заставляет даже самых филантропических из них присоединяться к своим коллегам и вводить рабочее время такой же продолжительности, как и у других.

Борьба вокруг установления рабочего дня ведется с первого вступления на историческую арену свободных рабочих и до сегодняшнего дня. В различных отраслях промышленности. господствует установленный обычаем, различный по своей продолжительности рабочий день, однако в действительности он соблюдается редко. Только там, где рабочий день установлен законом и за соблюдением его следят, только там и можно сказать, что существует строго ограниченный рабочий день. Но до сих пор это имеет место почти исключительно только в фабричных округах Англии. Здесь установлен десятичасовой рабочий день для всех женщин и для мальчиков от 13 до 18 лет ($10^1/_2$ часов в течение пяти дней, $7^1/_2$ часов в субботу), а так как мужчины не могут работать без них, то и у них получается десятичасовой рабочий день. Английские фабричные рабочие завоевали этот закон путем многолетней выдержки, ожесточеннейшей, упорнейшей борьбы с фабрикантами при помощи свободы печати, права коалиций и собраний, а также посредством искусного использования расколов в самом господствующем классе. Этот закон стал защитой английских рабочих. Постепенно он был распространен на все отрасли крупной промышленности, а в прошлом году — почти *на всю промышленность,* по крайней мере, на все те отрасли, в которых заняты женщины и дети. По истории этой законодательной регламентации рабочего дня в Англии рассматриваемая книга содержит весьма обстоятельный материал. Предстоящий Северогерманский рейхстаг также будет обсуждать промышленный устав, а вместе с тем и регламентацию фабричного труда. Мы надеемся, что ни один из депутатов, избранных немецкими рабочими, пе приступит к обсуждению этого закона, не изучив предварительно книгу *Маркса. Здесь можно будет многого добиться.* Раскол в среде господствующих классов Германии более благоприятен для рабочих, чем это когда-либо было в Англии, так как *всеобщее избирательное право вынуждает господствующие классы заигрывать с рабочими.* Четыре или пять представителей пролетариата являются при этих условиях *силой,* если только они сумеют использовать свое положение, если они прежде всего будут знать, о чем идет речь, будут знать то, чего

не знают буржуа. А книга Маркса дает им для этой цели весь материал в готовом виде.

Мы опускаем целый ряд других превосходных исследований, имеющих преимущественно теоретический интерес, и переходим к заключительной главе, в которой идет речь об аккумуляции, или накоплении, капитала. Здесь прежде всего доказывается, что капиталистический способ производства, то есть способ производства, предполагающий наличие на одной стороне капиталистов, на другой — наемных рабочих, не только постоянно заново производит капитал для капиталиста, но вместе с тем все снова и снова производит также и нищету рабочих; таким образом, обеспечивается положение, при котором на одном полюсе постоянно существуют капиталисты, являющиеся собственниками всех жизненных средств, всего сырья и всех орудий труда, а на другом полюсе — огромная масса рабочих, вынужденных продавать свою рабочую силу этим капиталистам за такое количество жизненных средств, которого в лучшем случае хватает только на поддержание работоспособности рабочих и на то, чтобы вырастить новое поколение работоспособных пролетариев. Но капитал не просто воспроизводится, он все время увеличивается и разрастается, и вместе с этим растет его власть над лишенным собственности классом рабочих. И как во все большем масштабе воспроизводится он сам, современный капиталистический способ производства также во все большем масштабе, во все возрастающем числе воспроизводит класс лишенных собственности рабочих. «Накопление капитала воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом... *Итак, накопление капитала есть увеличение пролетариата»* (стр. 600) [627—628]. Но благодаря развитию машинного производства, улучшениям в земледелии и т. д. для производства одного и того же количества продуктов требуется все меньше рабочих, и это усовершенствование, означающее образование излишка рабочих, идет быстрее, чем даже возрастание капитала. Что же делается с этим все возрастающим количеством рабочих? Они образуют промышленную резервную армию, которая во время плохого или среднего состояния дел оплачивается *ниже* стоимости ее труда, бывает занята нерегулярно или попадает под опеку общественной благотворительности, но которая, как это ясно видно на примере Англии, необходима классу капиталистов во время особо оживленного состояния дел. *При всех обстоятельствах* она служит для того, чтобы сокрушать силу

сопротивления регулярно занятых рабочих и держать их заработную плату на низком уровне. «Чем больше общественное богатство... тем больше относительное перенаселение (избыточное население) или промышленная резервная армия. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной (регулярно занятой) рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, или те слои рабочих, нищета которых обратно пропорциональна мукам их труда*. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления»* (стр. 631) [659].

Таковы некоторые из основных законов современной капиталистической общественной системы, доказанные строго научно, и официальные экономисты, конечно, остерегаются даже сделать попытку их опровергнуть. Но все ли этим сказано? Ни в коем случае. С какой остротой Маркс подчеркивает отрицательные стороны капиталистического производства, с такой же ясностью он доказывает, что эта общественная форма была необходима для того, чтобы развить производительные силы общества до такой высокой ступени, которая сделает возможным равное, достойное человека развитие *всех* членов общества. Все прежние общественные формы были для этого слишком бедны. Только капиталистическое производство создает необходимые для этого богатства и производительные силы. Но одновременно оно создает в лице массы угнетенных рабочих тот общественный класс, который все более становится перед необходимостью взять эти богатства и производительные силы в свои руки, с тем чтобы использовать их не в интересах класса-монополиста, как они используются в настоящее время, а в интересах всего общества.

Написано Ф. Энгельсом между 2 и 13 марта 1868 г.

Напечатало в «Demokratisches Wochenblatt» №№ 12 и 13, 21 и 28 марта 1868 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — в авторизованном французском переводе I тома «Капитала» это положение Маркс уточняет. См. настоящее издание, т. 23, стр. 659. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

КОНСПЕКТ ПЕРВОГО ТОМА «КАПИТАЛА» К. МАРКСА [204]

К. МАРКС. КАПИТАЛ. ТОМ I. КНИГА ПЕРВАЯ. ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

Написано Ф. Энгельсом в 1868 г.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. IV, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ТОВАР И ДЕНЬГИ [205]

I. ТОВАР КАК ТАКОВОЙ

Богатство обществ, в которых господствует капиталистическое производство, состоит *из товаров.* Товар есть вещь, имеющая *потребительную стоимость;* последняя существует при всех формах общества, в капиталистическом же обществе потребительная стоимость есть вместе с тем вещественный носитель *меновой стоимости.*

Меновая стоимость предполагает tertium comparationis*, которой она измеряется: труд, всеобщую общественную субстанцию меновых стоимостей, а именно *общественно-необходимое рабочее время,* которое в ней овеществлено.

Подобно тому как товар есть нечто двойственное: потребительная стоимость и меновая стоимость, точно так же и содержащийся в нем труд определен двояко: с одной стороны, как *определенная производительная деятельность,* труд ткача, труд портного и т. д., как *полезный труд,* а с другой стороны — как *простая затрата человеческой рабочей силы, кристаллизованный абстрактный труд.* Первый производит потребительную стоимость, второй — меновую стоимость, и только он сравним количественно (различия между квалифицированным и неквалифицированным, сложным и простым трудом *подтверждают* это).

Итак, субстанция меновой стоимости — абстрактный труд, величина ее — мера времени последнего. Рассмотрим еще форму меновой стоимости.

1) x товара $a = y$ товара b; стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости другого, есть его *относительная*

* — буквально: третье для сравнения; здесь: меру. *Ред.*

стоимость. Выражение эквивалентности двух товаров есть простая форма относительной стоимости. В вышеприведенном уравнении *у товара b* есть *эквивалент.* В нем *х товара а* получает свою форму стоимости в противоположность его натуральной форме, между тем как *у товара b* получает вместе с тем свойство непосредственной обмениваемости даже в своей натуральной форме. Меновая стоимость товара, благодаря определенным историческим условиям, нашла свой отпечаток на его потребительной стоимости. Поэтому товар не может выразить меновую стоимость в своей собственной потребительной стоимости, он может это сделать лишь в потребительной стоимости другого товара. Только в приравнивании двух конкретных продуктов труда обнаруживается свойство содержащегося в них обоих конкретного труда как абстрактно-человеческого труда, т. е. товар не может относиться к содержащемуся в нем самом конкретному труду как к простой форме осуществления абстрактного труда, но может так относиться к конкретному труду, содержащемуся в товарах других видов.

Уравнение *х* товара *a* = *y* товара *b* необходимым образом предполагает, что *х* товара *a* может быть выражено так же в других товарах; следовательно,

2) *х* товара *a* = *y* товара *b* = *z* товара с = *v* товара *d* = *u* товара *e* = и т. д., и т. д., и т. д. Это — *развернутая* относительная форма стоимости. Здесь *х* товара *а* относится уже не к одному, а ко *всем,* товарам как к простым формам проявления труда, воплощенного в нем самом. Но она приводит путем простой перестановки к

3) перевернутой второй форме относительной стоимости:

y товара *b* = *x* товара *a*
v товара с = » » »
u товара *d* = » » »
t товара *e* = » » »
и т. д. и т. д.

Здесь товары получают *всеобщую относительную форму стоимости,* в которой все они отвлечены от своей потребительной стоимости и как материализация абстрактного труда приравниваются к *х товара а.* Причем *х* товара *а* есть родовая форма эквивалента для всех других товаров, он — их *всеобщий эквивалент;* материализованный в нем труд фигурирует без дальнейших околичностей как реализация абстрактного труда, как всеобщий труд. Но теперь —

4) *каждый* товар этого ряда может взять на себя роль всеобщего эквивалента, но *в одно и то же время* всегда лишь один из них, ибо если бы *все* товары были всеобщими эквивалентами,

то каждый, в свою очередь, исключал бы из их числа остальные. 3-я форма создана не *x* товара *a,* но другими товарами, объективно. Таким образом, один определенный товар должен взять на себя эту роль, — со временем он может меняться, — и лишь благодаря этому товар становится вполне товаром. Этот особенный товар, с натуральной формой которого срастается форма всеобщего эквивалента, есть *деньги.*

Трудность понимания товара заключается в том, что он, как и все категории капиталистического способа производства, представляет отношение лиц под вещной оболочкой. Сопоставляя свои продукты как *товары,* производители сопоставляют различные виды своего труда как всеобще человеческий труд; без этого опосредствования вещью они не могут обойтись. Отношение *лиц проявляется,* следовательно, как отношение *вещей.*

Для общества, в котором господствует товарное производство, христианство, особенно протестантизм, — подходящая религия.

II. ПРОЦЕСС ОБМЕНА ТОВАРОВ

То, что товар есть товар, он доказывает в обмене. Собственники двух товаров должны иметь желание обменять свои товары и, следовательно, должны признавать друг друга *частными собственниками.* Это юридическое отношение, *формой* которого является договор, есть лишь волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. *Содержание* этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением (стр. 45).

Товар есть потребительная стоимость для его невладельца и непотребительная стоимость для его владельца. Отсюда — потребность в обмене. Но каждый товаровладелец желает получить в обмен специфические, нужные ему потребительные стоимости; поэтому обмен — индивидуальный процесс. С другой стороны, он хочет реализовать свой товар как стоимость, т. е. в любом товаре, независимо от того, есть ли *его* товар потребительная стоимость для владельца другого товара или нет; поэтому обмен для него — всеобще общественный процесс. Но один и тот же процесс не может быть для всех товаровладельцев одновременно индивидуальным и всеобще общественным. Для каждого товаровладельца *его* товар выступает как всеобщий эквивалент, а все другие товары — как определенное количество особенных эквивалентов его товара. Но так как в этом сходятся между собой *все* товаровладельцы, то *ни один* товар не является всеобщим эквивалентом, и поэтому *ни один*

товар не имеет также всеобщей относительной формы стоимости, в которой товары отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как величины стоимости. Таким образом, они противостоят друг другу вообще не как товары, а только как продукты (стр. 47).

Товары могут относиться друг к другу как стоимости, а следовательно, как товары, только будучи противопоставленными какому-нибудь другому товару как всеобщему эквиваленту. Но лишь *общественное действие может сделать определенный товар всеобщим эквивалентом — деньгами.*

Имманентное противоречие товара как непосредственного единства потребительной стоимости и меновой стоимости, как продукта полезного частного труда... и как непосредственной общественной материализации абстрактного человеческого труда— это противоречие не знает покоя до тех пор, пока оно не принимает формы раздвоения товара на товар и деньги (стр. 48).

Так как все другие товары суть лишь особенные эквиваленты денег, а деньги — их всеобщий эквивалент, то они как *особенные* товары относятся к деньгам как к товару всеобщему (стр. 51). Процесс обмена дает товару, который он превращает в деньги, не его *стоимость,* а лишь только его *форму* стоимости (стр. 51). Фетишизм: кажется, будто товар не потому становится деньгами, что другие товары всесторонне выражают в нем свои стоимости, а наоборот, будто они выражают в нем свои стоимости потому, что он *представляет собой деньги.*

III. ДЕНЬГИ, ИЛИ ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ

А. МЕРА СТОИМОСТЕЙ

(ЗОЛОТО СОГЛАСНО ПРЕДПОЛОЖЕНИЮ
РАВНОЗНАЧНО ДЕНЬГАМ)

Деньги как мера стоимости есть необходимая *форма проявления имманентной* товарам меры стоимости — *рабочего времени.* Простое относительное выражение стоимости товаров в деньгах: *x* товара *a* = *y* денег — есть их цена (стр. 55).

Цена товара, его денежная форма, выражается в мысленно *представляемых деньгах;* стало быть, деньги представляют собой *меру стоимостей* лишь как идеальные деньги (стр. 57).

Но раз произошло превращение стоимости в цену, то становится технически необходимым развить далее меру стоимостей в *масштаб цен;* т. е. устанавливается определенное количество золота, *которым измеряются различные количества золота.* Это совершенно отлично от меры стоимостей, которая

сама зависит от стоимости золота, но которая для масштаба цен безразлична (стр. 59).

Когда цены выражены в счетных названиях золота, деньги служат *счетными деньгами.*

Если цена как показатель величины стоимости товара есть в то же время показатель его менового отношения к деньгам, то отсюда *не* вытекает обратного положения, что показатель менового отношения товара к деньгам неизбежно должен быть показателем величины его стоимости. Если обстоятельства позволяют или вынуждают продавать товар выше или ниже его стоимости, то эти продажные цены не соответствуют его стоимости, но они все же являются *ценами* товара, ибо они представляют собой: 1) его форму стоимости, деньги, и 2) показатели его менового отношения к деньгам.

Следовательно, возможность количественного несовпадения цены с величиной стоимости... *дана уже в самой форме цены.* И это не является недостатком этой формы, — наоборот, именно эта отличительная черта делает ее адекватной формой такого способа производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел. Но форма цены может также... скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости... Совесть, честь и т. д. могут... благодаря своей цене приобрести товарную форму (стр. 61).

Измерение стоимостей деньгами, форма цены, предполагает необходимость отчуждения, идеальное установление цен — действительное установление цен. Отсюда — обращение.

B. СРЕДСТВО ОБРАЩЕНИЯ

а) Метаморфоз товаров

Простая форма: Т — Д — Т, вещественное содержание которой = Т—Т. Меновая стоимость отдается, а потребительная стоимость приобретается.

α) Первая фаза: Т — Д, продажа, где участвуют два лица; следовательно, есть возможность неудачи, т. е. продажи ниже стоимости или даже ниже издержек производства, если изменяется общественная стоимость товара. «Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому *необходимым* его превращение в деньги». Оно в то же время превращает в *дело случая,* удастся ли это пресуществление (стр. 67). Однако, здесь надлежит рассматривать явление в его *чистом* виде, Т — Д предполагает, что владелец Д (если он не является

производителем золота) получил свои Д предварительно в обмен на другой Т; таким образом, для *покупателя* сделка является не только обратной, т. е. Д — Т, но предполагает у него предварительную продажу и т. д., так что мы имеем перед собой бесконечный ряд покупателей и продавцов.

β) То же самое имеет место во второй фазе, Д — Т, при *покупке,* которая одновременно является для другого участника продажей.

γ) Процесс в целом, таким образом, есть кругооборот покупок и продаж. *Обращение товаров.* Последнее совершенно отлично от непосредственного обмена продуктов: с одной стороны, разрываются индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена продуктами и обмен веществ человеческого труда опосредствуется; с другой стороны, здесь уже обнаруживается, что весь процесс обусловлен общественными связями, имеющими характер связей, данных от природы и независимых от действующих лиц (стр. 72). Простой обмен исчерпывался одним актом обмена, где каждый обменивал непотребительную стоимость на потребительную стоимость, обращение же продолжается бесконечно (стр. 73).

Здесь — ложная экономическая догма: будто *товарное обращение обязательно создает равновесие между куплями и продажами, так как каждая купля есть в то же время продажа, и vice versa*[*]*; это должно означать, будто каждый продавец приводит с собой на рынок также своего покупателя.* 1) Купля и продажа представляют собой, с одной стороны, один и тот же акт двух полярно противоположных лиц, с другой стороны, — два полярно противоположных акта одного лица. Таким образом, тождество купли и продажи предполагает, что товар бесполезен, когда он не продается, а также, что этот случай *может* иметь место. 2) Т — Д, как частичный процесс, вместе с тем есть самостоятельный процесс и заключает в себе, что лицо, получившее Д, может выбрать тот момент, когда оно эти Д опять превратит в Т. Оно может *ждать.* Внутреннее единство самостоятельных процессов Т — Д и Д — Т, именно благодаря самостоятельности этих процессов, движется во внешних противоположностях и, когда обособление этих зависимых процессов достигает известного предела, *единство осуществляется через кризис.* Следовательно, *возможность* кризиса дана уже здесь.

Как посредник в процессе обращения товаров, деньги суть *средство обращения.*

[*] — наоборот, в противном случае. *Ред.*

b) Обращение денег

Деньги опосредствуют вступление каждого индивидуального товара в процесс обращения и выход из него; сами они всегда остаются в обращении. Поэтому хотя обращение денег есть лишь *выражение* обращения товаров, однако обращение товаров *проявляется* как результат обращения денег. Так как деньги всегда остаются в сфере обращения, то вопрос заключается в том, *сколько* денег имеется в ней налицо.

Масса обращающихся денег определяется *суммой цен товаров* (при неизменяющейся стоимости денег), а последняя — находящейся в обращении *массой товаров.* Если предположить эту массу товаров данной, то масса обращающихся денег изменяется соответственно *колебаниям* цен товаров. Но так как одна и та же денежная единица всегда опосредствует в течение данного времени ряд сделок, следующих одна за другой, то для данного промежутка времени $\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{число оборотов денежной единицы}}$ = массе денег, функционирующих в качестве средств обращения (стр. 80).

Поэтому бумажные деньги могут вытеснить золотые деньги, если их бросают в насыщенное обращение.

Так как в обращении денег *проявляется* только процесс обращения товаров, то и в быстроте обращения денег проявляется быстрота смены форм товара и денег, а в заминке денежного обращения — отделение покупки от продажи, заминка в общественном обмене веществ. Из обращения самого по себе, конечно, нельзя усмотреть, отчего такая заминка происходит. Обращение лишь обнаруживает самое наличие этого явления. Филистер объясняет себе это недостаточным количеством средств обращения (стр. 81).

Следовательно: 1) При неизменных товарных ценах масса обращающихся денег возрастает, если возрастает масса обращающихся товаров или же если замедляется обращение денег, и падает vice versa.

2) При всеобщем росте товарных цен масса обращающихся денег остается неизменной, если масса товаров уменьшается или скорость обращения увеличивается в такой же пропорции.

3) При всеобщем падении товарных цен происходит обратное пункту 2.

В общем устанавливается довольно постоянный средний уровень, который испытывает значительные отклонения почти исключительно из-за *кризисов.*

с) Монета — знак стоимости

Масштаб цен устанавливается государством, так же как и наименование определенного куска золота — монеты и ее изготовление. На мировом рынке соответствующий национальный мундир опять сбрасывается (мы отвлекаемся здесь от монетной пошлины), так что монеты и слитки отличаются только по форме. Но *монета изнашивается* в обращении, золото в качестве средства обращения становится отличным от золота в качестве масштаба цен, монета все более и более становится *символом* своего официального содержания.

Этим уже дана в скрытом виде возможность заменить металлические деньги знаками или символами. Отсюда: 1) разменная монета из медных и серебряных знаков; чтобы помешать им утвердиться в качестве денег в противовес реальным золотым деньгам, ограничивается количество, в котором они являются законным средством платежа. Содержание металла в них определяется совершенно произвольно законом, и их монетная функция становится благодаря этому независимой от их *стоимости.* Отсюда возможен переход к знакам, *не имеющим никакой стоимости,* — 2) в *бумажным деньгам,* т. е. в *государственным бумажным деньгам с принудительным курсом* (кредитные деньги здесь еще не подлежат рассмотрению). Поскольку эти бумажные деньги действительно обращаются вместо золотых денег, они подчинены законам золотого обращения. Лишь та пропорция, в которой бумажные деньги заменяют золото, может быть предметом особого закона, заключающегося в том, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен количеством, в котором действительно обращалось бы представляемое ими золото. Правда, степень насыщения сферы обращения колеблется, однако везде опытом устанавливается минимум, ниже которого он никогда не падает. Этот минимум и может быть выпущен. Если выпущено больше этого, то при падении уровня насыщения до минимума, часть бумажных денег тотчас же становится излишней. В таком случае общее количество бумажных денег в пределах товарного мира представляет лишь то количество золота, которое определяется его имманентными законами, следовательно, такое количество, которое только и может быть представлено ими.

Таким образом, если масса бумажных денег вдвое превышает массу золота, которая может быть поглощена, то каждая единица бумажных денег обесценивается на половину своей номинальной стоимости. Совершенно так же, как если бы золото, в своей функции измерителя цен изменилось в своей стоимости (стр. 89).

С. ДЕНЬГИ

а) Образование сокровищ

Товарное обращение уже с самых первых зачатков своего развития вызывает необходимость и страстное стремление удерживать результат Т — Д, т. е. Д; из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится *самоцелью.* Деньги окаменевают в виде *сокровища,* продавец товаров становится *собирателем сокровищ* (стр. 91).

Эта форма преобладает именно на начальных ступенях товарного обращения. *Азия.* С дальнейшим развитием товарного обращения каждый товаропроизводитель должен обеспечить себе nexus rerum, известный общественно признанный залог — Д. Так возникают сокровища всюду. Развитие товарного обращения увеличивает власть денег, этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности (стр. 92). Стремление к накоплению сокровищ по природе своей безгранично. *Качественно* или по своей форме деньги не имеют границ, т. е. являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар. *Количественно* каждая реальная денежная сумма ограничена, а потому является покупательным средством ограниченной силы. Это противоречие все снова и снова заставляет собирателя сокровищ совершать сизифов труд накопления.

Наряду с этим накопление золота и серебра in plate* создает новый рынок для этих металлов и вместе с тем — скрытый источник денег.

Собирание сокровищ служит *отводным и приводным каналом для обращающихся денег* при постоянных колебаниях уровня насыщения сферы обращения (стр. 95).

b) Средство платежа

С развитием товарного обращения возникают новые отношения: отчуждение товара может быть отделено во времени от реализации его цены. Различные товары требуют различных сроков для своего производства, изготовляются в различное время года, некоторые должны быть отправлены на отдаленные рынки и т. д. Поэтому А может быть продавцом раньше, чем В, покупатель, способен платить. Практика так регулирует условия платежа, что А становится *кредитором,* В — *должником,*

* — в виде изделий из них. *Ред.*

деньги же — *средством платежа.* Отношение между *кредитором и должником* становится, таким образом, уже более *антагонистическим* (оно может появиться и независимо от товарного обращения, например в древнем мире и в средние века) (стр. 97).

При этом отношении деньги функционируют: 1) как мера стоимости при определении цены продаваемого товара, 2) как идеальное покупательное средство. При собирании сокровищ Д *изымались* из обращения, здесь же в качестве средства платежа Д вступают в обращение, но лишь после того, как Т вышел из него. Должник-покупатель продает, чтобы иметь возможность *уплатить,* в противном случае имущество его будет продано с молотка. Итак, теперь, в силу общественной необходимости, возникающей из отношений самого процесса обращения, Д становятся *самоцелью продажи* (стр. 97—98).

Несовпадение во времени покупок и продаж, порождающее функцию денег как средства платежа, приводит в то же время к экономии средств обращения, к концентрации платежей в одном определенном месте. Virements в средние века в Лионе — это своего рода clearing house*, где уплачивается только сальдо взаимных обязательств (стр. 98).

Поскольку платежи взаимно погашаются, деньги функционируют лишь идеально как *счетные деньги,* или как мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как всего лишь преходящая и посредствующая форма обмена веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное наличное бытие меновой стоимости, как *абсолютный товар.* Это *неопосредствованное противоречие* обнаруживается с особенной силой в тот момент производственных и торговых кризисов, *который называется денежным кризисом.* Последний возможен лишь там, где цепь следующих один за другим платежей и искусственная система взаимного погашения их достигли полного развития. При всеобщих нарушениях хода этого механизма, из чего бы они ни возникали, деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеального образа *счетных денег в звонкую монету* и теперь они уже не могут быть замещены обыденным товаром (стр. 99).

Кредитные деньги возникают из функции денег как средства платежа; долговые обязательства сами обращаются, перенося долговые требования с одного лица на другое. С развитием кредита расширяется и функция денег как средства платежа;

* — расчетная палата. *Ред.*

в качестве средства платежа деньги получают собственные формы существования, в которых они находят себе место в сфере крупных торговых сделок, в то время как монета оттесняется главным образом в сферу мелкой торговли (стр. 101).

При известном уровне развития и достаточно широких размерах товарного производства функция денег как средства платежа выходит за пределы сферы товарного обращения. Деньги становятся *всеобщим товаром договорных обязательств. Ренты, подати и т. п. превращаются из поставки натурой в денежные платежи.* Ср. Францию при Людовике XIV (Буагильбер и Вобан). Обратное наблюдается в Азии, Турции, Японии и т. д. (стр. 102).

Развитие денег в средство платежа вызывает необходимость накоплять деньги перед сроками уплаты. Собирание сокровищ, которое в качестве самостоятельной формы обогащения исчезает по мере дальнейшего развития общества, появляется вновь в качестве резервного фонда средств платежа (стр. 103).

с) Мировые деньги

В международных расчетах деньги сбрасывают с себя местные формы монеты, разменной монеты, знаков стоимости, и лишь в форме слитков деньги фигурируют как *мировые деньги. Только на мировом рынке деньги в полной мере функционируют как товар, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма осуществления человеческого труда in abstracto**. Способ существования денег становится адекватным их понятию (стр. 104; подробности на стр. 105).

* — в абстрактном виде. *Ред.*

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

I. ВСЕОБЩАЯ ФОРМУЛА КАПИТАЛА

Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала всюду являются товарное производство, товарное обращение и его развитие, торговля. Современная история существования капитала берет свое начало с появления в XVI столетии современной мировой торговли и мирового рынка (стр. 106).

Если рассматривать лишь экономические формы, порождаемые товарным обращением, то обнаружится, что его последний продукт есть деньги и что деньги же суть *первая форма проявления капитала.* Исторически капитал везде противостоит земельной собственности сначала как *денежное имущество,* как купеческий или ростовщический капитал; и теперь еще каждый новый капитал вступает на сцену в образе *денег,* которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал.

Деньги как деньги и деньги как капитал сначала отличаются друг от друга всего лишь неодинаковой *формой обращения.* Рядом с Т — Д — Т имеет место также форма Д — Т — Д, купля для продажи. Деньги, описывающие в своем движении *эту* форму обращения, *становятся* капиталом, суть уже капитал в себе (т. е. по своему назначению).

Результатом Д — Т — Д является Д — Д, косвенный обмен денег на деньги. Я покупаю за 100 ф. ст. хлопок и продаю его за 110 фунтов стерлингов; в конечном счете я обменял 100 ф. ст. на 110 ф. ст., деньги на деньги.

Если бы в результате этого процесса получилась та же самая денежная стоимость, которая первоначально была туда брошена, 100 ф. ст. взамен 100 ф. ст., то процесс был бы нелепым. Но получает ли купец за свои 100 ф. ст. — 100 ф. ст.,

110 ф. ст. или только 50 ф. ст., во всяком случае деньги его описали своеобразное движение, совершенно отличное от движения товарного обращения Т — Д — Т. При рассмотрении различия форм этого движения и движения Т — Д — Т, обнаруживается также различие их содержания.

Обе фазы процесса в отдельности те же, что в Т — Д — Т. Но между процессами в целом имеется большая разница. В Т — Д — Т деньги служат посредником, товар же — исходным и конечным пунктом; в Д — Т — Д же Т служит посредником, Д — исходный и конечный пункты. В Т — Д — Т деньги окончательно истрачены, в Д — Т — Д они только *авансированы* и должны быть получены обратно. *Они притекают обратно к своему исходному пункту,* — следовательно, уже здесь имеется ощутительная разница между обращением денег как денег и обращением денег как капитала.

В Т — Д — Т деньги могут вновь вернуться к своему исходному пункту только путем *повторения всего процесса,* путем продажи *новых* товаров; обратный приток денег, следовательно, независим от самого процесса. Напротив, в Д — Т—Д возвращение денег заранее обусловлено самим характером процесса: этот процесс будет неполным, если возвращение денег не удастся (стр. 110).

Т — Д — Т имеет конечной целью потребительную стоимость, а Д — Т — Д — *самое меновую стоимость.*

В Т — Д — Т оба крайних пункта имеют одну и ту же определенность экономической формы. Оба они суть *товары,* и притом товары, *равные по величине стоимости.* Но они вместе с тем качественно различные потребительные стоимости, и процесс имеет своим содержанием общественный обмен веществ. В Д — Т — Д операция кажется на первый взгляд тавтологической, лишенной содержания. Обменять 100 ф. ст. на 100 ф. ст. да еще окольным путем — кажется абсурдным. Одна денежная сумма может отличаться от другой только по *величине.* Д — Т — Д получает поэтому свое содержание только благодаря *количественному различию крайних пунктов.* Из обращения извлекается больше денег, чем было в него брошено. Хлопок, купленный, например, за 100 ф. ст., снова продается за 100 ф. ст. + 10 фунтов стерлингов; процесс получает, следовательно, форму Д — Т — $Д^1$, где $Д^1 = Д + \Delta Д$. $\Delta Д$, *этот прирост, есть прибавочная стоимость.* Первоначально авансированная стоимость не только *сохраняется* в обращении, но и присоединяет к себе прибавочную стоимость, *или возрастает,* — и как раз *это движение превращает деньги в капитал.*

При Т — Д — Т также может иметь место различие в стоимости крайних пунктов, но такое различие является чистой случайностью для этой формы обращения, и Т — Д — Т потеряет своего смысла, если оба крайние пункта равны по своей стоимости, — наоборот, это является скорее условием нормального хода процесса.

Повторение Т — Д — Т имеет свой предел в находящейся вне этого процесса конечной цели — в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей. В Д — Т — Д, напротив, начало и конец — одно и то же, деньги, и уже поэтому движение бесконечно. Правда, Д + ΔД количественно отличаются от Д, но это все же только *ограниченная* сумма денег. Если бы она была истрачена, она перестала бы быть капиталом; если бы она была изъята из обращения, она осталась бы неизменной в виде сокровища. Раз существует потребность возрастания стоимости, то она существует для $Д^1$ так же, как и для Д, и движение капитала безмерно, так как цель его в конце процесса так же не достигнута, как и в начале (стр. 111, 112). Как носитель этого процесса владелец денег становится *капиталистом.*

Если в товарном обращении меновая стоимость, в лучшем случае, вызревает в самостоятельную форму по отношению к потребительной стоимости товара, то *здесь она внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы. Более того, она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости.* Она становится самодвижущимися деньгами, и как таковая она — капитал (стр. 116).

Правда, Д — Т — $Д^1$ кажется формой, свойственной только купеческому капиталу. Но и промышленный капитал также есть деньги, которые превращаются в товар и затем путем продажи товара обратно превращаются в большее количество денег. Акты, которые совершаются *вне сферы обращения, в промежутке между куплей и продажей,* ничего в этом не изменяют. Наконец, в капитале, приносящем проценты, процесс представляется непосредственно как Д — $Д^1$, в виде стоимости, которая как будто бы больше самой себя (стр. 117).

II. ПРОТИВОРЕЧИЯ ВСЕОБЩЕЙ ФОРМУЛЫ

Форма обращения, в которой деньги становятся капиталом, противоречит всем ранее развитым законам о природе товара, стоимости, денег и самого обращения. Может ли чисто формальное различие обратной последовательности обусловить этот факт?

Более того. Этот обратный порядок существует лишь для одного из трех действующих лиц. Как капиталист, я покупаю товар у А и продаю его затем В. А и В выступают просто лишь в качестве покупателя и продавца товаров. Я сам в обоих случаях противостою им лишь как простой владелец денег или владелец товара, по отношению к одному — как покупатель или деньги, по отношению к другому — как продавец или товар. Но ни одному из них я не противостою как капиталист или как представитель чего-то большего, чем деньги или товар. Для А сделка началась *продажей,* для В она кончилась *куплей,* т. е. совершенно так, как в товарном обращении. И если бы мое право на прибавочную стоимость опиралось на обратную последовательность, то А мог бы непосредственно продать В, и тогда возможность получения прибавочной стоимости отпала бы.

Предположим, что А и В покупают друг у друга товары непосредственно. Что касается *потребительной стоимости,* то *обе стороны* могут выиграть, А даже может произвести больше своего товара, чем мог бы произвести В в течение данного времени и vice versa, и при этом обе стороны будут в выигрыше. Иначе обстоит дело с *меновой стоимостью.* Здесь обмениваются *стоимости равной величины* даже в том случае, если между ними появляются деньги в качестве средства обращения (стр. 119).

Если рассматривать дело абстрактно, то в простом товарном обращении, кроме замены одной потребительной стоимости другой, происходит только *смена формы* товара. Поскольку оно обусловливает лишь изменение формы меновой стоимости товара, оно обусловливает, если явление протекает в *чистом* виде, *обмен эквивалентов.* Правда, товары могут быть проданы по ценам, отклоняющимся от их стоимостей, но такое отклонение является нарушением законов товарного обмена. В своем чистом виде он есть обмен эквивалентов и, следовательно, не является средством обогащения (стр. 120).

Отсюда — ошибочность всех попыток выводить прибавочную стоимость из обращения товаров. Кондильяк (стр. 121), Ньюмен (стр. 122).

Но предположим, что обмен происходит не в чистом виде и *что обмениваются неэквиваленты.* Предположим, что каждый продавец продает свои товары на 10% выше стоимости. Все остается по-старому: то, что каждый выигрывает в качестве продавца, теряет в качестве покупателя. Все равно как если бы стоимость денег изменилась на 10%. То же происходит, если *покупатели* покупают все на 10% *ниже* стоимости (стр. 123) (Торренс).

Допущение, что прибавочная стоимость возникает благодаря надбавке к ценам, предполагает существование класса, который *покупает, не продавая,* т. е. *потребляет не производя,* к которому деньги постоянно притекают *даром.* Продавать представителям такого класса товары выше стоимости — значит только возвращать себе часть даром отданных денег (Малая Азия и Рим). Ведь при этом продавец всегда остается обманутым и не может стать богаче, не может получить прибавочную стоимость.

Но допустим случай *обмана.* А продает В вино стоимостью в 40 ф. ст. в обмен на хлеб стоимостью в 50 фунтов стерлингов. А получил барыш 10 фунтов стерлингов. Но А + В вместе имеют только 90, А имеет 50, а В лишь 40; стоимость перенесена, но не *создана.* Весь класс капиталистов данной страны в целом не может наживаться за счет самого себя (стр. 126).

Итак, если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает прибавочной стоимости. Товарное обращение не создает новой стоимости.

Поэтому наиболее древние и широко известные формы капитала, торговый и ростовщический капитал, здесь не рассматриваются. Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе чем простым *надувательством,* необходим ряд еще отсутствующих здесь промежуточных посылок. В еще большей мере это относится к ростовщическому капиталу и капиталу, приносящему проценты. В дальнейшем обнаружится, что и тот и другой суть лишь производные формы, равно как и то, почему они исторически *предшествуют* современному капиталу.

Стало быть, прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения. А вне обращения? Вне обращения товаровладелец — простой производитель своего товара, стоимость которого зависит от содержащегося в нем количества его собственного труда, измеряемого согласно определенному общественному закону; эта стоимость выражается в счетных деньгах, например в цене в 10 фунтов стерлингов. Но эта стоимость не является в то же самое время стоимостью в 11 фунтов стерлингов; его труд создает стоимости, но не самовозрастающие стоимости. Он может прибавить к имеющейся стоимости добавочную стоимость, но это происходит только посредством прибавления *дополнительного труда.* Таким образом, товаропроизводитель *вне сферы обращения,* не вступая в соприкосновение с другими товаровладельцами, не может произвести *прибавочной стоимости.*

Капитал должен поэтому возникать *в* товарном обращении, и в то же самое время *не в* нем (стр. 128).

Итак: превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарного обмена, т. е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов. Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы. Hic Rhodus, hic salta![*] (стр. 129).

III. КУПЛЯ И ПРОДАЖА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Изменение стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершаться в самих деньгах, так как при купле они только реализуют цену товара, и, с другой стороны, пока они *остаются деньгами,* величина их стоимости не изменяется; при продаже также они лишь превращают товар из его натуральной формы в его денежную форму. Следовательно, изменение должно произойти в *товаре* формулы Д — Т — Д; но не с его *меновой стоимостью,* так как обмениваются эквиваленты; изменение может возникнуть только из его *потребительной стоимости как таковой,* т. е. из его *потребления.* Для этого необходим товар, *потребительная стоимость которого обладает свойством быть источником меновой стоимости,* — и такой товар существует: это — *рабочая сила* (стр. 130).

Но для того чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как *товар,* она должна продаваться ее собственным владельцем, следовательно, должна быть *свободной* рабочей силой. Так как оба, покупатель и продавец, как контрагенты являются *юридически равноправными* лицами, рабочая сила должна продаваться лишь на *определенное время,* ибо при продаже en bloc[**] продавец перестает быть продавцом, а сам становится товаром. Но для этого владелец рабочей силы, вместо того, чтобы иметь возможность продавать *товары,* в которых овеществлен его труд, должен, наоборот, быть в таком положении, в котором он вынужден продавать *свою*

[*] — Здесь Родос, здесь и прыгай! (Слова, обращенные к герою басни Эзопа «Хвастун», который похвалялся своими прыжками, якобы совершенными им на острове Родос.) *Ред.*

[**] — в целом; в данном случае — навсегда. *Ред.*

собственную рабочую силу в качестве товара. (стр. 131).

Таким образом владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на товарном рынке *свободного* рабочего, свободного в двояком смысле: в том смысле, что рабочий — свободная личность и располагает своей рабочей силой как *своим* товаром и, во-вторых, в том смысле, что он не имеет для продажи никакого другого товара, гол как сокол, свободен от всех *предметов,* необходимых для осуществления своей рабочей силы (стр. 132).

Между прочим, отношение между владельцем денег и владельцем рабочей силы не есть естественное отношение или общественное отношение, общее для всех времен; это —*историческое* отношение, продукт многих экономических переворотов. Экономические категории, которые мы до сих пор рассматривали, точно так же носят на себе свою историческую печать. Чтобы стать товаром, продукт не должен больше производиться в качестве непосредственного средства существования. Масса продуктов может принять товарную форму лишь в рамках *определенного, капиталистического способа производства,* хотя товарное производство и обращение могут иметь место уже там, где масса продуктов никогда не становится товаром. Деньги ditto* могут существовать во все периоды, когда достигло известной высоты товарное обращение. Особые формы денег, от простого эквивалента до мировых денег, предполагают различные ступени развития, тем не менее даже сравнительно слабо развитое товарное обращение может вызвать к жизни все эти формы. *Капитал* же возникает только при вышеупомянутом условии, и уже одно это условие заключает в себе целую мировую историю (стр. 133).

Рабочая сила имеет меновую стоимость, которая определяется так же, как меновая стоимость всех других товаров: рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого товара. Стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца, а именно для поддержания ее нормальной трудоспособности. Эти необходимые жизненные средства зависят от *климата, естественных условий* и т. д., а также от *исторически* данного в каждой стране standard of life**. Они изменяются, по для определенной страны и для определенного периода они — величина *данная.* Затем они

* — также. *Ред.*
** — уровня жизни. *Ред.*

включают в себя жизненные средства *их смены,* т. е. *детей,* и таким путем увековечивается раса этих своеобразных товаровладельцев. Далее, при квалифицированном труде сюда входят издержки на *обучение* (стр. 135).

Минимальная граница стоимости рабочей силы есть стоимость *физически необходимых жизненных средств.* Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже ее *стоимости,* так как последняя предполагает рабочую силу *нормального* качества, а не хилую (стр. 136).

Природа труда обусловливает, что рабочая сила потребляется только *после* заключения договора, а так как для таких товаров деньги служат большей частью *средством платежа,* то во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже *функционировала.* Одним словом, везде *рабочий кредитует капиталиста* (стр. 137, 138).

Процесс потребления рабочей силы есть в то же время *процесс производства товара и прибавочной стоимости,* и это потребление совершается за пределами *сферы обращения* (стр. 140).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

I. ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ

Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Этот труд, чтобы воплотиться в товаре, должен прежде всего воплотиться в потребительной стоимости, и в этом своем качестве он независим от специфического отношения между капиталистом и рабочим. Описание процесса труда как такового — на стр. 141—149.

Процесс труда на капиталистической основе имеет две особенности: 1) рабочий работает под контролем капиталиста, 2) продукт есть собственность капиталиста, так как процесс труда теперь есть только процесс двух купленных капиталистом *вещей:* рабочей силы и средств производства (стр. 150).

Но капиталист хочет произвести потребительную стоимость не *как таковую,* а лишь как носителя меновой стоимости и специально — *прибавочной стоимости.* Труд при этом условии становится *единством процесса производства и процесса возрастания стоимости,* подобно тому как товар есть единство потребительной стоимости и меновой стоимости (стр. 151).

Итак, необходимо исследовать количество труда, овеществленного в продукте.

Возьмем, например, пряжу. Пусть для производства пряжи требуется 10 фунтов хлопка, скажем на 10 шиллингов, и средств труда, необходимый износ которых в процессе прядения здесь ради краткости обозначен долями веретен, предположим на 2 шиллинга. Таким образом, в продукте заключено 12 шилл. в возмещение средств производства, т. е. поскольку продукт стал *действительной потребительной стоимостью,* к данном случае пряжей, и поскольку в этих средствах производства представлено *только* общественно-необходимое рабочее время. Сколько прибавляется к товару благодаря труду прядильщика?

Здесь, следовательно, процесс труда рассматривается с совершенно другой стороны. В стоимости продуктов труд про-

изводителя хлопка, производителя веретен и т. д. и труд прядильщика представляют собой соизмеримые части — качественно уравненные как всеобщий необходимый человеческий труд, *образующий стоимость,* — следовательно, лишь количественно различимые и именно потому *количественно сравнимые* посредством продолжительности времени. Предполагается, что это время есть *общественно-необходимое* рабочее время, так как только оно образует стоимость.

Предположим, что дневная стоимость рабочей силы = 3 шилл. и что эта стоимость представляет 6 рабочих часов, что в час производится $1^2/_3$ фунта пряжи, следовательно, в 6 часов — 10 фунтов пряжи из 10 фунтов хлопка (как выше); тогда за 6 часов прибавляется стоимость в 3 шилл. и продукт стоит уже 15 шилл. (10 шилл. + 2 шилл. + 3 шилл.), или 1 шилл. 6 пенсов за 1 фунт пряжи.

Но здесь нет прибавочной стоимости. Это не может удовлетворить капиталиста. (Увертки вульгарной политической экономии... стр. 157).

Мы предположили, что дневная стоимость рабочей силы составляет 3 шилл., потому что в ней овеществлена половина рабочего дня, или 6 часов. Но то обстоятельство, что *для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов необходима только половина рабочего дня, нисколько не мешает ему работать целый рабочий день. Стоимость* рабочей силы и *стоимость, создаваемая* ею, суть две различные величины. Ее *полезное* свойство было только conditio sine qua non*, решающее же значение имела здесь *специфическая* потребительная стоимость рабочей силы — *быть источником большего количества меновой стоимости, чем она сама имеет* (стр. 159).

Итак, рабочий работает 12 часов, перерабатывает 20 фунтов хлопка = 20 шилл., износ веретен — 4 шилл., и труд его стоит 3 шиллинга; всего получается 27 шиллингов. Но в продукте овеществлено: 4 рабочих дня в виде веретен и хлопка + 1 рабочий день прядильщика = 5 дням; 5 дней по 6 шилл. = *30 шиллингам, составляющим стоимость продукта. Налицо прибавочная стоимость в 3 шиллинга; деньги превратились в капитал* (стр. 160). Все условия проблемы выполнены (подробности на стр. 160).

Процесс увеличения стоимости есть процесс труда, как процесс образования стоимости, продолженный *далее* того пункта, когда он доставляет простой *эквивалент* оплаченной стоимости рабочей силы.

* — необходимым условием. *Ред.*

Процесс образования стоимости отличается от простого процесса труда тем, что последний рассматривается с *качественной* стороны, первый же — с *количественной* стороны и притом лишь постольку, поскольку он содержит общественно-необходимое рабочее время (стр. 161. Подробности на стр. 162).

Как единство процесса труда и процесса *образования стоимости* производственный процесс есть *производство товаров;* как единство процесса труда и процесса *увеличения стоимости* он есть *процесс капиталистического товарного производства* (стр. 163).

Сведение сложного труда к простому (стр. 163—165).

II. ПОСТОЯННЫЙ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ

Процесс труда присоединяет *новую* стоимость к предмету труда и в то же самое время *переносит* стоимость предмета труда на продукт, *сохраняет* ее, таким образом, путем простого присоединения новой стоимости. Этот двойной результат достигается следующим образом: *специфически полезный качественный характер* труда превращает одну потребительную стоимость в другую потребительную стоимость *и сохраняет этим стоимость;* а *образующий стоимость абстрактно-всеобщий количественный характер* труда *присоединяет стоимость* (стр. 166).

Например, пусть производительность труда прядения увеличилась в шесть раз. Как *полезный* (качественный) труд он *сохраняет* в то же самое время в шесть раз больше средств труда. Но он присоединяет только ту же самую *новую* стоимость, как и до сих пор, т. е. в каждом фунте пряжи содержится только $^1/_6$ той новой стоимости, которую он присоединял раньше. Как труд, *образующий стоимость,* он создает теперь не больше, чем прежде (стр. 167). Обратное происходит, если производительность труда прядения не изменяется, но повышается стоимость средств труда (стр. 168).

Средство труда отдает продукту только *ту* стоимость, которую оно *само теряет* (стр. 169). Но это происходит в различной степени. Уголь, смазочные вещества и т. д. исчезают полностью. Сырье принимает новую форму. Орудия, машины и т. д. лишь медленно и частями отдают свою стоимость, и их износ исчисляется на основании опыта (стр. 169—170). При этом орудие постоянно остается *целиком* в процессе труда. Здесь, таким образом, одно и то же орудие фигурирует *целиком в процессе труда* и лишь частично — *в процессе образования стоимости,* так что различие между обоими процессами здесь отражается на предметных факторах (стр. 171). Наоборот,

сырье, дающее отходы, входит целиком в процесс образования стоимости и лишь частично в процесс труда, так как оно появляется в продукте за вычетом отходов (стр. 171).

Но средство труда ни в коем случае не может отдать *больше* меновой стоимости, чем оно само имело, — оно служит в процессе труда только как потребительная стоимость и поэтому может отдавать продукту лишь ту меновую стоимость, которую оно уже имело раньше (стр. 172).

Это сохранение стоимости представляет большую ценность для капиталиста и ничего ему не стоит (стр. 173, 174).

Между тем сохранившаяся стоимость лишь *вновь появляется,* она имелась уже прежде, и только процесс труда *присоединяет новую стоимость.* А именно — при капиталистическом производстве — *прибавочную стоимость, избыток стоимости продукта над стоимостью элементов, потребленных для образования продукта* (средств производства и рабочей силы) (стр. 175, 176).

Этим охарактеризованы те формы существования, которые принимает первоначальная капитальная стоимость, когда она сбрасывает свою денежную форму, превращаясь в факторы процесса труда: 1) при покупке *средств труда* и 2) при покупке *рабочей силы.*

Итак, капитал, затраченный на *средства* труда, *не* изменяет в процессе производства величины своей стоимости; мы называем его *постоянным капиталом.*

Часть капитала, затраченная на рабочую *силу, изменяет* свою стоимость, производя: 1) свою *собственную* стоимость и 2) *прибавочную* стоимость, — эту часть капитала мы называем *переменным капиталом* (стр. 176).

(Постоянным является капитал лишь в отношении специально данного процесса производства, в котором он не изменяется; он может состоять то из большего, то из меньшего количества средств труда, а купленные средства труда могут повышаться или падать в стоимости, но это не затрагивает их отношения к процессу производства (стр. 177). Точно так же может изменяться процентное отношение, в котором данный капитал распадается на постоянный и переменный, но в каждом данном случае с остается постоянным, а *υ* — переменным капиталом) (стр. 178).

III. НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

$K = 500$ ф. ст. $= \overset{c}{410} + \overset{\upsilon}{90}$. В конце процесса труда, в котором *υ* был превращен в рабочую силу, получается 410 +

υ m
+ 90 + 90 = 590. Предположим, что c состоит из сырья на 312 ф. ст., вспомогательных материалов на 44 ф. ст. и износа машин на 54 ф. ст. = 410 фунтов стерлингов. *Вся* же стоимость машин пусть будет 1054 фунтов стерлингов. Если включить *всю стоимость машин,* то c в обеих частях уравнения будет равно 1410 фунтам стерлингов; прибавочная же стоимость попрежнему составляла бы 90 (стр. 179).

Так как стоимость c лишь *опять появляется* в продукте, то полученная *стоимость продукта* отличается от *вновь созданной стоимости,* полученной в этом процессе; последняя, следовательно, составляет не c + v + m, а лишь = v + m. Для процесса возрастания стоимости величина c, следовательно, не имеет значения, т. е. *c* = 0 (стр. 180). Так делается и на практике, когда коммерческий способ расчета не принимается во внимание, например, при вычислении дохода страны от ее промышленности сбрасывают со счетов ввезенное сырье (стр. 181). Об отношении прибавочной стоимости ко всему капиталу все необходимое будет дано в III книге[206].

Итак: норма прибавочной стоимости = m : v, в данном случае 90 : 90 = 100%.

Рабочее время, в продолжение которого рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы, — при капиталистических или других отношениях — есть *необходимый* труд, а тот труд, который продолжается дальше этого предела и который образует прибавочную стоимость для капиталиста, есть *прибавочный труд* (стр. 183, 184). Прибавочная стоимость есть застывший прибавочный труд, и различные общественные формации отличаются только *формой выжимания* прибавочного труда.

Примеры неправильного исчисления прибавочной стоимости, с включением в расчет c, смотри на страницах 185—196 *(Сениор).*

Сумма необходимого труда и прибавочного труда = *рабочему дню.*

IV. РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Необходимое рабочее время *дано. Прибавочный* труд составляет *переменную* величину, но в известных границах. Он никогда не может равняться 0, потому что тогда прекратится капиталистическое производство. Он никогда не может достигнуть 24 часов по физическим причинам; кроме того, на максимальные границы всегда оказывают влияние еще моральные причины. Но границы эти очень эластичны. Экономическое требование состоит в том, чтобы рабочий день был не длиннее

того предела, при котором рабочий изнашивается только нормально. Но что значит *нормально?* Здесь получается антиномия, и вопрос может быть решен только силой. Отсюда борьба за *нормальный рабочий день* между рабочим классом и классом капиталистов (стр. 198—202).

Прибавочный труд в прежние общественные эпохи. До тех пор, пока меновая стоимость не имела более важного значения, чем потребительная стоимость, прибавочный труд был более умеренным, например, у древних; только там, где производилась непосредственно меновая стоимость — золото и серебро, прибавочный труд был ужасным (стр. 203). То же самое в рабовладельческих штатах Америки до массового производства хлопка для вывоза. То же самое в отношении барщинного труда, например в Румынии.

Барщинный труд представляет собой лучший пример для сравнения с капиталистической эксплуатацией, так как там прибавочный труд фиксирован и указан в качестве отдельно доставляемого рабочего времени. Reglement organique[207] в Валахии (стр. 204—206).

Как последний является положительным выражением неутолимой жажды прибавочного труда, так английские *Factory acts*[*] являются отрицательным ее выражением.

Factory acts. Закон 1850 г. (стр. 207) устанавливает $10^1/_2$ часов труда в день и $7^1/_2$ часов по субботам, итого 60 часов в неделю. Прибыль фабрикантов от обхода этого закона (стр. 208—211).

Эксплуатация в отраслях промышленности, *нерегламентированных* или регламентированных лишь впоследствии: *производство кружев* (стр. 212), *гончарное производство* (стр. 213), *производство спичек* (стр. 214), *производство обоев* (стр. 214—217), *хлебопечение* (стр. 217—222), *железнодорожные служащие* (стр. 223), *швеи* (стр. 223—225), *кузнецы* (стр. 226); *дневной и ночной труд, система смен:* а) *металлургическая и металлообрабатывающая промышленность* (стр. 227—235).

Эти факты доказывают, что капитал рассматривает рабочего только как *рабочую силу,* все время которого, насколько это возможно, является рабочим временем, что капиталисту нет никакого дела до продолжительности жизни рабочей силы (стр. 236—238). Но разве это не противоречит даже интересам капиталистов? Как обстоит дело с заменой быстро изнашиваемых рабочих? Организованная торговля рабами в Соединенных Штатах возвела быстрый износ рабов в экономический

[*] — фабричные акты. *Ред.*

принцип; такую же роль играет в Европе приток рабочих из сельских округов и т. д. (стр. 239). Poorhouse — supply* (стр. 240). Капиталист видит лишь постоянно существующее и готовое к его услугам перенаселение и использует его. Вымирание рабочих его не беспокоит — apres moi le deluge!** *Капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению, а в условиях свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон* (стр. 243).

Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим.

Вначале законы издавались для удлинения рабочего времени, в настоящее же время они издаются для сокращения его (стр. 244). Первый Statute of labourers*** (принятый на 23 году царствования Эдуарда III, 1349) был издан под предлогом, будто чума настолько сократила численность населения, что каждый должен работать больше. Поэтому закон устанавливал максимум заработной платы и пределы рабочего дня. В. 1496 г. при Генрихе VII рабочий день земледельческих рабочих и всех ремесленников (artificers) летом, с марта до сентября, должен был продолжаться с 5 часов утра до 7—8 часов вечера с перерывами на 1 час, $1^1/_2$ часа и $^1/_2$ часа = 3 часам, зимой — с 5 часов утра до наступления темноты. Этот статут никогда не соблюдался строго. Еще в XVIII столетии капитал не имел в своем распоряжении всего недельного труда рабочих (за исключением земледельческих рабочих). См. полемику того времени (стр. 248—251). Только с появлением крупной промышленности капитал добился этого; более того, крупная промышленность разрушила все границы и стала самым беззастенчивым образом эксплуатировать рабочих. Как только пролетариат осознал себя, он начал оказывать сопротивление. Пять законов о труде с 1802 по 1833 г. существовали только на бумаге, так как не было инспекторов. Только закон 1833 г. устанавливает в четырех отраслях текстильной промышленности нормальный рабочий день: с 5 ч. 30 м. утра до 8 ч. 30 м. вечера, в продолжение которых young persons**** от 13 до 18 лет должны работать только 12 часов с перерывом в $1^1/_2$ часа, дети от 9 до 13 лет — только 8 часов, а ночной труд детей и подростков запрещается (стр. 253-255).

* — Поставка рабочей силы работными домами. *Ред.*
** — после меня хоть потоп! *Ред.*
*** — рабочий статут. *Ред.*
**** — подростки. *Ред.*

Relaissystem* и злоупотребления ею в целях обхода закона (стр. 256). Наконец, закон 1844 г. приравнивает *женщин всех возрастов* к подросткам, ограничивает труд *детей* $6^1/_2$ часами и обуздывает систему смен. Но зато теперь стал допускаться труд детей с *8 лет.* Наконец, в 1847 г. проведен *билль о десятичасовом рабочем дне* для женщин и подростков (стр. 259). Попытки капиталистов бороться с ним (стр. 260— 268). Недостатки в законе 1847 г. послужили поводом для компромиссного закона 1850 г. (стр. 269), который устанавливал рабочий день женщин и подростков — 5 дней в неделю по $10^1/_2$ часов и 1 день в $7^1/_2$ часов = 60 часам в неделю, причем работа должна была производиться *между 6 часами утра и 6 часами вечера.* В остальном закон 1847 г. для детского труда остался в силе. Исключение составляла шелковая промышленность (стр. 270). В 1853 г. рабочее время *детей* также было ограничено временем между 6 час. утра и 6 час. вечера (стр. 272).

Printworks-Act** 1845 г. почти ничего не ограничивает. Дети и женщины могут работать 16 часов!

Для белильных и красильных заведений закон был издан в 1860 г., для кружевных фабрик — в 1861 г., для гончарной и многих других отраслей — в 1863 г. (в этом же году были изданы особые законы для белильных заведений на открытом воздухе и для пекарен) (стр. 274).

Таким образом, крупная промышленность впервые создает потребность в ограничении рабочего времени, но затем оказывается, что тот же чрезмерный труд проник постепенно во все другие отрасли (стр. 277).

Далее история показывает, что особенно с введением женского и детского труда *отдельный* «свободный» рабочий беззащитен перед капиталистом, терпит поражение и что это ведет к развертыванию классовой борьбы между рабочими и капиталистами (стр. 278).

Во Франции только в 1848 г. введен закон о 12-часовой рабочем дне для рабочих всех возрастов и во всех отраслях труда. (См., однако, стр. 253, примечание по поводу французского закона 1841 г. о детском труде, который лишь в 1853 г. был действительно проведен в жизнь, и то только в департаменте Нор.) В Бельгии полная «свобода труда». В Америке движение за восьмичасовой рабочий день (стр. 279).

Итак, рабочий выходит из процесса производства совершенно другим, чем он вступил в него. Трудовой договор для него не был актом *свободного агента* производства. Время,

* — Система смен. *Ред.*
** — Акт о ситцепечатных фабриках. *Ред.*

на которое он *волен* продавать свою рабочую силу, является временем, на которое он *вынужден* ее продавать, и только посредством *массового* сопротивления рабочие завоевывают *государственный закон,* препятствующий им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство. На место пышного каталога неотчуждаемых прав человека выступает скромная Magna Charta[*] фабричного закона (стр. 280, 281).

V. НОРМА И МАССА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Вместе с *нормой* прибавочной стоимости дана также и *масса* ее. Если дневная стоимость *одной* рабочей силы составляет 3 шилл., а норма прибавочной стоимости = 100%, то дневная масса ее = 3 шилл. для одного рабочего.

I. Так как *переменный капитал* есть денежное выражение стоимости *всей* одновременно применяемой капиталистом рабочей силы, то *масса* произведенной ею прибавочной стоимости = переменному капиталу, помноженному на норму прибавочной стоимости. Оба фактора могут изменяться, и вследствие этого возникают различные комбинации. *Масса* прибавочной стоимости может расти даже при уменьшении переменного капитала, если повышается ее норма, следовательно, *удлиняется* рабочий день (стр. 282).

II, Это повышение нормы прибавочной стоимости имеет свои *абсолютные границы* в том, что рабочий день никогда не может быть удлинен до полных 24 часов и что общая стоимость дневного продукта *одного* рабочего, следовательно, *никогда* не может быть равна стоимости 24 часов труда. Чтобы получить *такую же* массу прибавочной стоимости, переменный капитал, следовательно, только *в этих пределах* может быть заменен более высокой степенью эксплуатации труда. Это важно для объяснения различных явлений, вытекающих из противоречивой тенденции капитала: 1) *сокращать* переменный капитал и число занятых рабочих и 2) все же производить возможно большую массу прибавочной стоимости (стр. 283, 284).

III. Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, *прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов* (стр. 285), Кажется, будто это противоречит всем фактам.

[*] — Великая Хартия. *Ред.*

В данном обществе и при данном рабочем дне прибавочная стоимость может быть увеличена лишь путем увеличения числа рабочих, т. е. населения, при данном же числе рабочих — лишь путем удлинения рабочего дня. Но это, однако, имеет силу только для *абсолютной* прибавочной стоимости.

Теперь оказывается, что не *всякая* сумма денег может быть превращена в капитал, что существует минимум: издержки производства *одной* рабочей силы и необходимых средств труда. Чтобы иметь возможность *самому* жить как рабочий, капиталист должен был бы при 50-процентной норме прибавочной стоимости иметь двух рабочих, причем в этом случае он еще ничего бы не сберегал. Даже при восьми рабочих он всего лишь мелкий хозяйчик. Поэтому в средние века насильственно препятствовали превращению мастеров-ремесленников в капиталистов путем ограничения числа подмастерьев, которых разрешалось держать одному мастеру. Минимум богатства, который требуется для образования действительного капиталиста, различен в различные периоды и в различных отраслях (стр. 288).

Капитал развился в *командование над трудом,* и он следит за тем, чтобы рабочий работал старательно и интенсивно. Далее, он *принуждает* рабочих затрачивать больше труда, чем необходимо для их содержания. В отношении выкачивания прибавочной стоимости он превосходит все прежние системы производства, основанные на *непосредственно* принудительном труде.

Капитал перенял труд вместе с определенными техническими условиями, и вначале он их не изменяет. Поэтому, если рассматривать процесс производства как *процесс труда,* то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а как к средствам его собственной целесообразной деятельности, Но совсем другое дело, если рассматривать процесс производства как процесс *увеличения стоимости.* Средства производства становятся средствами *впитывания чужого труда.* Теперь *уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего* (стр. 289). Не он потребляет их..., а *они потребляют его* как фермент их собственного жизненного процесса, а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении *как самовозрастающей стоимости...* Простое превращение денег в средства производства превращает последние в *юридический титул* и принудительный титул *на чужой труд и прибавочный труд.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

I. ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

При данном рабочем дне прибавочный труд может быть увеличен лишь путем уменьшения *необходимого* труда, уменьшение же последнего, — отвлекаясь от понижения заработной платы ниже стоимости, — может быть достигнуто только путем понижения стоимости рабочей силы, следовательно, путем понижения цен необходимых жизненных средств (стр. 291—293). А это в свою очередь может быть достигнуто лишь *путем повышения производительной силы труда, путем переворота в самом способе производства.*

Прибавочная стоимость, производимая путем удлинения рабочего дня, есть *абсолютная* прибавочная стоимость, прибавочная же стоимость, производимая путем сокращения необходимого рабочего времени, есть *относительная* прибавочная стоимость (стр. 295).

Чтобы понизилась стоимость рабочей силы, повышение производительности труда должно захватить те отрасли промышленности, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, — отрасли, производящие обычные жизненные средства и их заменители, а также сырье для них и т. д. Доказывается, как конкуренция приводит к тому, что повышение производительной силы проявляется в низких товарных ценах (стр. 296-299).

Стоимость товара *обратно пропорциональна* производительной силе труда. Это относится и к *стоимости рабочей силы,* так как она определяется ценой товаров. Напротив, *относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна* производительной силе труда (стр. 299).

Капиталиста интересует не *абсолютная* стоимость товара, а лишь заключающаяся в нем *прибавочная стоимость.* Реализация прибавочной стоимости включает в себя и возмещение авансированной стоимости. Но так как, согласно сказанному

(стр. 299), тот же самый процесс повышения производительной силы труда понижает стоимость товара и увеличивает содержащуюся в нем прибавочную стоимость, то этим объясняется, почему капиталист, заботящийся только о производстве меновой стоимости, все время старается понизить меновую стоимость своих товаров (ср. Кенэ, стр. 300).

Таким образом, при капиталистическом производстве экономия на труде, достигаемая благодаря развитию производительной силы, отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня. Он даже может быть *удлинен.* Поэтому у экономистов такого пошиба, как Мак-Куллох, Юр, Сениор и tutti quanti*, вы на одной странице читаете, *что рабочий должен быть благодарен капиталу за развитие производительных сил,* а на следующей странице, — что рабочий *должен доказать эту свою благодарность, работая впредь 15 часов вместо 10.* Это развитие производительных сил имеет целью лишь сокращение *необходимого* труда и удлинение труда в пользу капиталиста (стр. 301).

II. КООПЕРАЦИЯ

Как мы видели (стр. 288), для капиталистического производства необходим такой индивидуальный капитал, который достаточен для того, чтобы одновременно занять значительное число рабочих; только лицо, применяющее чужой труд, но само совершенно не занимающееся им, становится подлинным капиталистом. Действие большого числа рабочих в одно и то же время, на одном и том же поле труда для производства одного и того же вида товара, под командой одного и того же капиталиста составляет *исторически и логически исходный пункт капиталистического производства* (стр. 302).

Итак, вначале — лишь *количественная* разница по сравнению с прежним положением, когда *меньшее* число рабочих было занято одним работодателем. Но уже с этим связано изменение. Одна многочисленность рабочих является гарантией того, что лицо, применяющее труд, *действительно* получает *средний труд,* чего не бывает у мелкого хозяина, который тем не менее должен оплачивать среднюю стоимость рабочей силы. При мелком производстве эта разница уничтожается в целом для общества, но не для отдельного мелкого хозяина. Следовательно, *закон возрастания стоимости* вообще реализуется для отдельного производителя полностью лишь в том случае, когда последний производит *как капиталист,* применяет одновременно

* — им подобных. *Ред.*

многих рабочих, т. е. уже с *самого начала* приводит в движение *средний общественный труд* (стр. 303—304).

Но далее: экономия средств производства, достигаемая уже благодаря одному тому, что производство ведется в крупном масштабе и уменьшается доля постоянного капитала, переносимая на единицу продукта, есть экономия, которая возникает лишь благодаря их совместному потреблению в процессе труда многих лиц. Таким образом, *средства* труда приобретают общественный характер даже раньше, чем его приобретает сам *процесс* труда (до сих пор предполагается только сосуществование однородных процессов) (стр. 305).

Здесь экономию средств производства следует рассматривать лишь постольку, поскольку она удешевляет товары и тем самым *понижает стоимость* рабочей силы. Вопрос о том, как экономия средств производства изменяет отношение прибавочной стоимости ко *всему* авансированному *капиталу* (c + v), будет рассмотрен лишь в книге III[208]. Этот разрыв вполне соответствует духу капиталистического производства. Так как в капиталистическом производстве условия труда противостоят рабочему как нечто самостоятельное, то и экономия на них представляется особой операцией, которая ничуть не касается рабочего и, следовательно, обособлена от методов, с помощью которых повышается производительность потребляемой капиталом рабочей силы.

Та форма труда, при которой много лиц планомерно работают рядом и вместе друг с другом в одном и том же процессе производства или в связанных между собой процессах производства, называется кооперацией (стр. 306). (Concours des forces[*]. Дестют де Траси.)

Механическая сумма сил отдельных рабочих существенно отличается от той механической *силы,* которая развивается, когда много рук участвует одновременно *в выполнении* одной и той же нераздельной операции (поднятие тяжести и т. п.). Кооперация непосредственно создает производительную силу, которая по самой своей сущности есть *массовая сила.*

Далее, при большинстве производительных работ уже *самый общественный контакт* вызывает *соревнование,* которое повышает индивидуальную производительность отдельного рабочего, так что 12 человек в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем 12 рабочих в 12 отдельных дней или один рабочий в течение следующих подряд 12 дней труда (стр. 307).

[*] — Соединение сил. *Ред.*

Хотя многие одновременно совершают одну и ту же или однородную работу, тем не менее индивидуальный труд каждого отдельного рабочего сам может представлять различные фазы процесса труда (цепь людей, передающих друг другу какой-нибудь предмет), причем кооперация опять-таки сберегает труд. То же самое происходит, если постройка начинается одновременно с разных сторон. Комбинированный или совокупный рабочий имеет глаза и руки и спереди и сзади, является в известной мере вездесущим (стр. 308).

При сложных процессах труда кооперация дает возможность распределять отдельные процессы, совершать их одновременно и тем самым сокращать рабочее время, необходимое для производства целого продукта (стр. 308).

Во многих отраслях производства бывают *критические моменты,* когда требуется много рабочих (во время жатвы, при ловле сельдей и т. д.). Здесь помогает только кооперация (стр. 309).

С одной стороны, кооперация *расширяет* поле производства и поэтому необходима для работ, при которых имеет место большая пространственная непрерывность поля труда (осушка болот, постройка дорог, плотин и т. п.). С другой стороны, она *сокращает* поле производства путем концентрации рабочих в одном месте и тем самым сокращает издержки (стр. 310).

Во всех этих формах кооперация есть специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня, общественная производительная сила труда. Последняя возникает из самой кооперации. В планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции.

Но наемные рабочие могут совместно работать лишь в том случае, если *один и тот же капиталист* применяет их одновременно, оплачивает их и снабжает средствами труда. Масштаб кооперации зависит, следовательно, от *величины капитала, которым обладает капиталист.* То условие, что для превращения собственника в капиталиста необходимо наличие капитала определенной величины, теперь становится *материальным* условием превращения многих разрозненных и независимых индивидуальных видов труда в один комбинированный общественный процесс труда.

Точно так же и *командование* капитала над трудом, которое прежде было только формальным следствием отношения между капиталистом и рабочим, теперь становится *необходимым условием* самого процесса труда; именно капиталист представляет комбинирование в процессе труда. В кооперации *управ-*

ление процессом труда становится *функцией капитала* и как таковое приобретает специфические характерные черты (стр. 312).

В соответствии с целью капиталистического производства (возможно большее самовозрастание капитала) это управление есть в то же время функция возможно большей эксплуатации общественного процесса труда и обусловлено поэтому неизбежным антагонизмом между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Далее — контроль над правильным применением средств труда. Наконец, взаимосвязь функций отдельных рабочих находится *вне самих рабочих,* в капитале, так что их собственное единство противостоит им как *авторитет капиталиста,* как чужая воля. Таким образом, капиталистическое управление *двойственно* (1. общественный процесс труда для производства продукта, 2. процесс возрастания капитала) и по своей форме *деспотично.* Этот деспотизм развивает теперь свои своеобразные формы: капиталист, только что сам освободившийся от труда, передает теперь функции надзора организованной клике офицеров и унтер-офицеров, которые сами являются наемными рабочими капитала. Эти издержки по надзору экономисты причисляют — при *рабстве* к faux frais*, при капиталистическом же производстве они прямо-таки отождествляют управление, поскольку оно обусловливается эксплуатацией, с функцией управления, поскольку она вытекает из самой природы общественного процесса труда (стр. 313, 314).

Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности (стр. 314).

Капиталист покупает 100 отдельных рабочих сил и получает таким образом комбинированную рабочую силу 100 рабочих. Но он *не* оплачивает комбинированной рабочей силы 100 рабочих. С вступлением рабочих в комбинированный процесс труда рабочие уже перестали принадлежать самим себе, они делаются принадлежностью капитала. Таким образом, *общественная производительная сила труда* выступает как *имманентная производительная сила капитала* (стр. 315).

Примеры кооперации у древних египтян и т. д. (стр. 316).

Первобытная кооперация на начальных ступенях культуры у охотничьих народов, кочевников или в индийских общинах покоится: 1) на общей собственности на условия производства, 2) на естественно выросшей тесной связи отдельного индивида

* — непроизводительным издержкам. *Ред.*

с племенем и с первобытной общиной. Спорадическая кооперация в древности, в средние века и в современных колониях покоится на прямом господстве и насилии, чаще всего на рабстве. Капиталистическая же кооперация, наоборот, предполагает существование свободного наемного рабочего. Исторически она выступает как прямая противоположность крестьянскому хозяйству и независимому ремесленному производству (в цеховой форме или нет), и притом как свойственная капиталистическому процессу производства и отличающая его историческая форма. Она составляет первое изменение, которое испытывает процесс труда вследствие подчинения его капиталу. Таким образом, здесь сразу 1) капиталистический способ производства является исторической необходимостью для превращения процесса труда в общественный процесс, и 2) эта общественная форма процесса труда есть применяемый капиталом способ более выгодно эксплуатировать этот процесс посредством повышения его производительной силы (стр. 317).

В своей *простой* форме, которую мы до сих пор рассматривали, кооперация совпадает с производством в крупном масштабе, но она не образует никакой прочной, характерной формы особой эпохи капиталистического производства; эта форма кооперации и теперь еще существует там, где капитал оперирует в крупном масштабе, а разделение труда и машины не играют еще значительной роли. Таким образом, хотя кооперация является основной формой капиталистического производства, ее *простая* форма как таковая или как особенная форма выступает наряду с ее более развитыми формами (стр. 318).

III. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА

Мануфактура, классическая форма кооперации, основанной на разделении труда, господствует приблизительно с 1550 до 1770 года.

Она возникает:

1) Или путем соединения различных ремесел, каждое из которых выполняет частичную операцию (например, производство карет), причем очень скоро соответствующий отдельный ремесленник теряет способность заниматься *всем* своим ремеслом в целом, зато совершенствуется в выполнении частичной операции. Следовательно, при этом весь процесс сводится к разделению совокупной операции на ее отдельные части (стр. 318, 319).

2) Или же многие ремесленники, выполняющие одну и ту же или однородную работу, объединяются на одной и той же

фабрике, и отдельные операции производятся не последовательно одним рабочим, а разделяются и выполняются одновременно различными рабочими (иголки и т. д.). Продукт теперь уже не произведение одного ремесленника, а произведение группы ремесленников, каждый из которых исполняет только одну частичную операцию (стр. 319, 320).

В обоих случаях результат мануфактуры: *производственный механизм, органами которого являются люди.* Производство сохраняет свой *ремесленный* характер; каждый частичный процесс, через который проходит продукт, выполняется *ручным трудом,* следовательно, здесь *исключается* возможность *действительно научного расчленения процесса производства.* Именно *вследствие* ремесленного характера труда каждый отдельный рабочий в полной мере прикован к одной частичной функции (стр. 321).

Таким путем сберегается труд по сравнению с ремесленником, и это сбережение труда еще более растет вследствие передачи приобретенных навыков следующим поколениям. Этим мануфактурное разделение труда соответствует тенденции прежних обществ: сделать ремесло наследственным; кастовые цехи (стр. 322).

Подразделение орудий вследствие применения их к различным частичным операциям — пятьсот видов молотков в Бирмингеме (стр. 323—324).

Рассматриваемая с точки зрения *совокупного* механизма, мануфактура имеет две стороны: она — или чисто механическое соединение самостоятельных частичных продуктов (часы), или ряд связанных между собой процессов в *одной* мастерской (иголки).

В мануфактуре каждая группа рабочих доставляет другой группе необходимое ей сырье. Поэтому основное условие состоит в том, чтобы каждая группа в *данное время производила данное количество,* следовательно, создается совершенно другая непрерывность, порядок, однообразие и интенсивность труда, чем в собственно кооперации. *Здесь, таким образом, становится уже технологическим законом процесса производства то, что труд является общественно необходимым трудом* (стр. 329).

Неодинаковость времени, требующегося для выполнения отдельных операций, обусловливает то, что различные группы рабочих имеют различный *состав* и численность (в словолитне на одного полировщика приходится четыре литейщика и два отбивальщика). Таким образом, мануфактура создает математически определенное отношение для количественного раз-

мера отдельных органов совокупного рабочего, и производство может быть расширено только путем принятия на работу такого количества новых рабочих, которое является кратным от совокупной группы. К этому надо прибавить, что обособление известных функций — надзора, перевозки продуктов с одного места на другое и т. д. — становится выгодным лишь по достижении известного уровня производства (стр. 329, 330).

Имеет место также объединение различных мануфактур в одну общую мануфактуру, но и в ней всегда недостает действительного технологического единства, которое появляется лишь с введением машин (стр. 331).

В мануфактуре довольно рано появляются машины, но спорадически, и они играют только побочную роль, например, мельницы, толчеи и т. д. Главной машиной мануфактуры является *комбинированный совокупный рабочий,* который обладает гораздо более высокой степенью совершенства, чем прежний единичный ремесленный работник, и у которого все несовершенства, часто неизбежно развивающиеся у частичного рабочего, проявляются как достоинства (стр. 333). Мануфактура развивает различия между этими частичными рабочими, квалифицированными и неквалифицированными, и даже создает настоящую иерархию рабочих (стр. 334).

Разделение труда: 1) всеобщее (на земледелие, промышленность, судоходство и т. д.), 2) особенное (на виды и подвиды) и 3) единичное (внутри мастерской). Общественное разделение труда также развивается из различных исходных пунктов: 1) внутри семьи и рода — естественное разделение труда по полу и возрасту, которое расширяется еще насильственным порабощением соседних племен (стр. 335); 2) различные общины в зависимости от своего положения, климата, уровня культуры производят различные продукты, и эти продукты *обмениваются там, где общины приходят в соприкосновение между собой* (стр. 49). Обмен с чужими общинами является одним из главных средств разрушения естественной связи внутри собственной общины вследствие дальнейшего развития естественного разделения труда (стр. 335).

Таким образом, мануфактурное разделение труда, с одной стороны, предполагает известную степень развития общественного разделения труда, а с другой стороны, оно развивает его дальше — таково территориальное разделение труда (стр. 337, 338).

Однако между общественным и мануфактурным разделением труда всегда имеется то различие, что при первом необходимо производятся *товары,* между тем как при втором частичный

рабочий *не* производит товаров. Поэтому при последнем существует концентрация и организация, при первом же — раздробленность и беспорядочность конкуренции (стр. 339, 341).

О ранней организации индийских общин (стр. 341, 342). О цехах (стр. 343, 344). В то время как во всех этих случаях существует разделение труда в обществе, мануфактурное разделение труда есть *специфическое создание капиталистического способа производства.*

В мануфактуре, как и в кооперации, функционирующее рабочее тело есть *форма существования капитала.* Вследствие этого производительная сила, возникающая из комбинации различных видов труда, представляется *производительной силой капитала.* Но в то время как кооперация в целом оставляет без изменения способ труда отдельного рабочего, мануфактура революционизирует его, она *уродует* рабочего; неспособный производить самостоятельный продукт, он является лишь *принадлежностью* мастерской капиталиста. Духовные потенции труда исчезают у многих, чтобы у отдельных лиц увеличить свой масштаб. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции процесса труда противостоят рабочим как *чужая собственность и господствующая над ними сила.* Этот процесс отделения, который начинается уже в кооперации и развивается в мануфактуре, завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу (стр. 346).

Цитаты[209] (стр. 347).

Будучи, с одной стороны, определенной организацией общественного труда, мануфактура, с другой стороны, есть особый *метод производства относительной прибавочной стоимости* (стр. 350). Именно в этом ее историческое значение.

Препятствия к развитию мануфактуры даже во время ее классического периода: сокращение числа необученных рабочих вследствие роста числа обученных; ограничение применения труда детей и женщин вследствие противодействия со стороны рабочих-мужчин; ссылка на laws of apprenticeship* до самого последнего времени, даже там, где это в сущности является излишним; постоянное неподчинение рабочих, так как совокупный рабочий не обладает еще независимым от рабочих остовом; эмиграция рабочих (стр. 353, 354).

К тому же сама мануфактура не была в состоянии произвести переворот во всем общественном производстве или хотя

* — законы об ученичестве. *Ред.*

бы только овладеть им. Ее собственный узкий технический базис вступил в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства. Появилась потребность в машинах, и мануфактура научилась их изготовлять (стр. 355).

IV. МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

а) Машины как таковые

В то время как в мануфактуре исходным пунктом переворота в способе производства была рабочая *сила,* здесь им является *средство* труда.

Всякое развитое машинное устройство состоит из: 1) машины-двигателя, 2) передаточного механизма и 3) машины-орудия (стр. 357). Промышленная революция XVIII века начинается с *машины-орудия.* Характерным для нее является то, что орудие, в более или менее измененной форме, переходит от человека к машине, которая, функционируя, приводит орудие в движение. Будет ли при этом движущей *силой* человек или сила природы, пока безразлично. Специфическое различие состоит в том, что человек может *применять только свои собственные органы, машина же в известных границах может применять столько орудий, сколько потребуется* (самопрялка — 1 веретено, дженни* — 12—18 веретен). Поскольку в самопрялке промышленная революция захватывает не педаль, не силу, а веретено — вначале человек еще повсюду исполняет одновременно и функцию движущей силы и функцию надзора. Напротив, революция в машине-орудии сперва вызвала потребность в совершенствовании паровой машины, а затем и выполнила это (стр. 359—360 и далее стр. 361—362).

В крупной промышленности применяются двоякого рода машины: или 1) кооперация однородных машин (механический ткацкий станок, машины для изготовления конвертов, которые исполняют работу целого ряда частичных рабочих путем комбинирования различных орудий) — здесь уже имеется технологическое единство благодаря передаточному механизму и двигателю, или 2) система машин, комбинация различных частичных рабочих машин (прядение). Последняя находит свою естественную основу в мануфактурном разделении труда. Но здесь имеется существенное различие. В мануфактуре каждый частичный процесс необходимо было приспособлять *к рабочему;* здесь же в этом уже нет надобности: процесс труда *объективно* может быть разделен на свои составные части,

* — прядильная машина. *Ред.*

и проблема выполнения каждого частичного процесса при помощи машин решается наукой или основанным на ней практическим опытом. Здесь количественное отношение отдельных групп рабочих повторяется в виде отношения отдельных групп машин (стр. 363—366).

В обоих случаях фабрика образует *большой автомат* (который, впрочем, только в последнее время усовершенствовался в этом направлении), и это — ее адекватная форма (стр. 367). Самой совершенной его формой является *автомат, производящий машины,* автомат, который уничтожил ремесленную и мануфактурную основу крупной промышленности и тем самым впервые придал законченную форму машинному производству (стр. 369, 372).

Связь между переворотами в отдельных отраслях вплоть до средств сообщения (стр. 371).

В мануфактуре комбинирование рабочих имеет субъективный характер, здесь же мы имеем объективный *механический* производственный организм, который рабочий находит в готовом виде и который может функционировать лишь при совместном труде; кооперативный характер процесса труда является теперь *технической необходимостью* (стр. 372).

Производительные силы, возникающие из кооперации и разделения труда, ничего не стоят капиталу; силы природы, пар, вода также ничего не стоят ему. То же самое можно сказать о силах, открытых наукой. Но эти силы могут быть использованы лишь при помощи соответствующего аппарата, который может быть создан только при больших затратах; точно так же рабочие машины стоят гораздо больше, чем прежние инструменты. Но эти машины имеют гораздо большую продолжительность жизни и гораздо большую сферу производства, чем инструменты, и поэтому отдают продукту пропорционально гораздо меньшую часть стоимости, чем инструмент, и поэтому *безвозмездная служба,* которую выполняет машина (и которая *не* появляется вновь в стоимости продукта), гораздо больше, чем та, которую выполняет инструмент (стр. 374, 375—376).

Удешевление продукта вследствие концентрации производства в крупной промышленности гораздо больше, чем в мануфактуре (стр. 375).

Цены готовых товаров показывают, насколько машины удешевили производство, и что та часть стоимости, которая перенесена средствами труда, относительно увеличивается, но абсолютно уменьшается. Производительность машины измеряется той степенью, в которой она *заменяет человеческую рабочую силу.* Примеры (стр. 377—379).

Предположим, что паровой плуг замещает 150 рабочих, годовая заработная плата которых составляет 3000 фунтов стерлингов; в таком случае эта годовая заработная плата представляет *не весь затраченный ими труд,* а лишь *необходимый* труд; но они, кроме того, доставляют еще *прибавочный труд.* Если же паровой плуг стоит 3000 ф. ст., то это есть денежное выражение *всего* содержащегося в нем труда; и следовательно, если даже машина и стоит столько же, сколько замещаемая ею рабочая сила, то воплощенный в ней человеческий труд всегда *гораздо меньше* того труда, который она замещает (стр. 380).

Как *средство удешевления* производства машина должна *стоить меньше труда, чем она замещает.* Но *для капитала ее стоимость* должна быть меньше *стоимости замещаемой ею рабочей силы.* Поэтому в Америке могут оказаться выгодными такие машины, которые не выгодны в Англии (например, машины для разбивания камня). Поэтому вследствие определенных законодательных ограничений могут вдруг войти в употребление машины, которые до тех пор были не выгодны для капитала (стр. 380—381).

b) Присвоение рабочей силы при помощи машин

Так как машины сами содержат силу, приводящую их в движение, то стоимость мускульной силы падает. *Женский и детский труд,* быстрое *увеличение числа наемных рабочих* путем вовлечения не работавших до сих пор по найму членов семьи. Тем самым *стоимость рабочей силы мужчины делится на рабочую силу всей семьи,* следовательно, *она обесценивается.* Для существования одной семьи теперь четверо должны доставлять капиталу не только труд, но и *прибавочный труд,* между тем как прежде это делал один человек. Таким образом, с самого начала вместе с увеличением *материала* эксплуатации увеличивается и *степень* эксплуатации (стр. 383).

Прежде продажа и покупка рабочей силы была отношением *свободных лиц,* теперь покупаются *малолетние и несовершеннолетние;* рабочий продает теперь жену и детей, становится *работорговцем* (примеры на стр. 384—385).

Физическое калечение. Смертность детей-рабочих (стр. 386); то же при промышленном ведении земледелия, (Gang system*) (стр. 387).

* — Система артелей. *Ред.*

Моральное калечение (стр. 388). Статьи фабричного закона об обучении и сопротивление фабрикантов (стр. 390).

Привлечение женщин и детей к работе на фабрике ломает, наконец, *сопротивление рабочего-мужчины деспотии капитала* (стр. 391).

Если машина *сокращает* рабочее время, необходимое для производства какого-либо предмета, то в руках капитала она становится самым могущественным средством *удлинения рабочего дня далеко за его нормальные пределы.* Она, с одной стороны, создает *новые условия,* помогающие капиталу осуществлять это, с другой стороны, создает *новые мотивы* для этого.

Машина способна к вечному движению и ограничена только слабостью и ограниченностью человеческой, вспомогательной рабочей силы. Машина, которая при 20 часах труда изнашивается в течение $7^1/_2$ лет, поглощает для капиталиста *ровно столько же прибавочного труда,* сколько машина, которая при 10 часах труда изнашивается в 15 лет, но в первом случае это происходит *в течение половины этого времени* (стр. 393).

Риск морального износа машины — by superseding* — при этом уменьшается (стр. 394).

Кроме того, всасывается большее количество труда *без увеличения затрат* на здания и машины; следовательно, с удлинением рабочего дня не только возрастает прибавочная стоимость, но и относительно уменьшаются вложения, необходимые для ее получения. Это тем важнее, чем больше преобладает *основная* часть капитала, что имеет место в крупной промышленности (стр. 395).

В первый период появления машины, когда она носит *монопольный* характер, прибыли огромны, и поэтому появляется жажда еще большего, безмерного удлинения рабочего дня. Когда машина получает всеобщее распространение, эта монопольная прибыль исчезает и обнаруживает свое действие закон, согласно которому прибавочная стоимость возникает не из труда, *замененного* машиной, а из труда, *применяемого* ею, следовательно, из переменного капитала; но этот последний при машинном производстве необходимым образом *уменьшается* вследствие больших вложений. Таким образом, в капиталистическом применении машин заключается имманентное противоречие: при данной величине капитала машина *увеличивает* один фактор прибавочной стоимости, ее *норму,* тем, что *уменьшает* другой фактор — *число рабочих.* Как только

* — посредством замены. *Ред.*

стоимость товара, произведенного машиной, становится регулирующей общественной стоимостью этого товара, так выступает это противоречие и *побуждает вновь к удлинению рабочего дня* (стр. 397).

Но в то же время машина, оставляя без работы рабочих, вытесняя их, а также вовлекая в производство женщин и детей, производит *избыточное рабочее население,* которое вынуждено повиноваться законам, диктуемым капиталом. Поэтому она опрокидывает всякие моральные и физические границы рабочего дня; отсюда тот парадокс, что могущественнейшее средство для сокращения рабочего времени становится самым верным средством превращения всей жизни рабочего и его семьи в рабочее время, которым располагает капитал для увеличения своей стоимости (стр. 398).

Мы уже видели, как здесь появляется общественная реакция в виде установления нормального рабочего дня и как теперь на этой основе развивается *интенсификация труда* (стр. 399).

Вначале вместе с увеличением скорости машины одновременно увеличивается интенсивность труда и удлиняется рабочий день. Но скоро достигается такой пункт, где интенсификация труда и удлинение рабочего дня взаимно исключают друг друга. Иначе обстоит дело при ограничении рабочего времени. Интенсивность может теперь расти; в продолжение 10 часов может быть доставлено такое же количество труда, какое прежде доставлялось в 12 часов и более, и теперь более интенсивный рабочий день учитывается как *возведенный в степень* рабочий день, и труд измеряется не только продолжительностью времени, но и его интенсивностью (стр. 400). Таким путем за 5 часов необходимого и 5 часов прибавочного труда может быть, следовательно, получена такая же самая прибавочная стоимость, какая получается в случае меньшей интенсивности за 6 часов необходимого и 6 часов прибавочного труда (стр. 400).

Каким образом труд интенсифицируется? В *мануфактуре,* как показано (примечание 159), например в гончарном производстве и других, уже *одного сокращения рабочего дня* достаточно, чтобы в огромной мере повысить производительность. При *машинном труде* это казалось гораздо более сомнительным. Но доказательство — Р. Гарднер (стр. 401—402).

Как только сокращение рабочего дня вводится *законом,* машина становится средством выжимания из рабочего более интенсивного труда либо путем увеличения скорости, либо путем сокращения числа рабочих по отношению к числу

машин. Примеры (стр. 403—407). Одновременно с этим происходит обогащение и расширение фабрик. Доказательства (стр. 407-409).

с) Фабрика в целом в ее классическом виде

На фабрике целесообразное использование орудий обеспечивает *машина;* следовательно, качественные различия труда, которые были развиты в мануфактуре, здесь устраняются, труд здесь все более и более *нивелируется,* различия между рабочими остаются самое большее по возрасту и полу. Разделение труда здесь сводится *к распределению рабочих между специфическими машинами.* Здесь существует только разделение между *основными рабочими,* которые заняты действительно у станка, и feeders* (это верно только по отношению к сельфактору, в меньшей степени к тонкопрядильной машине, еще меньше к механическому ткацкому станку); сюда надо добавить еще надсмотрщиков, инженеров, складских работников, механиков, столяров и т. п. — категории лиц, лишь внешним образом примыкающих к фабрике (стр. 411—412).

Необходимость приспособления рабочего к непрерывному движению автомата требует выучки с детства, но отнюдь не требует, как в мануфактуре, чтобы рабочий на всю жизнь был прикреплен к одной частичной функции. Может происходить смена лиц при одной и той же машине (система смен); ввиду легкости обучения рабочие могут перебрасываться с одного вида машин на другой. Работа подручных или весьма проста, или все более и более выполняется машиной. Тем не менее, мануфактурное разделение труда сначала продолжает влачить свое существование по традиции, а затем в свою очередь становится еще большим средством эксплуатации рабочей силы капиталом. Рабочий на всю жизнь становится частью частичной машины (стр. 413).

Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но и процесс возрастания капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а, наоборот, *условие труда применяет рабочего;* но только при машинном производстве это извращенное отношение приобретает технологическую *осязательную реальность.* Вследствие своего превращения в *автомат* средство труда во время самого процесса труда *противостоит рабочему как капитал,* как мертвый труд, который подчиняет себе живую

* — подручными. *Ред.*

рабочую силу и высасывает ее. То же самое относится к интеллектуальным силам процесса производства, посредством которых капитал господствует над трудом... Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает, как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин (стр. 414, 415).

Казарменная дисциплина фабрики, фабричный кодекс (стр. 416).

Физические условия работы на фабрике (стр. 417, 418).

c') или d) Борьба рабочих против фабричной системы и машин

Эта борьба, начинающаяся с того времени, когда устанавливаются капиталистические отношения, здесь выступает прежде всего в виде восстания против машин как материальной основы капиталистического способа производства. Ленточный станок (стр. 419). Луддиты[210] (стр. 420). Только позднее рабочие начинают отличать материальные средства производства от общественной формы их использования.

В мануфактуре усовершенствованное разделение труда является скорее средством, *дающим возможность* заменить рабочих (стр. 421). (Экскурс в область земледелия. Вытеснение, стр. 422.) При машинном же производстве рабочий *фактически вытесняется,* машина конкурирует непосредственно с ним. Ручные ткачи (стр. 423). То же самое относится к Индии (стр. 424). Это действие является беспрерывным, так как машина захватывает все новые сферы производства. Таким образом, тот характер самостоятельности и отчужденности, который капиталистическое производство придает орудиям труда по отношению к рабочему, с появлением машин развивается в полную *противоположность.* Поэтому теперь впервые возмущение рабочих направляется против орудий труда (стр. 424).

Подробно о вытеснении рабочих машинами (стр. 425, 426). Машина, вытесняя рабочих, становится средством подавления сопротивления рабочих капиталу (стр. 427, 428).

Либеральная политическая экономия утверждает, что машины, вытесняющие рабочих, в то же самое время высвобождают капитал, который опять может дать занятие этим рабочим, Но происходит обратное: каждое введение машин

связывает капитал, уменьшает его *переменную* часть, увеличивает его постоянную часть и может, следовательно, только *ограничить* способность капитала давать занятие рабочим. На самом деле — и это признают также и упомянутые апологеты — здесь освобождается не капитал в необходимой форме, а жизненные средства вытесненных рабочих, *здесь рабочий освобождается от жизненных средств,* что на языке апологетов означает, что *машина освобождает жизненные средства для рабочего* (стр. 429—430).

Подробнее об этом (очень хорошо для «Fortnightly»[*]) (стр. 431—432). Антагонизмов, которые неотделимы от капиталистического применения машин, не существует для апологета, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения (стр. 432).

Машины прямо и косвенно расширяют производство и таким образом делают возможным увеличение числа рабочих: горнорабочих, рабов в производящих хлопок штатах и т. д. Напротив, в результате создания шерстяных фабрик шотландские и ирландские крестьяне были вытеснены овцами (стр. 433, 434).

Машинное производство гораздо больше, чем мануфактурное, усиливает общественное разделение труда (стр. 435).

c") или e) Машина и прибавочная стоимость

Ближайшим результатом введения машин является *увеличение прибавочной стоимости* и вместе с тем той массы продукта, в которой она воплощена и часть которой идет на потребление класса капиталистов и его присных, — следовательно, увеличение числа капиталистов; новая потребность в роскоши и новые средства ее удовлетворения. Возрастает *производство предметов роскоши.* Развиваются также *средства сообщения* (поглощающие, однако, незначительное количество рабочей силы в развитых странах; доказательства на стр. 436); наконец, растет также *класс прислуги, современных домашних рабов,* материал для которых доставляет *замещение рабочих машиной* (стр. 437). *Статистика.*

Экономические противоречия (стр. 437).

Возможность *абсолютного роста* труда в какой-либо отрасли производства вследствие введения машин, разновидности этого процесса (стр. 439—440).

[*] См. настоящий том, стр. 299—322. *Ред.*

Огромная эластичность, способность к внезапному скачкообразному расширению крупной промышленности на высокой ступени развития (стр. 441). Воздействие на страны, производящие сырье. Эмиграция вследствие вытеснения рабочих. Международное разделение труда между промышленными п земледельческими странами. Периодичность кризисов и процветания (стр. 442). Переброска рабочих в разных направлениях в процессе этого расширения (стр. 444).

Исторические данные об этом развитии (стр. 445—449).

То же о вытеснении кооперации и мануфактуры (и промежуточных ступеней, стр. 450—451) машинами, а также об изменениях в отраслях промышленности, которые ведутся не фабричным способом, но в духе крупной промышленности. Работа на дому как внешнее отделение фабрики (стр. 452). В домашней промышленности и современной мануфактуре эксплуатация еще более бесстыдна, чем на самих фабриках (стр. 453). Примеры. Лондонские типографии (стр. 453). Переплетные. Сортировка тряпья (стр. 454). Обжиг кирпича (стр. 455). Современная мануфактура вообще (стр. 456). *Работа на дому: плетение кружев* (стр. 457—459). Плетение из соломы (стр. 460). Превращение в фабричное предприятие, когда эксплуатация достигла крайнего предела; переворот в швейной промышленности благодаря введению *швейной машины* (стр. 462—466). Ускорение этого перехода вследствие распространения на эти производства действия принудительных фабричных законов, уничтожающих господствовавшую до сих пор рутину, базировавшуюся на неограниченной эксплуатации (стр. 466). *Примеры: гончарное производство* (стр. 467). Производство спичек (стр. 468). Далее, действие фабричных законов на нерегулярную работу как вследствие вынужденного бездействия рабочих, так и вследствие сезонности и обычаев (стр. 470). Чрезмерный труд наряду с вынужденным, вследствие сезонности, бездельем в домашней промышленности и мануфактуре (стр. 471).

Статьи фабричных законов относительно охраны здоровья (стр. 473). Статьи об обучении (стр. 476).

Увольнение рабочих — только потому, что они достигли известного *возраста,* а также вследствие того, что они выросли и не подходят больше для данной работы, не могут больше существовать на детский заработок и вместе с тем не обучились никакой другой работе (стр. 477).

Уничтожение mysteries* и традиционной косности мануфактуры и ремесла крупной промышленностью, которая

* — таинств. *Ред.*

превращает процесс производства в сознательное применение сил природы. Только крупная промышленность в отличие от всех прежних форм является *поэтому революционной* (стр. 479). Но как капиталистическая форма она *сохраняет для рабочего* окостенелое разделение труда, а так как она повседневно преобразует базис этого разделения труда, то это гибельно отражается на рабочем. С другой стороны, именно здесь, в этой необходимой перемене деятельности одного и того же рабочего, кроется требование максимальной многосторонности развития рабочего и возможности социальной революции (стр. 480, 481).

Необходимость распространения действия фабричного законодательства и на все нефабричные отрасли производства (стр. 482 и сл.). Закон 1867 г. (стр. 485). Рудники (примечание, стр. 486 и сл.).

Концентрирующее влияние фабричных законов, всеобщее распространение фабричного производства и тем самым классической формы капиталистического производства, обострение присущих ему противоречий, созревание элементов ниспровержения старого и элементов образования нового общества (стр. 488-493).

Земледелие. Здесь вытеснение рабочих машинами принимает еще более острый характер. Замена крестьянина наемным рабочим. Уничтожение сельской домашней мануфактуры. Обострение противоречий между городом и деревней. Сельские рабочие разъединены и слабы, в то время как городские рабочие концентрируются, поэтому плата земледельческих рабочих самая низкая. Вместе с тем *хищническое использование земли* — венец капиталистического способа производства, подрыв *источника всякого богатства:* земли и рабочего (стр. 493—496)*.

---

* Далее в рукописи дано название следующей главы: «Глава пятая. Дальнейшие исследования о производстве прибавочной стоимости» и на этом рукопись обрывается. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ ЖУРНАЛА «THE FORTNIGHTLY REVIEW» [211]

КАРЛ МАРКС О КАПИТАЛЕ*

Томас Тук в своих исследованиях денежного обращения указывает на тот факт, что деньги, функционируя как капитал, притекают обратно к своему исходному пункту, между тем как этого не бывает с деньгами, функционирующими только как средство обращения[212]. Это различие (которое, впрочем, было установлено значительно раньше сэром Джемсом Стюартом) используется г-ном Туком только в качестве одного из звеньев в его аргументации против утверждений сторонников теории «currency» о влиянии выпуска бумажных денег на цены товаров[213]. Наш автор, наоборот, делает это различие исходным пунктом своего исследования природы самого капитала и в особенности вопроса: каким образом деньги, эта независимая форма существования стоимости, превращаются в капитал.

Все деловые люди, говорит Тюрго, имеют то общее свойство, что они *покупают, чтобы продать;* их покупки — это аванс, который впоследствии возвращается к ним[214].

Купля с целью продажи — таков в самом деле характер сделки, в которой деньги функционируют как капитал и которая делает необходимым их возвращение к их исходному пункту, в отличие *от продажи с целью купли* — процесса, в котором деньги *могут* функционировать только как средство обращения. Таким образом, мы видим, что различный порядок, в котором акты продажи и купли следуют друг за другом, придает деньгам две различных формы обращения. Для иллюстрации этих двух процессов наш автор дает следующие формулы.

---

* Das Kapital. Von Karl Marx. Erster Band. Hamburg, Meissner, 1867.

Продажа с целью купли: товар *Т* обменивается на деньги Д, которые вновь обмениваются на другой товар *Т*, или: *Т—Д—Т*.

Купля с целью продажи: деньги обмениваются на товар, а этот последний вновь обменивается на деньги: *Д— Т— Д*.

Формула *Т — Д — Т* представляет простое обращение товаров, в котором деньги функционируют как средство обращения, как currency. Эта формула проанализирована в первой главе рецензируемой книги[215], в которой содержится новая и очень ясная теория стоимости и денег, чрезвычайно интересная в научном отношении, но которой мы здесь не рассматриваем, так как в целом она не имеет существенного значения для того, что мы считаем основным во взглядах Маркса на капитал.

Формула *Д — Т — Д,* с другой стороны, представляет ту форму обращения, в которой деньги сами превращаются в капитал.

Процесс купли с целью продажи: *Д — Т— Д* может, очевидно, быть сведен к *Д — Д;* это — косвенный обмен денег на деньги. Предположим, что я покупаю хлопок за 1000 ф. ст. и продаю его за 1100 фунтов стерлингов; тогда *в конечном счете* я обменял 1000 ф. ст. на 1100 ф. ст., деньги на деньги.

Конечно, если бы этот процесс всегда сводился к возвращению мне той денежной суммы, которую я авансировал, он был бы абсурдным. Но если купец, который авансировал 1000 ф. ст., реализует 1100 ф. ст., или 1000 ф. ст., или даже только 900 ф. ст., его деньги проделали движение, существенно отличающееся от того, которое выражено формулой *Т — Д — Т* и которое означает продажу с целью купли, продажу того, что вам не нужно, чтобы быть в состоянии купить то, что вам нужно, Сравним эти две формулы.

Каждый процесс состоит из двух фаз, или актов, и оба эти акта тождественны в обеих формулах, но между самими этими двумя процессами большая разница. В *Т — Д — Т* деньги только посредник; товар, потребительная стоимость, составляет исходный и конечный пункт. В *Д — Т — Д* товар — промежуточное звено, в то время как деньги являются началом и концом. В *Т — Д — Т* деньги окончательно издержаны; в Д — *Т — Д* они только авансированы с намерением получить их обратно; они возвращаются к своему исходному пункту, и в этом мы имеем первое осязательное различие между обращением денег как *средства обращения* и обращением денег как *капитала.*

В процессе продажи с целью купли, *Т — Д — Т,* деньги могут вернуться к своему исходному пункту только при усло-

вии, что весь процесс будет повторен, что будет продано новое количество товара. Обратный приток поэтому независим от самого процесса. В процессе же *Д — Т — Д* этот обратный приток является необходимостью и предусмотрен с самого начала; если он не имел места, то где-то произошла задержка, и процесс остается незавершенным.

В случае продажи с целью купли имеют в виду приобретение *потребительной* стоимости; в случае же купли с целью продажи — приобретение *меновой* стоимости.

В формуле *Т — Д — Т* оба крайних члена, выражаясь экономически, тождественны. Они оба — товары; они, кроме того, имеют количественно одну и ту же стоимость, так как вся теория стоимости предполагает, что обычно обмениваются только эквиваленты. В то же самое время эти два крайних члена *Т — Т* суть потребительные стоимости, различные по качеству, которые именно потому и обмениваются. В процессе *Д — Т — Д* вся операция на первый взгляд кажется лишенной смысла. Обменивать 100 ф. ст. на 100 ф. ст., к тому же еще окольным путем, кажется абсурдом. Одна денежная сумма может отличаться от другой денежной суммы только своей величиной. Поэтому *Д — Т — Д* может иметь какой-нибудь смысл только при количественном различии своих крайних членов. Из обращения должно быть извлечено больше денег, чем было в него брошено. Хлопок, купленный за 1000 ф. ст., продан за 1100 ф. ст. = 1000 ф. ст. + 100 фунтов стерлингов; формула, изображающая этот процесс, превращается таким образом в *Д — Т — Д',* в которой *Д'* == *Д* + Δ*Д*, *Д* плюс приращение. Эту Δ*Д*, это приращение, Маркс называет *прибавочной стоимостью*[*]. Первоначально авансированная стоимость не только сохраняется, но и присоединяет к себе некоторое приращение, она *порождает стоимость,* и *этот именно процесс превращает деньги в капитал.*

В формуле обращения *Т — Д — Т* крайние члены, конечно, также *могут* отличаться по стоимости, но это обстоятельство здесь совершенно не имеет значения; формула не лишается смысла, если оба крайних члена эквивалентны. Наоборот, **их** эквивалентность составляет условие ее нормального характера.

Повторение *Т — Д — Т* ограничено обстоятельствами, лежащими вне самого процесса обмена: требованиями потребления. Но в *Д — Т — Д* начало и конец тождественны по качеству,

[*] Во всех тех случаях, когда слово *«стоимость»* здесь употреблено без определения, оно всегда означает *меновую стоимость.*

и именно в силу этого факта движение это есть или может быть постоянным. Нет сомнения, что *Д* + Δ*Д* количественно отличается от *Д;* но это все еще ограниченная сумма денег. Если вы ее израсходуете, она перестает быть капиталом; если вы извлекаете ее из обращения, она застывает в виде сокровища. Раз мы допустили, что в процессе заложен стимул к тому, чтобы стоимость порождала стоимость, то этот стимул существует для *Д'* в такой же мере, в какой он существовал для *Д.* Движение капитала становится постоянным и бесконечным, потому что при окончании каждой отдельной сделки цель достигнута не более, чем раньше. Выполнение этого бесконечного процесса превращает владельца денег в *капиталиста.*

На первый взгляд кажется, что формула *Д — Т — Д* применима только к торговому капиталу. Но и промышленный капитал также представляет собой деньги, которые были обменены на товары и снова обменены на большую сумму денег. Конечно, в данном случае между куплей и продажей имеет место ряд промежуточных операций, происходящих вне сферы обращения; но они ничего не изменяют в характере процесса. С другой стороны, тот же самый процесс в его наиболее сокращенной форме мы видим в ссудном капитале. Здесь формула сводится к *Д — Д',* к стоимости, которая, так сказать, больше себя самой.

Но откуда берется это приращение Д, эта прибавочная стоимость? Наши предыдущие исследования природы товара, стоимости, денег и самого обращения не только не объясняют этого, но, по-видимому, даже исключают всякую форму обращения, которая в результате приводит к такой вещи, как прибавочная стоимость. Вся разница между обращением товаров *(Т — Д — Т)* и обращением денег как капитала *(Д — Т — Д)* состоит как будто только в обратной последовательности процесса; но как же это изменение последовательности может дать такой удивительный результат?

Более того: эта обратная последовательность существует только для *одного* из трех участников процесса. Как капиталист, я покупаю товар у А и перепродаю его *В. А* и *В* выступают в качестве простых покупателей и продавцов товаров. Я сам при покупке у А выступаю только как владелец денег, а при продаже *В* — как владелец товара; но ни в одной из этих сделок я не выступаю как капиталист, как представитель чего-то *большего,* чем деньги или товар. Для *А* сделка началась продажей, для *В* она началась покупкой. И если с моей точки зрения здесь есть обратная последовательность формулы *Т — Д — Т*, то с их точки зрения этого нет. Кроме того, ничто

не может помешать *A* продать свой товар *B* без моего посредничества, и в таком случае неоткуда взяться какой-нибудь прибавочной стоимости.

Предположим, что *A* и *B* покупают непосредственно друг у друга то, что им необходимо. Поскольку речь идет о потребительной стоимости, они оба могут быть в выигрыше. Возможно, что *A* в состоянии произвести своего особого товара больше, чем мог бы произвести его за то же самое время *B,* и vice versa*; в этом случае они оба будут в выигрыше. Иначе обстоит дело с меновой стоимостью. В этом последнем случае обмениваются равные количества стоимости независимо от того, служат деньги посредником или нет.

С абстрактной точки зрения, то есть исключая все обстоятельства, не вытекающие из имманентных законов простого товарного обращения, в этом простом обращении, кроме замены одной потребительной стоимости другой, происходит только смена форм товара. *Та же самая* меновая стоимость, то же самое количество общественного труда, воплощенного в предмете, остается в руках товаровладельца, будет ли это в виде данного товара, в виде ли денег, за которые он продан, или в виде другого товара, купленного за эти деньги. Эта смена форм сама по себе столь же мало означает изменение величины стоимости, как обмен билета в 5 ф. ст. на 5 соверенов. Поскольку здесь происходит только смена *форм* меновой стоимости, здесь должен происходить обмен эквивалентов, — по крайней мере, если процесс совершается в чистом виде и при нормальных условиях. Товары *могут* быть проданы по ценам, которые выше или ниже их стоимости, но, если это имеет место, это представляет собой нарушение закона товарного обмена. Следовательно, в своей чистой и нормальной форме товарный обмен не есть средство создания прибавочной стоимости. Отсюда и происходит ошибка всех экономистов, которые пытаются вывести прибавочную стоимость из товарного обмена, как, например, Кондильяк.

Но предположим, что процесс совершается не при нормальных условиях и что обмениваются не эквиваленты. Пусть каждый продавец продает, например, свой товар на 10% выше его стоимости. Caeteris paribus** теперь каждый из них теряет как покупатель то, что он выиграл как продавец. Получится то же самое, как если бы стоимость денег упала на 10%. Обратное, но с тем же результатом, произойдет, если все покупатели

* — наоборот. *Ред.*
** — При прочих равных условиях. *Ред.*

будут покупать свои товары на 10% ниже их стоимости. Мы ни на йоту не приблизимся к решению, предполагая, что каждый товаровладелец в качестве производителя продает товары выше их стоимости и в качестве потребителя покупает их выше их стоимости.

Последовательные защитники той иллюзии, что прибавочная стоимость возникает из номинальной надбавки к цене товаров, всегда предполагают существование класса, который покупает, никогда не продавая, который потребляет, не производя. На данной ступени нашего исследования мы еще не знаем такого класса. Но допустим, что он существует. Откуда этот класс берет деньги, чтобы покупать? Очевидно, от товаропроизводителей, — все равно, в силу ли права или насилия, — без обмена. Продавать такому классу товары выше их стоимости — значит только получить обратно часть тех денег, которые даны были совершенно безвозмездно. Так, например, города Малой Азии, платя дань римлянам, получали обратно часть этих денег, надувая римлян в торговле; но в конце концов все же эти города оставались в накладе. Таким образом, это не метод создания прибавочной стоимости.

Предположим случай надувательства. *A* продает *B* вино стоимостью в 40 ф. ст. за рожь стоимостью в 50 фунтов стерлингов. *A* выгадал 10 ф. ст., а *B* потерял 10 ф. ст., но вместе у них по-прежнему только 90 фунтов стерлингов. Стоимость перемещена, но не создана. Весь класс капиталистов данной страны не может увеличить свое общее богатство путем взаимного надувательства.

Следовательно: если обмениваются эквиваленты, то не возникает прибавочной стоимости, если же обмениваются неэквиваленты, то точно так же не возникает прибавочной стоимости. Обращение товаров не создает новой стоимости. Поэтому здесь оставлены вне рассмотрения две самые старые и наиболее широко известные формы капитала: торговый капитали капитал, приносящий проценты. Чтобы объяснить получение прибавочной стоимости этими двумя формами капитала иначе, чем путем простого надувательства, требуется ряд промежуточных звеньев, которые еще отсутствуют на данной ступени исследования. В дальнейшем мы увидим, что обе они — только производные формы, а также установим, почему они появляются в истории гораздо раньше современного капитала.

Прибавочная стоимость не может, таким образом, возникнуть из обращения товаров. Но может ли она возникнуть вне обращения? Вне обращения товаровладелец есть просто производитель товара, стоимость которого определяется коли-

чеством содержащегося в нем труда, измеряемого согласно определенным общественным законам. Эта стоимость выражена в счетных деньгах, предположим, в цене, составляющей 10 фунтов стерлингов. Но эта цена в 10 ф. ст. не есть в то же самое время цена в 11 фунтов стерлингов; труд, содержащийся в товаре, создаст стоимость, но не стоимость, которая порождает новую стоимость; он может прибавить новую стоимость к существующей стоимости, но лишь путем прибавления нового труда. Но как в таком случае может товаровладелец, вне сферы обращения, не приходя в соприкосновение с другими товаровладельцами, произвести прибавочную стоимость или, другими словами, превратить товары или деньги в капитал?

«Итак, капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть *вне* обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время *не* в обращении. Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т. е. *исходной точкой должен послужить обмен эквивалентов.* Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время *не* в сфере обращения. Таковы условия проблемы. Hic Rhodus, hic salta![*]» [176—177].[**]

Перейдем теперь к решению.

«Изменение стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах, ибо как покупательное средство и средство платежа они лишь *реализуют* цену товаров, покупаемых на них или оплачиваемых ими, между тем как застывая в. своей собственной форме, они превращаются в окаменелости неизменных величин стоимости. Столь же мало может возникнуть это изменение из второго акта обращения, из перепродажи товара, так как этот акт лишь превращает товар из его натуральной формы опять в денежную. *Следовательно, изменение должно произойти с товаром,* покупаемым в первом акте *Д—Т,* а не с его меновой стоимостью, так как обмениваются эквиваленты, причем товары оплачиваются по их стоимости. *Таким образом, это изменение может возникнуть только из потребительной стоимости товара* как таковой, т. е. из *его потребления.* Но извлечь меновую

[*] — Здесь Родос, здесь и прыгай! *Ред.*

[**] В квадратных скобках указаны страницы т. 23 настоящего издания. *Ред.*

стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, *сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником меновой стоимости, — такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созиданием стоимости.* И владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это — способность к труду, или *рабочая сила.*

Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.

Но для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, должны быть выполнены различные условия. Обмен товаров, сам по себе, не содержит никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы. А раз это так, рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносится на рынок или продается ее собственным владельцем, т. е. тем самым лицом, рабочей силой которого она является. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности. Он и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один — покупатель, а другой — продавец... Для сохранения этого отношения требуется, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что, если бы он продал ее целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар... Второе существенное условие, необходимое для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, состоит в том, что владелец рабочей силы должен быть лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд, и, напротив, должен быть вынужден продавать как товар самое рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме.

Для того чтобы кто-то имел возможность продавать отличные от его рабочей силы товары, он должен, конечно, обладать средствами производства, например сырьем, орудиями труда

и т. д. Сапоги нельзя сделать, не имея кожи. Работнику необходимы кроме того жизненные средства. Никто не может жить продуктами будущего, не может жить за счет потребительных стоимостей, производство которых еще не закончено; с первого дня своего появления на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять, прежде чем он начнет производить, и в то время как он производит. Если продукты производятся как *товары,* то *после* того как закончено их производство, они должны быть проданы и только после своей продажи могут удовлетворять потребности производителя. Ко времени, необходимому для производства, присоединяется время, необходимое для продажи.

Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на товарном рынке *свободного рабочего,* свободного в двояком смысле: в том смысле, что рабочий — свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы.

Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. И нас он пока интересует столь же мало. Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически. Одно во всяком случае ясно. Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства.

И те экономические категории, которые мы рассматривали раньше, так же носят на себе следы своей истории. Существование продукта в качестве товара предполагает определенные исторические условия. Чтобы стать товаром, продукт должен производиться не как непосредственное средство существования для самого производителя. Если бы мы пошли дальше в своем исследовании и спросили себя: при каких условиях все или, по крайней мере, большинство продуктов принимают форму товара, то мы нашли бы, что это происходит лишь на

основе совершенно специфического, а именно *капиталистического* способа производства. Но такое исследование выходило бы за рамки анализа товара. Товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости... Если мы остановим свое внимание на деньгах, то увидим, что они предполагают известный уровень товарного обращения. Различные формы денег — простой товарный эквивалент, или средство обращения, или средство платежа, сокровище и мировые деньги — указывают, смотря по различным размерам применения и сравнительному преобладанию той или другой функции, на весьма различные ступени общественного процесса производства. Тем не менее, как показывает опыт, достаточно сравнительно слабого развития товарного обращения, чтобы могли образоваться все эти формы. Иначе обстоит дело с капиталом. Исторические условия его существования отнюдь не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения. Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие заключает в себе целую мировую историю. Поэтому капитал с самого своего возникновения возвещает наступление особой эпохи общественного процесса производства» [177—181].

Рассмотрим теперь этот особенный товар — рабочую силу. Подобно всем другим товарам, рабочая сила обладает меновой стоимостью; эта стоимость определяется таким же способом, как и стоимость всех других товаров: рабочим временем, необходимым для ее производства и воспроизводства. Стоимость рабочей силы равна стоимости жизненных средств, необходимых для поддержания ее владельца в нормальном состоянии трудоспособности. Эти жизненные средства регулируются климатом и другими естественными условиями и уровнем жизни, исторически установившимся в каждой стране. Они изменяются, но для данной страны, для данной эпохи они — величина данная. Кроме того, они включают и жизненные средства для заместителей изнашивающихся рабочих, для их детей, чтобы этот особый вид товаровладельцев мог увековечить себя. Они включают, наконец, для квалифицированного труда затраты на обучение.

Минимальная граница стоимости рабочей силы есть стоимость физически абсолютно необходимых жизненных средств.

Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже ее стоимости, так как последняя предполагает рабочую силу нормального качества, а не неполноценную.

Из характера труда очевидно, что рабочая сила употребляется только *после* того, как она была продана, и во всех странах с капиталистическим способом производства труд оплачивается лишь после того, как он совершен. Таким образом, везде рабочий предоставляет кредит капиталисту. Г-н Маркс приводит из парламентских документов некоторые интересные примеры на этот счет; для ознакомления с ними мы отсылаем читателя к самой книге.

Потребляя рабочую силу, ее покупатель производит одновременно товары и прибавочную стоимость, но, чтобы рассмотреть этот процесс, мы должны оставить сферу обращения и перейти в сферу производства.

Здесь мы прежде всего находим, что процесс труда имеет двойственный характер. С одной стороны, это простой процесс производства потребительных стоимостей; как таковой он может и должен иметь место при всех исторических формах существования общества. С другой стороны, это процесс, совершающийся, как уже было указано ранее, при специфических условиях капиталистического производства. Это нам предстоит теперь исследовать.

Процесс труда на капиталистической основе имеет дне особенности. Во-первых, рабочий работает под контролем капиталиста, который следит за тем, чтобы ничего не растрачивалось зря и чтобы на каждый индивидуальный продукт труда затрачивалось не больше, чем общественно необходимое количество труда. Во-вторых,- продукт составляет собственность капиталиста, так как процесс труда совершается между двумя вещами, принадлежащими капиталисту: рабочей силой и средствами труда.

Капиталиста потребительная стоимость интересует лишь в той мере, в какой она является воплощением меновой стоимости и особенно прибавочной стоимости. Его цель — произвести товар, имеющий большую стоимость, чем сумма стоимости, вложенная в его производство. Но каким образом это может быть сделано?

Возьмем какой-нибудь товар, например хлопчатобумажную пряжу, и рассмотрим количество труда, заключающееся в нем. Предположим, что для производства 10 ф. пряжи требуется 10 ф. хлопка стоимостью в 10 шиллингов (отходы не принимаем во внимание). Затем требуются известные средства труда: паровая машина, чесальные и другие машины, уголь, смазочные

вещества и т. д. Для простоты мы назовем все это «веретенами» и предположим, что стоимость износа, угля и т. д., требующаяся для прядения 10 ф. пряжи, равна 2 шиллингам. Таким образом, мы имеем на 10 шилл. хлопка + на 2 шилл. веретен = 12 шиллингам. Если 12 шилл. представляют продукт 24 рабочих часов, или двух рабочих дней, тогда хлопок и веретена в пряже воплощают труд двух рабочих дней. Сколько же прибавилось в процессе прядения?

Предположим, что per diem* стоимость рабочей силы составляет 3 шилл. и что в этих 3 шилл. представлен шестичасовой труд. Предположим далее, что необходимо шесть часов, для того чтобы один рабочий выпрял 10 ф. пряжи. В таком случае 3 шилл. прибавлены к продукту трудом; стоимость 10 ф. пряжи равна 15 шилл., или 1 шилл. 6 пенсам за фунт.

Этот процесс чрезвычайно прост, но он не дает прибавочной стоимости. И не может дать, так как в капиталистическом производстве дело не происходит так просто.

«Присмотримся к делу поближе. Per diem стоимость рабочей силы составляла 3 шилл., потому что в ней самой овеществлена половина рабочего дня... То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно *половины* рабочего дня, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал *целый* день. Следовательно, стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги, было только conditio sine qua non**, потому что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это — та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. В самом деле, продавец рабочей силы, подобно продавцу всякого другого товара, реализует ее меновую стоимость и отчуждает ее потребительную стоимость. Он не может получить первой, не отдавая второй. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла — торговцу маслом. Владелец денег оплатил per diem стоимость рабочей силы,

* — дневная. *Ред.*
** — необходимым условием. *Ред.*

поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу.

Итак, рабочий, работая 12 часов, изготовляет 20 ф. пряжи, в которых представлено на 20 шилл. хлопка, на 4 шилл. веретен и т. д., и труд его стоит 3 шилл., то есть всего 27 шиллингов. Но если 10 ф. хлопка впитывали 6 рабочих часов, то 20 ф. хлопка впитали 12 рабочих часов, равных 6 шиллингам. В этих 20 ф. пряжи теперь овеществлено 5 рабочих дней: 4 в потребленном количестве хлопка и веретен, 1 впитан хлопком в процессе прядения. Но денежное выражение 5 рабочих дней есть 30 шиллингов. Это и есть, следовательно, цена 20 ф. пряжи. Фунт пряжи по-прежнему стоит 1 шилл. 6 пенсов. Но сумма стоимостей товаров, брошенных в процесс, составляла 27 шиллингов. Стоимость продукта возросла на $^1/_9$ по сравнению с авансированной на его производство стоимостью. Таким образом 27 шилл. превратились в 30 шиллингов. Они принесли прибавочную стоимость в 3 шиллинга. Наконец фокус удался. Деньги превратились в капитал.

Все условия проблемы соблюдены, и законы товарного обмена нисколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал каждый товар — хлопок, веретена, рабочую силу — по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость. Процесс потребления рабочей силы, который является в то же время и процессом производства товара, дал продукт, 20 ф. пряжи, стоимостью в 30 шиллингов. Теперь капиталист возвращается на рынок и продает товар. Он продает фунт пряжи по 1 шилл. 6 пенсов, ни на грош не дороже и не дешевле его стоимости. И, тем не менее, он извлекает из обращения на 3 шилл. больше, чем первоначально бросил в него. Весь этот процесс, превращение его денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается *не* в ней. При посредстве обращения — потому что он обусловливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении — потому что последнее только подготовляет процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства. Таким образом,

«tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles»[*]» [204—206].

От изложения способа производства прибавочной стоимости г-н Маркс переходит к ее анализу. Из предыдущего очевидно, что только одна часть вложенного в производственное предприятие капитала непосредственно участвует в создании прибавочной стоимости, а именно капитал, авансированный на покупку рабочей силы. Только эта часть производит *новую* стоимость; капитал, вложенный в машины, сырье, уголь и т. д., правда, вновь появляется pro tanto[**] в стоимости продукта, он сохраняется и воспроизводится, но из него не получается прибавочной стоимости. Это побуждает г-на Маркса предложить новое разделение капитала: на *постоянный* капитал — тот, который только воспроизводится: часть, вложенная в машины, сырье и все другие элементы, необходимые для процесса труда, — и *переменный* капитал, — тот, который не только воспроизводится, но который в то же самое время является непосредственным источником прибавочной стоимости: часть, которая затрачена на покупку рабочей силы, на заработную плату. Отсюда ясно, что, как бы ни был необходим постоянный капитал для производства прибавочной стоимости, он, однако, не участвует в нем непосредственно, и, кроме того, величина вложенного в производство постоянного капитала не имеет ни малейшего влияния на величину прибавочной стоимости, производимой в данной отрасли[***]. Следовательно, постоянный капитал не должен быть принят во внимание при установлении *нормы* прибавочной стоимости. Последняя может быть определена только путем сопоставления величины прибавочной стоимости с величиной капитала, непосредственно участвующего в создании ее, то есть с величиной *переменного* капитала. Г-н Маркс поэтому определяет норму прибавочной стоимости как отношение прибавочной стоимости только к переменному капиталу: если дневная цена труда равна 3 шилл., а ежедневно создаваемая прибавочная стоимость также равна 3 шилл., тогда норма прибавочной стоимости равна 100%. До каких курьезов можно дойти, если считать, как это обычно принято, постоянный капитал активным фактором в производстве прибавочной стоимости, можно видеть на примере г-на Н. У. Сениора, «когда этот оксфордский профессор, известный своими экономическими познаниями и своим прекрасным стилем, был

[*] — «все к лучшему в этом лучшем из миров» (Вольтер, «Кандид»). *Ред.*
[**] — соответствующей долей. *Ред.*
[***] Мы должны здесь заметить, что прибавочная *стоимость* отнюдь не тождественна с прибылью.

вызван в 1836 г. в Манчестер, чтобы поучиться здесь политической экономии (у бумагопрядильных фабрикантов), вместо того чтобы обучать ей в Оксфорде» [235]

Рабочее время, в продолжение которого рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы, г-н Маркс называет *«необходимым трудом»;* время, проработанное сверх этого, в продолжение которого производится прибавочная стоимость, он называет *«прибавочным трудом».* Необходимый труд и прибавочный труд вместе образуют *«рабочий день».*

В рабочем дне время, потребное для необходимого труда, дано; но время, употребляемое для прибавочного труда, не установлено никаким экономическим законом; оно может быть, в пределах определенных границ, более продолжительным и менее продолжительным. Оно никогда не может быть равно нулю, потому что тогда исчезло бы для капиталиста побуждение применять труд; вместе с тем общая продолжительность рабочего дня по физиологическим причинам никогда не может достигнуть 24 часов. Однако между рабочим днем, например, в 6 часов и рабочим днем в 24 часа есть много промежуточных ступеней. Законы товарного обмена требуют, чтобы продолжительность рабочего дня не превышала продолжительности, совместимой с нормальным износом рабочего. Но что означает этот нормальный износ? Сколько часов ежедневного труда совместимо с нормальным износом? Здесь мнение капиталистов резко отличается от мнения рабочих, а так как высшего авторитета в этом отношении нет, то вопрос решается *силой.* История установления продолжительности рабочего дня есть история борьбы за его границы между совокупным капиталистом к совокупным рабочим, между классом капиталистов и классом рабочих.

«Капитал, как уже отмечалось, не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства, будет ли этим собственником афинский χαλοζ χαγαυοζ*, этрусский теократ, civis romanus**, норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист» [246—247].

Однако очевидно, что во всяком обществе, где потребительная стоимость продукта имеет большее значение, чем его

* — аристократ. *Ред.*
** — римский гражданин. *Ред.*

меновая стоимость, прибавочный труд ограничен более или менее узким кругом общественных потребностей и что при этих условиях не существует непременного стремления к прибавочному труду ради него самого. Так, в классический период древности прибавочный труд в его крайней форме, труд, убивающий работника, существовал почти исключительно в золотых и серебряных рудниках, где меновая стоимость производилась в ее самостоятельной форме, в виде денег.

«Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому труд негров в южных штатах Американского союза носил умеренно-патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становился фактором рассчитанной и рассчитывающей системы... То же самое происходило с *барщинным трудом,* например в Дунайских княжествах» [247].

Здесь сравнение с капиталистическим производством становится особенно интересным, потому что при *барщине* прибавочный труд обладает самостоятельной осязательной формой.

«Предположим, что рабочий день состоит из 6 часов необходимого труда и 6 часов прибавочного труда. В таком случае свободный рабочий доставляет капиталисту еженедельно 36 часов прибавочного труда. Это равносильно тому, как если бы он работал 3 дня в неделю на себя и 3 дня в неделю даром на капиталиста. Но это распадение рабочего времени незаметно. Прибавочный труд и необходимый труд сливаются вместе. Поэтому то же самое отношение я мог бы, например, выразить в таком виде, что рабочий в продолжение каждой минуты работает 30 секунд на себя и 30 секунд на капиталиста. Иначе обстоит дело с *барщинным трудом.* Необходимый труд, который выполняет, например, валашский крестьянин для поддержания собственного существования, пространственно отделен от его прибавочного труда на боярина. Первый труд он выполняет на своем собственном поле, второй — в господском поместье. Обе части рабочего времени существуют поэтому самостоя-

тельно. В форме *барщинного труда* прибавочный труд точно отделен от необходимого труда» [248].

Мы должны воздержаться от цитирования дальнейших интересных иллюстраций современной социальной истории Дунайских княжеств, которыми г-н Маркс доказывает, что бояре, поддержанные русским вмешательством, так же хорошо умеют извлекать прибавочный труд, как всякий капиталистический предприниматель. Но то, что Reglement organique*, по которому русский генерал Киселев наделил бояр почти неограниченной властью над крестьянским трудом, выражает положительно, то английские фабричные законы выражают отрицательно.

«Эти законы обуздывают стремления капитала к безграничному высасыванию рабочей силы, устанавливая принудительное ограничение рабочего дня государством, и притом государством, в котором господствуют капиталист и лендлорд. Не говоря уже о нарастающем рабочем движении, с каждым днем все более грозном, ограничение фабричного труда было продиктовано той же самой необходимостью, которая заставила выливать гуано на английские поля. То же слепое хищничество, которое в одном случае истощало землю, в другом случае в корне подрывало жизненную силу нации. Периодически повторявшиеся эпидемии говорили здесь так же убедительно, как уменьшение роста солдат в Германии и во Франции» [250—251].

Чтобы доказать тенденцию капитала к удлинению рабочего дня за всякие разумные пределы, г-н Маркс широко пользуется отчетами фабричных инспекторов, отчетами комиссии по обследованию условий детского труда, отчетами о здоровье населения и другими парламентскими документами и резюмирует их в следующих выводах:

«Что такое рабочий день? Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, per diem стоимость которой он оплачивает? Насколько может быть удлинен рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает полных 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собой разумеется, что рабочий на протяжении всей своей жизни есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву есть рабочее время и, следовательно,

* — Органический регламент. *Ред.*

целиком принадлежит процессу самовозрастания стоимости капитала... Но при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня... Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы... Капиталистическое производство ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы. На известный срок оно удлиняет производственное время данного рабочего, но достигает этого путем сокращения продолжительности его жизни» [274—276].

Но разве это не противоречит интересам самого капитала? Разве капитал с течением времени не должен возместить стоимость этого чрезмерного износа? Теоретически это возможно. На практике же организованная торговля рабами в пределах южных штатов возвела износ рабочей силы рабов в течение семи лет в общепризнанный экономический принцип; на практике английский капиталист рассчитывает на предложение рабочих из сельскохозяйственных округов.

«В общем опыт показывает капиталисту, что постоянно существует известное перенаселение, т. е. перенаселение сравнительно с существующей в каждый данный момент потребностью капитала в возрастании, хотя перенаселение это и составляется из хилых, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений. С другой стороны, опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, которое с исторической точки зрения родилось лишь вчера, уже успело в корне подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением нетронутых жизненных элементов деревни и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и неограниченное действие среди них закона естественного отбора, в силу которого выживают лишь наиболее сильные индивидуумы. Капитал, который имеет столь «хорошие основания» отрицать страдания окружающего его поколения рабочих, в своем практическом движении считается с перспективой будущего вырождения и в конечном счете неизбежного вымирания человечества не меньше и не больше, чем с перспективой возможного падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь

и укрыть его в безопасном месте. Après moi le déluge![*] — вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению... Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. При свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон» [278—280].

Установление нормального рабочего дня есть результат многовековой борьбы между предпринимателем и рабочим. Интересно наблюдать два противоположных течения в этой борьбе. Вначале законы имеют целью принудить рабочих работать дольше; со времени первых рабочих статутов (статут, принятый на 23 году царствования Эдуарда III, 1349 г.) до XVIII столетия господствующим классам никогда не удавалось вынудить у рабочего полное количество возможного труда. Но с введением пара и новейших машин дела приняли другой оборот. Введение женского и детского труда с такой быстротой опрокидывало все традиционные пределы рабочего времени, что XIX столетие началось системой чрезмерного труда, равной которой нет в истории человечества и которая уже в 1803 г. вынудила законодательство установить ограничения рабочего дня. Г-н Маркс дает полный отчет об истории английского фабричного законодательства вплоть до фабричного закона 1867 г. и приходит к следующим заключениям:

1) Машины и пар вызывают чрезмерный труд прежде всего в тех отраслях промышленности, в которых они применяются, и потому законодательные ограничения применяются прежде всего в этих отраслях; но в дальнейшем мы находим, что эта система чрезмерного труда распространяется также почти на все производства, даже на такие, в которых машины вовсе не применяются или в которых продолжают существовать самые примитивные способы производства (см. Отчеты комиссии по обследованию условий детского труда).

2) С введением на фабриках женского и детского труда индивидуальный «свободный» рабочий теряет способность сопротивления натиску капитала и вынужден безоговорочно подчиниться. Это заставляет его прибегнуть к коллективному сопротивлению: начинается борьба класса против класса, борьба совокупного рабочего против совокупного капиталиста.

[*] — После меня хоть потоп! *Ред.*

Если мы теперь вернемся к тому моменту, когда мы предполагали, что наш «свободный» и «равноправный» рабочий заключает договор с капиталистом, то мы увидим, что в этом процессе производства весьма многое значительно изменилось. Этот договор со стороны рабочего не является добровольным договором. Время, на которое он волен ежедневно продавать свою рабочую силу, есть то время, на которое он вынужден продавать ее; и только сопротивление рабочих, как массы, вынуждает к введению законов, которые являются общественным препятствием, мешающим рабочим на основании «свободного» договора продавать на смерть и рабство самих себя и своих детей. «На место пышного каталога «неотчуждаемых прав человека» выступает скромная Magna Charta* ограниченного законом рабочего дня» [311].

Теперь нам предстоит анализировать *норму* прибавочной стоимости и ее отношение к *массе* производимой прибавочной стоимости. В этом исследовании мы предполагаем, как мы это делали и до сих пор, что стоимость рабочей силы есть определенная, постоянная величина.

При этом предположении норма прибавочной стоимости определяет в то же самое время и ту массу ее, которую отдельный рабочий доставляет капиталисту за данное время. Если стоимость нашей рабочей силы равна 3 шилл. в день, представляющим 6 часов труда, а норма прибавочной стоимости составляет 100%, тогда переменный капитал в 3 шилл. производит каждый день прибавочную стоимость в 3 шилл., или рабочий доставляет каждый день 6 часов прибавочного труда.

Так как переменный капитал есть денежное выражение всей рабочей силы, которая одновременно применяется капиталистом, то общая сумма прибавочной стоимости, производимой рабочей силой, получается путем умножения этого переменного капитала на норму прибавочной стоимости; другими словами, она определяется отношением между числом одновременно применяемых рабочих сил и степенью эксплуатации. Каждый из этих факторов может изменяться, так что уменьшение одного может компенсироваться увеличением другого. Переменный капитал, необходимый для применения 100 рабочих при норме прибавочной стоимости в 50% (скажем, при 3 часах прибавочного труда ежедневно), произведет не больше прибавочной стоимости, чем половина этого переменного капитала, применяющего 50 рабочих при норме прибавочной стоимости в 100% (скажем, при 6 часах прибавочного труда ежедневно). Таким

* — Великая Хартия. *Ред.*

образом, при известных обстоятельствах и в известных пределах, количество труда, находящегося в распоряжении капитала, может стать независимым от количества рабочих в данный момент.

Есть, однако, абсолютная граница этого увеличения прибавочной стоимости путем повышения ее нормы. Какова бы ни была стоимость рабочей силы, составляет ли необходимое рабочее время 2 или 10 часов, общая стоимость, которую рабочий может производить изо дня в день, никогда не может достигнуть стоимости, в которой представлены 24 часа труда. Для получения одного и того же количества прибавочной стоимости переменный капитал может быть замещен удлинением рабочего дня только в этих пределах. Это обстоятельство впоследствии будет иметь важное значение для объяснения ряда явлений, вытекающих из двух противоречивых тенденций капитала: 1) уменьшать число применяемых рабочих, то есть величину переменного капитала, и 2) все же производить возможно большее количество прибавочного труда.

Далее: «Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов... Этот закон явно противоречит всему опыту, основанному на *внешней видимости* явлений. Каждый знает, что владелец хлопчатобумажной прядильной фабрики, который... применяет относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает от этого меньше прибыли, или прибавочной стоимости, чем хозяин пекарни, который приводит в движение относительно много переменного и мало постоянного капитала. Для разрешения этого кажущегося противоречия требуется еще много промежуточных звеньев, как в элементарной алгебре требуется много промежуточных звеньев для того, чтобы понять, что $^0/_0$ может представлять действительную величину» [316].

В данной стране при данной продолжительности рабочего дня прибавочная стоимость может быть увеличена только путем увеличения числа рабочих, то есть путем увеличения населения; это увеличение образует математическую границу производства прибавочной стоимости совокупным капиталом данной страны. С другой стороны, если дано число рабочих, эта граница устанавливается возможным удлинением рабочего дня. Мы впоследствии увидим, что этот закон действителен только для той формы прибавочной стоимости, которую мы рассматривали до сих пор.

На этой стадии нашего исследования мы находим, что не всякая сумма денег может быть превращена в капитал, что для этого существует известный минимум: издержки на определенное количество рабочей силы и на средства труда, необходимые для приведения этой рабочей силы в движение. Предположим, что норма прибавочной стоимости составляет 50%; тогда нашему начинающему капиталисту пришлось бы применять двух рабочих, чтобы жить самому так, как живет рабочий. Но при этом он не мог бы делать какие-либо сбережения; целью же капиталистического производства является не только сохранение, но также, и главным образом, увеличение богатства.

«Для того чтобы жить только вдвое лучше обыкновенного рабочего и превращать снова в капитал половину производимой прибавочной стоимости, ему пришлось бы вместе с числом рабочих увеличить в восемь раз минимум авансируемого капитала. Конечно, он сам, подобно своему рабочему, может прилагать свои руки непосредственно к процессу производства, но тогда он и будет чем-то средним между капиталистом и рабочим, будет «мелким хозяйчиком». Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы все время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, т. е. как персонифицированный капитал, он мог употреблять на присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним и на продажу продуктов этого труда. Средневековые цехи стремились насильственно воспрепятствовать превращению ремесленника-мастера в капиталиста, ограничивая очень незначительным максимумом число рабочих, которых дозволялось держать отдельному мастеру. Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия» [318].

Та минимальная сумма стоимости, которая необходима для превращения владельца денег или товаров в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития различна в различных сферах производства.

В процессе производства, подробно рассмотренном выше, отношения между капиталистом и рабочим значительно изменились. Прежде всего капитал развился в командование над трудом, то есть над самим рабочим. Персонифицированный капитал, капиталист, наблюдает за тем, чтобы рабочий испол-

нял свою работу регулярно, старательно и с надлежащей степенью интенсивности.

«Далее, капитал развился в принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять больше труда, чем того требует узкий круг его собственных жизненных потребностей. Как производитель чужого трудолюбия, как высасыватель прибавочного труда и эксплуататор рабочей силы, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит все прежнее системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде.

Капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических условиях, при которых он его исторически застает. Следовательно, он не сразу изменяет способ производства. Производство прибавочной стоимости в той форме, которую мы до сих пор рассматривали, т. е. посредством простого удлинения рабочего дня, представлялось поэтому независимым от какой бы то ни было перемены в самом способе производства. В старомодной пекарне оно было не менее действенным, чем в современной хлопкопрядильне.

Если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а просто как к средствам и материалу своей целесообразной производительной деятельности. На кожевенном заводе, например, он обращается с кожей просто как с предметом своего труда. Он дубит кожу не для капиталиста. Иное получится, если мы будем рассматривать процесс производства с точки зрения процесса увеличения стоимости. Средства производства тотчас же превращаются в сродства впитывания чужого труда. И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не он потребляет *их* как вещественные элементы своей производительной деятельности, а они потребляют *его* как фермент их собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости. Плавильные печи и производственные здания, которые ночью отдыхают и не впитывают живого труда, представляют собой «чистую потерю» для капиталиста. Поэтому плавильные печи и производственные здания создают «притязание на ночной труд» рабочих сил (см. «Отчеты комиссии по обследованию условий детского труда. Отчет четвертый, 1865», стр. 79—85). Простое превращение денег в вещественные факторы процесса производства, в средства производства, превращает последние в юридический титул и принудительный титул на чужой труд и прибавочный труд» [319—320].

Однако имеется другая форма прибавочной стоимости. Когда достигнут крайний предел продолжительности рабочего дня, у капиталиста остается еще другой способ увеличения прибавочного труда: путем повышения производительности труда уменьшить стоимость рабочей силы и таким образом сократить время необходимого труда. Эта форма прибавочной стоимости будет рассмотрена в следующей статье.

Написано Ф. Энгельсом около 22 мая 1 июля 1868 г.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма» № 1, 1926 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ МЕСТА СОЗЫВА КОНГРЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛА В 1868 ГОДУ [216]

Принимая во внимание,

1) что бельгийский парламент только что продлил на 3 года закон, по которому каждый иностранец может быть выслан за пределы страны бельгийской исполнительной властью;

2) что достоинство Международного Товарищества Рабочих не позволяет созвать конгресс в таком месте, где он окажется во власти местной полиции;

3) что статьей 3 Устава Международного Товарищества Рабочих Генеральному Совету предоставлено право в случае необходимости изменить место созыва конгресса;

Генеральный Совет постановляет созвать конгресс Международного Товарищества Рабочих в Лондоне 5 сентября 1868 года.

Внесено 2 июня 1868 г.

Напечатано в «The Bee-Hive Newspaper» № 347, 6 июня 1868 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ВЫСТУПЛЕНИЯ Ф. ПИА[217]

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих снимает с себя всякую ответственность за речь, произнесенную на публичном собрании в Кливленд-холле Феликсом Пиа, который не имеет никакого отношения к Товариществу.

Внесено К. Марксом 7 июля 1868 г.

Напечатано в газетах «La Liberte» № 55, 12 июля 1868 г. и «La Tribune du Peuple» № 7, 26 июля 1868 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

К. МАРКС

МОЙ ПЛАГИАТ У Ф. БАСТИА [218]

В ....[*] некий последователь Бастиа делает открытие, будто я украл у *Ф. Бастиа,* — да к тому же еще в искаженной форме, — определение *величины стоимости* товара *«общественно-необходимым рабочим временем»,* потребным для производства этого товара. Я мог бы, пожалуй, не обращать внимания на это qui pro quo[**]. Но если этот бастианец № 1 находит мое определение стоимости по существу тождественным с определением Бастиа, то бастианец № 2 почти одновременно заявляет в *лейпцигском* «Literarisches Centralblatt» от .....[***].

Таким образом, в результате сложения бастианца № 1 с бастианцем № 2 получится, что вся армия бастианцев должна была бы перейти теперь в мой лагерь и принять целиком все мои взгляды на капитал. Понятно, что только после упорной душевной борьбы я решаюсь отказаться от удовольствия, которое может доставить мне такая аннексия.

Определение стоимости, содержащееся в моей работе *«Капитал», 1867 г.,* имеется уже в моем, написанном двумя десятилетиями раньше, сочинении против Прудона *«Нищета философии», Париж, 1847* (стр. 49 и сл.)[219]. Мудрствования же Бастиа о стоимости появились в свет только несколько лет спустя[220]. Поэтому я не мог списать у Бастиа, но Бастиа, конечно, мог

[*] В рукописи оставлено место для названия печатного органа — «Vierteljahrschrlft fur Volkswirtschaft und Kulturgeschichte». *Ред.*

[**] — недоразумение. *Ред.*

[***] В рукописи оставлено место для даты — 4 июля 1868 г. — и цитаты: «Опровержение теории стоимости — единственная задача того, кто борется против Маркса, ибо если согласиться с этой аксиомой, тогда необходимо признать почти все, сделанные Марксом с железной логикой, выводы». *Ред.*

списать у меня. Однако Бастиа в действительности не дает никакого анализа стоимости. Он лишь пережевывает бессодержательные понятия для утешительного доказательства, что «мир полон великих, прекрасных, полезных услуг»[221].

Немецкие бастианцы, как известно, все национал-либералы. Я оказываю им, следовательно, тоже «великую, прекрасную услугу», указывая на *специфически прусское происхождение* премудрых открытий Бастиа. Ведь старик *Шмальц* был прусским правительственным советником и даже, если не ошибаюсь, тайным прусским правительственным советником. Кроме того, он отличался тонким нюхом на демагогов[222]. Итак, этот старый Шмальц опубликовал в *1818 г. в Берлине «Руководство к изучению политической экономии».* Французский перевод его руководства появился в 1826 г. в Париже под названием: «Политическая экономия»[223]. Переводчик этой книги, Анри Жуффруа, фигурировал на титульном листе тоже в звании «прусского правительственного советника». Следующая цитата дает не только по существу, но и по форме квинтэссенцию представления Бастиа о стоимости:

«Труд других вообще никогда не дает нам ничего иного, кроме *экономии времени;* и эта экономия времени и есть все то, что составляет *его стоимость* и *его цену.* Столяр, например, который изготовляет для меня стол, и слуга, который относит мои письма на почту, чистит мою одежду или доставляет необходимые мне вещи, оба оказывают мне *услуги* совершенно одинакового характера: и тот и другой *сберегают* мне время, причем как время, которое я сам был бы вынужден затратить на эту работу, так и время, которое мне пришлось бы затратить на приобретение навыков и умения, необходимых для выполнения этой работы» (Шмальц, цит. соч., т. I, стр. 304).

Итак, мы знаем теперь, откуда Бастиа взял свое сало, вернее, я хотел сказать, свой смалец [Schmalz].

Написано К. Марксом около 11 июля 1868 г.

Впервые опубликовано в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 издание, т. XIII, чисть I, 1936 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ОТНОШЕНИЯ БРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ЦАРСКОЙ РОССИИ [224]

Совет Международного Товарищества Рабочих клеймит позором новое проявление раболепства британского правительства по отношению к России — через месяц после того, как русское правительство указом уничтожило название Польши, британское правительство изъяло в бюджете прилагательное «польские» перед словом «эмигранты».

Внесено К. Марксом 14 июля 1868 г.

Напечатано в газете «The Bee-Hive» № 352, 18 июля 1868 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МАШИН ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ БРЮССЕЛЬСКОМУ КОНГРЕССУ [225]

С одной стороны, машины оказались самым мощным орудием деспотизма и вымогательства в руках класса капиталистов, с другой стороны, развитие машинного производства создает материальные условия, необходимые для замены системы наемного труда подлинно общественной системой производства.

Внесено К. Марксом 11 августа 1868 г.

Напечатано в брошюре «The International Working Men's Association. Resolutions of the Congress of Geneva, 1866, and the Congress of Brussels, 1868». London, 1868

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРЕЗИДЕНТУ И ПРАВЛЕНИЮ ВСЕОБЩЕГО ГЕРМАНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА[226]

Лондон, 18 августа 1868 г.

Для окончания подготовительных работ к Брюссельскому конгрессу на 22 августа назначено заседание Исполнительной комиссии Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих[227], а на 25 августа — пленарное заседание Генерального Совета. Так как мне поручено выступить с докладами на обоих заседаниях, то я лишен возможности последовать почетному приглашению принять участие в работе съезда Всеобщего германского рабочего союза в Гамбурге.

Я с удовольствием вижу, что программа вашего съезда включает вопросы, которые действительно должны быть исходными пунктами всякого серьезного рабочего движения: агитация за полную политическую свободу, нормирование рабочего дня и планомерное международное сотрудничество рабочего класса в деле осуществления той великой всемирно-исторической задачи, которую он должен разрешить для всего общества. Желаю успеха в работе!

С демократическим приветом

Карл Маркс

Напечатано в газете «Social-Democrat» № 100, 28 августа 1868 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОКРАЩЕНИИ РАБОЧЕГО ДНЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ БРЮССЕЛЬСКОМУ КОНГРЕССУ [228]

Поскольку единогласно принятая Женевским конгрессом 1866 г. резолюция гласит: Законодательное ограничение рабочего дня является предварительным условием, без которого какие-либо дальнейшие социальные улучшения невозможны, то Совет считает, что настала пора сделать практические выводы из этой резолюции и что все отделения Международного Товарищества Рабочих обязаны приступить к обсуждению этого вопроса применительно к практике различных стран, где существуют организации Товарищества.

Внесено К. Марксом 25 августа 1868 г.

Напечатано в газете «The Bee-Hive» № 359, 29 августа 1868 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [229]

1867—1868 годы составляют эпоху в истории Международного Товарищества Рабочих. После периода спокойного поступательного развития влияние его настолько усилилось, что вызвало злостные наветы со стороны господствующих классов и преследования[*] со стороны правительств. Оно вступило в стадию борьбы.

Французское правительство, разумеется, идет впереди всех в своих реакционных действиях против рабочего класса. Уже в прошлом году нам пришлось разоблачить некоторые из его враждебных маневров — утайку писем, конфискацию нашего Устава, захват документов Женевского конгресса на французской границе[**]. Последние, возврата которых мы долго и тщетно требовали в Париже, были нам, наконец, отданы только под официальным нажимом лорда Стэнли, английского министра иностранных дел.

Однако в этом году империя окончательно сбросила маску. Она открыто пыталась уничтожить Международное Товарищество Рабочих с помощью своей полиции[***] и судов. Династия 2 декабря обязана своим появлением на свет классовой борьбе, величайшим проявлением которой было июньское восстание 1848 года, и поэтому неизбежно ей приходилось попеременно играть роль спасителя буржуазии и отеческого

[*] В английском тексте вместо слова «преследования» напечатано: «проявление враждебности». *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 559. *Ред.*

[***] В английском тексте вместо слов «своей полиции» напечатано: «Coups de police» (полицейских налетов). *Ред.*

покровителя пролетариата. Как только растущая мощь Международного Товарищества Рабочих отчетливо проявилась в забастовках Амьена, Рубе, Парижа, Женевы и т. д.[230], самозванному покровителю рабочих осталось либо прибрать к рукам наше Товарищество, либо уничтожить его. В начале предъявленные требования были скромными. Манифест, зачитанный парижскими делегатами Женевскому конгрессу (1866) и изданный в Брюсселе на следующий год[231] был конфискован на французской границе. В ответ на запрос нашего парижского комитета о причинах этой насильственной меры министр *Руэ* пригласил одного из членов комитета для личной беседы. Во время последовавшей за этим встречи он прежде всего потребовал смягчения и изменения некоторых мест манифеста. Получив отказ, он заметил:

«Все же, можно было бы договориться, если бы вы вставили хоть несколько слов благодарности императору, который, ведь, столько сделал для рабочего класса».

Этот тонкий намек Руэ, правой руки императора, не встретил ожидаемого отклика. С этого момента правительство 2 декабря только и ждало какого-нибудь предлога для насильственного устранения Товарищества. Гнев его еще более возрос в результате антишовинистической агитации, которую повели наши французские члены после прусско-австрийской войны. Вскоре, когда паника, вызванная в Англии заговором фениев, достигла высшей точки, Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих направил британскому правительству петицию, в которой изобличал предстоящую казнь трех манчестерских мучеников как юридическое убийство[*]. Одновременно мы проводили в Лондоне митинги в защиту прав Ирландии. Французское правительство, всегда жаждущее выслужиться перед Англией, сочло, что наступил благоприятный момент для нанесения удара Международному Товариществу Рабочих по ту и другую сторону Ла-Манша. Ночью полиция вломилась в квартиры членов нашего парижского комитета, перерыла их личные письма и с большим шумом объявила в английской печати, что центр фенианского заговора, наконец, раскрыт и что одним из его главных органов является, будто бы, Международное Товарищество Рабочих[232]. Много шума из ничего! Во время судебного расследования при всем усердии

[*] В английском тексте вместо слов «изобличал предстоящую казнь трех манчестерских мучеников как юридическое убийство» напечатало: «требовал смягчения приговора трем манчестерским мученикам и изобличал приговор их к казни через повешение как акт политической мести». (Текст обращения см. в настоящем томе, стр. 224—225.) *Ред.*

не нашли и тени corpus delicti*. После того, как попытка превратить Международное Товарищество Рабочих в тайное общество заговорщиков так позорно провалилась, прибегли к очередной уловке. Парижский комитет подвергли преследованию как неузаконенное общество, насчитывающее в своем составе более 20 членов[233]. Французские судьи, прошедшие школу империи, конечно, без долгих размышлений объявили о роспуске Товарищества и приговорили членов комитета к денежным штрафам и тюремному заключению**. Однако суд во вступительной части приговора дважды впал в наивность — с одной стороны, признал растущую мощь Международного Товарищества Рабочих, а с другой заявил, что существование империи 2 декабря несовместимо с существованием рабочего общества, которое искренне считает истину, справедливость и нравственность своими руководящими принципами. Последствия этих преследований вскоре дали себя знать в департаментах, где после парижских приговоров начались мелочные придирки со стороны префектов. Однако эти правительственные придирки, отнюдь не уничтожив Международное Товарищество Рабочих, лишь придали ему новые жизненные силы***. Ничто так не усилило влияния Товарищества во Франции, как то обстоятельство, что оно, наконец, принудило правительство 2 декабря открыто порвать с рабочим классом.

В Бельгии наше Товарищество достигло больших успехов. Шахтовладельцы в бассейне Шарлеруа постоянными притеснениями довели своих углекопов до бунта, чтобы затем бросить на безоружную толпу вооруженную силу. В обстановке спровоцированной таким образом паники бельгийское отделение Товарищества взяло дело углекопов в свои руки, разоблачило через печать и на публичных собраниях их бедственное экономическое положение, поддержало семьи убитых и раненых и обеспечило заключенным юридическую защиту. Все они были, в конце концов, оправданы судом присяжных[234]. После событий в Шарлеруа успех Интернационала в Бельгии был обеспечен. Между тем, министр юстиции Жюль Бара выступил в бельгийской палате депутатов с обвинениями против Международного

* — состава преступления. (В английском тексте вместо слов «не нашли и тени corpus delicti» напечатано: «не привели ни к чему. Сам прокурор с отвращением отказался поддерживать обвинение».) *Ред.*

** В английском тексте вместо слов «объявили о роспуске Товарищества и приговорили членов комитета к денежным штрафам и тюремному заключению» напечатано: «вынесли приговор о роспуске Товарищества и об аресте парижского комитета». *Ред.*

*** В английском тексте вместо последней фразы после слов «жизненные силы» напечатано: «заставив империю прекратить покровительственное заигрывание с рабочим классом». *Ред.*

Товарищества Рабочих, выдвигая его существование в качестве главного предлога для возобновления закона против иностранцев. Он грозил даже запретить созыв конгресса в Брюсселе. Бельгийскому правительству следовало бы, наконец, понять, что для существования мелких государств в Европе осталось лишь одно основание — быть убежищами свободы.

В Италии Товарищество было обессилено реакцией после бойни у Ментаны[235]. Одним из ближайших последствий были полицейские ограничения права союзов и собраний. Однако паша обширная переписка показывает, что итальянский рабочий класс все более и более завоевывает себе полную независимость от всех старых партий.

В Пруссии Интернационал не может существовать легально в силу закона, который запрещает всякие сношения прусских рабочих союзов с иностранными обществами[236]. К тому же прусское правительство повторяет в жалком масштабе бонапартистскую политику, например, в своих придирках к *Всеобщему германскому рабочему союзу*. Постоянно готовые вцепиться друг другу в волосы, милитаристские правительства всегда заодно, когда выступают в крестовый поход против своего общего врага — рабочего класса.

Однако, несмотря на все законодательные препятствия, вокруг нашего женевского комитета уже давно сплотились небольшие, рассеянные по всей Германии отделения[237].

На своем последнем съезде в Гамбурге Всеобщий германский рабочий союз, распространенный преимущественно в Северной Германии, постановил действовать в согласии с Международным Товариществом Рабочих[238], хотя по закону он и лишен возможности официально присоединиться к нему. Предстоящий Нюрнбергский съезд, на котором будет представлено около 100 рабочих союзов, главным образом из Центральной и Южной Германии, включил в повестку дня вопрос о прямом присоединении к Международному Товариществу Рабочих. В соответствии с пожеланием его руководящего комитета мы послали в Нюрнберг делегата[239].

В Австрии рабочее движение приобретает все более и более отчетливый характер*. На начало сентября в Вене был назначен съезд с целью братского объединения рабочих различных национальностей, населяющих империю. Одновременно было опубликовано приглашение англичанам и французам, в котором провозглашались принципы Международного Товарищества Рабочих. Ваш Генеральный Совет уже назначил делегата

* В английском тексте вместо слов «отчетливый характер» напечатано: «революционный характер». *Ред.*

в Вену[240]; однако нынешний *либеральный* австрийский кабинет, уже шатавшийся под ударами феодальной реакции, оказался настолько дальновидным, что запрещением рабочего съезда приобрел себе врага и в лице рабочих.

В борьбе женевских строительных рабочих в известной мере решался вопрос о самом существовании Интернационала в Швейцарии. Ведь предприниматели-строители выдвинули в качестве предварительного условия какого бы то ни было соглашения выход рабочих из Интернационала. Рабочие решительно отказались подчиниться этому требованию. Благодаря помощи, полученной ими в самой Швейцарии, а также через посредство Интернационала из Франции, Англии, Германии и Бельгии, они, в конце концов, добились сокращения рабочего дня[*] и повышения заработной платы[**]. После этого Интернационал, уже раньше пустивший глубокие корни в Швейцарии, начал быстро расти вширь. В частности 50 просветительных обществ немецких рабочих, быть может старейших в Европе, прошлой осенью на своем съезде в Нёйенбурге единогласно постановили присоединиться к Интернационалу[241].

В Англии политическое движение[***], разложение старых партий и подготовка к предстоящей предвыборной борьбе отвлекали много наших лучших сил и тем самым тормозили нашу пропаганду. Тем не менее мы вступили в оживленную переписку с провинциальными тред-юнионами. Часть их уже объявила о своем присоединении. Среди вновь присоединившихся обществ в Лондоне первое место по числу членов занимает тред-юнион кожевников и сапожников Сити.

Ваш Генеральный Совет поддерживает постоянную связь с *Национальным рабочим союзом Соединенных Штатов.* На своем последнем съезде в августе 1867 г. американский Союз решил послать в этом году представителя на Брюссельский конгресс, но за недостатком времени не смог принять мер, нужных для осуществления этого решения[242].

Скрытая мощь североамериканского рабочего класса проявилась в законодательном введении 8-часового рабочего дня в общественных мастерских федерального правительства и п издании общего закона о 8-часовом рабочем дне в восьми или девяти отдельных штатах федерации. Однако в настоящий момент американский рабочий класс, в Нью-Йорке например, ведет отчаянную борьбу против упорно сопротивляющегося

[*] В английском тексте после слов «рабочего дня» вставлено: «на 1 час». *Ред.*

[**] В английском тексте после слов «заработной платы» вставлено: «на 10%». *Ред.*

[***] В английском тексте вместо слов «политическое движение» напечатано: «неопределенность политического положения». *Ред.*

капитала, который всеми имеющимися в его распоряжении могучими средствами старается препятствовать проведению в жизнь закона о 8-часовом рабочем дне. Этот факт показывает, что даже при самых благоприятных политических условиях любой серьезный успех рабочего класса зависит от зрелости организации, которая воспитывает и концентрирует его силы.

И даже организации рабочего класса в национальном масштабе грозит поражение из-за недостаточной его организованности в других странах, ибо все страны конкурируют на мировом рынке и поэтому оказывают взаимное воздействие друг на друга. Только интернациональный союз рабочего класса может обеспечить его окончательную победу. Именно эта потребность и обусловила возникновение Международного Товарищества Рабочих. Оно не искусственное порождение какой-нибудь секты или теории. Оно — плод самопроизвольного роста пролетарского движения, которое, в свою очередь, порождается естественными и непреодолимыми тенденциями современного общества. Международное Товарищество Рабочих, глубоко убежденное в великом значении своей миссии, не позволит ни запугать себя, ни отклонить с правильного пути. Отныне его судьба неразрывно связана с историческим развитием класса, в руках которого возрождение человечества.

Лондон, 1 сентября 1868 г.

По поручению Генерального Совета:
Роберт Шо, председательствующий
И. Георг Эккариус, генеральный секретарь

Написано К. Марксом

Напечатано в газете «The Times» 9 сентября 1868 г.; в журнале «Der Vorbote» № 9, сентябрь 1868 г. и в приложении к газете «Le Peuple Belge»: «Troisieme congres de l'Association Internationale des Travailleurs. Compte-rendu officiel». Bruxelles, 1868

Печатается по копии с рукописи, переписанной женой Маркса Женни Маркс и сверенной с текстом газеты «Times»

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРАВЛЕНИЮ ШИЛЛЕРОВСКОГО ОБЩЕСТВА[243]

Манчестер, 16 сентября 1868 г.

Как сообщил мне г-н Дэвиссон, правление на своем заседании 7 сентября приняло решение пригласить г-на Карла Фогта для прочтения лекции в Обществе.

К великому моему сожалению, это решение ставит меня перед необходимостью отказаться как от поста председателя, так и от поста члена правления Общества.

Нет нужды касаться здесь тех деловых соображений, по которым я голосовал бы против этого постановления, если бы присутствовал на заседании. Не эти причины обязывают меня принять такое решение.

Мой уход вызван исключительно причинами, не имеющими отношения к Обществу. В 1859 и 1860 гг. мои политические друзья и я выдвинули против г-на Фогта, с представлением доказательств, тяжелые обвинения политического характера (см. книгу Карла Маркса «Господин Фогт», Лондон, 1860[244]). Г-н Фогт до сих пор ничего не ответил на эти обвинения, которые с того времени повторялись также и другими.

Все это дело, как и полемика, которая велась в то время по этому поводу, вероятно, неизвестны остальным членам правления или забыты ими. Они имеют полное право отвлекаться от политического лица г-на Фогта и рассматривать его только как более или менее модного популяризатора естественнонаучных открытий, сделанных другими. Я же не могу себе этого позволить. Если бы я остался в правлении после вышеупомянутого решения, то тем самым я отрекся бы от всего своего политического прошлого и от своих политических друзей. Этим самым я вынес бы вотум доверия человеку,

относительно которого я считаю доказанным, что он в 1859 году был платным агентом Бонапарта.

Только такого рода настоятельная необходимость могла побудить меня отказаться от поста, на котором я считал своим долгом оставаться при наличии затруднительных обстоятельств, теперь благополучно преодоленных[245].

Сердечно благодарю господ членов правления за то доверие, которое они так щедро оказывали мне и, расставаясь с ними, прошу сохранить ко мне те же дружеские чувства, которые я всегда буду питать к ним.

С глубоким уважением

Ф. Э.

Написано 16 сентября 1868 г.

Впервые опубликовано в журнале «Bulletin of the International Institute of Social History Amsterdam» № 2, 1950 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

К РОСПУСКУ ЛАССАЛЬЯНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА [246]

«Правительство *знает,* и буржуазия также знает, что все нынешнее немецкое рабочее движение только *терпимо,* — оно существует лишь до тех пор, пока это *угодно* правительству. Пока правительству выгодно, чтобы это движение существовало, чтобы у буржуазной оппозиции вырос новый, независимый противник, до тех пор оно будет терпеть это движение. Но с того момента, когда это движение превратит рабочих в самостоятельную силу, когда оно вследствие этого станет опасным для правительства, такому положению сразу наступит конец. Приемы, посредством которых покончили с агитацией прогрессистов в печати, союзах и на собраниях, пусть послужат предостережением для рабочих. Те же самые законы, указы и карательные меры, которые были применены в то время, могут быть в любой день направлены против *рабочих* и положат конец их агитации; *они и будут применены, как только эта агитация станет опасной.* Чрезвычайно важно, чтобы рабочие ясно разбирались в этом вопросе, чтобы они не впали в то самое заблуждение, в какое впала буржуазия при «новой эре», когда ее тоже *только терпели,* а она уже считала свое положение прочным. И если бы кто-либо вообразил, что теперешнее правительство освободит печать, право союзов и собраний от нынешних оков, то он относился бы именно к тем людям, с которыми не стоит и разговаривать. А без свободы печати, без права союзов и собраний рабочее движение невозможно».

Это сказано на стр. 50—51 брошюры Фридриха Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия»,

Гамбург, 1865 год*. Тогда была сделана попытка поставить Всеобщий германский рабочий союз — в свое время единственное организованное объединение социал-демократических рабочих в Германии — под крылышко министерства Бисмарка, внушая рабочим надежду, что правительство дарует всеобщее избирательное право. Ведь «всеобщее, равное и прямое избирательное право») проповедовалось Лассалем в качестве единственного и непогрешимого средства для завоевания политической власти рабочим классом; что же тут удивительного, если в то время на столь второстепенные вещи, как свобода печати, право союзов и собраний, за которые ведь выступала и буржуазия, — или, по крайней мере, утверждала, что выступает, — смотрели пренебрежительно? Если такими вещами интересовалась буржуазия, разве именно это не было основанием для рабочих держаться в стороне от агитации за них? Против такого взгляда была направлена вышеназванная брошюра. Руководители Всеобщего германского рабочего союза считали, что их учить нечему, и автор брошюры получил лишь то удовлетворение, что лассальянцы его родного города Бармена подвергли отлучению его самого и его друзей.

А как обстоят дела в настоящее время? «Всеобщее, прямое и равное избирательное право» существует уже два года. Уже дважды производились выборы в рейхстаг. Рабочие, вместо того, чтобы стоять у государственного руля и по рецепту Лассаля декретировать «государственную помощь», еле-еле провели в рейхстаг с полдюжины депутатов. Бисмарк — союзный канцлер, а *Всеобщий германский рабочий союз — распущен.*

Но почему всеобщее избирательное право не принесло рабочим обещанного тысячелетнего царства, — на этот вопрос они также уже могли бы найти ответ у Энгельса. В вышеуказанной брошюре говорится на стр. 48**:

«Что же касается самого всеобщего и прямого избирательного права, то стоит только отправиться во Францию, чтобы убедиться, какие безобидные выборы можно проводить при его помощи, когда имеется многочисленное тупое сельское население, хорошо организованная бюрократия, хорошо вышколенная пресса, союзы, в достаточной степени придавленные полицией, и совершенно нет никаких политических собраний. Много ли представителей рабочих вводит всеобщее избирательное право во французскую палату? А ведь французский пролета-

* См. настоящий том, стр. 35—78. *Ред.*
** Там же, стр. 73—75. *Ред.*

риат имеет перед немецким то преимущество, что он значительно более концентрирован и обладает более продолжительным опытом борьбы и организации.

Тут возникает еще другой вопрос. В Германии сельского населения вдвое больше, чем городского, то есть в Германии $^2/_3$ населения живет земледелием и $^1/_3$ промышленностью. И так как крупное землевладение является в Германии правилом, а мелкий парцелльный крестьянин — исключением, то, иными словами, это значит, что если $^1/_3$ рабочих находится под командой капиталистов, ***то*** $^2/_3$ ***находятся под командой феодальных господ***. Пусть же люди, которые все время нападают на капиталистов, но не находят ни одного негодующего словечка против феодалов, хорошенько поймут это. В Германии феодалы эксплуатируют вдвое большее количество рабочих, чем буржуазия... Но это далеко еще не все. Патриархальное ведение хозяйства в старых феодальных имениях приводит к наследственной зависимости сельского батрака или безземельного крестьянина [Hausler] от его «милостивого господина», зависимости, сильно затрудняющей сельскохозяйственному пролетарию приобщение к движению городских рабочих. Попы, систематическое отупление деревни, скверное школьное обучение, оторванность людей от всего мира довершают остальное. Сельскохозяйственный пролетариат представляет собой ту часть рабочего класса, которая с наибольшим трудом и позднее других уясняет себе свои собственные интересы, свое собственное общественное положение; иными словами, это — та часть, которая дольше всего остается бессознательным орудием в руках эксплуатирующего ее привилегированного класса. А что же это за класс? В Германии это — *не буржуазия, а феодальное дворянство.* Но даже во Франции, где ведь существуют почти исключительно свободные крестьяне, владеющие землей, где у феодального дворянства давно уже отнята всякая политическая власть, всеобщее избирательное право не привело рабочих в палату, а наоборот, почти совсем устранило их оттуда. Каков же был бы результат всеобщего избирательного права в Германии, где феодальное дворянство является еще реальной социальной и политической силой и где на *одного* промышленного рабочего приходится *два* сельских рабочих? В Германии борьба против феодальной и бюрократической реакции — ведь та и другая у нас теперь неотделимы — равносильна борьбе за духовное и политическое освобождение сельского пролетариата, и пока сельский пролетариат не втянут в движение, до тех пор городской пролетариат и Германии по может достигнуть и не достигнет ни малейшего успеха, до тех

пор всеобщее избирательное право является для пролетариата не оружием, а *западней.*

Быть может, это весьма откровенное, но необходимое разъяснение воодушевит феодалов на выступление в пользу всеобщего и прямого избирательного права. Тем лучше».

Всеобщий германский рабочий союз был распущен не только при господстве всеобщего избирательного права, но именно *потому,* что господствует всеобщее избирательное право. Энгельс заранее предсказал Союзу, что он будет уничтожен, как только он сделается *опасным.* На своем последнем генеральном собрании[247] Союз постановил: 1) выступить за завоевание *полной политической свободы* и 2) действовать совместно с Международным Товариществом Рабочих. Оба эти решения заключают в себе полный разрыв со всем прошлым Союза. Тем самым Союз выходил из своего прежнего положения секты на широкую дорогу массового рабочего движения. Но в высших сферах, видимо, сочли, что это, так сказать, противоречит уговору. В другое время этому не придали бы такого большого значения, но иначе обстоит дело со времени введения всеобщего избирательного права, когда приходится бдительно охранять пролетариат деревень и мелких городов от подобных крамольных стремлений! Всеобщее избирательное право было последним гвоздем, вколоченным в гроб Всеобщего германского рабочего союза.

Союзу делает честь, что он погиб именно вследствие этого разрыва с ограниченным лассальянством. И какова бы ни была организация, которая придет ему на смену, она будет построена поэтому на гораздо более общей принципиальной основе, чем несколько вечно повторяемых лассалевских фраз о государственной помощи. С того момента, как члены распущенного Союза начали мыслить, вместо того, чтобы верить, исчезла последняя преграда, стоявшая на пути к слиянию всех немецких социал-демократических рабочих в одну большую партию.

Написано Ф. Энгельсом в конце сентября 1868 г.

Напечатано в «Demokratisches Wochenblatt» № 40, 3 октября 1868 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

К РОСПУСКУ ЛАССАЛЬЯНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА[248]

(ДОБАВЛЕНИЕ)

В появившейся под вышеприведенным заголовком статье (в предшествующем номере) к концу цитаты из брошюры Энгельса, где говорится о всеобщем избирательном праве*, следует добавить следующее примечание:

Полученный Союзом в качестве наследства от Лассаля «президент человечества» *Бернхард Беккер* осыпал в то время «партию Маркса», *то есть Маркса, Энгельса* и *Либкнехта,* самыми гнусными оскорблениями**. Теперь тот же Беккер в своем грязном памфлете «Разоблачения о трагической кончине Фердинанда Лассаля», обнажающем его собственную жалкую душонку и представляющем интерес лишь из-за опубликованных в нем украденных документов, следующим образом «поправляет» Энгельса:

«Но почему же не ведется *агитация* за *безусловную свободу союзов, собраний* и *печати?* Почему рабочие не пытаются сбросить с себя оковы, наложенные на них в период реакции? (стр. 133)... Только путем дальнейшего развития демократической основы можно оживить лассальянство и превратить его в чистый социализм. А для этого необходимо, кроме всего прочего, *не щадить больше* интересов *юнкеров* или богатых помещиков,

* См. предыдущую статью. *Ред.*

** В настоящее время это благородное занятие продолжает графиня *Гацфельдт* — «мать» фёрстерлинг-мендевской карикатуры на Всеобщий германский рабочий союз[249].

а социалистическую теорию дополнить и расширить, *применив ее к огромной массе сельских рабочих,* число которых в Пруссии далеко превосходит население городов» (стр. 134).

Читатель видит, что автор вышеупомянутой брошюры (Ф. Энгельс) может быть доволен влиянием, оказанным им на своих противников.

Написано Ф. Энгельсом в начале октября 1868 г.

Напечатано в «Demokratisches Wochenblatt» № 41, 10 октября 1868 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

О СВЯЗЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ С АНГЛИЙСКИМИ РАБОЧИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ[250]

Необыкновенная серьезность, с которой английская и в особенности лондонская печать говорит о *Международном Товариществе Рабочих* и его *Брюссельском конгрессе* (один «Times» поместил об этом четыре передовых статьи), вызвала настоящую свистопляску в немецкой буржуазной прессе. Она, немецкая пресса, поучает прессу английскую насчет ее заблуждения — веры в значение Международного Товарищества Рабочих в Англии! Она делает открытие, что английские тред-юнионы, которые через посредство Международного Товарищества Рабочих оказывали парижским, женевским и бельгийским рабочим значительную денежную поддержку в борьбе против капитала[251], вовсе *не* находятся в связи с этим самым Международным Товариществом Рабочих!

«Все это, — пишут нам из Лондона, — основывается, по-видимому, на утверждении некоего *М. Гирша**, которого Шульце-Делич специально посылал в Англию, чтобы поднять эту шумиху. Ведь это говорит *М. Гирш,* а *М. Гирш* — человек, достойный уважения! Почтеннейший Гирш [Ehrenhirsch] показался лондонским тред-юнионистам (членам тред-юнионов, профессиональных союзов) подозрительным, так как у него не было *никаких* рекомендательных писем от Международного Товарищества Рабочих. Его просто *одурачили.* Неудивительно поэтому, что Гирш дает маху. Ведь если бы к нему отнеслись

* Имеется в виду д-р *Макс Гирш,* «знаменитый» экономист дункеровской «Volks-Zeitung»[252]. В Лондоне до его исследовательской экспедиции в неведомые ему английские края, по-видимому, и не подозревали о существовании этого новейшего спасителя общества.

серьезно, ему могли бы и без особого желания откровенничать сообщить то, о чем знает весь Лондон, а именно, что Всеобщий совет тред-юнионов, находящийся в Лондоне[253], состоит из шести или семи человек, из которых трое, *Оджер* (секретарь Всеобщего совета и делегат сапожников), *Р. Аплгарт* (делегат объединенных плотников и столяров), *Хауэлл* (делегат каменщиков и секретарь Лиги реформы[254]), являются одновременно и членами Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. Далее, он узнал бы, что остальные из присоединившихся тред-юнионов (в одном только Лондоне их около 50, не считая провинциальных тред-юнионов) представлены в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих еще *пятью членами,* именно *Р. Шо, Бакли, Коном, Хейлзом* и *Морисом,* а кроме того каждый тред-юнион имеет право и обыкновение в особых случаях посылать делегатов в Генеральный Совет. Далее, от англичан в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих представлены:

кооперативные общества, пославшие трех делегатов на Брюссельский конгресс, — *Уильямом Уэстоном** и *Уильямсом;*

Лига реформы — Деллом, Кауэллом Степни и *Лекрафтом;* все трое также члены исполнительной комиссии Лиги реформы;

Национальная ассоциация реформы[255], создание покойного агитатора Бронтера О'Брайена, через посредство своего председателя *А. А. Уолтона* и *Милнера;*

наконец, *атеистическая* народная агитация, представленная своим знаменитым оратором, *г-жой Харриет Ло* и г-ном *Коплендом.*

Отсюда видно, что не существует ни одной сколько-нибудь значительной организации британского пролетариата, которая не была бы прямо, через своих собственных вождей, представлена в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих. Наконец, «Bee-Hive», руководимый *Джорджем Поттером,* официальный орган английских тред-юнионов, является в то же время и официальным органом Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, о заседаниях которого он еженедельно дает отчеты.

Открытия почтеннейшего Гирша и последовавшее за ними ликование немецкой буржуазной печати доставили, в свою очередь, желанную пищу для лондонского корреспондента «Weser-Zeitung» и печатающегося под значком А лондонского корреспондента «Augsburgerin»[256]. Эта личность — ибо в обеих газетах промышляет одно и то же лицо — живет по причинам,

* По-видимому, имеется в виду Джон Уэстон. *Ред.*

лучше всего известным ей самой, в нескольких часах езды от Лондона, в глухом углу. Здесь она стряпает свои стыдливые извлечения из «Times», «Morning Star» и «Saturday Review»[257], приправляя их эстетическим соусом по вкусу своей публики. Время от времени, как и в данном случае, эта личность пережевывает также сплетни немецких газет, помещая их под фальшивой датой в «Weser-Zeitung» и в «Augsburgerin». Вышеупомянутый корреспондент «Weser-Zeitung» и «Augsburgerin» — не кто иной, как пресловутый литературный люмпен-пролетарий *Элард Бискамп.* Давно уже изгнанный из всякого порядочного общества, несчастный ищет в водке исцеления сердечных ран, которые нанесла ему Пруссия, произведя аннексию его родины Кургессена и его друга *Эдгара Бауэра»*[258].

Написано К. Марксом 4 октября 1868 г.

Напечатано в «Demokratisches Wochenblatt» № 42, 17 октября 1868 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

КАКИМ ОБРАЗОМ ПИСЬМО г-на ГЛАДСТОНА АНГЛИЙСКОМУ БАНКУ В 1866 г. ДОСТАВИЛО РОССИИ ЗАЕМ В 6 МИЛЛИОНОВ ФУНТОВ СТЕРЛИНГОВ [259]

Письмо г-на Гладстона от 11 мая 1866 г. приостановило действие банкового акта 1844 г. на следующих условиях:

1) Минимальная учетная ставка должна быть повышена до 10%

2) Если Банк превысит установленные законом пределы выпуска банкнот, прибыль от этого выпуска сверх нормы должна переходить от Банка правительству[260].

В результате Банк повысил минимальную учетную ставку до 10% (это означает, что для рядовых торговцев и промышленников она повысилась до 15% и 20%) и *не* нарушил *буквы* акта 1844 г. в отношении *выпуска банкнот.* По вечерам среди связанных с Банком контор и других доброжелателей в Сити производился сбор банкнот, которые затем снова выпускались на следующее утро. Однако дух акта был нарушен тем, что, подчиняясь правительственному письму, допустили, чтобы *резерв* Банка упал до нуля, а *этот резерв,* по замыслам акта 1844 г., составляет единственный имеющийся в распоряжении Банка актив, гарантирующий пассив его банкового отделения.

Следовательно, письмо г-на Гладстона приостановило действие акта Пиля таким образом, что сохранило и даже искусственно усилило его наихудшие результаты. Подобного упрека нельзя бросить ни письму сэра Д. К. Льюиса от 1857 г., ни письму лорда Джона Рассела от 1847 года[261].

Банк удерживал 10%-й минимум учетной ставки более трех месяцев. В Европе эту ставку рассматривали как опасный симптом.

И вот, после того как г-ном Гладстоном была таким образом создана чрезвычайно нездоровая атмосфера недоверия к платежеспособности Англии, появляется на сцену лорд Кларендон, герой Парижской конференции[262], и помещает в «Times» разъяснительное письмо к английским посольствам на континенте. Он прямо сообщает континенту, что *Английский банк не обанкротился* (хотя в *действительности* дело обстояло *именно так* согласно акту 1844 г.), но что до известной степени обанкротились *английская* торговля и промышленность. Непосредственным действием его письма был не *«наплыв»* в Банк английских обывателей, а *«наплыв» в Англию* требований (уплаты денег) со *стороны европейских стран.* (Именно это выражение употребил тогда г-н Уоткин в палате общин.) В летописях английской торговли это была совершенно неслыханная вещь. Золото вывозили из Лондона во Францию, в то время как официальный минимум учетной ставки в *Лондоне* был *10%,* а *в Париже от* $3^{1}/_{2}$*% до 3%.* Это доказывает, что изъятие золота не было обычной коммерческой сделкой. Оно явилось исключительно результатом письма лорда Кларендона.

После того как 10%-й минимум учетной ставки таким образом поддерживался более трех месяцев, последовала неизбежная реакция. С 10% минимальная ставка быстрыми скачками спустилась до 2%, которые и оставались официальной ставкой Банка до самого последнего времени. Между тем все *английские* ценные бумаги, железнодорожные акции, акции банков, горнопромышленные акции и все виды вложения капитала внутри страны совершенно обесценились, и их старательно избегали. Даже консоли пали. (Однажды, во время паники, Банк *отказал* в выдаче ссуды под консоли.) Затем пробил час *помещения денег за границей.* Займы иностранных правительств были размещены на лондонском рынке на самых выгодных условиях. В первую очередь шел *русский заем в 6 миллионов стерлингов.* Этот русский заем, который за несколько месяцев до того провалился самым жалким образом на парижской бирже, был встречен на лондонской бирже как нежданное счастливое событие. Не далее как на прошлой неделе Россия выпустила новый заем в 4 миллиона фунтов стерлингов. Россия в 1866 г., так же как и теперь (9 ноября 1868 г.), почти погибала под тяжестью финансовых затруднений, принявших вследствие переживаемого ею аграрного переворота чрезвычайно грозный характер.

Однако то, что акт Пиля открывает России английский денежный рынок, это — наименьшая из услуг, оказываемых ей. Этот акт ставит Англию, богатейшую страну в мире,

буквально в зависимость от милости московитского правительства, самого несостоятельного должника из всех европейских правительств.

Предположим, что русское правительство в начале мая 1866 г. поместило в банковое отделение Английского банка на имя какой-либо частной фирмы, немецкой или греческой, от одного до полутора миллионов фунтов стерлингов. Внезапным и неожиданным изъятием этой суммы оно могло бы вынудить банковое отделение сразу прекратить платежи, если бы даже в эмиссионном отделении имелось больше 13 миллионов фунтов стерлингов золотом. Следовательно, банкротство Английского банка могло быть вызвано телеграммой из С.-Петербурга.

Чего Россия не могла сделать в 1866 г., она, может быть, будет в состоянии сделать в 1876 г., если акт Пиля не будет отменен.

Написано К. Марксом 9 ноября 1868 г.

Напечатано в журнале «The Diplomatic Review» 2 декабря 1868 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ В ЛОНДОНСКОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ [263]

23 ноября 1868 г.
1, Модена-Виллас, Мейтленд-парк,
Хаверсток-Хилл, Лондон

Г-ну К. ШПЕЙЕРУ, СЕКРЕТАРЮ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ

Уважаемый друг!

Мне сообщили, что Общество решило обратиться к немецким рабочим с посланием, побудительной причиной к которому послужило будто бы «массовое объединение немецких рабочих Южной и Северной Германии в результате Берлинского съезда от 26 сентября»[264].

Ввиду этого обстоятельства я вынужден заявить о своем *выходе из Общества рабочих.*

Подобное послание ставит себе очевидно целью или равносильно тому, что лондонское Просветительное общество немецких рабочих открыто становится *на сторону Швейцера* и его организации *против* организации Нюрнбергского съезда, охватывающей большую часть Южной Германии, а также различные части Северной Германии. Так как в Германии известно, что я состою членом Общества, — и действительно я являюсь одним из старейших его членов, — то, несмотря на все возражения с моей стороны, ответственность за этот шаг возложат *на меня.*

Вы должны, конечно, согласиться, что я не могу взять на себя такого рода ответственности.

Во-первых: когда шли споры между нюрнбергской организацией, представленной Либкнехтом, Бебелем и др., и берлинской организацией в лице Швейцера, обе стороны письменно обратились ко мне. Я ответил, что в качестве секретаря Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих для Германии я должен оставаться *нейтральным.* И той, и другой стороне я посоветовал — если они не могут и не желают слиться

в единое целое — отыскать пути и средства, чтобы мирно *рядом,* друг подле друга работать для общей цели.

Во-вторых: в ответ на письмо г-на фон Швейцера ко мне я подробно разъяснил ему, почему я не могу одобрить ни тот способ, каким был созван Берлинский съезд, ни принятый на нем устав[265].

В-третьих: Нюрнбергский съезд *прямо* присоединился к Международному Товариществу Рабочих. Гамбургский же съезд, продолжением которого был съезд в Берлине, ссылаясь на препятствия, чинимые прусским законодательством, примкнул *лишь косвенно,* выразив свое сочувствие нашей деятельности. Между тем, несмотря на эти препятствия, недавно организовавшийся берлинский Демократический рабочий союз[266], принадлежащий к нюрнбергской организации, открыто и официально присоединился к Международному Товариществу Рабочих.

Повторяю, что при таких обстоятельствах решение Общества не. оставляет мне иного выбора, как заявить о своем выходе из него. Будьте так добры сообщить Обществу содержание этого письма.

Преданный Вам

Карл Маркс

Написано 23 ноября 1868 г.

Впервые напечатано в книге «Briefe und Auszuge aus Briefen von J. Ph. Becker, J. Dietzgen, F. Engels, K. Marx u. A. an F. A. Sorge u. A.». Stuttgart, 1906

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ И АЛЬЯНС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ [267]

Около месяца тому назад несколько граждан образовали в Женеве *центральный инициативный комитет* нового интернационального общества под названием *«Международный альянс социалистической демократии»,* объявившего «своей особой миссией изучение политических и философских вопросов на основе великого принципа равенства» и т. д. Программа и устав, напечатанные этим инициативным комитетом, были сообщены *Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих* лишь на его заседании от 15 декабря. Согласно этим документам, вышеупомянутый *«Международный альянс целиком растворяется в Международном Товариществе Рабочих»* и в то же самое время *учреждается* целиком вне этого Товарищества.

Наряду с *Генеральным Советом Международного Товарищества Рабочих,* избранным на Женевском, Лозаннском и Брюссельском конгрессах, согласно уставу инициативного комитета будет существовать другой, сам себя назначивший, *центральный совет* в Женеве. Наряду с местными группами *Международного Товарищества* будут существовать местные группы *Международного альянса,* которые «через свои национальные бюро», функционирующие вне национальных бюро *Международного Товарищества,* «будут обращаться к *центральному бюро Альянса с просьбой об их приеме в Международное Товарищество Рабочих»;* тем самым центральный комитет Альянса присваивает себе право приема *в Международное Товарищество.* Наконец, и *общий конгресс Международного Товарищества* будет иметь двойника — *общий конгресс*

Международного альянса, так как, согласно регламенту инициативного комитета,

«во время ежегодного конгресса рабочих *делегация Альянса социалистической демократии, в качестве отделения Международного Товарищества Рабочих, будет проводить свои открытые заседания в отдельном помещении».*

Принимая во внимание,

что наличие второй международной организации, функционирующей внутри и вне *Международного Товарищества Рабочих,* послужило бы вернейшим средством для его дезорганизации;

что всякая другая группа лиц в любом месте была бы вправе последовать примеру женевской инициативной группы и под более или менее благовидными предлогами ввести в *Международное Товарищество Рабочих* другое международное товарищество с иной *«особой миссией»;*

что таким образом *Международное Товарищество Рабочих* вскоре превратилось бы в игрушку в руках интриганов любой расы и национальности;

что, кроме того, согласно *Уставу Международного Товарищества Рабочих,* в его ряды допускаются лишь местные и национальные секции (см. статьи 1 и 6 *Устава);*

что *секциям Международного Товарищества* запрещено принимать уставы и организационные регламенты, *противоречащие* Общему Уставу и Организационному регламенту *Международного Товарищества* (см. *статью 12 Организационного регламента*[268]);

что Устав и Организационный регламент *Международного Товарищества* могут быть пересмотрены лишь *общим конгрессом* при условии, если за пересмотр выскажутся две трети присутствующих делегатов (см. *статью 13 Организационного регламента)*[*].

Генеральный Совет Международного Товарищества на своем заседании 22 декабря 1868 г. единогласно постановил:

1) Все статьи *устава Международного альянса социалистической демократии,* определяющие его отношения с *Междуна-*

[*] При обсуждении проекта резолюции на заседании Генерального Совета 22 декабря 1868 г. по предложению Дюпона к мотивировочной части резолюции было внесено следующее дополнение, окончательная редакция которого принадлежит, по-видимому, Марксу:

«что этот вопрос был предрешен резолюцией против Лиги мира, единогласно принятой на всеобщем конгрессе в Брюсселе[269];

что в этой резолюции конгресс заявил, что существование Лиги мира ничем не оправдано, поскольку, согласно ее недавним заявлениям, ее цель и принципы тождественны с целью и принципами *Международного Товарищества Рабочих;*

что некоторые члены женевской *инициативной* группы в качестве делегатов на Брюссельском конгрессе голосовали за эту резолюцию». *Ред.*

родным Товариществом Рабочих, объявляются аннулированными и недействительными;

2) Международный альянс социалистической демократии не принимается в Международное Товарищество Рабочих в качестве отделения;

3) Опубликовать данную резолюцию во всех странах, где существуют организации Международного Товарищества Рабочих*.

По поручению *Генерального Совета*
Международного Товарищества Рабочих

Лондон, 22 декабря 1868 г.

Написано К. Марксом

Напечатано в брошюре «Les prẹtendues scissions dans l'Internationale», Genẹve, 1872

Печатается по рукописи, сверенной с различными копиями и текстом брошюры

Перевод с французского

* Пункт 3 не вошел в окончательный текст резолюции. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДОКЛАД О ЦЕХОВЫХ ТОВАРИЩЕСТВАХ ГОРНЯКОВ В УГОЛЬНЫХ КОПЯХ САКСОНИИ [270]

Первый взятый наугад *тариф заработной платы рабочих,* например тариф Нидервюршницкой компании, показывает нам общее положение горнорабочих в угольных копях Рудных гор. Недельная заработная плата взрослых горняков составляет от 2 до 3 талеров 12 зильбергрошей 6 пфеннигов, подростков — от 1 талера 10 зильбергрошей до 1 талера 20 зильбергрошей. Недельная заработная плата среднего горнорабочего составляет приблизительно 2 талера 20 зильбергрошей. По требованию предпринимателя рабочие должны работать сдельно. При составлении *тарифа заработной платы* позаботились о том, чтобы сдельная оплата не могла сколько-нибудь значительно превысить обычную поденную. О своем отказе от работы по договору каждый рабочий обязан сообщать за месяц вперед, и именно первого числа каждого месяца. Следовательно, если он откажется работать сдельно на предложенных условиях, то его *принудят к* этому, по крайней мере, в течение еще 4— 8 недель. При таких обстоятельствах просто смешно болтать о регулировании сдельной оплаты по взаимному соглашению, о свободном договоре между рабочим и капиталистом!

Заработная плата выдается в два приема: 22-го каждого месяца выплачивается часть суммы в виде аванса и 8-го следующего месяца — остаток заработной платы за истекший месяц. Капиталист, таким образом, удерживает у себя заработную плату, которую он *должен* своим рабочим, в среднем за полных три недели, — этот принудительный заем в пользу хозяина тем более приятен, что он приносит деньги, а процентов по нему выплачивать не надо.

Смены рабочих, как правило, двенадцатичасовые, и вышеприведенная недельная заработная плата уплачивается за шесть двенадцатичасовых дней. Двенадцатичасовой рабочий день включает два часа (2 раза по получасу и 1 целый час) на еду, или так называемое *время отдыха.* При спешной работе смены восьмичасовые (то есть каждый рабочий в течение 48 часов работает в трех сменах) с *получасовым перерывом на еду* — и даже шестичасовые. В последнем случае *we предусмотрено никакого перерыва для отдыха».*

Уже вышеизложенное рисует мрачную картину положения этих горнорабочих. Однако, чтобы уяснить себе поистине крепостное состояние, в котором они находятся, нужно рассмотреть *уставы товариществ горняков.* Возьмем уставы, действующие в угольных копях: I — знатного и могущественного *князя Шенбургского,* II — *Нидервюршницкой* компании, III — *Нидервюршниц-Кирхбергской* компании и IV — *Объединенных Лугауских* компаний.

Поступления товариществ горняков состоят из 1) вступительных сумм и взносов рабочих, штрафных денег, невостребованной заработной платы и т. д. и 2) взносов капиталистов. Рабочие платят 3% или 4% от своего заработка, хозяева вносят соответственно: I — по 7 зильбергрошей 6 пфеннигов ежемесячно за каждого горнорабочего, платящего членские взносы; II — по 1 пфеннигу с каждого шеффеля[*] проданного угля; III — в качестве первого взноса при основании кассы товарищества горняков — 500 талеров, в дальнейшем такие же взносы, как и рабочие; наконец, IV — так же, как и во II, но только с учредительным взносом в 100 талеров от каждой из вступивших в объединение компаний.

Разве не поражает нас здесь картина самой дружной гармонии между капиталом и трудом? Кто тут еще осмеливается болтать о противоположности их интересов? Однако, как сказал великий немецкий мыслитель Ганземан,

«В денежных делах нет места сентиментам!»[271]

Стало быть, встает вопрос, во что обходится рабочему великодушие «высоких владельцев копей»? Давайте посмотрим!

Господа капиталисты в одном случае (III) вносят то же, что и рабочие, во всех остальных — значительно меньше. За это они требуют следующих *собственнических* прав *на кассу товарищества:*

[*] — $^{1}/_{8}$ тонны. *Ред.*

I. *Право собственности* на кассу товарищества *не принадлежит* членам товарищества горняков, и они не могут требовать из кассы чего-либо большего, чем те пособия, на которые они, согласно уставу, имеют право в определенных случаях, в особенности же *не могут предлагать раздела кассы и ее наличности* даже в случае прекращения производства на том или ином предприятии.

«В случае полного прекращения производства в каменноугольных копях князя Шенбургского в Эльснице» — после удовлетворения имеющихся претензий — *вправо распоряжения остатком принадлежит князю — владельцу копей».*

II. «В случае ликвидации объединения Нидервюршницких каменноугольных копей одновременно должна быть произведена ликвидация и кассы товарищества горняков... *Право распоряжения* оставшейся еще наличностью *принадлежит дирекции».*

Члены товарищества горняков но имеют никакого права собственности на кассу товарищества.

III. — так же, как и II.

IV. «Касса товарищества считается *неотчуждаемой собственностью* ныне существующих членов товарищества и тех, которые еще вступят в будущем... Только в неожиданном случае полной ликвидации всех входящих в объединение каменноугольных копей, тем самым влекущей за собой ликвидацию и товарищества горняков» — вот в этом неожиданном случае можно, казалось бы, ожидать, что рабочие разделят между собой возможный наличный остаток. Не тут-то было! В этом случае «директора объединений, ликвидирующихся в последнюю очередь, вносят свои предложения в *королевское окружное управление.* Только названная инстанция *решает* судьбу этих сумм».

Другими словами: рабочие уплачивают большую часть взносов в кассу товарищества, а капиталисты *присваивают себе собственность на эту кассу.* Кажется, будто капиталисты делают подарок своим рабочим. В действительности же рабочих принуждают делать подарок своим капиталистам. Последним вместе с правом собственности достается, само собой, и право контроля над кассой.

Председателем правления кассы является управляющий угольными копями. Ему принадлежит главное управление кассой, он разрешает все сомнительные случаи, определяет размер денежных штрафов и т. д. За ним следует *секретарь товарищества горняков,* являющийся в то же время кассиром. Он либо назначается капиталистом, либо, если его выбирают рабочие, должен быть им утвержден. Далее следуют рядовые *члены правления.* Они обычно избираются рабочими, но в одном случае (III) капиталист назначает троих из этих членов прав-

ления. Что это вообще за «правление», видно из пункта устава, обязывающего «его *проводить заседание, по крайней мере, один раз в год».* Фактически распоряжается председатель. Члены правления служат ему подручными.

Этот господин председатель, то есть управляющий копями, является и во всем остальном могущественным властелином. Он может сокращать время для испытания новых членов, выдавать экстренные пособия, даже (III) увольнять тех рабочих, репутация которых ему покажется недостаточно хорошей, и он всегда может апеллировать к господину капиталисту, решение которого *во всем, что касается товарищества горняков,* является окончательным. Так князь Шенбургский и директора акционерных обществ могут изменять уставы товариществ, повышать взносы рабочих, уменьшать пособия больным и пенсии, обставлять новыми препятствиями и формальностями обращения в кассу, — короче говоря, *делать все, что им заблагорассудится, с деньгами рабочих,* с единственной оговоркой насчет санкции правительственных властей, которые до сих пор ни разу еще не обнаружили хотя бы только *желания* познакомиться с положением и нуждами рабочих. В угольных копях III директора даже оставляют за собой право выгнать из товарищества горняков любого рабочего, *который был ими предан суду,* но *судом оправдан!*

И за какие же блага горнорабочие так слепо подчиняют свои собственные дела чужому произволу? Послушаем!

1) В случае болезни они получают врачебную помощь и недельное пособие: в угольных копях I — треть своей заработной платы, в III — половину заработной платы, во II и IV — половину или, если болезнь вызвана несчастным случаем во время работы, соответственно $^{2}/_{3}$ и $^{3}/_{4}$ заработной платы. 2) Инвалиды получают пенсию в зависимости от продолжительности срока службы, а следовательно, в зависимости от их взносов в кассу товарищества, от $^{1}/_{20}$ до $^{1}/_{2}$ последнего заработка. 3) В случае смерти члена союза его вдова получает пособие от $^{1}/_{5}$ до $^{1}/_{3}$ пенсии, на которую имел право ее муж, и ничтожное еженедельное подаяние на каждого ребенка. 4) Пособие на похороны в случае смерти члена семьи.

Светлейшему князю и просвещенным капиталистам, которые сочинили эти уставы, и отечески заботливому правительству, которое их утвердило, следовало бы разрешить такую задачу: если горнорабочий при полном заработке в среднем в $2^{2}/_{3}$ талера в неделю почти умирает с голоду, то как может он существовать на пенсию, например, в $^{1}/_{20}$ этого заработка, скажем, на 4 зильбергроша в неделю?

Нежная забота уставов об интересах капитала ярко проявляется в отношении к несчастным случаям в шахтах. За исключением предприятий II и IV, никакого специального пособия не выдается, если болезнь или смерть вызваны несчастным случаем «при исполнении обязанностей». *Ни в одном из уставов не предусмотрено увеличение пенсии,* если *инвалидность* последовала от несчастного случая в шахтах. Причина этого очень проста. Эта статья порядком увеличила бы выдачи из кассы и очень скоро обнаружила бы даже перед самыми близорукими наблюдателями природу *подарков* господ-капиталистов.

Уставы, пожалованные саксонскими капиталистами, тем отличаются от пожалованной Луи Бонапартом конституции, что последняя все еще ждет своего увенчания, в то время как первые уже имеют его в виде следующей, общей им всем статьи:

«Каждый рабочий, который оставляет службу в компании — добровольно или *будучи к этому вынужден,* — тем самым выходит из товарищества горняков и *теряет какие-либо права как на кассу последнего, так и на внесенные им самим деньги».*

Следовательно, человек, проработавший 30 лет в одной из угольных копей и вносивший свою долю в кассу товарищества, теряет все права на пенсию, купленные такой дорогой ценой, лишь только капиталисту *вздумается его уволить!* Эта статья превращает наемного рабочего в крепостного, привязывает его к месту, заставляет его сносить самое оскорбительное обращение. Если он не любитель пинков, если он сопротивляется понижению заработной платы до голодной нормы, если он отказывается платить произвольные денежные штрафы, если он смеет настаивать на официальной проверке мер и весов, он получает всегда один и тот же стереотипный ответ: пошел вон, но твои взносы в кассу и твои права на нее не последуют за тобой!

Кажется парадоксом ожидать от людей, находящихся в таком унизительном положении, мужественной независимости и чувства собственного достоинства. И все же эти горнорабочие — к их чести будь сказано — стоят в рядах передовых борцов немецкого рабочего класса. Поэтому их хозяева начинают испытывать некоторое беспокойство, несмотря на громадную опору, которую представляет для них теперешняя организация товариществ горняков. Новейший и самый гнусный из уставов этих товариществ (III, относящийся к 1862 г.) содержит следующую чудовищную оговорку насчет стачек и союзов:

«Каждый член товарищества горняков *должен всегда бить доволен оплатой, причитающейся ему в соответствии с тарифом заработной*

платы, никогда не должен принимать участия в коллективных действиях, добиваться повышения, не говоря уже о том, чтобы путем подстрекательства побуждать своих товарищей к таковым».

Почему ликурги акционерного общества *Нидервюршиц-Кирхбергских* каменноугольных копей, гг. *Б. Крюгер, Ф. В. Швамкруг* и *Ф. В. Рихтер,* не соизволили также постановить, что отныне каждый *покупатель угля «должен всегда быть доволен» ценой на уголь,* установленной по их высочайшему соизволению? Но это было бы уже слишком даже для «ограниченного верноподданнического разума» г-на фон Рохова[272].

В результате агитации среди горнорабочих недавно опубликован *предварительный проект устава* для объединения товариществ горняков всех саксонских угольных копей (Цвиккау, 1869). Он составлен комитетом рабочих под председательством г-на *И. Г. Динтера.* Главные его пункты следующие: 1) Все товарищества объединяются в один общий союз. 2) Члены сохраняют свои права, пока они живут в Германии и уплачивают свои взносы. 3) Общее собрание всех взрослых членов является высшей властью. Оно избирает исполнительный комитет и т. д. 4) Взносы хозяев в кассу товарищества должны достигать половины взносов, уплачиваемых рабочими.

Этот проект никоим образом не выражает взглядов наиболее сознательных саксонских горнорабочих. Скорее он исходит от той части, которая хотела бы проводить реформы с разрешения капитала. На этом проекте лежит печать нереальности. В самом деле, что за наивное представление, будто капиталисты, до сих пор неограниченные властители над товариществами горняков, уступят свою власть демократическому общему собранию рабочих и несмотря на это будут платить взносы!

Основное зло как раз в том и состоит, что капиталисты *вообще делают взносы.* Пока это будет продолжаться, невозможно будет отнять у них управление кассой и товариществом горняков. Чтобы быть действительно рабочими обществами, товарищества горняков должны опираться исключительно на взносы рабочих. Только таким путем могут они превратиться в тред-юнионы, защищающие отдельных рабочих от произвола отдельных хозяев. Могут ли незначительные и сомнительные преимущества, которые дают взносы капиталистов, когда-либо возместить то состояние крепостничества, в которое капиталисты загоняют рабочих? Пусть саксонские горнорабочие всегда помнят: сколько капиталист вносит в кассу товарищества, *столько же и даже больше экономит он на заработной плате.*

Союзы такого рода имеют своеобразное влияние: они *приостанавливают действие закона спроса и предложения к исключительной выгоде капиталиста.* Иными словами: предоставляя капиталу *необычную* власть над отдельными рабочими, они снижают заработную плату даже *ниже* ее обычного среднего уровня.

Но должны ли рабочие — разумеется, после возмещения приобретенных прав — подарить существующие кассы капиталистам? Этот вопрос может быть решен только *судебным порядком.* Несмотря на то, что эти уставы получили *высочайшее королевское утверждение,* некоторые их статьи резко нарушают общепринятые принципы гражданского договорного права. При всех обстоятельствах, однако, отделение денег рабочих от денег капиталистов остается непременным предварительным условием любой реформы товариществ горняков.

Взносы владельцев саксонских угольных копей в кассы товариществ являются невольным признанием того, что капитал до известной степени ответственен за несчастные случаи, угрожающие наемному рабочему увечьем или смертью во время его работы на производстве. Но вместо того, чтобы допускать, как делается сейчас, чтобы эта ответственность становилась предлогом для расширения деспотической власти капитала, рабочим следует добиваться того, чтобы *эта ответственность была предусмотрена законом.*

Написано Ф. Энгельсом между 17 и 21 февраля 1869 г.

Напечатано в приложении к «Demokratisches Wochenblatt» № 12, 20 марта 1869 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ЦЕНТРАЛЬНОМУ БЮРО АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ [273]

Лондон, 9 марта 1869 г.

Граждане!

Согласно статье I нашего Устава в Международное Товарищество Рабочих принимаются

> «все рабочие общества, стремящиеся к одной и той же цели, а именно к защите, развитию и *полному освобождению рабочего класса»*.

Поскольку различные отряды рабочего класса в каждой стране и рабочий класс разных стран поставлены в весьма различные условия и в настоящее время достигли различных ступеней развития, то неизбежным образом и их теоретические взгляды, являющиеся отражением действительного движения, также отличаются друг от друга.

Однако общность действий, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен идеями, облегчаемый органами печати различных национальных секций, и непосредственные дискуссии на общих конгрессах должны постепенно привести к созданию общей теоретической программы.

Таким образом, в функции Генерального Совета не входит критическое рассмотрение программы Альянса. Не наша задача — исследовать, является ли эта программа адекватным выражением пролетарского движения или нет. Нам важно лишь знать, не содержит ли она чего-либо противоречащего *общей тенденции* нашего Товарищества, то есть *полному освобождению рабочего класса.*

В вашей программе есть одна фраза, которая не удовлетворяет этому требованию. Статья 2 гласит:

> «Он» (Альянс) «прежде всего добивается политического, экономического и социального *уравнения классов»*[274].

Уравнение классов, понимаемое буквально, сводится к *«гармонии капитала и труда»,* столь назойливо проповедуемой буржуазными социалистами. Не *уравнение классов* — бессмыслица, на деле неосуществимая — а, наоборот, *уничтожение классов* — вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью Международного Товарищества Рабочих.

Если, однако, иметь в виду контекст, в котором находится эта фраза — *«уравнение классов»,* — то она кажется вкравшейся туда простой опиской, и Генеральный Совет не сомневается в том, что вы не откажетесь устранить из вашей программы фразу, дающую повод к столь опасным недоразумениям.

Наше Товарищество в соответствии со *своими принципами* предоставляет каждой секции свободно формулировать ее теоретическую программу, за исключением тех случаев, когда нарушается общая тенденция Товарищества. Нет, следовательно, никаких препятствий к превращению секций Альянса в секции Международного Товарищества Рабочих.

Если вопрос о роспуске Альянса и о вступлении его секций в Международное Товарищество Рабочих будет окончательно решен, то, согласно нашему Регламенту, необходимо будет сообщить Генеральному Совету о местонахождении и численности каждой новой секции.

По поручению Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих

Написано К. Марксом 9 марта 1869 г.

Впервые напечатано в брошюре «Les prétendues scissions dans l'Internationale», Genève, 1872

Печатается по рукописи

Перевод с французского

К. МАРКС

БЕЛЬГИЙСКИЕ ИЗБИЕНИЯ [275]

К РАБОЧИМ ЕВРОПЫ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

В Англии редко проходит неделя без стачки, и притом крупной стачки. Если бы правительство в таких случаях натравливало своих солдат на рабочий класс, эта страна стачек превратилась бы в страну избиений, но не надолго. После нескольких опытов подобного применения физической силы эта власть перестала бы существовать. В Соединенных Штатах также в течение последних нескольких лет число стачек и их размеры непрерывно растут, иногда даже сопровождаясь беспорядками. Но кровопролитий не было. В некоторых крупных военных государствах континентальной Европы начало эры стачек можно отнести к окончанию Гражданской войны в Америке. Но и там тоже кровопролитий не было. Существует лишь одна страна в цивилизованном мире, где каждую стачку немедленно и рьяно превращают в предлог для официального избиения рабочего класса. Эта обетованная страна — *Бельгия,* образцовое государство континентального конституционализма, уютный, хорошо отгороженный маленький рай землевладельцев, капиталистов и попов. Свои ежегодные избиения рабочих бельгийское правительство устраивает с точностью, не уступающей ежегодному обращению земли вокруг солнца. В этом году избиение отличается от прошлогоднего[276] лишь еще более ужасающим количеством жертв, более отвратительной

жестокостью со стороны смехотворной в прочих отношениях армии, более шумным ликованием клерикальной и капиталистической прессы и большей вздорностью предлогов, выдвинутых правительственными палачами.

Теперь доказано, даже невольными свидетельствами капиталистической прессы, что совершенно законная стачка пудлинговщиков на Кокерильском железоделательном заводе в Серене приняла характер беспорядков лишь потому, что на место происшествия неожиданно направили сильный отряд кавалерии и жандармерии, чтобы спровоцировать народ. С 9 по 12 апреля эти отважные воины не только храбро нападали с саблями и штыками на безоружных рабочих, но без разбора убивали и ранили также мирных прохожих, силой вламывались в частные дома и развлекались даже тем, что несколько раз неистово штурмовали здание вокзала в Серене, в котором забаррикадировались пассажиры. Когда прошли эти ужасные дни, распространился слух, что г-н *Камп,* мэр Серена, состоит агентом Кокерильской акционерной компании, что бельгийский министр внутренних дел, некий г-н *Пирме,* в то же время является самым крупным акционером одного из соседних рудников, на котором также происходила стачка, и что его королевское высочество принц Фландрский вложил в предприятия Кокериль 1500000 франков[277]. Отсюда сделали скоропалительный и поистине странный вывод, будто серенское избиение было своего рода coup d'etat[*] акционерной компании, который фирма Кокериль тайно подстроила совместно с бельгийским министром внутренних дел только для того, чтобы запугать своих недовольных подданных. Но вскоре эта клевета была блестяще опровергнута последующими событиями, развернувшимися в Боринаже, каменноугольном районе, где бельгийский министр внутренних дел, вышеупомянутый г-н *Пирме,* не является, по-видимому, одним из ведущих капиталистов. Когда в этом районе стачка охватила почти всех рудокопов, там были сосредоточены многочисленные войска, которые открыли военные действия в Фрамри ружейной пальбой; в результате 9 рудокопов было убито и 20 тяжело ранено; *после* этого маленького введения был оглашен закон о беспорядках, — довольно своеобразно названный по-французски «les sommations prealables»[278], — а затем бойня возобновилась.

Некоторые политики объясняют эти невероятные подвиги побуждениями высокого патриотизма. Бельгийское правитель-

[*] — государственным переворотом. *Ред.*

ство, говорят они, которое как раз в это время занято переговорами со своим французским соседом по некоторым щекотливым вопросам[279], должно было продемонстрировать героизм своей армии. Отсюда и разделение вооруженных сил по всем правилам науки, демонстрирующее сначала неудержимую стремительность бельгийской кавалерии в Серене, а затем непоколебимую мощь бельгийской пехоты в Фрамри. Найдется ли более верное средство для устрашения чужестранца, чем эти незатейливые битвы, в которых невозможно потерпеть поражение, и эти отечественные поля сражений, где сотни убитых, изувеченных и взятых в плен рабочих создают столь блестящий ореол для неуязвимых воинов, которые все до одного сохраняют свою шкуру невредимой?

Другие политики, наоборот, подозревают бельгийских министров в том, что они подкуплены Тюильри и периодически разыгрывают эту ужасную пародию гражданской войны, чтобы доставить Луи Бонапарту повод стать спасителем общества в Бельгии, как он был им во Франции. Но разве кто-либо когда-либо обвинял бывшего губернатора Эйра, организовавшего избиение негров на острове Ямайке, в том, что он намеревался отторгнуть этот остров от Англии и передать его в руки Соединенных Штатов?[280] Спору нет, бельгийские министры — превосходные патриоты в духе Эйра. Подобно тому как он был беззастенчивым орудием вест-индских плантаторов, они являются беззастенчивым орудием бельгийских капиталистов.

Бельгийский капиталист прославился на весь мир своей любовью к тому, что он называет *свободой труда* (la liberte du travail). Он так любит предоставленную его рабочим, независимо от пола и возраста, свободу работать на него всю свою жизнь, что всегда отвергает с негодованием всякий фабричный закон, как нарушение этой свободы. Он содрогается при одной мысли о том, что простой рабочий может оказаться настолько безнравственным, что станет претендовать на более высокое призвание, чем призвание обогащать своего хозяина и естественного повелителя. Ему мало того, чтобы его рабочий оставался жалким невольником, который работает сверх меры за ничтожную плату; как всякий рабовладелец, он хочет вдобавок превратить его в невольника, заискивающего, раболепного, подавленного, смиренного, благоговейно-покорного. Отсюда его бешеная злоба против стачек. Стачка для него — богохульство. бунт рабов, знамение социальной катастрофы. Отдайте государственную власть, как это имеет место в Бельгии, в полное, безраздельное и бесконтрольное распоряжение вот таких

людей, жестоких вследствие явной трусости, и вам не придется удивляться по поводу того, что сабля, штык и ружье применяются в такой стране как законные и нормальные орудия понижения заработной платы и повышения прибыли. И действительно, какой еще цели может служить бельгийская армия? Когда по распоряжению официальной Европы Бельгия была объявлена *нейтральной страной*[281], следовало, само собой разумеется, запретить ей такую обременительную роскошь, как армия, за исключением, быть может, горстки солдат для пополнения дворцовой стражи и устройства королевских потешных парадов. Однако на территории в 536 квадратных лье Бельгия содержит армию более многочисленную, чем армия Соединенного королевства или Соединенных Штатов. Боевые заслуги этой нейтрализованной армии роковым образом измеряются числом ее *разбойничьих вылазок* против рабочего класса.

Легко понять, что *Международное Товарищество Рабочих* не оказалось желанным гостем в Бельгии. Преданное анафеме духовенством, осыпанное клеветой в респектабельной прессе, оно вскоре вступило в борьбу с правительством. Последнее усердно пыталось от него избавиться, возложив на него ответственность за стачки углекопов в Шарлеруа в 1867—1868 гг., стачки, которые закончились, по неизменному бельгийскому правилу, официальными избиениями, за коими последовали судебные преследования жертв. Эта интрига не только не удалась, но более того, Товарищество предприняло активные шаги, благодаря которым рудокопы в Шарлеруа были признаны *невиновными,* а тем самым *виновным* было признано само правительство. Раздраженные этой неудачей, бельгийские министры излили свою злобу в яростных обвинениях *Международного Товарищества Рабочих* с трибуны палаты депутатов, они торжественно заявили, что никогда не допустят, чтобы *общий конгресс* Товарищества собрался в Брюсселе. Несмотря на их угрозы, конгресс состоялся в Брюсселе. Но теперь, наконец, *Интернационалу* все же суждено склониться перед 536 квадратных лье бельгийского всемогущества. Его преступное соучастие в недавних событиях было доказано с полной очевидностью. Эмиссары Брюссельского центрального комитета для Бельгии и некоторые из местных комитетов изобличены в многочисленных тяжких преступлениях. Они, во-первых, усиленно стремились успокоить возбужденных бастующих рабочих и предостеречь их от правительственных ловушек. В некоторых местностях они действительно предотвратили кровопролитие. И последнее по порядку, но не по важности, эти злонамеренные эмиссары

расследовали на местах, проверили путем свидетельских показаний, тщательно записали и публично разоблачили кровавые неистовства защитников порядка. Простой процедурой заключения в тюрьму они были сразу превращены из обвинителей в обвиняемых. Затем были произведены грубые налеты на жилища членов Брюссельского комитета, все их бумаги были конфискованы, некоторые из членов Комитета были арестованы по обвинению в принадлежности к Товариществу, *«основанному в целях посягательства на жизнь и собственность частных лиц»*. Другими словами, их обвиняли в принадлежности к некоему *сообществу тугов*[282], именуемому *Международным Товариществом Рабочих*. Подстрекаемое нелепыми измышлениями клерикальной прессы и дикими воплями капиталистической прессы, это наглое правительство пигмеев делает решительно все для того, чтобы утопить себя в болоте насмешек, после того как оно выкупалось в море крови.

Бельгийский центральный комитет в Брюсселе уже заявил о своем намерении организовать исчерпывающее расследование избиений в Серене и Боринаже и опубликовать затем его результаты. Мы намерены распространить эти разоблачения по всему миру, чтобы всем раскрыть глаза на заносчивость бельгийских капиталистов, излюбленное изречение которых гласит: La liberte, pour faire le tour du monde, n'a pas besoin de passer par ici (la Belgique) — чтобы обойти весь мир, свободе незачем проходить через Бельгию[283].

Быть может, бельгийское правительство воображает, что так же, как оно заработало себе передышку после революции 1848—1849 гг., сделавшись полицейским агентом всех реакционных правительств европейского континента, оно и теперь снова сможет избежать грозящей ему опасности, если будет усердно разыгрывать роль жандарма капитала против труда. Но это — серьезная ошибка. Вместо того, чтобы отсрочить катастрофу, бельгийское правительство только ускорит ее наступление. Сделав имя Бельгии нарицательным именем и посмешищем для народных масс всего мира, оно устранит последнее препятствие, которое еще мешает деспотам стереть название этой страны с карты Европы.

Поэтому Генеральный Совет *Международного Товарищества Рабочих* обращается к рабочим Европы и Соединенных Штатов с призывом открыть денежную подписку для облегчения страданий вдов, жен и детей бельгийских жертв, а также для покрытия расходов, связанных с защитой на суде арестованных

рабочих и с расследованием, предпринятым Брюссельским комитетом.

По поручению Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих:

Р. Аплгарт, председательствующий; ***Р. Шо,*** секретарь для Америки; ***Бернар,*** секретарь для Бельгии; ***Эжен Дюпон,*** секретарь для Франции; ***Карл Маркс,*** секретарь для Германии; ***Жюль Жоаннар,*** секретарь для Италии; ***А. Жабицкий,*** секретарь для Польши; ***Г. Юнг,*** секретарь для Швейцарии; ***Кауэлл Степни,*** казначей.

И. Г. Эккариус, секретарь Генерального Совета.

Лондон, 4 мая 1869 г.

Все взносы в пользу жертв бельгийских избиений следует направлять по адресу Генерального Совета: 256, Хай Холборн, Лондон, Уэстерн Сентрал.

Написано К. Марксом

Напечатано в виде листовки «The Belgian Massacres. To the Workmen of Europe and the United States» в мае 1869 г. и в газетах «L'Internationale» № 18, 15 мая 1869 г. и «Demokratisches Wochenblatt» № 21, 22 мая 1869 г.

Печатается по тексту листовки

Перевод с английского

К. МАРКС

ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНОМУ РАБОЧЕМУ СОЮЗУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ [284]

Товарищи рабочие!

В учредительной программе нашего Товарищества мы заявляли: «Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана»*. Теперь наступила ваша очередь воспрепятствовать войне, в результате которой растущее движение рабочего класса по обе стороны Атлантического океана, несомненно, оказалось бы отброшенным назад на неопределенный срок.

Едва ли нужно убеждать вас в том, что существуют европейские державы, которые страстно желают вовлечь Соединенные Штаты в войну с Англией. Беглый взгляд на данные торговой статистики убеждает нас в том, что русский экспорт сырья,— а в России для экспорта ничего другого нет, — быстро отступал перед американской конкуренцией, пока Гражданская война внезапно не изменила положения. Перековывать американские плуги в мечи именно теперь означало бы спасти от грозящего банкротства эту деспотическую державу, которую ваши премудрые республиканские государственные мужи избрали своим ближайшим советником. Но совершенно независимо от особых интересов того или иного правительства, разве не в общих интересах наших угнетателей превратить наше все более могучее международное сотрудничество в междоусобную войну?

* См. настоящий том, стр. 11. *Ред.*

В приветственном обращении к г-ну Линкольну по поводу его переизбрания президентом мы выразили свое убеждение в том, что Гражданская война в Америке будет иметь такое же огромное значение для развития рабочего класса, какое американская война за независимость имела для развития буржуазии*. И в самом деле, победоносное окончание войны против рабовладения открыло новую эпоху в истории рабочего класса. Именно с этого времени в самих Соединенных Штатах возникло независимое рабочее движение, на которое с озлоблением взирают ваши старые партии и их профессиональные политиканы. Чтобы дать этому движению созреть, нужны годы мира. Чтобы его сокрушить, нужна война между Соединенными Штатами и Англией.

Непосредственным осязательным результатом Гражданской войны было, естественно, ухудшение положения американского рабочего. В Соединенных Штатах, так же как и в Европе, чудовищный вампир — национальный долг, — перекладываемый с одних плеч на другие, был в конце концов взвален на плечи рабочего класса. Цены на предметы первой необходимости, — говорит один из ваших государственных деятелей, — поднялись с 1860 г. на 78%, в то время как заработная плата неквалифицированного рабочего возросла только на 50%, а квалифицированного — на 60%.

«Пауперизм», — жалуется он, — «растет теперь в Америке быстрее, чем население».

К тому же на фоне страданий рабочего класса еще резче выступает кричащая роскошь финансовой аристократии, аристократии выскочек[285] и других паразитов, порожденных войной. И все же, несмотря на все это, Гражданская война имела положительный результат — освобождение рабов и тот моральный импульс, который был этим дан вашему собственному классовому движению. Результатом новой войны, не оправданной ни высокими целями, ни великой социальной необходимостью, войны в духе. старого мира, явились бы не разбитые цепи невольника, а новые цепи для свободного рабочего. Рост обнищания, который она принесла бы с собой, сразу дал бы вашим капиталистам и повод и средства, чтобы бездушным мечом постоянной армии отвлечь рабочий класс от его смелых и справедливых стремлений.

Вот почему именно на вас возлагается славная обязанность доказать миру, что теперь, наконец, рабочий класс вступает

* См. настоящий том, стр. 18. *Ред.*

на арену истории уже не как покорный исполнитель, а как независимая сила, сознающая свою собственную ответственность и способная диктовать мир там, где его так называемые хозяева кричат о войне.

От имени Генерального Совета

Международного Товарищества Рабочих:

Англичане: ***Р. Аплгарт,*** плотник; ***М. Дж. Бун,*** механик; ***Дж. Бакли,*** маляр; ***Дж. Хейлз;*** ткач эластичных тканей; ***Харриет Ло; Б. Лекрафт,*** столяр; ***Дж. Милнер,*** портной; ***Дж. Оджер,*** сапожник; ***Дж. Росс,*** сапожник; ***Р. Шо,*** маляр; ***Кауэлл Степни; Дж. Уоррен,*** чемоданщик; ***Дж. Уэстон,*** мастер по производству поручней.

Французы: ***Э. Дюпон,*** мастер музыкальных инструментов; ***Жюль Жоаннар,*** литограф; ***Поль Лафарг.***

Немцы: ***Г. Эккариус,*** портной; ***Ф. Лесснер,*** портной; ***В. Лимбург,*** сапожник; ***Карл Маркс.***

Швейцарцы: ***Г. Юнг,*** часовщик; *А.* ***Мюллер,*** часовщик.

Бельгийцы: ***Л. Бернар,*** маляр.

Датчане: ***Дж. Кон,*** сигарочник.

Поляки: ***Жабицкий,*** наборщик.

Б. Лекрафт, председательствующий.

Кауэлл Степни, казначей.

И. Георг Эккариус, генеральный секретарь.

Лондон, 12 мая 1869 г.

Написано К. Марксом

Напечатано в виде листовки «Address to the National Labour Union of the United States», London, 1869

Печатается по тексту листовки

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «ВОСЕМНАДЦАТОГО БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА»[286]

Мой преждевременно скончавшийся друг *Иосиф Вейдемейер*[*] собирался издавать в Нью-Йорке с 1 января 1852 г. политический еженедельник. Он попросил меня написать для этого издания историю coup d'etat[**]. В соответствии с этой просьбой я писал для него еженедельно до середины февраля статьи под заглавием: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Тем временем первоначальный план Вейдемейера потерпел неудачу. Вместо этого он весной 1852 г. начал издавать ежемесячный журнал *«Die Revolution»,* первый выпуск которого и состоит из моего «Восемнадцатого брюмера»[287]. Несколько сот экземпляров этого сочинения проникли тогда в Германию, не поступив, однако, на настоящий книжный рынок. Один корчивший из себя крайнего радикала немецкий книготорговец, которому я предложил взять на себя сбыт моего сочинения, с неподдельным моральным ужасом отверг такую «несвоевременную затею».

Из сказанного видно, что предлагаемое сочинение возникло под непосредственным впечатлением событий и что его исторический материал не выходит за пределы февраля (1852 года). Настоящее его переиздание вызвано отчасти спросом на книжном рынке, отчасти настояниями моих друзей в Германии.

Из сочинений, которые появились почти *одновременно с* моим и посвящены тому же вопросу, заслуживают внимания

[*] Во время Гражданской войны в Америке занимал пост военного начальника округа Сент-Луис.
[**] — государственного переворота. *Ред.*

только два: «Наполеон Малый» Виктора Гюго и «Государственный переворот» Прудона[288].

Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными выпадами против ответственного издателя государственного переворота. Самое событие изображается у него, как гром среди ясного неба. Он видит в нем лишь акт насилия со стороны отдельной личности. Он не замечает, что изображает эту личность великой вместо малой, приписывая ей беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы. Прудон, с своей стороны, стремится представить государственный переворот результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота незаметным образом превращается у него в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых *объективных* историков. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя.

Переработка предлагаемого сочинения лишила бы его своеобразной окраски. Поэтому я ограничился только исправлением опечаток и устранением ставших сейчас уже непонятными намеков.

Заключительные слова моего сочинения: «Но если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны»[289] — уже сбылись.

Полковник Шаррас открыл атаку на культ Наполеона в своем сочинении о походе 1815 года[290]. С тех пор, и особенно в последние годы, французская литература с помощью оружия исторического исследования, критики, сатиры и юмора навсегда покончила с наполеоновской легендой. За пределами Франции этот резкий разрыв с традиционной народной верой, эта огромная духовная революция, мало обратила на себя внимания и еще меньше была понята.

В заключение выражаю надежду, что мое сочинение будет способствовать устранению ходячей — особенно теперь в Германии — школярской фразы о так называемом *цезаризме.* При этой поверхностной исторической аналогии забывают самое главное, а именно, что в Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов. Забывают меткое замечание *Сисмонди:* римский пролетариат жил на счет

общества, между тем как современное общество живет на счет пролетариата[291]. При таком коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов и политические фигуры, порожденные этой борьбой, могут иметь между собой не более общего, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил.

Карл Маркс

Лондон, 23 июня 1869 г.

Напечатано во втором издании работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», вышедшем в Гамбурге в июле 1869 г.

Печатается по тексту издания 1869 г.

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАРЛ МАРКС[292]

В Германии родоначальником немецкого рабочего движения привыкли считать Фердинанда Лассаля. А между тем нет ничего ошибочнее такого взгляда. Если шесть — семь лет тому назад во всех фабричных районах, во всех крупных городах, центрах рабочего населения, пролетариат массами стекался к нему, если его поездки были триумфальными шествиями, которым могли бы позавидовать монархи, — то разве не была тут уже заранее незаметно подготовлена почва, на которой так быстро созрели плоды? Если рабочие восторженно приветствовали его слова, то потому ли, что слова эти были для них новы, или же потому, что сознательным рабочим они давно уже были более или менее известны?

Нынешнее поколение живет торопливо и забывает быстро. Движение 40-х годов, которое достигло своего кульминационного пункта в революции 1848 г. и закончилось с реакцией 1849—1852 гг., уже забыто вместе с его политической и социалистической литературой. Необходимо поэтому напомнить, что до революции 1848 г. и во время нее среди рабочих, в особенности в Западной Германии, существовала хорошо организованная социалистическая партия[293] и что хотя после кёльнского процесса коммунистов она и распалась, но отдельные ее члены продолжали незаметно подготовлять ту почву, которой воспользовался впоследствии Лассаль. Необходимо далее напомнить и о том, что существовал человек, который сделал целью своей жизни, наряду с организацией этой партии, научное изучение так называемого социального вопроса, то есть критику политической экономии, и который еще до 1860 г.

опубликовал важные результаты своих исследований[294]. Лассаль был чрезвычайно талантлив и разносторонне образован, это был человек большой энергии и почти беспредельной гибкости [Versatilitat]; он был прямо-таки создан для того, чтобы при любых обстоятельствах играть политическую роль. Но он не был ни первым инициатором немецкого рабочего движения, ни оригинальным мыслителем. Все содержание его произведений было им заимствовано и притом заимствовано не без искажений; у него был предшественник, стоявший неизмеримо выше его в интеллектуальном отношении, о существовании которого он, правда, умалчивал, вульгаризируя в то же время его труды; имя его — Карл Маркс.

Карл Маркс родился 5 мая 1818 г. в Трире, там же получил он свое гимназическое образование. Он изучал юридические науки в Бонне, а затем в Берлине, где вскоре, однако, занятия философией отвлекли его от изучения права. После пятилетнего пребывания в «метрополии интеллигенции» он в 1841 г. возвратился в Бонн с намерением стать доцентом в тамошнем университете. В то время в Пруссии царила первая «новая эра»[295]. Фридрих-Вильгельм IV заявил, что любит здравомыслящую оппозицию, и в некоторых местах были сделаны попытки организовать таковую. Так в Кёльне была основана «Rheinische Zeitung»; в ней Маркс с неслыханной для того времени смелостью критиковал дебаты рейнского провинциального ландтага в статьях, которые произвели огромное впечатление[296]. В конце 1842 г. он взял на себя редактирование газеты и доставил цензуре столько хлопот, что ему была оказана честь — из Берлина прислали специального цензора для «Rheinische Zeitung». Когда и это не помогло, для газеты была установлена двойная цензура: каждый ее номер, кроме обычной цензуры, подвергался еще во второй инстанции цензуре кёльнского регирунгс-президента. Но и это средство нисколько не помогло против «закоренелой злонамеренности» «Rheinische Zeitung», и в начале 1843 г. министерство издало распоряжение, согласно которому «Rheinische Zeitung» должна была в конце первого квартала прекратить свое существование. Маркс тотчас же сложил с себя обязанности редактора, потому что акционеры газеты хотели попытаться покончить дело миром, но из этого тоже ничего не вышло, и газета перестала выходить.

Критика дебатов рейнского ландтага заставила Маркса заняться изучением вопросов, касающихся материальных интересов, и тут он пришел к новым воззрениям, не предусмотренным ни юриспруденцией, ни философией. Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к убеждению, что

не государство, изображаемое Гегелем «венцом всего здания», а, напротив, «гражданское общество», к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества. Но наука о гражданском обществе — это политическая экономия, а *эту* науку можно было основательно изучить не в Германии, а только в Англии или во Франции.

После своей женитьбы на дочери трирского тайного советника фон Вестфалена (сестре будущего прусского министра внутренних дел фон Вестфалена) Маркс переселился летом 1843 г. в Париж, где посвятил себя главным образом изучению политической экономии и истории великой французской революции. В то же время он стал издавать вместе с Руге журнал «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»[297], однако в свет вышел лишь один выпуск этого журнала. В 1845 г., будучи выслан Гизо из Франции, он переехал в Брюссель и оставался там, занимаясь изучением тех же вопросов, до начала февральской революции. Как мало был он согласен с бывшим тогда в ходу социализмом, даже в той его форме, которая особенно претендовала на научность, доказывает его критика большого сочинения Прудона «Философия нищеты», появившаяся в 1847 г. под названием «Нищета философии», Брюссель — Париж[298]. Уже в этой работе содержится много существенных положений его подробно развитой теперь теории. «Манифест Коммунистической партии», Лондон, 1848 г., написанный перед февральской революцией и принятый рабочим конгрессом в Лондоне, в основном также его произведение[299].

После того, как Маркс опять был выслан, на этот раз бельгийским правительством, которое действовало под влиянием паники, вызванной февральской революцией, он по приглашению французского временного правительства вернулся в Париж. Бурный поток революции оттеснил на задний план все научные занятия; теперь надо было принять активное участие в движении. После того как Маркс в течение первых бурных дней вел борьбу с бессмысленной затеей агитаторов, которые хотели организовать во Франции добровольческие отряды немецких рабочих с целью превращения Германии п республику, он отправился вместе со своими друзьями в Кёльн и основал там «Neue Rheinische Zeitung», которая просуществовала до июня 1849 г. и которую до сих пор еще хорошо помнят на Рейне[300]. Свобода печати 1848 г., пожалуй, нигде не была использована с таким успехом, как тогда этой газетой, издававшейся в самом центре одной из прусских крепостей.

После тщетных попыток правительства прикончить газету путем судебного преследования — Маркса дважды привлекали к суду присяжных за нарушение законов о печати и за призыв к отказу от уплаты налогов, и оба раза он был оправдан — газета во время майских восстаний 1849 г. была уничтожена, таким путем, что Маркс был выслан из страны под предлогом утраты своего прусского подданства и остальные редакторы были высланы под такого же рода предлогами. Маркс должен был поэтому опять возвратиться в Париж, откуда он снова был выслан и еще летом 1849 г. переехал в Лондон, где он живет и по сей день.

В Лондоне собрался тогда весь fine fleur* континентальной эмиграции всех наций. Создавались всевозможные революционные комитеты, объединения, временные правительства in partibus infidelium**, происходили всякого рода препирательства и склоки; господа, принимавшие в них участие, наверное, вспоминают теперь этот период как самый злополучный в своей жизни. Маркс держался в стороне от всех этих интриг. Некоторое время он продолжал издавать свою «Neue Rheinische Zeitung» в виде ежемесячного обозрения (Гамбург, 1850 г.)[301], а после этого уединился в Британском музее и стал изучать политико-экономическую литературу в его огромной и большей частью еще неизвестной библиотеке. В то же время он регулярно посылал корреспонденции в «New-York Tribune»[302]; он был, собственно говоря, вплоть до начала Гражданской войны в Америке редактором по вопросам европейской политики в этой лучшей англо-американской газете.

Государственный переворот 2 декабря побудил его написать брошюру *«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»,* Нью-Йорк, 1852 год; как раз в настоящее время она выходит новым изданием (в Гамбурге у Мейснера) и немало будет содействовать уяснению того шаткого положения, в которое именно теперь попал этот самый Бонапарт. Герой государственного переворота именно здесь изображен в своем натуральном, неприкрашенном виде, без того ореола славы, каким окружил его минутный успех. Филистер, считающий своего Наполеона III величайшим человеком нашего века и не могущий поэтому понять, как же этот изумительный гений неожиданно делает теперь промах за промахом и совершает одну политическую ошибку за другой, — этот самый филистер может обратиться за разъяснениями к упомянутой работе Маркса.

* — цвет. *Ред.*

** — вне реальной действительности, за границей (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

Хотя Маркс за все время своего пребывания в Лондоне вовсе не стремился привлечь к себе внимание, тем не менее Карл Фогт вынудил его, после итальянской кампании 1859 **г.**, вступить в полемику, нашедшую свое завершение в книге Маркса «Господин Фогт» (Лондон, 1860 г.)[303]. В это же самое время появился первый плод его политико-экономических исследований — «К критике политической экономии», первый выпуск, Берлин, 1859 год. Этот выпуск содержит в себе только теорию денег, которая изложена с совершенно новой точки зрения; продолжение заставило себя ждать потому, что автор тем временем открыл так много новых материалов, что счел необходимым **их** дополнительное изучение.

Наконец, в 1867 г. в Гамбурге был издан *«Капитал.* Критика политической экономии», том первый. Книга эта — результат научной работы целой жизни. Это — политическая экономия рабочего класса в ее научном выражении. Здесь дело идет* не об агитационных фразах, а о строго научных выводах. Как бы ни относиться к социализму, все же всякий должен будет признать, что здесь социализм впервые изложен научно и что именно Германии было суждено внести такой вклад и в данной области. Ныне всякий, кто еще хочет бороться с социализмом, должен будет справиться с Марксом; и если ему это удастся, то у него, разумеется, уже не будет необходимости упоминать о dii minorum gentium**.

Но книга Маркса представляет интерес еще и с другой стороны. Это — первое сочинение, в котором полно и ясно изображаются фактические отношения, существующие между капиталом и трудом в той классической форме, которую они приобрели в Англии. Парламентские обследования дали для этого обильный, охватывающий почти сорокалетний период и очень мало известный даже в Англии материал о положении рабочих почти во всех отраслях промышленности, о женском и детском труде, о ночной работе и т. д.[304]; все это здесь впервые стало доступным для читателя. Далее следует история фабричного законодательства в Англии, которое от скромного начинания в виде первого закона 1802 г. дошло теперь до ограничения рабочего времени почти во всех отраслях как фабричной, так и домашней промышленности 60 часами в неделю для женщин и подростков моложе 18 лет и 39 часами в неделю для детей моложе 13 лет. С этой стороны книга Маркса представляет

* В рукописи после слова «идет» добавлено: «не о политической пропаганде». *Ред.*
** — буквально: «младших богах»; в переносном смысле: «второразрядных величинах». *Ред.*

величайший интерес для всякого, кто связан с промышленностью.

В течение долгих лет Маркс несомненно был тем немецким писателем, который подвергался наиболее изощренной клевете; зато никто не станет отрицать, что он мужественно боролся и что все его удары метко попадали в цель. Но полемика, в которой он столько «положил труда», была все же для него в сущности только вынужденной самообороной. По-настоящему же, в конце концов, он всегда интересовался своей наукой, которую в течение двадцати пяти лет он изучал и обдумывал с добросовестностью, не имеющей себе равной, с такой добросовестностью, которая не позволяла ему опубликовать свои выводы в систематизированном виде, прежде чем он сам не был удовлетворен их формой и содержанием, прежде чем он не убедился, что не осталось ни одной не прочитанной им книги, ни одного не взвешенного им возражения, что каждый вопрос им исчерпан до конца. В нашу эпоху, эпоху эпигонов, оригинальные мыслители крайне редки, и если какой-либо человек является не только оригинальным мыслителем, но и обладает непревзойденной в своей области эрудицией, то он вдвойне заслуживает признания.

Кроме своей науки, Маркс, как это и следовало ожидать, занят рабочим движением; он является одним из основателей Международного Товарищества Рабочих, которое в последнее время заставило так много говорить о себе и которое показало себя силой уже во многих пунктах Европы. Мы думаем, что не ошибемся, если скажем, что и в этой организации, которая во всяком случае знаменует собой эпоху в рабочем движении, немецкий элемент занимает — и именно благодаря Марксу — подобающее ему влиятельное место.

Написано Ф. Энгельсом около 28 июля 1869 г.

Напечатано в газете«Die Zukunft» № l85, 2 августа. 1869 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ДОКЛАД ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ПРАВЕ НАСЛЕДОВАНИЯ [305]

1. Право наследования имеет социальное значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником то право, которым покойный обладал *при жизни,* а именно *право* при помощи своей собственности *присваивать продукты чужого труда.* Например, земля дает собственнику при жизни право присваивать в виде ренты, без всякой компенсации, плоды чужого труда. Капитал дает ему право делать то же самое в виде прибыли и процента. Собственность на государственные ценные бумаги дает ему возможность жить, не трудясь, плодами чужого труда и т. д.

Наследование не *создает* этого права перекладывать плоды труда одного человека в карман другого — оно касается лишь смены лиц, обладающих этим правом. Как и все гражданское право вообще, законы о наследовании являются не *причиной,* а *следствием, юридическим выводом* из *существующей экономической организации общества,* которая основана на частной собственности на средства производства, то есть на землю, сырье, машины и пр. Точно так же право передавать рабов по наследству не есть причина рабства, а, наоборот, рабство есть причина перехода рабов по наследству.

2. Нам надлежит бороться с причиной, а не со следствием, с экономическим базисом, а не с его юридической надстройкой. Предположим, что средства производства из частной собственности превращены в общественную; тогда право наследования (поскольку оно имеет какое-либо социальное значение) отомрет само собой, ибо человек оставляет после своей смерти лишь то, чем он владел при жизни. Поэтому наша великая цель должна

заключаться в уничтожении тех институтов, которые дают некоторым людям *при жизни* экономическую власть присваивать плоды труда многих. Там, где общество находится на достаточном уровне развития, а рабочий класс обладает достаточной силой, чтобы упразднить такого рода институты, он должен сделать это *прямым путем.* Например, аннулируя государственный долг, можно, разумеется, вместе с тем избавиться от перехода государственных ценных бумаг по наследству. С другой стороны, если рабочий класс не обладает достаточной властью, чтобы аннулировать государственный долг, было бы глупо пытаться отменить право наследования в отношении государственных ценных бумаг.

Исчезновение права наследования будет естественным результатом того социального переустройства, которое упразднит частную собственность на средства производства; но *отмена права наследования* никогда не может стать *отправной точкой* такого социального преобразования.

3. Одна из крупных ошибок, допущенных лет 40 тому назад учениками Сен-Симона, заключалась в том, что они рассматривали *право наследования* не как *юридическое следствие,* а как экономическую причину нынешней организации общества[306]. Это нисколько не помешало им увековечить в своей социальной системе частную собственность на землю и на другие средства производства. Они считали, что возможны выборные и пожизненные собственники, подобно тому как существовали выборные короли.

Признать отмену *права наследования отправной точкой* социальной революции означало бы только отвлечь рабочий класс от той позиции, с которой действительно следует повести атаку на современное общество. Это было бы так же нелепо, как отменять договорное право между покупателем и продавцом, сохраняя нынешний порядок обмена товарами.

Это было бы ошибочно теоретически и реакционно на практике.

4. Рассматривая законы наследования, мы неизбежно предполагаем, что *частная собственность* на средства производства продолжает существовать. Если бы частная собственность уже не существовала при жизни людей, она не могла бы передаваться ими и от них после их смерти. Поэтому все мероприятия, касающиеся права наследования, могут *относиться* только к *переходному* состоянию *общества,* когда, с одной стороны, нынешняя экономическая основа общества еще не преобразована, а с другой стороны, рабочие массы накопили достаточно сил, чтобы *заставить принять переходные мероприятия,* рассчи-

танные на то, чтобы осуществить в конечном счете радикальное переустройство общества.

Рассматриваемое с этой точки зрения изменение законов о наследовании составляет лишь одно из *многочисленных других переходных мероприятий,* которые все ведут к той же цели.

Такими переходными мероприятиями в отношении наследования могут быть только:

a) более широкое применение уже существующих во многих государствах налогов на наследство и обращение получаемых этим путем средств на цели социального освобождения;

b) ограничение права наследования по завещанию, которое в отличие от *права наследования без завещания,* или *семейного права наследования* является произвольным и суеверным преувеличением даже самого принципа частной собственности.

Написано К. Марксом 2—3 августа 1869 г.

Напечатано в брошюре «Report of the Fourth Annual Congress of the International Working Men's Association, held at Basle, in Switzerland», изданной в Лондоне в 1869 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с английского

К. МАРКС

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА IV ЕЖЕГОДНОМУ КОНГРЕССУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ[307]

Делегаты различных секций представят вам подробные отчеты об успехах нашего Товарищества в соответствующих странах. Отчет вашего Генерального Совета коснется главным образом партизанских боев между капиталом и трудом — мы имеем в виду стачки, которые в течение последнего года волновали европейский континент и о которых говорили, будто они вызваны не нищетой рабочих и не деспотизмом капиталистов, а тайными происками нашего Товарищества.

Через несколько недель после окончания нашего послед-пего конгресса вспыхнула памятная стачка ленточников и красильщиков шелка в Базеле. Базель до наших дней сохранил много особенностей средневекового города с его местными традициями, узкими предрассудками, чванливыми толстосумами-патрициями и патриархальными отношениями между работодателем и рабочим. Еще несколько лет тому назад один базельский фабрикант хвастался секретарю английского посольства, что

«взаимоотношения между хозяевами и рабочими здесь несравненно лучше, чем в Англии»; что «в Швейцарии рабочего, который покинул бы хорошего хозяина ради лучшей заработной платы, презирали бы его же товарищи по работе» и что «наше преимущество по сравнению с Англией заключается главным образом в продолжительности рабочего времени и умеренности заработной платы».

Как видите, патриархальные порядки в своей видоизмененной современными влияниями форме сводятся к тому, что хозяин хорош, а заработная плата плохая, что рабочий испытывает чувство средневекового вассала, а эксплуатируется, как современный наемный раб.

Об этой патриархальности можно судить и по данным произведенного швейцарскими властями обследования детского труда на фабриках и состояния начальных народных школ. Было установлено, что

«в базельских школах воздух хуже, чем где бы то ни было, что если на открытом воздухе на 10000 частей приходится только 4 части углекислоты, а в закрытых помещениях не должно быть больше 10 частей, то в обычных школах в Базеле количество его достигало 20—81 части до полудня и 53—94 после полудня».

По этому поводу член базельского Большого совета г-н Турнейзен хладнокровно заявил:

«Ничего страшного! Родители занимались в таких же плохих школьных помещениях, как и нынешние, и, однако, ничего с ними не случилось».

Теперь станет понятным, почему взрыв экономической борьбы базельских рабочих ознаменовал эпоху в социальной истории Швейцарии. Что может быть характернее, чем исходный пункт этого движения! В силу старинного обычая рабочие Базеля в Михайлов день кончают работу на $^1/_4$ рабочего дня раньше, чем обычно. Итак, 9 ноября 1868 г., когда рабочие ленточной фабрики Дебари и сыновья потребовали обычной льготы, один из хозяев в грубом тоне и с повелительным жестом заявил им:

«Тот, кто уйдет с фабрики и прекратит работу, будет уволен немедленно и навсегда».

После нескольких тщетных протестов 104 ткача из 172 покинули фабрику, не веря, впрочем, в свое окончательное увольнение, так как по обоюдному письменному соглашению полагалось в случае ухода с работы или увольнения сделать предупреждение за две недели. Явившись на следующее утро, они увидели, что фабрика окружена жандармами, которые не подпускают к ней мятежников. Те ткачи, которые накануне не праздновали, теперь тоже отказались работать. Общий лозунг был: «Все или никто».

Столь неожиданно уволенные с работы ткачи вместе со своими семьями были сразу же выброшены из жилищ, которые они нанимали у своих предпринимателей. Последние к тому же обратились с циркулярными письмами к мясникам, булочникам, бакалейщикам, чтобы лишить мятежников всякого кредита на продовольствие. Начатая таким образом борьба продолжалась с 9 ноября 1868 до весны 1869 года. Рамки нашего отчета не позволяют нам входить в дальнейшие подробности. Достаточно отметить, что борьба, возникшая из-за

злобного проявления капиталистического произвола и деспотизма — жестокого локаута, вылилась в ряд стачек, которые время от времени прерывались компромиссами, снова и снова нарушаемыми хозяевами; высшего напряжения борьба достигла тогда, когда базельский высокий и достопочтенный Большой совет тщетно пытался запугать рабочих военными мерами и чем-то вроде осадного положения.

Во время этой борьбы рабочим оказало поддержку *Международное Товарищество Рабочих.* Это общество, по мнению хозяев, впервые занесло в добрый старый имперский город Базель современный бунтарский дух. Их величайшей заботой поэтому стало — снова изгнать из Базеля этого дерзкого пришельца. Они попытались, но тщетно, в качестве условия мира заставить своих подчиненных выйти из Товарищества. Терпя в своей войне против *Интернационала* поражение за поражением, они пытались излить свою злобу в нелепых выходках. Являясь владельцами больших фабрик в баденском пограничном местечке Лёррахе, расположенном недалеко от Базеля, эти республиканцы побудили местного окружного начальника* распустить имевшуюся там секцию Интернационала; впрочем, это мероприятие вскоре было отменено баденским правительством. Когда аугсбургская «Allgemeine Zeitung» осмелилась поместить беспристрастные сообщения о базельских событиях[308], эти «почтенные господа» в дурацких письмах угрожали прекратить на нее подписку. Они специально отправили в Лондон агента с фантастическим поручением установить размеры главной кассы Интернационала. Если бы эти правоверные христиане жили во времена зарождения христианства, они прежде всего заглянули бы в текущий счет апостола Павла в Риме.

Своим диким и неуклюжим поведением они заслужили несколько иронических уроков житейской мудрости от женевских капиталистов. Но через несколько месяцев неотесанные базельские провинциалы смогли с ростовщическими процентами вернуть женевским светским господам их комплименты.

В марте в Женеве вспыхнули две стачки — стачка строительных рабочих и стачка наборщиков; обе корпорации образовали секции *Интернационала.* Стачка строительных рабочих была вызвана тем, что хозяева нарушили договор, который был годом раньше торжественно заключен с рабочими. Стачка наборщиков была только завершением тянувшегося уже десять

* В английском тексте вместо слов «окружного начальника» напечатано: «чиновников великого герцогства». *Ред.*

лет конфликта, который рабочие все время тщетно пытались уладить в пяти комиссиях, следовавших одна за другой. Как и в Базеле, хозяева сразу превратили частную стычку со своими рабочими в крестовый поход государственной власти против *Международного Товарищества Рабочих.*

Женевский Государственный совет отправил на вокзалы полицейских, чтобы встретить и изолировать от всякого контакта со стачечниками тех рабочих, которых хозяева импортировали из отдаленных местностей. Он разрешил женевской jeunesse dorée*, вооруженной револьверами, нападать на улицах и в других общественных местах на рабочих и работниц. Он по разным поводам натравливал на рабочих наемных убийц своей полиции, в частности 24 мая, когда он разыграл в Женеве, в малом масштабе, сцены, подобные тем парижским сценам, которые Распайль заклеймил как «Les orgies infernales des casse-tetes»[310].

Когда женевские рабочие на открытом собрании приняли обращение к Государственному совету, в котором они призывали его произвести расследование по поводу этих «адских полицейских оргий», Государственный совет грубо отклонил их просьбу. Явно хотели довести женевских рабочих до восстания, подавить это восстание вооруженной силой, очистить от *Интернационала* швейцарскую почву и подчинить пролетариев режиму, подобному режиму 2 декабря. План был расстроен благодаря энергичным действиям и сдерживающему влиянию нашего швейцарского Федерального комитета[311]. Хозяева в конце концов были вынуждены уступить.

А теперь выслушайте некоторые обвинения, брошенные по адресу *Интернационала* женевскими капиталистами и их газетной сворой! На открытом собрании они приняли обращение к Государственному совету, в котором встречается следующая фраза:

«разоряют Женевский кантон, повинуясь приказам, полученным из Лондона и Парижа, хотят уничтожить здесь всякую промышленность и всякий труд».

Одна швейцарская газета утверждала, что руководители *Интернационала* являются

«тайными агентами императора Наполеона, которые в надлежащий момент выступят в качестве общественных обвинителей против нашей маленькой Швейцарии».

И это говорят те самые господа, которые только что проявили столь страстное желание пересадить на швейцарскую почву

* В английском тексте после слов: «jeunesse dorée» («золотой молодежи») добавлено: «подававшим надежды бездельникам из «La jeune Suisse»»[309]. *Ред.*

режим 2 декабря, те самые финансовые магнаты, заправляющие в Женеве и других швейцарских городах, о которых вся Европа знает, что они уже давно из граждан Швейцарской республики превратились в прислужников «Credit Mobilier»[312] и других *международных мошеннических организаций!*

Избиения, которыми бельгийское правительство в апреле ответило на стачки пудлинговщиков в Серене и углекопов в Боринаже, были подробно освещены в обращении Генерального Совета к рабочим Европы и Соединенных Штатов[*]. Мы считали такое обращение тем более необходимым, что в образцовом конституционном государстве Бельгии подобные избиения рабочих являются не случайностью, а постоянно действующим установлением. За ужасающей военной драмой последовал судебный фарс. Во время следствия, начатого против нашего Бельгийского генерального комитета в Брюсселе, помещение которого было жестоко разгромлено полицией, а часть членов подвергнута аресту, судебный следователь нашел письмо одного рабочего с просьбой прислать «500 *Интернационалов»;* он сразу пришел к заключению, что на поле действия предполагалась отправка боевой дружины в 500 человек. Эти «500 *Интернационалов»* были лишь 500 экземпляров «L'Internationale», еженедельного органа Брюссельского комитета. Затем он выискивает[**] телеграмму, адресованную в Париж, в которой требуют некоторое количество «пороха». После продолжительных розысков опасное вещество было обнаружено в Брюсселе. Оно оказалось порошком для истребления насекомых[***]. И, наконец, бельгийская полиция льстила себя надеждой, что она напала на то неуловимое сокровище, которое не давало покоя капиталистам континента, большая часть которого якобы хранится в Лондоне и за счет которого систематически финансируются все главные отделения Товарищества на континенте. Бельгийский следователь полагал, что это сокровище таилось в некоем несгораемом ящике, запрятанном в укромном месте. Его сыщики штурмуют ящик, взламывают замок и находят — несколько кусков угля. Возможно, что чистое золото Интернационала мгновенно превратилось в уголь от прикосновения руки полицейского.

Из стачек, разразившихся в декабре 1868 г. в различных хлопчатобумажных районах Франции, самой значительной была стачка в *Сотвиль-ле-Руане.* Фабриканты департамента

[*] См. настоящий том, стр. 365—370. *Ред.*

[**] В оригинале «stiebert» от слова «Stieber»—«ищейка», «сыщик»; намек на фамилию начальника прусской полиции Штибера (Stieber). *Ред.*

[***] — слово «pulwer» означает «порох» и «порошок». *Ред.*

Соммы незадолго до того собрались в Амьене, чтобы решить, каким образом они могли бы побить своих английских конкурентов на английском рынке, продавая дешевле (undersell), чем они. Все были согласны с тем, что наряду с покровительственными пошлинами, именно сравнительно низкий уровень заработной платы ограждал до сих пор Францию от английских хлопчатобумажных изделий; отсюда естественно заключили, что еще большее снижение заработной платы во Франции позволит наводнить Англию французскими хлопчатобумажными изделиями. Не возникало никаких сомнений в том, что французские рабочие-хлопчатобумажники с гордостью примут на себя издержки завоевательной войны, которую их хозяева столь патриотично решили вести по ту сторону Ла-Манша. Вскоре после этого распространился слух, что фабриканты *Руана* и его окрестностей на тайном совещании условились проводить такую же политику. Вслед за этим в *Сотвиль-ле-Руане* было внезапно объявлено о значительном снижении заработной платы, и тогда нормандские ткачи впервые восстали против натиска капитала. Они действовали под влиянием момента. У них до этого не было профессиональных союзов, и они не обеспечили себе никаких средств сопротивления. Нужда заставила их обратиться к руанскому комитету Интернационала, который немедленно доставил им кое-какую поддержку от рабочих Руана, его окрестностей и Парижа. Приблизительно в конце декабря руанский комитет обратился к Генеральному Совету — в момент крайней нужды в английских хлопчатобумажных округах, в момент беспримерной нищеты в Лондоне и общего застоя во всех отраслях промышленности. Такое положение вещей продолжается в Англии до сих пор. Несмотря на в высшей степени неблагоприятные обстоятельства, Генеральный Совет полагал, что особый характер руанского конфликта побудит английских рабочих напрячь все свои силы. Представлялся весьма подходящий случай показать капиталистам, что та международная промышленная война, которую они ведут путем сокращения заработной платы то в одной, то в другой стране, будет, наконец, сорвана международным объединением рабочего класса. На наш призыв английские рабочие сразу ответили первым взносом в пользу Руана, а Лондонский совет тред-юнионов постановил созвать в столице совместно с Генеральным Советом monstre meeting[*] сочувствия нормандским братьям. Эти мероприятия были приостановлены известием о том, что стачка в Сотвиле внезапно прекратилась.

[*] — грандиозный митинг. *Ред.*

Неудача этой экономической борьбы была широко компенсирована ее моральным эффектом. Она вовлекла в ряды революционной армии труда нормандских хлопчатобумажных рабочих; она вызвала к жизни профессиональные союзы в Руане, Эльбёфе, Дарнетале и т. д. и вновь закрепила братский союз между английским и французским рабочим классом. В течение зимы и весны 1869 г. наша пропаганда во Франции была парализована вследствие насильственного роспуска в 1868 г. нашего парижского комитета, полицейских придирок в департаментах и стоявших в центре внимания всеобщих парламентских выборов во Франции.

Как только закончились выборы, вспыхнули многочисленные стачки в горнопромышленных районах Луары, в Лионе и во многих других местностях. Перед экономическими фактами, обнаружившимися во время этой борьбы между капиталистами и рабочими, исчезли как туман те яркие заманчивые картинки, на которых изображалось процветание рабочего класса под эгидой Второй империи. Требования, предъявленные рабочими, были столь скромными и столь неоспоримыми, что их все пришлось выполнить после некоторых, подчас наглых попыток сопротивления. Единственная странная черта этих стачек заключалась в их внезапном взрыве после кажущегося затишья и в том, с какой быстротой они следовали одна за другой. Причина всего этого была, однако, проста и очевидна. Рабочие успешно испробовали свои силы в борьбе против всенародного деспота во время выборов. Они, естественно, решили после выборов испробовать их против своих частных деспотов.

Выборы способствовали пробуждению умов. Правительственная пресса, которая получает плату за фальсификацию фактов, естественно приписала все события тайным приказам лондонского Генерального Совета, якобы посылающего своих эмиссаров с места на место, дабы открыть ранее вполне довольным своей участью французским рабочим секрет, что работать сверх сил, получать недостаточную плату и терпеть грубое обращение — неприятная вещь. Некий французский полицейский листок, издаваемый в Лондоне, «L'International»[313], соблаговолил открыть миру — в своем номере от 3 августа — тайные побуждения нашей вредной деятельности.

«Самое странное то», — говорится там, — «что стачки было предписано начинать в таких странах, где нужда далеко еще не дает себя чувствовать. Эти неожиданные вспышки, возникавшие как нельзя кстати для некоторых соседей Франции, которые в первую очередь должны были бы опасаться войны, заставляют многих призадуматься: не произошли ли эти стачки по требованию какого-нибудь иностранного Макиавелли, сумевшего добиться расположения этого всесильного Товарищества?»

И в то самое время, когда этот французский полицейский листок обвинял нас в том, что мы посредством стачек создаем для французского правительства внутренние затруднения, чтобы избавить графа Бисмарка от внешней войны, одна рейнско-прусская газета, орган фабрикантов, обвиняла нас в том, что мы стачками потрясаем основы Северогерманского союза[314], чтобы парализовать немецкую промышленность в интересах иностранных фабрикантов.

Отношение *Интернационала* к стачкам во Франции можно иллюстрировать двумя типичными случаями. По поводу первого случая, стачки в *Сент-Этьенне* и последовавшего затем избиения в Рикамари, даже само французское правительство уже не осмеливается утверждать, что *Интернационал* имел какое бы то ни было отношение к этим событиям.

Что же касается событий в Лионе, то *не Интернационал* толкнул рабочих на стачки, а, наоборот, стачки толкнули рабочих в ряды Интернационала.

Горнорабочие *Сент-Этъенна, Рив-де-Жье* и *Фирмини* спокойно, но твердо требовали от директоров горнопромышленных компаний пересмотра тарифа заработной платы и сокращения рабочего дня, достигавшего 12 часов тяжелой работы под землей. Не добившись успеха в своей попытке мирного разрешения спора, они забастовали 11 июня. Для них, конечно, было жизненным вопросом обеспечить себе поддержку тех своих товарищей, которые еще продолжали работать. Чтобы воспрепятствовать этому, директора горнопромышленных компаний потребовали и получили от префекта департамента Луары целый лес штыков. 12 июня стачечники обнаружили, что шахты находятся под усиленной военной охраной. Чтобы обеспечить себе усердие солдат, предоставленных им правительством, горнопромышленные компании выплачивали каждому солдату по 1 франку в день. Солдаты отблагодарили компанию, задержав около 60 рудокопов, которые пытались пробраться к своим товарищам, находившимся в шахтах. Задержанные были в тот же день после полудня направлены в *Сент-Этьенн* под охраной в 150 солдат 4-го линейного полка. Перед отправкой этих храбрых воинов один из инженеров Дорианской компании роздал им 60 бутылок водки и настоятельно просил их в пути зорко следить за арестованными: эти горнорабочие, мол, — дикари, варвары и беглые каторжники. Водкой и наставлениями было подготовлено кровавое столкновение. За отрядом последовала толпа горнорабочих с женами и детьми, которая окружила его в узком ущелье, на высотах Монселя, в округе Рикамари, и потребовала освобождения арестованных. Солдаты ответили отказом, и на

них посыпались камни; тогда, без всякого предупреждения, они стали беспорядочно стрелять в самую гущу толпы, убили 15 человек, в том числе двух женщин и грудного ребенка, и многих тяжело ранили. Страдания раненых были ужасны; среди них была бедная девочка 12 лет, *Женни Пти;* ее имя будет жить вечно в истории мучеников рабочего класса. Она была ранена сзади двумя пулями: одна из них застряла в ноге, другая пробила спину, раздробила руку и вышла через правое плечо. «Les chassepots avaient encore fait merveille»[315].

Впрочем, на этот раз правительство быстро сообразило, что оно совершило не только преступление, но и грубый промах. Буржуазия не приветствовала его как спасителя общества. Весь муниципальный совет *Сент-Этьенна* подал в отставку, отметив в своем заявлении бесчеловечность солдатни и настаивая на удалении войск из города. Французская пресса подняла страшный шум. Даже такие консервативные газеты, как «Moniteur universel»[316], открыли подписку в пользу жертв. Правительству пришлось отозвать ненавистный полк из *Сент-Этьенна.*

При таких затруднительных обстоятельствах явилась блестящая идея — возложить на алтарь общественного негодования козла отпущения — *Международное Товарищество Рабочих.* Во время судебного разбирательства так называемые бунтовщики были подразделены обвинительным актом на 10 категорий, причем весьма искусно оттенялись различные степени виновности. Первая категория, окрашенная в самую густую краску, состояла из 5 рабочих, особо подозреваемых в том, что они повиновались некоему тайному предписанию извне, изданному *Интернационалом.* Улики были, конечно, подавляющие, о чем свидетельствует следующая краткая выдержка из одной французской судебной газеты:

«Допрос свидетелей не дал возможности *точно* установить участие Международного Товарищества. Свидетели подтверждают *лишь* присутствие во главе банд каких-то *неизвестных* в белых блузах и картузах. Но *ни один из этих неизвестных* не был задержан *и не находится на скамье подсудимых.* На вопрос — верите ли вы во вмешательство Международного Товарищества? — один из свидетелей ответил: «я *верю в него, но у меня нет никаких доказательств*»».

Вскоре после избиения в Рикамари серию экономических боев начали лионские сучильщики шелка, в большинстве своем женщины. Нужда заставила их обратиться к Интернационалу, который — главным образом через своих членов во Франции и в Швейцарии — помог им одержать победу. Несмотря на все попытки запугать их полицейскими мерами, они открыто заявили о своем присоединении к нашему Товариществу

и официально вступили в него, уплатив Генеральному Совету установленные Уставом взносы. В Лионе, как и до того в Руане, *работницы* сыграли благородную и выдающуюся роль.

Другие отрасли промышленности в Лионе последовала примеру сучильщиков шелка. Таким образом, в течение нескольких недель наше Товарищество приобрело более 10000 новых единомышленников среди этого героического населения, более тридцати лет тому назад написавшего на своем знамени лозунг современного пролетариата «Vivre en travaillant ou mourir en combattant!» («Жить работая или умереть сражаясь!»)[317]

Между тем французское правительство продолжает свою мелочную травлю *Интернационала.* В Марселе оно запретило нашим членам собраться для избрания делегата на Базельский конгресс. Эта подлая выходка повторилась и в других городах, но европейские рабочие, как и повсюду, начинают, наконец, понимать, что вернейший путь к тому, чтобы завоевать свои естественные права, это — использовать их явочным порядком, каждый на свой собственный риск.

Рабочие *Австрии,* особенно рабочие Вены, хотя и вступили в движение лишь после событий 1866 г.[318], заняла уже выгодные позиции. Они сразу же сплотились под знаменами социализма и *Интернационала,* к которому они теперь коллективно присоединились через своих делегатов на недавно состоявшемся Эйзенахском съезде[319]. В Австрии, более, чем где бы то ни было, либеральная буржуазия проявила свои эгоистические инстинкты, свое умственное убожество и свою мелочную озлобленность против рабочего класса. Ее министерство, видя, что расовая и национальная рознь раздирает империю и ставит ее существование под угрозу, преследует рабочих, которые одни только провозглашают братство всех рас и национальностей. Сама буржуазия, которая завоевала свое новое положение не собственным героизмом, а лишь благодаря поражению австрийской армии[320], едва ли в состоянии, — да она и сама это знает, — защитить свои новые приобретения от посягательств династии, аристократии и духовенства; и, тем не менее, эта буржуазия растрачивает свои силы в жалких попытках лишить рабочий класс права коалиции, собраний и свободы печати.

В Австрии, как и во всех других государствах континентальной Европы, *Интернационал* вытеснил блаженной памяти *«красный призрак».* Когда 13 июля в Брюнне, хлопчатобумажном центре Моравии, было организовано избиение рабочих в малом масштабе, событие было приписано тайному подстрекательству

Интернационала, агенты которого являлись обладателями шапки-невидимки. Когда некоторые руководители венского парода предстали перед судом, прокурор клеймил их как агентов заграницы. Примером его глубокого знания дела служит допущенная им маленькая ошибка: он перепутал *буржуазную Лигу мира и свободы* в Берне с пролетарским *Интернационалом.*

Если в Цислейтанской Австрии[321] рабочее движение подвергалось таким преследованиям, то в *Венгрии* его открыто и нагло травили. На этот счет до Генерального Совета дошли из Пешта и Пресбурга самые достоверные сообщения. Одного примера будет достаточно, чтобы показать обращение властей с венгерскими рабочими.

Королевский министр внутренних дел Венгрии г-н фон Венкхейм как раз находился при венгерской делегации в Вене. *Пресбургские* рабочие, которым в течение долгих месяцев не разрешалось проводить собрания и было даже запрещено устройство праздника, сбор от которого должен был пойти на учреждение больничной кассы, послали за несколько дней до того в Вену группу рабочих, среди которых был и известный агитатор Немчик, чтобы передать там жалобу г-ну министру внутренних дел. Стоило больших усилий добиться аудиенции у этого вельможи, и когда, наконец, открылся министерский кабинет, рабочие были встречены министром весьма невежливым образом:

«Вы рабочие? Усердно ли вы работаете?» — спросил министр, попыхивая сигарой. — *«Остальное вас не касается. Никаких союзов вам не надо; и если вы будете соваться в политику, мы сумеем принять против вас надлежащие меры. Я ничего для вас не сделаю. Рабочие могут роптать, сколько им угодно!»*

На вопрос, будет ли, следовательно, все по-прежнему предоставлено произволу властей, министр ответил:

«Да, и я беру это на свою ответственность».

После несколько затянувшихся, но бесплодных объяснений рабочие ушли от министра, заявив ему:

«Поскольку государственные дела отражаются на положении рабочих, рабочие должны и, конечно, будут заниматься политикой».

В *Пруссии* и в остальной Германии прошлый год был ознаменован организацией профессиональных союзов по всей стране. На состоявшемся недавно Эйзенахском съезде делегаты от более чем 150000 немецких рабочих в самой Германии, Австрии и Швейцарии организовали новую Социал-демократическую партию, в программу которой дословно вошли основные принципы нашего Устава. Поскольку закон запрещает им создавать оформленные секции нашего Товарищества, они приняли решение

получать индивидуальные членские карточки от Генерального Совета*.

Новые секции Товарищества образовались в Неаполе, Испании и Голландии. В Барселоне и Амстердаме издаются еженедельные органы нашего Товарищества[323].

Лавры, собранные бельгийским правительством на славных полях сражения в Серене и Фрамри, по-видимому, не дают покоя великим державам. Неудивительно поэтому, что в этом году и Англия может похвастаться своим собственным избиением рабочих. Уэльсские рудокопы в Лисвудской большой шахте, близ Молда в Денбишире, неожиданно получили извещение о снижении заработной платы от управляющего шахтой, которого они уже давно ненавидели как мелочного и неисправимого деспота. Они собрали людей из соседних шахт, выгнали управляющего из его дома и отправили всю его мебель на ближайшую железнодорожную станцию. Несчастные полагали в своей детской наивности, что освободятся таким образом от него навсегда**. 28 мая двое из зачинщиков должны были быть доставлены в здание суда в Молде полицейскими под охраной отряда 4-го собственного его величества пехотного полка. Толпа рудокопов пыталась по пути освободить арестованных и, встретив сопротивление полиции и солдат, засыпала их камнями; тогда солдаты без предварительного предупреждения ответили на град камней градом пуль из своих заряжающихся с казны ружей***. Пять человек, из них две женщины и один ребенок, были убиты и очень многие ранены. До этого момента между избиением в Молде и избиением в Рикамари много общего, но дальше это сходство исчезает. Во Франции солдаты отвечали только перед своими командирами. В Англии они должны были подвергнуться допросу следователя перед присяжными; но этот следователь был глухой и наполовину выживший из ума старик, которому пришлось выслушивать показания свидетелей через слуховую трубку, а уэльсские присяжные представляли собой бездушный, преисполненный предрассудков классовый суд. Они признали избиение «убийством при оправдывающих вину обстоятельствах». Во Франции бунтовщики были приговорены к тюремному заключению

---

* В английском тексте далее следует: «На своем съезде в Бармене[322] Всеобщий германский рабочий союз также подтвердил свое согласие с принципами нашего Товарищества, одновременно заявив, что прусский закон воспрещает ему присоединиться к нам». *Ред.*

** В английском тексте далее следует: «Началось, конечно, судебное следствие против бунтовщиков, но один из них был освобожден тысячной толпой и выведен из города». *Ред.*

*** В английском тексте добавлено: «(ружья Снайдера)». *Ред.*

от 3 до 18 месяцев и вскоре после суда амнистированы. В Англии они были присуждены к 10 годам каторжных работ.

Во Франции вся печать единодушно подняла крик возмущения по адресу солдат. В Англии печать расточала одобрение по адресу солдат и негодование по адресу их жертв. Тем не менее, английские рабочие много выиграли, освободившись от большой и опасной иллюзии. До сих пор они воображали, что их жизнь более или менее охраняется формальностями закона о беспорядках[324] и подчинением военной силы гражданским властям. Теперь они лучше осведомлены. Либеральный министр внутренних дел г-н *Брус* заявил в палате общин, во-первых, что любой чиновник, первый попавшийся любитель охоты на лисиц или поп имеет право без предварительного оглашения закона о беспорядках приказать войскам стрелять в толпу, если ему покажется, что она состоит из бунтовщиков; и, во-вторых, что солдаты имеют право стрелять по собственному почину под предлогом самозащиты. Либеральный министр забыл прибавить, что при таких обстоятельствах каждый человек должен быть вооружен за счет государства ружьем, заряжающимся с казны, для самозащиты от солдат.

На всеобщем конгрессе тред-юнионов в Бирмингеме, состоявшемся 30 августа, была принята следующая резолюция:

«Принимая во внимание, что местные рабочие организации почти всюду уступили место организациям национального масштаба; что распространение принципа свободной торговли вызывает между капиталистами такое соперничество, при котором интересы рабочих упускаются из виду и приносятся в жертву в бешеной международной конкурентной борьбе; что рабочие организации должны расширяться все больше и становиться интернациональными; принимая во внимание далее, что *Международное Товарищество Рабочих* ставит себе целью защиту общих интересов рабочего класса, являющихся повсюду *одинаковыми,* настоящий конгресс горячо рекомендует рабочим Соединенного королевства, и в особенности всем рабочим организациям, поддерживать это Товарищество и настоятельно предлагает им присоединяться к нему. Конгресс также выражает уверенность, что осуществление принципов Интернационала приведет к прочному миру между всеми народами»[325].

В мае этого года война между Соединенными Штатами и Англией казалась неминуемой. Поэтому ваш Генеральный Совет направил председателю американского Национального рабочего союза г-ну Силвису обращение, призывающее рабочий класс Соединенных Штатов требовать сохранения мира, в то время как господствующие классы кричат о войне*.

Ввиду внезапной смерти доблестного борца за наше общее дело г-на Силвиса нам кажется уместным в знак уважения к его

---

* См. настоящий том, стр. 371—373. *Ред.*

памяти привести в заключение нашего отчета его ответное письмо:

«Филадельфия, 26 мая 1869 г.

Получил, вчера ваше воззвание от 12 мая. Для меня было большим счастьем получить эти строки приветствия от наших товарищей рабочих за океаном. Наше дело — общее дело. Идет война между нищетой и богатством. Труд повсюду одинаково угнетен, а капитал во всех частях света является тем же тираном. Вот почему я говорю, что наше дело общее. От имени рабочего класса Соединенных Штатов протягиваю товарищескую руку вам и— в вашем лице — всем тем, кого вы представляете, а также и всем униженным и эксплуатируемым труженикам и труженицам Европы. Двигайте вперед благое дело, которое вы предприняли, до тех пор, пока полный успех не увенчает ваши усилия. Таково и наше намерение. В результате последней войны у нас образовалась гнуснейшая в мире денежная аристократия. Эта денежная власть быстро пожирает живые силы народа. Мы объявили ей войну и намерены победить. Если это окажется возможным, мы намерены добиться победы через избирательную урну; если же нет, обратимся к более суровым средствам. В крайних случаях нередко бывает необходимо небольшое кровопускание».

По поручению Генерального Совета:

Роберт Аплгарт, председательствующий

Кауэлл Степни, казначей

И. Георг Эккариус, генеральный секретарь

Лондон, 1 сентября 1869 г.

Адрес: 256, Хай Холборн, Уэстерн Сентрал

Написано К. Марксом

Напечатано отдельной брошюрой в Базеле в сентябре 1869 г. и в брошюре «Report of the Fourth Annual Congress of the International Working Men's Association, held at Basle, in Switzerland», London, 1869

Печатается по тексту брошюры, изданной в Базеле

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ПОЛИТИКЕ БРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ИРЛАНДСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ [326]

Постановлено,

что в своем ответе на ирландские требования освободить заключенных ирландских патриотов (ответе, содержащемся в письме г-на Гладстона к г-ну О'Ши и т. д.*) г-н Гладстон умышленно оскорбляет ирландскую нацию;

что он связывает политическую амнистию с условиями, одинаково унизительными и для жертв дурного правительства и для представляемого ими народа;

что Гладстон, несмотря на свое официальное положение, публично и торжественно приветствовал бунт американских рабовладельцев[327], а теперь принимается проповедовать ирландскому народу учение пассивного повиновения;

что вся его политика по отношению к ирландской амнистии является самым настоящим и последовательным проявлением той *«политики завоевания»,* пламенным разоблачением которой г-н Гладстон ниспроверг министерство своих противников тори[328];

что *Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих* выражает свое восхищение тем, как смело, твердо и воз-

* В протокольной книге Генерального Совета это место изложено следующим образом: «в ответе, содержащемся в письмах г-на Гладстона к г-ну О'Ши от 18 октября 1869 г. и к г-ну Исааку Батту от 23 октября 1869 года». *Ред.*

вышенно ведет ирландский народ свою кампанию за амнистию;

что эта резолюция должна быть сообщена всем секциям *Международного Товарищества Рабочих* и всем связанным с ним рабочим организациям Европы и Америки.

Внесено К. Марксом 16 ноября 1869 г.

Напечатано в газетах «Reynolds's Newspaper» 21 ноября 1869 г., «Der Volksstaat» № 17, 27 ноября 1869 г., «L'Internationale» № 48, 12 декабря 1869 г.

Печатается по рукописи, сверенной с записью в протокольной книге Генерального Совета

Перевод с английского

К. МАРКС

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ [329]

Генеральный Совет на своем внеочередном заседании 1 января 1870 г. постановил:

1. В газете *«Egalite»* от 11 декабря 1869 г. мы читаем:

«Несомненно, что он» (Генеральный Совет) «пренебрегает делами крайне важными... Мы ему напоминаем о них» *(обязанностях* Генерального Совета) «ссылкой на статью 1 Регламента и т. д.: «Генеральный Совет *обязан* выполнять резолюции конгресса...» *Мы могли бы задать Генеральному Совету достаточно вопросов,* чтобы его ответы составили довольно пространный документ. *Мы это сделаем позднее...* А пока... и т. д.»

Генеральный Совет не знает ни в Уставе, ни в Регламенте такой статьи, которая *обязывала бы его* вступать в переписку или в полемику с «Egalite» или давать «ответы» *на «вопросы»* газет. Только *Федеральный совет* Романской Швейцарии является представителем секций Романской Швейцарии перед Генеральным Советом. Если Романский федеральный совет обратится к нам единственно законным путем, то есть через своего *секретаря,* с запросами или обвинениями, то Генеральный Совет всегда готов будет ему ответить. Но *Романский федеральный совет* не имеет права ни *отказываться* от своих функций, передоверяя их редакциям *«Egalite»* и *«Progres»*[330]*,* ни позволять этим газетам *узурпировать* его функции. Вообще говоря, если бы переписка Генерального Совета с национальными и местными комитетами публиковалась, это причиняло бы большой вред общим интересам Товарищества. В самом деле, если бы другие органы Интернационала последовали примеру *«Progres»* и *«Egalite»,* то Генеральный Совет был бы поставлен перед альтернативой — либо дискредитировать себя в глазах общест-

венного мнения своим молчанием, либо нарушить свои обязанности, отвечая публично[*].

«Egalite» совместно с «Progres» (газетой, которая не высылается Генеральному Совету) призывают *«Travail»*[331] (парижскую газету, которая еще не объявила себя органом *Интернационала* и которая тоже не высылается Генеральному Совету) со своей стороны потребовать объяснений от Генерального Совета[**]. Чем не Лига общественного блага![332]

2. Допуская, что поставленные «Egalite» вопросы исходят от Романского федерального совета, мы ответим на них, но лишь с тем условием, чтобы впредь подобного рода вопросы не задавались нам таким путем.

3. *Вопрос о бюллетене.*

Резолюция Женевского конгресса, вошедшая в Регламент, предписывает, чтобы национальные комитеты посылали Генеральному Совету *документальные данные о* пролетарском движении, а Генеральный Совет затем издавал бюллетень *на различных языках* «так часто, *как это позволят ему его средства» {«As often as its means permit,* the General Council shall publish a report etc.»).

Обязанность, возложенная на Генеральный Совет, была, таким образом, связана с *условиями,* которые остались невыполненными. Не была даже проведена предписанная Уставом статистическая анкета, относительно которой выносились постановления на ряде следовавших один за другим общих конгрессов и проведения которой Генеральный Совет требовал ежегодно. Генеральному Совету не было представлено никаких документальных данных. Что касается *средств,* то Генеральный Совет давно прекратил бы свое существование, не будь местных взносов в Англии и личных пожертвований его членов.

Таким образом, Регламент, принятый Женевским конгрессом, остался мертвой буквой[***].

---

[*] В рукописи после слова «публично» Марксом зачеркнуты слова: ««Progres», который не высылается Генеральному Совету, несмотря на то, что общие конгрессы трижды принимали соответствующие постановления, положил начало узурпации функций Федерального совета». *Ред.*

[**] В рукописи далее вычеркнуто следующее место: «Право, кажется, что те самые лица, которые в прошлом году, тотчас же после запоздалого вступления в наше Товарищество, выдвинули опасный план — основать внутри Международного Товарищества Рабочих другое интернациональное общество, действующее под их личным управлением, с местом пребывания в Женеве, — вновь вернулись к этому плану и все еще уверены, что их особой миссией является узурпация верховного руководства Международным Товариществом. Генеральный Совет напоминает Романскому федеральному совету, что он *отвечает* за руководство газетами *«Egalite»* и *«Progres»». Ред.*

[***] В рукописи после слов «мертвой буквой» вычеркнуты слова: «Именно так и посмотрел на это Базельский конгресс». *Ред.*

Что касается Базельского конгресса, то он обсуждал не вопрос о *выполнении* уже существующего Регламента, а вопрос о своевременности выпуска бюллетеня и *не вынес никакого решения* по этому поводу (см. *немецкий отчет,* напечатанный в Базеле под наблюдением конгресса[333]).

Впрочем, Генеральный Совет полагает, что задача, первоначально стоявшая перед бюллетенем, в настоящее время всецело выполняется различными печатными органами *Интернационала,* которые выходят на различных языках и распространяются путем взаимного обмена. Было бы нелепо делать при помощи дорогостоящих бюллетеней то, что уже делается без издержек. С другой стороны, бюллетень, который публиковал бы то, что не печатается в органах *Интернационала,* только помог бы нашим врагам заглянуть за кулисы.

4. *Вопрос об отделении Генерального Совета от федерального совета для Англии.*

Задолго до основания *«Egalite»* это предложение выдвигалось периодически в самом Генеральном Совете одним или двумя из его английских членов. Но оно всегда отклонялось почти единогласно.

Хотя революционная *инициатива* будет исходить, вероятно, от Франции, только Англия может послужить *рычагом* для серьезной *экономической* революции. Это — единственная страна, где уже нет крестьян и где земельная собственность сосредоточена в немногих руках. Это — единственная страна, в которой *капиталистическая форма,* то есть объединение труда в широком масштабе под властью капиталистических предпринимателей, охватила почти все производство. Это — единственная страна, *в которой огромное большинство населения состоит из наемных рабочих* (wages labourers). Это— единственная страна, в которой классовая борьба и организация рабочего класса в *тред-юнионах достигли* известной степени зрелости и всеобщности. Благодаря своему господству на мировом рынке Англия является единственной страной, где каждый переворот в экономических отношениях должен немедленно отразиться во всем мире. Если Англия является классической страной лендлордизма и капитализма, то, с другой стороны, в ней созрели более, чем где бы то ни было, *материальные условия* для их *уничтожения.* Генеральный Совет поставлен теперь в *счастливое* положение благодаря тому, что *этот великий рычаг пролетарской революции непосредственно находится в его руках.* Каким безумием, можно даже сказать, каким преступлением было бы отдать этот рычаг в руки одних англичан!

Англичане обладают всеми необходимыми *материальными* предпосылками для социальной революции. Чего им недостает, так это *духа обобщения и революционной страсти.* Только Генеральный Совет в состоянии восполнить этот пробел и ускорить таким образом подлинно революционное движение в этой стране, а следовательно, и *повсюду.* Крупные успехи, которых мы в этом направлении уже достигли, засвидетельствованы наиболее умными и влиятельными органами господствующих классов, как, например, «Pall Mall Gazette», «Saturday Review», «Spectator», «Fortnightly Review», не говоря уже о так называемых радикальных членах *палаты общин и палаты лордов,* которые еще недавно оказывали большое влияние на лидеров английских рабочих. Они открыто обвиняют нас в том, что мы отравили и почти искоренили *английский дух* в рабочем классе и толкнули его к революционному социализму.

Единственный способ осуществить такой поворот состоит в том, чтобы действовать как *Генеральный Совет Международного Товарищества.* В качестве Генерального Совета мы можем побуждать к принятию таких мер (как, например, основание *Лиги земли и труда*[334]), которые впоследствии, при их осуществлении, предстанут перед публикой как стихийные выступления английского рабочего класса.

Если бы помимо *Генерального Совета* был основан *федеральный совет,* каковы были бы непосредственные результаты этого? Занимая промежуточное положение между *Генеральным Советом Интернационала* и *Всеобщим советом тред-юнионов, федеральный совет* не пользовался бы никаким авторитетом. С другой стороны, *Генеральный Совет* выпустил бы из рук *этот великий рычаг.* Если бы мы серьезной и незаметной работе предпочли балаганную трескотню, то мы, может быть, и допустили бы такую ошибку, как публичный ответ на вопрос «Egalite», почему *Генеральный Совет* мирится с «таким обременительным совмещением функций».

Англию нельзя просто поставить в ряд с другими странами. Ее следует рассматривать как *метрополию капитала.*

5. *Вопрос о резолюции Генерального Совета об ирландской амнистии*[*].

Если Англия является крепостью лендлордизма и европейского капитализма, то единственный пункт, где можно нанести серьезный удар официальной Англии, *представляет собой Ирландия.*

[*] См. настоящий том, стр. 400—401. *Ред.*

Во-первых, Ирландия является *цитаделью* английского лендлордизма. Если он рухнет в Ирландии, то он должен будет рухнуть и в Англии. В Ирландии это может произойти во сто раз легче, потому что *экономическая борьба сосредоточена там исключительно на земельной, собственности,* потому что там эта борьба есть в то же время и национальная борьба и потому что народ в Ирландии настроен более революционно и более ожесточен, чем в Англии. Лендлордизм в Ирландии удерживает свои позиции исключительно при помощи *английской армии.* Как только прекратится *принудительная уния*[335] этих двух стран, в Ирландии немедленно вспыхнет социальная революция, хотя и в устаревших формах. Английский лендлордизм потеряет не только крупный источник своих богатств, но также *важнейший источник своей моральной силы* как *представителя господства Англии над Ирландией.* С другой стороны, оставляя неприкосновенным могущество своих лендлордов в Ирландии, английский пролетариат делает их неуязвимыми в самой Англии.

Во-вторых, английская буржуазия не только эксплуатировала ирландскую нищету, чтобы ухудшить положение рабочего класса в Англии путем *вынужденной иммиграции* ирландских бедняков, но она, кроме того, разделила пролетариат на два враждебных лагеря. Не происходит гармонического соединения революционного пыла кельтского рабочего и положительного, но медлительного нрава англосаксонского рабочего. Наоборот, во всех *крупных промышленных центрах Англии* существует глубокий антагонизм между английским и ирландским пролетарием. Средний английский рабочий ненавидит ирландского как конкурента, который понижает заработную плату и *standard of life*[*]. Он питает к нему национальную и религиозную антипатию. Он смотрит на него почти так же, как смотрели *poor whites*[**] южных штатов Северной Америки на черных рабов. Этот антагонизм между пролетариями в самой Англии искусственно разжигается и поддерживается буржуазией. Она знает, что в этом расколе пролетариев заключается подлинная тайна сохранения ее могущества.

Этот антагонизм воспроизводится и по ту сторону Атлантического океана. Вытесняемые с родной земли *быками* и овцами, ирландцы вновь встречаются в Северной Америке, где они составляют огромную, все возрастающую часть населения. Их единственная мысль, их единственная страсть — ненависть

[*] — уровень жизни. *Ред.*
[**] — белые бедняки. *Ред.*

к Англии. Английское и американское правительства (то есть классы, которые они представляют) культивируют эти страсти, увековечивая скрытую борьбу между Соединенными Штатами и Англией. Они таким образом препятствуют серьезному и искреннему союзу между рабочими по обе стороны Атлантического океана, а следовательно, и их общему освобождению.

Ирландия — это единственный предлог для английского правительства содержать *большую постоянную армию,* которую в случае нужды, как это уже имело место, бросают против английских рабочих, после того как в Ирландии эта армия пройдет школу военщины.

Наконец, в Англии в настоящее время повторяется то, что в чудовищных размерах можно было видеть в Древнем Риме. Народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи.

Итак, позиция Международного Товарищества в ирландском вопросе совершенно ясна. Его главная задача — ускорить социальную революцию в Англии. Для этой цели необходимо нанести решающий удар в Ирландии*.

Резолюция Генерального Совета об ирландской амнистии служит лишь введением к другим резолюциям, в которых будет сказано, что, не говоря уже о международной справедливости, *предварительным* условием *освобождения* английского *рабочего класса* является превращение существующей *принудительной унии* (то есть порабощения Ирландии) *в равный и свободный союз,* если это возможно, или *полное отделение,* если это необходимо**.

Кроме того, примитивная доктрина, выдвигаемая газетами «Egalite» и «Progres», о связи или, вернее, об отсутствии связи между социальным и политическим движениями, насколько нам известно, никогда не была признана ни на одном из конгрессов Интернационала. Она противоречит нашему Уставу. В Уставе сказано:

* В рукописи после слов «в Ирландии» зачеркнуто: «и всячески способствовать экономической и национальной борьбе ирландцев». *Ред.*

** В рукописи после слова «необходимо» вычеркнуты слова: «О затруднениях и даже опасностях, которые возникают перед членами Генерального Совета, ставшими на такую платформу, можно судить уже по тому факту, что газета «Bee-Hive» в своих отчетах о наших заседаниях не только опустила *наши резолюции,* но даже не упомянула о самом факте, что Генеральный Совет занимается ирландским вопросом, — и, таким образом, Совет был вынужден принять меры к напечатанию своих резолюций, чтобы послать их каждому *тред-юниону* в отдельности. Легко теперь «Egalite» говорить, что это — *«местное политическое движение»,* что, по ее мнению, следовало федеральному совету самому заниматься подобными мелочами и что не надо *«улучшать* современные правительства». Газета «Egalite» могла бы с тем же основанием заявить, будто мы питаем намерение *улучшить* бельгийское правительство, разоблачая произведенные им избиения». *Ред.*

«That the *economical emancipation* of the working classes is therefore the great end to which *every political movement ought* to be subordinate *as a means»*[*].

Во французском переводе, сделанном парижским комитетом в 1864 г., эти слова «as *a means» («как средство»)* были выброшены[336]. В ответ на запрос Генерального Совета парижский комитет сослался в оправдание на трудности своего политического положения.

Имеются и другие искажения подлинного текста Устава. Первое положение вводной части Устава гласит: «The struggle for the emancipation of the working classes means... a struggle... for equal rights and duties, and the *abolition of all class rule»*[**].

В парижском переводе говорится о «равных правах и обязанностях», то есть в нем воспроизводится общая фраза, которую можно встретить почти *во всех демократических манифестах* за последние сто лет и которая имеет разный смысл в устах представителей различных классов, но в этом переводе вычеркнуто конкретное требование *«the abolition of all class rule»* («уничтожение классов»).

Далее во втором абзаце вводной части Устава мы читаем: «That the economical subjection of the *man of labour* to the *monopoliser of the means of labour,* that is *the sources of life* etc.*»*[***].

В парижском переводе вместо *«means of labour, that is the sources of life»*[****] — выражения, включающего, наряду с остальными средствами труда, также и землю, — поставлено слово *«капитал».*

Первоначальный подлинный текст был, впрочем, восстановлен во французском переводе, опубликованном в Брюсселе (1866) в отдельной брошюре, изданной «La Rive Gauche»[337].

6. *Вопрос о Либкнехте и Швейцере.*

В «Egalite» говорится: *«Обе эти группы принадлежат к Интернационалу».* Это неверно. Группа эйзенахцев (которую «Progres» и «Egalite» соизволили превратить в группу гражданина Либкнехта) принадлежит к *Интернационалу. Группа Швейцера к нему не принадлежит.* Швейцер сам подробно разъяснил в своей газете («Social-Demokrat»), почему *ласса-*

[*] — «Экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство» (см, настоящий том, стр. 12). *Ред.*

[**] — «Борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу... за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства» (см. настоящий том, стр. 12). *Ред.*

[***] — «Экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни и т. д.» (см. настоящий том, стр. 12). *Ред.*

[****] — «средств труда, то есть источников жизни». *Ред.*

льянская организация не могла бы вступить в *Интернационал,* не уничтожив самое себя[338]. Сам того не ведая, он сказал правду. Его искусственная *сектантская* организация находится в противоречии с *исторической, естественно сложившейся организацией* рабочего *класса.*

«Progrès» и «Égalité» потребовали от Генерального Совета публично высказать свой *«взгляд»* на личные разногласия между Либкнехтом и Швейцером. Поскольку гражданин *Иоганн Филипп Беккер* (на которого газета Швейцера *клевещет* так же, как на Либкнехта) входит в состав *редакционного комитета «Égalité»,* кажется поистине странным, что издатели этой газеты не осведомлены лучше о фактах. Они должны были бы знать, что Либкнехт в «Demokratisches Wochenblatt» публично предложил Швейцеру признать Генеральный Совет *арбитром в их разногласиях*[339] и что Швейцер не менее публично отказался признать авторитет Генерального Совета[340].

Генеральный Совет со своей стороны употребил все средства, чтобы положить конец этому скандалу*. Он поручил своему секретарю для Германии вступить в переписку со Швейцером; эта переписка продолжалась в течение двух лет, но все попытки Совета разбились о непреклонное решение Швейцера сохранить во что бы то ни стало вместе с сектантской организацией свою самодержавную власть. Дело Генерального Совета — выбрать тот благоприятный момент, когда его открытое вмешательство в этот спор принесет больше пользы, нежели вреда.

7. Поскольку редакция «Égalité» выдвинула свои обвинения публично и они могут быть восприняты как обвинения, исходящие от Романского комитета в Женеве, Генеральный Совет ознакомит со своим ответом все комитеты, состоящие с ним в переписке.

По поручению Генерального Совета

Написано К. Марксом около 1 января 1870 г.

Данный вариант публикуется впервые

Печатается по копии с рукописи, переписанной женой Маркса Женни Маркс и выправленной автором

Перевод с французского

* В копии рукописи, написанной рукой Юнга, после слова «скандалу» добавлены слова: «который бросает тень на пролетарскую партию в Германии». *Ред.*

К. МАРКС

НЕКРОЛОГ [341]

Гражданин Роберт Шо, корреспондент лондонского Генерального Совета для Северной Америки и один из основателей Интернационала, умер на этой неделе от туберкулеза легких.

Это был один из самых активных членов Совета. Человек с чистым сердцем, мужественным характером, пылким темпераментом и поистине революционным духом, которому чужды были мелочность, тщеславие и стремление к личной выгоде. Рабочий, живший в нужде, он всегда находил возможность помочь рабочему, еще более нуждающемуся, чем он. В личном общении он был кроток, как дитя, но в своей общественной жизни отвергал с негодованием какие-либо компромиссы. Главным образом благодаря его постоянным усилиям *тред-юнионы* объединились вокруг нас. Но он нажил себе этой деятельностью много непримиримых врагов. Английские *тред-юнионы,* выросшие из местных организаций, основанных первоначально с исключительной целью отстаивать заработную плату и т. п., решительно все, в большей или меньшей степени, были заражены ограниченностью, свойственной средневековым цехам. Небольшая консервативная группа стремилась любой ценой сохранить первоначальные рамки тред-юнионов. С момента основания Интернационала Шо поставил себе целью разбить эти добровольные оковы и превратить тред-юнионы в центры подготовки пролетарской революции. Успех почти всегда венчал его усилия, но вместе с тем вся его жизнь пре-

вратилась в ожесточенную борьбу, которая подрывала его слабое здоровье. Он был уже на пороге смерти, когда поехал на Брюссельский конгресс (в сентябре 1868 года). После его возвращения добрые хозяева-буржуа закрыли перед ним двери своих предприятий. Он оставил жену и дочь в нужде, но английские рабочие не оставят их без поддержки.

Написано К. Марксом около 8 января 1870 г.

Напечатано в газете «L'Internationale» № 53, 16 января 1870 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ»[342]

Настоящая работа была написана в Лондоне летом 1850 г., еще под непосредственным впечатлением только что завершившейся контрреволюции; она была опубликована в 5-м и 6-м выпусках журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», выходившего под редакцией Карла Маркса, Гамбург, 1850 год. Мои политические друзья в Германии просят переиздать ее, и я иду навстречу их желанию, так как, к моему сожалению, она еще и теперь не утратила своей актуальности.

Она не претендует на то, чтобы дать самостоятельно исследованный материал. Напротив, весь материал, относящийся к крестьянским восстаниям и к Томасу Мюнцеру, заимствован у Циммермана[343]. Его книга, хотя она и страдает некоторыми пробелами, все еще является лучшей сводкой фактических данных. К тому же старый Циммерман относился с любовью к своему предмету. Тот самый революционный инстинкт, который заставил его повсюду в этой книге выступать сторонником угнетенного класса, сделал его позже одним из лучших представителей крайней левой во Франкфурте[*344].

Если же, вопреки всему этому, в изложении, которое дает нам Циммерман, не хватает внутренней связи; если ему не удается показать религиозно-политические контроверзы (спорные вопросы) этой эпохи как отражение классовой борьбы того времени; если в этой классовой борьбе он видит лишь

[*] В третьем издании «Крестьянской войны в Германии» (1875 г.) далее следует: «Правда, с тех пор он, должно быть, несколько устарел». *Ред.*

угнетателей и угнетенных, злых и добрых и конечную победу злых; если его понимание общественных отношений, обусловивших как начало, так и исход борьбы, страдает весьма существенными недостатками, то все это было ошибкой, свойственной тому времени, в которое возникла книга. Напротив, представляя собой похвальное исключение из немецких идеалистических исторических произведений, она для своего времени написана еще очень реалистически.

В своем изложении я пытался, рисуя лишь в общих чертах исторический ход борьбы, объяснить происхождение Крестьянской войны, позиции различных выступавших в ней партий, политические и религиозные теории, с помощью которых эти партии пытались уяснить себе свои позиции, наконец, самый исход борьбы — как необходимое следствие исторически существовавших условий общественной жизни этих классов; я пытался показать, таким образом, что политический строй Германии того времени, восстания против него, политические и религиозные теории эпохи были не причиной, а результатом той ступени развития, на которой находились тогда в Германии земледелие, промышленность, сухопутные и водные пути, торговля и денежное обращение. Это — единственное материалистическое понимание истории было открыто не мной, а Марксом, и нашло свое выражение также в его работе о французской революции 1848—1849 гг., напечатанной в том же «Revue», и в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»[345].

Параллель между германской революцией 1525 г. и революцией 1848—1849 гг. слишком бросалась в глаза, чтобы можно было тогда совершенно отказаться от нее. Однако наряду со сходством в ходе событий, выразившемся в том, что тогда, как и теперь, одно и то же княжеское войско подавляло одно за другим различные местные восстания, наряду с доходящим часто до смешного сходством в поведении городского бюргерства в обоих случаях, все-таки ясно и четко выступали также и различия:

«Кто извлек выгоду из революции 1525 года? — *Князья.* Кто извлек выгоду из революции 1848 года? — *Крупные* государи, Австрия и Пруссия. За спиной мелких князей 1525 г. стояло мелкое бюргерство, привязывавшее их к себе налогами, а за крупными государями 1850 г., за Австрией и Пруссией, стоит современная крупная буржуазия, быстро подчиняющая их себе посредством государственного долга. А за спиной крупной буржуазии стоит пролетариат»[346].

К сожалению, должен сказать, что этим положением было оказано слишком много чести немецкой буржуазии. Как

в Австрии, так и в Пруссии у нее имелась возможность «быстро подчинить себе посредством государственного долга» монархию, но нигде и никогда эта возможность не была использована.

Австрия в результате войны 1866 г. попала как подарок в руки буржуазии. Но буржуазия не умеет господствовать, она бессильна и ни на что не способна. Она умеет лишь одно: неистовствовать против рабочих, как только они приходят в движение. Она остается еще у кормила правления только потому, что она нужна *венграм.*

А в Пруссии? Правда, государственный долг возрос с головокружительной быстротой, дефицит превращен в постоянное явление, государственные расходы растут из года в год, буржуазии принадлежит в палате большинство, без ее согласия не могут быть ни повышены налоги, ни заключены займы, — но где же ее власть над государством? Еще несколько месяцев назад, когда государство опять стояло перед дефицитом, у буржуазии была самая выгодная позиция. При *некоторой* хотя бы выдержке она могла бы добиться значительных уступок. Что же она делает? Она считает достаточной уступкой то, что правительство *разрешает ей* положить к его ногам около 9 миллионов, и не на *один* год, нет — *ежегодно* и на все будущие времена.

Бедных «национал-либералов»[347], заседающих в палате, я не хочу порицать в большей степени, чем они того заслуживают. Я знаю, что они были покинуты теми, кто стоит за ними,— массой буржуазии. Эта масса не *хочет* властвовать. Она все еще слишком хорошо помнит 1848 год.

Почему немецкая буржуазия проявляет такую поразительную трусость, об этом будет сказано дальше.

В остальном приведенное выше положение целиком подтвердилось. Начиная с 1850 г., мелкие государства все определеннее отступают на задний план, служа лишь орудием для прусских и австрийских интриг; между Австрией и Пруссией разгорается все более ожесточенная борьба за господство, и, наконец, в 1866 г. она разрешается насильственным путем, после чего Австрия сохраняет за собой свои собственные провинции, Пруссия подчиняет себе прямо или косвенно весь север, а три юго-западных государства оказываются пока выставленными за дверь[348].

Для германского рабочего класса во всем этом лицедействе имеет значение лишь следующее:

Во-первых, что рабочие получили благодаря всеобщему избирательному праву возможность непосредственно посылать своих представителей в законодательное собрание.

Во-вторых, что Пруссия подала хороший пример, проглотив три других короны божьей милостью[349]. Что *после* этой процедуры она все еще владеет той же самой незапятнанной короной божьей милостью, которую она приписывала себе раньше, — этому не верят даже национал-либералы.

В-третьих, что в Германии имеется еще только *один* серьезный противник революции — прусское правительство.

И, в-четвертых, что австрийские немцы должны теперь, в конце концов, поставить перед собой вопрос о том, кем они хотят быть — немцами или австрийцами? Что им дороже — Германия или же их внегерманские привески по ту сторону Лейты? Давно уже было ясно, что они должны отказаться либо от того, либо от другого, но это всегда затушевывалось мелкобуржуазной демократией.

Что касается прочих важных спорных вопросов, связанных с 1866 г., которые с тех пор до тошноты обсуждаются «национал-либералами», с одной стороны, и «Народной партией»[350] — с другой, то история последующих лет доказала, что обе эти точки зрения только потому так яростно враждуют между собой, что они являются двумя противоположными полюсами одной и той же ограниченности.

В общественных отношениях Германии 1866 год почти ничего не изменил. Несколько буржуазных реформ — единая система мер и весов, свобода передвижения, свобода промыслов и т. д., — и все это в пределах, приемлемых для бюрократии, — не достигают даже того, чем давно уже обладает буржуазия других западноевропейских стран, и оставляют неприкосновенным главное зло — бюрократическую систему концессий[351]. А для пролетариата обычная полицейская практика все равно сделала совершенно иллюзорными все законы о свободе передвижения, о праве гражданства, об отмене паспортов и т. д.

Гораздо большее значение, чем лицедейство 1866 г., имел начавшийся с 1848 г. в Германии подъем промышленности и торговли, усиленное строительство железных дорог, развитие телеграфа и океанского пароходства. Как ни уступают эти успехи успехам, достигнутым в то же время Англией и даже Францией, они для Германии неслыханны и дали за двадцать лет больше, чем раньше приносило целое столетие. Только теперь Германия втянута решительно и бесповоротно в *мировую торговлю.* Капиталы промышленников быстро увеличились, а соответственно этому поднялось и общественное значение буржуазии. *Спекуляция,* вернейший признак промышленного расцвета, достигла широкого размаха, приковав к своей триумфальной колеснице графов и герцогов. Немецкий капитал —

да будет земля ему пухом! — строит теперь русские и румынские железные дороги, тогда как еще пятнадцать лет тому назад немецкие железные дороги выпрашивали подачку у английских предпринимателей. Как же тогда могло случиться, что буржуазия не завоевала и политического господства, что она ведет себя так трусливо по отношению к правительству?

Несчастье немецкой буржуазии состоит в том, что она, по излюбленной немецкой привычке, запаздывает. Время ее расцвета совпало с тем периодом, когда буржуазия других западноевропейских стран в политическом отношении уже находится в состоянии упадка. В Англии буржуазия смогла ввести в правительство своего собственного представителя, Брайта, лишь путем расширения избирательного права — меры, последствия которой должны положить конец всему буржуазному господству. Во Франции, где буржуазия как таковая, как класс в целом, господствовала только в течение двух лет, 1849 и 1850, при республике, она смогла продлить свое социальное существование, лишь уступив свое политическое господство Луи Бонапарту и армии. А при бесконечно возросшем взаимодействии трех наиболее передовых стран Европы теперь уже невозможно, чтобы буржуазия в Германии тихо и мирно установила свое политическое господство, если оно изжило себя в Англии и во Франции.

Характерная особенность буржуазии по сравнению со всеми остальными господствовавшими ранее классами как раз в том и состоит, что в ее развитии имеется поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества, следовательно, в первую очередь ее капиталов, приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству. «За *спиной крупной буржуазии стоит пролетариат»*. В той самой мере, в какой буржуазия развивает свою промышленность, торговлю и средства сообщения, в той же самой мере она порождает пролетариат. И в определенный момент, который наступает не всюду одновременно и не обязательно на одинаковой ступени развития, она начинает замечать, что ее неразлучный спутник — пролетариат — стал перерастать ее. С этого момента она теряет способность к исключительному политическому господству; она ищет себе союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство, или уступает его им целиком.

В Германии этот поворотный пункт наступил для буржуазии уже в 1848 году. Правда, тогда немецкая буржуазия испугалась не столько немецкого, сколько французского пролетариата. Парижские июньские бои 1848 г. показали ей, что ее

ожидает; немецкий пролетариат находился тогда в состоянии достаточно сильного возбуждения, чтобы доказать ей, что и здесь уже заложены семена, которые могут дать такую же жатву; и с этого момента острие политического действия буржуазии было сломлено. Она стала искать союзников и продавать себя им за какую угодно цену, — и вплоть до сегодняшнего дня она не продвинулась вперед ни на шаг.

Все эти союзники по природе реакционны. Это — королевская власть со своей армией и своей бюрократией, это — крупная феодальная знать, это — мелкие захолустные юнкера, это, наконец, — попы. Со всеми ними буржуазия вступала в сделки и соглашения, лишь бы сохранить свою драгоценную шкуру, пока, наконец, ей уже нечем стало торговать. И чем более развивался пролетариат, чем более он начинал сознавать себя как класс и действовать как класс, тем малодушнее становились буржуа. Когда на редкость скверная стратегия пруссаков при Садове одержала победу над еще худшей, как это ни странно, стратегией австрийцев, трудно было сказать, кто вздохнул с большим облегчением — прусский буржуа, который заодно тоже был разбит при Садове, или австрийский.

Наши крупные буржуа поступают в 1870 г. точь-в-точь так же, как поступали в 1525 г. средние бюргеры. Что же касается мелких буржуа, ремесленных мастеров и лавочников, то они всегда останутся такими же, как и были. Они надеются правдой или неправдой выбиться в ряды крупной буржуазии, они боятся быть низвергнутыми в ряды пролетариата. Колеблясь между страхом и надеждой, они во время борьбы будут спасать свою драгоценную шкуру, а после победы примкнут к победителю. Такова уж их природа.

Нога в ногу с подъемом промышленности с 1848 г. развивалась социальная и политическая деятельность пролетариата. Роль, которую играют в настоящее время немецкие рабочие в своих профессиональных союзах, кооперативных товариществах, политических организациях и собраниях, на выборах и в так называемом рейхстаге, уже одна эта роль показывает, какой переворот незаметно произошел в Германии за последние двадцать лет. Немецким рабочим принадлежит величайшая честь: *только они одни* добились того, чтобы посылать в парламент рабочих и представителей рабочих, тогда как ни французы, ни англичане не смогли до сих пор достигнуть этого.

Но и пролетариат не дорос еще до такого состояния, которое не допускало бы сравнения с 1525 годом. Класс, вынужденный существовать исключительно и в течение всей жизни на заработную

плату, все еще далеко не составляет большинства немецкого народа. Следовательно, и он не может обойтись без союзников, А последних можно искать лишь среди мелкой буржуазии, городского люмпен-пролетариата, мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

О *мелких буржуа* мы уже говорили. Они крайне ненадежны, и только лишь когда одержана победа, они поднимают неимоверный крик в пивных. Тем не менее среди них имеются и очень хорошие элементы, которые сами присоединяются к рабочим.

Люмпен-пролетариат, представляющий собой отбросы из деморализованных элементов всех классов и сосредоточивающийся главным образом в больших городах, является наихудшим из всех возможных союзников. Этот сброд абсолютно продажен и чрезвычайно назойлив. Если французские рабочие во время каждой революции писали на домах: «Mort aux voleurs!» — «Смерть ворам!» — и многих из них расстреливали, то это происходило не в силу их благоговения перед собственностью, а вследствие правильного понимания того, что прежде всего необходимо отделаться от этой банды. Всякий рабочий вождь, пользующийся этими босяками как своей гвардией или опирающийся на них, уже одним этим доказывает, что он предатель движения.

Мелкие крестьяне — крупные принадлежат к буржуазии — бывают разного рода:

Либо это — *феодальные крестьяне,* обязанные еще отбывать барщинные повинности милостивым господам. После того как буржуазия упустила возможность освободить их от крепостной зависимости, — что было ее долгом, — не трудно будет убедить их в том, что они могут ждать освобождения только лишь от рабочего класса.

Либо это — *арендаторы.* В этом случае существуют большей частью те же самые отношения, что и в Ирландии. Арендная плата настолько возросла, что при среднем урожае крестьянин едва в состоянии прокормить себя и свою семью, а при плохом урожае он дочти умирает с голоду, не может вносить арендной платы и в силу этого попадает в полную зависимость от милости землевладельца. Для таких людей буржуазия делает что-нибудь только тогда, когда ее вынуждают к этому. От кого же им ожидать спасения, как не от рабочих?

Остаются крестьяне, которые ведут хозяйство на *небольших участках собственной земли.* Они в большинстве случаев так обременены ипотеками, что находятся в такой же зависимости от ростовщиков, как арендаторы от землевладельцев. И у них остается лишь очень скудный и к тому же, в зависимости от

хорошего или плохого урожая, крайне неустойчивый заработок. Они менее всего могут возлагать какие-нибудь надежды на буржуазию, так как именно буржуа, капиталисты-ростовщики высасывают из них все соки. Однако они большей частью очень цепляются за свою собственность, хотя в действительности она принадлежит не им, а ростовщику. Все же их надо убедить в том, что они только тогда смогут освободиться от ростовщика, когда зависимое от народа правительство превратит все ипотечные долги в долг государству и таким путем понизит процент. А этого может добиться только рабочий класс.

Всюду, где господствует средняя и крупная земельная собственность, наиболее многочисленный класс в деревне составляют *сельскохозяйственные рабочие.* Так обстоит дело во всей Северной и Восточной Германии, и *здесь* находят городские промышленные рабочие своих *наиболее многочисленных и естественных союзников.* Так же как капиталист противостоит промышленному рабочему, так землевладелец или крупный арендатор противостоит сельскохозяйственному рабочему. Те самые меры, которые помогают одному, должны помочь и другому. Промышленные рабочие могут себя освободить только при том условии, если превратят капитал буржуазии, то есть необходимые для производства сырье, машины и орудия, а также жизненные средства, в общественную собственность, то есть в свою, коллективно используемую ими, собственность. Точно так же и сельские рабочие могут избавиться от своей ужасающей нищеты только при том условии, если прежде всего земля, являющаяся главным объектом их труда, будет изъята из частного владения крупных крестьян и — еще более крупных — феодалов и обращена в общественную собственность, коллективно обрабатываемую товариществами сельских рабочих. И здесь мы подходим к знаменитому решению Базельского международного рабочего конгресса: в интересах общества необходимо обратить земельную собственность в коллективную, национальную собственность[352]. Это решение имело главным образом в виду те страны, где существует крупная земельная собственность и связанное с ней крупное хозяйство на больших участках земли, причем в этих больших имениях существуют один господин и множество наемных рабочих. Но такое положение вещей в общем все еще преобладает в Германии, и поэтому решение Базельского конгресса наряду с Англией было *в высшей степени своевременным именно для Германии.* Сельскохозяйственный пролетариат, сельские рабочие, это — тот класс, который дает наибольшее число рекрутов в армии государей. Это — тот класс, который в настоящее время в силу всеобщего

избирательного права посылает в парламент большое число феодалов и юнкеров; но в то же время это — тот класс, который ближе всего стоит к городским промышленным рабочим, разделяет с ними одни и те же условия существования и находится даже в более нищенском положении, чем они. Этот класс бессилен, так как он раздроблен и распылен; правительство и дворянство, однако, настолько хорошо знают его скрытую силу, что намеренно стараются привести в упадок школы, чтобы оставить его невежественным. Пробудить этот класс и втянуть его в движение — вот ближайшая и настоятельнейшая задача немецкого рабочего движения. С того дня, когда масса сельских рабочих научится понимать свои собственные интересы, с того дня в Германии станет невозможным никакое реакционное — будь то феодальное, бюрократическое или буржуазное — правительство.

Написано Ф. Энгельсом около 11 февраля 1870 г.

Напечатано во втором издании работы Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», вышедшем в Лейпциге в октябре 1870 г.

Печатается по тексту второго издания

Перевод с немецкого

Numéro 59. Deuxième année. 27 Février 1870.

L'INTERNATIONALE

ORGANE DES SECTIONS BELGES

DE L'ASSOCIATION INTERNATIONALE DES TRAVAILLEURS.

PARAISSANT LE SAMEDI.

К. МАРКС

АНГЛИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ФЕНИИ [353]

Лондон, 21 февраля 1870 г.

I

Замалчивание европейской печатью гнусностей, совершаемых английским олигархически-буржуазным правительством, обусловлено различными мотивами. Прежде всего, английское правительство *богато,* а печать, как вы знаете, *неподкупна.* Кроме того, английское правительство — образцовое правительство, как это признают лендлорды, капиталисты континента и даже Гарибальди (см. его книгу[354]); нельзя, следовательно, дурно отзываться об этом идеальном правительстве. Наконец, французские республиканцы настолько ограниченны и эгоистичны, что весь свой гнев приберегают для империи. Ведь сообщить своим соотечественникам, что *в стране буржуазной свободы* карается 20 годами каторги то, что *в стране казарм* карается 6 месяцами тюрьмы, было бы преступлением, оскорбляющим свободу слова. Приводим некоторые подробности, взятые из английских газет, об обращении, которому подвергаются заключенные фении.

Малкехи, помощника редактора газеты «The Irish People» («Ирландский народ»)[355], осужденного за участие в фенианском заговоре, в тюрьме Дартмура впрягли в нагруженную камнями тележку при помощи железного ошейника.

О'Донован-Росса, издатель «Irish People», был брошен в темный карцер и в течение 35 суток находился там со скованными за спиной днем и ночью руками. С него не снимали цепей даже для принятия пищи — скудной похлебки, которую ему ставили на земляной пол тюрьмы.

Кикем, один из редакторов «Irish People», который не мог пользоваться правой рукой из-за нарыва, должен

был в туманные и холодные ноябрьские дни сидеть вместе со своими товарищами по тюрьме на груде щебня и левой рукой разбивать камни и кирпичи. На ночь он возвращался в свою камеру, и все его питание состояло из шести унций хлеба и пинты теплой воды.

Заключенного *О'Лири,* старика 60—70 лет, держали в течение трех недель на воде и хлебе за то, что он не захотел отречься от *язычества* (так, по-видимому, тюремщик называет атеизм) и стать или папистом, или протестантом, или пресвитерианцем, или даже квакером, или, наконец, перейти в любое из многочисленных вероисповеданий, предоставленных ирландскому язычнику на выбор начальником тюрьмы.

Мартин X. Кэри заключен в дом умалишенных в Милбанке. Запрещение говорить и другие жестокости, которым он подвергался, довели его до сумасшествия.

Полковник *Рикард Бёрк* не в лучшем состоянии. Один из его друзей пишет, что рассудок Бёрка помутился; он лишился памяти; его манеры, поведение и речь свидетельствуют о потере разума.

Политических заключенных швыряют из одной тюрьмы в другую, как будто это дикие звери. Им навязывают общество самых гнусных мошенников; их заставляют чистить посуду, которой пользовались эти негодяи, носить рубашки и теплое белье этих преступников, из которых многие заражены самыми отвратительными болезнями, мыться в воде, в которой те уже мылись. До прибытия фениев в Портленд всем этим преступникам разрешали беседовать с посетителями. Ради заключенных фениев была сооружена клетка для свиданий. Она состоит из трех отделений, разделенных толстыми железными решетками; тюремщик находится в среднем отделении, а заключенный и его друзья могут видеть друг друга только через двойную решетку.

В доках встречаются заключенные, которые поедают всех слизняков, а в Чатаме на лягушек смотрят, как на лакомство. Генерал Томас Бёрк заявляет, что он не удивился, увидев в супе мертвую мышь. Осужденные говорят, что день, когда в тюрьму посадили фениев, был для них несчастным днем (режим стал гораздо более суровым).

К вышеприведенным выдержкам я добавлю несколько слов.

В прошлом году *г-ну Брусу,* министру внутренних дел, великому либералу, великому полицейскому, великому собственнику рудников в Уэльсе, свирепому эксплуататору труда,

был сделан запрос относительно жестокого обращения, которому подвергаются заключенные фении и в особенности О'Донован-Росса. Сперва он отрицал все, затем вынужден был признать. Тогда г-н Мур, ирландский депутат палаты общин, потребовал расследования этих фактов. *Радикальное министерство,* главой которого является полусвятой (его открыто сравнивали с Иисусом Христом), г-н Гладстон, а одним из влиятельнейших членов — старый буржуазный демагог Джон Брайт, наотрез отказалось произвести это расследование.

В последнее время, когда слухи о жестоком обращении возобновились, некоторые члены парламента попросили у министра Бруса разрешения посетить заключенных, *чтобы иметь возможность констатировать ложность этих слухов.* Г-н Брус отказал в разрешении, так как, сказал он, начальники тюрем опасаются, что подобного рода посещения вызовут среди заключенных чрезмерное возбуждение.

На прошлой неделе министру внутренних дел снова был сделан запрос. Его спросили, правда ли, что О'Донован-Росса после своего избрания депутатом от Типперэри был подвергнут телесному наказанию (то есть высечен кнутом); г-н министр заявил, что с О'Донованом-Россой этого не случалось с 1868 г. (это означало, следовательно, признание того, что в течение двух-трех лет бывали случаи, когда секли кнутом политического заключенного).

Я посылаю вам также выдержки (мы опубликуем их в следующем номере), касающиеся Майкла Терберта, фения, которого приговорили за фенианство к каторге и который отбывал свое наказание в тюрьме Спайк-Айленда, в графстве Корк, в Ирландии. Вы увидите, что сам коронер (судебный следователь) приписывает его смерть пыткам, которым его подвергали. Дознание имело место на прошлой неделе.

За два года *больше двадцати* рабочих-фениев умерли или сошли с ума вследствие человеколюбия этих добрых буржуа, поддерживаемых добрыми лендлордами.

Вы, вероятно, знаете, что английская печать выражает лицемерное негодование по поводу гнусных законов о чрезвычайном положении, украшающих прекрасную Францию. Но ведь законы о чрезвычайном положении, за исключением некоторых кратких периодов, составляют хартию Ирландии. С 1793 г. английское правительство по любому поводу регулярно и периодически приостанавливает в Ирландии действие Habeas Corpus Bill (закона, гарантирующего личную свободу)[356], а в действительности — всякого закона, за исключением закона

грубой силы. Таким образом, тысячи людей были арестованы в Ирландии без суда и следствия, даже без обвинения — по одному *только подозрению в фенианстве.* Не довольствуясь лишением их свободы, английское правительство подвергало их самым варварским пыткам. Приведем пример.

Одна из тюрем, в которых заживо погребали заподозренных фениев, это — *Маунтджойская тюрьма* в Дублине. Инспектор этой тюрьмы Марри — гнусная скотина. Он подвергал заключенных такому зверскому обращению, что несколько человек из них сошло с ума. Тюремный врач О'Доннел — превосходный человек (он сыграл достойную уважения роль и во время дознания о смерти Майкла Терберта) — писал в продолжение нескольких месяцев протестующие письма, направляя их сперва самому Марри; так как Марри на них не отвечал, О'Доннел обратился с изобличительными письмами к высшим властям; но Марри, опытный тюремщик, перехватил эти письма.

Наконец, О'Доннел обратился непосредственно к лорду Мэйо, бывшему в то время вице-королем Ирландии. У власти стояли тогда тори (Дерби — Дизраэли). Каков был результат попыток О'Доннела? Документы, относящиеся к этому делу, были опубликованы по распоряжению парламента, и ... доктор О'Доннел был уволен со службы!!! Что же касается Марри, то он свой пост сохранил.

Затем к власти приходит так называемое радикальное министерство Гладстона, мягкого, елейного, великодушного Гладстона, проливавшего перед всей Европой такие горячие и такие искренние слезы по поводу судьбы Поэрио и других буржуа, с которыми-плохо обошелся король-бомба[357]. Как же поступил этот кумир прогрессивной буржуазии? Оскорбляя ирландцев своими наглыми ответами на их требования амнистии, он в то же время не только утвердил чудовищного Марри в его должности, но, чтобы показать, насколько он им доволен, он прибавил к его должности главного тюремщика жирную синекуру! Таков апостол буржуазной филантропии!

Но ведь нужно пустить пыль в глаза публике; нужно сделать вид, что кое-что для Ирландии делается; и вот с большим шумом возвещается закон об урегулировании земельного вопроса (Land Bill)[358]. Но все это — лишь обман с конечной целью ввести в заблуждение Европу, подкупить ирландских судей и адвокатов перспективами бесконечных процессов между лендлордами и арендаторами, приобрести благосклонность лендлордов обещанием денежных пособий со стороны государства и обмануть более зажиточных арендаторов некоторыми полуустапками.

В длинном вступлении к своей высокопарной и путаной речи Гладстон признает, что даже те «доброжелательные» законы, которые либеральная Англия за последние сто лет пожаловала Ирландии, всегда приводили к разорению страны[359]. И вот после этого наивно выболтанного признания тот же человек продолжает пытать людей, желающих положить конец этому вредному и нелепому законодательству.

II

Приводим опубликованные в одной английской газете результаты дознания о смерти Майкла Терберта, заключенного фения, скончавшегося в тюрьме Спайк-Айленда вследствие плохого обращения с ним.

В четверг 17 февраля г-н Джон Мур, *коронер* Мидлтонского округа, произвел в тюрьме Спайк-Айленда дознание по поводу осужденного Майкла Терберта, скончавшегося в больнице.

Питер Хей, начальник тюрьмы, был вызван первым. Вот его показания:

Покойный Майкл Терберт поступил в эту тюрьму в июне 1866 года; я не знаю, каково было состояние его здоровья в то время; он был осужден 12 января на 7 лет тюремного заключения; некоторое время тому назад он, очевидно, захворал, так как в одной из тюремных книг числится. что по рекомендации медицинского персонала его как неспособного переносить одиночное заключение перевели в другое помещение. Далее свидетель подробно останавливается на частых наказаниях, которым подвергался покойный за нарушения дисциплины и в особенности за то, что он употреблял непочтительные выражения по отношению к медицинскому персоналу.

Джеримая Хьюберт Келли. Я припоминаю, что тогда, когда Майкл Терберт прибыл сюда, переведенный из Маунтджойской тюрьмы, уже было установлено, что он не может переносить одиночное заключение; свидетельство об этом было подписано доктором О'Доннелом. Однако я нашел его здоровым и послал на работу. Я помню, что он пробыл в больнице с 31 января по 6 февраля 1869 года; тогда он страдал болезнью сердца, и после этого его уже не посылали на общественные работы, а давали ему работу в камере. С 19 по 26 марта он находился в больнице из-за болезни сердца; с 24 апреля по 5 мая — из-за кровохарканья; с 19 мая по 1 июня, с 21 по 22 июня, с 22 июля по 15 августа — из-за болезни сердца; с 9 ноября по 13 декабря — ввиду общей слабости; наконец, в последний раз он находился в больнице с 20 декабря до 8 февраля 1870 г. и умер там от водянки. Первые симптомы этой болезни обнаружились 13 ноября, но затем они исчезли.

Я каждый день посещаю камеры одиночного заключения, и время от времени я видел, что его подвергали наказаниям; моя обязанность — откладывать наказание всякий раз, когда я считаю, что заключенный не в состоянии его вынести; по отношению к нему я применял это два раза.

— Не думаете ли Вы как врач, что пятеро суток на хлебе и воде были для него чрезмерным наказанием независимо от состояния его здоровья в Маунтджое и здесь?

— Я этого не думаю, у покойного был хороший аппетит, и я не думаю, чтобы эти меры вызвали водянку, от которой он умер.

Мартин О'Коннел, аптекарь, проживающий на Спайк-Айленде. В июле прошлого года свидетель говорил доктору Келли, что, поскольку Терберт страдал болезнью сердца, его не следовало наказывать; свидетель считает, что эти наказания скверно отражались на здоровье заключенного, тем более, что последний год он числился в разряде инвалидов; свидетель никогда бы не подумал, что можно подобным образом наказывать инвалидов, если бы ему не довелось однажды посетить одиночные камеры в отсутствие доктора Келли; при таком состоянии больного было совершенно ясно, что пять дней одиночного заключения повредят его здоровью.

Тогда *коронер* решительно выступает против такого обращения с заключенным. Заключенный находился, говорит он, попеременно то в больнице, то в одиночной камере.

Суд выносит следующее решение:

«Мы заявляем, что Майкл Терберт умер в больнице тюрьмы Спайк-Айленда 8 февраля 1870 г. от водянки; он был 36 лет отроду, холостой. Поскольку, по мнению доктора О'Доннела, Терберт не мог выносить режим одиночного заключения, мы самым решительным образом выражаем наше полное осуждение частых наказаний, а именно перевод на несколько дней в одиночную камеру на хлеб и на воду, что применялось к нему во время его пребывания на Спайк-Айленде, куда он был переведен из Маунт-джойской тюрьмы в июне 1866 года; мы порицаем такого рода обращение с заключенными»[360].

Написано К. Марксом 21 февраля 1870 г.

Напечатано в газете «L'Internationale» №№ 59 и 60, 27 февраля и 6 марта 1870 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

ГЛАВНЫЙ СОВѢТЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХЪ

Членамъ Комитета Русской Секціи въ Женевѣ.

Граждане,

Въ своемъ засѣданіи 22-го Марта Главный Совѣтъ объявилъ, единодушнымъ вотомъ, что ваша программа и статутъ согласны съ общими статутами Международнаго Товарищества Рабочихъ. Онъ поспѣшилъ принять вашу вѣтвь въ составъ Интернаціоналя. Я съ удовольствіемъ принимаю почетную обязанность, которую Вы мнѣ предлагаете, быть вашимъ представителемъ при Главномъ Совѣтѣ.

Вы говорите въ вашей программѣ:

... „что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормазъ, одинаково препятствующій политической и соціальной свободѣ обоихъ народовъ — какъ русскаго такъ и польскаго;"

Вы могли бы прибавить, что русскій насильственный захватъ Польши есть пагубная опора и настоящая причина существованія военнаго режима въ Германіи, и вслѣдствіе того, на цѣломъ континентѣ. Поэтому, работая надъ разбитіемъ цѣпей Польши, русскіе соціалисты возлагаютъ на себя высокую задачу, заключающуюся въ томъ уничтоженіи военнаго режима, которое существенно необходимо какъ предварительное условіе для общаго освобожденія европейскаго пролетаріата.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мнѣ прислали изъ Петербурга сочиненіе Флеровскаго: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи." Это настоящее открытіе для Европы. *Русскій оптимизмъ,* распространенный на континентѣ даже такъ-называемыми революціонерами, безпощадно разоблаченъ въ этомъ сочиненіи. Достоинство его не пострадаетъ, если я скажу, что оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вполнѣ удовлетворяетъ критикѣ съ точки зрѣнія чисто теоретической. Это — трудъ серьезнаго наблюдателя, безстрашнаго труженика, безпристрастнаго критика, мощнаго художника и, прежде всего, человѣка, возмущеннаго противъ гнета во всѣхъ его видахъ, нетерпящаго всевозможныхъ національныхъ гимновъ, и страстно дѣлящаго всѣ страданія и всѣ стремленія производительнаго класса.

Такіе труды какъ Флеровскаго и какъ вашего учителя Чернышевскаго дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи и доказываютъ, что ваша страна тоже начинаетъ участвовать въ общемъ движеніи нашего вѣка.

Привѣтъ и братство.

Карлъ МАРКСЪ.

Лондонъ 24 Марта 1870.

Письмо К. Маркса членам Комитета
Русской секции Интернационала в Женеве,
напечатанное в газете «Народное дело» 15 апреля 1870 г.

К. МАРКС

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ — ЧЛЕНАМ КОМИТЕТА РУССКОЙ СЕКЦИИ В ЖЕНЕВЕ [361]

Граждане!

В своем заседании 22 марта Главный Совет* объявил, единодушным вотумом, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном Совете.

Вы говорите в вашей программе:

«... что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормоз, одинаково препятствующий политической и социальной свободе обоих народов — как русского, так и польского».

Вы могли бы прибавить, что русский насильственный захват Польши есть пагубная опора и настоящая причина существования военного режима в Германии, и вследствие того, на целом континенте. Поэтому, работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата.

Несколько месяцев тому назад мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского «Положение рабочего класса в России». Это настоящее открытие для Европы. *Русский оптимизм,* распространенный на континенте даже так называемыми

* — Генеральный Совет. *Ред.*

революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической. Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса.

Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века.

Привет и братство.

Карл Маркс

Лондон, 24 марта 1870 г.

Напечатано в газете «Народное дело» № 1, Женева, 15 апреля 1870 г.

Печатается по тексту газеты

К. МАРКС

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ[362]

Вскоре после основания *Интернационала* русский Бакунин (хотя я и знаю его с 1843 г., но я оставляю в стороне все, что не является безусловно необходимым для понимания последующего) имел свидание в Лондоне с Марксом. Последний принял его там в Товарищество, для которого Бакунин обещал работать не покладая рук. Бакунин поехал в Италию, получил там посланные Марксом *Временный Устав и Манифест к рабочему классу*[*], прислал «весьма восторженный» ответ, но не сделал ничего. После нескольких лет, в течение которых о нем ничего не было слышно, он опять появляется в Швейцарии. Там он примыкает не к *Интернационалу,* а к *Лиге мира и свободы.* После конгресса этой Лиги мира (Женева, 1867 г.) Бакунин входит в ее *исполнительный комитет,* но встречает там противников, которые не только противодействуют его «диктаторскому» влиянию, но и устанавливают за ним надзор как за «подозрительным *русским».* Вскоре после Брюссельского конгресса *Интернационала* (сентябрь 1868 г.) *Лига мира* устраивает конгресс в Берне. На этот раз Бакунин выступает как firebrand[**] и — замечу en passant[***] — клеймит западноевропейскую буржуазию в том тоне, в котором московиты-оптимисты обычно нападают на западную цивилизацию, чтобы скрыть свое собственное варварство. Он предлагает ряд резолюций, которые *сами по себе нелепы* и рассчитаны на то, чтобы нагнать страх на буржуазных кретинов и позволить г-ну Бакунину с eclat[****] *выйти* из Лиги мира

[*] См. настоящий том, стр. 3—15. *Ред.*
[**] — подстрекатель. *Ред.*
[***] — между прочим. *Ред.*
[****] — шумом. *Ред.*

и *вступить* в Интернационал. Достаточно сказать, что его программа, предложенная Бернскому конгрессу, содержит такие нелепости, как *«равенство классов», «отмена права наследования как начало* социальной революции» и тому подобную бессмысленную болтовню, целый букет вздорных выдумок, претендующих на то, чтобы запугать, одним словом, — пошлая импровизация, рассчитанная исключительно на мимолетный эффект. Друзья Бакунина в Париже (один русский участвует там в издании «Revue Positiviste»[363]) и в Лондоне объявили всему миру о выходе Бакунина из Лиги мира как о un evenement* и провозгласили его смехотворную программу — этот olla podrida** из избитых общих мест, — чем-то невероятно страшным и оригинальным.

Тем временем Бакунин вступил в Романское отделение *Интернационала* (в Женеве). Ему понадобились годы, чтобы решиться на этот шаг. Но не понадобилось и нескольких дней, чтобы г-н Бакунин решил совершить переворот в *Интернационале* и превратить его в *свое* орудие.

За спиной лондонского Генерального Совета — его известили лишь тогда, когда все, по-видимому, было *готово* — Бакунин основал так называемый *«Альянс социалистической демократии».* Программа этого общества была та самая, которую Бакунин предложил Бернскому конгрессу Лиги мира. Итак, это общество с самого начала объявило себя «обществом пропаганды» специфически бакунинской тайной премудрости, а сам Бакунин, *один из самых невежественных людей в области социальной теории,* неожиданно выступает здесь как *основатель секты.* Теоретическая программа этого «Альянса» была, однако, всего лишь фарсом. Суть дела заключалась в его практической организации, а именно — это общество должно было быть *интернациональным,* с центральным комитетом в *Женеве,* то есть находиться под личным руководством Бакунина. Но вместе с тем оно должно было являться *«интегральной»,* составной частью *Международного Товарищества Рабочих.* С одной стороны, его отделения должны были быть представлены на «очередном конгрессе» Интернационала (в Базеле), а с другой стороны — проводить одновременно и *наряду с ним* свой собственный конгресс, заседающий отдельно и т. д. и т. д.

Кадры, которыми Бакунин располагал на первых порах, состояли из тогдашнего большинства *Романского федерального комитета Интернационала* в Женеве. И. Ф. Беккер, у кото-

* — событии. *Ред.*
** — винегрет. *Ред.*

рого страсть к пропаганде иногда затемняет рассудок, был выдвинут на первый план. В Италии и Испании Бакунин имел несколько союзников.

Генеральный Совет в Лондоне был осведомлен обо всем. Тем не менее, он предоставил Бакунину спокойно действовать до того момента, когда тому пришлось представить через И. Ф. Беккера устав (и программу) *«Альянса социалистической демократии»* Генеральному Совету на утверждение. На это последовало подробно мотивированное постановление, составленное вполне «юридически» и «объективно», но в своих «обоснованиях» полное иронии. Оно сводилось к следующему:

1. Генеральный Совет *не* принимает Альянс в *Интернационал* в качестве отделения.

2. Все параграфы устава Альянса, которые касаются его отношений *к Интернационалу,* объявляются *аннулированными и недействительными.*

В мотивировочной части постановления было ясно и решительно показано, что Альянс является не чем иным, как орудием для дезорганизации *Интернационала*[*].

Удар был неожиданным. Бакунин уже успел превратить *«Egalite»* — центральный орган говорящих по-французски членов *Интернационала* в Швейцарии — в *свой* орган и, кроме того, основал в *Ле-Локле* свой собственный маленький вестник — «Progres», который и до сих пор играет эту же роль под редакцией фанатичного приверженца Бакунина, некоего *Гильома.*

После долгих недель раздумья центральный комитет Альянса посылает, наконец, — за подписью женевца Перрона — ответ Генеральному Совету. Из преданности правому делу Альянс готов *пожертвовать своей самостоятельной организацией,* но при одном условии: Генеральный Совет должен объявить, что он признает *«радикальные» принципы Альянса.*

Генеральный Совет ответил, что в его функции не входит судить о программах различных секций с точки зрения теории. Он обязан лишь заботиться о том, чтобы в них не было *ничего прямо противоречащего Уставу Интернационала и его духу.* Поэтому он должен настоять на том, чтобы из программы *Альянса* была вычеркнута нелепая фраза об «egalite des classes»[**], и вместо нее вписаны слова «abolition des classes»[***] (что и было сделано). А в остальном пусть вступают в Интернационал, *после того как распустят свою самостоятельную международную*

[*] См. настоящий том, стр. 353—355. *Ред.*
[**] — «равенстве классов». *Ред.*
[***] — «уничтожение классов». *Ред.*

организацию и представят Генеральному Совету список всех своих секций* (что — nota bene** — сделано не было).

Этим инцидент был исчерпан. *Номинально Альянс* распустил свою организацию, *фактически* же продолжал существовать под руководством Бакунина, который вместе с тем распоряжался в женевском Романском федеральном комитете *Интернационала.*

К прежним их органам прибавились еще «Federacion» в Барселоне, а после Базельского конгресса — и «Eguaglianza» в Неаполе[364].

Бакунин попытался тогда иным путем добиться своей цели — превращения *Интернационала* в свое личное орудие. Он предложил Генеральному Совету через наш Романский комитет в Женеве включить *«вопрос о наследовании»* в повестку дня Базельского конгресса. Генеральный Совет согласился на это, чтобы сразу разбить Бакунина наголову. План Бакунина был таков: когда Базельский конгресс примет предложенные Бакуниным в Берне «принципы» (?), то все увидят, что не Бакунин перешел к Интернационалу, а Интернационал — к Бакунину. Отсюда простой вывод: лондонский Генеральный Совет (который был против нового перетряхивания сен-симонистского vieillerie***, Бакунин знал об этом) должен будет выйти в отставку, и Базельский конгресс *переведет Генеральный Совет в Женеву,* то есть *Интернационал* достанется диктатору Бакунину в его полное распоряжение.

Бакунин устроил настоящий *заговор,* чтобы обеспечить себе большинство на Базельском конгрессе. Не было даже недостатка в *поддельных* мандатах, чему пример — мандат г-на Гильома от Ле-Локля и др. Бакунин сам выпросил себе мандаты от Неаполя и Лиона. Против Генерального Совета распространялась всяческая клевета. Одним говорили, что в нем преобладает *element bourgeois*****, другим — что это гнездо *communisme autoritaire****** и т. д.

Результаты Базельского конгресса известны. Предложения Бакунина не прошли, и Генеральный Совет остался в Лондоне.

Досада на эту неудачу — в глубине души Бакунин, по всей вероятности, с удачей связывал успех разных своих личных замыслов — вылилась в полных раздражения заявлениях в *«Egalite»* и в *«Progres».* Эти газеты, между тем, все более

* См. настоящий том, стр. 363—364. *Ред.*
** — заметьте. *Ред.*
*** — старого хлама. *Ред.*
**** — буржуазный элемент. *Ред.*
***** — авторитарного коммунизма. *Ред.*

и более принимали характер официальных оракулов. То та, то другая швейцарская секция *Интернационала* подвергалась отлучению за то, что, вопреки категорическому предписанию Бакунина, принимала участие в политическом движении и т. п. Наконец, долго сдерживаемая ярость против Генерального Совета открыто прорвалась. «Progres» и «Egalite» насмехались, нападали, заявляли, что Генеральный Совет не выполняет своих обязанностей, например в отношении выпуска трехмесячных бюллетеней; что Генеральный Совет должен отказаться от непосредственного контроля над Англией и основать особый английский центральный комитет, который занимался бы только английскими делами; что решение Генерального Совета по поводу арестованных фениев является превышением его функций, ибо не его дело заниматься местными политическими вопросами. Далее, «Progres» и «Egalite» встали на сторону *Швейцера* и категорически потребовали, чтобы Генеральный Совет официально и «publiquement»* высказался по вопросу о Либкнехте и Швейцере. Газета *«Le Travail»* (в Париже), в которой французские друзья Швейцера контрабандой протащили благоприятные ему статьи, удостоилась за это похвалы от «Progres» и «Egalite»; последняя призывала к совместной борьбе против Генерального Совета.

Тут дело приняло такой оборот, что необходимо было вмешаться. Ниже следует буквальная копия письма Генерального Совета к Центральному комитету Романской федерации в Женеве. Документ этот слишком длинен для того, чтобы переводить его на немецкий язык.

«Генеральный Совет — Федеральному совету Романской ***Швейцарии*** *в Женеве*

Генеральный Совет на своем внеочередном заседании 1 января 1870 г. постановил:

1. В газете «Egalite» от 11 декабря 1869 г. мы читаем:

«Несомненно, что Генеральный Совет пренебрегает делами крайне важными... Мы напоминаем Генеральному Совету о его обязанностях ссылкой на статью 1 Регламента: «Генеральный Совет *обязан* выполнять резолюции конгресса...» *Мы могли бы задать Генеральному Совету достаточно вопросов, чтобы ответы* составили довольно пространный документ. *Мы это сделаем позднее.* А пока и т. д.»

Генеральный Совет не знает ни в Уставе, ни в Регламенте такой статьи, которая *обязывала бы его* вступать в переписку или в полемику с «Egalite» или давать «ответы» на «вопросы» какой бы то ни было газеты.

* — «публично». *Ред.*

Только *Федеральный совет Романской Швейцарии,* является представителем секций Романской Швейцарии перед Генеральным Советом. Если Федеральный совет обратится к нам единственно законным путем, то есть через своего *секретаря,* с запросами или обвинениями, то Генеральный Совет всегда готов будет ему ответить. Но Романский федеральный совет не имеет права ни *отказываться* от своих функций, передоверяя их редакциям «Egalite» и «Progres», ни позволять этим газетам *узурпировать* его функции.

Вообще говоря, если бы переписка Генерального Совета с национальными и местными комитетами публиковалась, это причиняло бы большой вред общим интересам Товарищества.

В самом деле, если бы другие органы *Интернационала* последовали примеру «Progrеs» и «Еgalitе», то Генеральный Совет был бы поставлен перед альтернативой — либо дискредитировать себя в глазах общественного мнения своим молчанием, либо нарушить свои обязанности, отвечая публично. «Еgalitе» совместно с «Progrеs» призывают «Travail» потребовать объяснения от Генерального Совета. Чем не Лига общественного блага!

2. Допуская, что поставленные «Еgalitе» вопросы *исходят от Романского федерального совета,* мы ответим на них, но лишь с тем условием, чтобы впредь подобного рода вопросы не задавались нам таким путем.

3. *Вопрос о бюллетене.*

Резолюция Женевского конгресса, вошедшая в Регламент, предписывает, чтобы национальные комитеты посылали Генеральному Совету *документальные данные* о пролетарском движении, а Генеральный Совет затем издавал бюллетень на *различных языках* «так часто, как это *позволят* ему *его средствам («As often as its means permit,* the General Council shall publish a report etc.»).

Обязанность, возложенная на Генеральный Совет, была, таким образом, связана *с условиями,* которые остались невыполненными. Не была даже проведена предписанная Уставом *статистическая анкета,* относительно которой выносились постановления на ряде следовавших один за другим общих конгрессов и проведения которой Генеральный Совет требовал ежегодно. Что касается *средств,* то Генеральный Совет давно прекратил бы свое существование, не будь местных взносов в Англии и личных пожертвований его членов.

Таким образом, Регламент, принятый Женевским конгрессом, остался мертвой буквой.

Что касается Базельского конгресса, то он обсуждал не вопрос о *выполнении* уже существующего Регламента, а вопрос о своевременности выпуска бюллетеня и *не вынес никакого решения* по этому поводу.

Впрочем, Генеральный Совет полагает, что первоначальная задача бюллетеня, который он должен был издавать, в настоящее время всецело выполняется различными печатными органами *Интернационала,* выходящими на различных языках и распространяющимися путем взаимного обмена. Было бы нелепо делать при помощи дорогостоящих бюллетеней то, что уже делается без издержек. С другой стороны, бюллетень, который публиковал бы то, что не печатается в органах *Интернационала,* только помог бы нашим врагам заглянуть за кулисы.

4. *Вопрос об отделении Генерального Совета от федерального совета для Англии.*

Задолго до основания «Egalite» это предложение выдвигалось периодически в самом Генеральном Совете одним или двумя из его английских членов. Но оно всегда отклонялось почти единогласно.

Хотя революционная инициатива будет исходить, вероятно, от Франции, только Англия может послужить *рычагом* для серьезной экономической революции. Это — единственная страна, где уже нет *крестьян* и где земельная собственность сосредоточена в немногих руках. Это — единственная страна, в которой *капиталистическая форма,* то есть объединение труда в широком масштабе под властью капиталистических предпринимателей, охватила почти все производство. Это — единственная страна, в которой *огромное большинство населения состоит из наемных рабочих* (wages labourers). Это — единственная страна, в которой классовая борьба и организация рабочего класса в *тред-юнионах* достигли известной степени зрелости и всеобщности. Благодаря своему господству на мировом рынке Англия является единственной страной, где каждый переворот в экономических отношениях должен немедленно отразиться во всем мире. Если Англия является классической страной лендлордизма и капитализма, то, с другой стороны, в ней созрели более, чем где бы то ни было, *материальные условия для их уничтожения.* Генеральный Совет поставлен теперь в счастливое положение благодаря тому, что *этот великий рычаг пролетарской революции непосредственно находится в его руках.* Каким безумием, можно даже сказать, каким преступлением было бы отдать этот рычаг в руки одних англичан!

Англичане обладают всеми необходимыми *материальными предпосылками* для социальной революции. Чего им недостает, так это *духа обобщения* и *революционной страсти.* Только Генеральный Совет в состоянии восполнить этот пробел и ускорить таким образом подлинно революционное движение в этой стране, а следовательно, и *повсюду.* Крупные успехи, которых мы в этом направлении уже достигли, засвидетельствованы наиболее умными и влиятельными органами господствующих классов, как, например, «Pall Mall Gazette», «Saturday Review», «Spectator», «Fortnightly Review», не говоря уже о так называемых радикальных членах *палаты общин* и *палаты лордов,* которые еще недавно оказывали большое влияние на *лидеров* английских рабочих. Они открыто обвиняют нас в том, что мы отравили и почти искоренили *английский дух* в рабочем классе и толкнули его к революционному социализму.

Единственный способ осуществить такой поворот состоит в том, чтобы действовать как *Генеральный Совет Международного Товарищества.* В качестве Генерального Совета мы можем побуждать к принятию таких мер (как, например, основание *Лиги земли и труда),* которые впоследствии, при их осуществлении, предстанут перед публикой как стихийные выступления английского рабочего класса.

Если бы помимо *Генерального Совета* был основан *федеральный совет,* каковы были бы непосредственные результаты этого? Занимая промежуточное положение между *Генеральным Советом Интернационала* и *Всеобщим советом тред-юнионов,* федеральный совет не пользовался бы никаким авторитетом. С другой стороны, *Генеральный Совет Интернационала* выпустил бы *из рук этот великий рычаг.* Если бы мы серьезной и незаметной работе предпочли балаганную трескотню, то мы, может быть, и допустили бы такую ошибку, как публичный ответ на вопрос «Egalite», почему Генеральный Совет мирится с «таким обременительным совмещением функций».

Англию нельзя просто поставить в ряд с другими странами. Ее следует рассматривать как *метрополию капитала.*

5. *Вопрос о резолюции Генерального Совета об ирландской амнистии.*

Если Англия является крепостью лендлордизма и европейского капитализма, то единственный пункт, где можно нанести серьезный удар официальной Англии, представляет собой *Ирландия.*

Во-первых, Ирландия является цитаделью английского лендлордизма. Если он рухнет в Ирландии, то он должен будет рухнуть и в Англии. В Ирландии это может произойти во сто

раз легче, потому что *экономическая борьба сосредоточена там исключительно на земельной собственности,* потому что там эта борьба есть в то же время и *национальная* борьба и потому что народ в Ирландии настроен более революционно и более ожесточен, чем в Англии. Лендлордизм в Ирландии удерживает свои позиции исключительно при помощи *английской армии.* Как только прекратится принудительная уния этих двух стран, в Ирландии вспыхнет социальная революция, хотя и в устаревших формах. Английский лендлордизм потеряет не только крупный источник своих богатств, но также и *важнейший источник своей моральной силы* как *представитель господства Англии над Ирландией.* С другой стороны, оставляя неприкосновенным могущество своих лендлордов в Ирландии, английский пролетариат делает их неуязвимыми в самой Англии.

Во-вторых, *английская буржуазия* не только эксплуатировала ирландскую нищету, чтобы ухудшить положение рабочего класса в Англии путем *вынужденной иммиграции* ирландских бедняков, но она, кроме того, разделила пролетариат на два враждебных лагеря. Не происходит гармонического соединения революционного пыла кельтского рабочего и положительного, но медлительного нрава англосаксонского рабочего. Наоборот, *во всех крупных промышленных центрах Англии* существует глубокий антагонизм между английским и ирландским пролетарием. Средний английский рабочий ненавидит ирландского как конкурента, который понижает заработную плату и *standard of life*[*]. Он питает к нему национальную и религиозную антипатию. Он смотрит на него почти так же, как смотрели *poor whites*[**] южных штатов Северной Америки на черных рабов. Этот антагонизм между пролетариями в самой Англии искусственно разжигается и поддерживается буржуазией. Она знает, что в этом расколе пролетариев заключается *подлинная тайна сохранения ее могущества.*

Этот антагонизм воспроизводится и по ту сторону Атлантического океана. Вытесняемые с родной земли быками и овцами, ирландцы вновь встречаются в Соединенных Штатах, где они составляют огромную, все возрастающую часть населения. Их единственная мысль, их единственная страсть — ненависть к Англии. Английское и американское правительства, то есть классы, которые они представляют, культивируют эти страсти, чтобы увековечить *межнациональную борьбу,* являющуюся тормозом для всякого серьезного и искреннего союза между рабочими по обе стороны Атлантического

[*] — уровень жизни. *Ред.*
[**] — белые бедняки. *Ред.*

океана, а следовательно, тормозом для их общего освобождения.

Ирландия — это единственный предлог для английского правительства содержать *большую постоянную армию,* которую в случае нужды, как это уже имело место, бросают против английских рабочих, после того как в Ирландии эта армия пройдет школу военщины. Наконец, в Англии в настоящее время повторяется то, что в чудовищных размерах можно было видеть в Древнем Риме. Народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи.

Итак, позиция Международного Товарищества в ирландском вопросе совершенно ясна. Его главная задача — ускорить социальную революцию в Англии. Для этой цели необходимо нанести решающий удар в Ирландии.

Резолюция Генерального Совета об ирландской амнистии служит лишь введением к другим резолюциям, в которых будет сказано, что, не говоря уже о международной справедливости, *предварительным условием освобождения английского рабочего класса* является превращение существующей *принудительной унии* — то есть порабощения Ирландии — в *равный и свободный союз,* если это возможно, или *полное отделение,* если это необходимо.

Кроме того, доктрина, выдвигаемая газетами «Egalite» и «Progres» о связи или, вернее, об отсутствии связи между социальным и политическим движениями, насколько нам известно, никогда не была признана ни на одном из наших конгрессов. *Она противоречит нашему Уставу.* В Уставе сказано:

«That the *economical emancipation* of the working classes is... the great end *to which every political movement ought to be subordinate as a means»**.

Во французском переводе, сделанном парижским комитетом в 1864 г., эти слова «as a means» («как средство») *были выброшены.* В ответ на запрос Генерального Совета парижский комитет сослался в оправдание на трудности своего политического положения.

Имеются и другие искажения подлинного текста Устава. Первое положение вводной части Устава гласит: «The struggle for the emancipation of the working classes means... a struggle... for *equal rights and duties,* and the *abolition of all class rule»***.

* — «Экономическое освобождение рабочего класса есть... великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство» (см. настоящий том, стр. 12). *Ред.*

** — «Борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу... за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства» (см. настоящий том, стр. 12), *Ред.*

В парижском переводе говорится о «равных правах и обязанностях», то есть в нем воспроизводится общая фраза, которую можно встретить почти *во всех демократических манифестах* за последние сто лет и которая имеет разный смысл в устах представителей различных классов, но в этом переводе *вычеркнуто* конкретное требование *«уничтожения классов».*

Затем во втором абзаце вводной части Устава мы читаем: «That the economical subjection of the *man of labour to the monopoliser of the means of labour,* that is *the sources of life* etc.»*.

В парижском переводе вместо *«means of labour, that is the sources of life»*** — выражения, включающего, наряду с остальными средствами труда, также и землю, — поставлено слово *«капитал».*

Первоначальный подлинный текст был восстановлен во французском переводе, опубликованном в Брюсселе в 1866 году.

6. *Вопрос о Либкнехте и Швейцере.*

В «Egalite» говорится: *«Обе эти группы принадлежат к Интернационалу».* Это неверно. Группа эйзенахцев (которую «Progres» и «Egalite» соизволили превратить в группу гражданина Либкнехта) принадлежит к *Интернационалу. Группа Швейцера к нему не принадлежит.*

Швейцер сам подробно разъяснил в своей газете «Social-Demokrat», почему *лассалевская организация* не могла бы вступить в *Интернационал,* не уничтожив самое себя. Сам того не ведая, он сказал правду. Его искусственная *сектантская* организация находится в противоречии с *действительной организацией рабочего класса.*

«Progres» и «Egalite» потребовали от Генерального Совета публично высказать свой *«взгляд»* на личные разногласия между Либкнехтом и Швейцером. Поскольку гражданин *И. Ф. Беккер* (на которого газета Швейцера *клевещет* так же, как на Либкнехта) входит в состав *редакционного комитета* «Egalite», кажется поистине странным, что издатели этой газеты не осведомлены лучше о фактах. Они должны были бы знать, что Либкнехт в «Demokratisches Wochenblatt» публично предложил Швейцеру признать *Генеральный Совет арбитром в их разногласиях* и что Швейцер не менее публично отказался признать авторитет Генерального Совета.

Генеральный Совет употребил все средства, чтобы положить конец этому скандалу. Он поручил своему секретарю для Германии вступить в переписку со Швейцером, что и было

---

* — «Экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, и т. д.» (см. настоящий том, стр. 12). *Ред.*

** — «средств труда, то есть источников жизни». *Ред.*

сделано; но все попытки Совета разбились о непреклонное решение Швейцера сохранить во что бы то ни стало вместе с сектантской организацией свою самодержавную власть.

Дело Генерального Совета — выбрать тот благоприятный момент, когда его *открытое вмешательство* в этот спор принесет больше пользы, нежели вреда.

По поручению Генерального Совета и т. д.»

Французские комитеты (несмотря на то, что Бакунин сильно интриговал в Лионе и Марселе и склонил на свою сторону несколько молодых горячих голов) так же, как и *Бельгийский генеральный совет* (Брюссель), заявили, что они *вполне солидарны с* этим инструктивным письмом Генерального Совета.

Составление копии для Женевы несколько задержалось (так как секретарь для Швейцарии *Юнг* был очень занят). Вследствие этого копия разошлась в пути с официальным письмом Генеральному Совету от *Перре,* секретаря Центрального комитета Романской федерации в Женеве.

В Женеве кризис разразился еще до получения нашего письма. Некоторые редакторы «Egalite» восстали против направления, продиктованного Бакуниным. Бакунин и его приверженцы (в том числе шесть редакторов «Egalite») хотели заставить *Центральный комитет* в Женеве уволить ослушников. Но женевский Комитет давно уже тяготился деспотизмом Бакунина и был недоволен тем, что оказался из-за него вовлеченным в трения с другими немецко-швейцарскими комитетами, с Генеральным Советом и т. д. Поэтому он, наоборот, утвердил нежелательных Бакунину редакторов «Egalite». Тогда шесть бакунинских сторонников вышли из редакции, рассчитывая добиться этим прекращения издания.

В ответ на наше письмо Центральный комитет в Женеве заявил, что нападки «Egalite» на Генеральный Совет происходили против его воли, что он никогда не одобрял политики, которую проповедовала газета, что теперь газета редактируется под строгим контролем Комитета и т. д.

После этого Бакунин переехал из Женевы обратно в Тессин. Теперь он может влиять — поскольку речь идет о Швейцарии — только на одну газету «Progres» (Ле-Локль).

Вскоре умер *Герцен.* Бакунин, который с тех пор как задумал провозгласить себя *руководителем европейского рабочего движения,* отрекся от своего старого друга и учителя Герцена, тотчас же после его смерти принялся его расхваливать. Почему? Герцен, несмотря на то, что был сам богатым человеком, получал ежегодно на пропаганду 25000 франков от сочувствующей ему псевдосоциалистической панславистской партии в Рос-

сии[365]. Благодаря своим хвалебным гимнам Бакунин *получил в свое распоряжение* эти деньги, а тем самым, — malgre sa haine de l'heritage[*] — вступил во владение как денежным, так и *моральным «наследством* Герцена» sine beneficio inventarii[**].

В то же время в Женеве обосновалась колония молодых русских студентов-эмигрантов, которые действительно честно относятся к своим убеждениям и доказали свою честность тем, что главным пунктом своей программы выставили *борьбу с панславизмом.*

Они выпускают в Женеве журнал *«Народное дело».* Около двух недель тому назад они обратились в Лондон, прислали свой устав и программу с просьбой утвердить основанную ими Русскую секцию Интернационала. Просьба была удовлетворена.

В отдельном письме к Марксу они просили его быть временно их представителем в Генеральном Совете. На это тоже было дано согласие[***]. Вместе с тем они заявили, — как бы *извиняясь* перед Марксом, — что в ближайшем будущем сорвут с Бакунина маску, потому что этот человек ведет *двойную политику:* в России — одну, в Европе — совершенно другую.

Итак, игре этого в высшей степени опасного интригана будет скоро положен конец, по крайней мере, в рамках *Интернационала.*

Написано К. Марксом около 28 марта 1870 г.

Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit», т. 2, № 15, 1902 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и французского

[*] — несмотря на свою ненависть к институту наследования. *Ред.*
[**] — без каких-либо ограничений. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 427—428. *Ред.*

К. МАРКС

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ГАЗЕТЕ «BEE-HIVE» [366]

Принимая во внимание:

1) что Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих рекомендовал различным секциям Интернационала на европейском континенте и в Соединенных Штатах подписываться на «Bee-Hive Newspaper», как на официальный орган Генерального Совета и орган, представляющий в английской прессе движение рабочего класса;

2) что газета «Bee-Hive» не только выпускала из официальных отчетов Генерального Совета отдельные резолюции, которые могли бы не понравиться ее патронам, но методом замалчивания систематически представляла в искаженном виде содержание целого ряда заседаний Генерального Совета;

3) что газета «Bee-Hive», особенно после недавней смены владельца[367], все еще претендуя на то, что она является исключительно органом рабочего класса, фактически стала органом группы капиталистов, которая хочет подчинить себе пролетарское движение и использовать его как средство для своих собственных классовых и партийных целей, —

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих на своем заседании 26 апреля 1870 г. единогласно постановил порвать всякую связь с газетой «Bee-Hive» и довести через печать эту резолюцию до сведения своих различных секций в Англии, на европейском континенте и в Соединенных Штатах.

Внесено К. Марксом 3 мая 1870 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» №38, 11 мая 1870 г.

Печатается по рукописи К. Маркса, вклеенной в протокольную книгу Генерального Совета

Перевод с английского

who reiterated his assurance of support to, & sympathies with the Association, & Cit. Jung announced the receipt of a letter from a young Belgian professor residing at present in Wales, who desired to become a member of the Association & act as one of its most devoted Champions.

A letter from Cit. Richard of Lyons announced the formation of a new section at Richard, & Cit. Varlin was travelling to establish new branches. The letter contained a cheque for 6 l. 7 s. 0. of which 10 fr were for the St. Etienne section the rest for Lyons.

Cit. Marx then called the attention of the ~~Council to~~ the circumstance that many members of the Association had been arrested in France & that the government papers had endeavoured to spread ~~it~~ abroad that the Association was implicated in a pretended plot against the emperor. To refute those insinuations he proposed the following:

On the occasion of the last pretended complot, the French government has not only arrested many members of our Paris and Lyons sections, but continues to insinuate by its organs that the International Working Men's Association is an accomplice of that pretended complot. According to the tenor of our Statutes, it is certainly the special mission of all our branches in England, on the Continent, and in the United States, to act not only as centres for the organisation of the working class, but also to aid, in their different countries, all political movements tending to the accomplishment of our ultimate end, viz. the economical emancipation of the working class. At the same time, those statutes bind all the sections of our Association to act in the open daylight. If our statutes were not formal on that point, the very nature of an Association which identifies itself with the working classes, would exclude from it every form of secret society. If the working classes, who form the great bulk of all nations, who produce all their wealth and in the name of whom even the usurping powers always pretend to rule, conspire, they conspire publicly, as the sun conspires against darkness, in the full consciousness that without their pale there exists no legitimate power.

If the other incidents of the complot denounced by the French government are as false and unfounded as its insinuations against the International Working Men's Association, this last complot will worthily range with its two predecessors of grotesque memory. The noisy and violent measures against our French sections are exclusively intended to serve one single purpose — the manipulation of the plebiscite.

Cit. Harris seconded the proposal, which was adopted unanimously.

Страница протокольной книги с рукописью К. Маркса
«О преследованиях членов французских секций»

К. МАРКС

О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ ЧЛЕНОВ ФРАНЦУЗСКИХ СЕКЦИЙ [368]

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

В связи с последним мнимым заговором, французское правительство не только арестовало многих членов наших парижской и лионской секций, но и распространило в своих газетах клеветническое заявление, будто *Международное Товарищество Рабочих* является соучастником этого мнимого заговора.

По смыслу нашего Устава особая задача всех наших секций в Англии, на европейском континенте и в Соединенных Штатах бесспорно заключается не только в том, чтобы служить организационными центрами рабочего класса, но также и в том, чтобы поддерживать в различных странах всякое политическое движение, способствующее достижению нашей конечной цели — *экономического освобождения рабочего класса.* Но в то же время Устав обязывает все секции нашего Товарищества действовать открыто. Если бы даже в нашем Уставе не было об этом специального указания, то сама природа Товарищества, отождествляющего себя с рабочим классом, несовместима с какой-либо формой тайного общества. Если конспирирует рабочий класс, составляющий огромное большинство каждой нации и создающий все ее богатства, и именем которого постоянно старается прикрыть свое правление даже узурпаторская власть, — то он конспирирует открыто, как солнце против мрака, — в полном сознании, что помимо него не может существовать никакой законной власти.

Если остальные подробности заговора, о котором сообщает французское правительство, так же фальшивы и голословны,

как его инсинуации против *Международного Товарищества Рабочих,* то этот очередной заговор займет достойное место рядом с двумя его предшественниками[369], уже ставшими всеобщим посмешищем. Шумиха и меры насилия против наших французских секций преследуют одну цель — *способствовать жульничеству с плебисцитом.*

Внесено К. Марксом 3 мая 1870 г.

Напечатано в виде листовки «Declaration of the General Council of the International Working Men's Association», 4 мая 1870 г.

Печатается по рукописи К. Маркса, вклеенной в протокольную книгу Генерального Совета и сверенной с текстом листовки

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О «ФРАНЦУЗСКОЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЕКЦИИ В ЛОНДОНЕ»[370]

Принимая во внимание,

что за последнее время в европейской печати были опубликованы обращения, резолюции и манифесты, которые исходили от некоего *французского общества в Лондоне,* именующего себя: *«Международное Товарищество Рабочих, Французская федеральная секция»,* и приписывались *Международному Товариществу Рабочих;*

что *Международное Товарищество Рабочих* в настоящий момент подвергается жестоким преследованиям со стороны австрийского и французского правительств, которые всячески стремятся использовать самый незначительный повод для оправдания этих преследований;

что при таких обстоятельствах Генеральный Совет навлек бы на себя серьезную ответственность, разрешив какому бы то ни было обществу, не принадлежащему к *Интернационалу,* пользоваться и действовать его именем, —

Генеральный Совет настоящим заявляет, что так называемая *«Французская федеральная секция в Лондоне»* уже два года как не состоит в *Интернационале* и не имеет никакого отношения к Генеральному Совету этого Товарищества[*].

Лондон, 10 мая 1870 г.

Внесено 10 мая 1870 г.

Напечатано в газетах «The Penny Bee-Hive» № 418, 14мая1870 г.; «L'Egalite» № 21, 21 мая 1870 г.; «Der Volksstaat» № 41, 21 мая 1870 г.

Печатается по рукописи К. Маркса, вклеенной в протокольную книгу Генерального Совета

Перевод с английского

[*] При утверждении Генеральным Советом текста данной резолюции конец последней фразы был изменен следующим образом: «не имеет никакого отношения ни к Генеральному Совету в Лондоне, ни к какой бы то ни было секции этого Товарищества на европейском континенте». *Ред.*

К. МАРКС

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О СОЗЫВЕ КОНГРЕССА В МАЙНЦЕ [371]

Принимая во внимание:

что Базельский конгресс назначил Париж местом созыва очередного конгресса Международного Товарищества Рабочих;

что пока сохраняется нынешний режим во Франции, конгресс не сможет собраться в Париже;

что тем не менее для подготовки конгресса необходимо принять немедленное решение;

что статья 3 Устава обязывает Совет в случае необходимости изменить место созыва, назначенное конгрессом;

что Центральный комитет Социал-демократической рабочей партии в Германии предложил Генеральному Совету перенести место созыва очередного конгресса в Германию.

Генеральный Совет на своем заседании 17 мая единогласно постановил, что очередной конгресс Международного Товарищества Рабочих откроется 5 сентября настоящего года и соберется в Майнце.

Внесено К. Марксом 17 мая 1870 г.

Напечатано в газетах «Der Volksstaat» № 42, 25 мая 1870 г.; «L'Egalite» № 22, 28 мая 1870 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

КОМИТЕТУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [372]

86, Морнингтон-стрит,
Стокпорт-род, Манчестер
Лондон, 14 июня 1870 г.

Дорогие друзья!

Сегодня я получил письмо от Штумпфа (Майнц), в котором, между прочим, говорится:

«Либкнехт поручил мне написать тебе, что ввиду выборов в рейхстаг, которые приходятся как раз на это время, было бы лучше созвать здесь конгресс 5 октября. Штутгартский съезд[373] в прошлый понедельник также постановил отстаивать этот срок. Кажется, Гейбу было поручено написать тебе об этом».

Либкнехт, как и остальные члены Интернационала, должен был бы, по крайней мере, знать его Устав, в котором ясно сказано:

«§ 3. В случае необходимости Генеральный Совет может изменить *место созыва* конгресса, но *не имеет права отсрочить время его созыва*».

Поддерживая в Генеральном Совете ваше настойчивое предложение перенести конгресс в Германию, я, разумеется, предполагал, что вами учтены все обстоятельства. Об изменении срока не может быть, согласно Уставу, и речи.

Еще одно место в письме Штумпфа тоже отнюдь не успокоительно.

Оно гласит:

«Я только что вернулся от бургомистра. Он требует, чтобы какой-нибудь состоятельный горожанин поручился, что в случае, *если швейцерианцы учинят побоище,* город получит компенсацию за возможные повреждения в курфюрстовском мраморном зале, предоставленном нам для конгресса и т. д.».

Вы предложили города Майнц, Дармштадт или Мангейм и следовательно тем самым взяли на себя ответственность перед Генеральным Советом за то, что конгресс сможет состояться в любом из этих городов без скандалов, которые выставили бы перед всем миром в смешном виде Интернационал и в особенности германский рабочий класс. Надеюсь, что в этом отношении будут приняты все необходимые меры предосторожности.

Каково численное соотношение между швейцерианцами и вашими людьми в Майнце и окрестностях?

В том случае, если скандала не избежать, надо заранее позаботиться о том, чтобы ответственность за него пала на зачинщиков. В «Volksstaat», «Zukunft» и других доступных нам немецких газетах следовало бы разоблачить *план прусской, полиции,* которая, не будучи в состоянии прямо воспрепятствовать созыву международного конгресса в Майнце, намерена с помощью своего орудия — швейцеровской организации — сорвать конгресс или помешать спокойному ходу его работ. Как только это будет сделано в Германии, Генеральный Совет позаботится о том, чтобы подобные же заметки были опубликованы в Лондоне, Париже и т. д. Интернационал мог бы еще позволить себе конфликт с г-ном Бисмарком, но только не якобы *стихийное* «национально-немецкое рабочее побоище» под флагом «принципиальной борьбы».

Надеюсь, что Штумпф совместно с вами позаботится о том, чтобы делегаты были обеспечены дешевыми квартирами.

Salut et fraternite[*]

Карл Маркс

Пользуюсь случаем, чтобы послать Комитету свой горячий привет. С тех пор как господа швейцерианцы в Форсте *заранее* уведомили бургомистра о своем намерении затеять побоище и бургомистр предоставил это дело его собственному ходу, связь этих господ с полицией *доказана.* Штумпф, вероятно, мог бы запросить через майнцского бургомистра господ швейцерианцев, не получили ли они задания «поколотить». Кстати, давно пора повсюду в печати разоблачить этих людей как настоящих полицейских агентов, и, если бы они где-нибудь снова сделали попытку «поколотить», то ответить им надлежащим образом. На конгрессе это, конечно, недопустимо, но им можно уже до этого столько раз дать взбучку, что они будут сыты по горло. Как г-н Бисмарк изображает это дело в английской печати, видно из прилагаемой вырезки, которая воспроизводится во всех газетах. «North German Correspondence» — орган Бисмарка, основанный на средства вельфского фонда[374].

С горячим приветом

Ф. Энгельс

Написано 14 июня 1870 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 51, 26 июня 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — Привет и братство. *Ред.*

К. МАРКС
РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ФЕДЕРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ [375]

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — РОМАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ

Принимая во внимание,

что, хотя большинство делегатов съезда в Ла-Шо-де-Фоне и избрало новый Романский федеральный комитет, это большинство было только номинальным;

что Романский федеральный комитет в Женеве всегда выполнял свои обязанности по отношению к Генеральному Совету и к Международному Товариществу Рабочих и всегда действовал в соответствии с Уставом Товарищества и что Генеральный Совет поэтому не имеет права лишить этот комитет его наименования, —

Генеральный Совет, на заседании 28 июня 1870 г., единогласно постановил, что Романский федеральный комитет, имеющий местопребывание в Женеве, должен сохранить свое наименование, а федеральный комитет, имеющий местопребывание в Ла-Шо-де-Фоне, — избрать любое другое наименование, которое найдет для себя подходящим.

От имени и по поручению Генерального Совета

Международного Товарищества Рабочих

Г. Юнг,

секретарь для Швейцарии

Лондон, 29 июня 1870 г.

Написано К. Марксом

Напечатано в газете «Le Mirabeau» № 53, 24 июля 1870 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

К. МАРКС

ЛОКАУТ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ В ЖЕНЕВЕ [376]

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ —
РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ЕВРОПЫ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Товарищи рабочие!

Женевские строительные предприниматели после зрелого размышления пришли к заключению, что «неограниченная свобода труда» — наилучшее условие для счастья трудящегося населения. Чтобы обеспечить эту благодать своим рабочим, они 11 июня решили применить уловку английского изобретения, объявив локаут больше чем 3000 рабочих, работавших у них до этого времени.

А профессиональные союзы, которые недавно возникли в Швейцарии, те же женевские строительные предприниматели с негодованием называли английским импортом. Два года тому назад они упрекали своих рабочих в отсутствии патриотизма, потому что те пытались пересадить на швейцарскую почву такое иноземное растение, как ограничение рабочего дня и твердые ставки почасовой заработной платы. У них не было ни малейшего сомнения в том, что это дело рук злостных подстрекателей, так как их собственные местные рабочие, когда они предоставлены самим себе, разумеется, только о том и мечтают, чтобы побольше изводить себя работой по 12—14 часов в сутки и получать за это столько, сколько хозяину заблагорассудится платить. Обманутые рабочие действовали по указке из Лондона и Парижа, — утверждали предприниматели; совсем как швейцарские дипломаты, привыкшие повиноваться приказам из Санкт-Петербурга, Берлина и Парижа. Между тем, ни упреки*, ни угрозы не могли убедить рабочих в том, что ограничение

* В немецком тексте после слов «ни упреки» вставлено: «ни уговоры». *Ред.*

рабочего времени 10 часами в сутки и установление твердых ставок почасовой заработной платы является чем-то оскорбительным для достоинства свободного гражданина; не удавалось также спровоцировать их на какие-нибудь насильственные действия, которые дали бы предпринимателям благовидный предлог для применения репрессивных мер против союзов.

Наконец, в мае 1868 г. г-н Камперио, тогдашний министр юстиции и полиции, добился соглашения, в силу которого рабочий день был ограничен 9 часами в зимнее время и 11 — в летнее, с заработной платой, колеблющейся от 45 до 50 сантимов в час. Это соглашение было подписано в присутствии министра как предпринимателями, так и рабочими. Весной 1869 г. некоторые предприниматели отказались платить за 11 часов летней работы больше, чем за 9 часов зимней. Было снова достигнуто соглашение путем установления единой ставки заработной платы в 45 сантимов в час для всех строительных рабочих. Хотя это соглашение явно касалось также штукатуров и маляров, тем не менее они вынуждены были продолжать работу на прежних условиях, так как были еще недостаточно организованы, чтобы добиться принятия новых. 15 мая этого года они потребовали для себя одинаковых условий с другими профессиями, и, получив категорический отказ хозяев, со следующей недели забастовали. 4 июня строительные предприниматели постановили, что если штукатуры и маляры до 9 июня не приступят к работе, с 11 июня всем строительным рабочим будет объявлен локаут. Эта угроза была выполнена. Не довольствуясь увольнением рабочих, предприниматели в публичной афише призывали федеральное правительство насильно распустить союз* и изгнать иностранцев из Швейцарии[377]. Их благородная и поистине либеральная попытка восстановить «свободу труда» потерпела, однако, неудачу в результате грандиозного митинга и протеста швейцарских рабочих нестроителей.

Женевские рабочие других отраслей промышленности образовали комитет, который ведает делами уволенных рабочих. Некоторые домовладельцы, заключившие со строительными предпринимателями контракты на новые постройки, сочли эти контракты расторгнутыми и предложили работавшим у них ранее рабочим продолжать работу, как будто ничего не произошло. Эти предложения были сразу приняты. Многие несемейные рабочие поспешно покинули Женеву. И все же

* Во французском тексте вместо слова «союз» напечатано: «Международное Товарищество». *Ред.*

около 2000 семейств лишены обычных средств к существованию. Поэтому Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих обращается ко всем честным рабочим и работницам цивилизованного мира с призывом оказать женевским строительным рабочим моральную и материальную поддержку в их справедливой борьбе против деспотизма капитала.

По поручению Совета

Б. Лекрафт, председательствующий
Джон Уэстон, казначей
Георг Эккариус, генеральный секретарь

256, Хай Холборн,
Лондон, Уэстерн Сентрал, 5 июля 1870 г.

Написано К. Марксом

Напечатано в виде листовки

Печатается по тексту листовки

Перевод с английского

К. МАРКС

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ ВСЕМ СЕКЦИЯМ [378]

1) Генеральный Совет просит все секции дать своим делегатам формальные инструкции по вопросу о целесообразности изменения местопребывания Генерального Совета на 1870—1871 год.

2) В случае положительного решения вопроса Генеральный Совет рекомендовал бы Брюссель как место пребывания Генерального Совета в упомянутом году.

Написано К. Марксом 14 июля 1870 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

К. МАРКС

ПОВЕСТКА ДНЯ КОНГРЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛА В МАЙНЦЕ[379]

1. О необходимости отмены национального долга. Обсуждение вопроса о праве на соответствующую компенсацию.

2. Соотношение между политической деятельностью и социальным движением рабочего класса.

3. Практические мероприятия по превращению земельной собственности в собственность общественную *(см. примечание).*

4. О превращении эмиссионных банков в национальные банки.

5. Условия кооперативного производства в национальном масштабе.

6. О необходимости для рабочего класса вести *всеобщую статистику труда* согласно резолюциям Женевского конгресса 1866 года.

7. Вторичное обсуждение конгрессом вопроса о средствах устранения войны.

Примечание к пункту 3: Бельгийский генеральный совет предложил следующий вопрос:

«Практические мероприятия по образованию *сельскохозяйственных секций* внутри *Интернационала* и установлению солидарности между сельскохозяйственными пролетариями и пролетариями других отраслей промышленности».

Генеральный Совет Международного Товарищества полагает, что этот вопрос входит в пункт 3.

Написано К. Марксом 14 июля 1870 г.

Напечатано в виде листовки «The Fifth Annual Congress of the International Working Men's Association» 12 июля 1870 г. и в газетах «La Liberté» № 162, 31 июля 1870 г. и «Der Volksstaat» № 65, 13 августа 1870 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА

К. МАРКСА

и

Ф. ЭНГЕЛЬСА.

К. МАРКС

НАБРОСОК НЕПРОИЗНЕСЕННОЙ РЕЧИ ПО ИРЛАНДСКОМУ ВОПРОСУ [380]

I. ВВЕДЕНИЕ. КАЗНЬ

Со времени нашего последнего заседания фенианство, составляющее предмет нашего обсуждения, вступило в новую фазу. Оно получило кровавое крещение, учиненное английским правительством. Политические казни в Манчестере напоминают нам судьбу Джона Брауна в Харперс-Ферри*. Они открывают новый период в борьбе между Ирландией и Англией. Весь парламент и либеральная пресса несут за них ответственность. Гладстон.

Цель: сохранить лицемерную видимость, будто это не политическое, а обычное уголовное преступление. В Европе казни произвели как раз обратное впечатление. Англичане хотят, по-видимому, сохранить в силе акт Долгого парламента[381]. Они наделены божественным правом бороться против ирландцев на их родной земле, в то время как любой ирландец, который борется в Англии против британского правительства, подлежит объявлению вне закона. Приостановление действия Habeas Corpus Act[382]. Осадное положение. Факты из «The Chronicle». Правительственная организация «убийства и насилия»[383]. Эпизод с Бонапартом[384].

II. ПРОБЛЕМА

Что такое фенианство?

* Далее в рукописи зачеркнуто: «Однако рабовладельцы обращались с Джоном Брауном, по крайней мере, как с мятежником, а не как с обычным уголовным преступником». *Ред.*

III. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Сокращение численности населения

1846 г.		
1841 г. — 8 222 664	За 25 лет сокращение	В 1801 г. насе-
1866 г. — 5 571 971	на 2 650 693 человека	ление Ирландии —
2650693		5 319 867 человек

1855 г. —	6 604 665	
1866 г —	5 571 971	За 11 лет сокращение
	1 032 694	на 1 032 694 человека

Происходила не только убыль населения, но сравнительно с его численностью увеличилось количество глухонемых, слепых, инвалидов, сумасшедших и слабоумных.

Увеличение поголовья скота с 1855 по 1866 год

За тот же период с 1855 по 1866 г. поголовье скота увеличилось следующим образом: крупного рогатого скота — на 178532 головы, овец — на 667675 голов, свиней — на 315918 голов. Если мы примем во внимание одновременное уменьшение количества лошадей на 20656 голов и приравняем 8 овец к 1 лошади, то *общее увеличение поголовья скота* составит 996877, то есть около одного миллиона голов.

Таким образом, 1032694 ирландца были вытеснены приблизительно миллионом голов крупного рогатого скота, свиней и овец. Что стало с вытесненными ирландцами? На этот вопрос дает ответ *статистика эмиграции.*

Эмиграция

С 1 мая 1851 по 31 декабря 1866 г. эмигрировало 1730189 человек. Характер этой эмиграции.

Она происходила и продолжает происходить во все более широких размерах вследствие *слияния* или *укрупнения ферм* (сгон с земли) и одновременного превращения пахотной земли в пастбища.

С 1851 по 1861 г. общее число ферм уменьшилось на 120000, тогда как число ферм размером от 15 до 30 акров увеличилось на 61000, а ферм размером от 30 акров и больше — на 109000 (всего на 170000). Уменьшение общего числа ферм произошло

почти исключительно за счет исчезновения ферм размером от менее одного до 15 акров. Лорд Дафферин*. Увеличение числа крупных ферм означает лишь, что значительную долю сократившегося количества ферм составляют фермы сравнительно крупных размеров.

Какое действие оказывает этот процесс

а) *На население*

Положение *народных масс* ухудшилось, оно приближается к кризису, подобному кризису 1846 года. Относительное перенаселение в настоящее время столь же велико, как и перед голодом.

Заработная плата поднялась со времени картофельного голода не более, чем на 20%. Цена же на картофель поднялась почти на 200%; на предметы первой необходимости — в среднем на 100%. *Профессор Клифф Лесли* пишет в лондонском «Economist» от 9 февраля 1867 года:

«После сокращения населения за 21 год на две пятых, нормальная заработная плата составляет теперь почти на всем острове лишь 1 шиллинг в день; на шиллинг же в настоящее время купишь не более, чем на 6 пенсов 21 год назад. Вследствие повышения цен на обычные продукты питания положение рабочего стало хуже, чем оно было 10 лет назад».

b) *На землю*

1) *Сокращение посевной площади*

Сокращение площади под хлебными культурами:	*Сокращение площади под кормовыми культурами:*
За 1861—1866 гг. — 470 917 акров	*За 1861—1866 гг.* — 128 061 акр

2) *Сокращение сбора каждой культуры с одного статутного акра***. Происходило сокращение *сбора* пшеницы, но в большей степени в *период 1847—1865 гг.* сократился сбор в точном процентном исчислении: овса — на 16,3%, льна — на 47,9%, репы — на 36,1%, картофеля — на 50%. В некоторые годы сокращение сборов было еще более значительным, но в общем оно происходило *неуклонно* с 1847 года.

С тех пор как началась массовая эмиграция, земля не удобрялась и истощалась — отчасти вследствие оголтело проводимого укрупнения ферм, отчасти из-за того, что при системе «корн-эйкр»[385] арендатор в большинстве случаев предоставлял удобрять землю своим батракам вместо того, чтобы делать это

* См. настоящий том, стр. 623, 630. *Ред.*

** — акр, размер которого законодательно определен в статутах королевства; равен 4047 кв. метрам. *Ред.*

самому. Рента и прибыль могут увеличиваться и при уменьшении урожайности. Весь продукт в целом может уменьшиться, но та его часть, которая превращается в прибавочный продукт, достающийся лендлорду и крупному фермеру, а не сельскохозяйственному рабочему, а также цена прибавочного продукта увеличатся.

Итак, результат: постепенное вытеснение коренных жителей, постепенное ухудшение и истощение источника жизни нации — земли.

Процесс укрупнения

Этот процесс только что начался, но идет быстрыми темпами. Укрупнение ударило прежде всего по фермам размером от менее одного до 15 акров. Если бы исчезли даже все фермы размером до 100 акров, то и тогда процесс укрупнения далеко не достиг бы еще такой степени, как в Англии. В 1864 г. положение было таково:

Вся площадь Ирландии, включая *болота и пустоши,* составляла 20319924 акра. *Из этой площади* $^{3}/_{5}$, *или 12092117 акров,* до сих пор занято фермами размером от *менее 1 до 100 акров* и находится в руках *569844 арендаторов;* $^{2}/_{5}$ площади, или 8227807 акров, занято фермами размером *от 100 до 500 и более акров* и находится в руках 31927 владельцев. Таким образом, сгону подлежат, если считать только арендаторов и их семьи, 2847220 человек.

Эта система — естественный, ускоренный отменой хлебных законов[386] результат голода 1846 г., а также роста цен на мясо и шерсть, ставшего теперь систематическим.

Очистка имений в Ирландии, превращающая эту страну в сельскохозяйственный округ Англии, отделенный от нее широким каналом, — без землевладельцев, которые проживают со своей челядью в Англии.

Изменение характера английского господства в Ирландии

Государство — лишь орудие лендлордов. *Сгон с земли* используется также как средство политической кары. *(Лорд Аберкорн.* Англия. *Гэлы в горных районах Шотландии*[387]). Прежняя английская политика: поселение вместо вытесняемых ирландцев англичан (при Елизавете), круглоголовых[388] (при Кромвеле). Со времени Анны для экономической политики XVIII века характерны лишь протекционистские меры, принимаемые Англией против ее собственной ирландской колонии;

внутри же этой колонии — превращение *религиозных убеждений* в юридическое основание права собственности. После установления *унии*[389] — система кабальных рент и земельных посредников, но ирландец, хотя и придавленный до последней степени, остается все же держателем своей родной земли. Нынешняя система — без шума, по-деловому осуществляемое истребление; правительство лишь орудие лендлордов (и ростовщиков).

Из этого изменившегося положения проистекает:

1. *Отличительная особенность фенианства: социалистическое движение, движение низших классов.*

2. Некатолический характер движения.

Священникам принадлежало руководство до тех пор, пока борьба за эмансипацию католиков[390] и ее лидер Даниел О'Коннел занимали ведущее место в ирландском движении. Смешная болтовня англичан о папизме. Высшее католическое духовенство против фенианства.

3. *Никакого представительства вождей в английском парламенте.* Специфика о'коннеловского движения физической силы. Вырождение ирландской партии в парламенте.

4. *Национальный характер.* Влияние европейского движения и английская фразеология.

5. *Америка, Ирландия, Англия* — три арены действия; ведущая роль Америки.

6. *Республиканское движение,* поскольку Америка —республика.

Я изложил здесь характерные особенности фенианства.

IV. АНГЛИЙСКИЙ НАРОД

Дело гуманности и справедливости, но прежде всего — специфически английский вопрос.

a) *Аристократия и церковь. Армия. (Франция,* Алжир.)

b) *Ирландцы в Англии.* Влияние на заработную плату и т. д. Выравнивание характера англичан и ирландцев. *Ирландский характер.* Воздержанность ирландцев. Попытки в области народного образования в Ирландии. Сокращение числа преступлений.

Осуждено в Ирландии

Привлечено к суду	*Осуждено*
1852 г.—17 678	10 454
1866 г. —4 326	2 418

Уменьшение числа лиц, привлеченных к суду в Англии и в Уэльсе с 1855 г., частично вызвано *уголовным законом 1855* г., который предоставил судьям право самим выносить, с согласия подсудимых, приговоры, предусматривающие заключение на короткие сроки, вместо передачи их дел на рассмотрение судебных сессий.

Бирмингем. Прогресс английского народа. Подлость английской прессы.

с) *Внешняя политика.* Польша и т. д. Каслри. Пальмерстон.

V. СРЕДСТВА ПОМОЩИ

Бессмысленность мелких парламентских мероприятий.

Ошибка Лиги реформы[391].

Разрыв унии как одно из требований английской демократической партии.

Написано К. Марксом около 26 ноября 1867 г.

Полностью публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС

НАБРОСОК ДОКЛАДА ПО ИРЛАНДСКОМУ ВОПРОСУ В ЛОНДОНСКОМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ 16 ДЕКАБРЯ 1867 ГОДА [392]

I

Каковы характерные особенности фенианства? Оно, в сущности, исходит от ирландских американцев, ирландцев, живущих в Америке. Они — зачинатели и руководители. Но в самой Ирландии движение это пустило корни в народных массах, в низших классах (и здесь все еще находится его подлинный очаг). Это составляет его *характерную черту.* Во всех прежних ирландских движениях народом руководили аристократы или буржуа и во всех случаях католические попы: во время восстания против Кромвеля — англо-ирландские клановые вожди и попы; в период войны против Вильгельма III во главе движения стоял даже король Англии Яков II, во время революции 1798 г. — ольстерские протестанты-республиканцы (Уолф Тон, лорд Фицджералд)[393], наконец в нынешнем столетии буржуа О'Коннел, опиравшийся на католическое духовенство, которое играло также ведущую роль во всех предшествующих движениях, за исключением 1798 года. Фенианство предано анафеме католическим духовенством. Последнее отказалось от борьбы с фенианством лишь после того, как стало опасаться, что потеряет благодаря этому всякое влияние на ирландские народные массы.

II

У англичан вызывает удивление следующее: в сравнении с прежним угнетением Ирландии Англией они находят ныне существующий режим мягким. Откуда же именно теперь появилась такая исключительно острая и непримиримая форма

противоречия? Я хочу показать, — а это представляет тайну даже для тех англичан, которые выступают в защиту ирландской национальности и ее права на отделение от Англии, — что с 1846 г. угнетение, хотя и менее варварское по форме, по существу носит истребительный характер и не оставляет никакого другого выхода, кроме добровольного освобождения Ирландии Англией или борьбы не на жизнь, а на смерть.

III

Что касается прошлой истории, то соответствующие факты можно найти в любой исторической работе. Поэтому я укажу лишь на некоторые из них, поскольку это необходимо, во-первых, для того чтобы разъяснить различие между нынешней и прежней эпохами и, во-вторых, чтобы подчеркнуть некоторые моменты, характеризующие то, что теперь зовется ирландским народом.

a) Англичане в Ирландии до протестантской реформации

1172 год. Генрих II. Не завоевывает даже и одной трети Ирландии. Номинальное завоевание. Дар папы Адриана IV (англичанин). Примерно через 400 лет (при Елизавете) (1576 г.) другой папа, Григорий XIII, снова отбирает у англичан (у Елизаветы) этот подарочек[394]. *«Английский Пейл»*[395]. Столица — *Дублин.* Смешение английских рядовых колонистов с ирландцами, англо-норманской знати с ирландскими вождями. Но в общем завоевательная война ведется, как против краснокожих индейцев (в ранние времена). Английские подкрепления в Ирландию до 1565 г. (до Елизаветы) не посылаются.

b) Протестантская эпоха. Елизавета. Яков I. Карл I. Кромвель. План колонизации (XVI—XVII века)

Елизавета. План заключался в том, чтобы истребить ирландцев, по крайней мере, до реки Шаннон, отнять у них землю, заселить эту местность английскими колонистами и т. п. В борьбе с Елизаветой оставшиеся католиками англо-ирландцы сражались вместе с коренными жителями против англичан. Открыто признаваемый план последних состоял в следующем? *очищение острова от коренных жителей и заселение его верноподданными англичанами.* Им удалось насадить лишь землевладельческую аристократию. Английские *протестантские «авантюристы»* (купцы, ростовщики), которые получили от английской короны конфискованные земли, и «дворяне-предприниматели», которые должны были заселить уступленные им владения коренными английскими семьями.

Яков I. Ольстер. (Якобитская колонизация, 1609—1612 годы). Британские предприниматели должны «поставлять ирландцев для конфискованных, краденых земель». С *1613 г.* ирландцы впервые начинают рассматриваться как английские *подданные,* до этих пор они — «люди вне закона» и «враги», а власть *ирландского парламента*[396] не распространялась за пределы *Пейла.* При этом преследование католиков.

Елизавета колонизовала *Манстер, Яков I — Ольстер,* но *Ленстер* и *Коннот* еще не были очищены. *Карл I* попытался очистить *Коннот.*

Кромвель: первое национальное восстание Ирландии, ее вторичное полное завоевание, частичная повторная колонизация (1641—1660 годы).

Ирландская революция *1641 года. В августе 1649 г. высадка Кромвеля в Дублине* (после него Айртон, Ламберт, Флитвуд, Генри Кромвель). В *1652 г. вторичное полное завоевание Ирландии завершено. Дележ добычи* в соответствии с *актами английского парламента от 12 августа 1662* и *26 сентября 1653 года*[397]: само правительство, *«авантюристы»,* ссудившие за 11 лет войны 360000 ф. ст., *офицеры и солдаты.* «Убивайте без пощады амалекитян ирландской нации и заселите вновь повторно опустошенную землю новыми колониями никогда здесь не живших английских пуритан». Кровопролития, опустошение, обезлюдение целых графств, переселение их жителей в другие области, продажа многих ирландцев в рабство на Вест-Индские острова.

Завоеванием Ирландии Кромвель ниспроверг английскую республику.

С этой поры ирландцы с недоверием относятся к *английской народной партии.*

c) Реставрация Стюартов. Вильгельм III. Второе ирландское восстание и капитуляция на определенных условиях.[398] 1660—1692 годы*

В то время англичане в Ирландии многочисленнее, чем когда-либо. Они никогда не составляли более $^{3}/_{11}$ и менее $^{2}/_{11}$ населения Ирландии.

1684 год. Карл II начинает оказывать покровительство католическим кругам Ирландии и вербовать католическую армию.

1685 год. Яков II дает полную волю католикам Ирландии. Католическая армия растет, ей покровительствуют. Католики вскоре стали заявлять, что акты об устроении должны быть

* В рукописи далее: «(1701) (Анна)». *Ред.*

отменены, а землевладельцы 1641 г. восстановлены в правах. Яков вызывает несколько ирландских полков в Англию.

1689 год. Вильгельм III в Англии. *12 марта 1689 года* Яков высадился в *Кинсейле* во главе ирландских солдат. *Лимерик капитулирует перед Вильгельмом III, 1691 год.* Позорное нарушение договора уже при Вильгельме III, и в гораздо большей степени при Анне.

d) Ирландия обманута и доведена до крайнего унижения. 1692 — 4 июля 1776 года

α) Все намерения *«колонизовать»* страну английскими и шотландскими иоменами или фермерами-арендаторами были оставлены. Попытка поселить немецких и французских протестантов. Поселившиеся в городах французские протестанты (производители шерстяных тканей) изгнаны в результате действия английской системы протекционизма и меркантилизма.

1698 год. Англо-ирландский парламент (как и подобает покорным колонистам) ввел, по приказу метрополии, *запретительные пошлины на экспорт ирландских шерстяных товаров* в чужие страны.

1698 год. В том же году английский парламент обложил *огромной пошлиной* ввоз ирландских изделий в Англию и Уэльс и *совершенно запретил их вывоз в другие страны.* Англия нанесла смертельный удар ирландской промышленности, обрекла ирландские города на обезлюдение и заставила население возвратиться к земле.

Вильгельмовы (привозные) *лорды.*-абсентеисты[399]. Ропот против *лендлордов-абсентеистов, начиная с 1692 года.*

Подобные же *английские законы против ирландского скотоводства.*

1698 год: памфлет Молинью в защиту независимости ирландского парламента (то есть *английской колонии в Ирландии)* от англичан[400]. Так началась *борьба между английской колонией в Ирландии и английской нацией. Одновременно — борьба между англо-ирландской колонией и ирландской нацией.* Вильгельм III противился позорным попыткам английского и *англоирландского парламентов нарушить Лимерикский и Голуэйский договоры.*

β) *Королева Анна (1701—1713 годы; Георг до 1776 года). Карательный кодекс*[401] *был выработан англо-ирландским парламентом с санкции английского парламента.* Постыднейшие средства *обращения* ирландских католиков *в протестантство* с помощью регулирования *«собственности».* Цель кодекса — *перемещение «собственности»* из рук католиков в руки проте-

стантов, или превращение *«англиканства»* в *юридическое основание права собственности. (Образование; личная неправоспособность:* ни один католик не может быть рядовым солдатом.) Проповедовать католическую религию было уголовным преступлением, наказуемым каторгой, обращение протестанта в католичество — актом государственной измены. Католический архиепископ подвергался изгнанию; если, будучи изгнанным, он возвращался, его обвиняли в государственной измене, его вешали, у живого выпускали внутренности, а потом четвертовали. *Попытка насильственно обратить массу ирландской нации в англиканскую религию. Католики лишены права участвовать в избрании членов парламента.*

Этот *карательный кодекс усилил власть католического духовенства над ирландским народом.*

Бедняки приобрели привычки праздности.

В период расцвета протестантского владычества и упадка католицизма протестанты численно не превзошли католиков.

e) 1776—1801 годы. Переходное время

α) Прежде чем обратиться к этому переходному периоду, посмотрим, каков результат английского терроризма?

Английские пришельцы растворены в ирландском народе и обращены в католичество.

Города основаны ирландизированными англичанами.

Не существует *колонии англичан* (за исключением шотландских поселений в *Ольстере), но есть английские землевладельцы.*

Североамериканская революция составляет первый поворотный пункт в ирландской истории.

β) В *1777 г.* британская армия сдалась при Саратога-Спрингсе американским «мятежникам». *Британский кабинет вынужден сделать уступки партии националистов (английской) в Ирландии.*

1778 год. Билль о послаблениях лицам римско-католического вероисповедания (проведен *англо-ирландским парламентом).* Католики все еще лишены права приобретать *фригольд*[402] *путем покупки или аренды.*

1779 год. Введение свободной торговли с Великобританией. Устранены почти все ограничения, наложенные на ирландскую промышленность.

1782 год. Дальнейшее прекращение действия части карательного кодекса. Лицам римско-католического вероисповедания разрешено приобретать *фригольд в пожизненное владение* или с *правом передачи по наследству без ограничений* и *открывать школы.*

1783 год. Англо-ирландский парламент получил равные права.

Зима 1792—1793 года. После того, как французское правительство аннексировало Бельгию и Англия решилась на войну с Францией, было прекращено действие еще одной части карательного кодекса. Ирландцы могли получать чин полковника в армии, получили *право избирать в ирландский парламент* и т. д.

Восстание 1798 года. Белфастские республиканцы (Уодф Тон, лорд Фицджералд). Ирландские крестьяне не созрели.

Англо-ирландская палата общин проголосовала за акт об унии, принятый в 1800 году. Борьба между англо-ирдандцами и англичанами завершилась объединением законодательных органов и таможенной системы Англии и Ирландия. Колония протестовала против незаконного акта об унии.

1801—1846 годы

а) *1801—1831 годы.* В течение этого времени (после конца войны[403]) общее у ирландцев с Англией движение за эмансипацию католиков (1829 год).

С *1783 г. была установлена независимость Ирландии в области законодательства,* и вскоре после этого *различные товары* неирландского производства были обложены пошлинами с прямым намерением предоставить возможность некоторой части ирландского населения найти частичное применение своей избыточной рабочей силе и т. д. Как только акт об унии вступил в силу, естественным последствием было то, что ирландская промышленность постепенно исчезла.

Дублин						
Владельцев шерстяных мануфактур	1800 г.	—	91;	1840 г.	—	12
Наемных рабочих в них	»	—	4 918;	»	—	602
Владельцев шерсточесальных предприятий	»	—	30;	1834 г.	—	5
Наемных рабочих в них	»	—	230;	»	—	66
Владельцев ковровых мастерских	»	—	13;	1841 г.	—	1
Наемных рабочих в них	»	—	720;	»	—	0
Ткачей, работающих на шелкоткацких станках	»	—	2 500;	1840 г.	—	250
Килкенна						
Владельцев предприятий, изготовляющих шерстяные одеяла	1800 г.	—	56;	1822 г.	—	42
Наемных рабочих в них	»	—	3 000;	»	—	925

Балбригган						
Действующих станков, производящих коленкор	1799 г.	—	2 500;	1841 г.	—	226
Уиклоу						
Действующих ручных ткацких станков	1800 г.	—	1 000;	1841 г.	—	0
Корк						
Ткачей тесьмы	1800 г.	—	1 000;	1834 г.	—	40
Ткачей камвольных тканей	»	—	2000;	»	—	90
Вязальщиков	»	—	300;	»	—	28
Чесальщиков шерсти	»	—	700;	»	—	110
Ткачей хлопчатобумажных тканей	»	—	2 000;	»	—	220

и т. п. Льняная промышленность (Ольстер) отнюдь не является возмещением.

«*Хлопчатобумажная промышленность Дублина,* в которой было занято 14000 рабочих, уничтожена; 3400 шелкоткацких станков уничтожено; производство саржи, в котором был занят 1491 рабочий, уничтожено; фланелевое производство Ратдрама, производство шерстяных одеял в Килкенни, производство камлота в Бандоне, камвольные мануфактуры в Уотерфорде, ратиновые и байковые мануфактуры в Каррик-он-Шуре — все уничтожено. Сохранилась лишь одна-единственная отрасль промышленности!.. Эта счастливая отрасль, которой акт об унии не нанес смертельного удара, отрасль, которую поощряют благоприятными условиями, привилегиями и покровительством — производство ирландских гробов». *(Речь Т. Ф. Мигера, 1847)*

Как только Ирландия оказывается готовой развиться в промышленном отношении, ее сокрушают и снова превращают в чисто сельскохозяйственную страну.

Согласно последней общей переписи *1861 года:*

Земледельческое население Ирландии

(включая всех коттеров[404] и батраков вместе с их семьями)	4 286 019
В 798 городах (из которых многие в действительности просто местечки)	1 512 948
	5 798 967

Итак, (в 1861 г.) приблизительно $^4/_5$ жителей — чисто земледельческое население, в действительности же, возможно и $^6/_7$, если прибавить сюда и провинциальные города.

Поскольку Ирландия стала, таким образом, чисто сельскохозяйственной страной: «Земля — это жизнь» *(судья Блэкбёрн).* Земля сделалась великим объектом устремлений. У народа

оставался единственный выбор — либо аренда земли *за любую арендную плату,* либо *голодная смерть.* Система *кабальных рент.*

«Владелец земли имел, таким образом, возможность диктовать свои собственные условия, и потому-то приходилось слышать об уплате 5, 6, 8 и даже 10 ф. ст. за акр. Чудовищно высокая арендная плата, низкая заработная плата, фермы огромных размеров, сдаваемые хищными и праздными собственниками *земельным спекулянтам-монополистам* с тем, чтобы эти посредники-угнетатели в свою очередь сдавали участки впятеро дороже стоимости несчастным, которые умирают с голоду, питаясь лишь картофелем и водой».

Состояние всенародного голода.

Хлебные законы в Англии до известной степени создают монополию для вывоза в Англию ирландского хлеба. Средний годовой вывоз зерна за *первые 3 года* после принятия акта об унии — около 300000 квартеров.

В *1820* г. вывезено свыше 1 миллиона квартеров.

В *1834 г.* — среднегодовая цифра — $2^1/_2$ миллиона квартеров.

Сумма *арендной платы, причитающаяся землевладельцам-абсентеистам,* и процентов по закладным (1834 г.) превышает 30 миллионов долларов *(около 7 миллионов фунтов стерлингов).* Земельные посредники накапливали состояния, которые они *не желали* вкладывать в улучшение почвы, и *не могли,* при системе, подавлявшей промышленность, вкладывать в машины и т. д. Поэтому все их накопления посылались для инвестирования в Англию. Один официальный документ, опубликованный английским правительством, показывает, что перевод английских ценных бумаг из Англии в Ирландию, то есть вложение ирландского капитала в Англии, за 43 лет после введения свободной торговли в 1821 г., исчислялся миллионами фунтов стерлингов; таким образом, Ирландия была вынуждена поставлять дешевую рабочую силу и дешевый капитал для сооружения «грандиозных предприятий Британии».

Большое количество свиней и их вывоз.

1831—1841 годы. Увеличение населения Ирландии с *7767401* до *8175238*

За 10 лет прирост	407 837
За то же время *эмиграция:* (несколько больше 40000 человек в год)	450 873
	858 710

О'Коннел. Движение рипилеров. Личфилдхаусское соглашение с вигами[405]. Голод в отдельных местностях. *Акты о восстании, акты об оружии, исключительные законы.*

IV
ПЕРИОД ПОСЛЕДНИХ 20 ЛЕТ (С 1846 ГОДА). ОЧИСТКА ИМЕНИЙ В ИРЛАНДИИ

Раньше бывали неоднократные случаи голода в той или иной местности. Теперь наступил всеобщий голод.

Этот новый период начался картофельной болезнью (1846—1847 гг.), голодом и последовавшей за ним массовой эмиграцией.

Погибло свыше одного миллиона человек, частью непосредственно от голода, частью от болезней и т. д. (вызванных голодом). За 9 лет, с 1847 по 1855 г., эмигрировало *1656044* человека.

Переворот в старой сельскохозяйственной системе вначале был естественным следствием забрасывания земель. Люди бежали (семьи вскладчину посылали за границу наиболее молодых и предприимчивых). Отсюда естественное слияние мелких арендных участков и замена земледелия пастбищным хозяйством.

Но вскоре к этому присоединились обстоятельства, благодаря которым все это превратилось в сознательно и планомерно осуществляемую систему.

Во-первых, и это *главное:* одним из непосредственных следствий ирландской катастрофы была отмена хлебных законов, Благодаря этому ирландский хлеб потерял свою монополию на английском рынке, которой он пользовался в обычные годы. Цены на хлеб упали. Стало невозможно выплачивать арендную плату. Одновременно в течение последних двадцати лет происходило непрерывное повышение цен на мясо, шерсть и другие продукты животноводства. Невиданный подъем шерстяной промышленности в Англии. Свиноводство было отчасти связано со старой системой. В настоящее время начинают особенно разводить овец и крупный рогатый скот. Ирландия лишилась теперь английского рынка, так же как в свое время в результате акта об унии она лишилась своего собственного.

Побочными моментами, систематически действующими в том же направлении, являются:

во-вторых, преобразования в сельском хозяйстве Англии; в Ирландии — карикатура на эти преобразования,

в-третьих, вследствие бегства доведенных до отчаяния голодающих ирландцев в Англию, в Ливерпуле, Манчестере, Бирмингеме, Глазго все подвалы, трущобы, работные дома были переполнены мужчинами, женщинами и детьми, почти умиравшими от голода. В парламенте прошел закон (1847—1848 гг.), согласно которому ирландские лендлорды должны

оказывать помощь проживающим в их владениях беднякам (английский закон о бедных распространен на Ирландию). Отсюда попытки ирландских (особенно английских) лендлордов, по большей части сильно запутавшихся в долгах, избавиться от людей и очистить свои имения.

В-четвертых, акт об обремененных долгами имениях *(1853 год):*

«Лендлорд оказывался разоренным, потому что он не мог собирать арендную плату, а в то же время был обязан платить огромные налоги на содержание своих соседей-бедняков. Его земля была обременена закладными и платежными обязательствами под ссуды, полученные в период, когда целы на продукты питания были высоки, а он не был в состоянии уплачивать до ним процентов; и вот был издан закон, согласно которому собственность могла быть в ускоренном порядке пущена с аукциона, а выручка распределена между лицами, имевшими на нее законные претензии».

Благодаря этому увеличилось число собственников-абсентеистов (английские капиталисты, страховые компании и т. п.), а также прежних земельных посредников и т. п., которые желали в экономическом отношении хозяйничать по-современному.

Вытеснение арендаторов происходит отчасти путем полюбовного соглашения о прекращении арендного договора. Но еще чаще путем массового *сгона* (насильно, с помощью *«crowbar.* brigade» — «бригады с ломами», которая начинает свое дело с разрушения крыш), насильственного изгнания, (Оно также средство политической кары.) Это продолжается с 1847 г. до сих пор *(Аберкорн,* вице-король Ирландии). Африканские набеги (набеги мелких африканских царьков). (Народ согнан с земли. Голодающее население городов сильно возросло.)

«Арендаторов выбрасывают из коттеджей одновременно целыми дюжинами... Руководят этой операцией земельные агенты. Выполняется она крупными силами полиции и солдат. Под защитой последних «бригада с ломами» приближается к обреченному на гибель поселку, захватывает дома... Солнце, взошедшее утром над деревней, к вечеру садится над пустыней» («Galway Paper») 1852 год. *(Аберкорн)*

Рассмотрим сначала, какое действие эта система оказывает на землю в *Ирландии,* где условия совершенно иные, чем в Англии.

Сокращение посевной площади за 1861—1866 годы

Сокращение площади под хлебными культурами:				*Сокращение площади под кормовыми культурами:*			
1861—1865 гг.	—	428 041	акр	*1861—1865 гг.*	—	107 984	акра
1866 г.	—	42 876	акров	*1866 г.*	—	20 077	акров
Всего		470 917	акров	Всего		128 061	акр

Сокращение сбора каждой культуры с одного статутного акра

За *1847—1865 гг.* происходило сокращение сборов в точном процентном исчислении: *овса* — на 16,3%; *льна* — на 47,9%; *репы* — на 36,1%; *картофеля* — на 50%. В некоторые годы сокращение сборов было еще более значительным, но в общем оно происходило неуклонно с 1847 года.

Установленный средний сбор с одного статутного акра

Пшеница в квартирах	Картофель в тоннах	Лен в стонах (1 стон равен 14 фунтам)
1851 г. — 12,5	5,1	38,6
1866 г. — 11,3	2,9	24,9

Если раньше Ирландия вывозила много пшеницы, то теперь утверждают, что она годится лишь для разведения *овса* (oats) (сборы которого с акра тоже постоянно сокращаются).

На самом деле: в *1866 г.* Ирландия вывезла только 13250 квартеров пшеницы, зато ввезла 48589 квартеров (то есть приблизительно вчетверо больше). Овса же она вывезла около 1 миллиона квартеров (на 1201737 фунтов стерлингов).

С тех пор как началась массовая эмиграция земля не удобрялась и истощалась — отчасти вследствие оголтело проводимого укрупнения ферм, отчасти из-за того, что при системе «корн-эйкр»[406] арендатор в большинстве случаев предоставлял удобрять землю своим батракам вместо того, чтобы делать это самому. Рента и прибыль (там, где арендатор — не крестьянин) могут увеличиваться и при уменьшении урожайности. Весь продукт в целом может уменьшиться, но все более значительная часть его превращается в прибавочный продукт, достающийся лендлорду и (крупному) фермеру. А цена прибавочного продукта увеличится.

Следовательно, *истощение* (постепенное) почвы, как в *Сицилии древними римлянами* (ditto[*] в *Египте).*

Нам сейчас предстоит поговорить о *скоте,* но сначала скажем о *населении.*

Сокращение численности населения

1801 г. — 5 319 867; *1841 г.* — 8 222 664; *1851 г.* — 6 515 794;

1861 г. — 5 764 543. Если развитие пойдет подобным же образом, в *1871 г.* будет 5300000 человек, то есть меньше, чем в 1801 году. Однако я сейчас покажу, что в 1871 г. количество населения будет еще меньше, даже если процент эмигрантов останется неизменным.

[*] — а также. *Ред.*

Эмиграция

Эмиграция, конечно, является отчасти причиной сокращения населения. С *1845* по *1866* г. эмигрировало 1990244 *ирландца,* то есть около *2 миллионов.* (Неслыханно! Примерно $^{2}/_{5}$ *общего числа эмигрантов* из *Соединенного королевства за 1845—1866 годы;* а именно 4657588.) В период с 1831 по 1841 г. эмиграция составила приблизительно *половину прироста* населения за это десятилетие. С 1847 г. она значительно его превысила.

Все же одной эмиграцией нельзя объяснить сокращение населения с 1847 года.

Сокращение естественного ежегодного прироста населения

Этот прирост (ежегодный) за *1821—1841 гг.* составляет 1,1 % или около $1^{1}/_{10}$% в год. Если бы численность населения возрастала в той же пропорции в *1841—1851 гг.,* то в *1851г.* население должно было бы составить 9074514 человек. Однако оно составило только 6515794 человека. Следовательно, имел место дефицит в 2558720. Из этого количества на эмиграцию приходится 1274213 человек. Остается учесть 1284507 человек. Более 1 миллиона умерло с голода. Но это не покрывает всего дефицита в 1284507. Таким образом, естественный прирост населения за 1841—1851 гг. явно уменьшился.

Это подтверждается при рассмотрении *десятилетия с 1851* по *1861 год.* Голода не было. Численность населения упала с 6515794 до 5764543 человек. Абсолютная убыль равна 751251 человеку. Но число эмигрантов за это время составляло свыше 1210000 человек. Значит, прирост населения за 10 лет равнялся почти 460000 человек, поскольку 751251 + 460000 составляет 1211251 человек — число эмигрировавших за это время. Эмиграция поглотила число, равное почти тройному приросту населения. Процент прироста составлял 0,7 ($^{7}/_{10}$) в год, то есть значительно меньше по сравнению с 1,1% в 1831—1841 годах.

Дело объясняется очень просто. Прирост населения в результате рождаемости определяется, главным образом, соотношением между числом лиц в возрасте от 20 до 35 лет и остальным населением. Соотношение же между числом лиц в возрасте от 20 до 35 лет и населением Соединенного королевства равно примерно 1:3,98 или 25,06%, в то время как такое соотношение среди эмигрантов даже в настоящее время равно примерно 1:1,89 или 52,76%. В Ирландии этот процент, вероятно, еще больше.

Ухудшение физического состояния населения

В 1806 г., при общей численности населения в 5574107 человек, число мужчин на 50469 превышало число женщин, а в 1867 г., при общей численности населения в 5557196 человек, имеется превышение числа женщин над числом мужчин. Одновременно *не только относительное,* но и *абсолютное увеличение* среди жителей количества глухонемых, слепых, сумасшедших, слабоумных, инвалидов. Если сопоставить 1851 и 1861 г., то окажется, что при огромном сокращении населения число глухонемых увеличилось на 473 человека по сравнению с их прежним количеством в 5180 человек; число калек и инвалидов — на 225 человек по сравнению с их прежним количеством в 4375 человек; число слепых — на 1092 человека по сравнению с их прежним количеством в 5767 человек; число сумасшедших и слабоумных — на огромную цифру в 4118 человек по сравнению с их прежним количеством в 9980 человек — и достигло в 1861 г., несмотря на убыль населения, 14098 человек.

Заработная плата

Заработная плата поднялась со времени картофельного голода не более, чем на 20%. Цена же на картофель поднялась почти на 200%; на предметы первой необходимости — продовольствие, уголь и т. д. — в среднем на 100%.

Профессор Клифф Лесли пишет в «Economist» *от 9 февраля 1867 года:*

«После сокращения населения за 21 год на две пятых, нормальная заработная плата составляет теперь почти на всем острове лишь 1 шиллинг в день; на шиллинг же в настоящее время купишь не более, чем на 6 пенсов 21 год назад. Вследствие повышения цен на обычные продукты питания положение рабочего стало хуже, чем оно было 10 лет назад».

Голод в различных местностях, особенно в Манстере и Конноте. Постоянное банкротство лавочников. Упадок провинциальных городов и т. д.

Результаты процесса

В течение *1855—1866 гг.* 1032694 ирландца были вытеснены *996877* головами скота (крупным рогатым скотом, овцами и свиньями). Именно таков прирост поголовья скота за это время. Уменьшение количества лошадей за этот период (на 20656 голов) балансируется за счет соответствующего числа овец — из расчета 8 овец на 1 лошадь, — которое таким образом было вычтено из цифры прироста.

Укрупнение ферм

С *1851 по 1861 год:* общее число ферм уменьшилось на 120000. (Число ферм размером от 15 до 30 акров, а также от 30 акров и больше увеличилось.) Таким образом, сокращение в первую очередь затронуло фермы размером от одного до 15 акров.

В 1861 г. из земельной площади (вся площадь Ирландии равна 20319924 акрам) приблизительно $^{3}/_{5}$, или 12 миллионов акров, находилось у *569844 арендаторов,* владевших участками размером от одного до 100 акров.

Около $^{2}/_{5}$ площади (8 миллионов акров) арендовалось участками размером от 100 до 500 и более акров *(31927* арендаторов).

Процесс укрупнения ферм идет полным ходом: Ольстер (льноводство, арендаторы — шотландские протестанты).

«Times» и др. официально поздравляют с этой системой вице-короля Аберкорна. Он сам — один из этих разорителей. Лорд Дафферин: избыток населения и т. п.*

Итак, вопрос жизни и смерти.

Мигер, Хеннесси, «Irishman».

Сокращение числа преступлений в Ирландии

Привлечено к суду	*Осуждено*
1852 г. — 17 678	10 454
1866 г. — 4 326	2 418

V

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ФЕНИАНСТВО

Написано К. Марксом около 16 декабря 1867 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

---

* См. настоящий том, стр. 623, 630. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИСТОРИЯ ИРЛАНДИИ [407]

*Написано Ф. Энгельсом в мае —
первой половине июля 1870 г.*

*Впервые опубликовано на русском языке
в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, 1948 г.*

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

В северо-западном углу Европы находится страна, история которой будет занимать наше внимание; это — остров, размерами в 1530 немецких или 32500 английских квадратных миль, Но между Ирландией и остальной Европой расположился остров втрое большей величины, который мы ради краткости обыкновенно называем Англией; он целиком охватывает Ирландию с севера, востока и юго-востока и оставляет перед ней открытое пространство лишь в сторону Испании, Западной Франции и Америки.

Разделяющий эти два острова пролив, ширина которого на юге в самых узких местах равна 50—70 английским милям, на севере в одном месте — 13 милям, в другом — 22 милям, позволил на севере ирландским скоттам еще до пятого века переселиться на соседний остров и основать там шотландское государство. На юге этот пролив был слишком широк для лодок ирландцев и бриттов и являлся серьезным препятствием даже для плоскодонных каботажных судов самих римлян. Однако, когда фризы, англы и саксы, а после них скандинавы отважились выходить на своих килевых судах в открытое море, за пределы видимости суши, этот пролив перестал служить препятствием; Ирландия подверглась пиратским набегам скандинавов и сделалась легкой добычей для англичан. Как только норманны создали в Англии единую крепкую правительственную власть, стало давать себя знать воздействие более крупного из расположенных по соседству островов, — в те времена это означало завоевательную войну[408].

Затем, во время этой войны, наступил период, когда Англия завоевала господство на море, и тем самым была исключена

возможность всякого успешного постороннего вмешательства.

Поскольку, наконец, более крупный остров весь объединился в одно государство, то это последнее должно было стремиться также и к полной ассимиляции Ирландии.

Если бы эта ассимиляция удалась, то ход ее следовало бы целиком отнести к области истории. Он подлежал бы ее приговору, но возврат к прошлому был бы уже невозможен. Но если, после семивековой борьбы, ассимиляция *не* удалась, если, наоборот, за каждой из новых волн, одна за другой наводнявших Ирландию завоевателями, следовала их ассимиляция самой *Ирландией,* если ирландцы и в настоящее время еще так же мало стали англичанами, или так называемыми «западными британцами», как поляки, которые подвергаются угнетению только сто лет, — «западными русскими», если борьба все еще не окончена и нет никаких видов на ее окончание иным способом, кроме истребления угнетенной race[*], — то никакими географическими ссылками нельзя будет доказать, что Англия призвана покорить Ирландию.

Чтобы понять свойства почвы современной Ирландии, мы должны обратиться к далекому прошлому, именно к той эпохе, когда образовалась так называемая каменноугольная формация[**].

Центральная часть Ирландии, к северу и к югу от линии Дублин — Голуэй, представляет собой обширную равнину, возвышающуюся в среднем на 100—300 футов над уровнем моря. Эта равнина, иными словами, основная плоская поверхность всей Ирландии, образована мощной толщей известняка, который составляет среднюю часть каменноугольной формации (горный известняк, carboniferous limestone) и над которым в Англии и в других местах непосредственно расположены угленосные пласты (каменноугольная порода в собственном смысле, coal measures).

На юге, так же как на севере, эта равнина окружена горной цепью, которая большей частью прилегает к берегу и образована почти сплошь выступающими из-под известняка горными породами более древних формаций: гранитом, слюдистым

---

[*] — расы, народа. *Ред.*

[**] Всюду, где отсутствует указание на другой источник, приводимые в тексте геологические данные заимствованы из книги: J. Beete Jukes. «The Student's Manual of Geology». New Edition. Edinburgh, 1862 [Дж. Бит Джукс. «Учебное руководство по геологии». Новое издание, Эдинбург, 1862]. Джукс был председателем местного ведомства по геологическому обследованию Ирландии и, следовательно, в этой области, которую он особенно подробно рассматривает, он является первоклассным авторитетом.

Naturbedingungen.

Первая страница рукописи Ф. Энгельса
«История Ирландии»

сланцем, кембрийскими, кембро-силурийскими, верхне-силурийскими и девонскими, а также принадлежащими к самой нижней части каменноугольной формации глинистыми сланцами и песчаниками, богатыми медью и свинцом и содержащими кроме того небольшие примеси золота, серебра, олова, цинка, железа, кобальта, сурьмы и марганца.

Лишь в немногих местах известняк сам образует горы: в центре равнины, в Куинс-Каунти[409], — высотою до 600 футов, и на западе, на южном берегу Голуэйской бухты, — высотою до 1000 футов (Баррен-Хилс).

В южной половине известняковой равнины в некоторых местах встречаются отдельные, образованные из угленосных пластов, горные кряжи, которые возвышаются на 700—1000 футов над уровнем моря и значительны по своим размерам. Они расположены в корытообразных котловинах известняковой равнины, поднимаясь из них в виде плато с довольно крутыми скатами.

«Склоны этих далеко отстоящих друг от друга каменноугольных гор настолько однородны, и пласты, из которых они состоят, обладают таким полным сходством, что нельзя предположить ничего иного, кроме того, что первоначально они тянулись сплошными полосами через все пространство, хотя сейчас их отделяет друг от друга расстояние в 60—80 миль... Такой взгляд особенно подтверждается тем, что в промежутках между сохранившимися еще каменноугольными месторождениями местами встречаются отдельные небольшие холмы, вершины которых тоже состоят из каменноугольных пород, и что повсюду, где произошло опускание известняковой равнины ниже уровня современной поверхности, образовавшиеся углубления заполнены самыми нижними пластами каменноугольной формации» (Джукс, стр. 286).

Ряд других обстоятельств, останавливаться на которых здесь значило бы вдаваться в излишние подробности, — о них можно прочитать у Джукса на стр. 286—289 — также делает несомненным тот факт, что вся центральная ирландская равнина, как говорит Джукс, возникла в результате денудации, а именно: после размывания каменноугольной породы и верхней части известняковой толщи мощностью в среднем, по крайней мере, в 2000—3000, а может быть, и в 5000—6000 футов — наружу выступили преимущественно нижние пласты известняка. Даже на самом высоком хребте Баррен-Хилс (графство Клэр), которые состоят из чистого известняка и достигают высоты в 1000 футов, Джукс обнаружил небольшое наслоение каменноугольной породы (стр. 513).

Следовательно, на юге Ирландии все еще остается несколько довольно значительных полос каменноугольной породы; но среди них лишь в отдельных редких местах встречаются угольные

залежи, достаточно массивные для того, чтобы стоило заниматься их разработкой. К тому же и самый этот уголь является антрацитовидным, то есть содержит мало водорода и без примесей не всегда может быть использован для промышленных целей.

На севере Ирландии также встречается несколько угольных месторождений, не слишком обширных, но обладающих смолистым углем, то есть обыкновенным каменным углем с богатым содержанием водорода; расположение пластов здесь не совсем совпадает с тем, которое встречается в южных угольных районах. Но что и здесь имел место тот же процесс размыва каменноугольных пород, явствует из того, что на поверхности известняковой долины, расположенной к юго-востоку от одного такого угольного месторождения, в направлении к Белтербету и Мохиллу встречаются большие куски угля с примесью песчаника и синего суглинка, принадлежащих к той же формации. Тем, кто копал колодцы в наносной почве этой местности, часто приходилось наталкиваться на большие глыбы угля, и в отдельных случаях количество угля было так велико, что дальнейшее углубление должно было, казалось, привести к угольным залежам (Кейн. «Промышленные ресурсы Ирландии», 2-е издание, Дублин, 1845, стр. 265[410]).

Мы видим, что бедствия Ирландии весьма древнего происхождения; им было положено начало непосредственно после образования пород каменноугольной формации. Страна, угольные залежи которой подверглись размыву и которая расположена подле более крупной, богатой углем страны, как бы самой природой была уже осуждена на то, чтобы лицом к лицу с этой в будущем промышленной державой длительное время оставаться на положении крестьянской страны. Этот приговор, вынесенный миллионы лет тому назад, был приведен в исполнение только в нашем веке. Впрочем, мы позже увидим, как англичане приходили на помощь природе, как грубо растаптывали они почти каждый росток ирландской промышленности, стоило ему только появиться на свет.

Более поздние отложения, вторичной и третичной эпохи[411], встречаются почти исключительно на северо-востоке; при этом для нас представляют интерес главным образом пласты кейпера в окрестностях Белфаста, содержащие слои более или менее чистой каменной соли толщиной до 100 футов (Джукс, стр. 554), а также мел, покрывающий все графство Антрим и в свою очередь покрытый слоем базальта. В общем и целом история геологического развития Ирландии прерывается с конца каменноугольной формации вплоть до ледникового периода.

Известно, что вслед за третичной эпохой наступило время, когда в средних широтах Европы все равнины были затоплены морем и когда в Европе стоял такой холод, что долины выступавших еще горных островов были заполнены глетчерами, которые спускались до самого моря. Айсберги, которые отделялись от этих ледников, увлекали с собой в море оторванные от гор крупные и мелкие каменные глыбы; когда лед стаивал, эти глыбы, как и вообще все, что бывало унесено с суши льдом, опускались на дно, — процесс, который до сих пор изо дня в день совершается у побережья полярных стран.

В ледниковый период Ирландия, за исключением ее горных вершин, была тоже погружена в море. Наибольшая глубина погружения была, вероятно, не везде одинаковой, но в среднем ее можно принять равной 1000 футам по отношению к теперешнему уровню; гранитные породы к югу от Дублина опустились, наверное, на 1200 футов с лишним.

Если бы Ирландия опустилась даже всего на 500 футов, то от нее остались бы только горные цепи, которые двумя группами островов, в форме двух полукругов, окаймляли бы широкий пролив, идущий от Дублина до Голуэя. При еще более глубоком погружении острова только уменьшились бы в своих размерах и число их сократилось бы, а при опускании на 2000 футов, из воды выступали бы только самые высокие горные вершины*.

Во время медленного опускания острова с поверхности известняковой равнины и горных склонов неизбежно оказались смытыми находившиеся на ней различные древние породы; затем на всей покрытой водой площади стали отлагаться характерные для ледникового периода «наносные пески». Продукты выветривания скалистых островов, а также размолотые в мелкие частицы куски горных пород, которые отрывались ледниками, медленно и грузно прокладывавшими себе путь в долинах и выскрёбывавшими их поверхность, — земля, песок, гравий, камни, глыбы, гладко отшлифованные в местах, покрытых льдом, с острыми краями на поверхности — все это выносилось в море отделявшимися у берега айсбергами, а затем постепенно опускалось на дно. Пласт, который создавался таким путем, состоит, в зависимости от обстоятельств, из суглинка (образовавшегося из глинистого сланца), из песка (образовавшегося из кварца и гранита), из известнякового гравия (образовавшегося из известняка), из мергеля (там, где

* Из 32509 англ. кв. миль, составляющих площадь Ирландии, на высоте до 250 футов над уровнем моря находится 13243 кв. миль; на высоте от 251 до 500 футов — 11797 кв. миль; от 501 до 1000 футов — 5798 кв. миль; от 1001 до 2000 футов — 1580 кв. миль; от 2001 футов и выше — 82 кв. мили.

к суглинку примешан мелко истолченный известняк), или из смеси всех этих составных частей; но во всех случаях этот пласт содержит множество более или менее крупных, то круглых, то остроугольных камней — вплоть до тех колоссальных эрратических валунов, которые в Ирландии встречаются еще чаще, чем в Северо-Германской низменности или между Альпами и Юрой.

Когда впоследствии суша вновь выступила из моря, эта новообразованная поверхность получила, по крайней мере по грубому сходству, свои современные очертания. При этом процесс размыва поверхности в Ирландии был, по-видимому, весьма незначителен: за немногим исключением, наносные пески покрывают более или менее толстым слоем всю равнинную местность, тянутся по всем долинам вдоль склонов гор, и их часто можно обнаружить даже высоко на горных скатах. Встречающиеся в них камни состоят большей частью из известняка, потому и весь этот пласт обыкновенно носит название известнякового гравия (limestone gravel). По всей низменности разбросано также множество крупных глыб известняка, по одной или по нескольку почти на каждом поле; само собой разумеется, что вблизи гор, наряду с известняком, в большом количестве встречаются и происшедшие от этих гор местные породы, особенно — гранит. С северной стороны Голуэйской бухты гранит часто встречается на простирающейся по направлению к юго-востоку равнине, вплоть до Галтийских гор, в направлении же к Маллоу (графство Корк) он попадается лишь местами.

Северная часть страны, так же как и центральная равнина, покрыта наносными песками, достигающими здесь тех же высот над уровнем моря. В южной части между различными, пересекающими ее более или менее параллельно горными цепями, мы находим сходное отложение местных горных пород, по большей части силурийской формации; эти отложения встречаются в большом количестве особенно в долине Флеска и Лона близ Килларни.

Следы глетчеров -на горных склонах и на дне долин весьма распространены и отчетливо видны, главным образом, на юго-западе Ирландии. Насколько мне помнится, только в Оберхасли и в отдельных местностях Швеции я имел возможность увидеть различные следы ледников, выступающие более рельефно, чем те, которые я видел близ Килларни (в Блэк-Валли и в ущелье Данло).

Поднятие земной поверхности во время ледникового периода или после него было, по-видимому, настолько значительно, что Британия на некоторое время оказалась связанной сушей

не только с материком, но и с Ирландией. Только таким образом, кажется, и можно объяснить одинаковый характер фауны этих стран. Из вымерших крупных млекопитающих в Ирландии, так же как и на материке, водились: мамонт, ирландский широкорогий олень, пещерный медведь, разновидность северного оленя и т. д. Действительно, было бы достаточно поверхности подняться меньше чем на 240 футов над ее теперешним уровнем, чтобы соединить Ирландию и Шотландию широкой полосой суши, и меньше чем на 360 футов, чтобы соединить таким же образом Ирландию и Уэльс*. То, что после ледникового периода поверхность Ирландии достигала некогда более высокого уровня, чем в настоящее время, доказывает распространение на всем побережье подводных торфяных болот с вертикально расположенными пнями и корнями деревьев, а также и их полное тождество с нижними слоями торфяных болот, находящихся в соседних внутренних областях страны.

Почва Ирландии — а мы рассматриваем ее с точки зрения земледелия — образовалась, стало быть, почти исключительно из «наносных песков» ледникового периода, которые здесь, благодаря их происхождению из сланца и известняка, представляют собой в высшей степени плодородный, легкий, суглинистый почвенный покров, в отличие от тех бесплодных песчаных наносов, являющихся продуктами разрушения шотландских, скандинавских и финляндских гранитов — наносов, которыми покрыта столь обширная область Северной Германии. Разнообразие горных пород, продукты разрушения которых получала и продолжает получать эта почва, обеспечило ее соответствующим количеством разнообразных, необходимых для жизни растений минеральных составных частей; и если одна из них, а именно известь, нередко отсутствует во вспахиваемом слое, то — не говоря уже о подпочвенном твердом слое известняка — более или менее крупные глыбы известняка, которые в изобилии встречаются повсюду, дают возможность добавлять ее в почву без всякого труда.

Известный английский агроном *Артур Юнг,* путешествуя по Ирландии в 70-х годах прошлого века, не знал, чему он должен больше удивляться, естественному ли плодородию почвы или варварскому ее использованию крестьянами. «Легкая, сухая, мягкая, богатая песком суглинистая почва» преобладает повсюду,

* См. карту 15[a] в учебном атласе Штилера, издания 1868 года[412]. Эта карта, равно как и специальная карта Ирландии (№ 15[d]), дает очень наглядное представление об устройстве поверхности.

где вообще имеется хорошая земля. В «золотой долине» Типперэри, а также и в других местах, Юнг нашел

«тот же песчаный красноватый суглинок, который мне уже приходилось описывать как несравненную почву для земледелия». Оттуда в сторону Клонмела «все время идешь по роскошному слою красного песчаного суглинка, о котором я столь часто упоминаю; я исследовал его на различных полях и нашел, что он исключительно плодороден; для репы это самая лучшая почва, какую я когда-либо видел».

Далее:

«Плодородная земля тянется от Чарлвилла, расположенного у подошвы гор, до Типперэри» (города) «через Килфенанн, это — полоса длиной в 25 миль, а шириной (от Ардпатрика и не доходя четырех миль до Лимерика) в 16 миль». — «Самая богатая почва встречается в «Corcasses» на реке Мейг, близ Адэра, — полоса длиной в пять миль и шириной в две мили, расположенная вниз по течению реки вплоть до впадения ее в Шаннон... После вспашки эту землю сначала засевают овсом и снимают 20 барелей» (каждый содержит 14 стон, или 196 фунтов), «иначе говоря 40 обычных бочек с акра, и это не считается особенно богатым урожаем; овес продолжают сеять десять-двенадцать лет подряд, пока сборы не становятся более скудными; тогда один раз сеют бобы, и это настолько оздоровляет почву, что из нее опять можно выжать десять урожаев овса подряд; бобы дают очень хороший урожай... Слыхали ли где-нибудь о подобном варварстве?»

Далее, о местности Касл-Оливер в графстве Лимерик:

«Лучшая почва встречается здесь у подножия гор; это — превосходный, мягкий, рассыпчатый, богатый перегноем песчаный суглинок, толщиной от полутора до трех футов, красновато-коричневого цвета. Эта сухая земля великолепно годилась бы для репы, моркови, капусты — словом, для чего угодно. В целом, я считаю ее самой плодородной почвой, какую я когда-либо видел; она пригодна для любой цели, какую только можно себе представить. На ней можно откормить самого крупного быка, и столь же хороша она для разведения овец, для земледелия, для выращивания репы, пшеницы, бобов, для чего угодно. Нужно самому исследовать эту почву, чтобы поверить, что такая нищенская на вид земля может быть столь богата и плодородна».

У реки Блэкуотер, близ Маллоу,

«имеются равнины, шириной до четверти мили, покрытые всюду поразительно хорошей травой. Это самая замечательная песчаная почва, какую я когда-либо видел, красновато-коричневого цвета; если ее вспахивать, она способна приносить самые богатые в мире урожаи. Толщиной она в пять футов, и хотя из нее можно и выжигать отличные кирпичи, все же это — чистейший песок. Берега этой реки от ее истоков до самого моря одинаково замечательны как красотой своего ландшафта, так и своим плодородием». — «Рассыпчатый, песчаный суглинок, сухой, но плодородный, здесь можно встретить очень часто, он образует лучшую в стране почву для земледелия и овцеводства. Особенно богаты им Типперэри и Роскоммон. Наиболее плодородными являются пастбища для крупного рогатого скота в Лимерике и на берегу Шаннона, в графстве Клэр, — так называемые Corcasses... Тот песок, который так часто встречается в Англии и еще чаще по всей Испании, Франции, Германии и Польше, — на всем протяжении от Гибралтара до Петербурга, — в Ирландии нигде нельзя обнару-

жить, не считая узких полос дюн на побережье. Меловую почву я тоже нигде там не видел и ничего о ней не слыхал»*.

Суждение Юнга о почве Ирландии резюмировано им в следующих словах:

«Если бы мне надо было указать признаки наилучшей почвы, я сказал бы: это *такая* почва, на которой можно откормить быка и в то же время получить хороший урожай репы. Кстати говоря, в Англии такой земли, насколько я помню, очень мало, или даже вовсе нет, наоборот, в Ирландии она совсем не редкость» (т. II, стр. 271). — «Сравнение акра ирландской с акром английской земли по естественному плодородию почвы определенно говорит в пользу Ирландии» (т. II, ч. 2, стр. 3). — «Насколько я могу судить о почве обоих королевств, следует признать значительное превосходство почвы Ирландии» (т. II, ч. II, стр. 12).

В 1808—1810 гг. по Ирландии путешествовал также сведущий в агрономии англичанин, Эдуард *Уэйкфилд,* который изложил результаты своих наблюдений в очень ценном сочинении**. Его заметки лучше обработаны, более систематизированы и обстоятельны, чем заметки в путевых очерках Юнга; в общем же мнения обоих авторов сходятся.

Уэйкфилд находит, что все местности Ирландии в общем мало различаются в отношении качества почвы. Песок встречается только на побережье (внутри страны он так редок, что для мелиорации торфяной и глинистой почвы туда приходится подвозить большие количества морского песку); меловой почвы Ирландия не знает (в Антриме мел покрыт, как уже было упомянуто, слоем базальта, и продукты выветривания последнего дают чрезвычайно плодородную пахотную землю, — в Англии же мел образует наихудшую почву); «вязкую глинистую почву, какая встречается в Оксфордшире, в некоторых местностях Эссекса и во всем верхнем Суффолке, в Ирландии я нигде не мог обнаружить». Ирландцы называют всякую суглинистую почву «глиной» (clay); возможно, что в Ирландии и имеется настоящая глина, но во всяком случае не в верхнем слое, как в некоторых частях Англии. Известняк и известняковый гравий встречаются в Ирландии почти повсюду; «известняк — полезная вещь, которую легко превратить в источник богатства и которая всегда может быть использована с выгодой». Горы и торфяные болота, правда, значительно сокращают площадь плодородной земли. На севере плодородной земли мало, но и здесь в каждом

* «A Tour in Ireland» by Arthur Young. 3 vol., London, 177 ... [Артур Юнг. «Путешествие по Ирландии». 3 тома, Лондон, 177...], Приведенные выше места взяты из второго тома, стр. 28, 135, 143, 154, 165 и из 2-й части того же тома, стр. 4.

** «An Account of Ireland, Statistical and Political». By Edward Wakefield. London, 1812, 2 vol., in 4° [Эдуард Уэйкфилд. «Статистическое и политическое описание Ирландии». Лондон, 1812, 2 тома, in 4°].

графстве встречаются роскошнейшие долины, и даже в расположенном на крайнем севере Донеголе, среди самых диких гор, Уэйкфилд неожиданно обнаружил весьма плодородную полосу земли. Сильно развитая культура льна на севере сама по себе является уже достаточным признаком плодородия, ибо это растение никогда хорошо не произрастает на скудной почве.

«Значительная часть земельной площади в Ирландии покрыта пышной травой, которая растет почти прямо на твердом слое известняка. Я видел, как на почве, которая была лишь в несколько дюймов толщиной и на которой даже в самое дождливое время года лошадиное копыто не оставляло следа, быстро откармливались быки весом в 14 центнеров. Это *один* из видов плодородной почвы Ирландии, он встречается повсюду в Роскоммоне и в отдельных местах в Голуэе, Клэре и т. д. Некоторые местности обладают самым богатым суглинком, какой я когда-либо видел под пашней; в особенности это относится ко всему Миту. Там, где встречается такая почва, ее плодородие настолько очевидно, что кажется, будто природа задалась целью возместить населению ущерб от применяемой им примитивной системы обработки земли. — На берегах Шаннона и Фергюса почва опять-таки другого сорта, однако она столь же плодородна, хотя поверхность земли выглядит здесь почти как болото. Эти места называются «Caucasses»» (Уэйкфилд так пишет их название в отличие от Юнга); «подпочвенный слой представляет собой тонкий, синий ил морского происхождения, который имеет, по-видимому, те же свойства, что и пахотная земля, поэтому такой почве нельзя повредить никаким, даже самым глубоким распахиванием. — В графствах Лимерик и Типперэри встречается опять-таки новый вид богатой почвы: это — темный, рассыпчатый, сухой, песчаный суглинок, который способен давать урожай хлеба по нескольку лет подряд, лишь бы только его очищали от сорной травы. Он одинаково пригоден для пашни и для пастбища, и я беру на себя смелость утверждать, что редко какой-нибудь год был для него чересчур дождливым или какое-нибудь лето слишком засушливым. Плодородие этой почвы отчасти объясняется тем, что смываемые дождем с вершин частицы почвы отлагаются потом в долине. Подпочвенный слой содержит известь, так что наилучшее удобрение уже снизу повсюду проникает в почву, без затраты какого-либо труда со стороны крестьян» (т. I, стр. 79, 80).

Когда более жесткий суглинок лежит прямо на твердом пласте известняка не очень толстым слоем, то такая земля не годится для земледелия и дает лишь скудные урожаи хлеба; но она служит превосходным пастбищем для овец; от этого она еще больше улучшается, покрываясь густой травой, смешанной с белым клевером и...* (т. I, стр. 80).

На западе, в особенности в Мейо, встречаются, по свидетельству д-ра Бофора**, многочисленные turloughs — более или менее крупные равнины, которые в зимнее время покрываются водой, хотя в них незаметно присутствия ни рек, ни ручьев;

* В рукописи Энгельса пропуск, у Уэйкфилда: «диким бедренцом». *Ред.*

** Beaufort, Revd. Dr. «Memoir of a Map of Ireland». 1792, p. 75—76 [Бофор, его преподобие д-р. «Объяснение к карте Ирландии». 1792, стр. 75—76]; цитируется Уэйкфилдом,т. I,стр. 36.

летом вода стекает в подземные трещины известнякового пласта, оставляя после себя прекрасную твердую почву для пастбищ.

«Помимо области Caucasses», — продолжает Уэйкфилд, — «лучшая почва в Ирландии имеется в графствах Типперэри, Лимерике, Роскоммоне, Лонгфорде и Мите. В Лонгфорде есть ферма (Гранард-Килл), давшая без всякого удобрения, восемь сборов картофеля подряд. В некоторых местах графства Корк земля отличается необычайным плодородием, и в общем можно сказать, что почва Ирландии превосходна по своему качеству, хотя я и не могу пойти в ее оценке так же далеко, как некоторые авторы, полагающие, что она, — если сопоставить акр той и другой земли, — значительно лучше почвы Англии» (т. I, стр. 81).

Последнее замечание, направленное против Юнга, основано на неправильном понимании его высказывания, которое мы цитировали выше. Юнг не утверждает, что почва Ирландии дает большие урожаи, чем почва Англии, если взять ту и другую в их современном культурном состоянии, которое в Англии, разумеется, гораздо выше; Юнг говорит только, что *естественное* плодородие почвы в Ирландии выше, чем в Англии, а этого-то как раз не отрицает и Уэйкфилд.

В 1849 г., после недавнего голода[413], один шотландский агроном г-н *Кэрд,* был отправлен сэром Робертом Пилем* в Ирландию для представления отчета о способах улучшения местного земледелия. В опубликованной им вскоре после этого работе о Западной Ирландии, — наряду с крайним северо-западом, это худшая часть страны, —говорится следующее:

«Я был весьма изумлен, найдя там такую обширную площадь прекрасной, плодородной земли. Внутренняя часть этой страны весьма ровная и в основном каменистая и сухая; почва здесь сухая и рассыпчатая. Влажность климата порождает очень устойчивую растительность, что имеет свои выгодные и невыгодные стороны. Это выгодно для трав и кормовых культур**, но требует также значительных и непрерывных усилий для выпалывания сорняков. Обнаруживаемый повсюду избыток извести, как в самих твердых горных породах, так и в подпочвенном слое, в виде песка и гальки, представляет огромную ценность».

Кэрд подтверждает также, что вся поверхность графства Уэстмит состоит из превосходнейшей пастбищной земли. О местности к северу от Лох-Корриб (графство Мейо) он пишет:

«Значительнейшая часть ее» (речь идет об одной ферме с 500 акрами земли) «представляет собой превосходное пастбище для овец и крупного рогатого скота; это — сухая, рассыпчатая почва с волнообразной поверхностью, вся она лежит на твердом слое известняка. Поля, покрытые пышной, растущей здесь издавна травой, превосходят по своему качеству все,

* В рукописи над словом «сэром» написано: «министерством». *Ред.*

** Выражение «кормовые культуры» («green crops») охватывает все искусственно выращиваемые кормовые растения, корнеплоды всех сортов и картофель, — словом все, за исключением хлеба, трав и садовых растений.

что имеется в любой из частей Шотландии, за исключением отдельных небольших местечек, — по крайней мере, насколько я могу припомнить. Лучшие участки этой земли *слишком хороши для вспашки,* но около половины ее можно было бы с выгодой использовать под пашней... Весьма замечательна та быстрота, с какой на этом твердом известняковом подпочвенном слое восстанавливается почва, и земля сама, без каких-либо посевов, превращается снова в пастбище»*.

В заключение послушаем еще одного авторитетного французского писателя**.

«Из двух частей Ирландии одна, северо-западная, охватывает четверть острова, а именно весь Коннот с прилегающими к нему графствами Донегол, Клэр и Керри. Она напоминает Уэльс, а в своих худших местах — даже горную Шотландию. Здесь, кроме того, имеется два миллиона гектаров пустоши, страшный вид которой породил ирландскую поговорку: «убирайся в преисподнюю или в Коннот!»***. Другая, гораздо более обширная часть Ирландии, юго-восточная, охватывает Ленстер, Ольстер и Манстер, то есть около шести миллионов гектаров площади. По естественному плодородию почвы она *во всяком случае не уступает* самой Англии. Однако почва там не везде одинакова, а атмосферные осадки еще обильнее, чем в Англии. Обширные торфяные болота покрывают около десятой части Поверхности; более одной десятой составляют озера и горы. Из восьми миллионов гектаров в Ирландии возделываются только пять миллионов гектаров» (стр. 9, 10). — «Даже сами англичане признают превосходство Ирландии в отношении качества почвы... Из восьми миллионов гектаров, о которых говорилось выше, около двух миллионов занимают утесы, озера и торфяные болота; другие два миллиона представляют собой довольно скверную землю. Остальное пространство, то есть около половины всей страны, — превосходнейшая земля с подпочвой из известняка. Чего же лучшего можно желать?» (стр. 343).

Как мы видим, все авторитеты единодушно подтверждают, что почва Ирландии как по своему химическому составу, так и по своей механической структуре содержит в себе все элементы плодородия в необычайно большом количестве. Крайностей здесь вовсе не бывает — ни жесткой, непроницаемой глины, которая не пропускает воду, ни рассыпчатого песка, который не может задержать ее ни на час. Зато Ирландия имеет другие недостатки. Так как горы в ней находятся главным образом на побережье, то водоразделы между различными речными бассейнами внутри страны расположены большей частью очень низко. Реки не в состоянии унести всю дождевую

---

* Caird. «The Plantation Scheme, or the West of Ireland as a Field for Investment». Edinburgh, 1850 *[Кэрд.* «План колонизации, или Западная Ирландия как область для капиталовложений». Эдинбург, 1850]. Приведенные выше места находятся на стр. 6, 17—18, 121. В 1850—1851 гг. Кэрд опубликовал в «Times» путевые очерки о состоянии земледелия в главных графствах Англии.

** Leonce de Lavergne. «Rural Economy of England, Scotland and Ireland». Translated from the French. Edinburgh, 1855 [Леонс де Лавернь. «Сельское хозяйство в Англии, Шотландии и Ирландии». Перевод с французского. Эдинбург, 1855].

*** Эта поговорка, как будет выяснено ниже, обязана своим происхождением не сумрачным горам Коннота, а самому мрачному периоду во всей истории Ирландии[414].

воду в море, и поэтому во внутренних областях, особенно вдоль водоразделов, образуются обширные торфяные болота. На одной только центральной равнине целых 1576000 акров покрыты этими болотами. Большей частью это котловины или впадины в земной поверхности, чаще всего — неглубокие водоемы прежних озер, которые постепенно зарастали мхом и болотными растениями и заполнялись их отмирающими остатками. Они служат, как и наши северогерманские болота, только для добывания торфа. При существующей системе земледелия их края можно лишь постепенно приспособить для возделывания. Дно этих старых озерных водоемов везде состоит из мергеля, который содержит известь (процент ее колеблется от 5 до 90), полученную из скорлупы пресноводных озерных раковин. Таким образом, каждое из этих торфяных болот заключает в своих собственных недрах материал, необходимый для того, чтобы сделать его пригодным к обработке. Кроме того, большинство этих болот богато железняком. Наряду с этими болотами равнины имеется еще 1254000 акров горных болот — результат обезлесения в условиях влажного климата; они являются своеобразным украшением Британских островов. Повсюду, где плоские или лишь слегка покатые вершины гор подверглись обезлесению, — а в XVII веке и в первой половине XVIII века это происходило в массовом масштабе, поскольку нужно было обеспечить железоделательные заводы древесным углем, — в этих местах под влиянием дождей и туманов образовался торфяной покров, распространявшийся затем при благоприятных условиях на горные склоны. Все хребты горной цепи, пересекающей Северную Англию с севера на юг в направлении к Дерби, покрыты такими болотами; и повсюду, где на карте Ирландии отмечены крупные группы гор, в изобилии встречаются и горные болота. Однако сами по себе торфяные болота Ирландии отнюдь не являются безнадежно потерянными для земледелия: в свое время мы, наоборот, увидим, какой богатый урожай могут дать при надлежащей обработке некоторые из этих болот, а также и те два миллиона гектаров (5 миллионов акров) «довольно скверной земли», о которых с пренебрежением отзывается Лавернь.

Климат Ирландии определяется ее положением. Гольфстрим и преобладающие юго-западные ветры приносят ей тепло и делают зиму мягкой, а лето прохладным. На юго-западе лето продолжается до самой середины октября, который, по Уэйкфилду (т. I, стр. 221), считается здесь наилучшим месяцем для морских купаний. Морозы редки и непродолжительны, снег

почти никогда не лежит на равнинах. В открытых с юго-запада и защищенных с севера бухтах Керри и Корка всю зиму стоит весенняя погода; здесь, а также и в некоторых других местах, мирт растет прямо на открытом воздухе (Уэйкфилд указывает в качестве примера на одно имение, где миртовые деревья достигали 16 футов высоты и употреблялись на метлы, т. I, стр. 55), а лавр, arbutus* и другие вечнозеленые растения поднимаются ввысь высокими деревьями. Еще во времена Уэйкфилда крестьяне на юге в течение всей зимы держали картофель под открытым небом и, начиная с 1740 г., он ни разу не бывал обмороженным. Зато тяжелые тучи, идущие с Атлантики, проливают на Ирландию первые бурные потоки дождя. Среднее количество дождевых осадков в Ирландии достигает по крайней мере 35 дюймов, что значительно превышает их среднее количество в Англии, но безусловно меньше, чем среднее количество их в Ланкашире и Чешире, и едва ли больше, чем во всей Западной Англии. Тем не менее, климат Ирландии несомненно более приятный, чем английский. Вместо свинцового неба, с которого в Англии так часто целыми днями моросит, не прерываясь, дождь, мы видим там большей частью континентальное апрельское небо; свежие морские ветры стремительно и внезапно заволакивают его облаками, но так же быстро разгоняют их вновь, если они не успеют тотчас же пролиться бурным ливнем. И даже поздней осенью, когда дожди идут целыми днями, они не имеют здесь такого затяжного характера, как в Англии, Характер погоды, как и жителей, в Ирландии более резко очерчен, переход от одной крайности к другой происходит более стремительно и непосредственно; небо напоминает лицо ирландской женщины: туча и солнечный луч появляются на нем так же внезапно и так же неожиданно, но для серой английской скуки нет места.

Древнейшее свидетельство о климате Ирландии сохранил для нас римский писатель *Помпоний Мела* (автор книги «О расположении земли»), живший в I веке нашей эры. Он пишет:

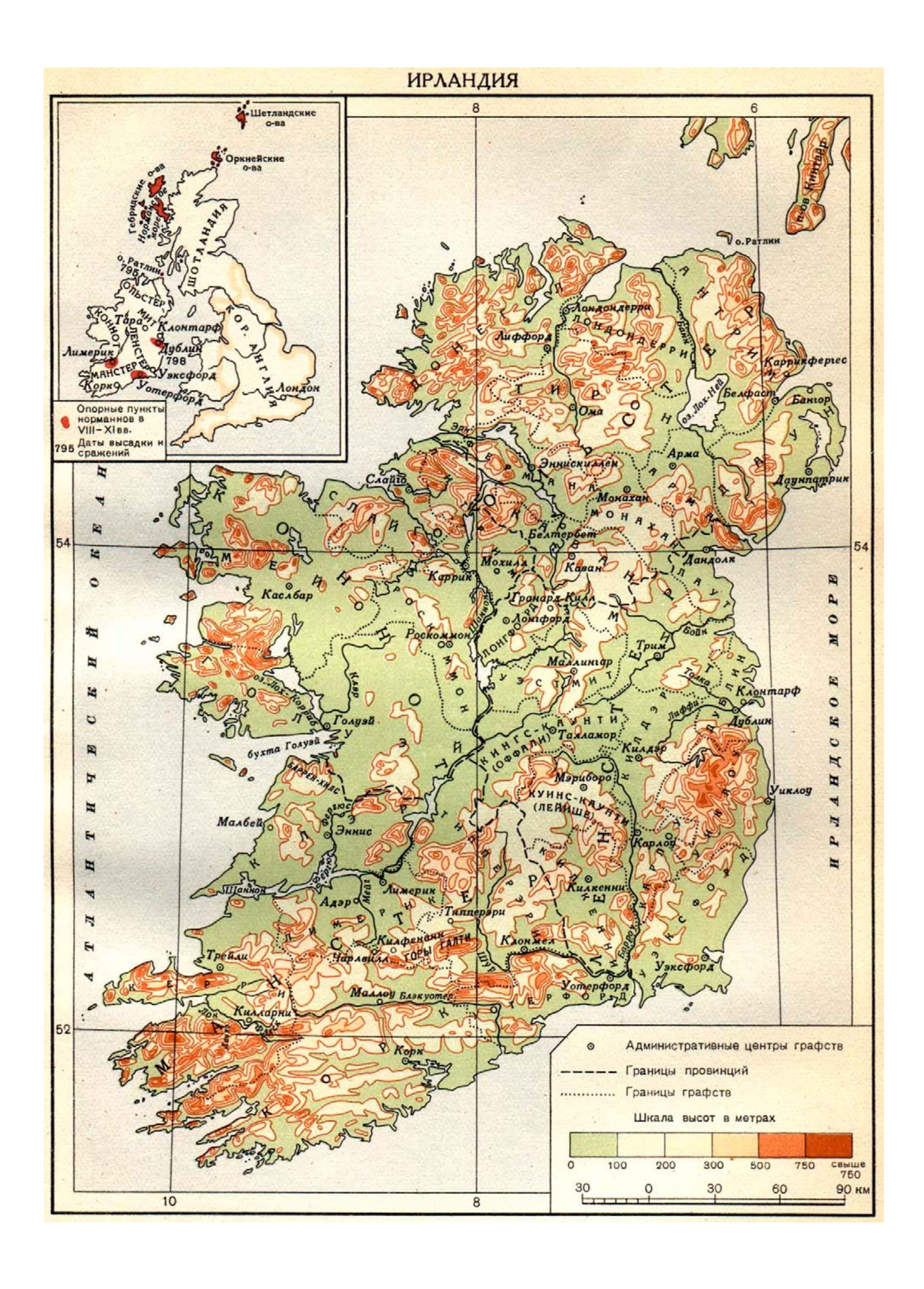
«За Британией лежит Юверна, почти равная ей по протяженности и в остальном с ней сходная; она имеет продолговатую форму; *климат, ее неблагоприятен для созревания посевов,* но зато *она настолько изобилует пышными и нежными травами***, что совсем небольшой части дня бывает достаточно для насыщения скота, и если не уводить его с пастбища, он подохнет от чрезмерного потребления корма»[415].

«Coeli ad muturanda semina iniqui, verum adeo luxuriosa herbis non laetis modo, sed etiam dulcibus!» В переводе на со-

* — земляничное дерево. *Ред.*

** Подчеркнутые Энгельсом слова приводятся им ниже по-латыни. *Ред.*

ИРЛАНДИЯ

Шетландские о-ва
Оркнейские о-ва
ШОТЛАНДИЯ
о. Ратлин
795
ОЛЬСТЕР
Тара
МИТ
КОННОТ
Клонтарф
Дублин
798
ЛЕНСТЕР
Лимерик
МАНСТЕР
Корк
Уэксфорд
Уотерфорд
КОР. АНГЛИЯ
Лондон
Опорные пункты норманнов в VIII–XI вв.
795 Даты высадки и сражений
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ИРЛАНДСКОЕ МОРЕ
о. Ратлин
Лондондерри
Лиффорд
Ома
Белфаст
Каррикфергюс
Бангор
Арма
Эннискиллен
Даунпатрик
Монахан
Слайго
Белтербет
Дандолк
Мохилл
Каван
Каррик
Каслбар
Гранард
Келлс
Лонгфорд
Роскоммон
Бойн
Трим
Маллингар
Клонтарф
Дублин
Голуэй
бухта Голуэй
Талламор
Килдэр
Мэрибороу
Уиклоу
Малбей
Эннис
Карлоу
Шаннон
Адэр
Лимерик
Типперэри
Килкенни
Трейли
Килфенана
Чарлвилл
ГОРЫ ГАЛТИ
Клонмел
Уэксфорд
Маллоу
Блэкуотер
Уотерфорд
Килларни
Корк
Административные центры графств
Границы провинций
Границы графств
Шкала высот в метрах
0
100
200
300
500
750
свыше 750
30
0
30
60
90 км

временный английский язык мы находим это место, между прочим, у г-на *Голдуина Смита,* в прошлом профессора истории в Оксфорде, ныне же профессора Университета Корнелла в Америке. Сообщив нам о том, что в значительной части Ирландии якобы трудно собрать урожай пшеницы, он затем продолжает:

«Для Ирландии естественный путь к торговому процветанию состоит, по-видимому, в том, чтобы снабжать *население Англии* продукцией своих *пастбищ* — скотом, маслом и т. д.»*

Сколько раз, от Мелы до Голдуина Смита, а также и в наши дни — с 1846 г.[416], в частности, крикливым хором ирландских землевладельцев — повторялось утверждение о том, что Ирландия якобы самим своим климатом осуждена, вместо производства хлеба для ирландцев, поставлять мясо и масло англичанам и что поэтому ирландскому народу самой судьбой, дескать, предназначено перемещение за океан, дабы в Ирландии освободилось пространство для коров и овец!

Мы видим, что установить, как фактически обстоит дело с ирландским климатом, значит также решить злободневный политический вопрос. При этом климат интересует нас здесь лишь в той мере, в какой это имеет значение для земледелия. Наблюдения естествоиспытателей, которые занимались измерением дождевых осадков, принимая во внимание несовершенный характер современных наблюдений, имеют для наших целей лишь второстепенную ценность; дело заключается не столько в *количестве* выпадающих дождевых осадков, сколько в том, *как* и *когда* они выпадают. Здесь прежде всего важны суждения агрономов.

Артур Юнг считает климат Ирландии значительно более влажным, чем английский; этим он объясняет поразительную способность ирландской почвы покрываться травами. Он отмечает случаи, когда оставленные нераспаханными после снятия корнеплодов или после жатвы поля давали на следующее лето обильный сенокос, чего никогда не бывает в Англии. Он упоминает далее, что зерна ирландской пшеницы гораздо легче на вес, чем пшеничные зерна в странах с более сухим климатом;

поля зарастают травой и сорняком даже при наилучшей обработке, и жатва настолько пропитана влагой и так трудно

* Smith, Goldwin. «Irish History and Irish Character». Oxford and London, 1861 [Смит, Голдуин. «История Ирландии и характерные черты ирландцев». Оксфорд и Лондон, 1861]. — При чтении этой книги, в которой под маской «объективности» оправдывается английская политика в Ирландии, не знаешь, чему больше удивляться: невежеству ли профессора истории или лицемерию либерального буржуа. С обоими этими свойствами нам еще предстоит встретиться.

бывает ее снять, что сборы урожая страдают от этого очень сильно (Юнг. «Путешествие по Ирландии», т. II, стр. 100).

Но одновременно Юнг обращает внимание и на то, что в Ирландии почва оказывает противодействие влиянию этого влажного климата. Почва там повсюду камениста и поэтому легче пропускает воду.

«Жесткий, каменистый, твердый суглинок (loam), с трудом поддающийся обработке, в Ирландии встречается довольно часто, но он совершенно не похож на английскую глинистую почву (clay). Если бы на глинистую почву Англии (вид почвы, который в Ирландии встречается редко и всегда с большой примесью камней) выпадало такое же количество дождей, как на утесы соседнего острова, то эту землю невозможно было бы возделывать. Между тем, утесы Ирландии одеты зеленью, и там, где они состоят из известняка, их покрывает растущий на одном тонком слое перегноя дерн, самый мягкий и роскошный, какой только можно представить» (т. II, ч. 2, стр. 3—4).

Известняковые массивы, как известно, повсюду покрыты трещинами и расселинами, которые быстро пропускают излишнюю влагу.

Уэйкфилд посвящает климату Ирландии весьма обстоятельно написанную главу, в которой он сводит воедино все прежние наблюдения, включая и те, которые были сделаны в его время. Д-р *Боут* («Естественная история Ирландии», 1645)[417], описывая ирландские зимы, называет их мягкими: в течение года бывает не более трех—четырех морозов, которые редко продолжаются дольше двух—трех дней; Лиффи близ Дублина замерзает едва ли больше одного раза за десять—двенадцать лет. Март бывает большей частью сухим и ясным, но затем выпадает много дождей; летом редко выдаются два—три дня подряд совсем без дождя, зато поздней осенью опять стоит прекрасная погода. Чрезмерно засушливым лето бывает редко, неурожаи никогда не вызываются засухой, а чаще всего избытком влаги. На равнине бывает мало снега, так что скот остается круглый год под открытым небом. Но иногда случаются и снежные годы, каким был, например, 1635 год, когда людям пришлось позаботиться об укрытии для скота (Уэйкфилд, т. I, стр. 216 и сл.).

В начале прошлого столетия д-р *Ратти* («Естественная история графства Дублин»)[418] стал производить точные метеорологические наблюдения, которые продолжались в течение 50 лет, с 1716 по 1765 год. За весь этот период соотношение между южными и западными ветрами, с одной стороны, и северными и восточными, с другой, выражалось как 73:37 (10878 южных и западных против 6329 северных и восточных), Преобладали западные и юго-западные ветры, на втором месте были северо-западные и юго-восточные, наиболее редкими были

северо-восточные и восточные. Летом, осенью и зимой господствуют ветры с запада и юго-запада; восточные ветры бывают наиболее часты весной и летом; в эти времена года они наблюдаются вдвое чаще, чем осенью и зимой; норд-осты дуют главным образом весной, когда их также можно наблюдать вдвое чаще, чем осенью и зимой. Вследствие этого температура здесь равномернее, зима мягче, а лето прохладнее, чем в Лондоне, зато воздух более влажен. Даже летом соль, сахар, мука и т. п. сыреют, вбирая влагу из воздуха, и зерно приходится сушить в печах, чего никогда не бывает в *отдельных местностях* Англии (Уэйкфилд, т. I, стр. 172—181).

Ратти мог в то время сравнивать ирландский климат только с лондонским, который, как и во всей Восточной Англии, действительно более сухой. Но если бы в его распоряжении были данные о Западной и особенно Северо-Западной Англии, то он убедился бы, что его описание ирландского климата — распределение ветров в течение года, сырое лето, когда в нетопленном помещении происходит химический распад сахара, соли и т. д.— полностью подходит к этой области Англии, с той лишь разницей, что зима в ней холоднее.

Ратти вел также записи, отражающие метеорологическую характеристику времен года. В течение упомянутых 50 лет было 16 холодных, поздних или чересчур сухих весен; несколько больше, чем в Лондоне. Лето было 22 раза жарким и сухим, 24 раза дождливым, 4 раза переменчивым; в общем несколько более сырая погода, чем в Лондоне, где число сухих и дождливых летних сезонов одинаково. Осень была 16 раз ясная, 12 раз дождливая, 22 раза переменчивая; опять-таки несколько более сырая и переменчивая погода, чем в Лондоне. Наконец, зима была 13 раз морозная, 14 раз дождливая и 23 раза мягкая, что свидетельствует о значительно более влажной и мягкой погоде, чем в Лондоне.

Согласно дождевым измерениям Дублинского ботанического сада в течение десяти лет, с 1802 по 1811 г., общее количество дождевых осадков в дюймах распределялось по отдельным месяцам следующим образом: декабрь — 27,31; июль — 24,15; ноябрь — 23,49; август — 22,47; сентябрь — 22,27; январь — 21,67; октябрь — 20,12; май — 19,50; март — 14,69; апрель— 13,54; февраль — 12,32; июнь — 12,07; в среднем за год — 23,36 (Уэйкфилд, т. I, стр. 191). Эти десять лет были исключительно сухими; Кейн («Промышленные ресурсы Ирландии», стр. 73) приводит цифру 30,87 дюйма в качестве среднегодового количества осадков в Дублине за шесть лет, а *Саймонс* («Дождевые осадки в Британии»)[419] называет в качестве средней цифры за

1860—1862 гг. 29,79 дюйма. Но как мало значения имеют в условиях быстро проносящихся, чисто локальных ливней Ирландии подобные измерения, если они не производятся в течение долгого ряда лет и сразу на очень многих станциях, показывает, между прочим, тот факт, что из трех станций в самом Дублине одна определила для 1862 г. количество дождевых осадков в 24,63, другая в 28,04 и третья в 30,18 дюйма. Среднее количество дождевых осадков, измеренное двенадцатью станциями во всех частях Ирландии (с колебаниями от 25,45 до 51,44 дюйма), составляло по Саймонсу за 1860—1862 гг. неполных 39 дюймов.

Д-р *Паттерсон* говорит в своей книге о климате Ирландии:

«Частые в нашей стране ливни, а не количество самих осадков, создали широко распространенное представление о влажности нашего климата... Иногда весной сырая погода несколько задерживает сев, но весна у нас так часто бывает холодной и поздней, что ранний сев здесь не всегда желателен. Если летом и осенью частые ливни ставят под угрозу наши сенокосы и жатву хлебов, то в этих чрезвычайных случаях бдительность и прилежание могли бы привести к такому же успеху, как в Англии во время применяемых там «спешных» сборов урожая (catching harvests), а улучшением обработки можно было бы добиться того, чтобы всходы вознаграждали усилия земледельца»[*].

В Лондондерри число сухих дней колебалось в течение двенадцати лет, с 1791 по 1802 гг. от 113 до 148 в год, превышая в среднем 126. Для Белфаста получилось то же среднее число. В Дублине число этих дней колебалось от 168 до 205, составив в среднем 179 (Паттерсон, ibidem[**]).

По данным Уэйкфилда, сборы урожая приходятся в Ирландии на следующие месяцы: пшеница снимается большей частью в сентябре, реже в августе, редко в октябре; ячмень чаще всего снимают несколько позже, чем пшеницу, а овес приблизительно на неделю позже, чем ячмень, то есть чаще уже в октябре. Уэйкфилд, который после долгих изысканий приходит к выводу, что имеющиеся данные еще далеко не достаточны для *научного* описания климата Ирландии, *нигде* не высказывается в том смысле, что этот климат создает серьезные трудности для возделывания зерновых культур. Он находит, наоборот, что потери при сырой погоде во время уборки урожая вызываются совсем другими причинами, как это еще будет показано, и утверждает самым определенным образом:

«Почва Ирландии так плодородна и ее *климат настолько благоприятен,* что при надлежащей системе земледелия этот остров будет произво-

[*] Patterson, W., Dr. «An Essay on the Climate of Ireland». Dublin, 1804, p. 164 [Паттерсон, У., д-р. «Опыт исследования климата Ирландии», Дублин, 1804, стр. 164].

[**] — там же. *Ред.*

дить не только *достаточное* для собственного потребления *количество верна,* но и *значительные излишки* его, которые всегда, когда в этом есть необходимость, могли бы быть использованы для нужд Англии» (т. II, стр. 61).

Правда, в то время — в 1812 г. — Англия воевала со всей Европой и Америкой[420], и ввоз хлеба был сильно затруднен; хлеб являлся первой необходимостью. Ныне хлеб доставляется в достаточном количестве из Америки, Румынии, России и Германии, а все дело теперь, по-видимому, в дешевом *мясе.* И поэтому-то ирландский климат теперь уже не годится для земледелия.

Возделывание хлебных злаков было известно в Ирландии с древнейших времен. В наиболее древних ирландских законах, запись которых была составлена задолго до появления англичан, «мешок пшеницы» служил уже определенной мерой стоимости; среди повинностей, которые должны были выполнять в пользу родовых вождей и прочих старейшин их подчиненные, почти регулярно упоминаются поставки точно предписанного количества пшеницы, ячменного солода и овсяной муки[*]. После вторжения англичан, в обстановке непрерывных боев, хлебопашество сократилось, однако оно никогда не прекращалось совсем; в период от 1660 до 1725 г. оно снова стало развиваться, а с 1725 и приблизительно по 1780 г. опять пошло на убыль; с 1780 до 1846 г. опять-таки, наряду с преобладающей культурой картофеля, стали сеять больше хлеба, а с 1846 г. культура зерновых и картофеля непрерывно вытеснялась развивавшимся пастбищным хозяйством. Если климат Ирландии не годится для хлебопашества, то как же могло оно просуществовать там свыше тысячи лет?

Правда, в Ирландии имеются местности, особенно на юге и на западе, которые вследствие частых дождей, постоянно выпадающих вблизи гор, менее пригодны для возделывания пшеницы. Наряду с хорошими годами в Ирландии часто бывает несколько дождливых летних сезонов подряд (например, в 1860— 1862 гг.), причиняющих большой вред пшенице. Но пшеница не главный зерновой продукт Ирландии, и Уэйкфилд даже

[*] «Ancient Laws and Institutes of Ireland — Senchus Mor». 2 vol., Dublin, printed for Her Majesty's Stationary Office, and published by Alexander Thom (London, Longmans) 1865 and 1869 [«Древние законы и установления Ирландии — Шенхус Мор». — 2 тома, Дублин, напечатано по поручению печатного ведомства ее величества и опубликовано Александром Томом (Лондон, Лонгман) в 1865 и 1869гг.][421]. См. т. II, стр. 239— 251. Стоимость мешка пшеницы составляла 1 скрепал (динарий) в 20—24 грана серебра; стоимость скрепала установлена д-ром *Петри,* «Ecclesiastical Architecture of Ireland, anterior to. the Anglo-Norman Invasion». Dublin, 1845, 4°, p. 212—219 [«Церковная архитектура Ирландии в период, предшествующий англо-норманскому вторжению». Дублин, 1845, 4°. стр. 212—219].

сожалеет о том, что из-за недостатка рынков сбыта пшеница возделывается в Ирландии в слишком малом количестве; иного рынка, кроме соседней мельницы, не существовало; ячмень тоже разводили почти исключительно для потайных винокурен (уклонявшихся от обложения пошлинами). Главным зерновым продуктом Ирландии был и остается овес, которого с 1810 г. сеяли по меньшей мере в десять раз больше, чем всех других видов зерновых культур, вместе взятых; и так как овес снимается позднее, чем пшеница и ячмень, то уборка овса чаще всего приходится на конец сентября и октябрь, когда большей частью стоит прекрасная погода, особенно на юге. К тому же, овес отлично переносит дожди.

Выше мы уже видели, что климат Ирландии, в отношении количества дождевых осадков и их распределения по временам года, почти совершенно совпадает с климатом Северо-Западной Англии. В горах Камберленда, Уэстморленда и Северного Ланкашира дождей выпадает гораздо больше, чем в районе любой из известных мне станций Ирландии (в Конистоне среднее количество осадков за 1860—1862 гг. составляло 96,03 дюйма, в Уиндермире 75,02 дюйма), и все-таки там косят сено и сеют овес. В Южном Ланкашире количество дождевых осадков за те же годы колебалось от 25,11 в Ливерпуле до 59,13 в Болтоне, и среднее число всех измерений равнялось примерно 40 дюймам; в Чешире оно колебалось от 33,02 до 43,40, а среднее количество всех измерений составило около 37 дюймов. За эти же годы в Ирландии оно равнялось, как мы видели, неполным 39 дюймам. (Все эти цифры взяты у Саймонса.) В обоих графствах возделываются хлебные злаки всех видов, в частности пшеница; в Чешире, правда, вплоть до последней эпидемии чумы рогатого скота преобладало главным образом скотоводство и молочное хозяйство, но когда большую часть скота скосила эпидемия, климат оказался вдруг превосходным и для пшеницы. Если бы чума рогатого скота проникла в Ирландию и произвела бы там такое же страшное опустошение, как в Чешире, то вместо проповеди о естественном призвании Ирландии к пастбищному хозяйству, нам стали бы теперь повторять места из книги Уэйкфилда, где он говорит, что Ирландии предназначено быть житницей для Англии.

Если взглянуть на дело без предвзятого мнения, не давая сбить себя с толку корыстными воплями ирландских землевладельцев и английских буржуа, то нужно будет сказать, что в Ирландии имеются и такие местности, которые по своей почве и климату больше пригодны для скотоводства, и такие, которые больше годятся для земледелия, и такие — и их подавляющее

большинство, — которые одинаково годятся и для того и для другого, как это, впрочем, бывает повсюду. По сравнению с Англией, Ирландия в целом более пригодна для скотоводства; но если сравнить Англию с Францией, то и она в такой же степени окажется больше пригодной для скотоводства. Но разве отсюда следует, что всю Англию нужно превратить в пастбища, что все ее земледельческое население, за исключением нескольких пастухов, должно быть выселено в промышленные города или в Америку, чтобы освободить место для скота, который будет затем переправляться во Францию в уплату за шелковые материи и вина? Однако именно этого-то и требуют для Ирландии ирландские землевладельцы, желающие увеличить свою ренту, и английские буржуа, стремящиеся понизить заработную плату, — Голдуин Смит высказал это достаточно ясно. К тому же социальная революция, которую подразумевает такое превращение пахотной земли в пастбища, приняла бы в Ирландии гораздо более грандиозные масштабы, чем в Англии. В Англии, где преобладает крупное земледелие и где труд батраков большей частью уже заменен машинами, она означала бы переселение с насиженных мест самое большее, одного миллиона человек, — в Ирландии же, где преобладает мелкое земледелие и даже обработка земли с помощью заступа, она означала бы изгнание с насиженных мест четырех миллионов человек, искоренение ирландского народа.

Мы видим, что даже самые явления природы становятся предметом национального спора между Англией и Ирландией. Но мы видим также, как общественное мнение господствующего в Англии класса, — а только оно одно пользуется гласностью на континенте, — колеблется в зависимости от моды и интереса. Сегодня Англия нуждается в быстром и надежном привозе хлеба — и Ирландия как будто создана для возделывания пшеницы; завтра Англии нужно мясо — и Ирландия годится только для пастбищ: пять миллионов ирландцев одним фактом своего существования попирают все законы политической экономии, их нужно выгнать, пускай убираются, куда глаза глядят!

ДРЕВНЯЯ ИРЛАНДИЯ

Древнегреческие и древнеримские писатели, а также отцы церкви сообщают очень мало сведений об Ирландии.

Зато существует местная литература, все еще довольно обширная, несмотря на гибель во время войн XVI и XVII веков множества ирландских рукописей. Она содержит вирши, грамматики, глоссарии, анналы и другие исторические сочинения, а также сборники законов. Однако за весьма немногими исключениями, вся эта литература, охватывающая период по крайней мере от VIII до XVII века, существует только в *рукописном виде.* Для ирландского языка книгопечатание лишь совсем недавно начало свое существование, как раз с того времени, когда он начал вымирать. Имеющийся богатый материал доступен, таким образом, только в самой незначительной части.

Среди анналов важнейшими являются: «Анналы аббата *Тигернаха»* (умер в 1088 г.), *«Ольстерские* анналы» и особенно «Анналы *четырех магистров».* Эти последние были составлены в 1632—1636 гг. в Донегольском монастыре под руководством францисканского монаха Майкла О'Клиери в сотрудничестве с тремя другими seanchaidhes (хронистами) на основании материалов, которые теперь почти все утеряны. Критическое издание этих анналов с английским переводом было предпринято О'Донованом в 1856 г. по еще существующему оригиналу рукописи из Донегольского монастыря*. Прежние издания д-ра Чарлза О'Конора (первая часть «Анналов четырех магистров», «Ольстерские анналы» и др.) ненадежны в отношении текста и перевода[422].

Большая часть этих анналов начинается с мифической предыстории Ирландии; в ее основе лежали старинные народ-

* «Annala Rioghachta Eireann. Annals of the Kingdom of Ireland by the Four Masters». Edited, with an English Translation, by D-r John O'Donovan. 2 edit., Dublin, 1856, 7 vol. in 4° [«Анналы ирландского королевства, составленные четырьмя магистрами». Изданы и снабжены английским переподом д-ром Джоном О'Донованом. 2 изд., Дублин, 1856, 7 томов in 4°].

ные сказания, которые были бесконечно приукрашены поэтами IX и X веков и затем приведены в надлежащий хронологический порядок монахами-хронистами. Так, начальной датой «Анналов четырех магистров» служит 2242 год от сотворения мира, когда за 40 дней до потопа в Ирландии якобы высадилась Цезара, внучка Ноя; другие анналы производят предков скоттов, последних переселенцев в Ирландию, по прямой линии от Иафета и устанавливают связь их с Моисеем, египтянами и финикийцами, подобно тому как наши средневековые хронисты связывают предков германских племен с Троей, Энеем или Александром Великим. «Четыре магистра» посвящают этим басням (из которых до сих пор не удалось еще выделить единственно ценное, что в них есть, — подлинное древнее народное предание) всего несколько страниц; «Ольстерские анналы» опускают их совсем, а Тигернах с удивительным для его времени критическим дерзанием заявляет о недостоверности всех памятников скоттов до короля Кимбайта (по-видимому, 300 г. до нашей эры). Но когда в конце прошлого столетия в Ирландии пробудилась новая национальная жизнь, а вместе с тем и новый интерес к ирландской литературе и истории, наиболее ценным элементом стали считаться как раз эти выдумки монахов. С чисто кельтским энтузиазмом и с характерной ирландской наивностью вера в эти анекдоты была провозглашена существенной составной частью ирландского патриотизма; это послужило, конечно, для высокомудрых представителей ученого мира Англии, — собственные труды которых в области филологической и исторической критики пользуются достаточно почетной известностью во всем прочем мире, — желанным предлогом, чтобы отбросить все ирландское как явную нелепость*.

Между тем, начиная с тридцатых годов этого столетия, в Ирландии получило распространение гораздо более критическое

* Одним из наивнейших произведений того времени является «The Chronicles of Eri, being the History of the Gaal Sciot Iber, or the Irish People, translated from the original manuscripts in the Phoenician dialect of the Scythian Language by O'Connor». London, 1822, 2 vol. [«Хроника Эри, представляющая собой историю гэлов, скоттов и иберов, или ирландского народа, переведенная с подлинных рукописей на финикийском наречии скифского языка О'Коннором». Лондон, 1822, 2 тома]. Финикийское наречие скифского языка — это, конечно, кельтский язык ирландцев, а подлинная рукопись — произвольно выбранная стихотворная хроника. Издатель этой книги — Артур О'Коннор, изгнанник 1798 г.[423], дядя будущего вождя английских чартистов Фергюса О'Коннора, предполагаемый потомок древних О'Конноров, королей Коннота, и до некоторой степени претендент на ирландскую корону. Перед титульным листом помещен его портрет — человек с красивым жизнерадостным ирландским лицом, поразительно похожий на своего племянника Фергюса; в правой руке он держит корону. Внизу надпись: «O'Connor — cear-rige, head of his race, and O'Connor, chief of the prostrate people of his nation: «Soumis, pas vaincus»» [«О'Коннор — глава своего рода и О'Коннор — вождь поверженного народа своей страны; «Побежденные, но не покоренные»»].

направление мысли, главным образом благодаря Петри и О'Доновану. В упомянутом уже нами исследовании Петри доказано, что древнейшие сохранившиеся надписи, начиная с VI и VII века, полностью согласуются с содержанием анналов, а О'Донован придерживается того мнения, что эти последние начинают сообщать подлинные исторические факты уже со II и III века нашей эры. Для нас довольно безразлично, начинаются ли достоверные рассказы анналов несколькими столетиями раньше или позже, так как в отношении этого периода для нашей цели анналы, к сожалению, почти совершенно бесполезны. В них содержатся краткие сухие заметки о смерти или о вступлении на престол того или иного лица, о войнах, битвах, землетрясениях, моровых поветриях, разбойничьих набегах скандинавов, но весьма мало о том, что относится к социальной жизни народа. Если бы были изданы все памятники писаного права Ирландии, то эти анналы приобрели бы совершенно иное значение; многие сухие заметки предстали бы в новом свете, благодаря разъясняющим местам из сборников законов.

Но почти все эти сборники законов, очень многочисленные, тоже еще только ожидают того времени, когда им будет суждено увидеть свет. По настоянию нескольких ирландских археографов английское правительство согласилось в 1852 г. назначить комиссию для издания древних законов и установлений Ирландии. Но как оно это сделало? В состав комиссии вошли три лорда (присутствие которых всегда бывает необходимо, когда дело идет о расходовании государственных средств), три юриста высшего ранга, три протестантских священника, далее, д-р Петри и один офицер, руководитель топографических съемок Ирландии. Из всех этих господ только д-р Петри и два духовных лица, д-р Грейвс (ныне протестантский епископ Лимерика) и д-р Тодд, могли претендовать на некоторую компетентность в порученном комиссии деле; но двое из них, Петри и Тодд, после этого умерли. Комиссии было поручено принять меры к тому, чтобы скопировать, перевести и издать древние ирландские рукописи правового содержания, и подыскать подходящих для этого людей. Она привлекла к этой работе двух наиболее ценных людей, каких только можно было найти: д-ра О'Донована и профессора О'Кэрри, которые скопировали множество рукописей и сделали их черновой перевод; однако, прежде чем что-либо было готово к печати, оба они умерли. Их преемники, д-р Ханкок и профессор О'Махони, продолжали затем эту работу, доведя ее до выпуска в свет к настоящему времени двух уже упомянутых выше томов, которые содержат «Шенхус Мор». По собственному признанию издателей, из чле-

нов комиссии только двое, Грейвс и Тодд, приняли участие в работе, сделав кое-какие замечания на корректурных листах; офицер, сэр Томас Ларком, предоставил в распоряжение издателей для проверки названий местностей подлинники карт, составленных при топографических съемках Ирландии; д-р Петри вскоре умер; остальные господа ограничили свою деятельность тем, что в течение 18 лет добросовестно получали свое жалованье.

Таков тот способ, который применяется в Англии и особенно в подвластной ей Ирландии при выполнении государственных поручений. Без махинации* дело не обходится. Ни одна общественная потребность не может быть удовлетворена без того, чтобы при этом изрядная сумма или несколько жирных синекур не достались каким-нибудь лордам и фаворитам правительства. На деньги, которые поглотила совершенно бесполезная комиссия, в Германии издали бы всю неопубликованную историческую литературу и издали бы лучше.

«Шенхус Мор» до сих пор является нашим главным источником для изучения древней Ирландии. Это сборник древних правовых установлений, который, согласно написанному позднее введению, был составлен по совету св. Патрика и приведен при его сотрудничестве в соответствие с требованиями быстро распространявшегося в Ирландии христианства. Верховный король Ирландии Лайгайре (428—458 гг., согласно «Анналам четырех магистров»), вассальные короли: Корк, король Манстера, и Дайре, вероятно, один из ольстерских правителей, далее, три епископа: св. Патрик, св. Бенигнус и св. Кайрнех, и, наконец, три ученых законоведа: Дубтах, Фергюс и Росса — были якобы участниками составившей этот сборник «комиссии», труды которой обошлись, безусловно, дешевле, чем стоила нынешняя комиссия, которая должна была только его издать. «Четыре магистра» указывают на 438 г. как на год составления этого сборника.

Самый текст явным образом покоится на древнейших языческих материалах. Все древнейшие юридические формулы написаны в нем в стихах, обладающих определенным размером и так называемым созвучием — особого рода аллитерацией или, вернее, ассонансом согласных, который характерен для ирландской поэзии и часто переходит в полную рифму. Поскольку

* Jobbery — махинациями — в Англии называется использование государственных должностей для личной выгоды или для выгоды своих родственников и друзей, а также употребление государственных средств для косвенного подкупа в интересах своей партии. Отдельное действие подобного рода называется job. Английская колония в Ирландии является главным рассадником всякого рода махинаций.

установлено, что сборники древних ирландских законов были переведены в XIV веке с так называемого фенийского диалекта (Berla Feini), языка V века, на употреблявшийся в то время ирландский язык (предисловие, т. I, стр. XXXVI и сл.), то этим объясняется, что и в «Шенхус Мор» во многих местах стихотворный размер в большей или меньшей степени оказался сглаженным, но, наряду со случайными рифмами и местами, отличающимися большим созвучием, он все-таки проступает еще достаточно часто, чтобы придать тексту известное ритмическое движение. В большинстве случаев достаточно прочитать только перевод, чтобы обнаружить эти формулы в стихах. Но вместе с тем, особенно во второй половине сборника, встречается множество мест несомненно написанных в прозе; и если стихотворные формулы, безусловно, весьма древнего происхождения и переданы по традиции, то эти прозаические вставки, по-видимому, принадлежат самим составителям сборника. Кроме того, «Шенхус Мор» неоднократно цитируется в приписываемом королю и епископу Кашела Кормаку глоссарии, составленном в IX или X веке, так что запись этих законов была сделана, несомненно, задолго до нашествия англичан.

Этот текст во всех рукописных списках (самый древний из них относится, по-видимому, к началу XIV века, или еще древнее) снабжен рядом лингвистических глосс, которые в большинстве случаев совпадают, а также более подробными примечаниями, комментирующими содержание. Глоссы выдержаны целиком в духе старых глоссариев; каламбуры заменяют в них этимологию и объяснение слов; примечания весьма различны по своему достоинству, часто сильно искажены и во многих местах непонятны, по крайней мере, без знакомства с остальными сборниками законов. Какова давность этих глосс и примечаний, нельзя сказать определенно; но большая их часть написана, вероятно, после английского вторжения. Так как, однако, в них очень мало следов эволюции права, выходящей за рамки содержания самого текста, да и она обнаруживается только в более точном определении, деталей, то большая, чисто пояснительная часть их безусловно может быть использована, с известной осторожностью, как источник и для более древнего периода.

«Шенхус Мор» содержит: 1) право, относящееся к возмещению ущерба [Pfandungsrecht], то есть примерно все судопроизводство; 2) право, касающееся заложников, которые выдавались во время междоусобиц населением различных территорий; 3) право, относящееся к Saerrath и Daerrath (см. ниже)[424] и 4) семейное право. Мы получаем из этого сборника много ценных сведений о жизни общества того времени, но пока не вы-

яснено большое количество терминов и не опубликованы остальные рукописи, многое остается неясным.

О состоянии ирландского народа до прихода англичан нам дают представление, кроме литературных источников, сохранившиеся еще до нашего времени архитектурные памятники, церкви, круглые башни, укрепления, надписи.

Из иностранных источников нам следует упомянуть только о некоторых относящихся к Ирландии местах в скандинавских сагах и в написанном св. Бернаром житии св. Малахия[425], — которые, впрочем, дают мало сведений, — а затем сразу перейти к первому англичанину, писавшему об Ирландии на основании собственного знакомства со страной.

Сильвестр Джералд Барри, архидьякон Брекнокский, известный под именем *Гиральда Камбрийского,* был внуком куртизанки Несты, дочери короля Южного Уэльса Рис-ап-Тюдора, любовницы английского короля Генриха I и родоначальницы почти всех норманских предводителей, участвовавших в первоначальном завоевании Ирландии. Он отправился в 1185 г. вместе с Иоанном (впоследствии «Безземельным») в Ирландию и в последующие годы написал сначала «Топографию Ирландии», описание страны и ее жителей, а затем — книгу «Завоеванная Ирландия», чрезвычайно приукрашенную историю первого вторжения. Здесь мы будем заниматься, главным образом, первым из этих сочинений. Написанная на крайне претенциозной латыни, полная самых диких суеверий и всех религиозных и национальных предрассудков того времени и той race[*], к которой принадлежал тщеславный автор, эта книга все-таки чрезвычайно важна, как первое сколько-нибудь подробное свидетельство иностранца об Ирландии[**].

С тех пор англо-норманские источники по истории Ирландии становятся, разумеется, все богаче; но все такими же скудными остаются материалы для изучения социальных порядков в той части острова, которая сохранила свою независимость — материалы, на основании которых можно было бы сделать ретроспективное заключение о более древнем строе. Лишь к концу XVI века, когда Ирландия впервые подверглась систематическому и полному покорению, мы приобретаем более подробные сведения о действительных условиях жизни ирландского народа, разумеется, сильно приукрашенные англичанами. Позже мы

[*] — расы, народа. *Ред.*
[**] «Giraldi Cambrensis Opera», ed. J. S. Brewer, London, Longmans, 1863 [«Сочинения Гиральда Камбрийского», изд. Дж. Ш. Бруэра, Лондон, Лонгман, 1863][426]. — Английский перевод (слабый) исторических сочинений Гиральда, в том числе и двух вышеуказанных книг, вышел в Лондоне у Бона в 1863 г. («The Historical Works of Giraldus Cambrensis» [«Исторические сочинения Гиральда Камбрийского»]).

убедимся, что за 400 лет, протекших со времени первого вторжения, положение народа изменилось мало, и отнюдь не к лучшему. Но именно поэтому более поздние сочинения — Ханмера, Кэмпьона, Спенсера, Дэвиса, Кэмдена, Морисона и др.[427], — к которым нам еще часто придется обращаться, являются одним из наших главных источников и для периода, отдаленного от них на 500 лет, и служат необходимым и весьма полезным дополнением к скудным первоисточникам.

Мифологическая предыстория Ирландии повествует о ряде вторжений, которые происходили одно за другим и большей частью заканчивались подчинением острова новыми пришельцами. Тремя последними вторжениями были нашествия фирболгов, туата-де-дананнов и милезийцев, или скоттов, причем эти последние явились будто бы из Испании. Обычная ирландская историография превращает фирболгов [firbolgs] (fir, ирландское fear, латинское vir, готское vair, — означает «человек») попросту в белгов, а туата-де-дананнов (tuatha значит по-ирландски «народ», «местность», готское thiuda) — в зависимости от надобности — то в греческих данайцев, то в германских датчан. О'Донован полагает, что в основе сказаний, по крайней мере об упомянутых выше вторжениях, лежат какие-то исторические факты. В анналах под 10-м годом после р. Х. отмечается восстание aitheach tuatha (в XVII веке некий Линч, хороший знаток древних языков, дал следующий перевод этого выражения: plebeiorum hominum gens[*]); это была, стало быть, плебейская революция, во время которой вся знать (saorchlann) была перебита. Это указывает на господство завоевателей-скоттов над более древним населением. Из народных сказаний о туата-де-дананнах О'Донован заключает, что представители этого племени, которое в позднейших народных поверьях превратилось в лесных и горных эльфов, сохранились в отдельных горных местностях еще до II или III века нашей эры.

Не подлежит сомнению, что ирландцы были смешанным народом еще до того, как началось массовое поселение среди них англичан. Уже в XII веке преобладающим типом среди ирландцев, так же как и сейчас, был светловолосый. Гиральд («Топография Ирландии», разд. III, гл. 26), описывая двух чужеземцев, говорит, что у них волосы были длинными и *белокурыми,* как у ирландцев. Тем не менее, и сейчас еще встречаются, особенно на западе, два резко отличающихся друг от друга типа черноволосых людей: первый тип — это высокие,

[*] — люди плебейского происхождения. *Ред.*

стройные, с красивыми чертами лица и курчавыми волосами люди, при взгляде на которых нам кажется, что мы их уже однажды видели в итальянских Альпах или в Ломбардии; этот тип встречается чаще всего на юго-западе. Другой тип — коренастые и низкорослые, с жесткими, гладкими, черными волосами, с плоскими, почти негритянскими чертами лица — встречается чаще в Конноте. Гексли объясняет наличие этих темноволосых элементов среди первоначально светловолосого кельтского населения примесью иберийской (то есть баскской) крови[428], — и это объяснение, вероятно, правильно, по крайней мере отчасти. Однако к тому времени, когда о появлении ирландцев в истории можно говорить с определенностью, они уже стали однородным, говорящим на кельтском языке народом, и мы с тех пор нигде больше не находим чужеземных элементов, за исключением захваченных на войне или купленных рабов, по большей части англосаксов.

Сообщения древних классиков об ирландском народе звучат не очень лестно. *Диодор* рассказывает, что те бритты, которые населяют остров Ирис (или Ирин? в тексте винительный падеж Ἰριν), занимаются людоедством[429]. Подробнее сказано у *Страбона:*

«Об этой стране» (Йерне) «мы не можем сказать ничего достоверного, кроме того, что ее жители еще большие дикари, чем бритты, ибо они людоеды и страшные обжоры» (πολυφάγοι; по другому варианту ποηφάγοι — травоядные); «у них считается вполне пристойным поедать своих умерших родителей и открыто вступать в плотскую связь с чужими женами и со своими матерями и сестрами»[430].

Патриотическая ирландская историография немало возмущалась этой мнимой клеветой. Но новейшей науке было суждено доказать, что людоедство, в частности пожирание собственных родителей, является переходной ступенью в развитии, через которую прошли, по-видимому, все народы. Ирландцам, может быть, послужит утешением узнать, что еще целым тысячелетием позже предки нынешних берлинцев придерживались такого же практического взгляда на эти вещи:

«Aber Weletabi, die in Germania sizzent, tie wir Wilze heizen, die ne scament» (schamen) «sih nieht ze chedenne» (zu gestehen) «daz sie iro parentes mit meren rehte ezen sulin, danne die wurme»*. (Ноткер, цитируется в книге Якоба Гримма «Древности немецкого права», стр. 488[431]).

Мы увидим, что и в период владычества англичан в Ирландии не раз повторялись случаи людоедства. Что касается

* «Велетабы, которые живут в Германии и которых мы называем вильцами, не стыдятся признавать, что они могут поедать своих родителей с бо́льшим правом, чем черви». *Ред.*

инкриминируемого ирландцам «явнобрачия» [Phanerogamie], употребляя выражение Фурье[432], то подобные вещи имели место у всех диких народов, и уж тем более у весьма любвеобильных кельтов. Интересно отметить, что остров уже в те времена носил свое нынешнее местное название — имена Ирис, Ирин и Йерне тождественны с Эйре, Эринн, — а также и то, что уже Птолемей знал современное название столицы Ирландии Дублина, называя его Эблана (Εβλανα с правильным ударением)[433]. Это тем более удивительно, что у ирландских кельтов для этого города издавна было другое название — Athcliath, а именем Duibhlinn — «Черное болото» — они называли один из участков течения реки Лиффи.

Кроме того, мы находим еще в «Естественной истории» *Плиния* (кн. IV, гл. 16) следующее место:

«Туда» (в Гибернию) «бритты ездят в лодках из ивовых прутьев, обтянутых сшитыми вместе звериными шкурами».

Позднее *Солин* говорит уже о самих ирландцах:

«Они плавают по морю между Гибернией и Британией в лодках из ивовых прутьев, на которые натянута покрышка из воловьих шкур» (Г. Юлий Солин. «Космография», гл. 25).

В 1810 г. Уэйкфилд обнаружил, что на всем западном побережье Ирландии «не оказалось других лодок, кроме таких, которые были сделаны из деревянного остова, обтянутого конской или воловьей шкурой». Эти лодки имеют различную форму, смотря по местности, но все они отличаются необычайной подвижностью, так что несчастные случаи бывают редко. Для плавания в открытом море они, разумеется, не годятся, и поэтому рыболовством здесь можно заниматься только в бухтах и между островами. В Малбее, графство Клэр, Уэйкфилд видел такие лодки, имевшие 15 футов в длину, 5 футов в ширину и сидевшие в воде на 2 фута; для обтяжки каждой из них требовались две коровьи шкуры, обращенные шерстью внутрь и с просмоленной наружной стороной; лодка была приспособлена для двух гребцов. Такая лодка стоила около 30 шиллингов (Уэйкфилд, т. II, стр. 97). Вместо ивовых прутьев — деревянный остов! Какой прогресс за 1800 лет и после почти семивековой «цивилизаторской» обработки ирландцев со стороны первой морской нации мира!

Впрочем, в других областях вскоре появились и некоторые признаки прогресса. При короле Кормаке Ульфада, царствование которого относят ко второй половине III века, его зять Финн Мак-Куал реорганизовал будто бы ирландское ополче-

ние — Fianna Eirionn* — вероятно по образцу римского легиона, введя разделение между легковооруженными и линейными войсками. Во все последующие периоды в ирландских войсках, о которых до нас дошли подробности, различалась kerne — легкая и galloglas — тяжелая, или линейная пехота. Героические подвиги этого Финна воспеты во многих старинных песнях; некоторые из них сохранились еще до настоящего времени; они-то — возможно вместе с незначительной долей шотландско-гэльских традиций — составляют основу макферсоновского «Оссиана» (по-ирландски Ойшин — сын Финна), в котором Финн обращен в Фингала и место действия перенесено и Шотландию[434]. В устных преданиях ирландского народа Финн продолжает жить как Финн Мак-Кауль, великан, которому почти в каждой местности острова приписывается какой-нибудь удивительный подвиг.

Христианство проникло в Ирландию, несомненно, очень рано, по крайней мере, на восточное побережье острова. Иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что еще задолго до Патриция так много ирландцев играло значительную роль в истории церкви. Пелагий Еретик обычно считается уэльсским монахом из Бангора; но существовал также ирландский старинный монастырь Бангор, или вернее Банхор, близ Каррикфергеса, — в что Пелагий был выходцем именно оттуда, показывает свидетельство Иеронима, который называет его «тупым и отяжелевшим от потребляемой скоттами похлебки» («scotorum pultibus praegravatus»)[435]. Это первое упоминание об ирландской овсяной похлебке (по-ирландски lite, по-англо-ирландски stirabout), которая уже тогда, как и позднее, вплоть до появления картофеля, а затем наряду с ним, была основным продуктом питания ирландского народа. Главные ученики Пелагия, Целестий и Альбин, были также скоттами, то есть ирландцами; по рассказам Геннадия[436], Целестин написал из монастыря три пространных письма своим родителям, откуда следует, что в IV веке алфавитное письмо уже было известно в Ирландии.

Во всех сочинениях раннего средневековья ирландцы называются скоттами и их страна Скоттией; мы находим это обозначение у Клавдиана, Исидора, Беды, у равеннского географа, у Эйнхарда, и даже Альфред Великий еще пишет: «Гиберния, которую мы называем Шотландией» («Igbernia the ve Scotland hatadh»)[437]. Нынешняя Шотландия имела тогда иностранное

* Feini — фении — во всем «Шенхус Мор» употребляется как имя ирландского народа. Feinechus, fenchus — закон фениев — служит часто для обозначения либо «Шенхус Мор», либо другого, потерянного ныне сборника законов. Одновременно feine, grad feine означает плебс, низший класс свободных людей.

наименование Каледония, а ее местное название было Альба, Альбания; название Скоттия, Шотландия, было перенесено на северную оконечность восточного острова лишь в XI веке. Первое значительное переселение ирландских скоттов в Альбу произошло, по-видимому, в середине III века; Аммиан Марцеллин знал об их существовании там уже в 360 году[438]. Переселение происходило кратчайшим морским путем: из Антрима на полуостров Кинтайр; еще у Ненния имеется ясное упоминание о том, что бритты, которые владели тогда всей Шотландской низменностью до Клайда и Форта, подверглись нападению скоттов с *запада* и пиктов с севера[439]. Седьмая из древнеуэльсских исторических «Триад»[440] рассказывает, что гвиддиль-ффихти [gwyddyl ffichti] (см. ниже) приплыли из Ирландии по Норманскому морю (Mor Llychlin) в Альбанию и поселились на побережье этого моря. Тот факт, что море между Шотландией и Гебридскими островами названо Норманским, служит, между прочим, доказательством, что указанная «Триада» составлена уже после завоевания Гебридских островов норманнами. Около 500 г. произошло новое переселение большого числа скоттов, которые со временем создали свое собственное королевство, независимое как от Ирландии, так и от пиктов, и, наконец, в IX веке, при Кеннете Мак-Альпине покорили пиктов и основали государство, на которое примерно полтораста лет спустя было перенесено — впервые, по-видимому, норманнами — название Шотландия, Скоттия.

Древнеуэльсские источники (Ненний, «Триады») отмечают вторжения гвиддиль-ффихти, или гэльских пиктов, в Уэльс в V и VI веках, причем всякий раз это истолковывается как вторжения ирландских скоттов. Gwyddyl — это уэльсская форма от gavidheal — имени, которым называли себя сами ирландцы. Откуда взялось параллельное обозначение «пикты», мы предоставляем исследовать другим.

Во второй четверти V века, благодаря деятельности Патриция (по-ирландски Патрик — Patraic, поскольку кельты всегда произносят букву «с» на манер древних римлян, как «к»), христианство — без насильственных потрясений — сделалось в Ирландии господствующей религией. К этому времени оживились также и давно уже существовавшие сношения с Британией: оттуда стали приезжать зодчие и строительные мастера, которые научили ирландцев, знакомых до тех пор только с постройками из *голого* камня, употреблению в строительстве известкового раствора; применение этого способа в период от VII до XII века исключительно при постройке церковных зданий является достаточным доказательством того, что он был введен в связи с

распространением христианства, и, далее, что с той поры духовенство — представитель чужеземной образованности — в ходе своего интеллектуального развития полностью обособилось от народа. В то время как в социальной жизни народа не происходило никакого прогресса или он был крайне медленным, среди духовенства вскоре получили развитие необычайные по тем временам образованность и культура, которые, сообразно стилю века, проявлялись чаще всего в ревностном обращении язычников и основании монастырей. Колумба обратил в христианство британских скоттов и пиктов, Галл (основатель Санкт-Галленского монастыря) и Фридолин обратили алеманнов, Килиан — живших на Майне франков, Виргилий — население Зальцбурга; все пятеро были ирландцами; англосаксы были обращены в христианство также главным образом ирландскими миссионерами. Наряду с этим во всей Европе Ирландия слыла рассадником учености, и это мнение было настолько прочным, что Карл Великий пригласил для преподавания в Павию ирландского монаха Альбина, которого позднее сменил там другой ирландец, Дунгал. Самым замечательным среди многочисленных ирландских ученых, сыгравших в свое время важную роль, но теперь большей частью позабытых, был «отец» или, как его называет Эрдман, «Carolus Magnus[*] средневековой философии» — *Иоанн Скотт Эригена.* «Он был первым, с кого в то время начинается подлинная философия», — говорит о нем Гегель[441]. Из всех западноевропейцев IX века он был единственным человеком, понимавшим греческий язык, и своим переводом сочинений, приписываемых Дионисию Ареопагиту, он восстановил связь с последним отпрыском древней философии, с александрийской школой неоплатоников[442]. Его учение отличалось большой смелостью для того времени; он отрицает «вечное проклятие», даже по отношению к дьяволу, и подходит вплотную к пантеизму; со стороны представителей современной ему ортодоксии не было поэтому недостатка в злобных выпадах. Прошли целые два столетия, прежде чем основанная Эригеной наука обрела своего продолжателя в лице Ансельма Кентерберийского[**].

Но прежде чем это развитие более высокой культуры успело оказать влияние на народ, оно было прервано разбойничьими

[*] — Карл Великий. *Ред.*

[**] Подробности об учении и произведениях Эригены см. у Эрдмана «Grundriss der Geschichte der Philosophie», 2. Aufl, Berlin, 1869, Bd. I, S. 241—247 [«Очерк истории философии», 2 изд., Берлин, 1869, т. I, стр. 241—247]. — У Эригены, который к тому же вовсе не был духовным лицом, мы обнаруживаем чисто ирландское задорное остроумие. Когда однажды сидевший против него за столом Карл Лысый, король Франции, спросил его, как велика разница между скоттом (scot) и глупцом (sot), Эригена ответил: «Она равна ширине стола».

набегами норманнов. Эти разбойничьи набеги, которые являются главным предметом торговли скандинавского, и в особенности датского патриотизма, начались слишком поздно и исходили от чересчур небольших народов, чтобы они могли в крупных масштабах вылиться в завоевания, колонизацию и образование государств, как это имело место во время прежних вторжений германцев. Выгода для исторического развития от набегов норманнов была совершенно ничтожна по сравнению с теми огромными и бесплодными даже для самих скандинавских стран смутами, которые были этими набегами вызваны.

К концу VIII века Ирландия отнюдь не была населена единой нацией. Верховная королевская власть над всем островом существовала лишь по видимости, да и то далеко не всегда. Областные короли, число которых постоянно менялось, так же как и границы их владений, находились в состоянии междоусобной войны, а более мелкие местные вожди равным образом были заняты своими частными распрями. Но в целом в этих внутренних усобицах соблюдался, по-видимому, известный регламент, который допускал опустошения только в определенных границах, так что страна не слишком от этого страдала. Однако суждено было произойти переменам. В 795 г. — несколько лет спустя после первого визита этого разбойничьего народа в Англию — норманны высадились на острове Ратлин у берегов Антрима и обратили все в пепел; в 798 г. они произвели высадку у Дублина и с тех пор почти ежегодно упоминаются в анналах под названием «язычников», «чужеземцев», «пиратов», причем о них никогда не говорится без добавления о «losccadh» (поджогах), произведенных в одном или нескольких местах. Их поселения на Оркнейских, Шетландских и Гебридских островах (Южные острова, Sudhreyjar древнескандинавских саг) служили им операционной базой как против Ирландии, так и против Англии и будущей Шотландии. В середине IX века они владели Дублином*, который, как утверждает Гиральд, был ими впервые перестроен в настоящий город; он приписывает им также основание городов Уотерфорда и Лимерика. Самое название Уотерфорд есть лишь переделка на английский лад — в данном случае бессмысленная — древне-скандинавского Vedhrafiordhr, что означает либо бухту для защиты от непогоды (Wetterfohrde), либо «баранья бухта»

* Утверждение Снорри в «Саге о Харальде»[443], что сыновья Харальда Харфагра, Торгильс и Фроди, завладели Дублином раньше всех других норманнов, то есть по крайней мере на 50 лет позже, чем указано, здесь нами, противоречит всем сообщениям ирландских источников, безусловно достоверных для того времени. В рассказе Снорри явно смешаны Торгильс, сын Харальда Харфагра, с упоминаемым ниже Торгильсом или Тургезием.

[Widderbucht]. Как только норманны обосновались в Ирландии, их первой потребностью, разумеется, сделался захват укрепленных портовых городов; в этих городах долго сохранялось скандинавское население, но в XII веке оно было уже давно ассимилировано ирландцами в отношении языка и обычаев. Взаимные раздоры ирландских вождей чрезвычайно облегчили норманнам грабеж страны и основание в ней своих поселений и позволили им даже на время завоевать весь остров. В какой мере сами скандинавы расценивали Ирландию как одну из стран, доставлявших им регулярную добычу, показывает сочиненная около 1000 г. «Krakumal» — так называемая предсмертная песнь Рагнара Лодброка, заключенного в Змеиную башню короля Нортумбрии Эллы[444]. В этой песне древне-языческая дикость как бы в последний раз проявляется во всей своей силе; под предлогом прославления подвигов короля Рагнара здесь скорее повествуется в кратких чертах о разбойничьих походах всего этого северного народа, как в его собственной стране, так и на побережье от Дюнамюнде до Фландрии, в Шотландию (последняя здесь уже названа Скоттией и, возможно, в первый раз) и Ирландию. Об Ирландии говорится:

«Мы мечами ударили, грудами мертвых поле устлали,
Волка брат был весел, он рад был кровавому пиру;
Железо стучало о бронзовый щит; властитель
Ирландии Марстейн
Не оставил без пищи орла, насытил свирепого волка.
В Ведрафьорде жертвы принесены ворону.

Мы мечами ударили, утром игру мы затеяли —
Битву веселую там в Линдисейрре с тремя королями.
Немногим уйти невредимым тогда посчастливилось:
С волком сокол бился за мясо, пожирала людей
волчья пасть,
Кровь ирландцев потоком лилась на берег морской»[*]

[*] Hiuggu ver medh hiorvi, hverr la thverr of annan;
gladhr vardh gera brodhir getu vidh soknar laeti,
let ei otn ne ylgi, sa er Irlandi styrdhi,
(mot vardh malms ok ritar) Marsteinn konungr fasta;
vardh i Vedhra firdhi valtafn gefit hrafni.

Hiuggu ver medh hiorvi, hadhum sudhr at morni
leik fyrir Lindiseyri vidh lofdhunga threnna;
farr atti thvi fagna (fell margr i gyn ulfi,
haukr sleit hold medh vargi), at hann heill thadhan kaemi;
Yra blodh i oegi aerit fell um skaeru.

Ведрафьорд — это, как уже было сказано, Уотерфорд; найден ли где-нибудь Линдисейрр — мне неизвестно. Однако это ни в коем случае не Ленстер, как переводил Джонстон[445]; окончание eyri (песчаная коса, по-датски — ore) указывает на вполне определенную местность. Valtafn — может также означать «пища сокола» и большей частью здесь так и переводится; но так как ворон является священной птицей Одина, то очевидно, что это слово употреблялось и в том и в другом значении.

Уже в первой половине IX века норманскому викингу Торгильсу — ирландцы называли его Тургезием — удалось подчинить себе всю Ирландию, но после его смерти в 844 г. распалась также и его держава, и норманны были изгнаны. Вторжения и битвы продолжались, борьба велась с переменным успехом, пока, наконец, в начале XI века, национальному герою Ирландии Бриану Боруа, который первоначально был королем лишь одной части Манстера, не удалось возвыситься до положения повелителя всей Ирландии и дать 23 апреля (в страстную пятницу) 1014 г. при Клонтарфе (около самого Дублина) решающее сражение вторгшимся в Ирландию объединенным силам норманнов. В результате владычество пришельцев было навсегда сломлено.

Норманны, поселившиеся в Ирландии и лишившие независимости Ленстер (король Ленстера Майльморда был возведен в 999 г. на престол с их помощью и с тех пор держался у власти только при их поддержке), предвидя, что предстоит решительный бой, разослали посланцев на Южные и Оркнейские острова, в Данию и Норвегию для того, чтобы получить подкрепление, которое и прибыло в большом количестве. «Сага о Ньяле»[446] повествует о том, как на Оркнейских островах снарядился в поход ярл Сигурд Лаудриссон, как вместе с ним отправились Торстейн Сидухальсон, Хравн Рыжий и Эрлинг из Страумей, как в вербное воскресенье прибыл он со всей своей ратью в Дублин (Duflin).

«Тогда же прибыл и Бродир со всем своим войском. С помощью колдовских чар Бродир стал испытывать, каков будет исход боя, и ответ гласил: если бой будет в пятницу, то король Бриан погибнет, но одержит победу; если же бой будет раньше, то погибнут все его противники; тогда Бродир сказал, что не следует биться раньше, чем в пятницу».

О самом сражении существуют две версии: версия ирландских анналов и скандинавская версия из «Саги о Ньяле». Согласно этой последней,

«король Бриан со всем своим войском подступил к крепости» (Дублину); «в пятницу из крепости вышло войско» (норманнов), «и обе рати построились в боевом порядке. Бродир был на одном крыле, а король Сигтрюгг» (согласно «Инисфаленским анналам»[447], король дублинских норманнов) — «на другом. О короле Бриане следует сказать, что он не захотел сражаться в пятницу и что вокруг него было сооружено укрепление из щитов, а его войско выстроилось впереди. Ульв Хрэда был на том крыле, которое приходилось против Бродира, на другом крыле — там, где напротив стоял Сигтрюгг, — был Оспак со своими сыновьями, в центре же находился Кертьяльвад, и перед ним несли знамя».

Когда начался бой, Ульв Хрэда загнал Бродира в лес, где тому удалось укрыться; ярл Сигурд ожесточенно сражался

с Кертьяльвадом, который пробился к знамени, сразил знаменосца, а также следующего воина, схватившего знамя; тогда все отказались нести знамя, и ярл Сигурд сорвал знамя с древка и спрятал в складках своей одежды. Вскоре затем он был пронзен копьем, и тут же, по-видимому, была разгромлена и его дружина. Тем временем Оспак ударил норманнам в тыл и после жестокого боя опрокинул крыло, которым командовал Сигтрюгг.

«Тут все отряды обратились в бегство. Торстейн Сидухальсон остановился, в то время как все другие бежали, и стал завязывать ремни на своих башмаках. Тогда Кертьяльвад спросил его, почему он не бежит, как другие. Торстейн ответил: «О, мне ведь сегодня вечером все равно не бывать дома, ведь дом мой в Исландии». И Кертьяльвад отпустил его с миром».

Тем временем Бродир заметил из своего укрытия, что войско Бриана преследует бегущих и что подле укрепления из щитов оставалось немного людей. Тогда он выбежал из леса, прорвался через укрепление и убил короля (Бриан, которому было 88 лет, уже не мог, разумеется, участвовать в битве и оставался в лагере).

«И тогда Бродир закричал громким голосом: «Пусть пойдет из уст в уста, что Бриан пал от руки Бродира!»».

Но преследовавшие врага воины вернулись обратно, окружили Бродира и взяли его в плен живым.

«Ульв Хрэда распорол ему живот, стал водить его вокруг дуба и вымотал из него кишки, обвив ими ствол дерева, и Бродир умер не раньше, чем из него были выпущены все кишки, люди же Бродира были все перебиты».

Согласно «Инисфаленским анналам», норманское войско было разделено на три отряда: первый состоял из дублинских норманнов и прибывших к ним на помощь 1000 норвежцев, которые были облачены в доспехи из длинных кольчуг; второй был образован из ирландского ленстерского вспомогательного войска под предводительством короля Майльморды; третий состоял из прибывших с островов и из Скандинавии подкреплений во главе с Бруадайром, командовавшим флотом, на котором они были доставлены, и ярлом Оркнейских островов Лодаром. Бриан построил против них свое войско также тремя отрядами, но имена их начальников не совпадают с теми, которые указаны в «Саге о Ньяле». В самом рассказе о сражении нет ничего примечательного, короче и яснее сообщение о нем «Анналов четырех магистров», которое мы здесь приводим:

«Год после рождества Христова 1013» (вследствие постоянной ошибки эта дата стоит вместо 1014 г.). «Чужеземцы со всей Западной Европы собрались против Бриана и Майльшахлайна» (подвластный Бриану король Мита, обычно встречается под именем Малахия), «и они привезли с собой тысячу воинов в кольчугах. Яростная, неистовая, гигантская, свирепая битва, равной которой не бывало доселе, разыгралась между ними в Клуайнтарве» (Воловий луг, ныне Клонтарф) «как раз в страстную пятницу. В этой битве были убиты Бриан, 88 лет от роду, Мурхад, его сын, 63 лет, Конайнг, его племянник, Тойрдальбах, его внук ...» (следует множество имен). «Наконец, отряды» (врагов) «были отброшены от Тулькайна до Athcliath» (Дублина) «Майльшахлайном в результате ожесточенного боя и благодаря отважным схваткам с чужеземцами и ленстерцами; и тут пал Майльморда, король Ленстера, сын Мурхада, сына Финна,.. и кроме того было еще несметное число убитых среди ленстерцев. Были также убиты Дубгалль, сын Амланиба» (обычно упоминается под именем Анлафа или Олафа) «и Гиллакиарайн, сын Глуниайрна, — два военачальника низшего ранга (tanaisi) чужеземцев, Зихфрит, сын Лодера, ярла Оркнейских островов (iarla insi h Oirc), Бродар, предводитель датчан — тот самый, который убил Бриана. Тысяча воинов в кольчугах была перебита, и было умерщвлено там по меньшей мере 3000 чужеземцев».

«Сага о Ньяле» была записана в Исландии приблизительно через сто лет после битвы; ирландские анналы основаны, по крайней мере частично, на рассказах современников. Оба эти источника совершенно независимы друг от друга, и оба не только согласуются между собой в главных пунктах, но и восполняют друг друга. Кто такие были Бродир и Сигтрюгг, мы узнаем лишь из ирландских анналов. Сигурд Лаудриссон фигурирует здесь под именем Зихфрита, сына Лодера, ибо Зихфрит есть правильная англосаксонская форма древнескандинавского имени Сигурд, а скандинавские имена встречаются в Ирландии — как на монетах, так и в анналах — большей частью не в древнескандинавской, а в англосаксонской форме. Имена вассальных военачальников Бриана в «Саге о Ньяле» переделаны на скандинавский лад; одно из этих имен, Ульв Хрэда, даже целиком древнескандинавское, но было бы рискованно делать отсюда вывод, — как поступают некоторые, — что и Бриан в своем войске имел норманнов. Оспак, а также Кертьяльвад, по-видимому, кельтские имена; последнее из них, возможно, искаженная форма имени Тойрдальбах, встречающегося в «Анналах четырех магистров». В отношении даты — одни называют первую пятницу после вербного воскресенья, другие страстную пятницу — источники полностью сходятся, равно как и в отношении места битвы; хотя в «Саге о Ньяле» и назван Кантарабург (иначе говоря, Кентербери)[448], однако там прямо указывается, что битва произошла у самых ворот Дублина. Ход битвы точнее всего описан у «Четырех магистров»: норманны из

Клонтарфской равнины, где они атаковали войско Бриана, были отброшены к Дублину через маленькую речку Толку, протекающую около самого города с северной стороны. О том, что Бродир убил короля Бриана, знают оба источника, но более подробные сведения сообщает только скандинавский источник.

Принимая во внимание варварство той эпохи, следует сказать, что наши сведения об этой битве достаточно обстоятельны и достоверны; немного найдется сражений в XI веке, о которых мы имели бы такие определенные и совпадающие свидетельства обеих враждебных сторон. Это не помешало г-ну профессору Голдуину Смиту изображать ее не иначе, как «призрачным (shadowy) конфликтом» (в указанном сочинении, стр. 48). Поистине, в голове г-на профессора самые осязаемые факты весьма часто приобретают «призрачный» характер.

После клонтарфского поражения разбойничьи набеги норманнов становятся более редкими и менее опасными; дублинские норманны вскоре оказались под властью соседних ирландских вождей и во втором или третьем поколении слились с коренными жителями. В качестве единственного возмещения за все произведенные ими опустошения скандинавы оставили ирландцам три—четыре города и зачатки занимавшегося торговлей городского населения.

Чем дальше мы уходим в глубь истории, тем больше стираются признаки отличия между народами одного и того же происхождения. Это объясняется, с одной стороны, природой самих источников, которые, когда имеешь дело с глубокой древностью, становятся все более скудными и охватывают лишь самое существенное, но с другой стороны, это обусловлено и развитием самих народов. Отдельные ответвления одного племени тем ближе стояли друг к другу и обладали тем большим сходством, чем меньше они были удалены от своего первоначального корня. Якоб Гримм с полным правом всегда рассматривал как одинаково ценные источники для изучения немецкого национального характера, немецких обычаев и правовых отношений все свидетельства, начиная от римских историков, описавших поход кимвров[449], кончая Адамом Бременским и Саксоном Грамматиком, все литературные памятники от «Беовульфа» и «Песни о Хильдебранде» вплоть до «Эдды»[450] и древних саг, все сборники законов от Leges barbarorum[451] до стародатских и старошведских законов и записей германского обычного права. Та или иная специфическая особенность может иметь лишь местное значение, но то характерное, что она

отражает, одинаково присуще всему племени, и чем древнее источники, тем больше исчезают эти местные различия.

Если жители Скандинавии и Германии в VII и VIII веках меньше отличались друг от друга, чем в настоящее время, то подобно этому между кельтами Ирландии и кельтами Галлии первоначально должно было быть больше сходства, чем между современными ирландцами и французами. Нам не следует поэтому удивляться, что в принадлежавшем Цезарю описании галлов встречается множество таких черт, которые Гиральд двенадцать столетий спустя вновь обнаруживает у ирландцев и которые мы поныне находим в национальном характере ирландцев, несмотря на всю примесь германской крови...[452]

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ ФРАГМЕНТОВ К РАБОТЕ «ИСТОРИЯ ИРЛАНДИИ»

Англичане сумели примирить со своим господством народы, принадлежавшие к самым различным расам. Жители Уэльса, которые так строго придерживаются своей национальности и языка, совершенно срослись с британским королевством. Шотландские кельты, несмотря на свой мятежный дух, до 1745 г.[453], несмотря на то, что с тех пор их подвергли почти полному истреблению сначала правительство, а затем их собственная аристократия, — и не думают о восстании. Французы Нормандских островов даже в период великой французской революции яростно сражались против Франции. И даже проданные Данией Англии гельголандские фризы[454] довольны своей участью, и много времени должно было пройти, прежде чем лавры Садовы и завоевания Северогерманского союза исторгли из их груди мучительный крик об объединении с «великим отечеством». Только с ирландцами англичане не справились. Виною тому огромная гибкость ирландской расы. После свирепейшего подавления, после каждой попытки истребления ирландцы, спустя короткий срок, снова поднимались с еще большей силой, чем когда-либо прежде; они словно черпали свою главную силу в чужеземном гарнизоне, который сажали им на шею для их угнетения. Во втором, а часто и в первом поколении, чужеземцы превращались в больших ирландцев, чем сами ирландцы (Hiberniores ipsis Hibernis), а последние — чем больше усваивали английский язык и забывали свой собственный, тем больше становились ирландцами.

Буржуазия все превращает в товар, а, следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то историческое сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии. Свидетельство этому — Маколей, который потому-то и является недосягаемым идеалом для менее ловкого Голдуина Смита; его лживые выдумки предназначались именно для этой цели.

Убийства на почве аграрных волнений в Ирландии не могут быть прекращены *по той причине* и *до тех пор,* пока они являются единственным действенным средством против истребления народа лендлордами. Это *помогает,* и потому они продолжаются и будут продолжаться вопреки всем репрессивным законам. В количественном отношении они колеблются, как и все социальные явления, и при известных обстоятельствах могут принять даже характер эпидемии, когда они вызываются даже весьма незначительным поводом. Эпидемию еще можно преодолеть, но не самый недуг.

Написано Ф. Энгельсом в мае — первой половине июля 1870 г.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, 1948 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАМЕТКА ДЛЯ ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКУ ИРЛАНДСКИХ ПЕСЕН [455]

Некоторые из ирландских народных напевов древнего происхождения, другие возникли за последние 300—400 лет, многие же из них лишь в прошлом веке; особенно много было создано тогда одним из последних ирландских бардов Кароланом. Этих бардов или арфистов — поэтов, композиторов и певцов в одном лице — было прежде множество, у каждого ирландского вождя в его замке был собственный бард. Немало бардов бродило также по стране в качестве странствующих певцов, подвергаясь преследованиям со стороны англичан, которые, не без основания, видели в них главных носителей национальной, антианглийской традиции. Барды эти сохраняли в живой памяти народа старинные песни о победах Финна Мак-Куала (которого Макферсон в своем «Оссиане»[456], целиком основанном на этих ирландских песнях, украл у ирландцев и превратил в шотландца под именем Фингала), о великолепии древнего королевского дворца Тара, о героических подвигах короля Бриана Боруа, более поздние песни о битвах ирландских вождей с Sassenach (англичанами); они прославляли в своих песнях также и подвиги современных им ирландских вождей, боровшихся за независимость. Однако, когда в семнадцатом веке Елизавета, Яков I, Оливер Кромвель и Вильгельм Голландский полностью поработили ирландский народ, ограбили его, отняв у него землю и отдав ее английским завоевателям, поставили его вне закона и превратили в нацию париев, то странствующие певцы подверглись таким же гонениям, как католические священники, и к началу нынешнего столетия они постепенно вымерли. Имена их забыты, от их стихов сохранились

лишь отрывки; самое лучшее наследие, которое они оставили своему порабощенному, но не побежденному народу, это — их напевы.

Все стихи на ирландском языке написаны четырехстрочными строфами; поэтому этот четырехстрочный размер, хотя зачастую и несколько завуалированный, лежит обычно в основе большинства, в особенности старинных, напевов; к этому нередко примыкает рефрен, или музыкальное заключение на арфе. Даже и теперь, когда ирландский язык в большей части Ирландии понимают уже только старики или вообще никто не понимает, многие из этих старинных напевов известны лишь по своим ирландским названиям или начальным словам. Однако большая, более поздняя часть напевов имеет уже английские названия или английский текст.

Глубокая грусть, пронизывающая большинство этих напевов, является и по сей день выражением национального настроения. Да и могло ли быть иначе у народа, властители которого изобретают все новые, все более современные способы угнетения? Новейший способ, впервые примененный сорок лет назад и за последние 20 лет доведенный до крайности, состоит в массовом сгоне ирландцев с насиженных мест, а в Ирландии это равносильно изгнанию из страны. С 1841 г. население ее уменьшилось на два с половиной миллиона, и более трех миллионов ирландцев эмигрировало. И все это делается ради прибылей и вследствие домогательств крупных землевладельцев английского происхождения. Если так будет продолжаться еще тридцать лет, то ирландцев можно будет найти разве только в Америке.

Написано Ф. Энгельсом около 5 июля 1870 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА К РАБОЧИМ ОБЩЕСТВАМ [457]

Международное Товарищество Рабочих
Центральный Совет
18, Грик-стрит, Лондон, Уэст

Приглашаем профессиональные общества, общества взаимопомощи и другие общества рабочих присоединяться в коллективном порядке; единственными условиями приема являются признание принципов Товарищества и оплата стоимости заявления о присоединении; стоимость заявления (покрытого лаком и наклеенного на холст с планками) равна 5 шиллингам. Присоединяющиеся общества *не обязаны* платить какие-либо взносы; им предоставляется самим решить по своему усмотрению и в зависимости от своих средств, будут ли они платить взносы или предпочтут *оказывать поддержку Товариществу* время от времени, когда сочтут его *деятельность достойной этого.*

Центральный Совет охотно пошлет любому обществу, выразившему такое пожелание, Манифест и Устав, в которых полностью изложены принципы и цели Товарищества, а в пределах Лондона с готовностью направит делегации, которые предоставят любую дальнейшую информацию, какая может потребоваться. Присоединяющиеся общества получают право послать представителя в Центральный Совет. Для индивидуальных членов установлен годовой взнос в размере 1 шиллинга, помимо 1 пенни за членский билет; билеты, равно как и всю информацию, касающуюся Товарищества, можно получить у почетного секретаря или на заседаниях Центрального Совета, которые

происходят каждый вторник с 8 до 10 часов вечера в доме 18 по Грик-стрит.

Э. Дюпон	— *секретарь-корреспондент*	*для*	Франции
К. Маркс	— » »	»	Германии
Э. Холторп	— » »	»	Польши
Г. Юнг	— » »	»	Швейцарии
Л. Льюис	— » »	»	Америки
Дж. Оджер	— *председатель Центрального Совета*		
Дж. У. Уилер	— *почетный казначей*		
У. Р. Кример	— *почетный генеральный секретарь*		

ФОРМА ЗАЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОБЩЕСТВ, ЖЕЛАЮЩИХ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ТОВАРИЩЕСТВУ РАБОЧИХ

Мы, члены .... собравшиеся в ....

.............................., заявляем о своем полном согласии с принципами и целями Международного Товарищества Рабочих и обязуемся распространять и проводить их в жизнь; в подтверждение искренности наших намерений мы просим настоящим Центральный Совет принять нас в братский союз в качестве примкнувшего отделения Товарищества.

Подписали по поручению членов в количестве..

Секретарь..

Председатель..

Составлено в июне 1865 г.

Напечатано в виде листовки в Лондоне летом 1865 г.

Печатается по тексту листовки

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ДОКЛАД ПОСТОЯННОГО КОМИТЕТА О КОНГРЕССЕ И КОНФЕРЕНЦИИ, ИСПРАВЛЕННЫЙ И ПРИНЯТЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ 25 ИЮЛЯ 1865 ГОДА [458]

Принимая во внимание настоятельные просьбы наших французских и швейцарских корреспондентов, которые призывают Центральный Совет приступить к выполнению данного при основании Товарищества обязательства — созвать в нынешнем году в Брюсселе конгресс, чтобы обсудить вопросы, представляющие общий интерес для пролетариев Европы, Комитет, рассмотрев этот предмет всесторонне, передает теперь на ваше утверждение следующие предложения:

1. Ввиду того, что в настоящее время созвать конгресс в Брюсселе или в Лондоне невозможно, мы предлагаем вместо конгресса созвать в Лондоне конференцию, назначив ее на понедельник, 25 сентября.

2. Опубликовать в континентальных и британских газетах, сочувственно относящихся к нашему делу, следующее заявление:

«Центральный Совет Международного Товарищества Рабочих сообщает, что он принял решение отсрочить созыв общего конгресса рабочих в Брюсселе или в каком-либо другом месте по следующим трем причинам:

во-первых, потому что он убедился в целесообразности созвать предварительную конференцию с небольшим числом делегатов от главных отделений Товарищества на континенте для обсуждения программы, которая должна быть предложена предстоящему конгрессу;

во-вторых, потому что энергия и внимание рабочего класса были до такой степени поглощены в Англии движением за избирательную реформу, выборами в парламент и промышленной

выставкой, а во Франции — стачками, что развитие Товарищества не смогло осуществиться в полной мере;

в-третьих, потому что в нынешнем году бельгийский парламент принял такой закон об иностранцах, который воспрепятствовал намерению Товарищества созвать в столице Бельгии конгресс и исключил какие-либо возможности созвать там конференцию».

3. Состав конференции должен быть следующий: от каждого центрального правления приглашаются по 2 делегата, и кроме того 2 делегата из Лиона. Путевые издержки делегатов возлагаются на отделения, которые они представляют, а расходы в Лондоне оплатит Центральный Совет.

4. Что касается изыскания средств для покрытия этих издержек, то в Комитет поступило великодушное предложение гражданина Юнга, который готов предоставить стол и квартиру делегатам из Швейцарии. Для покрытия остальных расходов Комитет рекомендует:

во-первых, членам Центрального Совета уплатить членские взносы за будущий год в сентябре, до начала конференции;

во-вторых, поручить генеральному секретарю обратиться к секретарям уже присоединившихся к Товариществу обществ с призывом усилить распространение билетов индивидуального членства для покрытия расходов на конференцию;

в-третьих, предложить членам Центрального Совета получить некоторое количество членских билетов для распространения, уплатив Совету их стоимость наличными деньгами с тем, чтобы возместить себе эту сумму по мере распространения билетов.

5. Комитет предлагает Центральному Совету принять и поставить на обсуждение конференции следующую программу.

Программа исправляется и принимается Центральным Советом в следующем виде:

1) Вопросы, касающиеся конгресса.

2) Вопросы, касающиеся организации Товарищества.

3) Объединение действий с помощью Товарищества в борьбе между капиталом и трудом в отдельных странах.

4.) Профессиональные союзы — их прошлое, настоящее и будущее.

5) Кооперативный труд.

6) Прямые и косвенные налоги.

7) Сокращение рабочего дня.

8) Женский и детский труд.

9) Московитская угроза Европе и восстановление независимой и единой Польши.

10) Постоянные армии; их влияние на интересы производящих классов.

6. Предварительные заседания делегатов конференции будут происходить совместно с Комитетом, а решающие — с Центральным Советом.

7. 28 сентября состоится вечер в ознаменование трех следующих событий: во-первых, годовщины основания Товарищества; во-вторых, приезда делегатов с континента; в-третьих, победы федерализма и свободного труда в Америке.

В программе вечера товарищеский чай, приветствия, беседы и танцы.

Публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

ИЗ ПИСЬМА ЖЕННИ МАРКС И. Ф. БЕККЕРУ ОТ 29 ЯНВАРЯ 1866 ГОДА [459]

Мы приводим следующие строки из одного лондонского письма от 29 января:

«В отношении к религии в затхлой Англии развивается в настоящее время весьма важное движение. Виднейшие ученые во главе с Гексли (школа Дарвина) — Чарлз Лайель, Боуринг, Карпентер и др. читают в Сент-Мартинс-холле просветительные, поистине смелые, исполненные свободомыслия лекции для народа, и притом это происходит по воскресным вечерам, как раз в тот час, когда обычно божьи овечки совершали паломничество на пастбище господне. Зал бывал битком набитым и энтузиазм народа столь большим, что в первый воскресный вечер, когда я присутствовала там с членами моей семьи, свыше 2000 человек не смогли уже попасть в переполненное до отказа душное помещение. Три раза попы допустили, чтоб нечто столь ужасное совершилось. Однако же, вчера вечером собранию было возвещено, что больше не должно быть никаких лекций, пока не закончится судебный процесс, возбужденный духовными отцами против Sunday evenings for the people (воскресных лекций для народа). Собрание решительно выразило свое возмущение, и тотчас же было собрано больше 100 фунтов стерлингов для ведения процесса. До чего же глупо со стороны попов вмешиваться в это дело! К великой досаде этой банды святош вечера заканчивались к тому же еще музыкой. Исполнялись хоры Генделя, Моцарта, Бетховена, Мендельсона и Гуно, и это пение воспринималось с энтузиазмом англичанами, которым до сих пор разрешалось по воскресеньям лишь горланить

«Jesus, Jesus meck and mild» (Иисусе, Иисусе, кроткий и милосердный) или отправляться в Ginpalast (кабак)».

Эти события могут, пожалуй, дать толчок к тому, чтобы многочисленные общества свободомыслящих в Англии[460], занимавшие до сих пор более сдержанную позицию, выступили перед народом в целях практического приложения своих исследований.

Знамением времени является и тот факт, что дело фениев[461] вызывает глубокое сочувствие в английском рабочем классе как потому, что они выступают против попов, так и потому, что они — республиканцы*.

Написано Женни Маркс 29 января 1866 г.

Напечатано в журнале «Der Vorbote» № 2, февраль 1866 г.

Печатается по тексту журнала, сверенному с рукописью

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* Последние два абзаца добавлены редакцией журнала «Vorbote». *Ред.*

ПИСЬМО В ГАЗЕТУ «ECHO DE VERVIERS»[462]

18, Бувери-стрит, Флит-стрит, Лондон

Г-ну РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «ECHO DE VERVIERS»

Милостивый государь!

Рассчитывая на Ваше чувство справедливости и на Ваше стремление «распространять истину и просвещение среди рабочего класса», просим Вас опубликовать прилагаемое письмо, копия которого послана гражданину В*.

Преданный Вам ***Юнг***

Господин В.,

В № 293 «Echo de Verviers» от 16 декабря 1865 г. помещена статья, якобы ставящая себе целью разъяснить трудящимся принципы, которыми руководствуются члены Центрального Совета *Международного Товарищества Рабочих;* гражданин Ле Любе, представивший эту статью Совету (в соответствии с данным ему поручением), признал, что она, хотя и опубликована анонимно, принадлежит Вашему перу.

Обсудив статью, Центральный Совет на заседании 9 января 1866 г. принял следующую резолюцию:

«Потребовать от гражданина В. обоснования выдвинутых им фактов; в случае отказа или невозможности доказать эти факты, исключить его из *Международного Товарищества Рабочих».*

Ввиду того, что Ваша статья совершенно расходится с истиной, Центральный Совет счел своим долгом восстановить подлинные факты; сознавая свою миссию и вверенные ему полно-

* — Везинье. *Ред.*

мочия, Центральный Совет не намерен бороться клеветой против клеветы, выдвигать лживые обвинения против лживых обвинений и унижаться до личных выпадов, он предоставит обвиняемым самим позаботиться о своем оправдании, он ни перед чем не остановится и вопреки фальшивым друзьям не оставит на себе ни тени подозрения.

Особого внимания заслуживают следующие места:

I

«Вскоре все французские и итальянские члены подали в отставку, мотивируя свой уход участием гг. Толена и Фрибура в работе комитета и их интригами» («Echo de Verviers» № 293).

Из 9 французских членов Центрального Совета ушли только двое — гг. Денуаль и Ле Любе, причем последний в скором времени снова возвратился; что же касается итальянцев, то один из них (гражданин Вольф) мотивировал свой уход ссылкой не на «участие гг. Толена и Фрибура в работе комитета и их интриги», а на резолюцию Центрального Совета относительно гражданина Лефора*, предложенную Подкомитетом, резолюцию, за которую он сам голосовал несколькими часами раньше как член Подкомитета.

II

«Комитет продолжал работать и работает без них и по сей день» («Echo de Verviers» № 293).

Один из двух ушедших французских членов, гражданин Ле Любе, бывший секретарь для Франции, вскоре вернулся в качестве делегата от секции в Детфорде; следовательно, «комитет работал без него» недолго.

III

«Он (комитет) опубликовал Манифест и Временный Устав; первый принадлежит перу видного публициста латинской расы и т. д.» («Echo de Verviers» № 293).

Манифест и Устав были опубликованы до ухода итальянских и двух французских членов; Манифест принадлежит перу не видного публициста латинской расы, а писателя германской расы**; Манифест был принят единогласно всеми членами Центрального Совета, в том числе французами и итальянцами, еще до того как публицист латинской расы с ним ознакомился; последний не только не является автором Манифеста, но если

* См. настоящий том, стр. 81—83. *Ред.*

** Имеются в виду Дж. Мадзини и К. Маркс. *Ред.*

бы он был знаком с этим документом, то поднял бы против него итальянских членов из-за его антибуржуазной тенденции; но он опоздал и смог только помешать итальянским членам перевести Манифест на итальянский язык. Вы, очевидно, никогда не читали этого Манифеста, а публицист латинской расы не поблагодарит Вас за то, что Вы приписали ему авторство этого произведения.

IV

«Добивался ли он (комитет) достижения той цели, которую себе ставил, — полного освобождения трудящихся?

Нет! Вместо этого он потерял год драгоценного времени на то, чтобы созвать конференцию и выработать программу конгресса, который должен собраться в Женеве и т. д.» («Echo de Verviers» № 293).

Центральный Совет лишь к 1865 году начал свою работу; таким образом, до конференции прошло 9 месяцев; он употребил эти 9 месяцев «драгоценного времени» на установление международных связей и расширение связей в Англии. Каждую неделю, в течение нескольких месяцев, делегации, состоявшие из членов Совета, посещали различные рабочие общества, чтобы предложить им присоединиться к Товариществу. Результат этой работы таков. Ко времени конференции *Международное Товарищество Рабочих* насчитывало в Англии 14000 членов; в числе прочих к Товариществу примкнули такие большие организации, как общества сапожников и каменщиков; наиболее влиятельные и видные деятели этих огромных рабочих организаций (тред-юнионов) являлись членами Центрального Совета; была основана газета, само название которой («Workman's Advocate») указывает ее задачи, газета, которая всегда и везде защищает интересы рабочего класса.

Было основано общество борьбы за всеобщее избирательное право в Англии (Лига реформы) — общество, насчитывающее много тысяч членов; секретарь и большинство членов его исполнительного комитета избраны из нашей среды.

Во Франции — несколько тысяч сторонников.

В Париже — сильное, деятельное и безупречное Правление во главе организации, насчитывающей свыше 2000 членов; отделения в Лионе, Руане, Нанте, Кане, Нёшато, Пон-л'Эвеке, Пантене, Сен-Дени, Лизьё, Пюто, Бельвиле и т. д. и т. д. и т. д.

В Швейцарии: в Женеве — руководство, составленное из лучших людей, во главе организации, насчитывающей 500 членов; отделения в Лозанне, Веве, Монтрё и Невшательском кантоне.

В Бельгии движение начиналось при наилучших предзнаменованиях; Центральный Комитет имел основание думать, что вслед за Бельгией скоро последует Испания.

V

«Нет, он (комитет) даже не пригласил на свою конференцию в сентябре 1865 г. ни одного делегата ни из Германии, которая насчитывает столько рабочих обществ, ни от многочисленных английских обществ, ни от так хорошо организованных итальянских обществ, ни от тех обществ, которые существуют во Франции, ибо Толен, Фрибур и К° не являются делегатами какого-либо общества французских рабочих, а делегировали себя сами. не предъявив никаких доказательств того, что они облечены полномочиями. Они не только не являлись делегатами французских рабочих обществ, но их присутствие на Лондонской конференции было единственной причиной, помешавшей этим обществам послать своих делегатов. Мы могли бы назвать несколько таких обществ, которые на этом основании отказались принять в конференции участие и т. д. и т. д.» («Echo de Verviers» № 293).

Согласно установленному принципу только секции Международного Товарищества Рабочих и общества, присоединившиеся к нему, могли быть представлены на конференции; состояние же наших финансов заставило нас ограничить число наших делегатов до самого низкого минимума.

Из Германии, «которая насчитывает столько рабочих обществ», могли бы быть представлены только потребительские общества, организованные Шульце-Деличем, и лассальянские общества, Всеобщий германский рабочий союз. Первые, без ведома их членов, являются лишь орудием прусской либеральной буржуазии, одним из матадоров которой состоит Шульце-Делич; что же касается лассальянских обществ, то они находились и до сих пор находятся в состоянии полного разложения; часть из них вошла в соглашение с Бисмарком, а другая часть, тогда еще не реорганизованная, признавала руководство И. Ф. Беккера, который был на конференции швейцарским делегатом. Во время заседаний конференции он получил мандат от рабочих золингенских заводов и он же являлся представителем немецкого общества в Женеве (Просветительного общества немецких рабочих), в то время как немецкое общество в Лондоне (Просветительное общество немецких рабочих) было представлено своими делегатами — членами Центрального Совета[463].

Помимо тех препятствий, которые рабочие встречают при образовании обществ в Германии, законодательство к тому же запрещает им вступать в иностранные общества; тем не менее несколько секций Товарищества образовалось на севере и юге Германии.

Принимая во внимание все эти трудности, следует ли удивляться, что Германия не была так хорошо представлена, как этого мог бы желать Центральный Совет?

Английские общества были хорошо представлены английскими членами Центрального Совета. Председатель Оджер состоит секретарем Совета тред-юнионов (высшего совета всех тред-юнионов Англии); генеральный секретарь Кример является членом исполнительного комитета плотников, а секретарь Лиги реформы Хауэлл — одновременно член исполнительного комитета каменщиков; и он, и секретарь общества каменщиков Коулсон являются делегатами этого общества в Центральном Совете; член правления одного из обществ взаимного страхования жизни Уилер также является членом Центрального Совета.

Сапожники (5000 членов) были представлены Оджером, Морганом и Коупом, тогда как Шо представлял маляров и т. д. и т. д.

Гражданин Вольф, который присутствовал на съезде итальянских рабочих в Неаполе в 1865 г., и другие итальянские члены Совета, хотя они принимали очень активное участие в работе Центрального Совета, не добились присоединения хотя бы одного члена в Италии; Центральный Совет весьма сожалеет, что итальянские члены, даже до своего ухода, не пользовались достаточным доверием со стороны «так хорошо организованных итальянских обществ», чтобы уговорить хотя бы одно из них примкнуть к Международному Товариществу.

«... ни от тех обществ, которые существуют во Франции, ибо Толен, Фрибур и K° не являются делегатами какого-либо общества французских рабочих, а делегировали себя сами».

Члены лионской секции выражали сожаление по поводу того, что недостаток средств помешал им послать делегатов, но так же, как это сделали члены секции в Кане и Нёшато, они прислали обращение и тем самым приняли участие в деятельности Центрального Совета.

Толен, Фрибур, Лимузен и Варлен были избраны парижской секцией путем всеобщего голосования; эта секция состоит из рабочих всех специальностей и из нескольких сот членов ассоциации «Кредит труду». Руководитель этой ассоциации Белюз также состоит членом секции; все они приняли или могли принять участие в выборе делегатов. Лимузен, один из четырех парижских делегатов, состоит секретарем правления газеты «Association» — международного органа кооперативных обществ.

Г-н Клариоль был делегирован обществом парижских типографов. По приглашению Центрального Совета на конференцию

прибыли из Парижа гг. Шили, Дюмениль-Мариньи и др. и приняли в ней очень активное участие.

Каким же другим обществам, о которых Вы говорите, присутствие Толена, Фрнбура и К° помешало послать делегатов на конференцию? Не имели ли Вы в виду Общество 10 декабря[464], единственное общество, разрешенное во Франции при нынешнем режиме?

Отчет о конференции появился во всех либеральных парижских газетах, не вызвав ни одной жалобы, ни единого возражения со стороны членов Международного Товарищества или французских кооперативных обществ; мандаты, полученные делегатами, были проверены и утверждены Подкомитетом Центрального Совета.

В самом начале конференции парижские делегаты представили подробный и точный отчет о деятельности своего Правления, о состоянии финансов, для подтверждения которого они передали свои книги и всю свою переписку в распоряжение Центрального Совета; Центральный Совет может только приветствовать те успешные мероприятия, которые были использованы Парижским правлением для основания и пропаганды Международного Товарищества во Франции.

VI

«Бельгия послала весьма достойного делегата, гражданина Де Папа, но он был единственным представителем страны, насчитывающей множество обществ» («Echo de Verviers» № 293).

Весьма прискорбно, что Бельгия прислала только одного делегата и что этот делегат как раз представлял наименьшее число избирателей. Но все же Бельгия была достойным образом представлена в лице Сезара Де Папа.

VII

«Из Швейцарии, или, вернее, Женевы, прибыли два делегата, оба нешвейцарцы, именно: французский и баденский эмигранты, которые приехали на конференцию вместе с двумя вышеупомянутыми якобы французскими делегатами; итого — 5 или 6 человек одинакового пошиба и только один настоящий и серьезный делегат, бельгиец» («Echo de Verviers» № 293).

Швейцарские делегаты были избраны всеобщим голосованием всех членов различных секций Международного Товарищества в Швейцарии, Грютли-союза[465], в котором состоят только швейцарцы, и немецкого общества.

Просветительное общество немецких рабочих также участвовало в выборах в лице своих представителей в организациях

Международного Товарищества в Швейцарии. Выбором своих делегатов члены Товарищества в Швейцарии завоевали почетное место в истории Международного Товарищества.

Швейцарские делегаты приехали на конференцию не с «двумя якобы французскими делегатами», а с четырьмя парижскими делегатами.

Один из делегатов на конференции, гражданин Беккер, стал швейцарцем более 20 лет тому назад; звание гражданина города Бьенна было присвоено ему в благодарность за услуги, оказанные им делу международной демократии; будучи рабочим, он отличился как агитатор, воин, организатор и писатель; свои столь разносторонние таланты он всегда отдавал делу трудящихся; смешно видеть, как такие исполины подвергаются нападкам пигмеев; ясно, что их заслуги могут подвергать обсуждению только люди, известные своей честностью и бескорыстием.

VIII

«Мы спрашиваем, можно ли назвать этот результат удовлетворительным?» («Echo de Verviers» .№ 293).

Центральный Совет состоит почти исключительно из рабочих, привыкших к молоту и напильнику, и лишь ценой личных жертв они могут сменить их на перо; если они прибегают к перу, то всегда для того, чтобы защищать или пропагандировать какое-нибудь благородное дело, а отнюдь не для того, чтобы продать свои услуги бонапартизму. Если же достигнутый результат не так удовлетворителен, как вообще хотели бы рабочие, то мы убеждены, что они примут во внимание вечера, проведенные за работой после длинного и утомительного трудового дня, и те волнения, которые пришлось пережить их братьям, прежде чем довести дело до настоящего положения.

IX

«Поддаваясь пагубному влиянию, комитет включил в программу Женевского конгресса вопросы, чуждые целям Товарищества, вроде вопроса о необходимости уничтожить русское влияние в Европе» («Echo de Verviers» № 294).

Что это за пагубное влияние, которому поддался Центральный Совет, когда включил в свою программу вопрос о необходимости уничтожить московитское (а не русское, что означает совсем другое) влияние в Европе? Необходимость «уничтожить московитское влияние в Европе» в принципе признана в нашем Манифесте, который безусловно не был издан под чьим-либо пагубным влиянием.

Какие же еще вопросы были внесены в программу под этим пагубным влиянием?

X

«Эта огромная ошибка уже повлекла за собой роковые последствия: толпы поляков требовали, чтобы их приняли в комитет, и скоро они будут располагать в нем подавляющим большинством» («Echo de Verviers» № 294).

Толпы поляков вовсе не требовали, чтобы их приняли в Центральный Совет, и они составляют в нем отнюдь не подавляющее большинство, а менее двадцатой части.

Как вести разумный разговор с автором, который заявляет, что «комитет выработал и поставил на голосование программу, состоящую из двенадцати вопросов, которые охватывают почти все самые общие проблемы политической экономии, но не поставил ни одного научного вопроса», а несколькими строками ниже, даже не переводя духа, признает «научное значение» этих самых вопросов?

Центральный Совет не проявляет никакой нетерпимости и всегда старался использовать просвещенное мнение всех искренних друзей дела трудящихся; он стремился всеми доступными ему средствами пропагандировать свои великие принципы и объединять рабочих всех стран. С этой целью в Швейцарии были основаны три газеты: «Journal de l'Association Internationale des Travailleurs» и «La Voix de l'Avenir» на французском языке; «Предвестник» («Vorbote») на немецком языке; в Англии — «The Workman's Advocate»[466], единственная английская газета, которая, исходя из права наций на самоопределение, признает, что ирландцы имеют право сбросить английское иго.

Центральный Совет не может быть судьей своих собственных действий. Женевскому конгрессу предстоит решить, достоин ли Совет того доверия, которое ему было оказано, и не изменил ли он легкомысленно великой миссии, возложенной на него.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Г. Юнг

От имени Центрального Совета
Международного Товарищества Рабочих

15 февраля 1866 г.

Напечатано в газете «L'Echo de Verviers» № 43, 20 февраля 1866 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА ПО ПОВОДУ ОТНОШЕНИЯ МАДЗИНИ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ТОВАРИЩЕСТВУ РАБОЧИХ[467]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 13 МАРТА 1866 ГОДА

Гражданин Маркс в своей речи касается порядка ведения прошлого заседания. Он говорит, что заявление майора Вольфа о том, будто наш Устав написан Мадзини, не соответствует действительности. Маркс сам написал Устав после обсуждения в комиссии нескольких проектов и среди прочих проекта Вольфа[468]. Проекты коренным образом отличались один от другого по двум пунктам. Маркс говорил об угнетении труда капиталом. Вольф высказывался за централизацию, но, говоря о рабочих ассоциациях, имел в виду только общества взаимопомощи. Составленный Мадзини устав был напечатан ко времени съезда в Неаполе.

Едва ли Мадзини мог видеть написанный Марксом Манифест до того, как он был напечатан; ведь текст находился у Маркса в кармане; разве только Мадзини видел его после того, как он попал в руки Ле Любе, перед отправкой в «Bee-Hive».

Далее. Мадзини послал в Брюссель Фонтену письмо, предназначенное бельгийским обществам, в котором предостерегал их против социалистических взглядов Маркса; об этом Де Пап заявил на конференции[469].

Майор Вольф не является членом Совета; он должен был письменно уведомить Совет о том, что намерен внести свою жалобу. От своего имени и от имени других континентальных секретарей Маркс выражает протест против порядка ведения прошлого заседания и просит занести это в протокол, так как вопрос, возможно, встанет на Женевском конгрессе.

Публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

УСТАВ И РЕГЛАМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ[470]

УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ,

ПРИНЯТЫЙ ЖЕНЕВСКИМ КОНГРЕССОМ НА ЗАСЕДАНИИ 5 СЕНТЯБРЯ 1866 ГОДА

Принимая во внимание:

что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за новые классовые привилегии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах: социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия в этом направлении оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза рабочего класса разных стран;

что освобождение труда — не местная и- не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества этих стран;

что нынешний новый подъем движения рабочего класса в наиболее развитых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем серьезным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения все еще разрозненных движений;

принимая во внимание указанные соображения,

Конгресс *Международного Товарищества Рабочих,* состоявшийся 3—8 сентября 1866 г., заявляет, что это Товарищество и все вступившие в него общества и отдельные лица признают *истину, справедливость* и *нравственность* основой в своих отношениях ко всем людям независимо от цвета их кожи, их верований или национальности.

Конгресс считает своим долгом требовать для всех права человека и гражданина.

Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.

Исходя из всего этого конгресс принял как окончательный следующий Устав *Международного Товарищества Рабочих:*

Статья I. Настоящее Товарищество основано, чтобы служить центром сношений и сотрудничества для рабочих обществ, существующих в различных странах и преследующих одинаковую цель, а именно — взаимную защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса.

Статья II. Общество принимает название *Международное Товарищество Рабочих.*

Статья III. В состав Генерального Совета входят рабочие различных стран, представленных в *Международном Товариществе.* Он избирает из своей среды должностных лиц, необходимых для ведения дел, а именно: председателя, генерального секретаря, казначея, секретарей для различных стран. Ежегодно заседающий конгресс назначает время и место созыва следующей сессии, определяет местопребывание Генерального Совета и избирает его членов, предоставляя ему право пополнять свой состав новыми членами.

В назначенный конгрессом срок делегаты собираются в установленном месте без особого приглашения. *В случае необходимости Генеральный Совет может изменить* место созыва конгресса, но не может отсрочить время его созыва.

Статья IV. Ежегодно на конгрессе Генеральный Совет представляет гласный отчет о годичной деятельности Товарищества. В случае крайней, необходимости он может созвать конгресс ранее установленного срока.

Статья V. Генеральный Совет устанавливает связь с различными рабочими обществами, добиваясь того, чтобы рабочие одной страны были постоянно осведомлены о движении их класса во всех других странах; чтобы одновременно и под общим руководством проводилось обследование социальных условий;

чтобы вопросы, поднятые в одном обществе, но представляющие общий интерес, обсуждались во всех обществах, и чтобы в тех случаях, когда в связи с каким-либо практическим предложе-

нием или международными осложнениями требуется вмешательство Товарищества, оно могло действовать согласованно. Во всех надлежащих случаях Генеральный Совет берет на себя инициативу внесения предложений в различные национальные иди местные общества.

Для облегчения своей связи с секциями Генеральный Совет публикует периодические отчеты.

Статья VI. Так как успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией, а с другой стороны, польза, приносимая Генеральным Советом, будет тем больше, чем меньше будут рассеиваться его действия, то члены *Международного Товарищества* должны приложить все усилия для объединения местных отделений в каждой стране в национальную организацию, представленную центральными советами. Само собой разумеется, однако, что эта статья должна применяться с учетом особенностей законов каждой страны; независимо от наличия препятствий, чинимых законами, местным обществам не возбраняется вступать в непосредственные сношения с *Генеральным Советом.*

РЕГЛАМЕНТ[*]

1. Генеральному Совету поручается приводить в исполнение резолюции конгресса.

a) Для этой цели он собирает все материалы, пересылаемые ему центральными комитетами различных стран, а также все материалы, которые он имеет возможность получить иным путем.

b) Ему поручается организовывать конгрессы и доводить их программу до сведения каждого отделения при содействии центральных комитетов.

2. Генеральный Совет издает так часто, как это позволяют ему его средства, обзор информации обо всем, что представляет интерес для Международного Товарищества Рабочих. Этот обзор должен касаться, главным образом, вопросов спроса и предложения работы, кооперативных обществ и положения рабочего класса во всех странах и т. д.

3. Указанный обзор издается на различных языках и рассылается всем связанным с Генеральным Советом комитетам, в обязанность которых входит разослать по одному экземпляру каждому отделению.

[*] В оригинале: «Reglements speciaux». *Ред.*

4. Чтобы Генеральный Совет мог выполнить эти резолюции, за 1866—1867 год в виде исключения взимается взнос в размере 30 сантимов (3 пенсов) с каждого члена Международного Товарищества Рабочих.

Эти взносы предназначаются, главным образом, для покрытия многочисленных издержек Генерального Совета, как-то: оплата генерального секретаря, расходы на публикацию, переписку, на организацию и другую подготовительную работу к конгрессу и т. д.

5. Всюду, где это позволяют условия, создаются центральные советы. Их должностные лица, которые назначаются соответствующими отделениями и могут быть в любое время ими отозваны, посылают Генеральному Совету свои отчеты не реже одного раза в месяц и чаще, если это потребуется.

6. Расходы центральных советов покрываются различными связанными с ними отделениями.

7. Центральные советы, связанные с Генеральным Советом, так же, как и Генеральный Совет, обязаны гарантировать кредит, предоставленный члену Товарищества его отделением, только в том случае, если членская книжка подписана секретарем того отделения, к которому принадлежит предъявитель.

Если отделение, к которому предъявитель обращается для использования своего кредита, не располагает средствами, оно уполномочивается выдать вексель на имя правления или отделения, открывшего кредит.

8. Центральные советы и отделения должны безвозмездно предоставлять каждому члену Товарищества по его требованию отчеты Генерального Совета.

9. Каждое отделение, большое или малое, имеет право послать делегата на конгресс. Если отделение не располагает средствами для посылки делегата, оно может объединиться с другими отделениями для посылки делегата сообща.

10. Расходы делегата покрываются отделением или объединением отделений, пославшим его.

11. Каждый член Международного Товарищества Рабочих имеет право избирать и быть избранным.

12. Каждое отделение или группа, насчитывающие более 500 членов, имеют право послать дополнительно по одному делегату от каждых 500 членов.

13. Каждый делегат имеет на конгрессе один голос.

14. Каждое отделение имеет право составить свой регламент и устав применительно к местным условиям и к особенностям

законодательства своей страны. Однако, в них не должно содержаться ничего, противоречащего Общему Уставу и Регламенту.

15. Настоящие Устав и Регламент могут быть пересмотрены каждым конгрессом, если две трети присутствующих делегатов потребуют их изменения.

Принято 5 и 8 сентября 1866 г.

Опубликовано в виде брошюры «Associatin Internationale des Travailleurs. Statuts et reglements». Londres, 1866

Печатается по рукописи К. Маркса и П. Лафарга, сверенной с текстом брошюры

Перевод с французского

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА НА ЮБИЛЕЙНОМ ПРАЗДНЕСТВЕ ЛОНДОНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ 28 ФЕВРАЛЯ 1867 ГОДА[471]

Карл Маркс говорил о наемном труде и капитале и с большой ясностью показал, как капитал создается рабочими, как с помощью продукта их же собственного труда их держат в рабстве и как капитал систематически используется для того, чтобы крепче заковывать их в цепи. У так называемого свободного рабочего имеется, правда, чувство, что он — свободный рабочий, но тем более он находится во власти капитала, так как вынужден продавать свой труд за жалкую заработную плату, чтобы удовлетворить свои самые насущные жизненные потребности. В большинстве случаев свободный рабочий находится в худшем материальном положении, чем раб и крепостной. Рабочему классу незачем уничтожать личную собственность, ибо она давно уничтожена и изо дня в день уничтожается, однако, что действительно следует уничтожить, так это собственность буржуазную, которая основывается ведь только на обмане.

Что касается социальных отношений в Германии, то Маркс отметил, что в этой области немецкий пролетариат первый может успешно применить радикальные средства. Во-первых, немцы больше других освободились от всякой религиозной чепухи, во-вторых, им не пришлось проходить через стадию длительного буржуазного движения, подобно рабочим других стран, и, в-третьих, географическое положение Германии заставит их объявить борьбу восточному варварству, ибо оттуда, из Азии, исходила всякого рода реакция против Запада. Все это будет толкать партию рабочих на революционный путь, по которому они должны пойти, чтобы полностью себя освободить.

Записано Ф. Лесснером

Напечатано в журнале «Per Vorbote» № 3, март 1867 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О КОНГРЕССЕ В ЛОЗАННЕ [472]

К ЧЛЕНАМ, К ПРИМКНУВШИМ ОБЩЕСТВАМ И КО ВСЕМ РАБОЧИМ

Пролетарии!

Из получаемой нами корреспонденции видно, что члены Товарищества продолжают пропагандировать принципы Международного Товарищества и увеличивать число его отделений. Особенно эта деятельность заметна в Швейцарии, где большая часть наших отделений активно занята созданием различного рода рабочих обществ и сближением их с нами.

В Бельгии после избиения в Маршьенне[473] предпринимаются похвальные усилия сплотить весь бельгийский пролетариат под нашей эгидой.

Но в других странах развитие нашей пропаганды было затруднено рядом обстоятельств.

В Германии, которая до 1848 г. так интересовалась изучением социальных вопросов, почти все активные силы поглощены развивающимся в ней объединительным движением.

Во Франции, ввиду ограниченной свободы, предоставляемой рабочему классу, распространение наших принципов и нашего Товарищества осуществлялось не так быстро, как можно было бы надеяться; ибо мы полагали, что помощь, которую *благодаря лам* английские рабочие общества оказали французским рабочим обществам во время их последних стачек[474], должна была бы обеспечить нам поддержку всех французских рабочих. Теперь, когда во Франции борьба между классом капиталистов и рабочим классом вступает в фазу, которую мы назовем *английской,* то есть принимает резко выраженный характер, рабочим следовало бы понять, что для того, чтобы успешно противостоять силам капиталистов, необходим прочный союз, связующий воедино различные отряды рабочего братства.

В Англии, охваченной движением за избирательную реформу, экономическое движение на время оказалось оттесненным

на задний план. Но теперь, когда движение за реформу прекратилось, когда обследование *тред-юнионов*[475] выявляет численность и констатирует силу рабочего класса, мы полагаем, что наступил момент, когда все рабочие общества должны понять пользу нашей организации. Уже не раз на собраниях делегатов рабочего класса роль нашего Товарищества получала должную оценку, и большое число обществ. уже вступило в наши ряды. Англия с ее мощно организованным пролетариатом призвана быть одной из наших самых прочных опор.

Соединенные Штаты, по-видимому, обрели вторую молодость в кровопролитной войне, через которую они только что прошли: рабочий класс уже организовался и оказал давление на буржуазное правительство, которое у власти в Америке, заставив законодательные собрания нескольких штатов принять закон о восьмичасовом рабочем дне. В связи с очередными выборами президента различным политическим партиям пришлось публично изложить свою платформу. Радикальная партия устами Уэйда, председателя Сената, признала необходимым прежде всего заняться специально проблемой труда и капитала; она открыто высказалась за преобразование капиталистической и земельной собственности. Так как в этой стране рабочий класс обладает значительной организованностью, он сможет добиться выполнения своих требований.

В настоящее время во всех цивилизованных странах рабочий класс пришел в движение; в тех странах, где фабричная промышленность наиболее развита, как в Америке и Англии, рабочий класс обладает более сплоченной организацией, и борьба между классом буржуазии и рабочим классом носит наиболее острый характер.

Перед властью капитала человек теряет свою индивидуальную силу; рабочий на фабрике превратился в часть машины. Чтобы вернуть себе свою индивидуальность, рабочим пришлось объединиться, создать союзы для защиты своей заработной платы, своей жизни. До настоящего времени эти союзы носили местный характер; но капитал, вследствие новых промышленных изобретений, становится с каждым днем сильнее; союзы в национальных рамках обнаруживают во многих случаях свое бессилие. Изучая борьбу английского рабочего класса, можно видеть, как хозяева, чтобы оказать сопротивление своим рабочим, либо ввозят иностранных рабочих, либо передают работу в те страны, где рабочие руки всего дешевле. При таком положении вещей необходимо превратить национальные союзы в международные, чтобы рабочий класс мог продолжать свою борьбу сколько-нибудь успешно.

Пусть все рабочие внимательно рассмотрят эту новую точку зрения на вопрос, пусть они убедятся в том, что, объединяясь под нашим знаменем, они защищают свой хлеб и хлеб своих детей.

От имени Генерального Совета мы призываем всех содействовать тому, чтобы очередной конгресс, который откроется 2 сентября 1867 г. в Лозанне, превратился в величественную демонстрацию рабочего класса.

Согласно Регламенту, установленному первым конгрессом, каждое отделение имеет право послать на конгресс одного делегата. Отделения, насчитывающие более 500 членов, могут послать по одному делегату от каждых 500 членов сверх этого числа. Отделения, не располагающие достаточными средствами, чтобы послать делегата, могут присоединиться к другим отделениям для оплаты расходов одного делегата, уполномоченного представлять их[476].

На конгрессе будут обсуждаться следующие вопросы:

1) Каковы *практические* средства для превращения Международного Товарищества в общий центр борьбы рабочего класса (женщин и мужчин) за свое освобождение от гнета капитала?

2) Каким путем рабочий класс может использовать для своего освобождения тот кредит, который он предоставляет буржуазии и правительствам?

Привет и братство!

Секретари-корреспонденты:

Э. Дюпон — для Франции; ***К. Маркс*** — для Германии; ***Жабицкий*** — для Польши; ***Г. Юнг*** — для Швейцарии; ***П. Фокс*** — для Америки; ***Бессон*** — для Бельгии; ***Картер*** — для Италии; ***П. Лафарг*** — для Испании; ***Хансен*** — для Голландии и Дании

Дж. ***Оджер,*** председатель
Г. Эккариус, заместитель председателя
У. Делл, казначей
Шо, секретарь-казначей
Питер Фокс, генеральный секретарь

16, Касл-стрит, Оксфорд-стрит

Составлено в середине июля 1867 г.

Напечатано в виде листовки в Лондоне в июле 1867 г.

Печатается по тексту листовки

Перевод с французского

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА ПО ПОВОДУ СТАТИСТИКИ НОВОЙ СИНЕЙ КНИГИ[477]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 23 ИЮЛЯ 1867 ГОДА

Гражданин Маркс обращает внимание Совета на парламентскую Синюю книгу — «Отчеты секретарей посольств и миссий ее величества о промышленности и торговле тех стран, в которых они пребывают, 1867» — и приводит из нее следующую выдержку:

«За первые одиннадцать месяцев 1864 г. в Бельгию ввезено 7200 тонн необработанного чугуна, из них 5300 — из Великобритании; за соответствующий период 1865 г. ввоз чугуна возрос до 18800 тонн, из коих 17000 тонн ввезено из Великобритании; в 1866 г. ввоз достиг 29590 тонн, в том числе 26200 тонн ввезено из Великобритании. С другой стороны, вывоз бельгийского чугуна за первые одиннадцать месяцев 1864 г. достиг 24400 тонн, из коих 17200 тонн отправлено во Францию и 5900 тонн в Англию, тогда как за соответствующий период 1866 г. вывоз не превысил 14000 тонн, в том числе 9600 тонн было вывезено во Францию и только 241 тонна в Великобританию. Экспорт бельгийских рельсов также упал с 75353 тонн за первые одиннадцать месяцев 1864 г. до 62734 тонн в 1866 году.

Приводим в виде таблицы данные о ввозе *всех сортов железа и стали* из Великобритании в Бельгию и о ввозе бельгийского железа и стали в Великобританию за первые одиннадцать месяцев 1866 г. по сравнению с соответствующим периодом 1864 года.

Ввоз в Бельгию из Великобритании	Первые одиннадцать месяцев	
	1866 г. в тоннах	1864 г. в тоннах
Руда и металлические опилки	0	1
Необработанное, слитковое и старое железо	26 211	5 296
Кованое железо (гвозди, проволока и т. д.)	1 031	1 777
Металлическое литье	41	24
Сварочное железо	255	203

Полосовая, листовая и проволочная сталь	3 219	1 227
Сварочная сталь	522	0
Итого	31 289	8 528

Вывоз из Бельгии в Великобританию	Первые одиннадцать месяцев 1866 г. в тоннах	1864 г. в тоннах
Руда и металлические опилки	1 768	5 555
Необработанное, слитковое и старое железо	241	5 920
Кованое железо (гвозди, проволока и т. д.)	6 727	9 436
Металлическое литье	5	7
Сварочное железо	12	0
Полосовая, листовая и проволочная сталь	50	56
Сварочная сталь	16	5
Итого	8 817	20 979

Вкратце итоги таковы: в 1864 г. (за первые одиннадцать месяцев года) Бельгия ввезла в Англию 20979 тонн железа и стали, а в 1866 г. — только 8817 тонн, между тем как экспорт английского железа и стали в Бельгию возрос с 8528 тонн в 1864 г. до 31289 тонн в 1866 году».

Маркс напоминает, что некоторые буржуазные газеты в прошлом году подняли шум по поводу якобы пагубных последствий существования тред-юнионов; они утверждали, будто в результате деятельности тред-юнионов английская железоделательная промышленность теряет свои позиции, вытесняемая бельгийской железоделательной промышленностью. Ни одна из газет, поднявших весь этот шум, не только не сообщила содержания данной Синей книги, но даже не упомянула об ее выходе в свет.

Напечатано в газетах «The Working Man» № 18, 27 июля 1867 г. и «The Bee-Hive Newspaper» № 302, 27 июля 1867 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА ОБ ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ К КОНГРЕССУ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ [478]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 13 АВГУСТА 1867 ГОДА

Гражданин Маркс обращает внимание Совета на конгресс Лиги мира, который должен состояться в Женеве. Он считает желательным, чтобы на этом конгрессе присутствовало как можно больше делегатов в индивидуальном порядке; однако было бы нецелесообразно принимать в нем официальное участие в качестве представителей Международного Товарищества. Конгресс Международного Товарищества Рабочих сам по себе является конгрессом мира, поскольку объединение рабочего класса разных стран в конечном счете должно сделать войны между народами невозможными. Если бы инициаторы женевского конгресса Лиги мира понимали суть данного вопроса, они бы присоединились к Международному Товариществу.

Теперешнее увеличение больших армий в Европе вызвано революцией 1848 года. Большие постоянные армии являются необходимым результатом современного состояния общества:

постоянные армии содержат не для ведения внешних войн, а для подавления рабочего класса[479]. Однако не всегда бывают баррикады для бомбардировки и рабочие для расстреливания; тогда имеется возможность разжечь международный конфликт, дабы солдаты не теряли боевой сноровки. Поборники мира любой ценой несомненно будут на конгрессе в большинстве. Они охотно пошли бы на то, чтобы Россия одна имела в своем распоряжении средства для ведения войны против остальной Европы; между тем существование такой державы, как Россия, уже дает основание всем другим странам сохранять свои армии.

Более чем вероятно, что некоторые французские радикалы воспользуются случаем, чтобы произнести напыщенные речи против своего собственного правительства, но такие речи произвели бы больше впечатления, если бы были произнесены в Париже.

Те люди, которые отказываются принять участие в деле преобразования отношений между трудом и капиталом, оставляют без внимания действительное условие всеобщего мира.

Напечатано в «The Bee-Hive Newspaper» № 305, 17 августа 1867 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ЛОЗАННСКОМУ КОНГРЕССУ 1867 ГОДА [480]

I. ОБЯЗАННОСТИ, ВОЗЛОЖЕННЫЕ ЖЕНЕВСКИМ КОНГРЕССОМ (СЕНТЯБРЬ 1866 г.)

Женевский конгресс возложил на Генеральный Совет следующие обязанности[481]:

1) Конгресс соответствующей резолюцией уполномочил английских делегатов предпринять необходимые шаги перед директорами почтовых ведомств в Швейцарии, Франции и Англии, чтобы добиться снижения тарифа за пересылку писем и печатных материалов.

Швейцарский министр согласился с делегацией по всем пунктам, которые были ею предложены, но отметил, что французское правительство противится всякой реформе в этой области.

Во Франции делегаты не смогли добиться приема у директора почтового ведомства.

В Англии правительство согласилось принять лишь докладную записку с изложением фактов. Эта записка была составлена Генеральным Советом, который ждет ответа.

2) Издание материалов конгресса на нескольких языках с приложением писем и докладов.

3) Издание периодического бюллетеня на различных языках, содержащего все, что может интересовать Международное Товарищество; предоставление всякого рода информации по вопросам труда в отдельных странах и составление отчетов о кооперативных обществах и о социальном положении рабочих.

4) Генеральному Совету было поручено также произвести статистическое обследование труда, включающее обстоятельные и специальные отчеты по каждой отрасли промышленности и сельского хозяйства и охватывающее все цивилизованные страны.

Чтобы дать возможность Совету выполнить эти обязанности, конгресс установил ежегодные отчисления в размере 30 сантимов

с каждого члена, а также оплату генерального секретаря в размере 2 ф. ст. в неделю; назначение генерального секретаря было предоставлено Генеральному Совету.

Приступив к работе по возвращении делегатов, Совет получил известие, что на французской границе агенты полиции захватили у *Жюля Готро* некоторые важные документы.

Генеральному секретарю было поручено письменно обратиться к министру внутренних дел Франции, чтобы добиться возвращения указанных документов. Так как это письмо осталось без ответа, обратились с ходатайством к английскому министру иностранных дел. Лорд Стэнли дал соответствующие указания английскому послу в Париже лорду Каули, поручив ему добиться возвращения документов.

Через несколько дней документы были нам возвращены вместе с пачкой номеров газеты «La Tribune du Peuple», которая, очевидно, была отобрана у другого лица.

Этот инцидент задержал на несколько месяцев издание материалов конгресса Советом.

Документы были переданы Подкомитету с тем, чтобы он подготовил официальный отчет.

Но так как Генеральный Совет не располагал средствами для оплаты генерального секретаря, эта работа легла на плечи членов Совета, достаточно преданных делу, чтобы выполнить ее наряду со своей обычной работой, для чего потребовался больший срок.

По окончании работы оказалось, что за печатание этого отчета только на одном языке в количестве 1000 экземпляров потребуется не менее 1000 франков.

Для выполнения резолюции конгресса Генеральному Совету необходимо было немедленно затратить 3000 франков; в кассе же в этот момент насчитывалось 22 франка 90 сантимов.

Генеральный Совет обратился к присоединившимся английским обществам с призывом относительно отчислений.

На этот призыв откликнулись только *лондонские сигарочники* и *ленточники Ковентри и Уорикшира.*

Исполнительный совет ленточников, проявив в выполнении своих обязательств большое рвение, которое мы считаем своим долгом отметить, несмотря на отсутствие денег в кассе и невзирая на безработицу большинства своих членов, провел специальный сбор средств среди тех, кто работал.

Исчерпав все возможности для издания отчета о конгрессе как во Франции, так и в других странах, Генеральный Совет принял предложение гражданина *Колле,* редактора «Courrier international» и «Working Man»[482], напечатать отчет в этих двух

еженедельниках на французском и английском языке; кроме того, Колле обязался изготовить стереотипы, чтобы издать отчет в виде брошюры и поделить с Генеральным Советом всю прибыль, в то время как все убытки он заранее принял на себя.

Когда в этих двух органах появилось объявление об издании материалов Женевского конгресса, английское правительство, не чинившее в течение нескольких лет никаких препятствий подобным изданиям, нашло способ, чтобы приостановить издание этого отчета, предложив гражданину Колле внести два залога в размере нескольких тысяч франков. Эта формальность задержала издание отчета до 9 марта. Впоследствии гражданин Колле узнал из достоверного источника, что этот инцидент был вызван вмешательством французского правительства.

Этот факт, в сопоставлении с конфискацией докладной записки парижских делегатов[483], ясно показывает, какой позиции придерживается французское правительство в отношении Международного Товарищества.

Номера «Courrier international», содержащие отчет, были разосланы *бесплатно* всем корреспондентам Товарищества. От перевода на немецкий язык пришлось отказаться, так как Генеральный Совет не имел никакой возможности сделать это.

Несмотря на то, что стереотипы всего текста были изготовлены, недостаток средств и теперь еще не позволяет издать отчет в виде брошюры, чего, однако, настойчиво требуют все наши корреспонденты.

Чтобы устранить эти затруднения, один из членов Совета авансировал 100 франков на издание в 1000 экземплярах членской книжки с текстом основного Устава и Регламента; отправленные 800 членских книжек были конфискованы французской полицией. Эта потеря тем более затруднила положение Генерального Совета, что ему со всех сторон предъявляли требования по задолженности в размере свыше тысячи франков, образовавшейся за 1865—1866 годы; и хотя Женевский конгресс и принял на себя коллективную ответственность за эту задолженность, он не указал никакого действительного способа для ее погашения.

При таких обстоятельствах Совет был лишен всякой возможности издавать какие-либо отчеты или периодические бюллетени, как было постановлено конгрессом. Вследствие этого пришлось поневоле отказаться от проведения статистического обследования за 1867 г., ибо для того, чтобы это обследование действительно принесло пользу, оно не может ограничиваться присоединившимися обществами, а должно охватить все отрасли производства повсеместно. Эта работа, требующая за-

траты значительного времени и очень больших средств; не могла быть выполнена Генеральным Советом при том финансовом положении, в котором он оказался.

II. РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ В БОРЬБЕ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ

Многочисленные услуги, оказанные Товариществом в различных схватках между капиталом и трудом, происходивших в ряде стран, в достаточной степени доказывают необходимость такой организации. Когда рабочие отказывались принять условия, произвольно навязываемые им английскими капиталистами, последние грозили заменить их рабочими, привезенными с континента. Возможности подобного ввоза не раз оказывалось достаточно, чтобы заставить рабочих пойти на уступки. Благодаря деятельности Совета на такие угрозы уже не идут открыто, как раньше. Теперь, когда происходят подобные факты, достаточно малейшего намека на них, чтобы расстроить замыслы капиталистов. Происходит ли стачка или *локаут*[*] в обществах, присоединившихся к Товариществу, рабочих всех стран немедленно уведомляют о создавшемся положении и таким путем предостерегают их против предложений агентов капиталистов. Эта деятельность не ограничивается кругом присоединившихся обществ, так как поддержка Товарищества обеспечена всем обществам, которые за ней обратятся.

Иногда капиталистам удается завлечь кое-кого из неосведомленных рабочих; но они немедленно бросают работу, лишь только им разъяснят их права и обязанности.

Капитал видит в рабочем лишь производственную машину, не больше; яркий пример этому дает последний *локаут* лондонских корзинщиков. Вот факты. Хозяева-корзинщики в Лондоне заявили своим рабочим, что те должны в трехдневный срок распустить свое общество и согласиться на снижение заработной платы, в противном случае, по истечении этого срока, двери мастерских будут закрыты. Возмущенные подобной наглостью рабочие заявили, что они отвергают эти условия. Хозяева это предвидели: их агенты уже съездили в Бельгию и привезли оттуда рабочих... Этих рабочих они загнали под своды железнодорожного моста в одном из лондонских кварталов (Бермондси); здесь они должны были работать, есть и спать, не отлучаясь, во избежание всякого соприкосновения с другими рабочими. Но Генеральному Совету удалось прорвать санитарный кордон,

[*] Так англичане называют закрытие мастерских хозяевами.

установленный хозяевами, и с помощью военной хитрости проникнуть к бельгийским рабочим. На следующий день эти рабочие, осознав свой долг, уехали обратно в Бельгию, получив вознаграждение за потерянное время от общества лондонских корзинщиков. В самый момент их отъезда прибыл еще один пароход, нагруженный рабочими, но на этот раз мы смогли их встретить, и они отправились на родину следующим пароходом. После этого хозяева не могли уже найти новых рабочих и в результате вынуждены были все оставить по-старому[484].

Благодаря обращению Совета к английским обществам парижские бронзовщики получили от этих обществ во время своей стачки моральную и материальную поддержку; с другой стороны, лондонские портные получили аналогичную поддержку от рабочих континента.

Столь же успешно Совет вмешался в стачку *землекопов, решеточников, парикмахеров, рабочих-оцинковщиков* и *резчиков по дереву.*

III. АНГЛИЙСКАЯ СЕКЦИЯ

A. Пропаганда

Если в Англии пропаганда не велась так активно, как в прошлом году, это легко объясняется нижеследующим: правительство никогда не предпринимает ни одного либерального мероприятия по собственной инициативе; лишь после того, как продолжительная агитация всколыхнет народные массы, оно в конце концов под их давлением идет на уступки. Свидетельством тому служат вопросы об избирательной реформе и о праве созывать митинги в парках[485].

Английские рабочие справедливо придают огромное значение вопросу об избирательном праве; они отдают свое время и энергию на организацию внушительных демонстраций, моральная сила которых оказывает воздействие на правительство и вынуждает его удовлетворить народные требования.

Пока рабочие энергично отстаивали свои гражданские права, Генеральный Совет лишен был возможности привлечь их внимание к социальным вопросам, разрешение которых они представляли себе лишь в отдаленном будущем.

Английские члены Генерального Совета, которые больше всех должны были помочь нам в деле пропаганды, не могли оставаться в стороне от этого движения, *которое было создано нами и которым они должны были руководить.* Успех увенчал их усилия, и 1867 год будет навсегда отмечен в истории английского рабочего класса.

Но хотя по причинам, указанным выше, пропаганда и не велась столь активно, как должна была бы вестись, все же она не прекращалась ни на одно мгновение. Формальности, необходимые для того, чтобы добиться присоединения рабочих обществ, отнимают много времени. *Присущая организации тред-юнионов демократия* не позволяет исполнительным комитетам принять решение по какому-нибудь важному вопросу без предварительного обсуждения всеми отделениями.

Чтобы добиться присоединения какого-нибудь общества, необходимо придерживаться следующего порядка. Комитету посылается письменное обращение с обоснованием. Комитет назначает день приема делегации. Если вопрос принят на обсуждение, комитет передает его на рассмотрение отделениям, и результат приходится ждать один, два, нередко и три месяца. Из этого вовсе не следует, что только комитет общества может принять или отвергнуть предложение; весьма часто отделения присоединялись к Международному Товариществу без участия комитета.

Со времени Женевского конгресса более 20 крупных рабочих обществ оказали делегациям Генерального Совета благоприятный прием; Совет ожидает результатов со дня на день. Другие общества отложили свое присоединение до более подходящего момента, и только одно общество отказалось присоединиться, мотивируя свой отказ тем, что Международное Товарищество Рабочих занимается политическими вопросами.

B. Отчисления

Этот вопрос в течение долгого времени занимал Генеральный Совет. Пока он находился в стадии обсуждения, исполнительный комитет каменщиков присоединился к Товариществу и постановил производить ежегодные отчисления в размере 1 фунта стерлингов.

В марте 1865 г. Генеральный Совет послал делегацию на конференцию английских сапожников, которая единогласно приняла следующую резолюцию, предложенную делегатами Бирмингема и Гулля:

> «Конференция одобряет принципы Международного Товарищества, объявляет о своем присоединении к ним и приглашает всех присутствующих членов приложить все свои усилия для их пропаганды».

Вопрос об отчислениях был поднят, но не был решен. Вскоре Генеральный Совет постановил, что каждому присоединяющемуся к Товариществу обществу будет выдаваться удостоверение о присоединении; общество должно внести вступительный взнос

в размере 5 шиллингов*; вопрос же о размерах денежной поддержки, которую общества смогут оказывать Генеральному Совету, был предоставлен на усмотрение самих обществ**.

Деньги вносились обществами в качестве дара с их стороны на покрытие расходов Генерального Совета по посылке делегации на Женевский конгресс.

Комитет сапожников внес с этой целью 5 фунтов стерлингов.

Чтобы упорядочить этот вопрос, Генеральный Совет предложил установить единый размер отчисления с каждого члена.

Женевский конгресс решил установить ежегодные отчисления в размере 30 сантимов.

Высокие размеры этого отчисления явились непреодолимым препятствием для делегаций, направляемых Советом к английским обществам после конгресса.

Ввиду этого, Совет на своем заседании 9 октября решил понизить ежегодные отчисления до 5 сантимов. Общество сапожников (Amalgamated Cordwainers Association) известило нас, что конференция 1867 г. отменила резолюцию, принятую конференцией 1865 г. об ежегодном отчислении в размере 5 фунтов стерлингов.

Исполнительный комитет каменщиков отчислил нам за 1867 г. 1 ф. ст., как он это сделал и в 1866 г., но он еще не сообщил нам, присоединилось все общество или нет.

Общество сапожников насчитывало в прошлом году 5000 членов, общество каменщиков — 3000-4000 членов.

Совет дважды обращался ко всем присоединившимся обществам по поводу отчислений за 1867 год. Некоторые общества уплатили, другие еще нет; но ни одно, за исключением общества сапожников, не уклонилось от своих обязательств.

Объединенное общество плотников и столяров совсем недавно приняло решение отчислять ежегодно в кассу Генерального Совета 2 фунта стерлингов. В данный момент в отделениях этого общества обсуждается вопрос о том, войдет ли все общество в целом в состав Международного Товарищества. Это общество, насчитывающее свыше 9000 членов, имеет отделения по всей Англии, а также в Уэльсе, Шотландии и Ирландии.

Приводим список присоединившихся в Англии обществ и сумм, внесенных ими. за год, истекший со времени последнего конгресса.

---

* Шиллинг равен 1 франку 25 сантимам; фунт стерлингов равен 25 франкам; пенс равен 10 сантимам.

** См. настоящий том, стр. 529—530. *Ред.*

Суммы, внесенные британской секцией

	1866 г.			1867 г.		
	фунты	шиллинги	пенсы	фунты	шиллинги	пенсы
Просветительное общество немецких рабочих.............…..	2	—	—	—	—	—
Французская секция в Лондоне.....................................	—	—	—	—	4	9
Центральная секция польских эмигрантов...............................	—	—	—	—	4	10
Исполнительный комитет рабочих-каменщиков.................	—	—	—	1	—	—
Первое отделение рабочих-каменщиков.............................	—	8	—	—	—	—
Столяры-краснодеревщики (Объединенный союз)..….......	10	—	—	1	13	4
Столяры-краснодеревщики (Уэст-Энд)................................	5	—	—	1	7	7
Переплетчики...........................	—	8	3	—	17	—
Бондари ....….........	6	—	—	—	6	—
Исполнительный комитет сапожников..................................	5	—	—	—	—	—
Секция сапожников (Дарлингтон)-………………..............	—	5	—	—	—	—
Секция сапожников (Ноттингем)..	—	5	—	—	2	1
Сигарочники............................	5	—	—	1	9	—
Ленточники Ковентри............	—	5	—	1	9	—
Чемоданщики...........................	1	5	4	—	—	—
Сапожники Кендала................	—	5	—	—	1	8
Дамские сапожники (Уэст-Энд)……………………………	6	—	—	—	10	—
Лондонские рабочие-портные………………………	3	—	—	—	—	—
Портные Дарлингтона....……..	—	5	—	—	1	8
Общества, примкнувшие после конгресса		Вступительные взносы			Отчисления	
Лондонские корзинщики..........	—	5	—	—	—	—
Рабочие ситценабивных предприятий Ланкашира ....…......	—	5	—	2	1	8
Лондонские каретники............	—	5	—	—	—	—
Драпировщики карет, собирающиеся в трактире «Глобус»...................……………	—	5	—	—	1	$10^1/_2$

Продолжение

Те же, собирающиеся в трактире «Корона» ……………….	—	5	—	—	5	—
Ткачи (эластичные ткани)	—	5	—	—	5	—
Объединенные землекопы.......	—	5	—	—	—	—
Полировщики мебели………..	—	5	—	—	—	—
Органные мастера................…	—	5	—	—	2	1
Рисовальщики и резчики по дереву	—	5	—	—	—	—
Исполнительный комитет плотников	—	—	—	2	—	—
Объединенные кожевники	—	—	—	—	—	—
Жестянщики.............................	—	—	—	—	—	—

Суммы, отчисленные для делегации на конгресс

	Фунты	Шиллинги	Пенсы
Дамские сапожники (Уэст-Энд)	4	10	
Лондонские сигарочники.....……………………	1	1	—
Ткачи (эластичные ткани) ...……………………….	1	—	—

Разница в суммах между указанными двумя годами объясняется следующим обстоятельством: в 1866 г. деньги вносились на поездку делегатов в Женеву, тогда как в текущем году отчисления предназначались только на организационные расходы.

В прошлом году; как мы уже упомянули, у нас образовалась задолженность, которую Генеральный Совет погасил, насколько это позволили наличные средства.

Причины, вследствие которых присоединившиеся общества еще не произвели отчислений, а другие еще не постановили сделать взнос на покрытие расходов по конгрессу, объясняются застоем в производство, многочисленными стачками, *локаутами* и, в особенности, движением за реформу избирательного права; наконец, стачка лондонских портных поглощает в данный момент средства *тред-юнионов.*

Генеральный Совет получил много писем от обществ, в которых подтверждается это положение вещей и выражается сожаление по поводу того, что нам не может быть оказана денежная поддержка.

IV. СЕКЦИИ НА КОНТИНЕНТЕ И В АМЕРИКЕ

Франция

В задачи Генерального Совета входит переписка с самостоятельными отделениями в тех странах, где ограничительные законы не позволяют беспрепятственно создать центр действия: таково, например, положение во Франции.

Уже было сказано выше, что все попытки Генерального Совета ввезти во Францию членские книжки, содержащие Устав и Регламент Международного Товарищества, потерпели неудачу из-за действий французских властей, захвативших нашу собственность, хотя подобное правонарушение не может быть оправдано никакими мотивами. Но препятствия, чинимые французской администрацией, не ограничились этим. Напрасно наши корреспонденты просили разрешения напечатать наш Устав и Регламент: единственным ответом был всегда упорнейший отказ.

Лионский комитет, устраивавший в 1866 г. собрания, на которые являлось больше 500 членов, после Женевского конгресса не смог добиться разрешения на созыв общего собрания.

В результате, мужественная настойчивость, проявленная лионскими членами по отношению к представителям властей, ясно показала даже самым слепым, насколько французское правительство стремится к освобождению рабочего.

Следует отметить то удивительное обстоятельство, что эти препятствия, эти жалкие придирки не задержали ни на одно мгновение успехов нашего Товарищества.

Во Вьенне (департамент Изер), где едва насчитывалось 80 членов, теперь имеется свыше 500.

В Нёвиль-сюр-Соне одно из наших отделений основало кооперативное потребительское общество и тем самым привлекло к практическому участию в общественной жизни сельскохозяйственных рабочих, которым раньше приписывали отвращение к этому.

Наш корреспондент в Кане сообщает, что союз рабочих в этом городе крепнет с каждым днем. Благодаря такой солидарности *шорники, механики, кожевники, седельщики, кузнецы* и другие добились сокращения рабочего дня на один час без уменьшения заработной платы.

В Фюво (департамент Буш-дю-Рон) Международное Товарищество насчитывает большое количество членов среди горняков, недавняя стачка которых наделала так много шума.

5 августа с. г. Генеральный Совет получил сообщение об организации комитета в самом Фюво. Этим успехом мы обязаны мужественной пропаганде гражданина *Вассёра,* члена марсельского комитета, который писал нам 21 июля сего года:

«Между капиталом и трудом происходит борьба, борьба печальная и в то же время комичная: с одной стороны, банда чиновников и служащих, разъезжающая с пропагандой, чтобы отвлечь рабочих от Международного Товарищества, а с другой стороны, горсть энергичных и преданных людей, неустанно борющихся против натиска наших врагов и распространяющих идеи независимости и справедливости в рядах рабочих».

В заключение он прибавляет:

«Никакая человеческая сила не сможет искоренить освободительные идеи, заложенные нами в стране, ибо нашим противникам приходится бороться против двух сил, трудно преодолимых: против *права и воли».*

В итоге рабочий понимает, что *кто захочет, тот сможет,* и что для своего полного политического и социального освобождения он должен рассчитывать только на самого себя.

Приводим перечень отделений, существовавших к моменту открытия прошлого конгресса, и сумм, внесенных ими в 1866 и 1867 годах.

	Внесенные суммы				Внесенные суммы		
	фунты	шиллинги	пенсы		фунты	шиллинги	пенсы
Париж	4	—	—	Гранвиль	—	—	—
Кан	1	—	—	Аржантан	—	—	—
Лион	11	12	—	Новые отделения, образованные после конгресса			
Бордо	3	9	—				
Руан	—	4	5				
Гваделупа	—	—	—	Переплетчики Парижа	—	14	4
Вьенн	5	7	6				
Нёвиль-сюр-Сон	1	5	3	Кастельнодари	—	—	—
Пантен	—		—	Ош	—	—	—
Сен-Дени	—	—	—	Орлеан	—	—	—
				Нант	—	—	—
Пюто	—	—	—	Вильфранш	—	—	—
Нёшато	—	—	—	Марсель	—	—	—
Лизьё	—	—	—	Фюво	—	—	—
Конде-сюр-Нуаро	—	—	—	Гавр	—	—	—
Аркур-Тюри	—	—	—	Алжир	—	—	—

Швейцария

Из Швейцарии мы получали только письменные сообщения Центрального комитета. Там, как и в Англии, работа Международного Товарищества заключается в привлечении рабочих обществ, а также возможно большего числа отдельных лиц, только следует учесть, что в Швейцарии каждое рабочее общество насчитывает меньше членов, чем в Англии.

Вот список городов, где образованы отделения: Женева, Каруж, Лозанна, Веве, Монтрё, Невшатель, Ла-Шо-де-Фон, Ле-Локль, Сент-Круа, Сент-Имье, Сонвилье, Бьенн, Мутье, Бокур, Цюрих, Ветцикон, Базель, Берн, Трамелан, Брёлё и Ле-Буа.

Деньги, полученные от этих отделений в 1866 и 1867 годах

	Внесенные суммы		
	фунты	шиллинги	пенсы
Женева (Романская секция).........................	4	—	—
Женева (Немецкая »).........	1	7	9
Ла-Шо-де-Фон......................	2	4	—
Ле-Локль..............................	—	17	10

Бельгия

ОТЧЕТ СЕКРЕТАРЯ-КОРРЕСПОНДЕНТА ДЛЯ БЕЛЬГИИ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Граждане!

Моя переписка с Бельгией началась со времени стачки корзинщиков, Я написал по этому поводу гражданину *Ванденхутену* письмо, которое через неделю появилось в «Tribune du Peuple»[486]. От имени Генерального Совета я сообщил ему об отъезде из Лондона агента хозяев-корзинщиков для вербовки бельгийских корзинщиков. Я написал ему, что силами нашей организации нужно расстроить планы этого агента и что во имя солидарности бельгийские рабочие обязаны отвергнуть всякую вербовку, чтобы обеспечить победу своих английских братьев.

Я сообщил далее гражданину Ванденхутену о возвращении на родину нескольких бельгийских корзинщиков, которые прибыли в Лондон, доверившись обещаниям хозяев, впоследствии не выполненным, и рассказал ему о братских чувствах английских корзинщиков. В заключение я подчеркнул в этом письме, насколько деятельность Генерального Совета способствовала победе рабочих над хозяевами.

С гражданином *Брисме* я вел переписку по поводу печатания отчета Женевского конгресса. Эта переписка ни к чему не привела, потому что по указанию Генерального Совета я просил ею о кредите, которого он не мог предоставить. Последнее мое письмо по этому поводу осталось без ответа: очевидно, гражданину Брисме, преданность которого хорошо известна, слишком тяжело было ответить нам формальным отказом; так я истолковываю его молчание.

Я послал гражданину Ванденхутену письмо Генерального Совета относительно бельгийских сигарочников с просьбой предать это письмо самой широкой огласке; точно так же я поступил с резолюцией Генерального Совета по поводу приезда царя в Париж[487]. Я сообщил Брюссельскому бюро о резолюции Генерального Совета по поводу стачки лондонских портных, в которой бельгийским портным рекомендуется ни в коем случае не ехать в Лондон для работы в мастерских, охваченных забастовкой, а всем бельгийским рабочим предлагается проявить солидарность, оказав материальную поддержку лондонским портным.

Я послал гражданину *Де Витту* в Льеж по адресу: предместье Сент-Жиль, № 6, и гражданину Ванденхутену в Брюссель циркуляр Генерального Совета по поводу Лозаннского конгресса* с просьбой отнестись к нему с величайшим вниманием и распространить его как можно шире.

Словом, я выполнил все, что мне было указано Советом, и смею добавить, что я ни разу не получил ни одного упрека из Бельгии. К этому краткому отчету я прилагаю полученные мной несколько писем. Что касается расходов на переписку, то я счел вполне возможным принести Товариществу эту маленькую жертву.

Привет и братство!

Бессон

Германия и Италия

В Германии положение все еще ненормальное и мало благоприятствует развитию нашего Товарищества. Тем не менее гражданину *И. Ф. Беккеру,* председателю Немецкой секции в Женеве, удалось основать там несколько отделений, о которых мы пока не имеем еще подробных сведений.

В Италии организационно оформленные рабочие общества имеются в Неаполе, Милане и Генуе; с ними мы состоим в переписке, но никаких отчислений оттуда еще не получили.

* См. настоящий том, стр. 551—553. *Ред.*

Америка

В Америке к Международному Товариществу присоединились две новые организации; мы ведем переписку с *Labour National Union's Committee* (Национальным рабочим союзом), а также с председателем *International Ironmoulders' Union* (Интернационального союза литейщиков)[488].

ГОДОВОЙ ОТЧЕТ
СЕКРЕТАРЯ-КОРРЕСПОНДЕНТА ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ
ДЛЯ АМЕРИКИ (СЕНТЯБРЬ 1866 —27 АВГУСТА 1867 г.)

Первым событием со времени моего вступления в должность секретаря-корреспондента для Америки было получение в Англии номера за сентябрь 1866 г. «Ironmoulders' International Journal» («Интернациональной газеты литейщиков»), издаваемой в Филадельфии У. Г. Силвисом; последний является одновременно председателем *Интернационального союза литейщиков.*

В этом номере напечатан подробный отчет о первом национальном съезде рабочих Соединенных Штатов, который заседал в Балтиморе в прошлом месяце. Краткое изложение протоколов и резолюций этого съезда напечатано в лондонской газете «Commonwealth» («Республика») за октябрь 1866 года. Из отчета видно, что Балтиморский съезд, узнав о предстоящем созыве в Женеве аналогичного конгресса рабочих Старого света, единогласно постановил уполномочить исполнительную комиссию *Национального рабочего союза,* основанного на указанном съезде, послать делегата на европейский рабочий конгресс 1867 г., то есть на Лозаннский конгресс.

Из этой же газеты я узнал, что секретарем для международных связей *Национального рабочего союза* состоит гражданин Уильям Гибсон, проживающий якобы в Нью-Хейвене, в штате Коннектикут. Лишь в начале августа с. г. я выяснил, что в отношении адреса гражданина Гибсона произошла ошибка и что проживает он не в Нью-Хейвене, а в *Норуиче* (Коннектикут). Эта ошибка составителей отчета о съезде была почти роковой в моей деятельности.

Впрочем, я не пытался сразу вступить в переписку с секретарем Гибсоном, так как полагал, что следует начать эту переписку с посылки официального отчета о работе Женевского конгресса. Причины, задержавшие опубликование этого отчета, уже изложены в общем отчете Генерального Совета.

К началу декабря 1866 г. гражданин Орсини, вступив в более тесные сношения с Генеральным Советом, сообщил нам

фамилии пяти европейских социалистов, проживающих в Нью-Йорке, и просил нас вступить с ними в переписку. Он просил также послать им мандаты, уполномочивающие их действовать в Соединенных Штатах в интересах Товарищества.

Пяти гражданам, которых указал Орсини, были посланы вместе с соответствующими мандатами письма; однако ни я, ни Генеральный Совет не получила никакого ответа ни на одно из этих писем.

Итак, моя первая попытка не увенчалась успехом. Впрочем, Орсини довел до сведения Генерального Совета, что в Нью-Йорке начинают весьма интересоваться нашим Товариществом и что знаменитый оратор Уэнделл Филлипс, аболиционист из Массачусетса, предложил устраивать платные публичные лекции в пользу нашего Товарищества, когда убедился, что цели Товарищества и его вожди достойны такой поддержки.

Орсини сообщил также, что ирландский демократ и патриот Джемс Стефенс вступил в Нью-Йорке в члены нашего Товарищества.

В марте 1867 г. отчет о работе Женевского конгресса на английском языке начал печататься в лондонском «International Courier». Как только четыре номера этой серии вышли в свет, то есть в апреле, я послал эти четыре номера «International Courier» четырем лицам, а именно: одну серию — секретарю Гибсону по предполагаемому его адресу, другую — У. Г. Силвису, третью — редактору «Voice», ежедневной газеты, выходящей в Бостоне (Массачусетс) и преданной интересам рабочих, и четвертую — в Чикаго (штат Иллинойс) редактору «Working-man's Advocate»[489], главного органа рабочих западных штатов Американского союза. К номерам, посланным секретарю Гибсону, я приложил письмо, в котором указывал на то огромное значение, которое Генеральный Совет придает тесному контакту и регулярной связи с исполнительной комиссией *Национального рабочего союза.*

Это письмо осталось без ответа, и я не имел никакого подтверждения в получении газет. Объясняется эта неудача очень просто: письмо и газеты были адресованы вместо Норуича в Нью-Хейвен.

Посылка этих документов дала только один хороший результат. Редактор лондонской газеты «International Courier» начал с мая получать номера чикагской газеты «Workingman's Advocate», и между этими двумя газетами установился обмен. С этого времени редактор «International Courier» Жозеф Колле еженедельно сообщает своим читателям выдержки из чикагской газеты «Workingman's Advocate».

Опубликование отчета о работе Женевского конгресса закончилось 1 мая; продолжение отчета я разослал по четырем вышеупомянутым адресам.

Выдержки из этого отчета были воспроизведены в чикагской газете «Workingman's Advocate». Я не имел возможности узнать, напечатала ли одна из двух других газет выдержки из отчета и высказывались ли они по этому поводу.

В течение весны Генеральный Совет по письменной просьбе лионского бюро занялся вопросом о возможной эмиграции в Соединенные Штаты большого числа шелкоткачей из Лиона. Лионское бюро сообщило нам, что много ткачей, недовольных своей судьбой на родине, хотят эмигрировать в Соединенные Штаты и перенести туда свое производство. Но они хотели узнать, не пожелают ли какие-нибудь американские капиталисты авансировать им средства на переезд и первое обзаведение. Генеральный Совет тотчас поручил мне обратиться по этому поводу в редакцию нескольких американских газет и к некоторым государственным деятелям. Я выполнил это распоряжение. Письма были посланы в Америку с одним поляком по фамилии Кочек, уезжавшим в Нью-Йорк. И на этот раз никакого ответа! Я не получил от Кочека никаких известий после его отъезда.

В июне Генеральный Совет поручил мне написать У. Г. Силвису и просить его о помощи бастовавшим лондонским портным. Я написал 11 июня. Воспользовавшись случаем, я выразил Силвису свое огорчение по поводу того, что не получил никакого ответа от секретаря Гибсона. Я просил его сообщить мне фамилию и адрес какого-либо другого члена комитета *Национального рабочего союза.*

В своем ответе от 25 июня Силвис сообщил мне причины, по которым американские металлисты не имели возможности оказать помощь бастующим лондонским портным. Он сообщил мне также фамилию и адрес проживающего в Нью-Йорке Уильяма Дж. Джессепа, активного деятеля *Национального рабочего союза.*

Как только я сообщил об этом письме Генеральному Совету, мне было поручено срочно уведомить Уильяма Джессепа о дне созыва Лозаннского конгресса и сообщить ему о том, что Генеральный Совет был бы счастлив увидеть американского делегата в Лозанне. В соответствии с поручением я написал 19 июля. В своем письме я изложил обстоятельства, касающиеся моих бесплодных попыток установить связь с секретарем Гибсоном, и одновременно послал Джессепу официальный отчет о Женевском конгрессе.

На это письмо я получил ответ, датированный 9 августа. Из этого ответа явствует, что Джессеп с удовлетворением встретил

предложение установить связь с рабочими континента и Великобритании. Он сожалел о задержке, вызванной неправильным адресом секретаря Гибсона. Он также сожалел о том, что срок созыва съезда в Чикаго (19 августа) настолько близок к сроку, намеченному для созыва Лозаннского конгресса, что за недостатком времени не будет возможности послать делегата в Европу. Я тем не менее прочитал недавно в чикагской газете «Workingman's Advocate» статью, в которой говорилось, что вопрос о посылке делегата в Лозанну будет одним из первых вопросов, поставленных перед Чикагским съездом.

Джессеп обещал прочитать мое письмо от 19 июля «ввиду его важности» Чикагскому съезду и выслать Генеральному Совету газеты, в которых будет помещен лучший отчет о Чикагском съезде. Он выражал желание поддерживать и впредь переписку с Генеральным Советом, даже если не будет переизбран на пост заместителя председателя *Национального союза,* поскольку он состоит, кроме того, секретарем-корреспондентом *Союза рабочих Нью-Йорка*[490]. Он принял мое предложение об обмене газетами, являющимися органами рабочего класса. Таково в краткой и несовершенной передаче содержание его интересного и теплого письма.

В начале текущего месяца гражданин Маркс вручил мне письмо Ф. А. Зорге, который сообщает об образовании в Хобокене, в штате Нью-Джерси, отделения нашего Товарищества[491].

Приблизительно в это же время редактор лондонской газеты «International Courier» показал мне отпечатанное в виде брошюры воззвание исполнительной комиссии *Национального рабочего союза* к рабочим Соединенных Штатов с приглашением направлять представителей на Чикагский съезд. На обложке этой брошюры я нашел написанные от руки фамилию и адрес секретаря Уильяма Гибсона и только тогда понял, что был введен в заблуждение относительно его адреса. Сожалею о потерянном из-за этой ошибки драгоценном времени и в утешение приведу поговорку: «Лучше поздно, чем никогда».

Такова история моих попыток, до сих пор почти не увенчавшихся успехом. Но все же я оставляю дело в таком состоянии, которое обещает многое в будущем.

Теперь должен коснуться еще двух вопросов.

Стремления американских рабочих завоевать себе больше свободного времени, стремления, известные под названием «движения за восьмичасовой рабочий день», привлекли внимание Женевского конгресса. Ввиду этого я считаю нелишним повторить очень кратко, в общих чертах то, что мне известно об успехах, достигнутых в этой области за последний год.
Агитация

развилась очень быстро и нашла немедленный отзвук в вашингтонском Конгрессе и в законодательных собраниях отдельных штатов. В федеральной палате представителей законопроект о введении восьмичасового рабочего дня на строительствах, организуемых федеральным правительством, был отклонен лишь половиной голосов.

Законодательные собрания некоторых штатов постановили, что при отсутствии особого договора рабочий день ограничивается восьмью часами. Такой закон был принят и в штате Нью-Йорк, но нью-йоркские рабочие пока еще не осмеливаются требовать его выполнения. Рабочие этого штата совсем недавно собрались на специальный съезд для обсуждения тактики, которой им следует держаться при данных обстоятельствах. В конце концов постановили, что 1 ноября с. г. повсеместно и одновременно будет предъявлено требование о выполнении закона, по возможности без снижения заработной платы, но если окажется необходимым, то пойти и на ее снижение. Большинство делегатов, если судить по прениям, согласилось на снижение заработной платы.

В штате Калифорния закон о восьмичасовом рабочем дне еще не принят. Тем не менее в течение 19 месяцев, предшествовавших июлю с. г., фактически там преобладала система восьмичасового рабочего дня. По последним сведениям, полученным из этого штата, хозяева объявили локаут против нового порядка, следствием этих реакционных попыток было прекращение работы на многих предприятиях.

Весьма рад сообщить Совету, что с 1 января наступающего года оплата простого письма будет снижена наполовину, то есть с 1 шиллинга до 6 пенсов. Я говорю исключительно о пересылке писем между Соединенным королевством и Соединенными Штатами. По этому поводу только что заключен договор между обоими правительствами.

Питер Фокс,
секретарь Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих
для Америки

V. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Год, истекший со времени последнего конгресса, прошел под знаком непрерывной борьбы между капиталом и трудом: в Америке, Англии, Франции, Бельгии непрестанно происходили стачки, *локауты* и преследования рабочих.

Капитал упорно и свирепо преследует рабочего, так как чувствует инстинктом, что недалек тот день, когда труд займет законно принадлежащее ему место.

В Соединенных Штатах одно общество затратило 70000 долларов, чтобы отстоять свое право на существование против посягательств капитала[492].

В Англии *Courts of Law* (судебные трибуналы) вынесли решение, что растрата денежных фондов, принадлежащих *тред-юнионам* (рабочим союзам), не наказуема. Была создана официальная комиссия по обследованию *тред-юнионов с* целью уничтожить их или хотя бы ограничить их деятельность.

Последний процесс, возбужденный лондонскими хозяевами-портными против рабочих, осуждение рабочих-портных в Париже, избиения горнорабочих в Маршьенне (Бельгия) — все эти факты ясно показывают, что общество состоит лишь из двух враждебных друг другу классов: *угнетателей* и *угнетенных,* и что только солидарность рабочих всего мира может привести нас к полному освобождению. Полное освобождение рабочих и есть та цель, к которой стремится Международное Товарищество Рабочих.

Мы закончим призывом: «Рабочие всех стран, *соединимся!»*

От имени Генерального Совета:

Оджер, председатель
Эккариус, генеральный секретарь
У. Делл, казначей
Шо, секретарь-казначей

Секретари-корреспонденты:

Э. Дюпон	для	Франции
К. Маркс	»	Германии
Жабицкий	»	Польши
Г. Юнг	»	Швейцарии
П. Фокс	»	Америки
Бессон	»	Бельгии
Картер	»	Италии
П. Лафарг	»	Испании
Хансен	»	Дании

Составлено во второй половине августа 1867 г.

Напечатано в брошюре «Rapports lus au Congrès ouvrier réuni du 2 au 8 septembre 1867 à Lausanne». Chaux-de-Fonds, 1867

Печатается по тексту брошюры

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

ИЗ ПИСЬМА ЖЕННИ МАРКС И. Ф. БЕККЕРУ ОКОЛО 5 ОКТЯБРЯ 1867 ГОДА[493]

Мы прилагаем здесь выдержку из письма одной нашей доброй знакомой в Лондоне, в котором в числе прочего говорится о рабочем конгрессе в Лозанне и конгрессе мира в Женеве, а также о последней работе Маркса:

«... Вы не поверите, какую огромную сенсацию во всей прессе вызвал здесь Лозаннский конгресс. После того как газета «Times» задала тон, ежедневно печатая корреспонденции о конгрессе, другие газеты также стали посвящать рабочему вопросу не только заметки, но даже длинные передовые статьи, не считая более, что это ниже их достоинства. О конгрессе писали не только все ежедневные газеты, но и все еженедельники. Совершенно естественно, что многие из них говорили о конгрессе свысока и иронически. Но разве всякое дело не имеет наряду с возвышенной также и свою комическую сторону, и почему наш славный рабочий конгресс, со своими болтливыми французами должен быть совершенно свободен от этого? По несмотря ни на что, в общем и целом отношение к нему было вполне приличным и его рассматривали au sérieux*. Даже «Manchester Examiner», собственный орган Джона Брайта и манчестерской школы[494], характеризовал его в очень хорошей передовой статье как важное и знаменательное событие. А когда его сравнивали с его сводным братом, конгрессом мира[495], то сравнение всегда было в пользу старшего брата, и если в одном видели грозящую неотвратимую трагедию, то в другом не что иное как фарс и комедийное зрелище.

* — всерьез. *Ред.*

Если Вы уже приобрели книгу Карла Маркса[496], то советую Вам, в случае, если Вы еще не пробились, как я, через диалектические тонкости первых глав, прочитать сначала главы, посвященные первоначальному накоплению капитала и современной теории колонизации. Я убеждена, что Вы, как и я, получите от этих глав огромнейшее удовлетворение. Разумеется, Маркс не имеет для лечения зияющих кровоточащих ран нашего общества никаких готовых специфических лекарств, о которых так громко вопит буржуазный мир, именующий теперь себя также социалистическим, никаких пилюль, мазей или корпии; но мне кажется, что из естественноисторического процесса возникновения современного общества он вывел практические результаты и способы их использования, не останавливаясь перед самыми смелыми выводами, и что это было совсем не простым делом — с помощью статистических данных и диалектического метода подвести изумленного филистера к головокружительным высотам следующих положений: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества... Многие не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют собой лишь вчера капитализированную в Англии кровь детей... Если деньги... «рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке», то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят... Бьет час капиталистической частной собственности...»[497] и до конца.

Должна сказать откровенно, что этот изумительный по своей простоте пафос захватил меня, и история стала мне ясной как солнечный свет».

Написано Женни Маркс около 5 октября 1867 г.

Напечатано в журнале «Der Vorbote» № 10, октябрь 1867 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ ДОКЛАДА К. МАРКСА ПО ИРЛАНДСКОМУ ВОПРОСУ,

ПРОИЗНЕСЕННОГО В ЛОНДОНСКОМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ 16 ДЕКАБРЯ 1867 ГОДА [498]

16 декабря Карл Маркс читал в лондонском Просветительном обществе рабочих лекцию о положении в Ирландии, из которой явствует, что все попытки англизировать ирландское население, предпринятые английским правительством в прошлые столетия, оказались бесплодными. Переселившиеся в Ирландию до реформации англичане, в том числе аристократы, благодаря ирландским женам превратились в ирландцев, и их потомки боролись против Англии. Жестокости, которыми сопровождалась война против ирландцев при королеве Елизавете, уничтожение посевов, переселение жителей из одной местности в другую, чтобы освободить место для английских колонистов, ничего не изменили в этом отношении. В то время gentlemen* и merchant adventurers** получили большие участки земли при условии колонизации их англичанами. Во времена Кромвеля потомки этих колонистов боролись вместе с ирландцами против англичан. Кромвель продал многих из них как рабов в Вест-Индию. В период Реставрации Ирландия получила различные льготы. При Вильгельме III к власти пришел класс, который хотел делать только деньги, и, чтобы заставить ирландцев во что бы то ни стало продавать свое сырье Англии, ирландская промышленность уничтожалась. При королеве Анне с помощью протестантских карательных законов[499] новые аристократы получили свободу действий. Ирландский парламент[500] был средством угнетения. Тот, кто был католиком, не мог занимать официальной должности, не мог иметь земельной собственности,

* — дворяне. *Ред.*
** — купцы-авантюристы. *Ред.*

не мог сделать завещания, не мог получить наследство; быть католическим епископом считалось равносильным государственной измене. Все это служило средством грабежа земли у ирландцев; и тем не менее больше половины потомков англичан в Ольстере остались католиками. Народ был загнан в объятия католического духовенства, благодаря чему оно и приобрело свою силу. Единственно, что удалось сделать английскому правительству, это насадить в Ирландии аристократию. Города, построенные англичанами, стали ирландскими. Поэтому-то среди фениев встречается так много английских имен.

Во время американской войны за независимость гнет в Ирландии был несколько ослаблен. Дальнейшие уступки оказались необходимыми в период французской революции. Ирландия так быстро поднялась, что ее жители грозили опередить англичан. Английское правительство спровоцировало их на восстание и путем подкупа добилось унии[501]. Уния нанесла смертельный удар начавшей вновь возрождаться ирландской промышленности. Мигер сказал как-то: все отрасли ирландской промышленности уничтожены, нам осталось только производство гробов. Иметь земельный участок стало необходимым условием существования; крупные землевладельцы сдавали свои земли в аренду спекулянтам; прежде чем земля оказывалась у крестьянина, она проходила через четыре — пять ступеней арендных договоров; в результате этого цены на землю необычайно возросли. Земледельческое население питалось только картофелем и водой, пшеница и мясо отправлялись в Англию; рента проедалась в Лондоне, Париже и Флоренции. В 1836 году было отослано 7000000 ф. ст. земельным собственникам, проживавшим за границей. Вместе с продуктами и рентой из страны вывозились также удобрения; земля была истощена. Часто в той или иной местности возникали голодовки, а картофельная болезнь в 1846 году привела к всеобщему голоду. Миллион человек умерли с голоду. Картофельная болезнь была следствием истощения почвы, результатом английского владычества.

В результате отмены хлебных законов Ирландия потеряла монопольное положение на английском рынке, прежняя арендная плата не могла уже больше выплачиваться. Высокие цены на мясо и банкротство еще остававшихся мелких землевладельцев способствовали сгону мелких крестьян с земли и превращению их земель в пастбища для овец. С 1860 года свыше полумиллиона акров пахотной земли были изъяты из обработки. Урожай с акра земли уменьшился: овса — на 16%, льна — на 36%, картофеля — на 50%. Теперь для английского рынка выращивается только овес, а пшеница ввозится.

С истощением почвы ухудшилось и физическое состояние населения. Число хромых, слепых, глухонемых и душевнобольных увеличилось абсолютно при сократившемся населении.

Свыше 1100000 человек были вытеснены 9600000 овец. В Европе это нечто неслыханное! Русские замещали переселенных поляков русскими, а не овцами. Только при монголах в Китае когда-то обсуждался вопрос об уничтожении городов, чтобы очистить место для овец.

Ирландский вопрос является поэтому не просто национальным вопросом, а вопросом о земле, вопросом о существовании. Гибель или революция — таков теперь лозунг. Ирландцы все убеждены, что если чему-нибудь предстоит свершиться, то это должно свершиться скоро. Англичанам следовало бы потребовать отделения Ирландии и предоставить самим ирландцам решение вопроса о земельной собственности. Все другие меры бесполезны. Если это не произойдет в ближайшем будущем, то ирландская эмиграция приведет к войне с Америкой. Господство над Ирландией в настоящее время — это выколачивание арендной платы для английской аристократии.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи Эккариуса

Перевод с немецкого

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МАШИН ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ [502]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 28 ИЮЛЯ 1868 ГОДА

Маркс открывает прения по вопросу о «влиянии применения машин капиталистами». Больше всего поражает нас то, говорит он, что результат применения машин оказался обратно противоположным всему тому, что считалось неизбежным. Вместо ожидаемого сокращения рабочего времени, рабочий день удлинился до шестнадцати-восемнадцати часов. Прежде рабочий день обычно равнялся десяти часам; за последние сто лет рабочее время было увеличено в законодательном порядке как в Англии, так и на континенте. Вся суть фабричного законодательства последних ста лет сводится к тому, чтобы силой закона заставить рабочих работать большее количество часов.

Лишь в 1833 г. рабочий день для детей был ограничен двенадцатью часами; в результате чрезмерной работы совершенно не оставалось времени для умственного развития. Их физическое развитие тоже было неудовлетворительно; среди них свирепствовали эпидемии и это заставило некоторых представителей правящих классов заняться данным вопросом. Сэр Роберт Пиль-старший одним из первых обратил внимание на это вопиющее зло, а Роберт Оуэн был первым фабрикантом, который ограничил рабочие часы на своей фабрике. Билль о десятичасовом рабочем дне был первым законом, ограничивавшим рабочее время для женщин и детей $10^1/_2$ часами в день, но он распространялся лишь на определенную категорию фабрик.

Это было шагом вперед, так как обеспечило рабочим больше свободного времени. Что касается сокращения продукции, то оно вскоре было компенсировано: вследствие усовершенствования машин и повышения интенсивности труда рабочих за

сокращенный рабочий день теперь выполняется больше работы, чем прежде за длинный рабочий день. Люди снова выполняют чрезмерную работу, и скоро возникнет необходимость ограничить рабочий день восьмью часами.

Другим следствием применения машин явилось то, что оно погнало женщин и детей на фабрику. Женщина стала таким образом активным участником нашего общественного производства. Прежде женский и детский труд применялся в семейном кругу. Я не считаю плохим, если женщины и дети участвуют в нашем общественном производстве. Я думаю, что каждый ребенок старше девяти лет должен был бы часть своего времени быть занятым производительным трудом; но то, как детей заставляют работать при существующих условиях, — ужасно.

Другим следствием применения машин явилось полное изменение капиталистических отношений в стране. Прежде существовали богатые работодатели и бедные рабочие, пользовавшиеся своими собственными орудиями труда. До известной степени они были свободными людьми и имели возможность оказывать сопротивление своим работодателям. Для современных фабричных рабочих, для женщин и детей не существует такой свободы, они — рабы капитала.

Со стороны капиталистов непрерывно раздавались призывы к тому, чтобы путем какого-нибудь изобретения сделать их независимыми от рабочих: прядильная машина и механический ткацкий станок дали им эту независимость, так как движущая сила на производстве оказалась в их руках. Благодаря этому власть капиталиста чрезвычайно усилилась. Фабричный лорд стал карающим законодателем в пределах своего предприятия, он произвольно налагает штрафы, часто для собственного обогащения. Феодальный барон в своем обращении с крепостным был связан традициями и подчинялся определенным правилам; над фабричным лордом нет никакого контроля.

Одним из важнейших следствий применения машин является организованный труд, и это рано или поздно принесет свои плоды. Влияние машин на тех рабочих, с чьим трудом эти машины вступают в конкуренцию, просто губительно. Как в Англии, так и в Индии, множество ткачей, работавших на ручных станках, с введением механического ткацкого станка в прямом смысле слова лишились жизни.

Нам часто говорят, что бедствия, вызванные машинами, носят лишь временный характер. Однако развитие машинного производства происходит непрерывно и, если это развитие вовлекает в производство и обеспечивает работой одновременно большое количество людей, то, с другой стороны, оно непрерывно

лишает работы множество рабочих. Имеется постоянный избыток вытесненного населения, не избыток населения по отношению к продукции, страны, как утверждают мальтузианцы, а избыток таких людей, труд которых был вытеснен более производительными машинами.

Применение машин в сельском хозяйстве обусловливает постоянно возрастающий избыток населения, которое уже не может найти занятия. Приток этого избыточного населения в города оказывает постоянное давление на рынок труда, снижая заработную плату. Обстановка в лондонском Ист-Энде — один из примеров этого воздействия[503].

Действительные последствия применения машин нагляднее всего выявляются в тех отраслях труда, где машины не применяются.

В заключение можно сказать, что в настоящее время применение машин ведет, с одной стороны, к ассоциированному организованному труду, а с другой стороны — к разрушению всех существовавших до сих пор общественных и семейных отношений.

Напечатано в газете «The Bee-Hive» № 354, 1 августа 1868 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О СОКРАЩЕНИИ РАБОЧЕГО ДНЯ [504]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 11 АВГУСТА 1868 ГОДА

Гражданин Маркс не может согласиться с Милнером[505] по поводу того, что сокращение рабочего дня приведет к уменьшению производства, ибо в тех отраслях, где введено ограничение рабочего дня, орудия производства достигли большего развития, чем в остальных отраслях. Ограничение рабочего дня повлекло за собой более широкое применение машин, и мелкое производство стало все менее и менее возможным, что, впрочем, является необходимым для перехода к общественному производству. Санитарная сторона вопроса ясна[506]. Но сокращение рабочего дня необходимо также для того, чтобы предоставить рабочему классу больше времени для умственного развития. Законодательное ограничение рабочего дня — это первый шаг к умственному и физическому подъему и к конечному освобождению рабочего класса. В наши дни никто не отрицает, что требуется вмешательство государства в пользу женщин и детей; а ограничение их рабочего времени в большинстве случаев ведет к сокращению рабочего дня и для мужчин. Англия первая вступила на путь сокращения рабочего дня, другие страны вынуждены были в той или иной степени последовать ее примеру. Серьезная агитация началась в Германии, и от лондонского Совета ждут, что он возглавит эту кампанию. Принципиально вопрос был решен на предыдущих конгрессах; сейчас наступило время действовать.

Напечатано в газете «The Bee-Hive» № 358,
22 августа 1868 г.

Печатается по тексту протокольной книги
Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ВОЗЗВАНИЕ К НЕМЕЦКИМ РАБОЧИМ ЛОНДОНА [507]

Рабочие!

7 сентября текущего года в Брюсселе собирается III международный конгресс рабочих.

На этом конгрессе должны быть обсуждены наилучшие способы для расширения, укрепления и организации совместной деятельности международного объединения рабочих, а также те вопросы, которые ближе всего затрагивают интересы рабочего класса и настоятельно требуют разрешения. Необходимо, наконец, прийти к взаимному соглашению относительно средств пропаганды.

Генеральный Совет предлагает конгрессу следующие вопросы:

1. Сокращение и регулирование рабочего дня;

2. Влияние применения машин капиталистами;

3. Природа земельной собственности;

4. Воспитание рабочего класса;

5. Создание кредитных учреждений в целях содействия социальному освобождению рабочего класса;

6. Лучшие способы для создания кооперативных производственных обществ.

Добиваясь осуществления продиктованного временем и обстоятельствами начинания, мы призываем и вас принять в этом посильное участие и в качестве целых организаций, и в качестве отдельных лиц. Необходимо путем добровольных взносов собрать сумму, достаточную для того, чтобы немецкие рабочие Лондона могли быть представлены одним или несколькими делегатами. Было бы позорно, если бы в нынешнее бурное время

среди тысяч немецких рабочих в Лондоне не оказалось достаточно людей, воодушевленных общим пониманием своих собственных классовых интересов, чтобы обеспечить свое представительство на конгрессе в Брюсселе.

Итак, за дело! Давно пора рабочим всех стран объединиться и понять, что для успешной борьбы против основанного на насилии господства капиталистов необходим мощный союз всех отрядов рабочего класса.

Не следует забывать, что в Соединенных Штатах Северной Америки *восьмичасовой* рабочий день уже объявлен *законом* для всех государственных предприятий.

Вспомним также те исторические, полные глубокого смысла слова, которые Карл Маркс написал в предисловии к своему труду «Капитал. Критика политической экономии» в 1867 году:

«Подобно тому как американская война XVIII столетия за независимость прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии, так по отношению к рабочему классу Европы ту же роль сыграла Гражданская война в Америке XIX столетия»[508].

Взносы принимаются в Просветительном обществе немецких рабочих по понедельникам, средам и субботам с 9 часов вечера секретарем и кассиром.

Виндзор-Касл, 27, Лонг-Эйкр, Уэстерн Сентрал

От имени Просветительного общества
немецких рабочих, немецкого отделения
Международного Товарищества Рабочих:
Правление

Составлено около 11 августа 1868 г.

Напечатано в газете «Hermann» № 502, 15 августа 1868 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью Маркса

Перевод с немецкого

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ВЛИЯНИИ КОНКУРЕНЦИИ В ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ ФРАНЦИИ [509]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 5 ЯНВАРЯ 1869 ГОДА

Стало известно, что французские промышленники, выпускающие пряжу и другие хлопчатобумажные товары, организуют союз с целью побить английских промышленников на их собственных рынках путем продажи товаров по более дешевым ценам. Признавая, что английские промышленники располагают лучшими машинами и более крупными капиталами, чем они, французские промышленники считают, что сумели сохранить свои позиции благодаря низкой заработной плате рабочих во Франции, и надеются путем дальнейшего понижения заработной платы получить возможность производить свои товары дешевле, чем это могут сделать английские промышленники. Г-н Бертель, мэр Сотвиль-ле-Руана, один из крупнейших промышленников этого города, первый начал этот новый крестовый поход против рабочего класса, предложив сократить заработную плату на $3^1/_2$ пенса в день. Так как рабочие отказались от этих условий, был объявлен локаут, и теперь они обратились к Международному Товариществу Рабочих за помощью.

Публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ПРОГРАММЕ БАЗЕЛЬСКОГО КОНГРЕССА

По докладу Постоянного комитета принимается программа предстоящего конгресса:

1) Вопрос о земельной собственности;

2) Право наследования;

3) В какой мере кредит может быть немедленно использован рабочим классом;

4) Вопрос о всеобщем образовании;

5) Влияние профессиональных союзов на освобождение рабочего класса.

Далее постановили утвердить следующий порядок дня конгресса:

1) Проверка мандатов;

2) Выборы должностных лиц конгресса;

3) Отчет Генерального Совета и отчеты отделений и секций;

4) Обсуждение вопросов, стоящих в программе конгресса;

5) Установление места пребывания Генерального Совета на следующий год;

6) Выборы членов Генерального Совета;

7) Установление времени и места следующего конгресса.

Принято 22 июня 1869 г.

Напечатано в виде листовки в Лондоне

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета, сверенному с текстом листовки

Перевод с английского

ЗАПИСЬ РЕЧЕЙ К. МАРКСА О ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ [510]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 6 ИЮЛЯ 1869 ГОДА

I

Гражданин Маркс считает, что Милнер не совсем понял суть спора. Никто не возражает против передачи шахт и лесов в общественную собственность. Вред, причиняемый концентрацией земли в руках немногих, признается всеми. Разногласия касаются только пахотной земли. Возражения исходят от сторонников мелкого сельского хозяйства. Мелкая собственность является предметом спора.

Ссылка на общественную необходимость более сильный довод, чем требование абстрактного права. Решительно всё, всевозможные формы угнетения оправдывались абстрактным правом; давно пора отказаться от такого рода агитация. Вопрос заключается в том, в какой форме это право должно быть осуществлено. Превращение феодальной собственности в крестьянскую собственность было общественной необходимостью. В Англии собственник уже перестал быть необходимостью в земледелии.

Что касается естественного права, то и животное имеет естественное право на землю, так как не может жить без нее. Если довести это естественное право до логического конца, то мы придем к утверждению, что каждый должен обрабатывать свой собственный клочок земли.

Общественное право и общественная необходимость определяют способ, каким добываются средства существования. В результате общественной необходимости, там, где кооперация стала обязательной, возникла фабрика. То обстоятельство, что никто не может производить что-либо в одиночку, сделало кооперацию общественной необходимостью.

Маркс не возражает, чтобы придать резолюции более выразительную форму.

II

Мелкое крестьянство не присутствует на конгрессах, но оно представлено на них своими идеологами. Прудонисты весьма упорно настаивают на требовании индивидуальной мелкой собственности, и они были в Брюсселе. Генеральный Совет несет ответственность за резолюцию: она была составлена брюссельской комиссией[511], людьми, хорошо предвидевшими возражения, с которыми им придется иметь дело. Я не против того, чтобы переделать эту резолюцию. Гражданин Уэстои говорил только об общественной необходимости. Мы видим, что оба вида собственности на землю привели к плохим результатам. Мелкий крестьянин — лишь номинальный собственник, но и самый опасный, потому что он все еще воображает себя реальным собственником. В Англии земля в течение двух недель может быть превращена в общественную собственность актом парламента. Во Франции это может осуществиться в результате задолженности собственников земли и их обремененности налогами.

Публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ПРАВЕ НАСЛЕДОВАНИЯ[512]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 20 ИЮЛЯ 1869 ГОДА

Гражданин Маркс открывает дискуссию по вопросу о праве наследования. Он говорит, что этот вопрос был выдвинут женевским Альянсом социалистической демократии, и Генеральный Совет согласился поставить его на обсуждение. Главное требование женевского Альянса — полная отмена права наследования.

Существуют две формы наследования. Право завещания, или наследование по завещанию, ведет свое происхождение из Рима и было характерно для Рима. Глава римской семьи пользовался абсолютной властью над всем, что входило в состав его домохозяйства. Главу римской семьи нельзя сравнивать с главой современной семьи. Домохозяйство римской семьи включало в себя рабов и клиентов, дела и интересы которых глава семьи обязан был публично защищать и отстаивать. Существовало суеверие, что когда глава семьи умирал, его дух оставался в доме как страж наблюдать за тем, чтобы все совершалось правильно, и мучить живых, если дела велись неправильно. В ранние времена римской истории этому домашнему божеству приносились жертвы, устраивались даже кровавые празднества в его честь и для умиротворения его духа. Постепенно вошло в обычай вступать в соглашение с этим духом через наследника по завещанию. Таково было римское представление о бессмертии души. Через наследника увековечивалась воля умершего, выраженная в завещании. Однако это завещание не обязательно приносило преемнику, который наследовал, какое-нибудь имущество, оно лишь обязывало его выполнять волю умершего, что рассматривалось как религиозный долг. С течением времени эти наследники по завещанию стали

предъявлять права также и на имущество, но даже в эпоху империи они никогда не получали по закону больше одной четверти. Это языческое суеверие было перенесено в христианские страны и явилось основой права завещания, как оно существует в настоящее время в Англии и в Соединенных Штатах.

Германское право наследования было правом семейного владения при отсутствии завещания. Имущество находилось как бы в совладении членов семьи, а распорядителем являлся глава семьи. Когда этот распорядитель умирал, имущество переходило ко всем детям. Германцы не знали других наследственных прав. Римская церковь ввела римское право, а феодальная система исказила германское право, потому что феодальная собственность, обремененная военной службой, не могла быть делима. Французская революция вернулась к германскому праву наследования. В Англии мы наблюдаем целый ряд нелепостей: человек имеет самое неограниченное право завещать кому угодно свою собственность, даже лишать наследства своих собственных потомков и таким образом распоряжаться своим имуществом долгое время после того, как сам перестанет существовать. Предоставим буржуазии заниматься вопросом о праве завещания, так как это могло бы использоваться против аристократии. В Пруссии только небольшую часть своей собственности можно завещать постороннему лицу.

Для рабочего класса, которому нечего наследовать, вопрос не представляет интереса.

Альянс социалистической демократии намерен начать социальную революцию с отмены права наследования. Спрашивается, будет ли эта политика правильной?

Предложение не ново. Сен-Симон выдвигал его в 1830 году[513].

В качестве экономической меры это не принесло бы пользы. Это вызвало бы такое раздражение, что обязательно встретило бы почти непреодолимое сопротивление, которое неизбежно привело бы к реакции. Если такое требование будет провозглашено в момент революции, едва ли общий уровень сознания сможет обеспечить ему поддержку. С другой стороны, если бы рабочий класс обладал достаточной властью, чтобы отменить право наследования, он был бы достаточно силен, чтобы провести экспроприацию, которая явилась бы мероприятием гораздо более простым и эффективным.

Отмена права наследования земли в Англии затронула бы наследственные функции, связанные с землей, с палатой лордов и т. д. и т. д. 15000 лордов и 15000 леди должны будут умереть, прежде чем скажется результат. Напротив, если парламент, состоящий из рабочих, постановит, чтобы арендную плату

вносили в казначейство, а не лендлорду, правительство сразу же получит денежные средства без всяких социальных потрясений, в то время как с отменой права наследования все придет в смятение и ничего не будет достигнуто.

Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы никакие орудия производства не оставались частной собственностью. Частная собственность на орудия производства является фикцией, поскольку собственники не могут пользоваться ими сами; но она предоставляет собственникам ту власть над средствами производства, при помощи которой они заставляют других людей работать на себя. В полуварварском состоянии такой порядок, может быть, был необходим, но теперь уже нет. Все средства производства должны быть обобществлены с тем, чтобы обеспечить каждому и право, и возможность применять свою рабочую силу. Если бы у нас было такое положение вещей, право наследования было бы не нужно. А до тех пор, семейное право наследования не может быть отменено. Когда люди делают сбережения для своих детей, их главной целью является обеспечить им средства существования. Если бы дети были обеспечены после смерти родителей, родители не заботились бы о том, чтобы оставить им средства для жизни; но пока этого нет, отмена права наследования только привела бы к трудностям, взбудоражила бы, отпугнула людей и не принесла бы никакой пользы. Вместо того, чтобы положить начало социальной революции, она могла бы только положить ей конец. Началом должно быть создание условий для обобществления средств производства.

Право наследования по завещанию ненавистно буржуазии; оно дает возможность государству в любой момент вмешиваться в частные дела. У нас уже есть налоги на наследство, остается только увеличить их и сделать прогрессивными так же, как подоходный налог, оставив без обложения мелкие суммы, например 50 фунтов стерлингов. Только в этом смысле этот вопрос касается рабочего класса.

Все, что связано с существующим порядком, должно быть изменено, но если уничтожить только завещания, то их будут обходить путем прижизненной дарственной, следовательно, лучше терпеть их на определенных условиях, чем сделать еще хуже. Сначала нужно получить возможность изменить существующий порядок, тогда и право наследования исчезнет само собой.

Публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

ЗАПИСЬ РЕЧЕЙ К. МАРКСА О ВСЕОБЩЕМ ОБРАЗОВАНИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ[514]

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ЗАСЕДАНИЙ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 10 И 17 АВГУСТА 1869 ГОДА

I

Гражданин Маркс говорит, что с этим вопросом связано затруднение особого рода. С одной стороны, для установления правильной системы образования требуется изменение социальных условий, с другой стороны, для того, чтобы изменить социальные условия, нужна соответствующая система образования; поэтому нам следует исходить из существующего положения вещей.

На конгрессах обсуждался вопрос о том, должно ли образование быть государственным или частным[515]. Государственное образование рассматривается как правительственное, но это не обязательно так. В Массачусетсе каждый муниципалитет обязан обеспечить всех детей школами начального обучения. Города с населением свыше 5000 жителей должны содержать средние технические школы, большие города — школы еще более высокой ступени. Государство участвует в расходах, но немного. В Массачусетсе на образование идет восьмая часть местных налогов, в Нью-Йорке — пятая. Комитеты, ведающие школами, являются местными организациями, она назначают школьных учителей и выбирают учебники. Недостаток американской системы заключается в том, что она носит слишком местный характер, образование зависит от степени культуры каждого округа. Поэтому раздаются требования центрального надзора. Налогообложение в пользу школ обязательно, но посещение школ детьми необязательно. Налогами облагается собственность, и люди, которые платят налоги, хотят, чтобы деньги расходовались с пользой.

Образование может быть государственным, не будучи правительственным. Правительство может назначать инспекторов, которые, не имея права вмешиваться в самый процесс обучения, обязаны следить за соблюдением законов, так же как фабричные инспекторы следят за соблюдением фабричных законов.

Конгресс должен без колебаний принять постановление о том, что образование должно быть обязательным. Что касается того, что дети не смогут наниматься на работу, то несомненно одно: это обстоятельство не сократит заработной платы, и люди к этому привыкнут.

Прудонисты утверждают, что бесплатное образование — нелепость, поскольку за него платит государство. Разумеется, кто-то должен платить, однако не тот, кто менее всего в состоянии это делать. Оратор не является сторонником бесплатного образования в колледжах.

Что касается прусской системы образования, о которой так много говорили, то он скажет в заключении, что она рассчитана исключительно на то, чтобы готовить хороших солдат.

II

Гражданин Маркс говорит, что по некоторым вопросам все единодушны.

Началом дискуссии послужило предложение подтвердить резолюцию Женевского конгресса, которая требует, чтобы умственное образование сочеталось с физическим трудом, с гимнастикой и политехническим обучением. Против этого не было никаких возражений.

Политехническое обучение, отстаиваемое пролетарскими авторами, рассчитано на то, чтобы компенсировать недостатки, вызываемые разделением труда, которое мешает ученикам приобрести основательное знание своего дела. За это ухватились и неправильно истолковали в том смысле, в каком буржуазия понимает техническое образование.

Что касается предложения г-жи Ло о церковном бюджете[516], то было бы политически правильно, чтобы конгресс высказался против церкви.

Предложение гражданина Милнера[517] не стоит ставить на обсуждение в связи с вопросом о школах; такого рода воспитание молодежь должна получать от взрослых в повседневной жизненной борьбе. Оратор не склонен рассматривать Уоррена как своего рода библию, в этом вопросе мало кто придерживается одинакового мнения. Мы могли бы добавить, что школа

не может дать такого рода воспитание, этому следует учиться у взрослых.

Ни в начальные, ни в средние школы не следует вводить таких предметов, которые допускают партийное или классовое толкование. Только такие предметы, как естественные науки, грамматика и т, д. могут преподаваться в школах. Правила грамматики, например, не изменяются в зависимости от того, будет ли их объяснять религиозно настроенный тори или свободомыслящий. Предметы, допускающие противоречивые выводы, должны быть исключены из школ; их изучением могут заниматься взрослые под руководством таких преподавателей, как г-жа Ло, которая читает лекции о религии*.

По вопросу об упразднении армий[518] была принята резолюция Брюссельским конгрессом; нецелесообразно снова ставить его на обсуждение.

Публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

* В кратком отчете о заседании Генерального Совета 17 августа 1869 г., помещенном в газете «Bee-Hive» № 410, 21 августа 1869 г., эта часть выступления передана следующим образом: «Что касается политической экономии, религии и других подобных предметов, то их не следует вводить ни в начальные, ни даже в средние школы. Такой вид обучения касается взрослых и должен проводиться путем лекций такими преподавателями, как г-жа Ло». *Ред.*

ОБРАЩЕНИЕ ЛИГИ ЗЕМЛИ И ТРУДА К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ [519]

Товарищи рабочие!

Необоснованные надежды, внушенные 30 лет назад трудящимся и страждущим миллионам Англии, не осуществились. Им говорили, что устранение пошлинных ограничений облегчит участь рабочей бедноты и, если не сделает ее счастливой и довольной, то, по крайней мере, навсегда изгонит голод из ее среды.

Поднялось сильное движение за «большой каравай»[520]; лендлорды неистовствовали, финансовые тузы были в растерянности, фабриканты ликовали — их воля была выполнена — протекционизму был нанесен coup de grace*. Затем последовал период невиданного процветания. Сначала тори грозились изменить эту политику. Но, оказавшись на министерской скамье в 1852 г., вместо того, чтобы осуществить свою угрозу, они присоединились к хвалебному хору сторонников неограниченной конкуренции. Приготовившись к денежным потерям, они, к своему крайнему удивлению, обнаружили, что их доходы, получаемые от аренды, возросли более чем на 2000000 ф. ст. в год. Никогда в истории человечества такое количество богатств — то есть средств для удовлетворения нужд человека — не производилось столь малым количеством рук и в столь короткий срок, как со времени отмены хлебных законов. За отрезок времени в двадцать лет, объявленная стоимость ежегодного экспорта британских и ирландских продуктов сельского хозяйства и промышленных изделий — плодов вашего собственного

* — последний удар. *Ред.*

труда — выросла с 60000000 до 188900000 фунтов стерлингов. За двадцать лет облагаемый доход лордов и леди британской земли возрос, по их собственному признанию, с 98000000 до 140000000 ф. ст. в год, а доходы крупнейших фабрикантов и промышленников возросли с 60000000 до 110000000 ф. ст. в год. Могли ли человеческие силы сделать больше?

Но увы! Среди сынов Британии имеются и пасынки. Ни один канцлер казначейства еще не разгласил тайны того, как распределяются между земельными магнатами эти 140000000 ф. ст., но зато нам все известно относительно промышленников. Число наиболее удачливых из них с 16 — в 1846 г. выросло до 133 — в 1866 году. Средний годовой доход каждого из них возрос с 74300 до 100600 фунтов стерлингов. Они присвоили одну четверть всего прироста дохода за 20 лет. Ближайшая за ними категория возросла численно с 319 до 959 человек; средний годовой доход каждого из них вырос с 17700 до 19300 фунтов стерлингов; они присвоили вторую четверть. Оставшуюся половину разделили между собой 346048 респектабельных буржуа, ежегодный доход которых колеблется в пределах от 100 и до 10000 фунтов стерлингов. Миллионам же трудящихся, производителям этих богатств — британским золушкам — достались колотушки и пинки вместо полупенсов.

В 1864 г. облагаемый доход по налоговому перечню D[521] вырос на 9200000 фунтов стерлингов. Из этого прироста 4266000 ф. ст., то есть почти половину, поглотила столица с населением менее $^{1}/_{8}$. Из этой суммы 3123000 ф. ст., более чем $^{1}/_{3}$ прироста дохода всей Великобритании, поглотило лондонское Сити, то есть избранные, составляющие $^{1}/_{179}$ часть британского населения: на Майл-Энд и Тауэр, с рабочим населением в 4 раза большим, пришлось 175000 фунтов стерлингов. Домовладельцы Сити задыхаются от золота, а домовладельцы в Тауэр-Хамлетс задавлены налогами в пользу бедных. Сити, разумеется, противится централизации налога в пользу бедных, исключительно исходя из принципа местного самоуправления.

За 10 лет, до 1861 г. включительно, число рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности, возросло на 12%; их продукция выросла на 103%. Число горнорабочих на железных рудниках увеличилось на 6%, продукция рудников — на 37%. Двадцать тысяч горняков работали на десять владельцев рудников. За те же 10 лет число сельскохозяйственных рабочих Англии и Уэльса сократилось на 88147 человек, однако, за тот же период многие сотни тысяч акров общинных земель были огорожены и превращены в частную собственность, для увеличения поместий аристократии, и этот процесс все еще продолжается.

За 12 лет арендная плата, облагаемая по закону о бедных в Англии и Уэльсе, возросла с 86700000 до 118300000 фунтов стерлингов; число взрослых трудоспособных пауперов возросло со 144500 до 185600.

Это не фантастические картины, нарисованные пылким воображением неисправимых сумасбродов. Это признания лендлордов и банкиров, засвидетельствованные в их собственных Синих книгах. Один из их экспертов заявил недавно в палате лордов, что имущие классы, живя в роскоши, могут делать сбережения на 150000000 ф. ст. в год из продукта вашего труда. Через несколько недель председатель Королевского хирургического колледжа изложил перед судом присяжных, расследовавшим причины преждевременной кончины 8 человек, что он видел в грязном работном доме прихода Сент-Панкрас.

Число привилегированных в Ирландии также увеличилось и доходы их выросли, в то время как шестая часть ее трудящихся сынов и дочерей погибла от голода и вызванных им болезней, а треть оставшихся в живых была выселена в судебном порядке с арендуемых земель, выброшена на улицу и вынуждена эмигрировать, спасаясь от преследований преступных узурпаторов.

Этот период беспримерного промышленного расцвета привел тысячи наших товарищей тружеников — честных, неискушенных, усердно работавших мужчин и женщин — к работному дому: ростбиф, о котором они мечтали, превратился в похлебку. Сотни тысяч мужчин, женщин и детей скитаются в своей родной стране без крова, униженные и отверженные, заполняя города, толпами двигаясь по большим дорогам; они ищут работы, чтобы добыть себе кров и пищу, и не могут их найти. Другие тысячи более предприимчивых, нежели честных, отбывают тюремное заключение за мелкие кражи, предпочитая тюремную дисциплину содержанию в работном доме; в то же время крупные мошенники остаются на свободе, — а преступные лендлорды творят суд, председательствуя на сессиях мировых судей. Тысячи молодых и здоровых людей отправляются за море, бегут от родного очага, как от чумы; старые и слабые погибают в придорожной канаве от голода и холода. Лазареты и больницы переполнены больными лихорадкой и изнемогающими от голода: смерть от голода стала обычным, повседневным явлением.

Все мнения сходятся в том, что никогда еще страдания рабочей бедноты не были так велики, а нищета так широко распространена, как сейчас, и в то же время, никогда еще не имелись в таком изобилии средства для удовлетворения потребностей

человека. Это доказывает прежде всего, что моральный принцип всякой государственной власти, заключающийся в том, *«что благосостояние всего общества есть высший закон и должен быть целью и стремлением всего гражданского законодательства»,* оставался в полном пренебрежении. Те, кто вершит судьбы нации, либо легкомысленно пренебрегли своей первейшей обязанностью, служа особым интересам богачей, чтобы сделать их еще богаче, или же их социальное положение, их воспитание, их классовые предрассудки сделали их неспособными выполнять свои обязанности в отношении всего общества и проводить надлежащие меры; и в том и в другом случае они предали своих доверителей.

Классовое правление может существовать лишь при том условии, если угнетаемые будут обеспечены от крайней нужды. Правящие классы не сумели оградить промышленного рабочего в расцвете его сил от лишений и от голодной смерти. Их мероприятия явно оказались несостоятельными, их обещания невыполнены. Они обещали экономию, а вместо этого чудовищно увеличили государственные расходы. Они обещали снять с ваших плеч налоговое бремя, но богачи платят только малую долю возросших расходов — остальное взимается с предметов первой необходимости, предназначенных вам — даже с ваших ломбардных квитанций взимается налог на содержание постоянной армии, набранной из ваших же рядов, чтобы расстреливать вас, если вы проявите признаки недовольства. Они обещали свести до минимума пауперизм, но лишь сделали нищету и лишения обычным вашим уделом — «большой каравай» превратился в ничто. Каждое мероприятие, проведенное ими, только увеличивало бедствия, и им больше нечего предложить — их власть обречена. Продолжать так, значит вовлечь всех в общее крушение. Есть только одно-единственное средство. Помогите сами себе! Решите, что не можете больше выносить такое отвратительное положение вещей, и действуйте сообразно своему решению, и такому положению придет конец.

Несколько недель тому назад десятка два лондонских рабочих обсуждали этот вопрос. Они пришли к заключению, что современный экономический базис общества обусловливает все существующие бедствия, что никакое средство, кроме преобразования существующей социальной и политической системы, не принесет пользы, и что такое преобразование может быть осуществлено только самими трудящимися массами. Свои выводы они облекли в ряд резолюций и представили их на обсуждение созванной ими конференции из представителей рабочих. Эти резолюции были обсуждены на трех собраниях

и единогласно приняты. Для проведения их в жизнь была создана новая организация рабочих, названная *Лигой земли и труда.* Исполнительному комитету ее, в составе более 40 человек известных представителей рабочих, было поручено выработать платформу принципов на основе первоначальных резолюций, принятых конференцией, в качестве программы действий, посредством которой можно осуществить коренные преобразования.

После всестороннего обсуждения комитет принял следующую программу:

1. Национализация земли.
2. Создание сельскохозяйственных колоний внутри страны.
3. Всеобщее бесплатное и обязательное обучение, независимое от церкви.
4. Упразднение частных эмиссионных банков. Предоставление государству исключительного права эмиссии банкнот.
5. Замена всех налогов одним прямым и прогрессивным налогом.
6. Ликвидация национального долга.
7. Упразднение постоянной армии.
8. Сокращение рабочего дня.
9. Всеобщее равное избирательное право с оплатой депутатов.

Успех наших усилий будет зависеть от давления, оказываемого на власть имущих, а для этого необходимо численное превосходство, объединение, организация и координация действий. Поэтому мы призываем вас объединяться, организовываться, координировать свои действия и провозгласить повсюду в Ирландии, Шотландии, Уэльсе и Англии: *«Землю народу»* — законному наследнику даров природы. Ни одно разумно организованное общество не может оставить землю, которая является источником жизни, во власти небольшой кучки частных лиц как объект их причуд и капризов. Правительство, избранное всем народом и пользующееся его доверием, является единственной силой, способной управлять землей в интересах всего общества.

Добивайтесь того, чтобы государство затребовало незанятые земли, положив тем самым начало национализации земли, для расселения безработных. Не допускайте больше огораживания ни одного акра общинных земель в частных интересах непроизводителей. Заставьте государство использовать армию— впредь до ее окончательного роспуска — для земельных работ по борьбе с сорняками, дренажу и поднятию целины, вместо сооружения лагерей, цель которых — уничтожение жизни.

Если зеленые поля и огороды несовместимы с благородным спортом — охотой, пусть эмигрируют любители охоты.

Сделайте девять пунктов Лиги программой рабочих, пробным камнем для проверки кандидатов в парламент, и, если вы найдете, что они не соответствуют своему назначению, отбросьте их как фальшивую монету, ибо кто не за вас, тот против вас.

У вас выманивают плоды вашего труда на основании земельных, финансовых и всяких других законов. Из ничтожных средств, которые вам остаются, вы должны платить проценты по долгу, сделанному для того, чтобы удерживать в подчинении ваших предшественников; вы должны содержать постоянную армию, служащую тем же целям в отношении вашего поколения; вы систематически изнуряете себя чрезмерным трудом, когда есть работа, и при всех условиях плохо питаетесь. Ничто, кроме ряда таких коренных реформ, какие указаны в нашей программе, никогда не выведет вас из того безнадежного состояния, в котором вы находитесь в настоящее время. Трудности могут быть преодолены единством цели и действия. Нас много, а наших противников мало. Итак, рабочие и работницы всех верований и профессий, единодушно требуйте свои права, сплотитесь и объедините ваши силы под знаменем *Лиги земли и труда,* чтобы завоевать свое собственное освобождение!

Джон Уэстон, казначей

Мартин Дж. Бун
И. Георг Эккариус } секретари

Составлено Г. Эккариусом около 14 ноября 1869 г.

Опубликовано в виде брошюры «Address of the Land and Labour League to the Working Men and Women of Great Britain and Ireland», изданной в Лондоне в 1869 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ РЕЧЕЙ К. МАРКСА О ПОЛИТИКЕ БРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ИРЛАНДСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ [522]

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ЗАСЕДАНИЙ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
16 И 23 НОЯБРЯ 1869 ГОДА

I

Затем гражданин Маркс открывает дискуссию по вопросу о позиции британского правительства в ирландском вопросе. Он говорит:

Политическая амнистия бывает двоякого происхождения: амнистия объявляется 1) когда правительство достаточно прочно благодаря силе оружия и поддержке общественного мнения, а враг признает свое поражение, как это было в Америке; 2) когда причиной конфликта является плохое управление и оппозиция добивается своего, как это случилось в Австрии и Венгрии. То же должно было произойти и в Ирландии.

И Дизраэли и Гладстон говорили, что правительство должно сделать для Ирландии то, что в других странах сделала бы революция. Брайт неоднократно утверждал, что в Ирландии всегда может вспыхнуть революция, если положение не будет радикально изменено. В период выборов Гладстон оправдывал восстание фениев и говорил, что любой другой народ восстал бы при подобных обстоятельствах. В палате общин, когда на него напали, он вывернулся, заявив, что его пламенные декларации против «политики завоевания» означали лишь то, что «Ирландией следует управлять в соответствии с ирландскими представлениями». Чтобы положить конец «политике завоевания», он должен был, став министром, сразу начать с амнистии, как поступили в Америке и Австрии. Он же ничего не сделал. Тогда в Ирландии муниципалитеты начали движение за амнистию. В тот момент, когда депутация с петицией об освобождении заключенных, на которой было 200000 подписей, уже готова была выехать, он предвосхитил события, освободив несколько

человек, дабы не казалось, что он уступает давлению со стороны Ирландии. Петиция была подана, и, хотя организовали ее не фении, он ничего не ответил. Затем в палате общин был сделан запрос по поводу гнусного обращения с заключенными. В этом, по крайней мере, английское правительство беспристрастно: оно обращается одинаково с ирландцами и с англичанами. Ни в одной стране в Европе с политическими заключенными не обращаются так, как в Англии и в России. Брус был вынужден признать факт. Мур требовал расследования, ему было отказано. Затем началось народное движение за амнистию в Лимерике. Состоялся митинг, на котором присутствовало 30000 человек, и была принята петиция с требованием безоговорочного освобождения. Состоялись митинги во всех городах Севера. Затем был объявлен большой митинг в Дублине, где присутствовало 200000 человек. Митинг был назначен за несколько недель на 10 октября. Профессиональные общества должны были явиться процессией. 8 октября правительство выпустило прокламацию, запрещавшую прохождение процессии по некоторым улицам. Исаак Батт истолковал это как запрещение процессии. Отправились с запросом к Фортескью, но его не оказалось дома, а его секретарь Бёрк ничего не знал. Было оставлено письмо, на которое ждали ответа. Фортескью увильнул. Правительству нужно было столкновение. От процессии отказались, а впоследствии стало известно, что на этот случай солдатам выдали по 40 патронов.

После этого Гладстон дал уклончивый ответ на августовскую лимерикскую петицию[523]. Он писал, что поведение людей очень различно. Одни — люди лояльные, другие разговаривают грубо, требуя как права того, что может быть только актом милосердия.

Весьма самонадеянно со стороны оплачиваемого слуги общества поучать публичный митинг тому, как надо разговаривать.

Следующее возражение Гладстона состояло в том, что заключенные не отказались от своих замыслов, пресеченных их арестом.

Как может Гладстон знать их замыслы, а также то, что они не отказались от них? Быть может он пытал их, чтобы добиться признания? Он хочет заставить их отказаться от своих принципов, хочет морально унизить их. Наполеон не требовал отречения от республиканских принципов, когда давал амнистию, и Пруссия не ставила таких условий.

Далее Гладстон заявляет, что заговор до сих пор существует в Англии и в Америке.

Если бы это было так, Скотленд-ярд быстро раскрыл бы его. Но это всего лишь «недовольство 700-летней давности».

Ирландцы заявили, что безоговорочную свободу они будут рассматривать как шаг к примирению. Гладстон не может уничтожить заговор фениев в Америке, своим поведением он содействует ему; одна газета называет Гладстона главным центром[524] заговора. Он недоволен прессой; у него не хватает смелости преследовать прессу, поэтому он хочет возложить ответственность на заключенных. Не хочет ли он держать их в качестве заложников, чтобы добиться благопристойного поведения от тех, кто за стенами тюрьмы? Он утверждает, что «нашим желанием было проявить предельную терпимость». Таков, следовательно, предел.

Когда Маунтджойская тюрьма была переполнена заключенными без суда, д-р Мак-Доннелл писал Джозефу Марри письмо за письмом по поводу обращения с ними. Лорд Мэйо говорил впоследствии, что Марри утаил эти письма. Затем Мак-Доннелл писал инспектору тюрем, более высокому должностному лицу. В результате, Мак-Доннелл был уволен, а Марри повышен в должности.

Далее Гладстон говорит, что «мы рекомендовали» освободить менее значительных преступников, но главных вождей и организаторов освободить было нельзя.

Это определенная ложь. Среди заключенных находилось два американца, присужденных к 15 годам каждый. Страх перед Америкой заставил правительство освободить их, Кэри был приговорен в 1865 г. к 5 годам, он находится в психиатрической больнице, семья хочет взять его домой, ведь он не в состоянии низвергнуть правительство.

Далее Гладстон говорит, что бунт против общественного порядка всегда считался преступлением в Англии. Но только в Англии. Мятеж Джефферсона Дэвиса был оправдан, потому что он не был направлен против англичан и их правительства[525]. Правительство, продолжает Гладстон, не должно руководствоваться иными побуждениями, кроме наказания преступлений.

Правительство служит угнетателям Ирландии. Гладстон хочет, чтобы ирландцы преклонили колена, потому что просвещенный монарх и парламент свершили великий акт справедливости. А ведь именно они и являются преступниками по отношению к ирландскому народу. Ирландский вопрос был единственным лозунгом, благодаря которому Гладстон и Брайт могли стать министрами, преследовать диссентеров и дать ирландским охотникам за теплыми местечками возможность оправдать свою продажность. Церковь была только предлогом для завоевания. Предлог устранен, но порабощение осталось. Гладстон заявляет, что правительство намерено и впредь устранять всякий повод к недовольству, но что оно полно решимости

гарантировать жизнь и собственность и отстаивать целостность империи.

Угроза для жизни и собственности исходит от английской аристократии. Канада создает свои собственные законы, и это не нарушает целостности империи, а ирландцы отстранены от своих собственных дел, они должны отдать их на попечение парламента, то есть той самой власти, которая привела их к нынешнему положению. Величайшая глупость думать, что выпустить заключенных из тюрьмы более опасно, чем нанести оскорбление целой нации. Старая английская закваска завоевателя проявляется в утверждении: мы вам пожалуем, но вы должны попросить.

В своем письме к Исааку Батту Гладстон говорит:

«Вы напоминаете мне о том, что я некогда защищал иностранцев. Разве эти два случая аналогичны? Фениев судили по законному обычаю, и признал их виновными суд присяжных, состоящий из их же соотечественников. Заключенных в Неаполе арестовали и не судили, а когда судили, то судили чрезвычайным судом и приговорили их судьи, получавшие жалованье от правительства»[526].

Если браконьера судит суд присяжных, состоящий из местных сквайров, его тоже судят его же соотечественники. Общеизвестно, что ирландские присяжные рекрутируются из поставщиков лендлорда, что их средства к существованию зависят от их приговора. Угнетение — всегда законный обычай. В Англии судьи могут быть независимыми, в Ирландии же — никогда. Их продвижение в должности зависит от того, как они служат правительству. Салливен, прокурор, получил назначение на пост хранителя судебных архивов.

«Древнему ордену лесников» в Дублине Гладстон ответил, будто не помнит, что обязался «управлять Ирландией в соответствии с ирландскими представлениями»[527]. И после всего этого он является в ратушу и жалуется, что задача ему не по силам.

В результате все митинги в защиту прав арендаторов отменены, и ирландцы требуют освобождения заключенных. Они порвали с клерикальной партией, требуют теперь самоуправления для Ирландии. Мур и Батт высказались за это. Они решили добиться освобождения О'Донована-Россы, избрав его членом парламента.

II

Гражданин Моттерсхед сделал обзор деятельности Гладстона, я бы его сделал иначе, но это не имеет никакого отношения к обсуждаемому нами вопросу. Петиции, принятые на митингах,

были вполне корректны, но Гладстон придрался к речам, произнесенным в их защиту. Каслри был не хуже Гладстона; я нашел сегодня в «Political Register»[528], что он, выступая против ирландцев, употреблял те же слова, что и Гладстон, а Коббет ему отвечал так же, как я.

Когда началась избирательная кампания, все ирландские кандидаты выступали с требованием амнистии, но Гладстон бездействовал до тех пор, пока ирландские муниципалитеты не начали движение за амнистию.

Я не говорил о жертвах европейских событий, потому что не приходится сравнивать венгерскую войну с восстанием фениев. Ее можно было бы сравнить с 1798 годом[529], и тогда сравнение было бы не в пользу англичан.

Я повторяю, что нигде с политическими заключенными не обращаются так плохо, как в Англии.

Гражданин Моттерсхед не хочет сказать нам, какого он мнения об ирландцах; если он хочет знать, что другие народы думают об англичанах, пусть почитает Ледрю-Роллена[530] и других европейских писателей. Я всегда защищал англичан и продолжаю делать это и сейчас.

Резолюция принимается не для того, чтобы добиться освобождения заключенных, сами ирландцы уже не рассчитывают на это. Цель резолюции — выразить сочувствие ирландцам и дать оценку поведения правительства; она, может быть, повлечет за собой сплочение англичан и ирландцев. Гладстону приходится сталкиваться с оппозицией «Times», «Saturday Review» и т. д., когда мы смело высказываем свое мнение; с другой стороны, мы можем и поддержать его против такой оппозиции, которая в противном случае способна его опрокинуть. Во время Гражданской войны он был у власти и отвечал за политику правительства, и если дела северян были плохи, когда Глад-стон выступил со своим заявлением, то это не делает чести его патриотизму.

Гражданин Оджер прав: если бы мы хотели освобождения заключенных, то таким путем не добились бы цели. Но важнее считаться с ирландским народом, чем с Гладстоном[531].

Полностью публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

СТАТЬИ ЖЕННИ МАРКС ПО ИРЛАНДСКОМУ ВОПРОСУ [532]

I

Лондон, 27 февраля 1870 г.

«Marseillaise» от 18 февраля воспроизводит статью из «Daily News», в которой эта английская газета информирует французскую прессу об избрании О'Донована-Россы. Ввиду того что информация эта довольно путаная, а полные недомолвок разъяснения изображают в ложном свете факты, которые они имеют претензию осветить, прошу не отказать в любезности опубликовать мои комментарии к указанной статье.

Прежде всего «Daily News» сообщает, что О'Донован-Росса был осужден судом присяжных, по не добавляет, что в Ирландии суд присяжных состоит из приспешников правительства, более или менее прямо назначаемых им.

Далее, говоря со священным ужасом о treason felony[*], играющие в либерализм журналисты из «Daily News» забывают сказать, что эта новая категория английского уголовного кодекса была специально изобретена для того, чтобы отнести ирландских патриотов к самым низким преступникам.

Возьмем дело О'Донована-Россы. Он был одним из редакторов «Irish People». Он был осужден, как и большинство фениев, за якобы мятежные статьи. «Marseillaise», следовательно, не ошиблась, проводя аналогию между Рошфором и Россой.

Почему же «Daily News», которая взялась информировать Францию об осужденных фениях, ничего не говорит о гнусном обращении с ними? Надеюсь, Вы разрешите мне восполнить ее благоразумное молчание.

[*] — государственной измене. *Ред.*

Некоторое время тому назад О'Донован-Росса был посажен в темную одиночную камеру со скованными за спиной руками. Ни днем, ни ночью с него не снимались кандалы, так что он вынужден был хлебать свою пищу — жидкую похлебку, лежа на полу. Г-н Пиготт, редактор «Irishman», узнав об этих фактах от Россы, который изложил их ему в присутствии начальника тюрьмы и другого свидетеля, опубликовал их в своей газете, что побудило г-на Мура, одного из ирландских депутатов палаты общин, потребовать парламентского расследования для выяснения того, что творится в тюрьмах. Правительство решительно воспротивилось этому требованию: 36 членов голосовали за предложение Мура, а 171 — против; это — достойное дополнение к тем голосованиям, которыми было попрано избирательное право[*].

И это произошло при министерстве святоши Гладстона! Как видите, сей великий либеральный вождь ни в грош не ставит гуманность и правосудие. Существуют, следовательно, иуды, которые не носят очков.

А вот и другое дело, также к чести Англии. О'Лири, заключенный фений в возрасте 60—70 лет, в течение трех недель не получал ничего, кроме хлеба и воды, за то, — нет, читателям «Marseillaise» этого никогда не угадать, — за то, что он назвался *«язычником»* и отказался объявить себя *протестантом, пресвитерианцем, католиком* или *квакером.* Ему предложили на выбор либо одну из перечисленных религий, либо пустой хлеб. Из этих пяти зол О'Лири — или *«язычник О'Лири»,* как его называют, — выбрал то зло, которое ему казалось наименьшим: хлеб и воду.

Несколько дней тому назад *коронер* (судебный чиновник, от имени короны производящий дознания о найденных трупах), осмотрев тело фения, умершего в тюрьме Спайк-Айленда, в весьма суровых выражениях осудил обращение, которому подвергался покойный.

В минувшую субботу молодой ирландец *Ганнер Худ* вышел из тюрьмы, где его продержали 4 года; в возрасте 19 лет он записался в английскую армию и в Канаде служил Англии. В 1866 г. он был предан военному трибуналу за мятежные статьи и присужден к двум годам каторги. Выслушав приговор, Худ схватил свою фуражку и, подбросив ее в воздух, воскликнул: «Да здравствует ирландская республика!». Этот крик души обошелся ему дорого. Его присудили еще к двум годам тюремного заключения и сверх того к пятидесяти плетям.

---

[*] См. настоящий том, стр. 634—635. *Ред.*

Этот приговор был приведен в исполнение самым жестоким образом. Худа привязали к плугу, а двух здоровенных кузнецов вооружили *cat o'nine tails* — французский язык не имеет названия для английского *кнута.* Только русские и англичане нашли здесь общий язык. Свой своему поневоле брат.

Журналист г-н Кэри в данный момент находится в той части тюрьмы, которая отведена для умалишенных; молчание и другие виды пыток, которым он подвергался, превратили его в живой труп, лишенный рассудка.

Полковник Бёрк, фений, человек, отличившийся не только на военной службе в американской армии, но и как писатель и живописец, также доведен до жалкого состояния; он уже не узнает самых близких своих родных. К этому списку ирландских мучеников можно было бы добавить еще немало имен. Достаточно сказать, что с 1866 г., когда на помещение «Irish People» был произведен разбойничий налет, *20 фениев умерли или сошли с ума* в тюрьмах человеколюбивой Англии.

Написано Женни Маркс 27 февраля 1870 г.

Напечатано в газете «La Marseillaise» № 71, 1 марта 1870 г.

Подпись: Дж. Уильямс

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

II

Лондон, 5 марта

На заседании палаты общин 3 марта г-н *Стакпул* сделал запрос г-ну Гладстону по поводу обращения с заключенными фениями. Он сказал, между прочим, что доктор *Лайонс,* из Дублина, недавно заявил, что

«дисциплина, голодный паек, ограничение личной свободы и другие кары могут причинить здоровью заключенных только непоправимый вред».

Г-н Гладстон, выразивший полное удовлетворение обращением с заключенными, увенчал свой маленький *спич* такой блестящей остротой:

«Что касается здоровья О'Донована-Россы, то я, к своему удовлетворению, могу сообщить, что г-жа О'Донован-Росса во время своего *последнего* свидания с мужем была очень обрадована тем, что его *внешний вид* изменился к *лучшему»*[533].

На всех скамьях благородного собрания раздался взрыв гомерического хохота! *Последнее свидание!* Заметьте, что г-жа О'Донован-Росса не только в течение ряда лет была разлучена со своим мужем, но что она разъезжала по Америке, дабы заработать хлеб своим детям чтением публичных лекций по английской литературе.

Не забудьте также, что этот г-н *Гладстон,* — шутки которого бывают столь уместными, — прямо-таки просится во святые, являясь автором «Prayers» («Молитв»), «Propagation of the Gospel» («Распространения евангелия»), «The functions of laymen in the church» («Обязанностей мирян в церкви») и совсем недавно изданной проповеди «Ecce homo»*.

Но разделяют ли заключенные огромное удовлетворение своего верховного тюремщика? Прочтите нижеследующие

* — «Се человек». *Ред.*

выдержки из письма *О'Донована-Россы,* которое каким-то чудом вышло из стен тюрьмы и с баснословным опозданием дошло по назначению:

ПИСЬМО РОССЫ

«Я говорил вам о лицемерии этих английских владык, поставивших меня в такие условия, что я вынужден был становиться на колени и локти, чтобы принимать пищу; они морят меня голодом, лишают дневного света и дают мне оковы и библию. Я не жалуюсь на кары, которым хотят меня подвергнуть мои владыки; мое дело — терпеть; но я утверждаю, что имею право известить мир об обращении, которому меня подвергают, и о незаконной задержке моих писем, рассказывающих об этом обращении. Мелочные предосторожности, принимаемые тюремными властями, чтобы помешать мне писать письма, столь же смешны, сколь и отвратительны. Самая оскорбительная процедура заключалась в том, что меня на протяжении нескольких месяцев каждый день раздевали догола и осматривали руки, ноги и все части тела. Это происходило в *Милбанке* ежедневно с февраля до мая 1867 года. Однажды я отказался раздеться. Тогда появились пять тюремщиков, они нещадно избили меня и сорвали с меня одежду.

Однажды мне удалось отправить письмо на волю; оно мне стоило посещения гг. *Нокса* и *Поллока,* двух *полицейских чиновников* (полицейских судей).

Какая ирония — посылать двух правительственных чиновников, чтобы установить истину об английских тюрьмах! Эти господа отказались записать то важное, что я хотел им сообщить. Когда я затронул тему, которая им не понравилась, они меня остановили, сказав, что тюремная дисциплина их не касается. Не так ли, гг. *Поллок* и *Нокс?* Когда я вам сообщил, что меня заставили мыться в воде, уже послужившей для этой цели полдюжине английских заключенных, разве вы не отказались записать мою жалобу?

В *Чатаме* мне дали надергать какое-то количество пакли, сказав, что оставят меня без еды, если я не закончу работу к определенному часу.

— Быть может, — воскликнул я, — вы меня накажете подобным же образом, если я выполню задание? Со мной уже это бывало в *Милбанке.*

— Как же так? — возразил тюремщик.

Тогда я ему рассказал, что 4 июля, выполнив свое задание за десять минут до назначенного срока, я взял книгу. Чиновник, увидев меня, обвинил в лени, и меня посадили на хлеб и воду в темную одиночную камеру на двое суток.

Однажды я увидел своего друга *Эдуарда Даффи.* Он был очень бледен. Спустя некоторое время я услыхал, что *Даффи* серьезно болен и что он выразил желание повидать меня (мы были очень дружны в Ирландии). Я просил начальника тюрьмы разрешить мне навестить его. Он отказал наотрез. Это было в рождественские дни 1867 г., а через несколько недель один заключенный прошептал мне сквозь решетку моей камеры: *«Даффа* скончался!»

Если бы нечто подобное случилось в России, какую трогательную повесть сочинили бы англичане!

Если бы г-н Гладстон присутствовал при такой смерти в Неаполе, какую картину нарисовал бы он! О слащавые фарисеи, промышляющие лицемерием, со словами библии на устах и с дьяволом в душе!

Я должен посвятить несколько слов памяти *Джона Линча.* В марте 1866 г. я встретился с ним во дворе на прогулке. За нами так бдительно

следили, что он успел только шепнуть мне: «Меня убивает холод». Что же сделали эти англичане? Они отвезли нас в Лондон за день до рождества. Когда мы прибыли в тюрьму, они сняли с нас теплое белье и оставили на целые месяцы в наших одиночных камерах дрожать от холода. Да, они не могут этого отрицать, они — убийцы *Джона Линча;* но во время расследования они, тем не менее, выставили чиновников, готовых доказать, что с *Линчем* и *Даффи* обращались весьма мягко.

Лживость наших английских поработителей превосходит всякое воображение.

Если мне суждено умереть в тюрьме, я заклинаю мою семью и моих друзей не верить ни одному слову из того, что говорят эти люди. Да не заподозрят меня в личной злобе к тем, кто преследовал меня своею ложью! Я обвиняю только тиранию, сделавшую необходимым применение таких методов.

Обстоятельства неоднократно заставляли меня вспоминать слова Макиавелли: «Тираны особенно заинтересованы в распространении библии, дабы народная масса усваивала ее предписания и без сопротивления давала разбойникам грабить себя».

Пока рабский народ выполняет правила морали и повиновения, которые ему проповедуют священники, тиранам нечего бояться.

Если это письмо дойдет до моих соотечественников, я имею право требовать, чтобы они возвысили свой голос и потребовали справедливости для своих страждущих братьев. Пусть эти слова взбудоражат кровь, застывающую в их жилах.

Меня запрягли в тележку, завязав веревку узлом на моей шее. Этот узел был прикреплен к длинной оглобле, а двум арестантам-англичанам приказали не давать тележке подскакивать; но они отпустили ее, оглобля задралась вверх, узел развязался. Если бы он, наоборот, затянулся, я бы погиб.

Я утверждаю, что они не имеют права ставить меня в такие условия, при которых моя жизнь зависит от действий другого.

Луч света проникает сквозь решетки и засовы моей темницы. Это — воспоминание о дне, проведенном в *Ньютаунардсе,* где я встретил *оранжистов* и *риббонистов,* забывших о своем ханжестве!

О' Донован-Росса,

политический каторжанин»[534]

Написано Женни Маркс 5 марта 1870 г.

Напечатано в газете «La Marseillaise» № 79, 9 марта 1870 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

III

Лондон, 16 марта 1870 г.

Наиболее выдающимся событием прошлой недели было письмо О'Донована-Россы, которое воспроизведено в моей последней корреспонденции.

Газета «Times» перепечатала письмо без комментариев, «Daily News» поместила комментарии без письма.

«Как и следовало ожидать, — заявляет эта газета, — г-н О'Донован-Росса избрал темой своего письма тюремные правила, которым его *временно* (for a while) *подчинили».*

Как жестоко звучит это *«временно»,* когда речь идет о человеке, который находится в заключении уже пять лет и приговорен к *пожизненной* каторге!

Г-н О'Донован-Росса жалуется среди прочего и на то, что «его запрягли в тележку, завязав веревку узлом на шее» таким образом, что его жизнь зависела от движения английских каторжников, его товарищей.

«Но разве несправедливо, — восклицает «Daily News», — ставить человека в условия, при которых его жизнь зависит от действий других людей? Разве в вагоне или на пароходе жизнь человека не зависит также от действий другого?»

Прибегнув к такой уловке, благочестивый казуист укоряет О'Донована-Россу за то, что он не любит *библию* и предпочитает ей *«Irish People».* Это противопоставление bible* и people** способно привести в восторг его читателей.

«Г-н О'Донован-Росса, — продолжает «Daily News», — по-видимому, воображает, что заключенные, отбывающие наказание за *мятежные статьи,* должны снабжаться сигарами и ежедневными газетами и что прежде всего им должно быть предоставлено право свободно вести переписку со своими друзьями».

* — библии. *Ред.*
** — народа. *Ред.*

О добродетельный фарисей! Вы, стало быть, признаете, наконец, что О'Донован-Росса был приговорен к пожизненной каторге за *мятежные статьи,* а не за покушение на *убийство* королевы Виктории, как вы коварно намекали в своем первом обращении к французской прессе.

«В конце концов, — заключает эта бесстыдная газета, — с О'Донованом-Россой обращаются так, как он того заслуживает, то есть как с обыкновенным каторжником».

После чисто гладстоновской газеты вот представитель другого оттенка играющей в либерализм прессы, газета «Daily Telegraph», обычно отличающаяся самыми грубыми выходками.

«Если мы удостаиваем своего внимания письмо О'Донована-Россы, — заявляет она, — то не ради фениев, которые неисправимы, а исключительно ради благополучия Франции».

«Да будет вам известно, — говорит она, — что всего несколько дней тому назад г-н Гладстон в палате общин формально опроверг все эти наглые выдумки, и, конечно, не найдется ни одного здравомыслящего француза, к какой бы партии или классу он ни принадлежал, который осмелился бы усомниться в этом заявлении английского джентльмена».

Но если, паче чаяния, во Франции найдутся партии или люди, достаточно испорченные, чтобы не поверить на слово такому английскому джентльмену, как г-н Гладстон, то Франция во всяком случае не сможет устоять против доброжелательных советов г-на Леви, который отнюдь не английский джентльмен и обращается к вам с такими словами:

«Советуем нашим соседям-парижанам считать все сказки о зверствах, учиняемых над политическими заключенными в Англии, просто-напросто наглыми выдумками».

С разрешения г-на Леви я приведу вам новый образчик того, чего стоят *слова* джентльменов, составляющих гладстоновский кабинет.

Как вы помните, в моем первом письме упоминался полковник *Рикард Бёрк* — заключенный фений, которого гуманные приемы английского правительства довели до потери рассудка. Первым опубликовал это сообщение «Irishman». Затем г-н Андервуд обратился с письмом к министру внутренних дел г-ну Брусу, требуя расследования режима, применяемого к политическим заключенным.

Г-н Брус ответил на него письмом, опубликованным в английских газетах и содержащим следующую фразу:

«Что касается Рикарда Бёрка, который находится в Уокингской тюрьме, то г-н Брус вынужден отказать в расследовании по поводу *таких лишенных всякого основания и экстравагантных инсинуаций,* какие содержатся в присланных Вами выдержках из «Irishman»».

Это заявление г-на Бруса датировано 11 января 1870 года. Теперь же «Irishman» в одном из своих последних номеров публикует ответ того же министра на письмо сестры Рикарда Бёрка, г-жи Барри, просившей у него сведений о «внушающем тревогу» состоянии своего брата. К министерскому ответу от 24 *февраля* приложено официальное свидетельство от 11 января, в котором тюремный врач и надзиратель, специально приставленный к Бёрку, заявляют, что последний сошел с ума[535]. Следовательно, в тот самый день, когда г-н Брус публично назвал утверждения «Irishman» лживыми и лишенными всякого основания, в его кармане лежали несомненные и официальные доказательства их правдивости! Заметим мимоходом, что ирландский депутат палаты общин г-н Мур внесет министру запрос по поводу обращения с полковником Бёрком.

Недавно основанная газета «Echo»[536] выступает в еще более ярких тонах либерализма, чем ее собратья. У нее есть свой руководящий принцип. Дело в том, что цена этой газеты одно су, в то время как другие газеты продаются за два, четыре или шесть су. Цена в одно су вынуждает ее, с одной стороны, к псевдодемократическим декларациям, чтобы не потерять своих подписчиков-пролетариев, а с другой стороны — к постоянным оговоркам, чтобы завоевать респектабельных подписчиков своих конкурентов.

В своей пространной тираде по поводу письма О'Донована-Россы «Echo» договаривается до замечательного предположения, что «может быть, сами амнистированные фении откажутся верить преувеличениям своих соотечественников». Как будто г-н Кикем, г-н Костелло и другие не опубликовали уже сообщений о своих тюремных страданиях, вполне совпадающих с письмом Россы! Но после всех своих уверток и бессмысленных отговорок «Echo» затрагивает больной вопрос.

«Публикации «Marseillaise», — заявляет она, — вызовут скандал, который обойдет весь мир. Ум континентального человека, быть может, слишком ограничен, чтобы правильно видеть различие между злодеяниями какого-нибудь Бомбы* и строгостями Гладстона. Уж лучше было бы произвести расследование» и т. п.

Играющий в либерализм гладстоновский еженедельник «Spectator» руководствуется принципом, согласно которому все жанры плохи, кроме скучного[537]. Вот почему в Лондоне его называют газетой семи мудрецов. Рассказав вкратце об О'Доноване-Россе и обругав его за непочтение к библии, газета семи мудрецов выносит следующий приговор:

* — короля-бомбы, то есть Фердинанда II. *Ред.*

«Фений О'Донован-Росса испытал, по-видимому, лишь те страдания, которые составляют обычный удел каторжников; но мы признаемся, что хотели бы изменения этого режима. Весьма справедливо, а нередко и весьма благоразумно, производить расстрелы мятежников. Справедливо также подвергать их лишению свободы как преступников наиболее опасного вида. Однако и несправедливо и неблагоразумно подвергать их унижениям».

Хорошо сказано, мудрый Соломон!

Наконец, выступает «Standard», главный орган партии тори, консерваторов. Вы знаете, что английская олигархия состоит из двух фракций: земельной аристократии и плутократии. Тот, кто в их семейных дрязгах становится на сторону плутократов против аристократов, того называют либералом, даже радикалом. И, напротив, тот, кто становится на сторону аристократов против плутократов, того называют тори.

«Standard» называет письмо О'Донована-Россы апокрифической повестью, вероятно сочиненной А. Дюма.

«Почему, — спрашивает эта газета, — «Marseillaise» не добавила, что г-н Гладстон, архиепископ Кентерберийский и лорд-мер каждое утро присутствуют при пытках О'Донована-Россы?».

В палате общин один депутат охарактеризовал партию тори как «stupid party» (глупую партию). Что ж, «Standard» вполне заслуживает звание главного органа глупой партии!

Прежде чем закончить это письмо, хочу предупредить французов, чтобы они не смешивали газетную шумиху с голосом английского пролетариата; этот голос, к несчастью для обеих стран, Ирландии и Англии, не находит отклика в английской печати.

Достаточно сказать, что свыше 200000 мужчин, женщин и детей рабочего класса Англии выступили с громким протестом в Гайд-парке, требуя освобождения своих ирландских братьев, и что Генеральный Совет *Международного Товарищества Рабочих,* находящийся в Лондоне и насчитывающий среди своих членов признанных вождей английского рабочего класса, резко заклеймил обращение с заключенными фениями и выступил в защиту прав ирландского народа против английского правительства[538].

P. S. В связи с опубликованием в «Marseillaise» письма О'Донована-Россы Гладстон опасается, как бы общественное мнение не вынудило его произвести парламентское публичное расследование режима, применяемого к политическим заключенным. Чтобы и на этот раз избегнуть расследования (мы знаем, сколько раз его растленная совесть уже противилась

этому), этот дипломат только что опубликовал официальное, но анонимное опровержение фактов, приводимых Россой[539].

Французы должны знать, что это опровержение представляет лишь воспроизведение показаний, данных надзирателем тюрьмы, полицейскими Ноксом, Поллоком и пр. и пр. Эти господа отлично знают, что Росса не сможет им ответить. За ним будут следить больше, чем когда-либо, но им отвечу я и приведу в следующем письме *факты,* установление которых не зависит от доброй воли тюремщиков.

Написано Женни Маркс совместно с К. Марксом 16 марта 1870 г.

Напечатано в газете «La Marseillaise» № 89, 19 марта 1870 г.

Подпись: Дж. Уильямс

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

IV

Лондон, 18 марта 1870 г.

Как было сказано в моем последнем письме, ирландский депутат палаты общин г-н Мур интерпеллировал вчера министерство по поводу обращения с заключенными фениями. Он сослался на запрос о Рикарде Бёрке и четырех других заключенных, содержащихся в Маунтджойской тюрьме (в Дублине), и запросил правительство, считает ли оно совместимым со своей честью держать в тюрьме людей после того, как их довели до сумасшествия. В заключение г-н Мур потребовал «полного, свободного и публичного расследования».

Итак, г-н Гладстон приперт к стене. В 1868 г. он категорически и весьма пренебрежительно отверг расследование, которого требовал тот же г-н Мур. С тех пор он постоянно отвечал таким же отказом на периодически повторявшиеся требования произвести расследование.

С какой же стати пойти на уступки теперь? Сознаться в том, что испугались шума, поднятого по ту сторону Ла-Манша? Как бы не так! Что касается обвинений, выдвинутых против «наших» тюремных администраторов, то «мы» запросили от них объяснений по этому поводу. Те единодушно ответили Нам, что все это — выдумки. После этого наша министерская совесть была, естественно, успокоена. Но из объяснений г-на Мура явствует, — буквально так, — что «здесь нельзя говорить в полном смысле слова об успокоении».

«Успокоение совести правительства» (the satisfaction of the minds of the government) обусловлено его доверием к своим подчиненным; «следовательно» (therefore), будет благоразумно и справедливо произвести расследование достоверности заявлений тюремщиков[540],

«Вот этот человек: то черен он, то бел;
Что чувствовал вчера, за ночь забыть успел;
Несносен сам себе и прочим не в угоду,
Он мнения свои меняет, словно моду»[*].

[*] Буало. «Сатиры», сатира VIII. *Ред.*

Уступая, наконец, требованиям, он это делает не без оговорки.

Г-н Мур требует «полного, свободного и публичного расследования». Г-н Гладстон отвечает ему, что он несет ответственность за «форму» расследования, и мы знаем уже, что это будет не «парламентское расследование», а расследование королевской комиссии. Другими словами, следователи в этом громком деле, в котором г-н Гладстон является главным обвиняемым, будут отобраны и назначены самим г-ном Гладстоном.

Что касается Рикарда Бёрка, то г-н Гладстон разъясняет, что правительство уже 9 января интересовалось его помешательством. Следовательно, достойный собрат г-на Гладстона, министр внутренних дел г-н Брус, бессовестно лгал, когда он заявил в своем письме, опубликованном 11 января, что этот факт вымышлен. Но, продолжает г-н Гладстон, душевная болезнь г-на Бёрка не достигла той стадии, которая требовала бы его освобождения из каторжной тюрьмы. Не нужно забывать, что этот человек был причастен к взрыву Клеркенуэллской тюрьмы[541]. Каким образом? Рикард Бёрк содержался в заключении в Клеркенуэллской тюрьме, когда другим людям взбрело на ум взорвать эту тюрьму, чтобы его освободить. Следовательно, он был причастен к этой безумной попытке, в подготовке которой подозревают английскую полицию, — к попытке, которая в случае успеха похоронила бы его самого под развалинами тюрьмы! Впрочем, говорит в заключение г-н Гладстон, мы уже освободили двух фениев, сошедших с ума в наших английских каторжных тюрьмах. Но, прерывает его г-н Мур, я говорил о четырех душевнобольных, содержащихся в Маунтджойской тюрьме в Дублине. Что за беда, отвечает г-н Гладстон. Во всяком случае в наших тюрьмах двумя сумасшедшими меньше!

Почему г-н Гладстон столь озабочен тем, чтобы избежать всякого упоминания о Маунтджойской тюрьме? Сейчас увидим. На этот раз факты установлены не письмами заключенных, а Синей книгой, изданной в 1868 г. по распоряжению парламента[542].

После вооруженной вылазки фениев[543] английское правительство распространило на всю Ирландию закон о чрезвычайном положении. Всякие гарантии личной свободы были, таким образом, приостановлены. Всякий «заподозренный в принадлежности к фениям» мог быть, следовательно, брошен в тюрьму и оставаться в ней без суда и следствия сколько заблагорассудится властям. Одной из тюрем, переполненных «подозрительными», была Маунтджойская каторжная тюрьма в Дублине, инспектором которой являлся Джозеф Марри, а врачом — г-н Мак-Доннелл. Что же мы читаем в *Синей книге,* изданной в 1868 г. по распоряжению парламента?

В течение ряда месяцев г-н Мак-Доннелл писал письма с протестами против жестокого обращения, которому подвергались заключенные по подозрению, адресуя их сначала инспектору Марри. Так как инспектор на них не ответил, г-н Мак-Доннелл послал три или четыре донесения начальнику тюрьмы, В одном из этих писем он указывает на

«несколько лиц, — цитирую дословно, — которые обнаруживают несомненные признаки помешательства». Он добавляет: «Я нисколько не сомневаюсь в том, что их помешательство является следствием тюремного режима. Не говоря уже о соображениях гуманности, получилось бы весьма серьезное дело, если бы кто-либо из этих заключенных, содержащихся в тюрьме не по приговору суда, а только по подозрению, покончил жизнь самоубийством».

Все эти письма, адресованные г-ном Мак-Доннеллом начальнику тюрьмы, были перехвачены Джозефом Марри. Наконец, г-н Мак-Доннелл написал непосредственно министру вице-короля Ирландии лорду Мэйо. Он писал ему, например:

«Никто не осведомлен лучше Вас, милорд, о том суровом режиме, которому подвергаются в течение длительного времени заключенные по подозрению, о режиме одиночного заключения, более суровом, чем режим, применяемый к каторжникам».

Каков был результат этих разоблачений, опубликованных по распоряжению парламента? Доктор Мак-Доннелл был уволен!!! Марри сохранил свою должность.

Все это происходило во времена министерства тори. Когда г-ну Гладстону, наконец, удалось свергнуть лорда Дерби и г-на Дизраэли при помощи пламенных деклараций, в которых он возлагал на английское правительство ответственность за движение фениев, он не только утвердил свирепого Марри в его должности, но в доказательство своего особого удовлетворения прибавил к его должности инспектора еще жирную синекуру — должность «Registrar of habitual criminals»*!

В моем последнем письме говорилось, что анонимный ответ на письмо Россы, напечатанный в лондонских газетах, исходит непосредственно от министерства.

В настоящее время признано, что это письмо — произведение министра внутренних дел г-на Бруса, Вот образчик его «министерской совести»!

«По поводу жалобы Россы на то, что он вынужден мыться в воде, в которой уже мылись другие каторжанки, комиссары Нокс и Поллок заявили, — говорит г-н Брус, — что после тщательного расследования, произведенного ими, было бы излишним останавливаться на подобном вздоре».

* — «регистратора преступников-рецидивистов». *Ред.*

К счастью, донесение полицейских Нокса и Поллока было напечатано по распоряжению парламента[544]. Что же они говорят на странице 23 этого донесения? Что, согласно тюремному режиму, несколько каторжников моются в одной ванне, один за другим, и что «надзиратель не мог предоставить первую очередь О'Доновану-Россе, не оскорбляя других». Однако «было бы излишним останавливаться на подобном вздоре».

Итак, согласно донесению полицейских Нокса и Поллока вздором является вовсе не утверждение О'Донована-Россы, что он был вынужден мыться в грязной воде после каторжников, как это утверждает г-н Брус. Эти господа, напротив, считают вздором только то, что О'Донован-Росса жалуется на это безобразие.

На том же заседании палаты общин, на котором г-н Глад-стон заявил о своей готовности произвести расследование по поводу обращения с заключенными фениями, он внес новый Coercion Bill для Ирландии, то есть законопроект об отмене конституционных свобод и о введении чрезвычайного положения.

Согласно теоретической фикции, конституционная свобода является правилом, а ее временная отмена — исключением; но согласно практике английского режима в Ирландии, правилом является закон о чрезвычайном положении, а исключением — конституция. Гладстон пользуется аграрными преступлениями как предлогом, чтобы снова объявить Ирландию на осадном положении. Его истинный мотив — желание задушить независимые дублинские газеты. Отныне жизнь или смерть любой ирландской газеты будут зависеть от благоусмотрения г-на Гладстона. Впрочем, этот Coercion Bill является обязательным дополнением к недавно введенному г-ном Гладстоном Land Bill, земельному закону, который под предлогом помощи фермерам укрепляет ирландский крупный лендлордизм[545]. Чтобы охарактеризовать этот закон, достаточно сказать, что к нему приложил руку лорд Дафферин, член кабинета и крупный ирландский землевладелец. Только год тому назад этот доктор Санградо напечатал толстую книгу[546], чтобы доказать, что ирландскому населению еще недостаточно пустили кровь, что следовало бы сократить это население еще на одну треть, дабы Ирландия выполнила свою славную миссию — производить как можно больше ренты для господ лендлордов и как можно больше мяса и шерсти для английского рынка.

Написано Женни Маркс 18 марта 1870 г.

Напечатано в газете «La Marseillaise» № 91, 21 марта 1870 г.

Подпись: Дж. Уильямс

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

V

Лондон, 22 марта

В Лондоне есть очень распространенная в народе еженедельная газета — «Reynolds's Newspaper». Вот что она пишет по ирландскому вопросу:

«В настоящее время другие нации считают нас самым лицемерным из всех народов, существующих на свете. Мы так громко и так восторженно расхваливали себя, так преувеличивали превосходство наших учреждений, что, когда наши измышления разоблачаются одно за другим, не приходится удивляться, если другие народы издеваются над нами и спрашивают себя, как это стало возможным. Но не английский народ создал такое положение вещей, ибо и его самого провели и обманули; вся вина падает на правящие классы и на продажную, паразитическую прессу»[547].

Coercion Bill для Ирландии, внесенный в четверг вечером, является отвратительной, мерзкой и ненавистной мерой. Этот законопроект гасит последнюю искру национальной свободы в Ирландии и затыкает рот прессе этой несчастной страны, чтобы помешать ей протестовать против политики, составляющей позор и скандал нашей эпохи. Правительство зло на все газеты, не выразившие восторга перед его жалким Land Bill, и оно мстит за себя. Действие Habeas Corpus Act будет фактически приостановлено, ибо отныне можно будет посадить в тюрьму на шесть месяцев и даже на всю жизнь лиц, которые не смогут объяснить своего поведения удовлетворительным для властей образом.

Ирландия отдана во власть шайки хорошо выдрессированных шпионов, которых для благозвучия величают «детективами».

Николай российский никогда не издавал против несчастных поляков более свирепого указа, чем этот билль г-на Гладстона против ирландцев. Эта мера снискала бы г-ну Гладстону благоволение знаменитого короля Дагомеи[548]. И, однако, Гладстон с безмерной наглостью смеет хвастаться перед парламентом и нацией великодушной политикой, которую его правительство

намерено проводить в отношении Ирландии. В заключительной части своей речи в четверг Гладстон допустил даже слова сожаления, произнесенные с ханжеской и слезливой торжественностью, достойной его преподобия г-на Стиггинса. Но напрасно он льет притворные слезы — этим он не обманет ирландский народ.

Повторяем: этот закон — позорная мера, достойная *Каслри;* эта мера призовет проклятья всех свободных наций на голову тех, кто. ее выдумал, и на тех, кто ее санкционирует и одобряет. Наконец, она покроет вполне заслуженным позором министерство Гладстона и приведет, мы искренне надеемся на это, к его скорому падению. И как это министр-демагог г-н Брайт может хранить молчание в течение двух суток?

Мы без колебаний заявляем, что г-н Гладстон показал себя самым ярым из врагов и самым безжалостным из властителей, которые когда-либо душили Ирландию со времени гнусного *Каслри.*

Как будто чаша министерского бесчестья и без того не была полна до краев, в четверг вечером, — в тот самый вечер, когда был внесен Coercion Bill, — в палате общин было сообщено, что Бёрк и другие заключенные фении пытками доведены в английских каторжных тюрьмах до сумасшествия; однако даже перед лицом этого страшного факта Гладстон и его шакал Брус во всеуслышание утверждали, что с политическими заключенными обращаются со всем возможным вниманием. Когда г-н Мур объявил в палате общин об этом зловещем факте, его на каждом слове прерывали взрывами грубого хохота. Какой крик негодования поднялся бы у нас, если бы подобная отвратительная и возмутительная сцена произошла в американском Конгрессе!

До сих пор газеты «Reynolds's Newspaper», «Times», «Daily News», «Pall Mall», «Telegraph» и пр., и пр. с дикой радостью приветствуют Coercion Bill, и в особенности меры, направленные к уничтожению ирландской прессы. И это происходит в Англии, в этом признанном святилище прессы! Но в конце концов нельзя же слишком многого требовать от всех этих новоявленных писателей. Согласитесь, что весьма неприятно было видеть, как «Irishman» каждую субботу разрывал ткань лжи и клеветы, над которой эти пенелопы трудились в поте лица своего в течение шести дней в неделю, и поэтому вполне естественны неистовые аплодисменты, которыми они награждают полицию, только что сковавшую руки их страшному врагу. Эти молодцы, по крайней мере, сами знают себе цену.

Между Брусом и Мак-Карти Даунингом завязалась характерная переписка по поводу полковника Рикарда Бёрка[549]. Прежде чем предложить ее вашему вниманию, замечу мимоходом, что г-н Даунинг — ирландский депутат палаты общин. Этот честолюбивый адвокат вступил в министерскую фалангу с возвышенной целью сделать карьеру. Следовательно, мы здесь имеем дело не с каким-нибудь подозрительным свидетелем.

22 февраля 1870 г.

Милостивый государь!

Если меня правильно информировали, Рикард Бёрк, один из заключенных фениев, содержавшийся прежде в Чатамской тюрьме, был переведен в Уокинг в состоянии умопомешательства. В марте 1869 г. я взял на себя смелость обратить Ваше внимание на его явно болезненное состояние, и в июле того же года г-н Блейк, бывший член парламента от Уотерфорда, и я сообщили Вам наше мнение, что в случае, если режим, которому он подвергается, не будет изменен, то следует опасаться самых тяжелых последствий. На это письмо я не получил ответа. Когда я писал Вам, я исходил из соображений гуманности, из надежды добиться освобождения Бёрка, чтобы его семья получила утешительную возможность помочь ему и облегчить его страдания. В моем распоряжении имеется письмо, написанное этим заключенным 3 декабря своему брату; он пишет, что его систематически *отравляли;* это, по моему мнению, была одна из фаз его болезни. Искренне надеюсь, что добрые чувства, которые Вам свойственны, побудят Вас удовлетворить эту просьбу.

Примите и пр.

М.-Карти, Даунинг

Министерство внутренних дел

25 февраля 1870 г.

Милостивый государь!

Рикард Бёрк был переведен из Чатама в связи с его фантазией, будто он подвергается отравлению или жестокому обращению со стороны медицинского персонала тюрьмы. Вместе с тем, хотя у него не было какой-либо определенной болезни, его здоровье ухудшилось. Поэтому я распорядился перевести его в Уокинг и поручил осмотреть его доктору Майерсу из Бродмурской больницы для душевнобольных; последний был того мнения, что мания Бёрка исчезнет вместе с улучшением его здоровья. Его здоровье быстро улучшилось, и обыкновенный наблюдатель не заметил бы его слабоумия. Я очень хотел бы иметь возможность подать Вам надежду на его скорое освобождение, но сделать этого не могу. Преступление Бёрка и последствия, которые имела попытка его освобождения, слишком серьезны, чтобы я мог внушать подобные надежды. Будем надеяться, что наука и хорошее обращение сделают все, чтобы вернуть ему умственное и физическое здоровье.

Г. О. Брус

28 февраля 1870 г.

Милостивый государь!

Получив Ваше письмо от 25 февраля в ответ на мою просьбу о том, чтобы Бёрк был отдан на попечение своего брата, я надеялся найти случай переговорить с Вами по этому поводу в палате общин, но Вы были так заняты в четверг и пятницу, что о свидании с Вами не могло быть и речи. Я получил письма от друзей Бёрка. Они с тревогой ожидают исхода моей просьбы. Я еще не сообщил им, что она не имела успеха. Прежде чем разочаровать их, считаю себя вправе написать Вам еще раз по этому поводу. Мне кажется, что я могу позволить себе, как человек, всегда и притом не без некоторой опасности для себя осуждавший фенианство, дать правительству беспристрастный и дружеский совет.

Без всякого колебания я заявляю, что освобождение политического заключенного, впавшего в умопомешательство, не вызовет критики, а тем более осуждения со стороны общественности. В Ирландии скажут: «Что же, правительство вовсе не так жестоко, как мы думали». С другой стороны, если Бёрк останется в тюрьме, это даст национальной прессе новый материал для нападок против правительства; его будут выставлять более жестоким, чем были неаполитанские правители в их худшие времена, и, признаюсь, я не могу себе представить, каким образом люди умеренных убеждений могли бы защищать акт отказа в подобном случае...

М.-Карти Даунинг

Милостивый государь!

К сожалению, не могу просить об освобождении Бёрка. Правда, у него обнаружились симптомы умопомешательства, и в обычном деле я считал бы себя «вправе» возбудить ходатайство перед короной о помиловании. Но его дело не принадлежит к числу обычных, так как он не только был самым закоренелым заговорщиком, но его участие в клеркенуэллском взрыве, последствия которого были бы еще более роковыми, если бы он удался, делает его «неподходящим кандидатом для помилования» *(improper recipient of pardon).*

Г. О. Брус

Что за беспримерная подлость! Брус прекрасно знает, что будь во время процесса по делу о клеркенуэллском покушении хоть тень подозрения против полковника Бёрка, он был бы повешен вместе с Барреттом; ведь последний был приговорен к смерти на основании показаний человека, перед этим ложно указавшего на трех других людей как на виновников этого преступления, причем не было принято во внимание свидетельство восьми граждан, специально приехавших из Глазго, чтобы подтвердить, что Барретт находился в этом городе, когда произошел взрыв. Англичане не стесняются (г-н Брус может подтвердить это фактами), когда дело идет о том, чтобы повесить человека, в особенности фения.

Но все это нагромождение жестокостей не в состоянии сломить неукротимый дух ирландцев. Они только что праздновали в Дублине — более демонстративно, чем когда-либо, — свой национальный праздник св. Патрика. Дома были украшены знаменами, на которых красовались слова: «Ирландия для ирландцев!», «Свобода!», «Да здравствуют политические заключенные!», а воздух — полон звуками национальных песен и *марсельезы*.

Написано Женни Маркс 22 марта 1870 г.

Напечатано в газете «La Marseillaise» № 99, 29 марта 1870 г.

Подпись: Дж. Уильямс

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

VI
АГРАРНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИРЛАНДИИ

Лондон, 2 апреля 1870 г.

В Ирландии ограбление и даже истребление земледельца и его семьи лендлордом именуется правом собственности, тогда как восстание отчаявшегося земледельца против своего безжалостного палача называется аграрным преступлением. Эти аграрные преступления (agrarian outrages) — впрочем весьма редкие, но умноженные до бесконечности и преувеличенные в калейдоскопе английской прессы, действующей по команде, — послужили, как вам известно, предлогом к воскрешению в Ирландии режима белого террора. С другой стороны, этот террористический режим дает земельным собственникам возможность безнаказанно усиливать свой гнет.

Как уже было сказано, Land Bill под предлогом помощи земледельцам укрепляет лендлордизм. Тем не менее, чтобы пустить пыль в глаза и очистить свою совесть, Гладстон был вынужден санкционировать это новое продление существующих в сельском хозяйстве деспотических порядков лишь под условием выполнения некоторых юридических формальностей. Достаточно сказать, что в дальнейшем, как и раньше, произвол лендлорда будет иметь силу закона, если он сумеет навязать своим годовым арендаторам (tenants at will) фантастическую арендную плату, которую нельзя выплатить, или, в случае сдачи земли на договорных началах, заставит своих фермеров подписать договор о добровольном рабстве!

И как же ликуют лендлорды! Дублинская газета «Freeman» печатает письмо священника П. Лавелла, автора книги «Ирландский лендлорд со времени революции», в которой он говорит:

«Я видел целые горы писем, адресованных арендаторам их лендлордом, бравым капитаном, «абсентеистом», живущим в Англии; в этих письмах он уведомляет их, что впредь их арендная плата повышается на 25%. Это равносильно предупреждению о выселении! И это исходит от человека, который служит земле лишь тем, что из года в год съедает ее плоды!»[550]

С другой стороны, «Irishman» публикует новые арендные договоры[551], продиктованные лордом Дафферином, членом гладстоновского кабинета, который инспирировал Land Bill и внес Coercion Bill в палату лордов. Прибавьте к наглости феодала хищный расчет опытного ростовщика и подлое крючкотворство адвокатишки — и вы получите приблизительное представление о новых арендных договорах, изобретенных этим благородным Дафферином!

Легко понять теперь, что режим террора пришелся весьма кстати для введения режима Land Bill. Предположим, например, что в каком-нибудь из графств Ирландии фермеры либо отказываются принять повышение арендной платы на 25%, либо не желают подписать *дафферииновский* арендный договор. Тогда лендлорды графства, как это уже бывало, позаботятся о том, чтобы получить от своих лакеев или каких-нибудь полицейских анонимные письма с угрозами. Это уже будет «аграрное преступление». Лендлорды доносят об этом факте вице-королю лорду Спенсеру. Лорд Спенсер объявляет округ подлежащим действию Coercion Act, после чего те же лендлорды, в качестве официальных представителей власти, приведут его в действие против своих собственных фермеров! А те журналисты, которые достаточно неосторожны, чтобы поднять протест, не только подвергнутся преследованию за мятеж, но у них еще будет конфискована движимость их типографий без какого бы то ни было подобия юридической процедуры!

Теперь, пожалуй, нетрудно будет понять, почему глава вашей исполнительной власти[*] поздравил Гладстона с реформами, которые он ввел в Ирландии, и почему Гладстон вернул комплимент, поздравив вашу исполнительную власть с ее конституционными уступками. «Роланд за Оливьера!»[552] — скажут ваши читатели, знатоки Шекспира, а другие, более искушенные в чтении «Moniteur», чем Шекспира, вспомнят о письме, посланном главой вашей исполнительной власти покойному лорду Пальмерстону; в этом письме были следующие слова: «Не будем действовать как жулики!»

Теперь я возвращаюсь к вопросу о политических заключенных, и возвращаюсь не без основания.

В Англии первое письмо Россы, напечатанное в «Marseillaise», произвело большой эффект: следствием его явится расследование.

В Соединенных Штатах все газеты опубликовали следующее сообщение:

[*] — Наполеон III. *Ред.*

««Marseillaise» утверждает, что О'Донована-Россу раз в сутки раздевают донага и обыскивают, морят голодом, сажают в темную одиночную камеру, запрягают в тележку, что смерть его товарищей вызвана холодом, в котором их держали».

Нью-йоркский корреспондент «Irishman» сообщает:

««Marseillaise» Рошфора открыла глаза американскому народу на страдания заключенных фениев. Мы обязаны «Marseillaise» долгом признательности, который, я надеюсь, будет с готовностью оплачен»[553].

Немецкие газеты также перепечатали письмо Россы.

Отныне английское правительство уже не сможет совершать свои подлости при всеобщем молчании. Напрасно г-н Гладстон будет стараться заткнуть рот ирландской прессе; этим он ничего не достигнет. На смену одному журналисту, посаженному в тюрьму в Ирландии, явится сотня журналистов во Франции в Германии, в Америке.

Что может поделать г-н Гладстон с его ограниченной и отсталой политикой против интернационального духа, свойственного девятнадцатому веку?

Написано Женни Маркс 2 апреля 1870 г.

Напечатано в газете «La Marseillaise» № 113, 12 апреля 1870 г.

Подпись: Дж. Уильямс

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

VII
СМЕРТЬ ДЖОНА ЛИНЧА

Гражданин редактор!

Препровождаю Вам выдержки из письма, адресованного в «Irishman» одним ирландским политическим заключенным во время его пребывания в колонии для преступников в Австралии (теперь он на свободе).

Ограничусь переводом эпизода с Джоном Линчем.

ПИСЬМО ДЖОНА КЕЙСИ

«Вот краткий и беспристрастный отчет о том обращении, которому подвергались мы, мои собратья по ссылке (в числе 24 человек) и я, во время нашего заточения в этой полной ужасов яме, в этой настоящей могиле для живых, называемой Портлендской тюрьмой.

Прежде всего я считаю своим долгом отдать дань уважения и справедливости памяти моего друга Джона Линча, который был осужден чрезвычайным трибуналом в декабре 1865 г. и умер в тюрьме Уокинга в апреле 1866 года.

Какой бы причиной присяжные ни объясняли его смерть, я утверждаю — и могу представить доказательства, — что смерть его была ускорена жестокостью тюремщиков.

Быть среди зимы заключенным в течение 23 часов из 24 в холодной одиночной камере; быть плохо одетым; спать на голых досках, имея вместо подушки полено и в качестве единственной защиты от убийственного холода два изношенных одеяла весом приблизительно в десять фунтов; не иметь даже права, вследствие беспримерной, утонченной жестокости тюремщиков, прикрыть мерзнущее тело своим платьем, которое нас заставляли выносить за дверь нашей одиночной камеры; питаться нездоровой и скудной пищей; для моциона иметь лишь одну прогулку в три четверти часа в сутки в клетке длиной около 20 футов при 6 футах ширины, предназначенной для самых подлых негодяев, — такие муки и лишения должны сломить и железный организм. Не приходится удивляться, что такой хрупкий человек, каким был Линч, почти немедленно свалился.

По прибытии в тюрьму Линч попросил разрешения оставить на себе свое теплое белье. Ему было грубо отказано в этой просьбе. «Если вы мне откажете, я больше трех месяцев не проживу», — заявил он тогда. Я, увы, и не подозревал, что это станет пророчеством; я не представлял

себе, что Ирландия так скоро потеряет одного из самых преданных, самых пылких и самых благородных своих сынов, что мне самому предстоит потерять испытанного друга.

В начале марта я заметил, что друг мой выглядит тяжело больным; и однажды, воспользовавшись кратковременным отсутствием тюремщика, я спросил его, как он себя чувствует. Он ответил мне, что умирает, что несколько раз говорил врачу, но тот не обратил никакого внимания на его жалобы. Кашлял он так сильно, что, хотя я находился в очень отдаленной от него одиночной камере, я днем и ночью слышал этот кашель, отдававшийся в пустынных коридорах. Один из тюремщиков даже сказал мне: «Заключенный номера 7 скоро придет к концу, вот уже месяц как ему следовало бы находиться в больнице. Я много раз видел там обычных заключенных, во сто раз здоровее его».

Однажды, в апреле, я увидел из своей одиночной камеры какой-то призрак со смертельно бледным лицом, угасшими глазами и ввалившимися щеками, который с трудом передвигался, цепляясь за решетки, чтобы не упасть. Это был Линч. Я не узнал его, пока он не взглянул на меня, улыбаясь и показывая на землю, словно желая сказать: «Со мной — дело конченное».

Это была моя последняя встреча с Линчем».

То же самое сообщает о Линче и Росса, подтверждая показание Кейси. Не следует забывать, что Росса писал свое письмо из английской тюрьмы, тогда как Кейси писал в колонии для преступников в Австралии; следовательно, какие бы то ни было сношения между ними были невозможны. И все же правительство недавно уверяло, что утверждения Россы — ложь. Брус, Поллок и Нокс заявляют даже, что «Линчу было выдано теплое белье даже прежде, чем он просил об этом».

С другой стороны, г-н Кейси утверждает столь же решительно, как решительно отрицает это г-н Брус, что Линч жаловался на то, что «даже тогда, когда он уже не мог ходить и вынужден был оставаться в страшном одиночестве в своей камере, в его просьбе было отказано».

Но, как сказал г-н Лорье в своей прекрасной речи,

«оставим в стороне показания людей и заставим говорить свидетелей, которые не лгут, *немых свидетелей»*[554].

Факт тот, что Линч вошел в Пентонвиллскую тюрьму во цвете лет, полный жизни и надежд, и что три месяца спустя этот молодой человек стал трупом.

Пока гг. Гладстон, Брус и сонмище его полицейских не докажут, что Линч не умер, они тщетно расточают время на клятвы.

Написано Женни Маркс около 17 апреля 1870 г.

Напечатано в газете «La Marseillaise» № 118, 17 апреля 1870 г.

Подпись: Дж. Уильямс

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

VIII
ПИСЬМО ИЗ АНГЛИИ

Лондон, 19 апреля 1870 г.

«Не пускать в политику попов» — таков клич, раздающийся в настоящее время по всей Ирландии.

Великая партия, которая со времени *disestablishment*[*] протестантской церкви всеми силами противилась деспотизму католической церкви, растет изо дня в день с изумительной быстротой и только что наголову разбила духовенство.

На выборах в Лонгфорде г-н Гревилл-Ньюджент, кандидат духовенства, взял верх над кандидатом народа Джоном Мартином; но националисты опротестовали его избрание ввиду незаконных приемов, которыми оно было достигнуто, и они одолели своих противников. Выборы Ньюджента были кассированы судьей Фицджералдом, который объявил агентов Ньюджента, то есть попов, виновными в том, что они подкупали избирателей, наводнив страну — не святым, а винным духом. Сообщают, что за один только месяц, с 1 декабря по 1 января, преподобные отцы израсходовали на водку 3500 фунтов стерлингов!

«Standard» позволяет себе довольно любопытные замечания по поводу лонгфордских выборов:

«За свое презрение к поповским запугиваниям, — говорит орган «stupid party»[**], — националисты заслуживают похвал... Одержанная ими большая победа побудит их выставить новых кандидатов против г-на Гладстона и его ультрамонтанских союзников».

«Times» пишет:

«Все средства, которыми только располагает церковная власть, начиная с папской буллы из вечного города и кончая интригами сельских попов, пущены в ход против фенианства и националистов. К несчастью, этот пыл не сопровождался благоразумием и будет иметь своим результатом вторую лонгфордскую битву»[555].

«Times» прав. Битва в Лонгфорде возобновится, за нею последуют битвы в Уотерфорде, Маллоу и Типперэри, так как

[*] — отделения от государства. *Ред.*
[**] — «глупой партии». *Ред.*

националисты этих трех графств также подали петиции о кассировании выборов официальных депутатов. В Типперэри первоначально был избран О'Донован-Росса, но так как парламент объявил его неправоспособным представлять Типперэри, националисты выдвинули на его место Кикема, одного из фенианских патриотов, только что выпущенного из английской каторжной тюрьмы. Теперь избиратели, подавшие голоса за Кикема, утверждают, что их кандидат избран должным образом, хотя кандидат Херон получил на четыре голоса больше.

Да будет известно, что один из четырех избирателей, подавших голоса за Херона, — несчастный *маниак,* приведенный к избирательной урне преподобным отцом; вам известна слабость попов к нищим духом, ибо их есть царствие небесное. Второй избиратель — *труп!* Именно так. Почтенная и умеренная партия осмелилась осквернить имя человека, скончавшегося за две недели до выборов, заставив его голосовать за гладстоновского кандидата. Далее избиратели-патриоты заявляют, что одиннадцать их голосов признаны не действительными, так как первая буква имени Кикема написана неразборчиво, что их телеграммы уничтожались, что власти подкупали направо и налево и что практиковалась гнусная система запугивания.

Давление, примененное в Типперэри, останется неслыханным даже в истории Ирландии. Судебный пристав и полицейский, олицетворяющие собой исполнительные листы на выселение, осаждали лачуги арендаторов, чтобы запугать их жен и детей. Бараки, в которых должны были происходить выборы, были окружены полицией, солдатами, чиновниками, лендлордами и попами.

Последние избивали камнями людей, расклеивавших воззвания Кикема. В довершение всего, в самом бараке посадили ростовщика, который пожирал глазами своих несчастных должников во время голосования. Но правительство ничего от этого не выиграло. Тысяча шестьсот шестьдесят восемь мелких арендаторов не побоялись открыто, поскольку тайна голосования не охранялась, отдать свои голоса Кикему!

Этот акт мужества напоминает героическую борьбу поляков.

После битв, разыгравшихся в Лонгфорде, Маллоу, Уотерфорде и Типперэри, пусть посмеет кто-нибудь сказать, что ирландцы — жалкие рабы поповщины.

Написано Женни Маркс 19 апреля 1870 г.

Напечатано в газете «La Marseillaise» № 125, 24 апреля 1870 г.

Подпись: Дж. Уильямс

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ГАЗЕТЕ «BEE-HIVE»[556]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 26 АПРЕЛЯ 1870 ГОДА

Гражданин Маркс предлагает, чтобы Совет порвал всякую связь с газетой «Bee-Hive».

Он говорит, что эта газета замалчивала наши резолюции и искажала наши отчеты; опубликование их задерживалось настолько, что прибегали к фальсификации дат; выпустили даже упоминание об обсуждении некоторых вопросов, имеющих отношение к ирландским заключенным.

Далее, тон «Bee-Hive» противоречит Уставу и программе Товарищества. Газета проповедует гармонию с капиталистами, а Товарищество объявило войну власти капиталистов.

Кроме того, наши секции за границей выражают недовольство тем, что мы, посылая наши отчеты в «Bee-Hive», морально поддерживаем эту газету и тем самым даем людям повод думать, что одобряем ее политику. Для нас было бы лучше совсем обходиться без гласности, чем пользоваться газетой «Bee-Hive».

Когда обсуждался билль о приостановке конституционных гарантий в Ирландии[557], газета не сказала ни слова против правительства.

Публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

ИЗЛОЖЕНИЕ ПИСЬМА К. МАРКСА КОМИТЕТУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [558]

Лондон, 27 июня 1870 г.

Письмо касается деловых вопросов Международного Товарищества Рабочих, в особенности вопроса об отсрочке конгресса. Маркс в этом письме решительно отклоняет предложение Либкнехта отложить конгресс до октября, хотя такая отсрочка была бы очень желательна для самого Генерального Совета, потому что материалы к конгрессу еще не подготовлены. Но французы были и без того раздражены тем, что конгресс состоится в Майнце, а не хотя бы в Вервье, тогда как особенно парижанам хотелось, чтобы конгресс происходил в Париже. Не следует давать повода для недовольства. Маркс опасается, что если согласиться с предложением Либкнехта об отсрочке конгресса, то состоится конгресс меньшинства — французов и романских швейцарцев во главе с Бакуниным. Он говорит: «Национальное мелочное соперничество слишком глубоко проникло в кровь и плоть, чтобы с этим можно было покончить в один день какими бы то ни было доводами разума».

Напечатано в книге «Leipziger Hochverrathsprozes». Leipzig, 1872

Печатается по тексту издания 1872 г., сверенному с изданиями 1874 и 1894 гг.

Перевод с немецкого

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О РАСКОЛЕ В РОМАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[559]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 28 ИЮНЯ 1870 ГОДА

Гражданин Маркс считает, что Совет может сделать только одно — сохранить наименование за женевским комитетом, который в своем нынешнем составе оказывал поддержку Товариществу с самого его основания. Женевский комитет во всех отношениях выполнил свои обязанности, и он представляет большее число членов Товарищества, хотя у него и было меньше делегатов на швейцарском конгрессе, чем у другой стороны. Необходимо также довести до их сведения голосование о допущении Альянса. Пусть новый комитет выберет себе какое-нибудь наименование по территориальному признаку.

Публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 28 сентября 1864 г. в Сент-Мартинс-холле в Лондоне состоялось большое международное собрание рабочих, подготовленное руководителями лондонских тред-юнионов и группой парижских рабочих-прудонистов при участии представителей проживавших в то время в Лондоне немецких, итальянских и других рабочих и ряда деятелей европейской мелкобуржуазной и революционно-демократической эмиграции. Собрание приняло резолюцию об основании Международного Товарищества Рабочих (впоследствии известного как Первый Интернационал) и избрало Временный комитет. К. Маркс был избран в состав этого Комитета, а затем и в состав комиссии, назначенной на его первом заседании 5 октября для составления программных документов Товарищества. На первых заседаниях комиссии в отсутствие Маркса был выработан документ, состоявший из вводной декларации, написанной оуэнистом Уэстоном и отредактированной французским мелкобуржуазным демократом Ле Любе, и переведенного на английский язык итальянцем Л. Вольфом устава итальянских рабочих обществ, выработанного Мадзини (подробнее об этом см. настоящий том, стр. 537—538, 544). На заседании 18 октября Маркс впервые ознакомился с этим документом и подверг его критике; документ был возвращен на окончательную редакцию в комиссию. 20 октября комиссия поручила эту работу Марксу, а 27 октября одобрила написанные им два совершенно новых документа: *«Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих»* и *«Временный Устав Товарищества»*. 1 ноября 1864 г. и Манифест и Устав были единогласно утверждены Временным комитетом, который конституировался как руководящий орган Товарищества. Этот орган, вошедший в историю как Генеральный Совет Интернационала, до конца 1866 г. назывался преимущественно Центральным Советом.

Учредительный Манифест был впервые опубликован в газете «Bee-Hive Newspaper» № 160, 5 ноября 1864 г., а затем в том же месяце вместе с Уставом в брошюре: «Address and Provisional Rules of the Working Men's International Association, Established September 28, 1864, at a Public Meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London». 21 и 30 декабря 1864 г. в №№ 2 и 3 газеты «Social-Demokrat» («Социал-

Демократ») был опубликован немецкий авторский перевод. На французский язык Манифест был переведен в 1866 году. В 1871 г. в Женеве вышел первый русский перевод Манифеста. Сохранились две рукописные копии Учредительного Манифеста, сделанные женой Маркса Женни Маркс и его дочерью Женни.

В основу публикуемого в томе текста положен текст английской брошюры 1864 года. Важнейшие разночтения между английским текстом и немецким авторским переводом даются под строкой.

«The Bee-Hive Newspaper» («Газета-Улей») — английский еженедельный тред-юнионистский орган; издавался в Лондоне с 1861 по 1876 г. под названиями: «The Bee-Hive», «The Bee-Hive Newspaper», «The Penny Bee-Hive»; находился под сильным влиянием буржуазных радикалов и реформистов. 22 ноября 1864 г. на заседании Генерального Совета газета была объявлена органом Интернационала. На ее страницах печатались официальные документы Международного Товарищества Рабочих и отчеты о заседаниях Генерального Совета. Однако Марксу неоднократно приходилось протестовать против публикации в газете документов Интернационала в искаженном или неполном виде. С 1869 г. газета фактически стала буржуазным органом. В апреле 1870 г. Генеральный Совет по предложению Маркса порвал всякие отношения с «Bee-Hive», опубликовав в печати соответствующее заявление (см. настоящий том, стр. 442, 636). — *3.*

[2] Маркс цитирует речь канцлера казначейства Гладстона в палате общин 7 апреля 1864 г. по газетному отчету. — *3.*

[3] *«Душители»* (garroters) — так называли грабителей, схватывавших свою жертву за горло. В начале 60-х годов подобные нападения стали часто повторяться в Лондоне и были предметом специального обсуждения в парламенте. — *3.*

[4] *Синие книги* (Blue Books) — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником по экономической и дипломатической истории этой страны.

В данном случае речь идет о «Report of the Commissioners appointed to inquire into the Operation of the Acts relating to Transportation and Penal Servitude». Vol. I, London, 1863 («Отчет комиссии по расследованию действия законов, касающихся ссылки и каторжных работ». Т. I, Лондон, 1863). — *4.*

[5] Речь идет о «Sixth Report of the Medical Officer of the Privy Council. 1863». London, 1864 («Шестой отчет санитарного инспектора Тайного совета за 1863 год». Лондон, 1864). — *4.*

[6] Эта цитата, взятая Марксом из речи Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 г., получила широкую известность из-за враждебной кампании, которую вел против Маркса в 70-х годах немецкий буржуазный экономист Брентано. Фраза Гладстона, напечатанная 17 апреля 1863 г. почти во всех отчетах лондонских газет об этом заседании парламента («Times», «Morning Star», «Daily Telegraph» и др.), была опущена в полуофициальном издании парламентских дебатов Хансарда, текст которого подвергался исправлению самими ораторами. Это дало повод Брентано выдвинуть против Маркса обвинение в научной недобросовест-

ности. Маркс ответил на эту клевету в письмах в редакцию газеты «Der Volksstaat» («Народное государство») 23 мая и 28 июля 1872 года (см. настоящее издание, т. 18).

После смерти Маркса, в ноябре 1883 г. то же обвинение было повторено английским буржуазным экономистом Тейлором. Элеонора Маркс в феврале и марте 1884 г. в двух письмах в журнале «To-Day» («Сегодня»), а затем Энгельс в июне 1890 г. в предисловии к четвертому немецкому изданию «Капитала» и в 1891 г. в брошюре «Брентано contra Маркс» полностью разоблачили версию о фальсификации цитаты. — *5.*

[7] «Sixth Report...», p. 25—27. — *5.*

[8] «Children's Employment Commission (1862). First Report of the Commissioners». London, 1863, p. 24 («Комиссия по обследованию условий детского труда (1862). Первый отчет членов комиссии». Лондон, 1863, стр. 24). - *6.*

[9] Имеется в виду «Report addressed to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers». London, 1862 («Доклад, направленный министру внутренних дел ее величества по поводу жалоб, поданных пекарями-поденщиками». Лондон, 1862). Составлено Х. С. Трименхиром. — *6.*

[10] Борьба рабочего класса за законодательное ограничение рабочего дня десятью часами велась в Англии с конца XVIII века и с начала 30-х годов XIX века охватила широкие массы пролетариата.

Закон о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся только на подростков и женщин, был принят парламентом 8 июня 1847 года. Однако на практике многие фабриканты игнорировали его. — *8.*

[11] Имеется в виду речь премьер-министра Пальмерстона 23 июня 1863 г. на парламентской сессии при обсуждении вопроса о правах ирландских арендаторов. Ирландские депутаты во главе с Т. Мегвайром требовали введения законодательных мер, ограничивающих произвол лендлордов в отношении арендаторов. Депутаты, в частности, требовали предоставления арендаторам права получать при прекращении аренды компенсацию за все затраты, произведенные ими на арендуемых участках. В своей речи Пальмерстон назвал требования ирландских депутатов «коммунистическими доктринами», «нарушением основных принципов социального порядка». — *10.*

[12] Имеются в виду выступления английских рабочих в конце 1861— начале 1862 г. во время Гражданской войны в Америке против вмешательства английского правительства в войну на стороне южных рабовладельческих штатов. Борьба рабочих приняла особенно острый характер в связи с так называемым инцидентом с «Трентом», когда английская буржуазия использовала как повод для подготовки к войне с северными штатами захват и арест правительством Севера представителей рабовладельцев, направлявшихся в Англию на пароходе «Трент». Английские рабочие решительно выступили в поддержку Севера. На многочисленных митингах рабочие протестовали против призывов реакционной буржуазии к войне, требовали мирного разрешения конфликта. Массовое движение английских рабочих против интервенции помешало реакционерам втянуть Европу в войну на стороне рабовладельцев и значительно способствовало укреплению идеи международной солидарности пролетариата. — *11.*

[13] *«Временный Устав Товарищества»* написан Марксом одновременно с Учредительным Манифестом (см. примечание 1). При работе над Уставом Маркс совершенно изменил вводную часть представленного на заседании Временного комитета 18 октября 1864 г. документа, сократил число пунктов Устава с 40 до 10, изменил самый принцип организации, сохранив лишь отдельные моменты формального характера (название организации, решение о созыве конгресса в Брюсселе в 1865 г., помощь членам организации при переезде с места на место и т. п.).

Написанный Марксом текст Временного Устава был одобрен комиссией 27 октября и единогласно утвержден Советом 1 ноября 1864 года. Он был опубликован на английском языке вместе с Учредительным Манифестом в брошюре «Address and Provisional Rules of the Working Men's International Association...», изданной в Лондоне в ноябре 1864 г., а также в газете «Bee-Hive Newspaper» № 161, 12 ноября 1864 года. При переводе Временного Устава на французский язык в конце 1864 г. прудонистское руководство парижской секции допустило ряд искажений, которые впоследствии были использованы враждебными Марксу элементами для борьбы против Генерального Совета (см. настоящий том, стр. 407—408, 438—439). Новый, исправленный французский перевод был сделан Ш. Лонге под руководством Маркса и напечатан вместе с Учредительным Манифестом в брошюре «Manifeste de l'Association Internationale des Travailleurs suivi du Reglement provisoire», вышедшей в Брюсселе в 1866 году. Немецкий перевод впервые появился в «Vorbote» №№ 4 и 5, апрель и май 1866 года. Женевский конгресс на заседании 5 сентября утвердил текст Устава (Общий Устав), дополнив его Регламентом, который был утвержден на заседании 8 сентября 1866 г. и впоследствии назывался Организационным регламентом.

«Der Vorbote» («Предвестник») — ежемесячный журнал, официальный орган немецких секций Интернационала в Швейцарии; издавался на немецком языке в Женеве с 1866 по 1871 год; ответственным редактором был И. Ф. Беккер. Журнал в общем проводил линию Маркса и Генерального Совета, систематически публикуя документы Интернационала и давая информацию о деятельности секций Товарищества в различных странах. — *12.*

[14] Этот и предшествующий абзацы, носящие декларативный характер, были включены Марксом в текст вводной части Устава по настоянию остальных членов комиссии, о чем Маркс писал в письме к Энгельсу 4 ноября 1864 года. — *13.*

[15] Первый конгресс Международного Товарищества Рабочих, который было намечено провести в Брюсселе в 1865 г., состоялся в Женеве 3—8 сентября 1866 года. Решение об отсрочке конгресса было принято Генеральным Советом по настоянию Маркса, который считал, что местные организации Интернационала еще недостаточно окрепли в идейном и организационном отношении, и предложил созвать предварительную конференцию в Лондоне (см. настоящий том, стр. 531— 533). — *13.*

[16] *«Проект резолюций об условиях приема рабочих организаций в Международное Товарищество Рабочих»,* предложенный Марксом на заседании Совета 22 ноября 1864 г., был единогласно принят Советом и лег в основу текста «Обращения Центрального Совета к рабочим обществам» (см. настоящий том, стр. 529—530).

Текст проекта резолюций сохранился в протокольной книге Генерального Совета. Резолюции были опубликованы в «Bee-Hive Newspaper» № 163, 26 ноября 1864 года. Вторая резолюция была напечатана в газете в более развернутой формулировке. — *16.*

[17] Обращение к президенту США А. Линкольну было написано К. Марксом между 22 и 29 ноября 1864 года. Решение обратиться к Линкольну с приветствием по случаю его вторичного избрания на пост президента было принято Генеральным Советом 22 ноября по предложению членов Совета Дика и Хауэлла.

Составление текста приветствия было поручено комиссии, первоначально избранной для выработки программных документов Товарищества (см. примечание 1). Эта комиссия после утверждения программных документов превратилась в постоянный исполнительный орган Генерального Совета и упоминается в протокольной книге как Постоянный комитет (Standing committee) или Подкомитет (Subcommittee); в нее входили: председатель Совета (вплоть до упразднения этого поста после Лозаннского конгресса 1867 г.), генеральный секретарь, казначей и секретари-корреспонденты для отдельных стран. Повседневное руководство деятельностью Генерального Совета Маркс осуществлял через Постоянный комитет, членом которого он являлся как секретарь-корреспондент для Германии.

Составленный Марксом текст обращения был одобрен Постоянным комитетом, единогласно утвержден Генеральным Советом 29 ноября 1864 г. и передан президенту Линкольну через американского посланника в Лондоне Адамса. 28 января 1865 г. в адрес Генерального Совета пришел ответ от имени Линкольна, зачитанный на заседании Совета 31 января и напечатанный в газете «Times» 6 февраля 1865 года. Как отмечал Маркс в письме В. Либкнехту в феврале 1865 г., из всех ответов Линкольна на полученные им поздравления от различных организаций, только ответ Международному Товариществу Рабочих был «не просто *формальным* подтверждением в получении».

Обращение к Линкольну было впервые опубликовано в английской газете «Daily News» («Ежедневные новости») 23 декабря 1864 г., а затем в газетах «Reynolds's Newspaper» («Газета Рейнольдса») № 750, 25 декабря 1864 г., «Bee-Hive Newspaper» № 169, 7 января 1865 г.. а также в ряде немецких газет — «Social-Demokrat» № 3, Beilage, 30 декабря 1864 г., «Berliner Reform» («Берлинская реформа») № 4, 5 января 1865 г. и «Hermann» («Герман») № 314, 7 января 1865 года.

В основу настоящего перевода положен текст посланного Линкольну рукописного адреса с личными подписями всех членов Генерального Совета, сверенный с текстом, напечатанным в газете «Bee-Hive Newspaper». — *17.*

[18] Имеется в виду «Декларация независимости», принятая 4 июля 1776 г. на конгрессе в Филадельфии делегатами 13 английских колоний в Северной Америке и провозгласившая отделение североамериканских колоний от Англии и образование независимой республики — Соединенных Штатов Америки. В этом документе были сформулированы такие буржуазно-демократические принципы, как свобода личности, равенство граждан перед законом, положение о народном суверенитете и т. д. Провозглашение этих принципов в то время, когда в Европе еще господствовали феодально-абсолютистские порядки оказало значительное влияние на европейское революционное демократическое движение, в частности на французскую буржуазную

революцию конца XVIII века. Однако американская буржуазия и крупные землевладельцы с самого начала нарушали демократические права, провозглашенные в декларации, отстраняли народные массы от участия в политической жизни и сохранили институт рабства, лишавший элементарных человеческих прав негров, которые составляли значительную часть населения республики. — *17.*

[19] *Хлопковый кризис* был вызван прекращением поставок хлопка из Америки из-за блокады южных рабовладельческих штатов флотом северян во время Гражданской войны; хлопковый голод возник накануне кризиса перепроизводства и переплелся с ним. Большая часть хлопчатобумажной промышленности Европы была парализована, что тяжело отразилось на положении рабочих. В 1862 г. в Англии остановилось три пятых общего числа прядильных веретен и ткацких станков, свыше 75% рабочих хлопчатобумажной промышленности в течение двух—трех лет были охвачены полной или частичной безработицей. Бедственное положение рабочих усугубилось неурожаями, постигшими Европу в начале 60-х годов, и во многих европейских городах начался настоящий голод. Несмотря на все лишения, европейский пролетариат оказывал Северным штатам решительную поддержку. — *18.*

[20] Редакция газеты «Beobachter» ограничилась опубликованием этого сопроводительного письма Маркса и собственных «комментариев» по поводу приложенного к письму заявления Маркса.

«Der Beobachter» («Обозреватель») — немецкая ежедневная газета, под данным названием издавалась в Штутгарте с 1833 года; в 60-х годах XIX в. — орган мелкобуржуазной демократии, выходивший с подзаголовком «Ein Volksblatt aus Schwaben» («Швабский народный листок»). — *20.*

[21] Письмо Маркса редактору газеты «Beobachter» является продолжением полемики, связанной с разоблачением бонапартистского агента К. Фогта. Мелкобуржуазный демократ К. Блинд был автором анонимной листовки «Предостережение», направленной против Фогта и перепечатанной в июне 1859 г. в газетах «Das Volk» («Народ») и «Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета»). Однако, не желая открыто выступать против Фогта, Блинд отрицал свое авторство. Трусливую позицию Блинда Маркс разоблачил в своем памфлете «Господин Фогт».

Опубликованная в «Beobachter» № 268, 17 ноября 1864 г. анонимная корреспонденция из Брадфорда, автором которой являлся тот же К. Блинд, заставила Маркса еще раз заклеймить его как лжеца и разоблачить хвастливую болтовню Блинда о его мнимом влиянии в Соединенных Штатах Америки. В своем письме Маркс, по просьбе друга Лассаля Софьи Гацфельдт, выступил также против нападок Блинда на Лассаля. Сообщая о плане своего выступления против Блинда, Маркс писал Энгельсу 25 ноября 1864 года: «Так как Лассаль мертв и сам не может больше вредить, то необходимо, — конечно, в пределах возможности, то есть так, чтобы самих себя не компрометировать,—защищать его против этих мелкобуржуазных каналий». В письме к Гацфельдт от 22 декабря 1864 г. Маркс писал: «Я сделал это заявление по Вашему желанию, причем мне было трудно средактировать его, так как с *политической тактикой* Лассаля я *не был* согласен».

Предвидя, что редакция газеты «Beobachter» может не напечатать письмо, Маркс послал его текст Гацфельдт для опубликования в других немецких газетах; Гацфельдт поместила его в газете «Nordstern».

«Nordstern» («Северная звезда») — немецкая еженедельная газета; издавалась в Гамбурге в 1860—1866 годах; с 1863 г. — лассальянского направления. — *21.*

[22] Имеется в виду памфлет Маркса «Господин Фогт» (см. настоящее издание, т. 14, стр. 395—691). — *21.*

[23] См. настоящее издание, т. 14, стр. 497. — *21.*

[24] *«Allgemeine Zeitung»* («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная консервативная газета; основана в 1798 году; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. — *22.*

[25] См. настоящее издание, т. 14, стр. 499—500. — *22.*

[26] *«Neue Deutsche Zeitung»* («Новая немецкая газета») — ежедневная демократическая газета; выходила в 1848—1850 гг., до 1 апреля 1849 г. в Дармштадте, а с 1 апреля во Франкфурте-на-Майне. Ответственным редактором газеты до 1 октября 1849 г. был О. Люнинг, а с 1 октября редакторами стали О. Люнинг, Г. Гюнтер и И. Вейдемейер. — *22.*

[27] «*Die Westliche Post»* («Западная почта») — немецкая газета, издавалась с 1858 г. в Сент-Луисе (США); в 60-х годах XIX в. являлась органом мелкобуржуазных демократов-эмигрантов в Америке. — *22.*

[28] «Neue Frankfurter Zeitung» № 270, 29 сентября 1864 года.

«Neue Frankfurter Zeitung» («Новая франкфуртская газета») — немецкая демократическая газета. Под данным названием выходила с 1859 по 1866 г. во Франкфурте-на-Майне. — *23.*

[29] «Hermann» № 2407, 8 октября 1864 года.

«Hermann» — сокращенное название еженедельной газеты «Hermann. Deutsches Wochenblatt aus London» («Герман. Немецкий еженедельник из Лондона»), органа немецких мелкобуржуазных демократов. Газета выходила на немецком языке в Лондоне с 1859 года; названа так по имени вождя херусков Арминия, неправильно называемого с конца XVII в., после появления романа Лоэнштейна «Мужественный народный герой Арминий, или Герман», также Германом. — *22.*

[30] Намек на осла из басни Эзопа «О льве состарившемся». — *23.*

[31] Статья *«О Прудоне»* была написана Марксом 24 января 1865 г. в связи со смертью Прудона по просьбе редактора газеты «Social-Demokrat» Швейцера. Статья была напечатана в №№ 16—18 газеты от 1, 3 и 5 февраля 1865 года. Сохранился черновик части рукописи, написанный рукою Маркса.

«Social-Demokrat» («Социал-Демократ») — орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. Под данным названием газета издавалась в Берлине с 15 декабря 1864 по 1871 год; в 1864—1865 гг. редактировалась И. Б. Швейцером.

Получив от Швейцера в ноябре 1864 г. проспект газеты, не содержавший лозунгов Лассаля, Маркс и Энгельс, не располагая другим печатным органом для воздействия на рабочее движение Германии, дали согласие на сотрудничество в «Social-Demokrat», неофициальным редактором которой был В. Либкнехт.

Кроме статьи о Прудоне, написанной Марксом для «Social-Demokrat», в газете был опубликован «Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих» Маркса и перевод стародатской народной песни «Барин Тидман», сделанный Энгельсом (см. настоящий том, стр. 3—11, 32—33). Об истории отношений Маркса и Энгельса к редакции «Social-Demokrat» см. заявление Маркса о причинах отказа от сотрудничества в газете, написанное 15 марта 1865 г. и опубликованное в газете «Berliner Reform» (см. настоящий том, стр. 86—89).

Статья о Прудоне была перепечатана в первом и во втором немецком изданиях книги К. Маркса «Нищета философии», вышедших под редакцией Энгельса в 1885 и 1892 годах. В 1886 г. появилась первая публикация статьи на русском языке в издании «Нищеты философии», выпущенном группой «Освобождение труда». Французский перевод был сделан Энгельсом в 1884 г. и просмотрен П. Лафаргом; он положен в основу перевода, опубликованного во французском издании «Нищеты философии» 1896 года. — *24.*

[32] Имеется в виду работа Прудона «Essai de grammaire generale» («Опыт всеобщей грамматики»), помещенная в книге: Bergier. «Les elements primitifs des langues». Besancon, 1837 (Бержье. «Первоначальные основы языков». Безансон, 1837). — *24.*

[33] P. J. Proudhon. «Qu'est-ce que la propriete? on Recherches sur le principe du droit et du gouvemement». Paris, 1840 (П. Ж. Прудон. «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти». Париж, 1840). — *24.*

[34] T. R. Malthus. «An essay on the principle of population, as it affects the future improvement of society, with remarks on the speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and other writers». London, 1798 (Т. Р. Мальтус. «Опыт о законе народонаселения и его влиянии на будущее совершенствование общества. С замечаниями о взглядах г-на Годвина, г-на Кондорсе и др. авторов». Лондон, 1798). — *25.*

[35] Речь идет о работе Ж. П. Бриссо де Варвиля «Recherches philosophiques. Sur le droit de propriete et sur le vol, consideres dans la nature et dans la societe» («Философские исследования. О праве собственности и о краже, рассматриваемых в природе и в обществе»), напечатанной в книге: «Bibliotheque philosophique du legislateur, du politique. du jurisconsulte». T. VI, Berlin, Paris, Lyon, 1782 («Философская библиотека законодателя, политического деятеля и юриста». Т. VI, Берлин, Париж, Лион, 1782). — *26.*

[36] P. J. Proudhon. «Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere». T. I—II, Paris, 1846 (П. Ж. Прудон. «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Тт. I—II, Париж, 1846). — *26.*

[37] См. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185. — *26.*

[38] См. настоящее издание, т. 4, стр. 142. Эту и последующую цитаты из «Нищеты философии» Маркс приводит одновременно на французском и немецком языках. В немецких изданиях «Нищеты философии», вышедших в 1885 и 1892 гг. под редакцией Энгельса, французский текст опущен. — *27.*

[39] См. настоящее издание, т. 4, стр. 146—147. — *28.*

[40] Имеется в виду роль Этьенна Кабе — видного представителя мирного утопического коммунизма — в политическом движении французского пролетариата 30—40-х годов XIX века. На страницах издававшихся им газет «Le Populaire» («Народ») и «Le Populaire de 1841» («Народ 1841 года») Кабе, наряду с пропагандой своих утопических проектов, критиковал режим Июльской монархии и содействовал распространению демократических идей. В своих сочинениях, статьях, листовках Кабе подвергал резкой критике капиталистический строй. Эти выступления Кабе, несмотря на утопизм его воззрений, сыграли значительную роль в деле политического просвещения французского пролетариата. — *29.*

[41] Ch. Dunoyer. «De la liberte du travail, ou Simple expose des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance». T. I—III, Paris, 1845 (Ш. Дюнуайе. «О свободе труда, или Простое изображение условий, при которых человеческие силы проявляются с наибольшей эффективностью». Тт. I—III, Париж, 1845). — *29.*

[42] Имеется в виду речь Прудона на заседании французского Национального собрания 31 июля 1848 года. Полный текст речи опубликован в «Compte rendu des seances de l'Assemblee Nationale». Vol. II, Paris, 1849, p. 770—782 («Протоколы заседаний Национального собрания». Т. II, Париж, 1849, стр. 770—782). В этой речи Прудон, выдвинув ряд предложений в духе мелкобуржуазных утопических доктрин (отмена ссудного процента и т. д.), в то же время охарактеризовал расправу с участниками пролетарского восстания в Париже 23—26 июня 1848 г. как проявление насилия и произвола. Подробную оценку этой речи см. в статье «Речь Прудона против Тьера» (настоящее издание, т. 5, стр. 321—324). — *29.*

[43] Имеется в виду речь Тьера 26 июля 1848 г. против предложений Прудона, внесенных в финансовую комиссию Национального собрания Франции. Речь опубликована в «Compte rendu des seances de l'Assemblee Nationale». Vol. II, Paris, 1849, p. 666-671. — *29.*

[44] См. настоящее издание, т. 13, стр. 65—70. — *29.*

[45] «Gratuite du credit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon». Paris, 1850 («Даровой кредит. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном». Париж, 1850). — *30.*

[46] Имеется в виду работа П. Ж. Прудона «Theorie de l'impot, question mise au concours par le conseil d'Etat du canton de Vaud en 1860» («Теория налога, вопрос, выдвинутый на конкурс Государственным советом кантона Во в 1860 г.»), изданная в Брюсселе и Париже в 1861 году. — *30.*

[47] P. J. Proudhon. «La Revolution sociale demontree par le coup d'Etat du 2 Decembre». Paris, 1852 (П. Ж. Прудон. «Социальная революция в свете государственного переворота 2 декабря». Париж, 1852). — *30.*

[48] P. J. Proudhon. «Si les traites de 1815 ont cesse d'exister? Actes du futur congres». Paris, 1863 (П. Ж. Прудон. «Перестали ли существовать договоры 1815 года? Акты будущего конгресса». Париж, 1863). В этом

произведении Прудон выступал против пересмотра решений Венского конгресса 1815 г. о Польше и против поддержки европейской демократией польского национально-освободительного движения, оправдывая тем самым угнетательскую политику русского царизма. — *30.*

[49] «Theorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la societe». Tomes I—II, Londres, 1767 («Теория гражданских законов, или Основные принципы общества». Тт. 1—11, Лондон, 1767). Книга вышла анонимно. — *31.*

[50] Стародатская народная песня *«Барин Тидман»* была переведена Энгельсом на немецкий язык и послана им 27 января 1865 г. для напечатания в лассальянской газете «Social-Deinokrat».

В 1883 г. этот перевод Энгельса был перепечатан в органе Социалистической рабочей партии Германии «Der Sozialdemokrat», а в 1893 г. в «Книге о свободе» Хенкеля (К. Henckell. «Buch der Freiheit». Bd. II, Berlin, 1893). Русский перевод песни с немецкого сделан Г. Шенгели. — *32.*

[51] Текст настоящего заявления в редакцию газеты «Social-Demokrat» был написан Марксом и послан на подпись Энгельсу 6 февраля 1865 года. Маркс и Энгельс рассматривали заявление как последнее предупреждение Швейцеру, проводившему в «Social-Deinokrat» политику заигрывания с бисмарковским правительством и проповедовавшему культ Лассаля. Непосредственным поводом к заявлению послужило появление в газете 1 февраля заметки парижского корреспондента М. Гесса с клеветой на французских членов Интернационала. Маркс и Энгельс сначала намеревались послать в «Social-Demokrat» более резкий протест, но, придя к выводу, что разрыв с газетой должен последовать не в связи с заметкой Гесса, а в связи со всей политической линией газеты, составили данное заявление.

Критика Маркса и Энгельса заставила газету несколько изменить свой тон. В № 21 газеты в феврале 1865 г. была напечатана заметка М. Гесса, в которой он отказывался от своих клеветнических утверждений. Все это позволило Марксу и Энгельсу не настаивать на опубликовании данного заявления; в то же время, как видно из письма Маркса Энгельсу 13 февраля 1865 г., они приняли решение пока в газету больше ничего не писать. О своем окончательном разрыве с газетой «Social-Demokrat» Маркс и Энгельс заявили 23 февраля 1865 г. (см. настоящий том, стр. 79).

Посланный Швейцеру текст данного заявления не сохранился, оно печатается по черновой рукописи, приложенной к письму Маркса Энгельсу 6 февраля 1865 года. — *34.*

[52] Намек на Жозефа Бонапарта (по прозвищу Плон-Плон), двоюродного брата Наполеона III, резиденцией которого был парижский дворец Пале-Рояль. Жозеф Бонапарт возглавлял группу бонапартистов, пытавшихся отвлечь народные массы от борьбы против существующего режима с помощью широкой социальной демагогии и мнимой оппозиции к политике Наполеона III. — *34.*

[53] *«L'Association»* («Ассоциация») — французский журнал, орган кооперативных рабочих ассоциаций, находившихся под влиянием буржуазных республиканцев; выходил с 1864 по 1866 г. в Париже и Брюсселе; редакция постоянно находилась в Париже. — *34.*

[54] Намек на Наполеона III, который проживал во дворце Тюильри. — *34.*

[55] Работа Ф. Энгельса *«Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия»* написана для обоснования тактики германского рабочего класса в обстановке сложившейся в стране революционной ситуации. В этой работе разбирается вопрос о реорганизации прусской армии, который послужил поводом для возникшего с начала 60-х годов так называемого конституционного конфликта между прусским правительством и буржуазно-либеральным большинством ландтага. В феврале 1860 г. буржуазное большинство прусского ландтага отказалось утвердить внесенный военным министром фон Рооном проект реорганизации армии. Однако правительство вскоре добилось от буржуазии утверждения ассигнований на «поддержание боевой готовности армии», что означало фактически начало осуществления задуманной реорганизации. Когда в марте 1862 г. либеральное большинство палаты отказалось утвердить военные расходы и потребовало ответственного перед ландтагом министерства, правительство распустило ландтаг и назначило новые выборы. В конце сентября 1862 г. было сформировано контрреволюционное министерство Бисмарка, которое в октябре того же года снова распустило ландтаг и начало проводить военную реформу, расходуя на это средства без утверждения ландтага. Конфликт разрешился лишь в 1866 г., когда после победы Пруссии над Австрией прусская буржуазия капитулировала перед Бисмарком.

Энгельс по совету Маркса дал согласие написать статью о прусской военной реформе для «Social-Demokrat». Однако пресмыкательство газеты перед правительством Бисмарка заставило его отказаться от своего намерения, и, посоветовавшись с Марксом, он решил опубликовать свою работу отдельной брошюрой.

Брошюра «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», вышедшая в свет в Гамбурге в конце февраля 1865 г., нашла широкий отклик в Германии. Объявление о ее выходе появилось во многих рабочих и демократических газетах. В. Либкнехт организовал обсуждение брошюры в нескольких рабочих союзах Берлина. Отдельные отрывки из брошюры были опубликованы в разное время в социал-демократической печати: в «Social-Demokrat» № 71, 25 марта 1866 **г., в** «Sozialdemokratische Monatsschrift» («Социал-демократическом ежемесячнике») №№ 10—11, 30 ноября 1890 г., в «Berliner Volks-Tribune» («Берлинской народной трибуне») №1, 1 марта 1891 года. — *35.*

[56] Мобилизация прусской армии в 1850 г. была проведена в связи с обострением австро-прусских отношений, вызванных борьбой за гегемонию в Германии. Вскрытые мобилизацией серьезные недостатки военной системы и слабая вооруженность прусской армии, а также энергичное противодействие России, поддерживавшей в германском конфликта Австрию, вынудили Пруссию отказаться от военных действий и капитулировать перед Австрией (Ольмюцкое соглашение). Мобилизация 1859 г. была связана с войной Франции и Пьемонта против Австрии. Эта мобилизация также обнаружила крупные изъяны в прусской военной системе. — *40.*

[57] Речь идет об июльской буржуазной революции 1830 г. во Франции и последовавших за ней восстаниях в различных частях Германии — Саксонии, Брауншвейге, Гессене, Баварии, Ганновере. — *40.*

[58] Прусские военно-сухопутные силы, созданные на основе законодательства 1814—1815 гг., состояли из постоянной армии (линейные полки), ее резерва, служившего для пополнения рядов армии при мобилизации во время войны, и из ландвера первого и второго призыва. Ландвер, возникший в Пруссии еще в 1813 г. как народное ополчение в борьбе против наполеоновских войск, охватывал военнообязанных старших возрастов, отбывших свой срок в постоянной армии и ее резерве и призывавшихся на военную службу в случае особой необходимости. В военное время ландвер первого призыва обычно включался в состав действующей армии, ландвер второго призыва служил для подкрепления гарнизонных войск, а в мирное время распускался по домам. — *40.*

[59] *Датская война* — война Пруссии и Австрии Против Дании в 1864 г., явившаяся важным этапом в объединении Германии под гегемонией Пруссии. Юнкерское правительство Бисмарка стремилось присоединить к Пруссии герцогства Шлезвиг и Гольштейн, подвластные Дании, но населенные в основном немцами, усилить влияние Пруссии в Германии, подавить оппозицию либеральной буржуазии. В этой войне приняла участие Австрия, стремившаяся так же, как и Пруссия, к захвату Шлезвига и Гольштейна. Война закончилась поражением Дании. Шлезвиг и Голыптейн были объявлены совместным владением Австрии и Пруссии, а после австро-прусской войны 1866 г. были присоединены к Пруссии. — *41.*

[60] *Конскрипция* — система комплектования армии на основе воинской повинности, обязывающей людей определенного возраста отбывать службу в армии. Отличается от общеобязательной воинской повинности различного рода отступлениями, главным образом тем, что допускает денежный выкуп и заместительство.

Жеребьевка — воинская повинность, осуществляемая по жребию. Ввиду того, что в XIX в. общее число военнообязанных в некоторых государствах Западной Европы превышало потребность в них, то с помощью жребия решалось, кто из военнообязанных, подлежащих призыву в данном году, должен поступить на действительную службу. Остальные зачислялись либо в ополчение, либо призывались — в отдельных государствах — на кратковременные учебные сборы. — *43.*

[61] *«Allgemeine Militar-Zeitung»* («Всеобщая военная газета») — немецкая газета по военным вопросам, орган Общества немецких офицеров и военнослужащих; издавалась с 1826 по 1902 г. в Дармштадте и Лейпциге. В этой газете была опубликована без подписи статья Ф. Энгельса «Смотр, английских стрелков-волонтеров» (1860) и с инициалами «Ф. Э.» статьи: «Смотр волонтеров в Англии» (1862) и «Военные силы Англии против Германии» (1864) (см. настоящее издание, т. 15, стр. 140—147, 551—557, 601—606). — *43.*

[62] *«Zeitschrift des koniglich preussischen statistischen Bureaus»* («Журнал королевско-прусского статистического бюро») — ежемесячный официальный статистический журнал в Пруссии; издавался с 1860 по 1905 г. в Берлине. — *43.*

[63] *Эрзац-резервом* в прусской армии назывался запас призывников, получивших отсрочку вследствие незначительных физических недостатков

или особых семейных обстоятельств; использовался для пополнения армии во время войны при формировании запасных частей. — *44.*

[64] *Франко-австрийская военная система* в 60-х годах XIX в. характеризовалась преобладанием регулярной кадровой армии, длительными сроками военной службы и применением конскрипции в отличие от прусской военной системы, основанной согласно закону 1814 г. на всеобщей воинской повинности без заместительства. — *49.*

[65] Имеется в виду завоевательная колониальная война в Алжире, начатая французским правительством в 1830 г. и продолжавшаяся в течение 40 лет, а также Крымская война 1853—1856 гг. и Итальянская война 1859 года. — *49.*

[66] При Йене 14 октября 1806 г. прусская кадровая армия под командованием Гогенлоэ была разбита войсками Наполеона I во время войны наполеоновской Франции в 1806—1807 гг. с коалицией четырех государств (Англия, Россия, Пруссия, Швеция). Поражение при Йене и понесенное в тот же день крупное поражение при Ауэрштедте повлекли за собой капитуляцию Пруссии. Военные действия завершились заключением 7 июля 1807 г. тяжелого и унизительного для Пруссии Тильзитского мира. По условиям мира Пруссия теряла почти половину своей территории и была фактически низведена до положения вассала наполеоновской Франции.

Кацбах — река в Силезии. Здесь 26 августа 1813 г. во время войны шестой коалиции европейских государств против наполеоновской Франции прусские и русские войска под командованием Блюхера наголову разбили французские части. Война окончилась вступлением союзников в Париж в марте 1814 г. и падением империи Наполеона. — *50.*

[67] В швейцарский ландвер зачислялись военнообязанные, которые отбыли срок службы в швейцарских войсках — войсках нерегулярных, собиравшихся периодически для учения. Срок службы в швейцарском ландвере — 12 лет. Ландвер в Швейцарии, так же как и в Пруссии, служил для усиления армии в военное время и призывался в случае военной угрозы.

О прусском ландвере — см. примечание 58. — *50.*

[68] W. F. P. Napier. «History of the War in the Peninsula and in the South of France, from the year 1807 to the year 1814». Vol. III, London, 1833, p. 271 (У. Ф. П. Нейпир. «История войны на Пиренейском полуострове и на юге Франции с 1807 по 1814 год». Т. III, Лондон, 1833, стр. 271). — *51.*

[69] *Дюппель* (датское название: Дюббёль) — датское укрепление в Шлезвиге, взятое штурмом 18 апреля 1864 г. прусскими войсками во время войны Пруссин и Австрии против Дании.

Выражение «внутренний Дюппель» («Duppel im Innern») было впервые употреблено для обозначения «внутреннего врага» в политическом обзоре бисмарковского органа «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» («Северогерманской всеобщей газеты») от 30 сентября 1864 г. и получило затем широкое распространение. — *51.*

[70] В 1849 г., во время восстаний в Юго-Западной Германии в защиту имперской конституции, в которой народные массы видели единственное еще не уничтоженное завоевание революции, баденские войска перешли на сторону восставшего народа и составили ядро баденской революционной армии. В баденских войсках кавалерийские полки являлись наименее надежными. Так, 21 июня 1849 г. в сражении с пруссаками при Вагхёйзеле войска повстанцев были обращены в бегство вследствие измены подполковника Беккерта, командовавшего несколькими эскадронами баденских драгун. — *52.*

[71] Речь идет о «либеральном» курсе, провозглашенном прусским принцем Вильгельмом (с 1861 г. король Пруссии) при его вступлении в регентство в октябре 1858 года. В 1858 г. принц-регент дал отставку министерству Мантёйфеля и призвал к власти умеренных либералов. В буржуазной печати этот курс получил громкое название «новой эры». На деле политика Вильгельма была направлена исключительно на укрепление позиций прусской монархии и юнкерства; обманутые в своих надеждах буржуа отказались утвердить представленный правительством проект военной реформы. Возникший в связи с этим в 1862 г. конституционный конфликт и приход к власти Бисмарка в сентябре 1862 г. положили конец «новой эре». — *54.*

[72] Энгельс имеет в виду период с 1850 по октябрь 1858 г., когда в Пруссии у власти находилось крайне реакционное министерство Мантёйфеля. Буржуазия, удовлетворенная своими экономическими успехами и напуганная революционным движением пролетариата, встала на сторону дворянства и реакции, беспощадно расправлявшейся с участниками революции 1848—1849 годов. В этот период в Пруссии были ликвидированы демократические завоевания революции — свобода слова, печати, собраний, союзов; неоднократно изменялась конституция, превратившаяся в фикцию; в стране восстанавливались сословные привилегии дворянства, вся власть находилась в руках земельной аристократии и дворянства. — *55.*

[73] *Провинциальные и окружные сословные собрания* (ландтаги), учрежденные в Пруссии в 1823 г., состояли, главным образом, из представителей дворянства; города и сельские общины были представлены в них весьма незначительно; собрания созывались королем, компетенция их ограничивалась вопросами местного хозяйства и провинциального управления. Оттесненные на задний план во время революции 1848—1849 гг., провинциальные и окружные сословные собрания приобрели снова значение в 50-е годы XIX в., в период господства реакции. — *55.*

[74] Это положение было сформулировано Энгельсом по совету Маркса (см. письмо Маркса Энгельсу от 11 февраля 1865 года). — *56.*

[75] Агитация Шульце-Делича — немецкого буржуазного экономиста и одного из лидеров прогрессистской партии — за создание ссудо-сберегательных касс, потребительских и производственных кооперативов на средства самих рабочих, агитация «за копилку», являлась попыткой отвлечь рабочих от революционной борьбы против капитала. Шульце-Делич проповедовал гармонию интересов капиталистов и рабочих, утверждая, что путем создания кооперативных обществ можно улучшить положение рабочего класса в рамках капитализма и спасти от разорения мелких производителей-ремесленников, — *56.*

[76] Имеются в виду представители немецкой буржуазной прогрессистской партии, организованной в июне 1861 года. Наиболее видными деятелями этой партии были: Вальдек, Вирхов, Шульце-Делич, Форкенбек, Ховербек и др. Прогрессистская партия выставила в своей программе требование объединения Германии под главенством Пруссии, созыва общегерманского парламента, создания сильного либерального министерства, ответственного перед палатой депутатов. Опасаясь народной революции, она не поддерживала основных демократических требований — всеобщего избирательного права, свободы печати, союзов, собрании. В 1866 г. от прогрессистской партии откололось правое крыло, которое основало партию национал-либералов, капитулировавшую перед бисмарковским правительством. — *57*.

[77] *«Kreuz-Zeitung»* («Крестовая газета») — так называли немецкую ежедневную газету «Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета»), которая издавалась в Берлине с июня 1848 г. и являлась органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства. «Neue Preusische Zeitung» имела в заголовке изображение креста. — *63.*

[78] Имеются в виду сторонники южных рабовладельческих штатов во время Гражданской войны в Соединенных Штатах Америки в 1861— 1865 годах. — *63.*

[79] Речь идет о бюрократической системе регламентации промышленности, существовавшей в Пруссии в середине 60-х годов XIX века. Для ряда отраслей промышленности была установлена система специальных разрешений (концессий), без получения которых нельзя было заниматься промышленной деятельностью. Это полусредневековое промысловое законодательство стесняло развитие капитализма. — *65*.

[80] *Прусское верховенство* (preusische Spitze) — выражение, употребленное прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV в речи от 20 марта 1848 г., в которой он заявил о своей готовности стать «для спасения Германии во главе (an die Spitze) всего отечества». В период борьбы за объединение Германии это выражение употреблялось для обозначения стремления Пруссии объединить страну под своей гегемонией.

Триада — один из планов реорганизации Германского союза, предусматривавший образование, наряду с Австрией и Пруссией, союза средних государств. Этот план, защищавшийся в 50— 60-х годах особенно Баварией и Саксонией, был направлен против австрийской и прусской гегемонии и выражал партикуляристские тенденции средних немецких государств, стремившихся сохранить свою самостоятельность. — *66.*

[81] Приводя эти требования, выдвинутые Всеобщим германским рабочим союзом, Энгельс, по совету Маркса (см. его письмо от 11 февраля 1865 г.), сформулировал это место своей брошюры таким образом, чтобы оно не было истолковано как согласие с лассальянскими лозунгами. — *69.*

[82] Речь идет о праве рабочих объединяться для экономической борьбы, прежде всего о праве на создание профессиональных организаций и на стачки.

В январе 1865 г. вопрос о праве коалиций был поднят в прусском ландтаге в связи с выступлениями рабочих против действовавшего промыслового устава. Представители буржуазии воспользовались подъемом рабочего движения, чтобы добиться отмены в первую очередь тех статей устава, которые стесняли капиталистов. Прогрессисты Шульце-Делич и Фаухер внесли на обсуждение палаты депутатов предложение об отмене § 181 устава, запрещавшего предпринимателям прекращать производство для того, чтобы добиться уступок со стороны рабочих. В демагогических целях прогрессисты выдвинули также требование об отмене § 182 о наказаниях рабочих за подстрекательство к стачке. Рабочие же требовали, в первую очередь, отмены § 183 устава о полицейском разрешении для образования рабочих объединений и § 184, запрещавшего стачки.

14 февраля 1865 г. прусский ландтаг отменил лишь §§ 181 и 182 промыслового устава, оставив требование рабочих о свободе коалиций не удовлетворенным. — *71.*

[83] *«Песнь о Хильдебранде»* — героическая поэма, памятник древнегерманской эпической поэзии VIII века, сохранившийся в отрывках. — *75.*

[84] Заявление Маркса и Энгельса в редакцию газеты «Social-Demokrat» о прекращении сотрудничества в ней было написано Марксом 18 февраля 1865 г., затем послано Энгельсу, который, полностью одобрив и подписав заявление, вернул его Марксу; 23 февраля 1865 г. оно было отправлено Марксом в редакцию «Social-Demokrat».

К тому времени, когда было написано это заявление, Маркс и Энгельс окончательно убедились в невозможности выправить политическую линию газеты. Доказательством этого, кроме письма Швейцера Марксу от 15 февраля 1865 г. (подробнее см. настоящий том, стр. 86—89), явилась серия статей Швейцера «Министерство Бисмарка», в которых Швейцер открыто выступал за поддержку политики Бисмарка в деле объединения Германии «железом и кровью». Маркс писал 18 февраля 1865 г. по этому поводу Энгельсу: «Я считаю Швейцера неисправимым (у него, вероятно, тайное соглашение с Бисмарком)». В связи с появлением этих статей, Маркс и Энгельс смогли придать своему разрыву с газетой открытый, остро политический и понятный для масс характер.

Отправляя заявление в «Social-Demokrat», Маркс принял меры к тому, чтобы вынудить Швейцера его напечатать. Он поручил Либкнехту, в случае отказа Швейцера опубликовать заявление, поместить его в «Berliner Reform». Кроме того, Маркс послал две копии заявления К. Зибелю с просьбой через два дня после получения письма поместить заявление в «Rheinische Zeitung» («Рейнской газете») или «Dusseldorfer Zeitung» («Дюссельдорфской газете»).

Через посредство Либкнехта и Зибеля заявление было напечатано во многих немецких газетах; как видно из письма, Зибеля Энгельсу от 1 марта 1865 г., раньше всего его опубликовали: «Banner Zeitung» («Барменская газета»), «Elberfelder Zeitung» («Эльберфельдская газета»), «Dusseldorfer Zeitung», «Rheinische Zeitung»; 1 марта 1865 г. заявление было опубликовано в газетах: «Berliner Reform» № 51, «Neue Frankfurter Zeitung» № 60, «Breslauer Zeitung» («Бреславльской газете») № 102, «Staatsburger-Zeitung» («Гражданской газете») № 60 и позже в ряде других немецких газет.

В связи с широкой публикацией заявления Маркса и Энгельса в немецкой печати Швейцер был вынужден напечатать его в «Social-

Demokrat», где оно появилось 3 марта 1865 года. Редакция предпослала «Заявлению» несколько строк, из которых видно, что Либкнехт также отказался сотрудничать в газете. Вскоре аналогичное заявление сделали Г. Гервег, Ф. Рюстов и И. Ф. Беккер.

Заявление Маркса и Энгельса встретило широкий отклик среди передовых немецких рабочих; в марте 1865 г. оно было одобрено Союзом берлинских печатников, где с докладом о разрыве Маркса и Энгельса с газетой выступил Либкнехт. «Social-Demokrat» потерял значительную часть своих подписчиков, особенно среди берлинских рабочих. — *79.*

[85] Имеется в виду статья Маркса «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»», опубликованная в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 194—207).

«Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкая брюссельская газета»), основанная немецкими политическими эмигрантами в Брюсселе, выходила с января 1847 по февраль 1848 года. С сентября 1847 г. Маркс и Энгельс сделались ее постоянными сотрудниками; под **их** руководством газета стала органом формировавшейся революционной партии пролетариата — Союза коммунистов.

«Rheinischer Beobachter» («Рейнский обозреватель») — ежедневная консервативная газета; издавалась в Кёльне с 1844 года; издание газеты прекратилось после мартовской революции 1848 г. в Германии. — *79.*

[86] Анонимная заметка Энгельса о брошюре «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», кроме газеты «Berliner Reform», была с некоторыми изменениями опубликована при посредстве К. Зибеля, К. Клейна и В. Либкнехта в ряде немецких газет: «Dusseldorfer Zeitung» № 62, 3 марта 1865 г., «Rheinische Zeitung» № 62, 3 марта 1865 г., «Elberfelder Zeitung» № 62, 3 марта 1865г., «Oberrheinischer Courier» («Верхнерейнском курьере») № 56, 7 марта 1865 г., «Osnabrucker Zeitung» («Оснабрюкской газете») № 250, 9 марта 1865 г., «Neuer Hannoversche Anzeiger» («Новом ганноверском вестнике») № 70, 11 марта 1865 г. и других. — *80.*

[87] Настоящий документ был написан Марксом в связи с обсуждением 4 и 6 марта 1865 г. на заседаниях Постоянного комитета вопроса об организациях Интернационала во Франции. В Париже в конце 1864 г. начала свою деятельность секция Международного Товарищества Рабочих, основанная участниками собрания 28 сентября 1864 г. в Сент-Мартинс-холле, прудонистски настроенными рабочими Толеном и Лимузеном. Секция имела свое постоянное помещение, в январе 1865 г. выпустила французский перевод Временного Устава (см. настоящий том, стр. 408, 438—439). В то же время, на роль одного из основателей Интернационала и представителя французских рабочих претендовал французский адвокат Анри Лефор, также участвовавший в подготовке собрания 28 сентября 1864 года. Лефор поддерживал дружеские связи с секретарем-корреспондентом Генерального Совета для Франции Ле Любе и другими представителями французской мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне.

Впервые Генеральный Совет вынужден был заняться делами парижской секции 24 января 1865г. в связи с появившейся в берлинской газете «Social-Demokrat» от 13 января статьей М. Гесса, в которой Толен обвинялся в связях с бонапартистскими кругами (см. настоящий

том, стр. 34). Маркс поручил немецкому эмигранту в Париже В. Шили навести соответствующие справки. Выяснилось, что обвинение, носившее клеветнический характер, исходило от лиц, близких к журналу «Association», в состав редакции которого входил Лефор. По настоянию Маркса, стремившегося вовлечь в ряды Интернационала ту часть французских рабочих, которая находилась под влиянием буржуазных кооператоров, и использовать «Association» для пропаганды идей Интернационала, Генеральный Совет принял 7 февраля 1865 г. предложение Лефора назначить его «литературным защитником» Интернационала во Франции. Это назначение вызвало недовольство членов парижской секции; 24 февраля в Париже состоялось собрание 32 членов Интернационала, выразившее полное доверие Толену, Фрибуру и Лимузену и потребовавшее, чтобы руководящие посты поручались только рабочим. 28 февраля в Лондон с этой резолюцией приехали Толен и Фрибур. После первого обсуждения на заседании Генерального Совета, в тот же вечер, вопрос о парижской секции был передан на рассмотрение Постоянного комитета. Протоколы заседаний Постоянного комитета от 4 и 6 марта 1865 г., на которых обсуждался вопрос, до нас не дошли. Настоящий проект резолюции сохранился в записной книжке Маркса за 1864—1865 годы. Перед текстом на английском языке написано по-немецки: «Предлагаю Постоянному комитету следующую резолюцию». — *81.*

[88] Введением в состав Правления парижской секции (отделения) ветерана революции 1848 года, рабочего-публициста Пьера Венсара Маркс рассчитывал приобщить членов Интернационала во Франции к революционным и социалистическим традициям французского рабочего движения 40-х годов. Однако, сославшись на болезнь и занятость, Венсар не принял этого назначения. — *81.*

[89] Настоящие резолюции, составленные Марксом, были приняты Генеральным Советом 7 марта 1865 года. Текст сохранился в протокольной книге Генерального Совета и в рукописи, приложенной к письму Маркса Энгельсу 13 марта 1865 г., в которой приведена также частная инструкция Шили. — *82.*

[90] Заявление Толена об отставке, вызванное обвинением его в связях с бонапартистскими кругами, рассматривалось Генеральным Советом на заседаниях 7, 14 и 21 февраля 1865 года. — *82.*

[91] В письме к Г. Юнгу от 13 марта 1865 г. Маркс выразил сожаление по поводу того, что в результате обсуждения на заседании Генерального Совета в формулировке II резолюции были сделаны *«слишком большие* уступки Лефору». — *82.*

[92] Это прудонистское требование выдвигалось также французской делегацией на Женевском конгрессе Интернационала в 1866 г., но было подвергнуто резкой критике и отвергнуто конгрессом. — *82.*

[93] Имеется в виду банк «Crédit au travail» («Кредит труду»), основанный в Париже в 1863 г. мелкобуржуазным социалистом П. Белюзом для кредитования производственных и потребительских кооперативов и мобилизации сбережений рабочих в интересах кооперативного движения. Банк просуществовал до 1868 года. — *83.*

[94] *«Рецензия на брошюру Ф. Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия»»,* написанная К. Марксом, была напечатана в газете «Hermann» 18 марта 1865 г. без подписи. — *84.*

[95] *«Заявление о причинах отказа от сотрудничества в газете «Social-Demokrat»»* было написано Марксом 15 марта 1865 г. в связи с кампанией, начатой Швейцером против Маркса и Энгельса после их заявления от 23 февраля 1865 г. о прекращении сотрудничества в газете. В № 31 «Social-Demokrat» 8 марта 1865 г. Швейцер, извращая отношение Маркса и Энгельса к Лассалю и фальсифицируя причины их выхода из состава сотрудников газеты, использовал статью К. Блинда, опубликованную в «Neue Frankfurter Zeitung».

Настоящее заявление Маркс направил одновременно в несколько немецких газет. Кроме «Berliner Reform», оно было опубликовано в «Dusseldorfer Zeitung» № 79, 20 марта 1865 г., «Staatsburger-Zeitung» № 79, 20 марта 1865 г., в газете «Hermann» 25 марта 1865 года. — *86.*

[96] Маркс имеет в виду свое письмо Либкнехту от 2 февраля 1865 г., которое до нас не дошло; содержание его изложено в письме Маркса к Энгельсу от 3 февраля 1865 года. — *88.*

[97] Имеется в виду письмо Маркса Швейцеру от 13 февраля 1865 г., которое до нас не дошло, но подробно цитируется в письме Маркса к Энгельсу от 18 февраля 1865 года. В этом письме, подвергая резкой критике политическую тактику Швейцера, Маркс разъяснял ему значение коалиций, роль профессиональных союзов как важного средства организации рабочего класса для борьбы против буржуазии и как средства политического просвещения рабочих масс. Отрицая вслед за Лассалем значение стачек и профессиональных союзов в борьбе рабочего класса против капитала, Швейцер выдвигал в качестве единственного рецепта лассалевское требование всеобщего избирательного права и производительных ассоциаций как средства достижения социализма мирным, реформистским путем; при этом, подобно Лассалю, Швейцер внушал рабочим надежду на помощь со стороны прусского правительства и его министра Бисмарка. — *88.*

[98] *«Berliner Reform»* («Берлинская реформа») — ежедневная газета немецких мелкобуржуазных демократов; издавалась в Берлине с 1861 по 1868 год. В этой газете было опубликовано в 1865 г. несколько заявлений и статей Маркса и Энгельса. — *90.*

[99] Статья К. Маркса *«Президент человечества»* направлена против опубликованного в № 39 «Social-Demokrat» 26 марта 1865 г. выступления президента лассальянского Всеобщего германского рабочего союза Бернхарда Беккера на собрании гамбургского отделения Союза 22 марта 1865 г., в котором содержалась клевета на Международное Товарищество Рабочих, а также на Маркса, Энгельса и Либкнехта. Еще до появления данной статьи Маркса на собрании берлинского отделения 27 марта 1865 г., на котором обсуждался вопрос о президенте, с разоблачениями Беккера выступил также Либкнехт.

В связи с ростом недовольства руководством Беккера среди рядовых членов Союза берлинская организация приняла решение о его исключении и обратилась ко всем членам Всеобщего германского рабочего союза с просьбой поддержать ее решение. Подобные собрания проходили и во многих других отделениях Союза. В июне 1865 г.

Беккер вынужден был временно передать полномочия президента своему заместителю Фрицше, а в ноябре того же года полностью отказаться от них.

Статья Маркса, кроме газеты «Berliner Reform», как это видно из письма Либкнехта Марксу от 15 апреля 1865 г., была напечатана также в «Rheinische Zeitung». — *91.*

[100] *Asa fotida* (аса-фетида) — растение с резким запахом и вкусом. — *91.*

[101] См. настоящее издание, т. 14, стр. 395—691. —*91.*

[102] См. настоящее издание, т. 14, стр. 585. — *91.*

[103] Речь идет о рукописи памфлета К. Маркса и Ф. Энгельса «Великие мужи эмиграции» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 247—352). — *92.*

[104] Имеется в виду статья К. Маркса «Добровольные признания Гирша» (настоящее издание, т. 9, стр. 40—43), опубликованная в американской газете «New-Yorker Criminal-Zeitung».

«New-Yorker Criminal-Zeitung» — сокращенное название еженедельной газеты «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» («Беллетристический листок и Нью-йоркская газета по вопросам криминалистики»), основанной в Нью-Йорке в 1852 г. представителями немецкой мелкобуржуазной эмиграции. Под данным названием выходила с 18 марта 1853 по 10 марта 1854 года. — *92.*

[105] Маркс имеет в виду пост президента Всеобщего германского рабочего союза, который Лассаль по завещанию передал Бернхарду Беккеру. — *93.*

[106] Имеются в виду письма Маркса к Гацфельдт от 12 сентября, 16 октября. 28 ноября и 22 декабря 1864 года. Письмо от 16 октября 1864 г. сохранилось неполностью. — *93.*

[107] Речь идет о письме, посланном Либкнехтом Марксу около 20 января 1865 года. — *93.*

[108] F. Lassalle. «Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch, der okonomische Julian, oder: Kapital und Arbeit». Berlin, 1864 (Ф. Лассаль. «Господин Бастиа-Шульце-Делич, экономический Юлиан, или: Капитал и труд». Берлин, 1864). —*94.*

[109] Речь идет о работе К. Маркса «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 1—167). — *94.*

[110] Маркс имеет в виду свое письмо Лассалю от 10 июня 1859 г. в связи с выходом в свет анонимного памфлета «Der italienische Krieg und die Aufgabe Preusens. Eine Stimme aus der Demokratie» («Итальянская война и задачи Пруссии. Голос из кругов демократии»), в котором Лассаль отстаивал идею объединения Германии под главенством Пруссии. Маркс писал Лассалю: *«Относительно памфлета:* он отнюдь не выражает моего взгляда и взгляда моих партийных друзей в Англии. Возможно, что мы выскажем наше мнение о нем в печати». — *94.*

[111] Речь идет о письме Лассаля Марксу, написанном в середине июня 1859 года. См. F. Lassalle. «Nachgelassene Briefe und Schriften».

Bd. III, Stuttgart—Berlin, 1922, S. 221 (Ф. Лассаль. «Литературное наследство. Письма и произведения». Т. III, Штутгарт — Берлин, 1922, стр. 221). — *94.*

[112] Имеется в виду буржуазно-демократическая Международная ассоциация, созданная в 1855 г. в Лондоне французскими, польскими и немецкими эмигрантами. Ассоциация, просуществовавшая до 1859 г., поддерживала связь с некоторыми бельгийскими демократами, с мелкобуржуазной немецкой эмиграцией в Соединенных Штатах Америки; с марта 1857 по март 1858 г. издавала свой орган — «Bulletin de l'Association Internationale» («Бюллетень Международной ассоциации»). — *94.*

[113] Намек на факт, рассказанный самим Б. Беккером в его речи на собрании гамбургского отделения Всеобщего германского рабочего союза 22 марта 1865 года. Беккер жаловался, что в качестве секретаря графини Гацфельдт он должен был также исполнять обязанности домашнего слуги и покупать для нее хлеб и масло. — *95.*

[114] Митинг, о котором говорится в настоящей заметке, состоялся в Лондоне в Сент-Мартинс-холле 1 марта 1865 года. В подготовке и проведении этого митинга, посвященного годовщине польского восстания 1863—1864 гг., большую роль сыграл Генеральный Совет, в специальном решении от 21 февраля 1865 г. призвавший всех своих членов и сторонников поддержать это мероприятие. Английская буржуазная печать, в том числе лондонская ежедневная либеральная газета «Daily News», осветив выступления на митингах буржуазных радикалов (Билса, Леверсона и др.), умолчала о резолюции, внесенной от имени Интернационала, и о выступлениях членов Генерального Совета П. Фокса и Г. Эккариуса. Полный отчет о митинге появился в газете «Bee-Hive Newspaper» № 177, 4 марта 1865 года; он был использован Марксом при составлении данной заметки, предназначенной для цюрихской газеты «Der weise Adler» («Белый орел»), воспроизведшей искаженный отчет из английских газет.

Сохранилась рукопись данной заметки, приложенная Марксом к его письму Г. Юнгу от 13 апреля 1865 г., которому, как секретарю-корреспонденту для Швейцарии, надлежало послать ее в газету с сопроводительным письмом. Заметка с небольшими изменениями появилась в газете «Der weiбe Adler» № 48, 22 апреля 1865 г. за подписью Г. Юнга. — *96.*

[115] 14 апреля 1865 г. президент США Авраам Линкольн был убит актером Бутом, агентом плантаторов Юга и нью-йоркских банкиров; президентом США стал Эндрью Джонсон, занимавший до этого пост вице-президента. Решение составить обращение к американскому народу по поводу этих событий было принято Генеральным Советом на заседании 2 мая 1865 года. На заседании Совета 9 мая Маркс огласил написанный им текст «Обращения Международного Товарищества Рабочих к президенту Джонсону», который был передан президенту через американского посланника Адамса. Впервые обращение было напечатано в газете «Bee-Hive Newspaper» № 188, 20 мая 1865 г., затем в газетах «Reynolds's Newspaper» № 771, 21 мая и «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской ежедневной трибуне») 1 июня 1865 года. — *98.*

[116] Так назвал рабовладельческий строй один из лидеров южан Стефенс в своей речи в защиту рабства 19 марта 1861 года. — *98.*

[117] Имеется в виду заявление Уильяма Сьюарда, сделанное 25 октября 1858 г. на митинге в Рочестере, где он говорил о «неизбежности конфликта», который, по его словам, должен был превратить Соединенные Штаты либо в «рабовладельческую нацию», либо в «нацию свободного труда». Во время убийства Линкольна 14 апреля 1865 г. Сьюард вместе со своим сыном были тяжело ранены. — *99.*

[118] 15 апреля 1861 г. в ответ на военные действия, начатые мятежной Конфедерацией южных штатов, правительство Линкольна объявило призыв 75 тысяч добровольцев, рассчитывая в течение 3 месяцев ликвидировать конфликт; в действительности Гражданская война в США закончилась лишь в 1865 году. — *99.*

[119] Имеются в виду *Столетняя война* (1337—1453) между Францией и Англией и общеевропейская *Тридцатилетняя война* (1618—1648), театром военных действий которой была в основном Германия; под *двадцатитрехлетней войной* Маркс подразумевает войны европейских коалиций против Французской республики и наполеоновской Франции, продолжавшиеся с 1792 по 1815 год. — *99.*

[120] Настоящая работа представляет собой текст доклада, прочитанного К. Марксом на английском языке на заседаниях Генерального Совета 20 и 27 июня 1865 года. Поводом для доклада послужили выступления члена Совета Джона Уэстона 2 и 23 мая, который пытался доказать бесполезность для рабочих общего повышения уровня денежной заработной платы и отсюда делал вывод о «вреде» профессиональных союзов. Текст доклада сохранился в виде рукописи Маркса. Впервые доклад был опубликован в Лондоне в 1898 г. дочерью Маркса Элеонорой под заглавием «Value, price and profit» («Стоимость, цена и прибыль») с предисловием Э. Эвелинга. Введение и первые шесть параграфов в рукописи не имели заглавий и были озаглавлены Эвелингом. В настоящем издании все эти заглавия, кроме общего, сохранены. — *101.*

[121] Имеются в виду законы, принятые Конвентом 4 мая, 11 и 29 сентября 1793 и 20 марта 1794 г. и устанавливавшие твердые максимальные цены на зерно, муку и другие предметы потребления, наряду с твердой максимальной заработной платой. — *111.*

[122] В сентябре 1861 г. в Манчестере проходило очередное 31-е ежегодное собрание Британской ассоциации содействия развитию науки, на котором присутствовал Маркс, гостивший в это время у Энгельса. На собрании выступал У. Ньюмарч (в написании его фамилии Маркс допустил описку), председатель экономической секции Ассоциации, открывавший собрание секции и сделавший доклад на тему: «О том, в каких размерах здоровые принципы налогообложения воплощены в законодательстве Соединенного королевства». См. «Report of the Thirty-first Meeting of the British Association for the Advancement of Science; held at Manchester in September 1861». London, 1862, p. 230 («Отчет о тридцать первом собрании Британской ассоциации содействия развитию науки, состоявшемся в Манчестере в сентябре 1861 года» Лондон, 1862, стр. 230). — *111.*

[123] Маркс имеет в виду шеститомную работу английского экономиста Томаса Тука по истории промышленности, торговли и финансов, вышедшую отдельными книгами: «A History of Prices, and of the

State of the Circulation, from 1793 to 1837». Vol. I—II, London, 1838 («История цен и состояние денежного обращения с 1793 по 1837 год». Тт. 1—11, Лондон, 1838), «A History of Prices, and of the State of the Circulation, in 1838 and 1839». London, 1840 («История цен и состояние денежного обращения в 1838 и 1839 годах». Лондон, 1840), «A History of Prices, and of the State of Circulation, from 1839 to 1847 inclusive». London, 1848 («История цен и состояние денежного обращения с 1839 по 1847 г. включительно». Лондон, 1848) и T. Tooke and W. Newmarch «A History of Prices, and of the State of the Circulation, during the Nine Years 1848—1856». Vol. V—VI, London, 1857 (Т. Тук и У. Ньюмарч «История цен и состояние денежного обращения в течение девяти лет с 1848 по 1856 год». Тт. V—VI, Лондон, 1857). — *111.*

[124] См. R. Owen. «Observations on the Effect of the Manufacturing System». London, 1817, p. 76 (Р. Оуэн. «Замечания о влиянии промышленной системы». Лондон, 1817, стр. 76). Первое издание книги вышло в 1815 году. — *112.*

[125] Массовый снос жилищ сельскохозяйственных рабочих Англии в середине XIX века происходил в условиях бурного роста капиталистической промышленности и перестройки сельского хозяйства на капиталистических началах, сопровождавшейся ростом относительного перенаселения в деревне. Известную роль в усилении массового сноса жилищ в сельских местностях сыграло то обстоятельство, что размер налога в пользу бедных, уплачиваемого землевладельцем, в значительной степени зависел от числа бедных, проживавших на его земле. Землевладельцы сознательно сносили те помещения, в которых сами не нуждались, но которые могли служить пристанищем для «избыточного» сельского населения. (Подробно об этом см. настоящее издание, т. 23, стр. 686—705). — *112.*

[126] *Общество искусств и ремесел* (Society of Arts) — буржуазно-просветительное и филантропическое общество, основанное в 1754 г. в Лондоне. Упомянутый реферат был прочитан сыном умершего в 1864 г. Джона Мортона — Джоном Чалмерсом Мортоном. — *113.*

[127] Билль об отмене хлебных законов был принят в июне 1846 года. Так называемые хлебные законы, направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Принятие билля означало победу промышленной буржуазии, боровшейся против хлебных законов под лозунгом свободы торговли. — *113.*

[128] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1821, p. 26 (Д. Рикардо. «Начала политической экономии и налогового обложения». Лондон, 1821, стр. 26). Первое издание книги вышло в Лондоне в 1817 году. — *122.*

[129] B Franklin. «A Modest Inquiry into the Nature and Necessity of a Paper Currency». In: The Works. Vol. II, Boston, 1836. Эта работа была впервые издана в 1729 году. — *125.*

[130] A Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, Edinburgh, 1814, p. 93 (А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Т. I, Эдинбург, 1814, стр. 93). — *129.*

[131] Th. Hobbes. «Leviathan: or, the Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil». In: The English Works. Vol. III, London, 1839, p. 76 (Т. Гоббс. «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского». В книге: Сочинения на английском языке. Т. III, Лондон, 1839, стр. 76). — *132.*

[132] Речь идет о войнах, которые вела Англия с 1793 по 1815 г. против Франции в период французской буржуазной революции конца XVIII века. Во время этих войн английское правительство установило в своей стране жестокий режим террора против трудящихся масс. В частности, в указанный период был подавлен ряд народных волнений и приняты законы, запрещающие рабочие союзы. — *145.*

[133] К Маркс имеет в виду памфлет Мальтуса под названием «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent, and the Principles by which it is regulated». London, 1815 («Исследование о природе и возрастании ренты, а также о принципах, ее регулирующих». Лондон, 1815). — *146.*

[134] Имеется в виду вышедшая в Лондоне в 1770 г. книга «An Essay on Trade and Commerce: containing Observations on Taxes» («Опыт о ремесле и торговле, содержащий замечания о налогах»). Авторство этой анонимной книги приписывается Дж. Канингему. — *146.*

[135] Речь идет об обсуждении английским парламентом в феврале — марте 1832 г. внесенного в 1831 г. законопроекта об ограничении рабочего дня для детей и подростков до 10 часов. — *146.*

[136] Во время традиционных празднеств в честь *Джаггернаута* (Джаганнатха) — воплощения индуистского бога Вишну, культ которого отличался чрезвычайной пышностью ритуала и крайним религиозным фанатизмом, проявлявшимся в самоистязаниях и самоубийствах, — верующие бросались под колесницу, на которой везли изображение Вишну — Джаггернаута. — *147.*

[137] W. Th. Thornton. «Over-population and its Remedy». London, 1846 (У. Т. Торнтон. «Перенаселение и меры по борьбе с ним». Лондон, 1846). — *150.*

[138] *По законам о бедных,* существовавшим в Англии с XVI века, в каждом приходе взимался особый налог в пользу бедных; те жители прихода, которые не могли обеспечить себя и свою семью, получали вспомоществование через кассу помощи бедным. — *151.*

[139] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1821, p. 479. — *153.*

[140] Серия статей *«Какое дело рабочему классу до Польши?»* была написана Ф. Энгельсом между концом января и 6 апреля 1866 г. по просьбе Маркса в связи с борьбой, развернувшейся в Генеральном Совете вокруг решения Лондонской конференции 1865 г. о включении в повестку дня предстоящего конгресса в Женеве вопроса о независимости Польши; для обоснования позиции Интернационала в национальном вопросе необходимо было, с одной стороны, подвергнуть критике свойственный прудонистам нигилизм в национальном вопросе,

а с другой стороны, раскрыть реакционную сущность так называемого «принципа национальностей», демагогически выдвигавшегося бонапартистскими кругами.

Серия осталась незаконченной. Статьи были напечатаны в газете «Commonwealth» №№ 159, 160 и 165 от 24, 31 марта и 5 мая 1866 года.

«The Commonwealth» («Республика») — английская еженедельная газета, орган Генерального Совета Интернационала, издавалась в Лондоне с февраля 1866 по июль 1867 года. В состав редакционной комиссии до июня 1866 г. входил Маркс, с февраля до апреля 1866 г. редактором был Г. Эккариус. В газете печатались отчеты о заседаниях Генерального Совета и документы Интернационала. В результате соглашательской политики тред-юнионистских лидеров, входивших в руководство газеты, в ходе борьбы за избирательную реформу газета изменила свое направление, превратившись фактически в орган радикальной буржуазии. — *156.*

[141] Имеется в виду народная демонстрация в Париже 15 мая 1848 г., в которой приняло участие 150 тысяч человек. Демонстранты направились к Учредительному собранию, которое должно было в тот день обсуждать польский вопрос, проникли в зал заседания в Бурбонском дворце и потребовали оказания военной помощи Польше, борющейся за свою независимость. Ввиду отказа удовлетворить их требование, демократы пытались объявить роспуск Учредительного собрания и образование революционного правительства, но были разогнаны силой.—*156.*

[142] Речь идет о немецкой демократической и рабочей печати, и прежде всего о выходившей с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газете»). Боевой орган пролетарского крыла демократии «Neue Rheinische Zeitung» решительно выступала в защиту независимости Польши, освобождение которой она связывала с ниспровержением реакционного царского режима в России, являвшегося в то время главным оплотом феодально-абсолютистской реакции в Европе. — *156.*

[143] Имеется в виду пункт 9 повестки дня Лондонской конференции Интернационала 1865 г. (см. настоящий том, стр. 532).

Лондонская конференция состоялась 25—29 сентября 1865 года. В ее работе участвовали члены Генерального Совета и руководители отдельных секций.

Конференция заслушала доклад Генерального Совета, утвердила его финансовый отчет и повестку дня предстоящего конгресса. Маркс, преодолевая противодействие прудонистов, добился включения в повестку дня конгресса требования восстановления независимости Польши. Лондонская конференция, подготовкой и проведением которой руководил Маркс, сыграла большую роль в период становления и организационного оформления Интернационала. —*157.*

[144] Речь идет о выступлениях прудониста Э. Дени с серией статей по польскому вопросу в газете «Tribune du Peuple» в марте—июле 1864 г., а также об обвинениях, выдвинутых против Генерального Совета в газете «Echo de Verviers» («Эхо Вервье») в декабре 1865 г. (см. настоящий том, стр. 536—543).

«La Tribune du Peuple» («Трибуна народа») — бельгийская демократическая газета; орган рабочего общества «Народ», издавалась

в Брюсселе с 1861 по 1868 год; с января 1866 г. — орган бельгийских секций Интернационала; в состав редакции газеты входил Де Пап.—*157.*

[145] Речь идет о «Молодой Европе», тайной организации буржуазных революционеров, политических эмигрантов, основанной по инициативе Мадзини в 1834 г. в Швейцарии. В состав «Молодой Европы» входили национальные организации: «Молодая Италия», «Молодая Польша» и другие, ставившие своей целью борьбу за национальное единство, национальную независимость и установление республиканского строя в европейских государствах. — *159.*

[146] Взгляды Энгельса на исторические судьбы малых народов, его суждение о том, что они, как правило, не способны к самостоятельному национальному существованию и неизбежно должны быть в ходе исторического развития поглощены более крупными и жизнеспособными нациями, были неточными. Справедливо подчеркивая свойственную капитализму тенденцию к централизации, к созданию крупных государств, Энгельс не учитывал в должной мере другой тенденции — борьбы малых народов против национального гнета за свою независимость, их стремления к созданию собственной государственности. Как показала история, ряд малых народов, и прежде всего славянские народы, входившие раньше в состав Австрийской империи, не только обнаружили способность к самостоятельному национальному развитию, но стали участниками создания нового общественного, социалистического строя (подробно об этом см. предисловия к 6, 8 и 11 томам настоящего издания). — *161.*

[147] *Русины* — введенное буржуазными этнографами и историками и распространенное в XIX в. название украинского населения Галиции, Прикарпатья и Буковины, насильственно оторванного от основной массы украинского народа. Окончательное воссоединение украинского народа произошло после победы СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. — *162.*

[148] Начало объединению Польши и Литвы было положено польско-литовской унией 1385 г., предусматривавшей инкорпорацию Великого княжества Литовского в состав Польши. — *162.*

[149] Имеется в виду занятие Москвы польскими интервентами в июне 1605 года; в мае 1606 г. власть интервентов была свергнута в результате народного восстания. В сентябре 1610 г. поляки вторично вступили в Москву, захватив в свои руки московский престол. На освободительную борьбу против интервентов поднялся весь русский народ. В октябре 1612 г. Москва была освобождена народным ополчением под предводительством Минина и Пожарского. — *164.*

[150] *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1785 году. — *164.*

[151] Воззвание *«Предостережение»* написано К. Марксом по поручению Генерального Совета в связи с ввозом в Шотландию немецких и датских рабочих-портных в качестве штрейкбрехеров. В своем письме от 1 мая 1866 г. Энгельс сообщил Марксу о том, что в Эдинбург привезено 57 немецких портных и ожидаются новые партии рабочих. В тот же день вопрос обсуждался на заседании Генерального Совета,

где Лесснер сообщил, что лондонские предприниматели также намереваются использовать привезенных из Германии рабочих. В связи с этим немецкие портные в Лондоне образовали комитет во главе с Лесснером и Хауфе и решили действовать совместно с Генеральным Советом, чтобы сорвать планы предпринимателей и их агентов в Германии. Генеральный Совет командировал в Эдинбург двух представителей, которые убедили приезжих рабочих расторгнуть соглашение и уехать на родину.

По просьбе Маркса Лесснер и Хауфе прислали ему 3 мая подробные сведения о событиях в Эдинбурге для составления заметки в немецкую печать. «Предостережение», составленное Марксом 4 мая, было напечатано в газетах: «Oberrheinischer Courier», «Mitteldeutsche Volkszeitung» («Среднегерманская народная газета»), «Deutsches Wochenblatt» («Немецкий еженедельник») и других.

Одновременно в Лондоне была выпущена листовка, составленная Лесснером и Хауфе, с изложением целей и задач лондонского комитета немецких портных и с призывом к немецким рабочим в Лондоне о сборе средств. В июле 1866 г. комитет выпустил вторую листовку, также за подписью Лесснера и Хауфе, адресованную к рабочим-портным в Германии. — *167.*

[152] Речь идет о профессиональном союзе, возникшем в Лондоне в марте 1866 г. в связи с начавшейся забастовкой лондонских портных-подмастерьев. Этот союз имел исполнительный комитет и совместно с Генеральным Советом успешно руководил стачечной борьбой рабочих-портных; в апреле 1866 г. союз вступил в Интернационал. Делегат портных Лоренс участвовал в работе Женевского конгресса Международного Товарищества Рабочих. — *167.*

[153] Обращение к рабочим-портным с призывом воздерживаться от поездки в Англию ввиду происходящей там стачки портных, составленное в соответствии с решением Генерального Совета от 27 марта 1866 г., было опубликовано в ряде органов Интернационала, в том числе в бельгийской газете «Tribune du Peuple» № 17, 29 апреля 1866 г., в швейцарских органах: «Vorbote» № 4, апрель 1866 г. и «Journal de l'Association Internationale des Travailleurs» № 5, 8 апреля 1866 г., а также в газете «Rive gauche» № 15, 15 апреля 1866 года.

«Journal de l'Association Internationale des Travailleurs» («Газета Международного Товарищества Рабочих») — ежемесячный орган секций Интернационала в Романской Швейцарии, выходил в Женеве с декабря 1865 по сентябрь 1866 г. при участии И. Ф. Беккера.

«La Rive gauche» («Левый берег») — еженедельная демократическая газета, издавалась с октября 1864 по август 1866 г. сначала в Париже, а затем в Брюсселе группой французских левых республиканцев-эмигрантов; печатала документы Интернационала; редактором газеты был Ш. Лонге. — *167.*

[154] Серия статей Ф. Энгельса *«Заметки о войне в Германии»* посвящена событиям австро-прусской войны 1866 г., которая завершила многолетнее соперничество между Австрией и Пруссией и предопределила объединение Германии под гегемонией Пруссии. На стороне Австрии в этой войне участвовал ряд германских государств (Ганновер, Саксония, Бавария и др.), Пруссия выступила в союзе с Италией. Военные действия велись в июне и июле на двух фронтах: на территории Богемии (Чехия) и в Италии. После крупного поражения австрийской

армии 3 июля при Садове Австрия вступила в мирные переговоры и 23 августа был подписан мир в Праге, по которому Австрия уступала Пруссии свои права на Шлезвиг и Гольштейн, уплачивала ей небольшую контрибуцию и передавала Итальянскому королевству Венецианскую область; Германский союз, созданный еще в 1815 г. Венским конгрессом и объединявший более 30 немецких государств, прекращал свое существование, и вместо него был создан Северогерманский союз без участия Австрии и под верховенством Пруссии. В результате этой войны Пруссия аннексировала королевство Ганноверское, курфюршество Гессен-Кассель, великое герцогство Нассау и вольный город Франкфурт-на-Майне.

«Заметки о войне в Германии» были напечатаны в *«The Manchester Guardian»* («Манчестерский страж») — английской буржуазной газете, основанной в Манчестере в 1821 г., органе сторонников свободной торговли (фритредеров), позже органе либеральной партии. — *169.*

155 Имеется в виду четырехугольник крепостей — Пескьера, Мантуя, Верона и Леньяго, расположенных в Северной Италии. После революции 1848 г. австрийцы, владевшие четырехугольником, перестроили эту группу крепостей сообразно требованиям военного искусства того времени. — *171.*

156 См. примечание 66. — *173.*

157 Речь идет о тактике австрийской армии во время австро-итало-французской войны 1859 г. (подробно об этом см. статьи Ф. Энгельса «Итальянская кампания», «Сражение при Мадженте», «Сражение при Сольферино» и другие, настоящее издание, т. 13, стр. 374—376, 399—405, 419—422). — *173.*

158 См. примечание 59. — *173.*

159 См. «Times» 25 мая 1866 года. — *175.*

160 Сражение при *Кустоце* (Северная Италия) между итальянской армией под командованием Виктора-Эммануила и австрийскими войсками эрцгерцога Альбрехта имело место 24 июня 1866 года. Сражение закончилось победой австрийских войск. — *181.*

161 В сражениях при *Лонато* и *Кастильоне* (Северная Италия) 29 июля и 5 августа 1796 г. во время итальянского похода Бонапарта 1796— 1797 гг. французские войска разгромили австрийскую армию фельдмаршала Вурмзера.

Сражение при *Сольферино* 24 июня 1859 г. было последним крупным сражением австро-итало-французской войны 1859 г., в нем союзные франко-пьемонтские войска нанесли решающее поражение австрийцам. —*182.*

162 Имеется в виду сражение при *Кустоце* 23—25 июля 1848 г., вовремя войны Италии за независимость. В этом сражении австрийская армия под командованием Радецкого нанесла поражение пьемонтским войскам. — *182.*

163 Речь идет об оккупации прусскими войсками Ганновера, Гессен-Касселя и Саксонии в самом начале австро-прусской войны 1866 г. и о бегстве правителей этих немецких государств. — *188.*

[164] *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года; в период революции 1848—1849 гг. и наступившей вслед за тем реакции отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии. — *189.*

[165] Речь идет о решающем сражении австро-прусской войны, имевшем место 3 июля 1866 г. у города Кёниггрец (ныне — Градец-Кралове), неподалеку от деревни Садова. Сражение при Садове закончилось крупным поражением австрийских войск. Во время боя возникла угроза окружения австрийцев. Однако прусский главнокомандующий принц Фридрих-Карл упустил момент и дал возможность австрийской армии отойти за реку Эльбу к Ольмюцу. В истории это сражение известно также как сражение при Кёниггреце. — *192.*

[166] При *Линьи* (Бельгия) 16 июня 1815 г. Наполеон I одержал победу над прусскими войсками маршала Блюхера. Это была его последняя победа, после чего 18 июня 1815 г. последовало поражение при Ватерлоо. Наполеон стремился полностью разгромить прусскую армию, чтобы предотвратить ее соединение с союзной англо-голландской армией под командованием Веллингтона. 17 июня 1815 г. он отдал приказ войскам маршала Груши преследовать прусскую армию. Но нерешительность Груши позволила прусским войскам вовремя соединиться с. англо-голландской армией; тем самым был решен исход битвы при Ватерлоо. — *193.*

[167] *«Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам»* была составлена К. Марксом для делегатов первого конгресса Товарищества, который состоялся в Женеве 3—8 сентября 1866 года. На заседании Генерального Совета 17 июля 1866 г. было принято решение подробно разработать и обсудить повестку дня предстоящего конгресса. 31 июля Маркс сделал на заседании Совета доклад по вопросам повестки дня от имени Постоянного комитета; самый текст инструкции был составлен им несколько позже на английском языке и переведен на французский П. Лафаргом.

На Женевском конгрессе присутствовало 60 делегатов от Генерального Совета, различных секций Товарищества и рабочих обществ Англии, Франции, Германии и Швейцарии. Председателем конгресса был Г. Юнг. «Инструкция», составленная Марксом, была зачитана как официальный доклад Генерального Совета. Прудонисты, располагавшие на конгрессе одной третью голосов, противопоставили «Инструкции» свою развернутую программу по всем пунктам повестки дня, изложенную в особой записке. Из девяти сформулированных Марксом пунктов «Инструкции» шесть было принято в качестве резолюций конгресса: об интернациональном объединении действий, о сокращении рабочего дня, о труде детей и женщин, о кооперативном труде, о профессиональных союзах, о постоянных армиях. По польскому вопросу была принята компромиссная резолюция И. Ф. Беккера. Женевский конгресс утвердил Устав и Регламент Международного Товарищества Рабочих.

Официальная публикация материалов конгресса, порученная Генеральному Совету, была осуществлена в газетах «International Courier» 20 февраля и 13 марта 1867 г., «Courrier international» 9 и 16 марта 1867 г. и в ряде других печатных органов.

«The International Courier» («Международный курьер») — еженедельник, издававшийся в Лондоне с ноября 1864 по июль 1867 г. на английском и французском языках; на французском языке выходил под названием *«Le Courrier international».* В 1867 г. газета являлась органом Интернационала.

В октябре 1868 г. Генеральный Совет принял решение издать важнейшие резолюции Женевского конгресса 1866 г. вместе с резолюциями только что состоявшегося Брюссельского конгресса в виде отдельной брошюры. Составление брошюры было поручено Марксу, включившему в нее, как указано в предисловии к брошюре, те резолюции Женевского конгресса, которые «следует рассматривать как составную часть программы Интернационала», а именно резолюции, соответствующие пунктам 2, 3, 5 и 6 «Инструкции». Брошюра вышла в свет в Лондоне в 1869 г. под названием «The International Working Men's Association. Resolutions of the Congress of Geneva, 1866, and the Congress of Brussels, 1868». — *194.*

[168] Предложенная Марксом общая схема статистического обследования положения рабочего класса была единогласно принята Женевским конгрессом, однако на практике сбор сведений и издание их в виде докладов Генерального Совета с приложением соответствующих материалов был чрезвычайно затруднен ввиду недостатка в распоряжения Совета материальных средств и недостаточного внимания к этому делу местных организаций. На последующих конгрессах Товарищества — в Лозанне (1867 г.), Брюсселе (1868 г.), Базеле (1869 г.) речь шла о необходимости проводить в жизнь решение Женевского конгресса о рабочей статистике, а Лондонская конференция 1871 г. полностью включила пункт «с» второго раздела «Инструкции» в текст Организационного регламента Товарищества. — *196.*

[169] После окончания Гражданской войны в США усилилось движение за установление законодательным путем 8-часового рабочего дня. По всей стране были созданы лиги для борьбы за 8-часовой рабочий день. В это движение включился Национальный рабочий союз, который на своем общем съезде в Балтиморе в августе 1866 г. объявил требование 8-часового рабочего дня необходимым условием для освобождения труда от капиталистического рабства. — *196.*

[170] Речь идет о широком участии английских тред-юнионов в общедемократическом движении за вторую реформу избирательного права в 1865—1867 годах.

Весной 1865 г. в Лондоне по инициативе и при ближайшем участии Генерального Совета Интернационала в качестве политического центра для руководства массовым движением рабочих за вторую реформу была основана Лига реформы. В состав руководящих органов Лиги — совета и исполнительного комитета — входили члены Генерального Совета, преимущественно лидеры английских тред-юнионов. Программа возглавляемого Лигой движения за реформу и тактика по отношению к буржуазным партиям были выработаны под непосредственным влиянием Маркса, который добивался осуществления самостоятельной и независимой от этих партий политики английского рабочего класса. В противоположность требованию буржуазии о распространении избирательного права только на владельцев и съемщиков отдельных жилых домов Лига реформы, по настоянию Маркса, выставила требование всеобщего избирательного права для всего взрослого

мужского населения страны. Этот вновь возрожденный Интернационалом чартистский лозунг нашел широкий отклик в рядах английского рабочего класса и обеспечил Лиге поддержку политически индифферентных до этого времени тред-юнионов. Лига имела сеть филиалов во всех крупных промышленных городах Англии и в провинции. Однако в результате колебаний входивших в руководство Лиги реформы буржуазных радикалов, испугавшихся массового движения, а также соглашательства оппортунистических лидеров тред-юнионов Лига не смогла провести линию, намеченную Генеральным Советом; английской буржуазии удалось расколоть движение, и в 1867 г. была проведена куцая реформа, которая предоставляла избирательные права только мелкой буржуазии и верхушке рабочего класса, оставив его основную массу по-прежнему политически бесправной. — *201.*

[171] Во время Гражданской войны в США американские тред-юнионы оказывали активную поддержку северным штатам в их борьбе с рабовладельцами; весной 1864 г. тред-юнионы выступили против реакционного билля Гастингса-Фолджера о стачках. — *201.*

[172] Конференция делегатов английских тред-юнионов в Шеффилде происходила с 17 по 21 июля 1866 года; на ней присутствовало 138 делегатов от 200000 организованных рабочих. Главным вопросом, которому было посвящено несколько заседаний, был вопрос о борьбе с локаутами. Резолюция конференции, призывавшая тред-юнионы присоединиться к Международному Товариществу Рабочих, была опубликована в книге: «Report of the Conference of Trades' Delegates of the United Kingdom, held in... Sheffield, on July 17th, 1866, and Four following Days...». Sheffield, 1866 («Отчет о конференции делегатов тред-юнионов Соединенного королевства, состоявшейся в... Шеффилде 17 июля 1866 г. и в течение четырех последующих дней...». Шеффилд, 1866). — *201.*

[173] Данная речь была произнесена Марксом 22 января 1867 г. на митинге, состоявшемся в Кембридж-холле, в Лондоне, по случаю четвертой годовщины польского восстания 1863—1864 годов. Митинг был организован Генеральным Советом Интернационала совместно с лондонской секцией Объединения польской эмиграции. В подготовке и проведении этого митинга Маркс принимал активное участие. 12 марта лондонская секция Объединения польской эмиграции выразила благодарность Генеральному Совету за организацию митинга и Марксу, в числе других ораторов, за его выступление.

Подробный отчет о митинге, включавший и текст речи Маркса, был напечатан в польской газете «Glos Wolny» №№ 129 и 130, 31 января и 10 февраля 1867 г., причем редакция отмечала, что «речь, отличавшаяся точными наблюдениями и логическими выводами, приводится дословно».

Текст речи Маркса был напечатан также во французской социалистической газете «Le Socialisme» («Социализм») № 18, 15 марта 1908 г. в переводе с авторской рукописи на английском языке, предоставленной редакции дочерью Маркса Лаурой Лафарг. Эта рукопись Маркса, не дошедшая до нас, носила, по сообщению редакции «Socialisme», черновой характер, не была датирована; некоторые абзацы в ней были перечеркнуты самим Марксом. Сличение французского текста, помещенного в «Socialisnie», с польским текстом, помещенным в «Glos Wolny», показывает, что перечеркнутые Марксом в рукописи абзацы не были им пропущены при произнесении речи,

изменен был лишь их порядок. За исключением некоторых перестановок, текст обеих публикаций совпадает почти дословно. В настоящем издании речь Маркса воспроизводится по тексту прижизненной публикации в газете «Glos Wolny».

«Glos Wolny» («Свободный голос») — польская газета, выходила с января 1863 г. в Лондоне три раза в месяц; орган демократического крыла польской эмиграции; редактором газеты являлся А. Жабицкий. — *204.*

[174] Из выступления Лафайета на заседании французской палаты депутатов 16 января 1831 г., опубликованного в газете «Le Moniteur universel» («Всеобщий вестник») 17 января 1831 года. — *204.*

[175] «Высочайший манифест» Николая I был опубликован в газете «Северная пчела» № 59, 15 марта 1848 года. — *205.*

[176] Имеется в виду циркуляр Нессельроде русским послам в немецких государствах от 6 июля 1848 года. Маркс подробно рассматривает циркуляр в статье «Русская нота» (см. настоящее издание, т. 5, стр. 309—315). — *205.*

[177] Маркс имеет в виду передовую статью в газете «Times» за 7 января 1867 года. — *205.*

[178] Речь идет о «Московских ведомостях», одной из старейших русских газет, выходившей с 1756 по 1917 год; в 50—60 годах XIX в. имела реакционное направление. — *206.*

[179] См. Н. М. Карамзин. «История Государства Российского», т. XI, Спб., 1835, гл. 1, стр. 23. — *206.*

[180] *Конгрессовая Польша* — так называли часть Польши, которая под официальным названием Царство Польское отошла к России по решениям Венского конгресса 1814—1815 годов. — *206.*

[181] Намек на слова В. Гюго в речи на заседании французского Национального собрания 17 июля 1851 г., опубликованной в «Moniteur» 18 июля 1851 года. — *208.*

[182] Данное опровержение было отправлено Марксом Людвигу Кугельману 18 февраля 1867 года. Маркс просил Кугельмана добиться его опубликования в ганноверской либеральной «Zeitung fur Norddeutschland» («Газете для Северной Германии») или в какой-либо другой местной газете. Опубликование опровержения было тем более необходимо, что Маркс действительно через несколько недель собирался в Германию, чтобы отвезти рукопись первого тома «Капитала» О. Мейснеру и договориться с ним об ее издании.

В связи с заявлением Маркса в «Zeitung fur Norddeutschland» 21 февраля 1867 г. была напечатана следующая заметка: «Согласно заявлению, присланному нам г-ном Карлом Марксом из Лондона, сообщение английских газет (см. № 5522 «Zeitung fur Norddeutschland») о том, что он намеревается принять активное участие в подготовке предстоящего восстания в Польше и с этой целью собирается объехать континент, является вымышленным».

Опровержение печатается по копии с рукописи Маркса, переписанной Кугельманом. Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit» («Новое время»), т. 2, № 5, 1901 года. — *209.*

[183] Данный проект резолюции был внесен Марксом на заседании Генерального Совета 13 августа 1867 г. после его выступления по вопросу об отношении Международного Товарищества Рабочих к конгрессу Лиги мира и свободы (см. настоящий том, стр. 556—557).

Лига мира и свободы — буржуазно-пацифистская организация, созданная в 1867 г. при активном участии В. Гюго, Дж. Гарибальди и др. Учредительный конгресс Лиги должен был начать свою работу в Женеве 9 сентября 1867 г., после окончания работы Лозаннского конгресса Интернационала, к делегатам которого, и прежде всего делегатам от Генерального Совета, относился данный проект резолюции, единогласно принятый Генеральным Советом. В протокольной книге Генерального Совета он сохранился в виде вклейки из «Bee-Hive Newspaper» № 305, 17 августа 1867 года. — *210.*

[184] Настоящая рецензия является первой в серии статей, написанных Ф. Энгельсом с целью сломить заговор молчания официальной буржуазной науки вокруг первого тома «Капитала» К. Маркса. По словам самого Энгельса в письме к Марксу 5 ноября 1867 **г.,** это была «самая безобидная» статья, которую он написал так, чтобы ее могла поместить любая либерально-буржуазная газета Германии. При посредстве Л. Кугельмана рецензия была напечатана без подписи в газете «Zukunft» № 254, 30 октября 1867 года. Как указывал Энгельс в том же письме, редакция газеты опубликовала рецензию «в сокращенном и искаженном виде».

«Die Zukunft» («Будущее») — немецкая буржуазно-демократическая газета, орган Народной партии, издавалась с 1867 г. в Кёнигсберге, а с 1868 по 1871 г. в Берлине. В этой газете было опубликовано также предисловие к первому тому «Капитала». —*211.*

[185] Речь идет о французском вульгарном буржуазном экономисте Ф. Л. Ферье и его работе «Du gouvernement considére dans ses rapports avec le commerce». Paris, 1805 («О правительстве с точки зрения его взаимоотношений с торговлей». Париж, 1805). — *211.*

[186] Имеется в виду работа К. Маркса «К критике политической экономии», большая часть которой посвящена исследованию проблем денег и денежного обращения (см. настоящее издание, т. 13, стр. 1—167). — *212.*

[187] Настоящая рецензия была написана Ф. Энгельсом для «Rheinische Zeitung», но не была напечатана газетой, одним из редакторов которой был Генрих Бюргерс, бывший член Союза коммунистов, ставший к этому времени либералом. Текст рецензии сохранился в виде рукописи и впервые был опубликован в 1927 г. на языке оригинала в «Marx-Engels-Archiv», Bd. 2 и в том же году на русском языке в журнале «Летописи марксизма» № IV.

«Rheinische Zeitung» («Рейнская газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, под этим названием выходила с 1863 по 1866 г. в Дюссельдорфе, а с 1867 по 1874 г. в Кёльне. — *214.*

[188] Имеется в виду работа К. Маркса «К критике политической экономии». — *215.*

[189] Имеется в виду закон о расширении сферы действия фабричных актов на новые отрасли промышленности, принятый 15 августа 1867 года. — *216.*

[190] Настоящая рецензия Ф. Энгельса была опубликована при посредстве К. Зибеля без подписи в «Elberfelder Zeitung» № 302, 2 ноября 1867 года.

«Elberfelder Zeitung» («Эльберфельдская газета») — немецкая ежедневная газета, выходила в Эльберфельде с 1834 по 1904 год. В 60-х годах XIX в. являлась органом либеральной буржуазии. — *219.*

[191] Имеется в виду серия статей друга и соратника Маркса и Энгельса Вильгельма Вольфа, опубликованная в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 252, 255, 256, 258, 264, 270—272 и 281 с 22 марта по 25 апреля 1849 г. под заглавием «Силезский миллиард». В 1886 г. эти статьи с некоторыми изменениями были выпущены отдельной книгой с предисловием Энгельса. См. W. Wolff. «Die schlesische Milliarde». Abdruck aus der «Neuen Rheinischen Zeitung». Marz—April 1849. Mit Einleitung von Friedrich Engels. Hottingen-Zurich, 1886. — *219.*

[192] Речь идет о работе К. Маркса «К критике политической экономии». — *220.*

[193] Настоящая рецензия Ф. Энгельса была опубликована без подписи в «Dusseldorfer Zeitung» № 316, 16 ноября 1867 г. при посредстве К. Зибеля.

«Dusseldorfer Zeitung» («Дюссельдорфская газета») — немецкая ежедневная газета, под этим названием выходила в Дюссельдорфе с 1826 по 1926 год. В 40—60-х годах XIX в. придерживалась буржуазно-либерального направления. — *221.*

[194] К. Маркс. «Капитал», т. I (см. настоящее издание, т. 23, стр. 773). Здесь и ниже в настоящем томе «Капитал» цитируется по первому немецкому изданию. Четвертое немецкое издание, по которому подготовлено русское издание, отличается от первого немецкого издания. — *222.*

[195] Обращение Генерального Совета к английскому министру внутренних дел Гейторну-Харди было важным моментом в организованной Марксом осенью 1867 г. широкой кампании за поддержку английскими рабочими ирландского национально-освободительного движения.

С конца 50-х годов среди ирландских эмигрантов в Америке, а затем и в самой Ирландии, возникла тайная организация фениев — Ирландское революционное (или республиканское) братство. Отражая объективно интересы ирландского крестьянства, фении по своему социальному составу принадлежали преимущественно к городской мелкой буржуазии и разночинной интеллигенции. В силу своей заговорщической тактики и ошибок сектантского и буржуазно-националистического характера, фении были оторваны от широких слоев ирландского народа и не связывали свою деятельность с протекавшим в Англии общедемократическим движением, в частности с борьбой английских рабочих за избирательную реформу. Маркс и Энгельс, неоднократно подчеркивавшие слабые стороны фенианского движения, тем не менее высоко ценили его революционный характер и стремились направить его на путь массовых выступлений и совместных действий с английским рабочим классом. В феврале — марте 1867 г. длительно подготавливавшееся фениями вооруженное восстание потерпело поражение, разрозненные выступления в отдельных графствах были подавлены, многие руководители были арестованы и преданы суду. 18 сен-

тября в Манчестере для освобождения двух арестованных руководителей фениев, Келли и Дизи, было организовано вооруженное нападение на тюремную карету. Побег Келли и Дизи удался, но во время стычки был убит один полицейский. Пять человек, захваченных на месте происшествия и обвиненных в убийстве, были приговорены к смертной казни. Один из них (Мегвайр) был затем помилован, другому (Кондону) смертная казнь была заменена пожизненным заключением, остальные (Ларкин, Аллин и О'Брайен) были казнены 23 ноября 1867 года. Смертный приговор вызвал широкую волну протеста в Ирландии и Англии. В движение включились члены Генерального Совета, в том числе секретарь — корреспондент для Франции Дюпон, поместивший 14 октября 1867 г. статью о фенианском движении в парижской газете «Courrier francais». Однако выступления в защиту фениев не получили поддержки среди английских членов Генерального Совета, зараженных буржуазно-шовинистическими взглядами. Об этом свидетельствовала позиция, занятая Оджером и Лекрафтом при обсуждении резолюции, осуждавшей фениев как мятежников, в совете Лиги реформы 23, 30 октября и 1 ноября. Добиваясь выработки единой тактики пролетариата в национальном вопросе и пропаганды идей пролетарского интернационализма среди английских рабочих, Маркс настоял на том, чтобы в Генеральном Совете была проведена публичная дискуссия по ирландскому вопросу с приглашением представителей ирландской и английской печати. Дискуссия состоялась 19 и 26 ноября 1867 г. (см. настоящий том, стр. 459—464).

Текст обращения «Заключенные в Манчестере фении и Международное Товарищество Рабочих», составленный Марксом на английском языке, был утвержден Генеральным Советом на чрезвычайном заседании 20 ноября 1867 года. Сохранилась сделанная женой Маркса Женни Маркс рукописная копия обращения, текст которой полностью совпадает с текстом, занесенным в протокольную книгу Генерального Совета. На английском языке обращение опубликовано не было из-за противодействия лидеров тред-юнионов. На французском языке опубликовано в газете «Courrier francais» 24 ноября 1867 года.

«Le Courrier francais» («Французский курьер») — еженедельная, а с 18 июня 1867 г. ежедневная политическая газета; выходила в Париже в 1861—1868 годах; с 20 мая 1866 г. редактором был прудонист О. Верморель. Фактически в этот период газета являлась органом Интернационала во Франции; в ней печатались документы Интернационала, корреспонденции Дюпона из Англии, а также было напечатано предисловие к первому тому «Капитала» К. Маркса в переводе П. и Л. Лафаргов. — *224.*

196 Намек на проведение президентом Линкольном в 1863 г. и президентом Джонсоном в 1865 г. широкой амнистии участникам Гражданской войны в США на стороне южных штатов. — *224.*

197 Статья *«Плагиаторы»* была написана К. Марксом по поводу выступления лассальянца Хофштеттена на генеральном собрании Всеобщего германского рабочего союза 24 ноября 1867 г., подробный отчет о котором был помещен в газете «Social-Demokrat» № 139, Erste Beilage, 29 ноября 1867 года. В своей речи Хофштеттен почти дословно заимствовал отдельные места из «Капитала» Маркса, искажая их смысл и не называя при этом ни самой работы, ни имени ее автора.

Статья «Плагиаторы» была опубликована в газете «Zukunft» № 291, Beilage, 12 декабря 1867 г. без подписи. — *226.*

[198] Здесь и ниже в этой статье, а также в рецензиях на «Капитал» в круглых скобках указаны страницы первого немецкого издания I тома «Капитала» (1867 года); в квадратных, редакционных, скобках указаны страницы «Капитала» по 23 тому настоящего издания. — *227.*

[199] При написании настоящей рецензии Энгельс использовал ряд мест из письма к нему К. Маркса от 7 декабря 1867 года. Рецензия была опубликована при посредстве Л. Кугельмана в штутгартской газете «Beobachter» № 303, 27 декабря 1867 г. без подписи. — *231.*

[200] Настоящая рецензия была опубликована без подписи при посредстве Л. Кугельмана в газете «Gewerbeblatt aus Wurttemberg» № 306, 27 декабря 1867 года.

«Gewerbeblatt aus Wurttemberg» («Вюртембергский промышленный листок») — немецкий еженедельник, орган торгово-промышленных кругов Средней Германии, издавался в Штутгарте с 1849 года. — *234.*

[201] Новые договоры Таможенного союза, заключенные 16 мая 1885 г. и 8 июля 1867 г., имели целью поощрение свободы торговли. — *235.*

[202] Настоящая рецензия Ф. Энгельса была опубликована при посредстве К. Зибеля в «Neue Badische Landeszeitung» №20, 21 января 1868 г. без подписи.

«Neue Badische Landeszeitung» («Новая баденская газета») — немецкая ежедневная газета буржуазно-демократического направления, под данным названием издавалась в Мангейме с 1867 по 1933 год. — *237.*

[203] Настоящая рецензия Ф. Энгельса была напечатана без подписи в газете «Demokratisches Wochenblatt» №№ 12 и 13, 21 и 28 марта 1868 года. В 1871 г. она была перепечатана в газете «Volksstaat» №№ 28 и 29, 5 и 8 апреля.

«Demokratisches Wochenblatt» («Демократический еженедельник») — немецкая рабочая газета; под этим названием издавалась с января 1868 по сентябрь 1869 г. в Лейпциге под редакцией В. Либкнехта. С декабря 1868 г. газета стала органом Союза немецких рабочих обществ, руководимого А. Бебелем. Первоначально газета находилась под известным влиянием мелкобуржуазных идей Народной партии, но вскоре благодаря усилиям Маркса и Энгельса газета начала вести борьбу с лассальянством, пропагандировать идеи Интернационала, печатая его важнейшие документы, и сыграла значительную роль в создании немецкой Социал-демократической рабочей партии. На Эйзенахском съезде в 1869 г. газета была объявлена центральным органом Социал-демократической рабочей партии и переименована в «Volksstaat» (см. примечание 286). — *240.*

[204] *«Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса»,* составленный Ф. Энгельсом в течение 1868 г., дошел до нас в виде рукописи, охватывающей лишь первые две трети книги, включая раздел «Машины и крупная промышленность». Впервые «Конспект» был опубликован на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», книга IV, 1929, а на языке оригинала в 1933 г. отдельным изданием, подготовленным Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *249.*

[205] После выхода в свет первого издания I тома «Капитала» Маркс значительно переработал и дополнил отдельные разделы книги, внеся

изменения и в ее структуру. В результате вместо шести глав и приложения к главе первой во втором и последующих немецких изданиях имеется семь отделов, объединяющих 25 глав (см. настоящее издание, т. 23).

В данной работе в круглых скобках Энгельс указывает страницы первого немецкого издания I тома «Капитала» (1867 год). — *251.*

206 Речь идет о будущем III томе «Капитала», который в основном был написан уже в 1864—1865 годах. — *274.*

207 *Reglement organique* (Органический регламент) — первая конституция Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), введенная в 1831 г. П. Д. Киселевым, главой русской администрации в этих княжествах, которые были оккупированы русскими войсками по условиям Адрианопольского мирного договора 1829г., завершившего русско-турецкую войну 1828—1829 годов. Согласно Органическому регламенту, законодательная власть в каждом княжестве предоставлялась собранию, избираемому крупными землевладельцами, а исполнительная власть — господарям, пожизненно избираемым представителями землевладельцев, духовенства и городов. Регламент закрепил господствующее положение крупного боярства и высшего духовенства, сохранив прежние феодальные порядки, в том числе и барщину. Крестьяне ответили на такую «конституцию» рядом восстаний. В то же время Органический регламент предусматривал буржуазные преобразования: упразднение внутренних таможенных барьеров, свободу торговли, отделение суда от администрации и др. — *275.*

208 Этот вопрос рассмотрен Марксом в главе пятой III тома «Капитала», озаглавленной «Экономия в применении постоянного капитала». — *282.*

209 Имеются в виду цитаты из работ Адама Фергюсона, Джона Такетта, Адама Смита (см. настоящее издание, т. 23, стр. 374—375). — *288.*

210 *Луддиты* — участники движения рабочих в Англии второй половины XVIII — начала XIX в., носившего в силу отсталости и неразвитости классового сознания пролетариата характер бунта против машин (название произошло от имени легендарного рабочего-вязальщика Лудда, который якобы первым разрушил станок в ответ на произвол хозяина). Движение луддитов явилось стихийным выражением протеста трудящихся масс против капиталистической эксплуатации. — *295.*

211 Настоящая рецензия была написана Ф. Энгельсом в мае — июне 1868 г. и предназначалась для журнала «Fortnightly Review», но была отклонена редакцией. Она сохранилась в виде рукописи и впервые была опубликована на русском языке в журнале «Летописи марксизма» № 1, 1926 год.

Как видно из переписки между Марксом и Энгельсом, они неоднократно обменивались мнениями о содержании и форме статьи, Маркс давал советы и даже варианты отдельных мест, целиком включенные Энгельсом в текст. Статья должна была быть напечатана за подписью С. Мура, английского друга Энгельса.

«The Fortnightly Review» («Двухнедельное обозрение») — английский ежемесячный журнал по вопросам истории, философии, литературы; основан в 1865 г. группой буржуазных радикалов; впоследствии имел буржуазно-либеральное направление; под данным названием выходил в Лондоне до 1934 года. — *299.*

[212] Th. Tooke. «An Inquiry into the Currency Principle». Second edition, London, 1844, pp. 69 — 70 (Т. Тук. «Исследование принципов денежного обращения». Издание второе, Лондон, 1844, стр. 69— 70).— *299.*

[213] Здесь подразумеваются сторонники так называемой «денежной школы» или «принципа денежного обращения». Представители этой школы (Оверстон, Торренс, Арбатнот и др.) утверждали, что стоимость и цена товаров определяются количеством денег в сфере обращения. Кроме того, они требовали обязательного золотого покрытия банкнот и регулирования их эмиссии в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов. Исходя из своих ложных теоретических посылок, «денежная школа» усматривала решающую причину экономических кризисов перепроизводства в нарушении прокламируемых ею законов денежного обращения, соблюдение которых будто бы могло избавить капиталистическое хозяйство от подобных потрясений. Теория «денежной школы» была популярной в Англии в первой половине XIX века. Однако попытки правительства Англии опереться на эту теорию не имели никакого успеха и только подтвердили всю ее научную несостоятельность и полную непригодность для практических целей. — *299.*

[214] Речь идет о работе: Turgot. «Reflexions sur la formation et la distribution des richesses». In: Oeuvres. Tome premier, Paris, 1844, p. 43 (Тюрго. «Размышления о создании и распределении богатств». Сочинения. Том первый, Париж, 1844, стр. 43). Первое издание работы вышло в свет в 1766 году. — *299.*

[215] Упоминаемая здесь первая глава была превращена Марксом во втором издании книги в первый отдел, состоящий из трех глав. — *300.*

[216] На Лозаннском конгрессе Интернационала в 1867 г. местом очередного общего конгресса в 1868 г. был намечен Брюссель; 24 февраля 1868 г. Генеральный Совет обратился ко всем секциям с призывом приступить к подготовке программы конгресса. Однако 16 мая 1868 г. бельгийский министр юстиции Жюль Бара заявил в палате депутатов, что не допустит созыва конгресса в Брюсселе, и призвал депутатов продлить действие закона 1835 г. об иностранцах, согласно которому любой иностранец мог быть выслан из страны по обвинению в политической неблагонадежности. В связи с этим на заседании Генерального Совета 25 мая Маркс поставил вопрос об отказе от созыва конгресса в Брюсселе. Составленный Марксом текст резолюции был оглашен на заседании Совета 2 июня.

Выступление Бара и последовавшее продление закона об иностранцах вызвало большое недовольство в Бельгии. Брюссельская секция Интернационала обратилась к министру с протестом, который был опубликован в газете «Tribune du Peuple» № 5, 24 мая 1868 года.

После получения письма от руководителей брюссельской секции Де Папа и Ванденхутена, предлагавших не идти на уступки правительству, так как это ставило под угрозу дальнейшее существование Интернационала в Бельгии, на заседании Генерального Совета 16 июня резолюция от 2 июня была отменена и местом созыва очередного конгресса остался Брюссель.

Текст резолюции содержится в протоколе Генерального Совета от 2 июня 1868 г., а также опубликован в газете «Bee-Hive Newspaper» № 347, 6 июня 1868 года. — *323.*

[217] 29 июня 1868 г. на состоявшемся в Кливленд-холле, в Лондоне, собрании в связи с годовщиной июньского восстания парижского пролетариата в 1848 г., французский мелкобуржуазный демократ Ф. Пиа произнес речь, в которой прямо призывал к террористическим актам против Наполеона III. В брюссельской газете «Cigale» в отчете о собрании Ф. Пиа был представлен как один из руководителей Интернационала. Утверждение это было повторено и другими газетами. Считая, что это может дискредитировать Интернационал в глазах рабочих и дать бонапартистскому правительству желанный повод для преследования членов Интернационала во Франции и Бельгии, Генеральный Совет на своем заседании 7 июля 1868 г. по предложению Маркса принял решение дезавуировать выступление Пиа, опубликовав данную резолюцию.

После появления резолюции в печати, во Французской секции в Лондоне, членом которой являлся Ф. Пиа, произошел раскол. Представители пролетарских элементов (Э. Дюпон, Г. Юнг, П. Лафарг и др.) покинули ее ряды, выразив неодобрение авантюристской и провокационной тактике Пиа. Группа Пиа, утратив связь с Интернационалом, продолжала выступать от его имени и неоднократно оказывала поддержку антипролетарским группировкам, боровшимся против линии Маркса в Генеральном Совете. 10 мая 1870 г. Генеральный Совет официально отмежевался от этой группы (см. настоящий том, стр. 447).

Текст настоящей резолюции сохранился в протоколе Генерального Совета от 7 июля 1868 года; впервые он был напечатан в газете «Liberte» № 55, 12 июля 1868 г., а затем перепечатан также в «Cigale» № 29, 19 июля 1868 г., «Tribune du Peuple» № 7, 26 июля 1868 г. и других газетах.

«La Liberte» («Свобода») — бельгийская демократическая газета, выходившая в Брюсселе с 1865 по 1873 год; с 1867 г. — один из органов Международного Товарищества Рабочих в Бельгии.

«La Cigale» («Сверчок») — еженедельная газета, издававшаяся в Брюсселе с декабря 1867 по июль 1869 г. французскими левыми республиканцами; была тесно связана с группой Ф. Пиа в Лондоне. — *324.*

[218] Статья *«Мой плагиат у Ф. Бастиа»* была написана К. Марксом в связи с клеветническими утверждениями буржуазных экономистов, будто Маркс заимствовал определение величины стоимости общественно необходимым рабочим временем у французского вульгарного экономиста Бастиа. Эти обвинения содержались в немногочисленных рецензиях на «Капитал», в том числе в анонимной рецензии, опубликованной в выходившем при участии Л. Фаухера журнале «Vierteljahrschrift fur Volkswirtschaft und Kulturgeschichte» («Трехмесячник по вопросам народного хозяйства и истории культуры»), Jrg. 5, Bd. 20, 1868 г. и в другой рецензии также анонимного автора в «Literarisches Centralblatt fur Deutschland» («Центральном литературном листке для Германии») № 28, 4 июля 1868 года.

Статья при жизни Маркса не была напечатана. — *325.*

[219] См. настоящее издание, т. 4, стр. 102 и следующие. — *325.*

[220] Речь идет о работе Ф. Бастиа «Harmonies economiques» («Экономические гармонии»), вышедшей в свет в 1850 году. — *326.*

[221] Приведены слова из памфлета Лютера «An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen». Wittenberg, 1540, S. 9 («Призыв к священникам

выступать с проповедями против ростовщичества». Виттенберг, 1540, стр. 9). — *326.*

[222] *Демагогами* называли в Германии в 20-х годах XIX века участников оппозиционного движения среди немецкой интеллигенции. Слово вошло в обиход после Карлсбадской конференции министров немецких государств в августе 1819 г., принявшей специальные постановления для борьбы против происков «демагогов». — *326.*

[223] Имеется в виду книга Шмальца «Staatswirthschaftslehre in Briefen an einen deutschen Erbprinzen». Th. I, Berlin, 1818 («Политическая экономия в письмах к одному немецкому наследному принцу». Ч. I, Берлин, 1818) и ее французский перевод — «Economie politique, ouvrage traduit de l'Allemand». T. I, Paris, 1826. — *326.*

[224] В 1867—1868 гг. царское правительство провело в Польше ряд административных мер с целью уничтожения польских учреждений и проведения насильственной русификации.

Текст данного заявления, предложенный Марксом и утвержденный Генеральным Советом 14 июля 1868 г., сохранился в протокольной книге Генерального Совета и опубликован в газете «Bee-Hive» № 352, 18 июля 1868 года. — *327.*

[225] Вопрос о последствиях применения машин при капитализме был выдвинут Генеральным Советом 28 января 1868 г. для включения в повестку дня Брюссельского конгресса. Этот пункт повестки дня подвергался предварительному обсуждению в связи с подготовкой к конгрессу на двух заседаниях Совета, 28 июля и 4 августа. Обсуждение открыл Маркс, который в своем выступлении изложил основные мысли, развитые им в главе XIII первого тома «Капитала» «Машины и крупная промышленность». (Запись выступления К. Маркса см. настоящий том, стр. 582—584.)

Подводя итог прениям на заседании 4 августа, Маркс предложил сформулировать заключение Генерального Совета в виде резолюции, текст которой был им составлен и утвержден на следующем заседании Совета, 11 августа.

На Брюссельском конгрессе данная резолюция была предложена Г. Эккариусом на заседании 9 сентября 1868 г. и вошла в мотивировочную часть принятой конгрессом резолюции. В обоснование позиции Маркса в данном вопросе на том же заседании выступил Ф. Лесснер, огласивший ряд выдержек из «Капитала». — *328.*

[226] Письмо *«Президенту и правлению Всеобщего германского рабочего союза»* было написано Марксом 18 августа 1868 г. в ответ на официальное приглашение Швейцера, подписанное также рабочими — членами правления лассальянского Союза, присутствовать в качестве почетного гостя на генеральном собрании Союза.

Генеральное собрание, состоявшееся 22—26 августа 1868 г. в Гамбурге, показало, что передовая часть Всеобщего германского рабочего союза под влиянием опыта рабочего движения начинала отходить от лассальянских догм. Собрание одобрило в принципе стачечное движение, но высказалось против практической организации стачек. Руководители лассальянцев, боясь потерять свое влияние среди рабочих, стремившихся к созданию профсоюзов, вынуждены были маневрировать. Швейцер и вице президент Союза Фрицше, пытаясь

опередить Бебеля и Либкнехта, которые развернули успешную деятельность по созданию профессиональных союзов, выдвинули предложение о созыве общегерманского съезда рабочих профсоюзов в Берлине. Правоверные лассальянцы отклонили это предложение, предоставив Швейцеру и Фрицше созвать такой съезд в качестве депутатов рейхстага. Собрание в принципе признало необходимость совместных действий рабочих различных стран, но на деле руководство Союза продолжало препятствовать присоединению его к Интернационалу.

Письмо Маркса президенту и правлению Союза, зачитанное 24 августа 1868 г. на закрытом заседании собрания, было встречено аплодисментами. Кроме газеты «Social-Demokrat» оно было опубликовано в газете «Demokratisches Wochenblatt» № 35, 29 августа 1868 года. Позднее, в связи с трехлетней годовщиной со дня смерти Маркса, его письмо было перепечатано в газете «Sozialdemokrat» № 11, 11 марта 1886 года. — *329.*

[227] Имеется в виду Постоянный комитет Генерального Совета Интернационала (см. примечание 17). — *329.*

[228] Текст данной резолюции, утвержденный на заседании Генерального Совета 25 августа 1868 г. в связи с подготовкой к Брюссельскому конгрессу, сохранился в протоколе этого заседания; он был также напечатан в газете «Bee-Hive» № 359, 29 августа 1868 г. (запись речи Маркса в обоснование данной резолюции см. настоящий том, стр. 585).

На Брюссельском конгрессе резолюция была предложена Эккариусом, поддержана комиссией конгресса и оглашена на заседании 12 сентября 1868 г., в протоколе которого она воспроизведена. —*330.*

[229] Четвертый годовой отчет Генерального Совета (первый был представлен Лондонской конференции Интернационала в сентябре 1865 г.) написан Марксом для третьего общего конгресса Интернационала, состоявшегося в Брюсселе 6—13 сентября 1868 года.

В подготовке Брюссельского конгресса Маркс принимал непосредственное участие, но сам на нем не присутствовал. Конгресс, в котором участвовало до 100 делегатов, представлявших рабочих Англии, Франции, Германии, Бельгии, Швейцарии, Италии и Испании, принял важнейшее решение о необходимости передачи в общественную собственность железных дорог, недр, шахт и рудников, лесов, а также пахотной земли. Это решение, свидетельствовавшее о переходе на позиции коллективизма большинства французских и бельгийских прудонистов, ознаменовало победу в Интернационале пролетарского социализма над мелкобуржуазным реформизмом. Конгресс принял также предложенные Марксом резолюции о 8-часовом рабочем дне, о применении машин, об отношении к конгрессу буржуазно-пацифистской Лиги мира и свободы (см. настоящий том, стр. 210, 556—557), а также внесенную Ф. Лесснером от имени немецкой делегации резолюцию, рекомендующую рабочим всех стран изучать «Капитал» К. Маркса и содействовать его переводу с немецкого на другие языки.

Составленный Марксом отчет Генерального Совета был зачитан на заседании конгресса 7 сентября 1868 года. Впервые он был опубликован в корреспонденции Эккариуса в газете «Times» 9 сентября 1868 года. Этот текст был положен в основу публикации в 1-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В настоящем издании отчет печатается по хранящейся в Архиве Института марксизма-

ленинизма копии на немецком языке, сделанной женой Маркса Женни Маркс; этот текст несколько полнее дошедшего до нас английского текста. Основные разночтения с английским текстом даются под строкой. На немецком языке доклад был опубликован в журнале «Vorbote» № 9, сентябрь 1868 г. и в газетах: «Social-Demokrat» № 106, 11 сентября 1868 г., «Demokratisches Wochenblatt» № 37, 12 сентября 1868 г., Beilage, и «Hermann» № 506, 12 сентября 1868 года. На французском языке в специальном приложении к газете «Le Peuple Belge» («Бельгийский народ»): «Troisiѐme congrѐs de l'Association Internationale des Travailleurs. Compte-rendu officiel». Bruxelles, 1868 и в газете «Libertе̱» № 64, 13 сентября 1868 года. — *331.*

[230] В *Амьене* в июле 1867 г. происходила стачка красильщиков, которая была поддержана рабочими других профессий.

В марте 1867 г. началась стачка ткачей и прядильщиков в *Рубе,* вызванная увольнением большого числа рабочих в связи с введением машин.

В феврале 1867 г. в *Париже* началась стачка рабочих-бронзовщиков, отказавшихся выйти из общества взаимопомощи по требованию предпринимателей. Благодаря содействию Генерального Совета, парижские рабочие смогли получить от английских тред-юнионов денежную помощь. Стачка закончилась победой рабочих, которым удалось отстоять свою организацию.

В *Женеве* в марте — апреле 1868 г. бастовали 3 тысячи строительных рабочих. Рабочие требовали сокращения рабочего дня до 10 часов, повышения заработной платы, замены поденной оплаты почасовой; кроме строительных рабочих в стачке приняли также участие рабочие других отраслей промышленности. Благодаря поддержке, полученной от рабочих Швейцарии, Англии, Франции и Германии, женевские рабочие выиграли стачку. — *332.*

[231] Речь идет о документе, представленном парижской секцией Женевскому конгрессу Интернационала: «Congrѐs de Genѐve. Mе̱moire des dе̱lе̱guе̱s francais». Bruxelles, 1866 («Женевский конгресс. Доклад французских делегатов». Брюссель, 1866). — *332.*

[232] В декабре 1867 г. на квартирах членов Правления парижской секции Интернационала были произведены обыски, после которых началось следствие, а затем первый процесс против Интернационала во Франции, который слушался в марте 1868 года. Среди переписки, захваченной французской полицией при обысках, находилось письмо секретаря-корреспондента для Франции Э. Дюпона от 23 ноября 1867 г., адресованное А. Мюра, в котором французским членам Товарищества сообщалось о кампании в защиту заключенных фениев. Это письмо французские власти пытались использовать для обвинения Интернационала в организации заговора фениев. — *332.*

[233] По статье 291 Уголовного кодекса и закону от 10 апреля 1834 г. во Франции при создании организации, насчитывавшей в своем составе более 20 членов, необходимо было получить разрешение соответствующих властей. — *333.*

[234] Описанные выше события в бассейне Шарлеруа произошли весной 1868 года. В ответ на сокращение шахтовладельцами производства на 4 дня в неделю и уменьшение заработной платы на 10%

рабочие объявили стачку и прекратили работу, за что подверглись вооруженному избиению.

Бельгийская секция развернула широкую кампанию в поддержку бастующих как в самой Бельгии, так и за ее пределами. Она организовывала митинги протеста. На страницах газет «Tribune du Peuple», «Liberté» и др. широко освещались события в Шарлеруа, 12 апреля 1868 г. был издан манифест секции к бельгийским рабочим и рабочим всех стран, поддерживалась регулярная связь с Генеральным Советом, который в свою очередь издал обращение, объявив дело горнорабочих Шарлеруа делом всего Интернационала, и организовал помощь бастующим. В результате этих событий значительно возросло число членов Интернационала в Бельгии. — *333.*

[235] При *Ментане* 3 ноября 1867 г. французские войска, действуя совместно с папской наемной гвардией, нанесли поражение войскам Гарибальди, предпринявшим новый поход на Рим с целью его освобождения от французской оккупации и включения в состав итальянского государства. — *334.*

[236] Речь идет о прусском реакционном законе о союзах от 11 марта 1850 года. — *334.*

[237] Центральный комитет немецких секций в Швейцарии во главе с И. Ф. Беккером с ноября 1865 г. служил организационным центром для секций, объединявших немецких рабочих не только в Швейцарии, но и в Германии, Австрии и в тех странах, где имелись немецкие рабочие-эмигранты. Деятельность И. Ф. Беккера, в частности издававшийся им ежемесячник «Vorbote», значительно содействовали распространению идей Интернационала среди немецких рабочих в период, когда еще отсутствовали условия для создания организации в самой Германии, — *334.*

[238] Имеется в виду очередное генеральное собрание Всеобщего германского рабочего союза, состоявшееся 22—26 августа 1868 г. в Гамбурга (см. примечание 226). Принятая собранием резолюция была напечатана в «Social-Demokrat» № 102, 2 сентября 1868 года. — *334.*

[239] На Нюрнбергский съезд руководимого Бебелем Союза немецких рабочих обществ, который состоялся 5—7 сентября 1868 г., Генеральный Совет прислал своего официального представителя — Г. Эккариуса. Большинством голосов (69 против 46) съезд принял решение о присоединении к Международному Товариществу и избрал комитет из 16 доверенных лиц для практического осуществления этого решения; эти лица были утверждены Генеральным Советом 22 сентября 1868 г, в качестве Исполнительного комитета Международного Товарищества Рабочих в Германии. Нюрнбергский съезд вынес также решение об организации профессиональных союзов. — *334.*

[240] Делегатом Генерального Совета на съезд рабочих всех национальностей Австро-Венгрии, который должен был состояться в Вене в сентябре 1868 г., был назначен П. Фокс. — *335.*

[241] Невшательский (Нёйенбургский) съезд просветительных обществ немецких рабочих и Швейцарии состоялся 9—10 августа 1868 года. — *335.*

[242] *Национальный рабочий союз* был создан в США в августе 1866 г. на съезде в Балтиморе; активное участие в создании Союза принял видный деятель американского рабочего движения У. Силвис. Союз вскоре установил связь с Международным Товариществом Рабочих. На Чикагском съезде Национального рабочего союза в августе 1867 г. делегатом на очередной конгресс Международного Товарищества Рабочих был избран Тревеллик, но он на конгрессе не присутствовал. В 1869 г. делегат Союза Камерон присутствовал на последних заседаниях Базельского конгресса Интернационала, а в августе 1870 г. на своем съезде в Цинциннати Союз принял следующую резолюцию: «Национальный рабочий союз заявляет свою приверженность принципам Международного Товарищества Рабочих и надеется присоединиться к упомянутому Товариществу в ближайшее время». Однако это решение не было проведено в жизнь. Руководство Национального рабочего союза вскоре увлеклось утопическими проектами денежной реформы, целью которой было уничтожение банковой системы и обеспечение государством дешевого кредита. В 1870—1871 гг. от Союза отошли тред-юнионы, и в 1872 г. он фактически прекратил свое существование. — *335.*

[243] *Шиллеровское общество,* созданное в Манчестере в ноябре 1859 г. в связи с празднованием 100-летия со дня рождения великого немецкого поэта Ф. Шиллера, стремилось стать центром культурной и общественной жизни манчестерской немецкой колонии. На первых порах Энгельс, который относился критически к деятельности общества, носившей печать прусского бюрократизма, держался от него в стороне. После того, как в устав были внесены некоторые изменения, Энгельс в 1864 г. занял пост члена правления, а затем и председателя Шиллеровского общества, отдавая ему много времени и оказывая значительное влияние на его деятельность. В сентябре 1868 г., во время отъезда Энгельса из Манчестера, правление пригласило К. Фогта для чтения в обществе лекции, что побудило Энгельса написать данное письмо. Секретарь правления Дэвиссон обратился к Энгельсу 2 октября 1868 г. от имени правления с просьбой пересмотреть свое решение об отказе от поста председателя и члена правления общества, но Энгельс не согласился на это. В апреле 1870 г. Энгельс был снова избран членом правления Шиллеровского общества, но уже не принимал активного участия в его деятельности. — *337.*

[244] См. настоящее издание, т. 14, стр. 395—691. — *337.*

[245] Речь идет о затруднениях, возникших в связи с постройкой нового здания для Шиллеровского общества. — *238.*

[246] Статью «*К роспуску лассальянского рабочего Союза»,* опубликованную без подписи в «Demokratisches Wochenblatt» № 40, 3 октября 1868 г., Энгельс написал в конце сентября 1868 г., узнав о запрещении 16 сентября 1868 г. лейпцигской полицией Всеобщего германского рабочего союза, центр которого находился в Лейпциге, и о закрытии местного отделения Союза в Берлине. Однако уже через три недели после запрещения, 10 октября 1868 г., группа лассальянцев во главе со Швейцером восстановила Союз под тем же названием, перенеся его местонахождение в Берлин. В опубликованном в «Social-Demokrat» № 119, 11 октября 1868 г. новом уставе выражалась готовность строго соблюдать прусские законы и действовать только мирным,

законным путем. Приспособляясь к требованиям прусского законодательства, руководство Союза ликвидировало местные отделения.—*339.*

[247] Имеется в виду генеральное собрание Всеобщего германского рабочего союза в Гамбурге (см. примечание 226). — *342.*

[248] Добавление к статье «*К роспуску лассальянского рабочего Союза»,* опубликованное без подписи в «Demokratisches Wochenblatt» № 41, 10 октября 1868 г., было написано Энгельсом в начале октября 1868 г. по совету Маркса, который в письме от 25 сентября 1868 г. обратил его внимание на брошюру Б. Беккера «Enthullungen uber das tragische Lebensende Ferdinand Lassalle's». Schleiz, 1868 («Разоблачения о трагической кончине Фердинанда Лассаля». Шлейц, 1868). — *343.*

[249] Речь идет о небольшой группе лассальянцев, под влиянием С. Гацфельдт отколовшейся от Всеобщего германского рабочего союза и образовавшей в 1867 г. «Лассальянский всеобщий германский рабочий союз»; этот союз, президентом которого был сначала Фёрстерлинг, а затем Менде, не пользовался никаким влиянием среди рабочих и в 1872 г. фактически перестал существовать. — *343.*

[250] Данная заметка была написана Марксом для «Demokratisches Wochenblatt» (см. письмо Маркса Энгельсу 4 октября 1868 года). В первый абзац заметки, по-видимому, были внесены некоторые изменения редакцией газеты. — *345.*

[251] Речь идет об организованной Генеральным Советом Интернационала совместно с английскими тред-юнионами материальной поддержке бастующим рабочим.

Во время стачки бронзовщиков Парижа (февраль — март 1867 г.) Генеральный Совет опубликовал в газете «International Courier» 13 марта 1867 г. обращение к английским рабочим с призывом оказать материальную помощь бастующим. Тред-юнионы сапожников, портных, краснодеревщиков и др. послали через посредство Генерального Совета во Францию несколько сот фунтов стерлингов.

В связи с расстрелом бельгийских горняков и металлургов в Маршьенне (февраль 1867 г.) Генеральный Совет опубликовал в газете «International Courier» 13 марта 1867 г. обращение «К горнякам и рабочим металлургической промышленности Великобритании» с призывом оказать поддержку жертвам жестокой расправы. Семьям пострадавших рабочих была оказана денежная помощь.

В период стачки и локаута женевских строительных рабочих (март — апрель 1868 г., см. примечание 230) Генеральный Совет гарантировал ежемесячную помощь из Англии в размере 40 тыс. франков. Деньги в Женеву послали тред-юнионы плотников и столяров, ткачей, переплетчиков и др. — *345.*

[252] *«Volks-Zeitung»* («Народная газета») — немецкая ежедневная демократическая газета, выходила в Берлине с 1853 года. — *345.*

[253] Речь идет о Лондонском совете тред-юнионов, впервые избранном на конференции делегатов различных тред-юнионов Лондона в мае 1860 года. Стоя во главе многотысячной массы тред-юнионов столицы, Лондонский совет оказывал влияние на весь рабочий класс Англии. В первой половине 60-х годов он возглавил выступления английских рабочих

против интервенции в США, в защиту Польши и Италии, а позже за легализацию тред-юнионов. Ведущую роль в Лондонском совете играли руководители уже укрупнившихся тред-юнионов — плотников (Кример и позже Аплгарт), сапожников (Оджер), каменщиков (Коулсон и Хауэлл), механиков (Аллин). Из них только Аллин не входил в Генеральный Совет Интернационала.

Маркс, который с самого основания Интернационала боролся против реформизма и цеховой ограниченности тред-юнионистских лидеров, стремился вовлечь в ряды Товарищества широкие массы английских рабочих, добиваясь присоединения к нему, с одной стороны, низовых организаций тред-юнионов, а, с другой — Лондонского совета тред-юнионов на правах британской секции. Вопрос о присоединении к Интернационалу обсуждался по инициативе английских членов Генерального Совета на ряде заседаний Лондонского совета тред-юнионов; 14 января 1867 г. Лондонский совет тред-юнионов принял резолюцию, в которой, выражая одобрение принципам Международного Товарищества Рабочих, категорически высказался против установления какой-либо организационной связи с Товариществом. Контакт Лондонского совета тред-юнионов с Интернационалом продолжал после этого осуществляться через входивших в его состав членов Генерального Совета. — *346.*

[254] См. примечание 170. — *346.*

[255] Имеется в виду Национальная лига реформы, основанная в 1849 г. в Лондоне лидерами чартистского движения Бронтером О'Брайеном, Рейнольдсом и др. Лига ставила своей целью борьбу за всеобщее избирательное право и проведение социальных реформ. В 1866 г. она присоединилась к Интернационалу и развернула свою деятельность под руководством Генерального Совета, превратившись в один из филиалов Лиги реформы. Руководители Национальной лиги реформы Альфред Уолтон и Джордж Милнер являлись членами Генерального Совета и участниками ряда конгрессов Интернационала. — *346.*

[256] *«Weser-Zeitung»* («Везерская газета») — немецкая буржуазная газета либерального направления; издавалась в Бремене с 1844 по 1930 год. *«Augsburgerin»* — имеется в виду аугсбургская *«Allgemeine Zeitung»* (см. примечание 24). — *346.*

[257] «*The Morning Star»* («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров, выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год.

«Saturday Review» — сокращенное название английского еженедельного консервативного журнала «Saturday review of politics, literature, science and art» («Субботнее обозрение по вопросам политики, литературы, науки и искусства»), выходившего в Лондоне с 1855 г. по 1938 год. —*247.*

[258] Имеется в виду поступление немецкого публициста, бывшего младогегельянца Эдгара Бауэра на службу в прусский департамент печати в 1863 году. — *347.*

[259] Настоящая статья была написана К. Марксом по просьбе К. Д. Коллета, издателя «Diplomatic Review».

«The Diplomatic Review» («Дипломатическое обозрение») — английский журнал по вопросам внешней политики, выходил под данным названием с 1866 по 1877 г. 4 раза в год. Редактором журнала был консервативный публицист, бывший дипломат Давид Уркарт, который с начала 30-х годов XIX века публиковал в своем журнале «The Portfolio» («Портфель») и в виде отдельных брошюр документы, касающиеся тайной дипломатии европейских держав, в том числе документы, изобличающие дипломатическую деятельность Пальмерстона, фактического руководителя внешней политики Англии на протяжении долгих лет.

Маркс, неустанно боровшийся против тайной дипломатии господствующих классов, использовал в 1853 г. в своей серии обличительных статей «Лорд Пальмерстон», наряду с другими документами, ряд документов, опубликованных Уркартом. Позже отдельные статьи Маркса печатались в журнале Уркарта «The Free Press» («Свободная печать»). В то же время Маркс резко критиковал Уркарта за его антидемократические взгляды и постоянно подчеркивал коренное отличие своей позиции пролетарского революционера от реакционной позиции уркартистов.

Публикуя данную статью Маркса, редакция «Diplomatic Review» предпослала ей заметку, в которой рекомендовала Маркса как автора «Капитала» и ряда статей по внешней политике. — *348.*

[260] *Банковый акт 1844 г,* — проведенный правительством Пиля закон, предусматривавший разделение Английского банка на два совершенно независимых отделения с самостоятельными наличными фондами — банковое, занимающееся выполнением чисто банковых операций, и эмиссионное, ведающее выпуском банковых билетов. Билеты должны были иметь обеспечение в виде специального фонда, который всегда должен был быть в наличности. Однако в периоды острого экономического кризиса — в 1847, 1857 и весной 1866 г. — английское правительство было вынуждено приостанавливать действие закона 1844 г. и увеличивать сумму банкнот, не обеспеченных золотом.

Кризис 1866 г. особенно остро проявился в Англии в сфере кредита; в мае 1866 г., когда финансовая паника достигла апогея и Английскому банку грозило банкротство, правлению Банка было направлено письмо за подписями премьер-министра Рассела и канцлера казначейства Гладстона, санкционировавшее приостановку действия закона 1844 г., что позволило расширить ссудные операции и несколько смягчить финансовую панику в стране. — *348.*

[261] Имеются в виду первые два случая приостановки банкового акта 1844 г. — письмо правлению Английского банка премьер-министра Рассела и канцлера казначейства Вуда от 25 октября 1847 г., а также письмо премьер-министра Пальмерстона и канцлера казначейства Льюиса от 12 ноября 1857 года. — *348.*

[262] Речь идет о конгрессе представителей Франции, Англии, Австрии, России, Сардинии, Пруссии и Турции в Париже, в результате которого был подписан 30 марта 1856 г. Парижский мирный договор, завершивший Крымскую войну 1853—1856 годов. Маркс намекает на тот факт, что Кларендону, возглавлявшему английскую делегацию на конгрессе, не удалось в полной мере осуществить планы английской дипломатии ввиду англо-французских противоречий и наметившегося франко-русского сближения. — *349.*

[263] Заявление Маркса в лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих от 23 ноября 1868 г. было вызвано позицией, занятой Обществом в отношении лассальянского Берлинского съезда 1868 г. и созданной Бебелем и Либкнехтом на Нюрнбергском съезде рабочей организации. Маркс писал Энгельсу 23 ноября 1868 года: «Импортированные сюда из Парижа и Германии лассальянцы, поддерживающие тайные сношения со Швейцером, воспользовались отсутствием Лесснера, вызванным болезнью его жены, чтобы протащить вотум доверия Швейцеру против нюрнбержцев». В дальнейшем Маркс оказывал поддержку Лесснеру в его борьбе с лассальянскими элементами в обществе.

Лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих было основано в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После организации Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза коммунистов. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849—1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с тем, что в борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-авантюристическим меньшинством (фракцией Виллиха — Шаппера) большая часть Общества стала на сторону меньшинства. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности этого Общества. С основанием Интернационала Общество, одним из руководителей которого был Лесснер, стало немецкой секцией Международного Товарищества в Лондоне. Лондонское Просветительное общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. — *251.*

[264] Имеется в виду всеобщий германский рабочий съезд, созванный Швейцером и Фрицше с согласия гамбургского генерального собрания лассальянского Союза (см. примечание 226) 26 сентября 1868 г. в Берлине; на съезде присутствовало 206 делегатов, представлявших более 142000 рабочих, главным образом городов Северной Германии. Рабочим обществам, входившим в возглавлявшуюся Бебелем и Либкнехтом нюрнбергскую организацию, вообще было отказано в представительстве на этом съезде. В результате Берлинского съезда было основано несколько профсоюзов, созданных по образцу сектантской организации лассальянцев и объединившихся в один общий союз во главе со Швейцером. Эта организация была целиком подчинена Всеобщему германскому рабочему союзу.

Маркс резко критиковал Швейцера за подобную организацию съезда, приведшего к расколу рабочих профсоюзов в Германии, и за принятый на нем устав, который в корне противоречил целям и характеру профессионального движения. — *351.*

[265] Имеется в виду письмо Маркса Швейцеру 13 октября 1868 г., написанное в ответ на письма Швейцера Марксу от 15 сентября и 8 октября 1868 года. — *352.*

[266] *Демократический рабочий союз* возник в октябре 1868 г. в результате раскола Берлинского рабочего союза, находившегося под влиянием прогрессистов. Этот новый Союз присоединился к нюрнбергской организации рабочих обществ, возглавлявшейся Бебелем и Либкнехтом, приняв ее программу, основанную на принципах I Интернационала.

Почти все члены Союза состояли одновременно членами Международного Товарищества Рабочих. Чтобы подчеркнуть свой пролетарский характер, Союз избрал в председатели двух рабочих — Вильке и Кеммерера.

Демократический рабочий союз вел активную борьбу против лассальянцев; на его собраниях выступал В. Либкнехт. В 1869 г. Союз вошел в организованную на Эйзенахском съезде Социал-демократическую рабочую партию. — *352.*

[267] Циркулярное письмо Генерального Совета *«Международное Товарищество Рабочих и Альянс социалистической демократии»* было написано Марксом 22 декабря 1868 г. в связи с обсуждением на заседании Генерального Совета вопроса о приеме бакунинского Альянса в Интернационал.

Альянс социалистической демократии был основан М. Бакуниным в Женеве в октябре 1868 г. как международная организация. В состав временного комитета Альянса входили, кроме Бакунина, Броссе, Дюваль, Гета, Перрон, Загорский и И. Ф. Беккер. 29 ноября 1868 г. И. Ф. Беккер, который вскоре после этого порвал с Бакуниным, послал Генеральному Совету текст программы и устава Альянса. Эти документы были оглашены на заседании Совета 15 декабря 1868 года. В тот же день Маркс переслал их Энгельсу с просьбой дать свои критические замечания. Энгельс выполнил эту просьбу 18 декабря; 22 декабря составленный Марксом с учетом замечаний Энгельса проект ответа Альянсу в виде циркулярного письма был оглашен Г. Юнгом на заседании Генерального Совета и принят с небольшими изменениями.

Циркулярное письмо Генерального Совета от 22 декабря 1868 г., разосланное всем секциям Товарищества в качестве конфиденциального сообщения, было впервые опубликовано в 1872 г. в составленном Марксом и Энгельсом закрытом циркуляре Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале» (см. настоящее издание, т. 18); сохранилось несколько рукописей текста с небольшими вариантами (две рукописи Маркса: рукопись от 22 декабря 1868 г. и вторая рукопись, приложенная к его письму Юнгу от 6 августа 1870 года; две рукописные копии, сделанные: одна — Юнгом, а другая — Дюпоном и Энгельсом). — *353.*

[268] «Rules of the International Working Men's Association». London, 1867 («Устав Международного Товарищества Рабочих». Лондон, 1867). —*354.*

[269] Резолюция против буржуазно-пацифистской Лиги мира и свободы была принята Брюссельским конгрессом Интернационала 12 сентября 1868 г. в связи с приглашением Интернационала на конгресс Лиги в Берне в сентябре 1868 года. Приглашение было сделано Лигой по инициативе Бакунина, состоявшего членом ее центрального комитета и стремившегося подчинить Международное Товарищество Рабочих буржуазной Лиге.

В резолюции Брюссельского конгресса указывалось, что существование пацифистской Лиги, претендующей на руководство международным рабочим движением, является излишним при наличии Международного Товарищества Рабочих. Лиге предлагалось присоединиться к Товариществу, а ее членам вступить в секции Товарищества. —*354.*

[270] *«Доклад о цеховых товариществах горняков в угольных копях Саксонии»* был составлен Энгельсом по просьбе Маркса по материалам, присланным

саксонскими горнорабочими из Лугау, Нидер-Вюршница и Эльсница, которые обратились в Генеральный Совет и лично к Марксу с заявлениями о своем желании присоединиться к Интернационалу.

Доклад, написанный Энгельсом на английском языке, был зачитан Марксом на заседании Генерального Совета 23 февраля 1869 года. Совет принял решение опубликовать доклад на английском языке и в немецком переводе. Краткое изложение доклада было помещено в отчете о заседании Генерального Совета в газете «Bee-Hive» № 385, 27 февраля 1869 года. Другие английские газеты, к которым обратился Маркс, — «Times», «Daily News», «The Morning Advertiser» («Утренний вестник») — отказались опубликовать документ. В начале марта 1869 г. Маркс сам перевел рукопись Энгельса на немецкий язык и она была опубликована в газетах: «Social-Demokrat» № 33, 17 марта 1869 г., «Demokratisches Wochenblatt» № 12, 20 марта 1869 г. и «Zukunft» № 67 и 68, 20 и 21 марта 1869 года; английский оригинал доклада не сохранился. — *356.*

[271] Из речи Ганземана на заседании первого Соединенного ландтага 8 июня 1847 года. См. «Preusens Erster Reichstag». Th. 7, Berlin 1847, S. 55 («Первый прусский рейхстаг». Ч. 7, Берлин, 1847, стр. 55). —*357.*

[272] Намек на слова прусского министра внутренних дел Рохова в письме, адресованном 15 января 1838 г. жителям города Эльбинга, выражавшим недовольство по поводу изгнания из ганноверского ландтага семи оппозиционно настроенных профессоров. Рохов писал: «Верноподданным положено проявлять должную покорность своим королям и государям, но не должно в масштабе своего ограниченного разума пытаться вмешиваться в дела глав государств». — *361.*

[273] Получив письмо Генерального Совета от 22 декабря 1868 г. (см. настоящий том, стр. 353—355) об отказе принять в состав Интернационала Альянс социалистической демократии как самостоятельную международную организацию, центральное бюро Альянса 27 февраля 1869 г. вторично обратилось в Генеральный Совет, заявляя о своей готовности распустить международный Альянс, если Генеральный Совет одобрит его программу и примет в Интернационал отдельные местные секции Альянса.

Настоящее письмо, являющееся ответом Генерального Совета на вторичное обращение Альянса, было составлено Марксом, который согласовал его текст с Энгельсом, и единогласно принято на заседании Совета 9 марта 1869 года. Текст письма был конфиденциально сообщен секретарями-корреспондентами всем секциям Товарищества. Впервые документ был опубликован в 1872 г. в составленном Марксом и Энгельсом закрытом циркуляре Генерального Совета: «Мнимые расколы в Интернационале». Сохранилось несколько рукописей данного текста с небольшими разночтениями (две черновые рукописи Маркса на английском и французском языках, законченная рукопись Маркса на французском языке, копия на французском языке, сделанная неизвестной рукой с правкой Маркса). Основное содержание документа было, кроме того, изложено Марксом в его письме к Энгельсу 5 марта 1869 года. В основу настоящего издания положена законченная рукопись Маркса, сверенная с текстом, опубликованным в 1872 году. — *363.*

[274] Статья 2 программы Альянса содержалась еще в программе, с которой Бакунин выступил на конгрессе Лиги мира и свободы в Берне в сен-

тябре 1868 года. В результате настоящего письма в апреле 1869 г. эта статья была изменена следующим образом: «Он прежде всего добивается полного и окончательного уничтожения классов и политического, экономического и социального уравнения личностей обоего пола». — *264.*

[275] На заседании Генерального Совета 20 апреля 1869 г. было оглашено подробное сообщение представителя Бельгийского федерального совета Гинса, посланного на место событий для выяснения подробностей кровавых избиений стачечников в Серене и Фрамри (Бельгия) в апреле 1869 года. Марксу было поручено составить от имени Генерального Совета протест против зверств бельгийских властей. Текст воззвания к рабочим Европы и Соединенных Штатов был написан им на английском и французском языках и оглашен 4 мая 1869 г. на заседании Генерального Совета, который принял решение напечатать и распространить воззвание. Английский текст воззвания был напечатан отдельной листовкой «The Belgian Massacres...»; французский — в ряде газет: «Internationale» № 18, 15 мая 1869 г., «Liberte» № 99, 16 мая 1869 г., «Egalite» № 18, 22 мая 1869 года; немецкий текст в переводе Эккариуса был напечатан в газете «Demokratisches Wochenblatt» № 21, 22 мая 1869 г. и в журнале «Vorbote» № 6, июнь 1869 года.

«*L'Internationale*» («Интернационал») — еженедельная бельгийская газета, орган бельгийских секций Интернационала; издавалась в Брюсселе при ближайшем участии Де Папа с 1869 по 1873 год. В газете публиковались документы Интернационала.

«L'Egalite» («Равенство») — еженедельная швейцарская газета, орган Романской федерации Интернационала, выходила в Женеве на французском языке с декабря 1868 по декабрь 1872 года. — *365.*

[276] Имеются в виду события в Шарлеруа (Бельгия) в марте 1868 года. См. настоящий том, стр. 333—334. —*365.*

[277] При публикации французского текста в бельгийской печати, как писал Де Пап Марксу 31 мая 1869 г., имена Кампа, Пирме и принца фландрского были опущены из цензурных соображений и заменены словами: «лица, занимающие высокое положение в Бельгии». — *366.*

[278] *«Les sommations prealables»* (предварительные требования разойтись) — предусмотренное законом ряда буржуазных государств троекратное обращение властей к толпе с предложением разойтись, после чего может быть применена вооруженная сила. — *366.*

[279] Речь идет о начавшихся в феврале и продолжавшихся до июля 1869 г. франко-бельгийских переговорах по вопросу о железнодорожных концессиях в связи с принятием бельгийским парламентом закона, по которому переуступка концессионных прав могла производиться только с разрешения правительства; закон, принятый в срочном порядке, был направлен против экономической экспансии Франции. пытавшейся захватить в свои руки бельгийские железные дороги. — *366.*

[280] Маркс имеет в виду кровавое подавление Эйром, губернатором английской колонии в Вест-Индии, острова Ямайки, восстания негров в октябре 1865 года. Действия Эйра вызвали сильное возмущение английского общественного мнения, и английское правительство было вынуждено отстранить его от губернаторства. — *367*.

[281] Бельгия была объявлена нейтральной страной протоколом Лондонской конференции пяти держав (Англии, Франции, России, Австрии, Пруссии) в январе 1831 г., вскоре после бельгийской буржуазной революции 1830 г. и отделения Бельгии от Голландии. — *368.*

[282] Слово «туги», являвшееся названием индийской религиозной секты душителей, члены которой совершали ритуальные убийства, стало в европейской литературе XIX века ходячим выражением для обозначения профессиональных разбойников и убийц. — *369.*

[283] Из речи депутата бельгийского парламента Дельфоса на заседании палаты 1 марта 1848 г. в ответ на замечание о том, что идеи французской революции 1848 г. облетят весь мир. — *369.*

[284] Обращение Генерального Совета к Национальному рабочему союзу (см. примечание 242) было написано Марксом и зачитано им 11 мая на заседании Генерального Совета в связи с угрозой войны между Англией и США весной 1869 года. Полученный ответ председателя Национального рабочего союза Силвиса приведен Марксом в докладе Генерального Совета Базельскому конгрессу (см. настоящий том, стр. 399). Английский текст обращения был издан отдельной листовкой «Address to the National Labour Union of the United States», а также напечатан в газете «Bee-Hive» № 396, 15 мая 1869 года; на немецком языке обращение было напечатано в газете «Demokratisches Wochenblatt» № 21, 22 мая 1869 г. и в журнале «Vorbote» № 8, август 1869 года. —*371.*

[285] В оригинале — «shoddy aristocrats»; «shoddy» — хлопковые очесы, которые были непригодны к употреблению и не представляли никакой ценности до тех пор, пока не был найден способ их переработки. В Америке «shoddy aristocrats» называли людей, быстро разбогатевших благодаря войне. — *372.*

[286] Второе издание работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», написанной в 1852 году (см. настоящее издание, т. 8, стр. 115— 217), вышло в Гамбурге в июле 1869 года.

Новое издание «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» усиленно замалчивалось буржуазной прессой, а газета «Volksstaat» опубликовала сообщение о выходе второго издания книги лишь 16 марта 1870 г., напечатав одновременно и текст предисловия. Это предисловие было воспроизведено также в третьем издании книги, вышедшем в 1885 г. под редакцией Энгельса. В январе 1891 г. был опубликован французский перевод предисловия в органе Рабочей партии Франции, газете «Le Socialiste» («Социалист»); в том же году предисловие появилось в отдельном издании книги, вышедшем в Лилле. На русском языке это предисловие впервые было опубликовано в первом русском издании работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», вышедшем в 1894 г. в Женеве.

«Der Volksstaat» («Народное государство») — центральный орган немецкой Социал-демократической рабочей партии, издавался в Лейпциге со 2 октября 1869 по 29 сентября 1876 г. два раза в неделю, с июля 1873 г. — три раза. Газета выражала взгляды революционного течения в рабочем движении Германии. За свой смелый, революционный тон газета подвергалась постоянным правительственным и полицейским преследованиям. Состав ее редакции непрерывно менялся в связи

с арестами редакторов, но общее руководство газетой оставалось в руках В. Либкнехта. Значительную роль в газете сыграл А. Бебель, заведовавший издательством «Volksstaat».

Редакция газеты поддерживала тесный контакт с Марксом и Энгельсом, которые с момента ее основания являлись ее сотрудниками. Придавая большое значение «Volksstaat», Маркс и Энгельс постоянно оказывали помощь редакции, внимательно следили за ее работой и своей критикой выправляли линию газеты. Несмотря на отдельные промахи и ошибки, «Volksstaat» была одной из лучших рабочих газет 70-х годов XIX века. — *374.*

[287] *«Die Revolution»* («Революция») — еженедельный коммунистический журнал, издавался в 1852 г. в Нью-Йорке другом Маркса и Энгельса, членом Союза коммунистов И. Вейдемейером. Маркс и Энгельс дали согласие регулярно сотрудничать в журнале. Вейдемейеру удалось выпустить только 2 номера еженедельного журнала в январе 1852 г., после чего издание пришлось прекратить из-за материальных затруднений. В мае 1852 г. Вейдемейер издал работу Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» отдельной книгой в виде первою выпуска «непериодического журнала» «Revolution». — *374.*

[288] V. Hugo. «Napoleon le Petit». 2 ed., Londres, 1852.

О книге Прудона «Государственный переворот» см. примечание 47. — *375.*

[289] См. настоящее издание, т. 8, стр. 217. —*375.*

[290] J. B. A. Charras. «Histoire de la campagne de 1815. Waterloo». Bruxelles, 1857 (Ж. Б. А. Шаррас. «История кампании 1815 года. Ватерлоо». Брюссель, 1857). — *375.*

[291] J. C. L. Simonde de Sismondi. «Etudes sur l'economie politique». T. I, Paris, 1837, p. 35 (Ж. Ш. Л. Симонд де Сисмонди. «Очерки политической экономии». Т. I, Париж, 1837, стр. 35). —*376.*

[292] В основу краткой биографии *«Карл Маркс»* положен первоначальный вариант, написанный Энгельсом в конце июля 1868 г. для немецкой литературной газеты «Die Gartenlaube» («Беседка»), но не опубликованный редакцией. В июле 1869 г. Энгельс переработал его для газеты «Zukunft», в которой статья была опубликована в № 185, 2 августа 1869 года. Эта первая биография Маркса, написанная Энгельсом, была напечатана также в «Demokratisches Wochenblatt» № 34, Beilage, 21 августа 1869 года В. Либкнехтом, который при этом опустил очень важное место, где говорилось, что Лассаль не был оригинальным мыслителем, а содержание своих произведений заимствовал у Маркса, вульгаризируя его труды. —*377.*

[293] Имеется в виду Союз коммунистов — первая международная коммунистическая организация пролетариата, созданная под руководством Маркса и Энгельса в начале июня 1847 г. в Лондоне. Программные и организационные принципы Союза были выработаны при непосредственном участии Маркса и Энгельса. По поручению второго конгресса Союза (29 ноября — 8 декабря 1847 г.), единогласно принявшего разработанные Марксом и Энгельсом принципы научного коммунизма.

Марксом и Энгельсом был написан программный документ — «Манифест Коммунистической партии», опубликованный в феврале 1848 г. (см. настоящее издание, т. 4, стр. 419—459).

С началом революции во Франции Центральный комитет Союза в Лондоне передал в конце февраля 1848 г. руководство Союзом Брюссельскому окружному комитету во главе с Марксом. После высылки Маркса из Брюсселя местопребыванием нового Центрального комитета в начале марта становится Париж, куда переезжает Маркс. В состав Центрального комитета избирается также Энгельс.

Во второй половине марта — начале апреля 1848 г. Маркс, Энгельс и несколько сотен немецких рабочих, в большинство членов Союза коммунистов, возвращаются на родину для участия в начавшейся германской революции. Политической платформой Союза коммунистов в этой революции явились сформулированные Марксом и Энгельсом в конце марта «Требования Коммунистической партии в Германии» (см. настоящее издание, т. 5, стр. 1—3). Руководящим и направляющим центром для членов Союза коммунистов явилась теперь редактируемая Марксом «Neue Rheinische Zeitung».

Хотя поражение революции и нанесло удар Союзу коммунистов, но в 1849—1850 г. он был реорганизован и продолжал свою деятельность. В написанном Марксом и Энгельсом в марте 1850 г. «Обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 257—267) подводились итоги революции 1848— 1849 гг. и выдвигалась задача создания самостоятельной партии пролетариата; в «Обращении» была дана развернутая идея непрерывной революции.

Летом 1850 г. в Центральном комитете Союза коммунистов обострились принципиальные разногласия по вопросу о тактике. Большинство Центрального комитета во главе с Марксом и Энгельсом решительно выступило против предлагаемой фракцией Виллиха— Шаппера сектантской, авантюристической тактики немедленного развязывания революции без учета объективных закономерностей и реальной политической обстановки в Германии и в других странах Европы. Раскольническая деятельность фракции Виллиха—Шаппера привела к разрыву с этой фракцией в середине сентября 1850 года. На заседании 15 сентября 1850 г. (см. настоящее издание, т. 8, стр. 581— 585) по предложению Маркса полномочия Центрального комитета были переданы Кёльнскому окружному комитету. Полицейские преследования и аресты членов Союза привели в мае 1851 г. к фактическому прекращению деятельности Союза коммунистов в Германии. 17 ноября 1852 г., вскоре после кёльнского процесса коммунистов, Союз по предложению Маркса объявил о своем роспуске, но члены его продолжали свою работу по выковыванию кадров для будущих революционных боев.

Союз коммунистов сыграл большую историческую роль как школа пролетарских революционеров, как зародыш пролетарской партии, предшественник Международного Товарищества Рабочих. — *377.*

[294] Речь идет о работе К. Маркса «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 1—167). — *378.*

[295] Имеется в виду начало царствования прусского короля Фридриха-Вильгельма IV (1840—1857), на которого либеральная буржуазия возлагала большие надежды. Однако эта весьма кратковременная «новая эра» свелась к некоторым незначительным уступкам либеральной буржуазии. — *378.*

[296] Речь идет о статьях Маркса, опубликованных под названием «Дебаты шестого рейнского ландтага» в «Rheinische Zeitung» (см, настоящее издание, т. I, стр. 30—84, 119—160).

«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В газете публиковались статьи Маркса и Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *378.*

[297] *«Deutsch-Franzosische Jahrbucher»* («Немецко-французский ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, т. I, стр. 382—413, 414—429, 544— 571, 572—597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения издания журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. —*379.*

[298] К. Маркс. «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185).

О книге Прудона «Философия нищеты» см. примечание 36. —*379.*

[299] См. настоящее издание, т. 4, стр. 419—459. —*379.*

[300] *«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie»* («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс.

Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революций, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличении, направленных против прусского правительства и против местных кёльнских властей, — все это уже с первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства, особенно усилившиеся после контрреволюционного переворота в Пруссии в ноябре — декабре 1848 года.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке Маркса из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты, последний номер которой вышел 19 мая 1849 года. — *379.*

301 *«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue»* («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») — журнал, основанный Марксом и Энгельсом в декабре 1849 г. и издававшийся ими до ноября 1850 года. Журнал являлся теоретическим и политическим органом Союза коммунистов, продолжением «Neue Rheinische Zeitung». Всего с марта по ноябрь 1850 г. вышло в свет шесть номеров журнала, в том числе один сдвоенный номер (5—6). Редактировался журнал в Лондоне, печатался в Гамбурге. На обложке журнала был указан также Нью-Йорк, так как Маркс и Энгельс рассчитывали на распространение журнала и среди немецких эмигрантов в Америке.

Журнал ставил своей задачей подведение итогов революции 1848—1849 гг. на основе историко-материалистического анализа пережитого периода, выяснение характера новой исторической обстановки, дальнейшую разработку тактики революционной партии пролетариата. Подавляющая часть статей писалась Марксом и Энгельсом, которые привлекли к сотрудничеству своих сторонников — В. Вольфа, И. Вейдемейера, Г. Эккариуса. В журнале были опубликованы «Классовая борьба во Франции» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса, а также ряд других их работ. Журнал прекратил свое существование вследствие полицейских притеснений в Германии и отсутствия материальных средств. — *380.*

302 *«New-York Daily Tribune»* («Нью-йоркская ежедневная трибуна») — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. В 40—50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. В газете принимал участие ряд крупных американских писателей и журналистов, одним из ее редакторов с конца 40-х годов был Чарлз Дана, находившийся под влиянием идей утопического социализма. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для «New-York Daily Tribune» было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» освещали важнейшие вопросы международной и внутренней политики, рабочего движения, экономического развития европейских стран. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали эту широко распространенную прогрессивную газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых противоречий, а также для показа ограниченного характера буржуазной демократии.

В начале Гражданской войны в Америке прекратилось сотрудничество Маркса в газете; значительную роль в разрыве Маркса с «New-York Daily Tribune» сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций. — *380.*

[303] См. настоящее издание, т. 14, стр. 395—691. — *381.*

[304] Имеются в виду отчеты парламентских комиссий по обследованию положения в различных отраслях английской промышленности, публиковавшиеся в так называемых Синих книгах. — *381.*

[305] Составленный К. Марксом *«Доклад Генеральылого Совета, о праве наследования»* явился итогом обсуждения Генеральным Советом летом 1869 г. вопроса об отмене права наследования в связи с подготовкой к Базельскому конгрессу Интернационала. Этот вопрос был включен в повестку дня конгресса по настоянию секции, основанной М. Бакуниным в Женеве в июне 1869 г. под названием «Альянс социалистической демократии. Центральная секция». Эта секция, в которую вошел ряд ближайших сторонников Бакунина, фактически осуществляла руководство Международным альянсом социалистической демократии, продолжавшим тайно существовать, несмотря на официальное заявление о его роспуске. Навязывая конгрессу Интернационала дискуссию о праве наследования, Бакунин дезорганизаторски отвлекал его от решения насущных вопросов программы и тактики, стоявших перед европейским рабочим классом.

При обсуждении вопроса на заседании Совета 20 июля 1869 г. Маркс произнес обширную речь, запись которой сохранилась в протокольной книге Генерального Совета (см. настоящий том, стр. 592—594). Текст доклада Маркса был утвержден Советом 3 августа 1869 года. На Базельском конгрессе он был зачитан Эккариусом на заседании 11 сентября 1869 г. и полностью воспроизведен в отчетах о конгрессе, изданных на английском, французском и немецком языках: «Report of the Fourth Annual Congress of the International Working Men's Association, held at Basle, in Switzerland. From the 6th to the llth September, 1869». London, [1869], p. 26—27; «Association Internationale des Travaillours. Compte-rendu du IV-e Congres International, tenu a Bale en septembre, 1869». Bruxelles, 1869, p. 122—124; «Verhandlungen des IV. Congresses des internationalen Arbeiterbundes in Basel», №№ 1—7, Basel, 7—14 September 1869, S. 77—80; а также в журнале «Vorbote» № 10, октябрь 1869, стр. 150—152. —*383.*

[306] Речь идет о группе последователей Сен-Симона — Анфантене, Базаре, Родриге, Бюше и др., — выступивших в конце 20-х годов XIX века с популяризацией и развитием его учения. В 1830 г. на основе прочитанных Базаром лекций в Париже была издана книга «Изложение учения Сен-Симона», в которой выдвигалось требование отмены права наследования (см. «Doctrine de Saint-Simon. Premiere annee. Exposition. 1829». Paris, 1830, pp. 143—169). —*384.*

[307] *«Отчет Генерального Совета IV ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих»* был написан Марксом по поручению Генерального Совета в конце августа — начале сентября 1869 года для очередного конгресса, состоявшегося в Базеле 6—11 сентября 1869 года. Маркс на конгрессе не присутствовал, но принял самое активное участие в его подготовке. Сохранились протокольные записи его выступлений в Генеральном Совете при обсуждении отдельных вопросов повестки дня конгресса: аграрного вопроса (6 июля 1869 г.), вопроса о праве наследования (20 июля) и о всеобщем образовании (10 и 17 августа) (см. настоящий том, стр. 590—597).

Базельский конгресс, вторично обсудив вопрос о земле, высказался большинством голосов за упразднение частной собственности на землю и обращение ее в общественную собственность; были приняты также решения об объединении профессиональных союзов в национальном и международном масштабе и ряд решений по организационному укреплению Интернационала и расширению полномочий Генерального Совета. На Базельском конгрессе по вопросу об отмене права наследования произошло первое открытое столкновение между сторонниками научного социализма Маркса и последователями бакунинского анархизма (см. примечание 305).

Текст написанного Марксом на английском языке доклада Генерального Совета был зачитан на немецком и французском языках на заседании конгресса 7 сентября 1869 г. и опубликован на немецком языке отдельной брошюрой «Bericht des Generalraths der Internationalen Arbeiter-Association an den IV. allgemeinen Congress in Basel». Basel, 1869; на английском и французском языках доклад был напечатал вместе с протоколами заседаний конгресса в изданиях: «Report of the Fourth Annual Congress of the International Working Men's Association, held at Basle, in Switzerland». London, [1869], p. 7—13; «Compte-rendu du IV-e Congres Internationale, tenu a Bale, en septembre, 1869». Bruxelles, 1869, p. 9—23, а также в ряде газет и журналов: «Internationale» № 37, 26 сентября и № 38, 3 октября 1869 г., «Le Progres» («Прогресс») №№ 26, 27, 28 от 11, 18, 25 декабря 1869 г. и №№ 1, 2, 3 от 1, 8, 15 января 1870 г., «Vorbote» № 9, сентябрь 1869 г., «Demokratisches Wochenblatt» №№ 41, 42, 43 от 18, 22, 25 сентября 1869 г. и неаполитанской газете «L'Eguaglianza» («Равенство») №№ 8, 9 от 24, 31 декабря 1869 года. Первый русский перевод доклада был опубликован в журнале «Народное дело» № 7—10, ноябрь 1869 года.

В основу настоящего издания положен наиболее полный текст немецкой брошюры, сверенный с английским изданием. Важнейшие разночтения даются под строкой. — *386.*

[308] «Allgemeine Zeitung» № 9, 9 января и № 13, 13 января 1869 года. — *388.*

[309] «La jeune Suisse» («Молодая Швейцария») — здесь речь идет о шовинистической молодежной организации «La jeune Geneve» («Молодая Женева»). — *389.*

[310] *«Les orgies infernales des casse-tetes»* («Адские оргии кастетов») — из выступления депутата Законодательного корпуса Распайля на заседании 8 июля 1869 г., в котором он заявил протест против насилий бонапартистской полиции во время выборов в Париже. — *389.*

[311] Изложенные Марксом факты были обнародованы в «Egalite» № 19, 29 мая 1869 года. В связи со стачками строителей и типографских рабочих в Женеве, весной 1869 г. Романский федеральный комитет и секции Интернационала в Женеве провели большую работу. Романский федеральный комитет выпустил ряд обращений к рабочим, опубликованных в «Egalite» в марте—апреле 1869г. и в виде листовок: обращение Комитета к секциям Интернационала от 17 марта 1869 г. («Le Comite Federal Romand aux Sections Internationales»), обращение собрания швейцарских граждан, членов Интернационала, созванного 2 апреля 1869 г. по инициативе Федерального комитета с разоблачением клеветы предпринимателей на Международное Товарищество Рабочих («Adresse au Conseil d'Etat et an Peuple de Geneve») и др.

Значительную роль в организации стачки сыграли также периодически выпускавшиеся бюллетени обществ строительных и типографских рабочих, входивших в Интернационал: «Association Internationale des Travailleurs. Greve des Tailleurs de Pierre et Macons» («Международное Товарищество Рабочих, Стачка рабочих-каменщиков и штукатуров»), «La Societe Typographique de Geneve a l'opinion publique» («Женевское общество типографов общественному мнению»). — *389.*

312 *«Credit Mobilier»,* полное название «Societe generale du Credit Mobilier» — крупный французский акционерный банк, созданный в 1852 году. Главным источником доходов банка была спекуляция ценными бумагами учрежденных им акционерных обществ. Credit Mobilier был тесно связан с правительственными кругами Второй империи. В 1867 г. общество обанкротилось и в 1871 г. было ликвидировано. Подлинную сущность Credit Mobilier Маркс раскрыл в ряде статей, опубликованных в газете «New-York Daily Tribune» (см. настоящее издание, т. 12, стр. 21—37, 209—217, 300—303). — *390.*

313 «*L'International»* («Международная газета») — небольшая ежедневная газета на французском языке, издавалась в Лондоне с 1863 по 1871 год; официоз французского правительства. —*392.*

314 Возглавленный Пруссией *Северогерманский союз,* включавший 19 государств и 3 вольных города Северной и Центральной Германии, был образован в 1867 г. по предложению прусского министра-президента Бисмарка. Образование Союза было одним из решающих этапов воссоединения Германии под гегемонией Пруссии. —*393.*

315 *«Les chassepots avaient encore fait merveille»* («Ружья шаспо еще раз поработали на славу») — речь идет о ружье, усовершенствованном Шаспо и принятом на вооружение французской армией в 1866 году. — *394.*

316 *«Le Moniteur universel»* («Всеобщий вестник») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1789 по 1901 год; с 1799 по 1869 г.— официальный правительственный орган. — *394.*

317 *«Vivre en travaillant ou mourir en combattant!»* («Жить работая или умереть сражаясь!») — лозунг восставших в 1831 г. лионских ткачей. — *395.*

318 Речь идет о поражении Австрии в австро-прусской войне 1866 года. — *395.*

319 7—9 августа 1869 г. в Эйзенахе состоялся общенемецкий съезд социал-демократов Германии, Австрии и Швейцарии, на котором была учреждена немецкая Социал-демократическая рабочая партия. Пункт 6 второго раздела принятой съездом программы гласил: «Принимая во внимание, что задача освобождения труда не является ни местной, ни национальной, но социальной задачей, охватывающей все страны, в которых существует современное общество, Социал-демократическая рабочая партия считает себя, поскольку это позволяют законы о союзах, секцией Международного Товарищества Рабочих и разделяет его стремления». — *395.*

[320] В условиях обострившегося после военного поражения 1866 г. политического кризиса и роста национально-освободительного движения австрийские реакционные правящие круги вынуждены были пойти, с одной стороны, на соглашение с Венгрией, образовав двуединую монархию — Австро-Венгрию, а с другой стороны, на ряд политических уступок буржуазии. Принятая в 1867 г. конституция расширяла полномочия представительного органа — рейхсрата, устанавливала ответственность министров, вводила всеобщую воинскую повинность и централизацию управления; в состав правительства, наряду с представителями аристократии, вошли буржуазные либералы. — *395.*

[321] *Цислейтанская Австрия,* или Цислейтания, — часть Австро-Венгрии, включала в свой состав собственно Австрию, Чехию, Моравию, Галицию, Буковину и др. Транслейтанию составляло королевство Венгрия, включавшее Трансильванию, Хорватию, Славонию и др. (свое название эти части получили от разделявшей их реки Лейты). — *396.*

[322] Очередное генеральное собрание Всеобщего германского рабочего союза состоялось 28—31 марта 1869 г. в Эльберфельде-Бармене. Собрание заявило о согласии с программой Международного Товарищества Рабочих и рекомендовало членам Союза вступать в Интернационал в индивидуальном порядке. — *397.*

[323] Еженедельным органом барселонской секции, а позже федерации Интернационала, была газета «La Federacion» («Федерация»), выходившая на испанском языке с августа 1869 по 1873 год.

Еженедельным органом голландской центральной секции Интернационала была с 1869 г. газета «De Werkman» («Рабочий»), выходившая в Амстердаме с 1868 до 1874 года. — *397.*

[324] *Закон о беспорядках* (Riot act), вступивший в силу в 1715 г., воспрещал всякие «мятежные сборища» более чем 12 человек: в подобных случаях представители власти были обязаны зачитывать специальное предупреждение и применять силу, если собравшиеся не расходились в течение часа. — *398.*

[325] Данная резолюция принята вторым всеобщим конгрессом английских тред-юнионов в Бирмингеме по предложению присутствовавшего на конгрессе в качестве делегата члена Генерального Совета Интернационала Кримера и опубликована в «Bee-Hive» № 412, 4 сентября 1869 года. Конгресс проходил 23—28 августа 1869 г. и принял решение добиваться 8-часового рабочего дня для Соединенного королевства и детально обсудить на ближайшем конгрессе земельный вопрос. — *398.*

[326] *«Проект резолюции Генерального Совета о политике британского правительства по отношению к ирландским заключенным»* был внесен Марксом 16 ноября 1869 г. на заседании Генерального Совета в ходе дискуссии по ирландскому вопросу.

Летом и осенью 1869 г. в Ирландии развернулось широкое движение за амнистию заключенных фениев (о фениях см. примечание 195); на многочисленных митингах (в Лимерике и др. городах) принимались петиции к английскому правительству с требованием освободить ирландских революционеров. Глава английского правительства Гладстон ответил отказом на эти требования ирланд-

цев. Свой ответ он изложил в письмах от 18 и 23 октября 1869 г. к видным деятелям движения за амнистию О'Ши и Батту; письма были напечатаны в «Times» 23 и 27 октября 1869 г. (разбор ответа Гладстона Марксом см. настоящий том, стр. 605—607). Отказ английского правительства амнистировать заключенных фениев вызвал в Лондоне 24 октября 1869 г. демонстрацию протеста. В демонстрации приняли участие лондонские рабочие; на ней присутствовал и Маркс.

9 ноября 1869 г. Генеральный Совет по предложению Маркса решил провести дискуссию об отношении британского правительства к ирландским заключенным и о позиции английского рабочего класса в ирландском вопросе. В результате дискуссии, в ходе которой Маркс выступил дважды (см. настоящий том, стр. 604—608), проект резолюции, предложенный Марксом, был принят Генеральным Советом 30 ноября единогласно с поправкой, внесенной одним из реформистских руководителей английских тред-юнионов Оджером, который предложил опустить в первом абзаце резолюции слово «умышленно».

Проект резолюции сохранился в виде черновика, рукописи письма Маркса Энгельсу от 18 ноября 1869 г., а также в протоколах Генерального Совета в записи Эккариуса. Текст резолюции был опубликован в газетах: «Reynolds's Newspaper», 21 ноября 1869 г., «Volksstaat» № 17, 27 ноября 1869 г., «The National Reformer» («Национальный реформатор») 28 ноября 1869 г., «Egalite» № 47, 11 декабря 1869 г., «Internationale» № 48, 12 декабря 1869 г. и др.

Проект резолюции полностью приведен В. И. Лениным в работе «О праве наций на самоопределение» (см. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 409). — *400.*

327 Имеется в виду речь Гладстона 7 октября 1862 г. в Ньюкасле. В этой речи Гладстон приветствовал Д. Дэвиса как президента Конфедерации отделившихся рабовладельческих южных штатов. Эта речь, опубликованная в «Times» 9 октября 1862 г., упоминалась в выступлениях на данной дискуссии в Генеральном Совете. — *400.*

328 Либеральное правительство Гладстона сменило правительство тори во главе с Дизраэли в декабре 1868 года. Одним из демагогических лозунгов либералов, обеспечивших им победу на выборах в парламент, было обещание Гладстона разрешить ирландскую проблему. В разгар избирательной борьбы представители оппозиции критиковали на заседаниях палаты общин политику тори в Ирландии, сравнивая ее с политикой завоевания самой Англии в XI веке герцогом Нормандии Вильгельмом. — *400.*

329 Циркулярное письмо *«Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии»* было написано К. Марксом около 1 января 1870 г. в связи с кампанией, начатой Бакуниным и его сторонниками против Генерального Совета в ноябре 1869 года. Потерпев поражение в своей попытке овладеть на Базельском конгрессе руководством Интернационала посредством перевода Генерального Совета в Женеву, Бакунин изменил свою тактику и перешел к открытой войне против Генерального Совета. Группа сторонников Бакунина захватила большинство в редакции еженедельной швейцарской газеты «Egalite». В этой газете уже 6 ноября 1869 г. (№ 42) появилась передовая статья, в которой Генеральный Совет обвинялся в нарушении статьи Устава, предусматривавшей издание Советом информационного бюллетеня о положении рабочих в различных странах. 13 ноября в № 43

той же газеты появилась вторая передовая, в которой предлагалось создать особый федеральный совет для Англии, якобы для того, чтобы облегчить Генеральному Совету выполнение его функций по руководству общими делами Интернационала. 27 ноября 1869 г. газета (№ 45) выступила с передовой, проповедовавшей воздержание от политики, ссылаясь на искаженный французский перевод Общего Устава. Наконец, 11 декабря 1869 г. «Egalite» (№ 47) поместила в своей передовой комментарии к резолюции Генерального Совета против Гладстона (см. настоящий том, стр. 400—401) с резкими нападками на Совет за его позицию в ирландском вопросе. С аналогичными нападками на Генеральный Совет выступила и газета «Progres».

Вопрос о нападках «Egalite» и «Progres» впервые обсуждался на заседании Совета 14 декабря 1869 года. Текст составленного Марксом циркулярного письма к Федеральному совету Романской Швейцарии был утвержден Генеральным Советом 1 января 1870 г. на чрезвычайном заседании и разослан секциям Интернационала.

Между тем, Романский федеральный совет в начале января 1870 г., еще до получения циркуляра, повел решительную борьбу против бакунистов, добившись выхода из состава редакции «Egalite» сторонников Альянса (Перрона, Робена и др.). Подробно об этом см. настоящий том, стр. 440.

Данный документ, первоначально не предназначавшийся для печати, был частично опубликован в составленном К. Марксом и Ф. Энгельсом закрытом циркуляре «Мнимые расколы в Интернационале» в 1872 г., полностью был впервые напечатан на немецком языке в журнале «Neue Zeit», т. 2, № 15, 12 июля 1902 года. Сохранилось несколько рукописей текста (две рукописные копии, одна — сделанная Женни Маркс и выправленная Марксом, другая — Г. Юнгом, а также рукопись Маркса, приложенная к его письму Л. Кугельману от 28 марта 1870 г.). В основу настоящего издания положен текст первой рукописи. — *402.*

330 *«Le Progres»* («Прогресс») — бакунистская газета, открыто выступавшая против Генерального Совета; издавалась на французском языке в Ле-Локле под редакцией Гильома с декабря 1868 по апрель 1870 года. — *402.*

331 *«Le Travail»* («Труд») — французская еженедельная газета, орган парижских секций Интернационала, издавалась с 3 октября по 12 декабря 1869 г. в Париже; одним из главных сотрудников газеты был видный деятель французского рабочего движения, переплетчик Эжен Варлен. — *403.*

332 *Лига общественного блага* — союз феодальной знати, возникший в конце 1464 г. во Франции и направленный против политики объединения Франции в единое централизованное государство, проводившейся королем Людовиком XI. Участники Лиги выступали под флагом борцов за «общее благо» Франции. — *403.*

333 «Verhandlungen des IV. Congresses des internationalen Arbeiterbundes in Basel», №№ 1—7, 7—14. September 1869, S. 90 («Протоколы IV, Базельского, конгресса Международного Товарищества Рабочих», №№ 1—7, 7—14 сентября 1869 г., стр. 90). — *404.*

334 *Лига земли и труда* — была основана в Лондоне в октябре 1869 г. при участии Генерального Совета. В исполнительный комитет Лиги

вошло более 10 членов Генерального Совета. В программу, составленную Эккариусом в соответствии с указаниями Маркса (см. настоящий том, стр. 598—603), наряду с отдельными общедемократическими требованиями (реформа финансовой и налоговой системы, народного образования и т. п.) были включены требования национализации земли, сокращения рабочего дня, а также чартистские требования всеобщего избирательного права и создания сельскохозяйственных колоний.

Считая, что Лига может сыграть роль в революционизировании английского рабочего класса, Маркс видел в ней один из путей к образованию самостоятельной пролетарской партии в Англии. Однако уже к осени 1870 г. в Лиге усилилось влияние буржуазных элементов, и она постепенно потеряла связь с Интернационалом. — *405.*

[335] Имеется в виду англо-ирландская уния, навязанная Ирландии английским правительством после подавления ирландского национально-освободительного восстания 1798 года. Уния, вступившая в силу с 1 января 1801 г., уничтожила последние следы автономии Ирландии и упразднила ирландский парламент. Уния способствовала укреплению колониального господства Англии в Ирландии. Одним из последствий ее введения была, в частности, отмена установленных ирландским парламентом в конце XVIII в. покровительственных пошлин для защиты зарождавшейся ирландской промышленности, что повлекло за собой ее полный упадок. — *406.*

[336] «Congrès Ouvrier. Association Internationale des Travailleurs. Règlement Provisoire». [Paris, 1864], p. 1 («Рабочий конгресс. Международное Товарищество Рабочих. Временный Устав», [Париж, 1864], стр. 1). — *408.*

[337] Имеется в виду опубликованный летом 1866 г. французский перевод Временного Устава, сделанный Ш. Лонге. Перевод был напечатан в брошюре «Manifeste de l'Association Internationale des Travailleurs suivi du Règlement provisoire». Bruxelles, 1866, изданной газетой «Rive gauche». — *408.*

[338] Речь идет о редакционной статье, напечатанной в «Social-Demokrat» № 82, 16 июля 1869 года. — *409.*

[339] Заявление Либкнехта от 18 февраля 1869 г. было напечатано в «Demokratisches Wochenblatt» № 8, 20 февраля 1869 года. — *409.*

[340] Сообщение об отказе Швейцера было опубликовано в «Social-Demokrat» № 24, 24 февраля 1869 года. — *409.*

[341] Член Генерального Совета, рабочий-маляр Роберт Шо умер 31 декабря 1869 года. На заседании Генерального Совета 4 января 1870 г. Маркс был избран в состав делегации на похороны, состоявшиеся 5 января. На этом же заседании Генеральный Совет принял решение известить о смерти Шо секции Интернационала. Маркс, который вел в то время от имени Генерального Совета переписку с руководителем бельгийских секций Интернационала Де Папом, включил в свое письмо к нему 8 января 1870 г. данный некролог.

Некролог был напечатан в газете «Internationale» № 53, 16 января 1870 г. с редакционной пометкой: «Нам пишут из Лондона». — *410.*

[342] Настоящее предисловие было написано Ф. Энгельсом около 11 февраля 1870 г. ко второму немецкому изданию его работы «Крестьянская война в Германии» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 343—437), вышедшему в Лейпциге в октябре 1870 года.

Впервые предисловие было напечатано в газете «Volksstaat» №№ 27 и 28, 2 и 6 апреля 1870 г., затем в том же году — в отдельном издании работы «Крестьянская война в Германии». В 1875 г. это предисловие, к которому автор добавил второй раздел, было воспроизведено в третьем издании книги. — *412.*

[343] W. Zimmermann. «Allgemeine Geschichte des grosen Bauernkrieges». Th. 1—3, Stuttgart, 1841—1843 (В. Циммерман. «История великой крестьянской войны». Ч. 1—3, Штутгарт, 1841—1843). — *412.*

[344] Имеется в виду крайнее левое крыло общегерманского Национального собрания, заседавшего во Франкфурте-на-Майне во время революции 1848—1849 годов; оно представляло интересы преимущественно мелкой буржуазии, но пользовалось поддержкой и со стороны частя немецких рабочих. — *412.*

[345] Речь идет о работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», которая представляет собой серию статей, написанных с января по 1 ноября 1850 г. для журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 5—110).

«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» см. настоящее издание, т. 8, стр. 115—217. — *413.*

[346] См. настоящее издание, т. 7, стр. 436. — *413.*

[347] *Национал-либералы* — партия немецкой, в первую очередь прусской буржуазии, образовавшаяся осенью 1866 г. в результате раскола буржуазной партии прогрессистов. Национал-либералы отказались от притязания буржуазии на политическое господство ради удовлетворения материальных интересов этого класса и ставили своей основной целью объединение немецких государств под главенством Пруссии; их политика отражала капитуляцию немецкой либеральной буржуазии перед Бисмарком. — *414.*

[348] Имеются в виду Бавария, Баден, Вюртемберг. — *414.*

[349] Речь идет о королевстве Ганновер, курфюршестве Гессен-Кассель и великом герцогстве Нассау, присоединенных Пруссией к своей территории после австро-прусской войны 1866 года. — *415.*

[350] *Немецкая народная партия,* возникшая в 1865 г., состояла из демократических элементов мелкой буржуазии и отчасти буржуазии, главным образом южногерманских государств. В противоположность национал-либералам, Немецкая народная партия выступала против установления гегемонии Пруссии в Германии и отстаивала план так называемой «Великой Германии», в которую должна была входить как Пруссия, так и Австрия. Проводя антипрусскую политику и выдвигая общедемократические лозунги, эта партия в то же время являлась выразительницей партикуляристских стремлений некоторых германских государств. Пропагандируя идею федеративного германского госу-

дарства, она выступала против объединения Германии в форме единой централизованной демократической республики.

В 1866 г. к Немецкой народной партии примкнула Саксонская народная партия, основное ядро которой составляли рабочие. Это левое крыло Народной партии, не имевшее в сущности ничего общего с ней, кроме антипрусских настроений и стремления совместными усилиями решить вопрос о национальном объединении страны демократическим путем, развивалось в дальнейшем в социалистическом направлении. Основная часть партии, отделившись от мелкобуржуазных демократов, приняла участие в образовании в августе 1869 г. Социал-демократической рабочей партии. — *415.*

[351] См. примечание 79. — *415.*

[352] Имеется в виду Базельский конгресс Интернационала, на котором 10 сентября 1869 г. по вопросу о земельной собственности была принята следующая предложенная сторонниками Маркса резолюция:

«1) Общество имеет право упразднить частную собственность на землю и обратить ее в общественную собственность.

2) Необходимо упразднить частную собственность на землю и обратить ее в общественную собственность». — *419.*

[353] Статья *«Английское правительство и заключенные фении»* была послана Марксом в газету «Internationale» с целью разоблачения перед лицом европейской общественности колониальной политики правительства Гладстона в Ирландии. Как сообщал Маркс в письме к Энгельсу 9 марта 1870 г., статья представляла собой набросок в виде частного письма редактору газеты Де Папу. Маркс предполагал, что набросок будет переработан Де Папом в статью. Однако редакция поместила присланный Марксом набросок дословно, разделив его на две части, которые были напечатаны 27 февраля и 6 марта 1870 г. в №№ 59 и 60 газеты. При этом редакция в № 59 сделала небольшие пояснения от себя в скобках и добавила следующую концовку: «Мы опубликуем в нашем ближайшем номере результаты дознания об *убийстве* Майкла Терберта, а также наши соображения по поводу весьма важного дела о заключенных фениях. Нет нужды говорить, что мы полностью присоединяемся к негодованию нашего корреспондента по поводу столь жестоких методов обращения». В № 60 редакция добавила первый абзац и следующее заключение:

«Резюмируем: Терберт был заключен в Маунтджойскую тюрьму, где имеются только одиночные камеры. После нескольких месяцев пребывания в этой тюрьме доктор О'Доннелл требует, чтобы Терберта перевели на Спайк-Айленд, где одиночный режим не применяется; он основывается на том, что здоровье заключенного не позволит ему вынести одиночный режим.

Как отнеслись к требованию врача? В тюрьме на Спайк-Айленде заключенные, правда, содержатся вместе, но там имеются одиночные камеры для тех, которых подвергают наказанию; и на Терберта усердно налагают наказание за наказанием, чтобы держать его в убийственном для него одиночном заключении. Каждый раз, как этот несчастный покидает свою больничную койку, его сажают на хлеб и воду, тогда как он нуждается в тщательном уходе для полного выздоровления. Негодяй, доктор Келли, покрывает авторитетом науки это убийство. Обратите внимание на показание Питера Хея, начальника тюрьмы. В нем говорится, что большая часть наказаний была вызвана непочти-

тельными выражениями заключенного по адресу врача; следовательно, доктор Келли не только не протестовал против дурного обращения с заключенным, но и давал повод к наложению на него наказаний. Он был одновременно доносчиком и палачом.

Таким образом, вердикт заклеймил двух убийц — Питера Хея и Келли. Но это и все: их не только не привлекут к ответственности, но они сохранят свои должности; по всей вероятности, Гладстон даже даст им повышение, и они будут вкушать плоды своего преступления до дня народного суда. В то время как виновные считают себя в полной безопасности, народ готовит виселицы; будем надеяться, что Хей и Келли, к чести человечества, не умрут на своих постелях, но будут *линчеваны* в назидание грядущим негодяям, — на тот случай, если реакция восторжествует еще раз.

Какую ужасную месть готовятся обрушить на свою голову с изумительной беззаботностью все эти презренные негодяи, начиная от монархов и их министров и кончая самыми подлыми их палачами! Знайте же, люди, наслаждающиеся чужими муками: нет ни одного злодеяния, ни одной подлости, ни одного неправого дела, ни одной слезы, которых бы мы не записали; мы на каждого составим счет, и есть уже немало таких, которые изрядно обременены долгами. Пусть же те, кто еще не слишком далеко зашел по пути злодеяний и угнетения народа, остановятся и постараются загладить свою вину, пока еще есть время. Наступит день, когда поздно будет молить о пощаде: народ будет неумолим, ибо ему предстоит мстить за миллионы погибших». — *421.*

[354] Имеется в виду книга: Garibaldi. «The Rule of the Monk, or Rome in the nineteenth century». London, 1870 (Гарибальди. «Иго монахов, или Рим в XIX веке». Лондон, 1870). — *421.*

[355] *«The Irish People»* («Ирландский народ») — ирландская еженедельная газета, главный орган фениев, издавалась в Дублине с 1863 по 1865 год; была запрещена английским правительством, а члены ее редакции арестованы. — *421.*

[356] Имеется в виду *Habeas Corpus Act,* который был принят английским парламентом в 1679 году. По этому акту каждый приказ об аресте должен быть мотивирован, и арестованный либо должен в короткий срок (от 3 до 20 дней) предстать перед судом, либо быть освобожденным. Действие Habeas Corpus Act не распространяется на дела по обвинению в государственной измене и может быть приостановлено решением парламента. — *423.*

[357] Имеется в виду разоблачение Гладстоном жестокого обращения неаполитанского правительства Фердинанда II с заключенными, участниками национально-освободительной борьбы 1848—1849 гг., в брошюре «Two Letters to the Earl of Aberdeen on the State Persecutions of the Napolitan Government». London, 1851 («Два письма графу Абердину по поводу преследований государственных преступников неаполитанским правительством». Лондон, 1851). — *424.*

[358] *Land Bill* — законопроект для Ирландии, обсуждавшийся английским парламентом в первой половине 1870 года. Внесенный Гладстоном от имени английского правительства под предлогом помощи ирландским арендаторам, но снабженный различными оговорками и ограничениями,

законопроект по существу оставлял незыблемыми основы крупного землевладения английских лендлордов в Ирландии; он сохранял для них возможность повышения ренты и сгона арендаторов с земли, обусловливая его лишь уплатой известной компенсации последним за мелиоративные работы и устанавливая для этого определенную судебную процедуру. Земельный акт был принят в августе 1870 года. Лендлорды всячески саботировали осуществление акта и под различными предлогами нарушали его. Акт в значительной степени способствовал концентрации крупного фермерского хозяйства в Ирландии и разорению мелких ирландских арендаторов. — *424.*

359 Имеется в виду речь Гладстона в палате общин 15 февраля 1870 г., опубликованная в «Times» 16 февраля 1870 года. — *425.*

360 Результаты дознания о смерти Майкла Терберта опубликованы в газете «Irishman» № 34, 19 февраля 1870 года.

«The Irishman» («Ирландец») — ирландская еженедельная газета буржуазно-националистического направления, издавалась с 1858 по 1885 г. сначала в Белфасте, затем в Дублине; выступала в защиту фениев. — *426.*

361 Русская секция I Интернационала была основана весной 1870 г. в Швейцарии группой русских политических эмигрантов из разночинной демократической молодежи, воспитанной на идеях великих революционеров-демократов — Чернышевского и Добролюбова. Большую роль в деле подготовки создания этой секции сыграл умерший в 1869 г. член Интернационала А. А. Серно-Соловьевич. 12 марта 1870 г. Комитет секции направил Генеральному Совету свою программу, устав, а также письмо Марксу с просьбой быть ее представителем в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих. Программа Русской секции так определяла стоящие перед ней задачи: «1. Пропагандировать в России всеми возможными рациональными средствами, — особый род и способ которых вытекает из самого положения страны, — идеи и начало Интернациональной Ассоциации. 2. Способствовать устройству интернациональных секций в среде русских рабочих масс. 3. Помогать установлению прочной, солидарной связи между трудящимися классами России и Западной Европы, и оказанием взаимной помощи способствовать более успешному достижению их общей цели освобождения» («Народное дело» № 1, 15 апреля 1870 года).

На заседании Генерального Совета 22 марта 1870 г. Русская секция была принята в Интернационал, и Маркс взял на себя обязанность представлять ее в Генеральном Совете. Русская секция оказала Марксу и Энгельсу большую помощь в их борьбе против раскольнической деятельности бакунистов. Члены Русской секции — Н. Утин, А. Трусов, Е. Бартенева, Г. Бартенев, Е. Дмитриева, А. Корвин-Круковская принимали активное участие в швейцарском и международном рабочем движении. Секция делала попытки наладить связи с революционным движением в самой России. Фактически секция распалась в 1872 году.

Письмо Маркса было опубликовано в газете «Народное дело» № 1, 15 апреля 1870 года.

«Народное дело» — журнал (с апреля 1870 г. — газета), издававшийся в 1868—1870 гг. в Женеве группой русских революционеров-эмигрантов; первый номер был подготовлен Бакуниным, затем, с октября

1868 г., редакция, в которую входили Н. Утин и др., порвала с Бакуниным и выступила против его взглядов; с апреля 1870 г. — орган Русской секции Международного Товарищества Рабочих, проводивший линию Маркса и Генерального Совета; публиковал документы Интернационала. — *427.*

[362] *«Конфиденциальное сообщение»* было написано К. Марксом 28 марта 1870 г. и предназначалось для Комитета немецкой Социал-демократической рабочей партии. Этот документ, в состав которого был включен полный текст циркулярного письма Генерального Совета от 1 января 1870 г., Маркс как секретарь-корреспондент для Германии послал Л. Кугельману с просьбой передать его членам Комитета Бракке и другим.

Текст «Конфиденциального сообщения» публикуется по рукописи, приложенной Марксом к письму Кугельмана от 28 марта 1870 года. Впервые текст был полностью опубликован на немецком языке в журнале «Neue Zeit», т. 2, № 15, 12 июля 1902 года. — *429.*

[363] Имеется в виду *«La Philosophie positive»* («Позитивная философия») — французский философский журнал, проповедовавший буржуазную философию позитивизма Огюста Конта; издавался в Париже с 1867 по 1883 год. Одним из основателей и редакторов журнала был Г. Вырубов. — *430.*

[364] *«L'Eguaglianza»* («Равенство») — итальянская еженедельная газета, орган секции Интернационала в Неаполе; издавалась с ноября 1869 по январь 1870 года; находилась под влиянием бакунистов. — *422.*

[365] Имеются в виду деньги, переданные Герцену в 1858 г. русским помещиком П. А. Бахметьевым для пропаганды (так называемый бахметьевский фонд). Сведения об этом Маркс получил из письма И. Ф. Беккера от 13 марта 1870 года. — *441.*

[366] Газета «Bee-Hive» по решению Генерального Совета от 22 ноября 1864 г. была объявлена официальным органом Товарищества, о чем было сообщено в приложении к первому изданию Учредительного Манифеста и Временного Устава. Однако газета, тесно связанная с реформистскими лидерами тред-юнионов и представителями радикальной буржуазии, фактически оставалась на позициях либерального тред-юнионизма и занимала по отношению к Товариществу двусмысленную позицию — задерживала публикации документов Интернационала и фальсифицировала их, произвольно обращалась с отчетами о заседаниях Генерального Совета. Особенно подлую роль, как писал Маркс в письме к Энгельсу 1 ноября 1869 г., газета «Bee-Hive» сыграла по отношению к ирландскому национально-освободительному движению, отказавшись напечатать резолюцию в защиту фениев. После неоднократных предупреждений Генерального Совета и многочисленных жалоб, поступивших от членов Интернационала в разных странах, вопрос о поведении редакции «Bee-Hive» был 26 апреля 1870 г. поставлен на обсуждение Совета. Маркс произнес обстоятельную речь, сохранившуюся лишь в краткой протокольной записи (см. настоящий том, стр. 636); ему было поручено составить по этому вопросу заявление для печати. Текст заявления был внесен Марксом на заседании Совета 3 мая и напечатан в газете «Volksstaat» № 38, 11 мая 1870 года. Резолюция была напечатана также в журнале «Vorbote» № 5, май 1870 г. и в ряде других органов Интернационала. Текст резолюции сохранился

в виде рукописи К. Маркса, вклеенной в протокол заседания Генерального Совета от 17 мая 1870 года. — *442.*

[367] В 1869 г. газету «Bee-Hive» купил и стал ее издателем либеральный буржуа Самюэл Морли. — *442.*

[368] Чтобы укрепить свои пошатнувшиеся позиции, правительство Наполеона III назначило на 8 мая 1870 г. плебисцит (всенародное голосование). Вопросы были сформулированы таким образом, что нельзя было выразить неодобрения политике Второй империи, не высказавшись тем самым против всяких демократических реформ. Парижская федерация Интернационала и федеральная палата профессиональных рабочих обществ в Париже выпустили 24 апреля 1870 г. манифест, в котором разоблачили этот демагогический маневр и призвали рабочих воздержаться от голосования.

Накануне плебисцита члены парижской федерации были арестованы. Их обвиняли в подготовке заговора с целью убийства Наполеона III. Одновременно начались преследования членов Интернационала в Лионе, Руане, Марселе и других городах страны. С 22 июня по 5 июля 1870 г. происходил третий процесс над членами парижской федерации Интернационала. Обвинение в заговоре потерпело провал; обвиняемых осудили не за участие в мнимом заговоре, а за принадлежность к Интернационалу.

Данное воззвание, написанное Марксом, было принято Генеральным Советом на заседании 3 мая 1870 г. и текст его на английском языке был опубликован отдельной листовкой и в газетах «Daily Telegraph» 4 мая 1870 г. и «Eastern Post» 7 мая 1870 г. за подписями членов Генерального Совета. Французский текст воззвания, перевод которого сделал сам Маркс, был опубликован в «Marseillaise» № 138, 7 мая 1870 г., «Liberte» № 150, 8 мая 1870 г., «Egalite» № 20, 14 мая 1870 г. и др.; на немецком языке воззвание было опубликовано в «Volksstaat» № 38, 11 мая 1870 г. и «Vorbote» № 5, май 1870 года. В настоящем издании воззвание печатается по рукописи К. Маркса, вклеенной в протокол Генерального Совета от 3 мая 1870 года.

«Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф») — английская ежедневная газета, основана в Лондоне в 1855 году.

«The Eastern Post» («Почта Ист-Энда») — рабочая еженедельная газета, выходила в Лондоне с 1868 по 1873 год. С февраля 1871 года — орган Генерального Совета Интернационала.

«La Marseillaise» («Марсельеза») — французская ежедневная газета, орган левых республиканцев, издавалась в Париже с декабря 1869 по сентябрь 1870 года; газета помещала материалы о деятельности Интернационала и о рабочем движении. — *443.*

[369] Первый процесс Парижского правления Интернационала происходил в марте 1868 года. Второй процесс имел место 22 мая — 19 июня 1868 года. — *444.*

[370] Данная резолюция была внесена на заседании Генерального Совета 10 мая 1870 г. Г. Юнгом от имени Маркса, отсутствовавшего по болезни. Группа французских мелкобуржуазных эмигрантов в Лондоне, сторонников Ф. Пиа, утратившая после резолюции Генерального Совета от 7 июля 1868 г. (см. настоящий том, стр. 324) всякую связь с Интернационалом, продолжала именовать себя Французской секцией в Лон-

доне и выпускать документы от имени Международного Товарищества Рабочих. В течение 1869 г. в Генеральном Совете неоднократно поднимался вопрос об официальном отмежевании от этой группы. Весной 1870 г. такое отмежевание стало тем более необходимым, что в это время во Франции готовился третий процесс против членов Интернационала, причем в качестве обвинительных материалов фигурировали документы так называемой «Французской секции в Лондоне», в частности обращение, принятое на собрании 20 октября 1868 г., в котором Интернационал отождествлялся с тайным республиканским обществом Революционная коммуна, руководимым Ф. Пиа.

Текст резолюции на английском языке сохранился в виде рукописи Маркса, вклеенной в протокол от 10 мая 1870 г., а также был опубликован в газете «Penny Bee-Hive» № 418, 14 мая 1870 года.

Сохранился также французский текст резолюции, переписанный рукой О. Серрайе; этот текст был опубликован в газетах «Marseillaise» № 145, 14 мая 1870 г., «Internationale» № 70, 15 мая 1870 г., «Egalite» № 21, 21 мая 1870 года. На немецком языке резолюция была напечатана в газете «Volksstaat» № 41, 21 мая 1870 года. В настоящем издании за основу взят рукописный текст резолюции, сверенный с текстом газеты «Penny Bee-Hive». — *447.*

[371] Предложение об изменении места созыва очередного конгресса, который в соответствии с решением Базельского конгресса должен был собраться в Париже, было внесено Марксом на заседании Генерального Совета 17 мая 1870 года. Предложение это было сделано в связи с усилением преследований, направленных правительством Наполеона III против рабочего и демократического движения и, в частности, против Интернационала.

Однако и в Майнце конгресс не смог собраться в связи с начавшейся в июле 1870 г. франко-прусской войной. На заседании Генерального Совета 2 августа 1870 г. Маркс предложил узнать мнение местных секций и федераций относительно отсрочки конгресса. Получив согласие местных организаций, Генеральный Совет 23 августа 1870 г. официально отсрочил созыв очередного конгресса «до более подходящего момента».

Предложенная Марксом резолюция о созыве конгресса в Майнце была утверждена Генеральным Советом 17 мая 1870 г. и напечатана в газете «Volksstaat» № 42, 25 мая 1870 г., а затем в журнале «Vorbote» № 6, июнь 1870 г. и в газетах «Egalite» № 22, 28 мая 1870 г. и «Mirabeau» № 45, 29 мая 1870 года. На английском языке текст резолюции сохранился в протокольной книге Генерального Совета и в виде рукописной копии, сделанной Элеонорой Маркс.

«Le Mirabeau» («Мирабо») — еженедельная бельгийская газета, выходила в Вервье с 1868 по 1874 год; орган бельгийских секций Интернационала. — *448.*

[372] Письмо Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии было написано Марксом и Энгельсом 14 июня 1870 г. в связи с предстоявшим в сентябре 1870 г. конгрессом Интернационала. Поело решения Генерального Совета от 17 мая 1870 г. о проведении очередного конгресса в Майнце Штумпф по поручению Либкнехта обратился к Марксу в письме от 11 июня с просьбой перенести время созыва конгресса на октябрь, в связи с предстоявшими в Германии в сентябре выборами в рейхстаг. 12 июня с той же просьбой обратились Комитет Социал-демократической рабочей партии в Генеральный Совет,

а Гейб к Марксу. Маркс был решительно против отсрочки конгресса, свое мнение по этому вопросу он изложил помимо данного документа в письме Комитету Социал-демократической рабочей партии от 27 июня 1870 г. (см. настоящий том, стр. 637).

Настоящее письмо Маркса и Энгельса было опубликовано в газете «Volksstaat» № 51, 26 июня 1872 г., а также в книге «Leipziger Hochverrathsprozes. Ausfuhrlicher Bericht uber die Verhandlungen des Schwurgerichts zu Leipzig in dein Prozes gegen Liebknecht, Bebel und Hepner wegen Vorbereitung zum Hochverrath vom 11—26. Marz 1872». Leipzig, 1872 («Лейпцигский процесс о государственной измене. Подробный отчет о заседаниях лейпцигского суда присяжных во время процесса против Либкнехта, Бебеля и Гепнера по обвинению их в подготовке государственной измены 11—26 марта 1872 года». Лейпциг, 1872). Текст письма имеется также в изданиях 1874 г. и 1894 г., последнее подготовлено В. Либкнехтом по поручению Комитета Социал-демократической рабочей партии. — *449.*

[373] *Штутгартский съезд* немецкой Социал-демократической рабочей партии состоялся 4—7 июня 1870 года. — *449.*

[374] *«North German Correspondence»* («Северогерманская корреспонденция») — информационный бюллетень бисмарковского правительства, издававшийся под данным названием в Берлине на английском языке в 1869—1870 годах.

Вельфский фонд — специальный фонд, находившийся в личном распоряжении Бисмарка и предназначенный для подкупа прессы. — *450.*

[375] После реорганизации редакции «Egalite» (см. примечание 329) бакунисты, стремясь отвоевать утраченные позиции, явились на очередной съезд Романской федерации в Ла-Шо-де-Фоне 4—6 апреля 1870 г., обеспечив себе формальное большинство голосов: они располагали 21 мандатом от незначительных и отчасти фиктивных секций против 12 мандатов от женевских секций и 6 мандатов от местных секций, по той или иной причине выступавших против Бакунина. В порядке дня съезда стоял вопрос об отношении рабочего класса к политической борьбе, причем бакунисты, в противовес женевским секциям и ссылаясь на фальсифицированный французский текст Устава, выступили с проповедью полного воздержания от политической борьбы. По настоянию Бакунина работа съезда началась с приема в Романскую федерацию вновь образованных секций. По вопросу о приеме основанной Бакуниным в Женеве секции под названием «Альянс социалистической демократии. Центральная секция» (см. примечание 305) и бакунистской секции в Ла-Шо-де-Фоне разгорелась ожесточенная борьба. С разоблачением раскольнической деятельности Бакунина выступил один из руководителей Русской секции в Женеве Н. Утин. Произошел раскол: женевские делегаты и другие сторонники Генерального Совета продолжили работу самостоятельно.

Сторонники Альянса присвоили себе звание романского съезда, избрали новый федеральный комитет и перенесли его местопребывание в Ла-Шо-де-Фон. Таким образом в Романской Швейцарии создалось два федеральных комитета: в Женеве и в Ла-Шо-де-Фоне. Бакунисты приступили к изданию газеты «La Solidarite» («Солидарность»), которая выходила под редакцией Дж. Гильома в Невшателе, а затем — в Женеве с 11 апреля 1870 по 12 мая 1871 г. и являлась продолжением «Progres».

12 апреля 1870 г. Генеральный Совет, получив известие о событиях на съезде, поручил Г. Юнгу собрать дополнительный материал, который был сообщен Совету на ряде заседаний в течение апреля и мая. 28 июня, в ответ на настоятельную просьбу членов женевского комитета, Совет принял предложенную Марксом резолюцию. Резолюция, посланная обоим федеральным комитетам секретарем-корреспондентом для Швейцарии Юнгом, была опубликована в газете «Solidarite» № 16, 23 июля 1870 года, а также в газете «Mirabeau» № 53, 24 июля 1870 года. — *451.*

376 Вопросу о локауте строительных рабочих в Женеве было посвящено заседание Генерального Совета 21 июня 1870 г., на котором Марксу было поручено составить обращение к профсоюзам и секциям Интернационала в Европе и Америке. Написанный Марксом текст воззвания был утвержден Советом на заседании 5 июля и опубликован в виде листовки на английском, немецком и французском языках: «The Look-out of the Building Trades at Geneva. The General Council of the International Working Men's Association to the Working Men and Women of Europe and the United States»; «Die Aussperrung der Bauarbeiter in Genf. Der Generalrath der internationalen Arbeiterassoziation an die Arbeiter und Arbeiterinnen in Europa und den Vereinigten Staaten»; «La Greve des corps de metiers en batiment a Geneve. Appel du Conseil general de l'Association Internationale des Travailleurs aux travailleurs et travailleuses de l'Europe et des Etats-Unis». Немецкий текст был также опубликован в газетах «Volksstaat» № 56, 13 июля 1870 г., «Volkswille» № 25, 16 июля 1870 г. и в журнале «Vorbote» № 7, июль 1870 года. В основу настоящего издания положен текст английской листовки, сверенный с немецким и французским текстами. Важнейшие разночтения даются под строкой.

«Volkswille» («Воля народа») — австрийская рабочая газета, выходила в Вене с января 1870 по июнь 1874 года. — *452.*

377 Имеется в виду обращение, принятое 2 июня 1870 г. на собрании Ассоциации предпринимателей строительной промышленности в кантоне Женева и напечатанное в виде плаката, в котором вся ответственность за организацию стачки в Женеве возлагалась на Интернационал; предприниматели требовали от властей применения статьи федеральной конституции, дающей правительству право высылать «иностранцев, нарушающих внутреннюю и внешнюю безопасность Швейцарии». — *453.*

378 *«Конфиденциальное извещение всем секциям»* было составлено Марксом в связи с подготовкой к очередному конгрессу. На заседании Генерального Совета 28 июня 1870 г. Маркс внес предложение обсудить в секциях вопрос об изменении местонахождения Генерального Совета, мотивируя это необходимостью не создавать привилегированных условий для рабочих той или иной страны; предложение Маркса было принято. Однако оно встретило противодействие со стороны члена Генерального Совета Хейлза. Вопрос снова обсуждался Генеральным Советом 5 и 12 июля, в результате чего предложение Хейлза было отклонено. 14 июля Маркс передал Г. Юнгу текст конфиденциального извещения для отправки его в Швейцарию; сохранился также текст, посланный Де Папу секретарем-корреспондентом Генерального Совета для Бельгии О. Серрайе. Секции высказались против изменения местопребывания Генерального Совета, считая Лондон наиболее подходящим местом для деятельности руководящего органа Международного Товарищества Рабочих.

В настоящем томе извещение печатается по рукописи, приложенной к письму Маркса Г. Юнгу от 14 июля 1870 года; документ, не предназначавшийся в свое время для печати, публикуется впервые. — *455.*

[379] Составленная Марксом повестка дня очередного конгресса, который должен был открыться 5 сентября 1870 г. в Майнце, была утверждена Генеральным Советом 12 июля 1870 года. При обсуждении ее на заседании Генерального Совета Маркс несколько раз брал слово для разъяснения отдельных вопросов. Текст, утвержденный Советом, был издан в виде листовки на английском языке под заглавием «The Fifth Annual Congress of the International Working Men's Association». В письме к Юнгу от 14 июля 1870 г. Маркс приводит полный текст повестки дня, рекомендуя сохранить указанное им расположение вопросов. В настоящем издании повестка дня воспроизводится по этому рукописному тексту, более полному, чем текст печатной листовки.

Повестка дня конгресса в Майнце была также опубликована в ряде газет на французском и немецком языках: «Solidarite» № 17, 30 июля 1870 г., «Liberte» № 162, 31 июля 1870 г., «Volksstaat» № 65, 13 августа 1870 г. и в журнале «Vorbote» № 7, июль 1870 года. — *456.*

[380] *«Набросок непроизнесенной речи по ирландскому вопросу»* был составлен Марксом для выступления на дискуссии по ирландскому вопросу в Генеральном Совете 26 ноября 1867 года. Обсуждение ирландского вопроса в Генеральном Совете, начатое 19 ноября (см. примечание 195), было перенесено по предложению Маркса на очередное заседание, на котором Маркс рассчитывал произнести свою речь. Однако незадолго до заседания, 23 ноября, в Манчестере были казнены трое из осужденных фениев. Подготовленную речь Маркс счел неподходящей для той обстановки всеобщего возбуждения, которая создалась в связи с казнью; он уступил слово П. Фоксу, считая к тому же целесообразным, чтобы в такой острый момент с выражением симпатии ирландцам и осуждением кровавого акта английского правительства выступил именно английский член Генерального Совета. Позднее, готовясь к своему докладу по ирландскому вопросу в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих (набросок доклада, прочитанного Марксом 16 декабря 1867 г., см. в настоящем томе, стр. 465—478, протокольную запись его см. стр. 579—581), Маркс использовал набросок непроизнесенной речи и собранные к ней материалы.

Отдельные выдержки из рукописи наброска непроизнесенной речи по ирландскому вопросу были опубликованы в книге П. Керженцева «Ирландия в борьбе за независимость». Москва, 1936. — *459.*

[381] Имеется в виду акт об устроении Ирландии, принятый Долгим парламентом 12 августа 1652 г., в период английской буржуазной революции, после подавления Англией национально-освободительного восстания в Ирландии 1641—1652 годов. Акт законодательно закрепил установленный английскими колонизаторами в Ирландии режим кровавого насилия и террора и санкционировал грандиозный грабеж ирландских земель в пользу представителей английской буржуазии и «нового», обуржуазившегося дворянства. Согласно этому акту большинство коренного населения Ирландии объявлялось «виновным в мятеже». В число «виновных» включались даже те ирландцы, которые хотя и не были непосредственными участниками восстания, но не проявили должной «преданности» английскому

государству. Объявленные «виновными» делились в зависимости от степени причастности к восстанию на категории и подвергались суровым репрессиям: смертной казни, изгнанию, конфискации имущества. 26 сентября 1653 г. акт об устроении Ирландии был дополнен новым актом, который предписывал насильственное переселение подвергшихся конфискации ирландцев в пустынную провинцию Коннот и графство Клэр и устанавливал порядок наделения конфискованными у ирландцев землями кредиторов парламента, офицеров и солдат английской армии. Оба акта закрепили и расширили экономические основы английского лендлордизма в Ирландии. — *459.*

382 *Habeas Corpus Act* — см. примечание 356. — *459.*

383 Характеризуя этими словами кровавую политику английского правительства по отношению к ирландским фениям, Маркс использует оценку фенианского движения, данную в обращении английской королевы к парламенту 19 ноября 1867 года.

«The Chronicle» («Хроника») — английский еженедельник католического направления; выходил в Лондоне в 1867—1868 годах. — *459.*

384 В 1840 г. во время неудачной попытки в Булони произвести государственный переворот Луи Бонапарт выстрелом ранил офицера правительственных войск. В письме к Марксу от 24 ноября 1867 г. Энгельс, ссылаясь на этот эпизод, отмечал, что господствующие классы Англии за аналогичный поступок, вдобавок еще ложно инкриминируемый, послали на виселицу фениев, проявив в то же время угодничество и низкопоклонство по отношению к коронованному преступнику — Наполеону III. — *459.*

385 *Система «корн-эйкр»* — характерная для ирландского землепользования система, при которой более крупный арендатор, как правило спекулянт-посредник (мидлмен), сдавал на кабальных условиях землю небольшими участками размером в пол-акра или акр в субаренду беднейшим арендаторам или батракам. Название «корн-эйкр» (corn-acre — буквально: «зерновой акр») вошло в употребление с XVIII века, после принятия закона, предписывавшего использовать под зерновые культуры сдаваемые в аренду мелкие участки. — *461.*

386 *Отмена хлебных законов* в 1846 г., приведшая к падению цен на зерно вследствие сокращения спроса в Англии на ирландский хлеб, а также усиление спроса на шерсть и другие продукты скотоводства в Ирландии, содействовали переходу лендлордов и зажиточных фермеров к крупному пастбищному хозяйству, что повлекло за собой в середине XIX в. массовый сгон ирландских мелких арендаторов с земли («очистка имений»). — *462.*

387 Рассматривая бедственное положение ирландского крестьянства в связи с «очисткой имений», Маркс ссылается здесь на аналогичный процесс насильственного обезземеления жителей горной Шотландии (гэлов) англо-шотландской аристократией в XVIII — начале XIX века; характеристика этого процесса дана Марксом в статье «Выборы. — Финансовые осложнения. — Герцогиня Сатерленд и рабство» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 521—528), а также в XXIV главе I тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 739—742). — *462.*

388 *Круглоголовыми* в период английской буржуазной революции XVII в. называли сторонников парламента за их пуританский обычай коротко

стричь волосы в отличие от кавалеров — сторонников короля, носивших длинные волосы. — *462.*

[389] См. примечание 335. — *463.*

[390] *Борьба за эмансипацию католиков* — движение в первые десятилетия XIX в. за отмену ограничений политических прав католиков, большинство которых составляли ирландцы. В Ирландии этим движением руководила либеральная буржуазия во главе с О'Коннелом, увлекшая лозунгом эмансипации католиков крестьянские массы. Движение завершилось в 1829 г., когда католики получили права занимать некоторые правительственные должности и быть избранными в парламент; одновременно имущественный избирательный ценз был увеличен в пять раз. С помощью этого маневра правящие классы Англии рассчитывали привлечь на свою сторону верхушку ирландской буржуазии и католических землевладельцев и таким образом расколоть ирландское национальное движение. — *463.*

[391] Речь идет об отказе Лиги реформы (см. примечание 170) поддержать национально-освободительное движение ирландцев. На заседании совета Лиги реформы 1 ноября 1867 г. была принята предложенная буржуазными радикалами резолюция, в которой осуждалось фенианское движение. Резолюция совета Лиги реформы подверглась резкому осуждению со стороны Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих во время дискуссии по ирландскому вопросу в ноябре 1867 года. — *464.*

[392] Публикуемый набросок был положен Марксом в основу доклада по ирландскому вопросу, прочитанного им 16 декабря 1867 г. на собрании лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих, на котором присутствовали также представители ряда других рабочих обществ Лондона и некоторые члены Генерального Совета Интернационала. Доклад продолжался полтора часа и вызвал большой интерес присутствовавших. Маркс получил приглашение выступить с докладом на эту же тему в других обществах немецких рабочих в Лондоне. При всей своей обстоятельности набросок является лишь предварительной, черновой рукописью, отнюдь не исчерпывающей всего содержания прочитанного Марксом доклада. — *465.*

[393] Имеются в виду три крупнейших национально-освободительных восстания в Ирландии. Первое из них (1641—1652 гг.) произошло в период английской буржуазной революции и явилось ответом ирландского крестьянства и экспроприированного дворянства на колонизаторскую политику английского абсолютизма, продолженную в годы революции представителями английской буржуазии и «нового», обуржуазившегося дворянства. В восстании приняла участие англоирландская клановая знать (потомки английских феодалов — завоевателей Ирландии, породнившихся с ирландской клановой аристократией), поставленная под угрозу конфискации владений, и значительная часть католического духовенства. Из этой среды вышло большинство руководителей повстанцев. Подавление восстания войсками английской республики под командованием Кромвеля усилило позиции обогатившегося за счет колониального грабежа Ирландии «нового» дворянства и способствовало восстановлению монархии в Англии в 1660 году.

Поводом ко второму восстанию (1689—1691 гг.) явился государственный переворот 1688 г. в Англии («славная революция»), приведший к утверждению буржуазно-аристократической конституционной монархии во главе с Вильгельмом III Оранским. Изгнанный из Англии Яков II Стюарт, стремясь использовать ирландское движение для возвращения престола, официально возглавил восстание. Однако цели английских реакционеров-якобитов и ирландских повстанцев расходились. Под давлением последних Яков II вынужден был временно признать независимость ирландского парламента и отмену колонизаторских актов, санкционировавших конфискацию ирландских земель. Длительная военная кампания кончилась поражением повстанцев.

Третье восстание (май — июнь 1798 г.) было вызвано колониальным гнетом, провокационно-террористической политикой английского правительства, разгромившего ирландские патриотические организации, бесчинством колониальных властей и навербованных английскими лендлордами реакционных банд. Восстание явилось кульминационным моментом подъема национально-освободительного движения в Ирландии, усилившегося под влиянием войны за независимость английских колоний в Америке и французской буржуазной революции конца XVIII века. Во главе восстания стояло революционное крыло буржуазно-патриотического общества Объединенные ирландцы (основано Уолфом Тоном в Белфасте в 1791 г.), представители которого стремились к провозглашению независимой ирландской республики. Слабая связь руководства Объединенных ирландцев с крестьянством, составлявшим основную массу повстанцев, арест накануне восстания большинства его организаторов, распыленный и в значительной мере стихийный характер восстания обусловили его поражение. Потерпели неудачу и попытки высадки в Ирландии в помощь повстанцам французского десанта. Жестоко подавив восстание, английское правительство провело колонизаторскую англоирландскую унию 1801 года (см. примечание 335). — *465.*

394 Около 1155 г. папа Адриан IV издал буллу, в которой жаловал английскому королю Генриху II титул верховного правителя Ирландии и давал санкцию на завоевание этой страны под предлогом упорядочения ирландских церковных дел в обмен на обещание подчинить ирландскую церковь римскому престолу. Генрих II воспользовался этим «пожалованием» для своей завоевательной экспедиции в Ирландию в 1171 году.

В 1576 г. в связи с обострением противоречий между протестантской Англией и католическими державами папа Григорий XIII объявил королеву Елизавету лишенной прав на корону Ирландии. — *466.*

395 *Пейл* (Pale — буквально: «ограда») — название английской средневековой колонии в Ирландии, основанной в результате завоевания англо-нормандскими феодалами в XII в. юго-восточной части острова. Колония, на границах которой завоеватели возвели укрепления (отсюда название), послужила англичанам базой для непрерывных войн против населения незавоеванной части Ирландии, завершившихся в XVI—XVII вв. покорением всей страны. — *466.*

396 Имеется в виду *англо-ирландский парламент,* впервые созванный в конце XIII в. и первоначально состоявший из представителей крупных феодалов и высшего духовенства английской колонии в Ирландии

(Пейла). С распространением власти англичан на весь остров парламент сделался представительным органом английской и англо-ирландской аристократии при английском наместнике Ирландии; полномочия парламента были крайне ограничены. Согласно изданному в 1495 г. закону, созыв парламента и принятие им законодательных актов допускались только с санкции королевского Тайного совета. Лишенный фактически законодательной инициативы, реакционный по своему составу англо-ирландский парламент долгое время играл роль орудия английских колониальных властей. Лишь в 80-е годы XVIII в. под влиянием роста национально-освободительного движения английское правительство вынуждено было согласиться на расширение прав ирландского парламента; однако с введением англо-ирландской унии 1801 г. ирландский парламент был вообще упразднен. — *467.*

[397] См. примечание 381. — *467.*

[398] Имеется в виду Лимерикская капитуляция — договор, заключенный в октябре 1691 г. между ирландскими повстанцами и представителями английского командования и утвержденный королем Вильгельмом III. Согласно договору войска повстанцев капитулировали на почетных условиях; солдатам и офицерам предоставлялось право поступления на иностранную службу или зачисления в армию Вильгельма III; жителям Ирландии, в том числе католикам, была обещана амнистия, сохранение имущества и избирательных прав, свобода совести и т. д. За несколько месяцев до заключения Лимерикского договора аналогичные договоры были заключены при капитуляции гарнизонов повстанцев в Голуэе и других городах. Условия этих договоров были вскоре грубо нарушены английскими колонизаторами. — *467.*

[399] Речь идет о лендлордах, имевших поместья в Ирландии, но постоянно живших в Англии; поместья отсутствовавших лендлордов управлялись земельными агентами, применявшими хищнические методы эксплуатации крестьян, или сдавались в аренду спекулянтам-посредникам, в свою очередь передававшим их в субаренду мелкими участками крестьянам-арендаторам. — *468.*

[400] W. Molyneux. «The Case of Ireland's Being Bound by Acts of Parliament in England Stated». Dublin, 1698 (У. Молинью. «Положение дел в Ирландии, ущемляемой актами английского парламента». Дублин, 1698). — *468.*

[401] *Карательный кодекс* (Penal Code или Penal Laws) — серия законов, изданных английскими колонизаторами с конца XVII в. и особенно первой половины XVIII в. для Ирландии под предлогом борьбы против католических заговоров и врагов англиканской религии. Эти законы фактически лишали коренных ирландцев, большинство которых было католиками, всяких гражданских и политических прав. Ограничив для ирландских католиков право наследования, приобретения и отчуждения собственности и широко введя в практику конфискацию имущества за малейшие проступки, эти законы явились орудием экспроприации ирландских владельцев, еще сохранивших в своих руках земли. Карательный кодекс устанавливал тяжелые условия аренды для католиков-крестьян, способствуя закабалению их английскими лендлордами и земельными посредниками. Этот кодекс был направлен также на искоренение ирландских национальных традиций: запрещал

ирландские национальные школы, предписывал суровые кары против учителей, ирландских католических священников и т. д. Лишь в конце XVIII в. в результате подъема национально-освободительного движения в Ирландии была отменена значительная часть карательных законов. — *468.*

[402] *Фригольд* — одна из категорий мелкого земельного владения, которая ведет свое начало от средневекового английского свободного держания. Владелец фригольда платил лорду незначительную фиксированную денежную ренту и имел право свободно распоряжаться своим земельным участком. — *469.*

[403] Имеется в виду окончание в 1815 г. войны Англии против наполеоновской Франции. — *470.*

[404] *Коттеры* — одна из категорий сельского населения, ведущая свое происхождение от малоземельных и безземельных крестьян эпохи средневековья. Земельная необеспеченность в Ирландии вынуждала **их** прибегать к аренде земли на самых тяжелых условиях, к непосильной работе на лендлорда или богатого арендатора за предоставленный им небольшой клочок земли и жилище (коттедж). Положение коттеров приближалось к положению сельскохозяйственных рабочих-батраков. — *471.*

[405] *Движение рипилеров* — движение под лозунгом отмены англо-ирландской унии 1801 г. (Repeal of Union), получившее широкое распространение в Ирландии с 20-х годов XIX века. Возглавившие это движение буржуазные либералы (О'Коннел и др.) рассматривали, однако, агитацию за отмену унии лишь как средство для того, чтобы добиться от английского правительства мелких уступок ирландской буржуазии. В 1835 г. О'Коннел заключил с лидерами партии вигов *Личфилдхаусское соглашение* (переговоры происходили в доме лорда Личфилда в Лондоне — отсюда название), по которому в обмен на ряд обещанных льгот в интересах имущих классов Ирландии О'Коннел обещал оказывать поддержку вигам в парламенте и способствовать свертыванию массового движения в Ирландии. В соответствии с этой сделкой О'Коннел и его сторонники прекратили агитацию за отмену унии, но под воздействием роста народного недовольства в Ирландии вынуждены были в 1840 г. основать Ассоциацию рипилеров, которую они старались направить на путь компромисса с английскими правящими классами. Ассоциация распалась в конце 40-х годов XIX века. — *472.*

[406] См. примечание 385. — *475.*

[407] Публикуемый в томе отрывок «История Ирландии» — часть большого задуманного Энгельсом исторического труда на эту тему, над которым он работал в последние месяцы 1869 и в первой половине 1870 года. В намерение Энгельса входило разоблачить на примере истории Ирландии систему и методы английского колониального господства, показать его тяжелые последствия для исторических судеб не только угнетенной, но и угнетающей нации, подвергнуть критике работы английских буржуазных историков, экономистов и географов, искажавших историю Ирландии и ирландскую действительность в расистско-шовинистическом духе.

Мысль написать книгу по истории Ирландии возникла у Энгельса еще летом 1869 года. Чтобы ближе познакомиться со страной, он пред-

принял в сентябре этого же года путешествие по Ирландии. Для написания своей книги Энгельс изучил обширную литературу и разнообразные исторические источники: сочинения античных и средневековых писателей, анналы, сборники древних законов, законодательные акты, памятники фольклора и литературы, записки путешественников, многочисленные работы по истории, археологии, экономике, географии, геологии и т. д. Сохранившийся библиографический список Энгельса по истории Ирландии насчитывает более 150 названий. Подготовительные материалы к книге занимают большую часть составленных им в тот период 15 тетрадей с выписками, не считая заметок, фрагментов на отдельных листах, газетных вырезок. Работа над ирландскими источниками потребовала от Энгельса изучения древнеирландского языка. Отдельные места из ирландских анналов и древнескандинавских саг Энгельс сам перевел на немецкий язык. Постоянную помощь в изучении истории Ирландии оказывал Энгельсу Маркс, придававший большое значение его книге. Взгляды Маркса и Энгельса по важнейшим проблемам ирландской истории сложились в процессе совместного обсуждения.

В мае 1870 г. Энгельс приступил к литературному оформлению накопленного исследовательского материала. Сохранился следующий составленный им план работы:

«1. Природные условия
2. Древняя Ирландия
3. Английские завоевания
  1) Первые вторжения
  2) Пейл и область туземной Ирландии [Irishry]
  3) Покорение и экспроприация. 152... — 1691
4. Английское господство
  1) Карательные законы. 1691—1780
  2) Восстание и уния. 1780—1801
  3) Ирландия в составе Соединенного королевства
    а) Период мелкого крестьянства. 1801—1846
    б) Период искоренения. 1846—1870»

Энгельс успел написать целиком лишь первую главу — «Природные условия». Вторая глава — «Древняя Ирландия» — осталась незаконченной, а к написанию двух последних глав Энгельсу не удалось приступить, хотя сбор материала для всех разделов его труда был им в основном завершен (первые две главы и часть этих подготовительных материалов впервые были опубликованы в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, 1948). Обстоятельства, заставившие Энгельса прервать работу, были связаны с крупными политическими событиями, начавшимися в июле 1870 года. Франко-прусская война, Парижская Коммуна, борьба с бакунистами, огромная практическая работа в Интернационале — все это помешало Энгельсу завершить его труд. Однако результаты своих научных исследований Энгельс использовал в дальнейшей теоретической и политической деятельности. В частности, в 1884 г. при работе над соответствующими разделами своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс в значительной мере опирался на ряд научных выводов, сделанных им при исследовании общественного строя кельтов древней Ирландии. — *479.*

[408] Создание централизованного феодального государства в Англии произошло в XI—XII вв. после завоевания ее в 1066 г. герцогом Нормандии Вильгельмом Завоевателем. Особенно укрепили королевскую власть реформы, проведенные в XII в. Генрихом II Плантагенетом.

Одним из объектов завоевательных стремлений английской монархии сделалась Ирландия. В результате походов 1169—1171 гг. англонормандские бароны основали свою колонию в юго-восточной части Ирландии, получившую впоследствии название Пейл (см. примечание 395). — *481.*

[409] Имеется в виду графство Лейише (Ликс) в центральной части Ирландии, которое в 1557 г. после конфискации Тюдорами земель ирландских феодалов было переименовано в честь английской королевы Марии Тюдор в Графство Королевы (Куинс-Каунти). — *485.*

[410] R. Kane. «The Industrial Resources of Ireland». Second Edition, Dublin, 1845, p. 265. — *486.*

[411] Согласно современной терминологии: отложения мезозойской и кайнозойской эры. — *486.*

[412] A. Stieler. «Hand-Atlas». Gotha, 1868. — *489.*

[413] Речь идет о голоде 1846—1847 гг. в Ирландии. — *493.*

[414] Имеется в виду период жестоких репрессий и массовой экспроприации ирландского населения после подавления войсками английской буржуазной республики ирландского освободительного восстания 1641— 1652 годов. Согласно актам английского парламента 1652 и 1653 гг. (см. примечание 381), часть ирландских землевладельцев, объявленных «виновными в мятеже», подлежала переселению в пустынную провинцию Коннот и в болотистое южное графство Клэр. Переселение осуществлялось в насильственном порядке под угрозой смерти. — *494.*

[415] Помпоний Мела. «О расположении земли», кн. III, гл. 6. — *496.*

[416] Имеется в виду отмена в 1846 г. хлебных законов (см. примечание 386). — *497.*

[417] G. Boate. «Ireland's Natural History». London, 1652. По мнению Уэйкфилда, книга была написана около 1645 года. — *498.*

[418] J. Rutty. «An Essay towards a Natural History of the County Dublin». Dublin, 1772, 2 vol. (Дж. Ратти. «Очерк естественной истории графства Дублин». Дублин, 1772, 2 тома). — *498.*

[419] G. Symons. «British Rainfall». London, 1866. — *499.*

[420] Имеется в виду участие Англии в войне против наполеоновской Франции и зависимых от нее европейских стран (в 1812 г. Англия вела войну против Наполеона в союзе с Россией, Испанией и Португалией), а также начавшаяся в 1812 г. англо-американская война, которая была вызвана политикой непризнания национального суверенитета Соединенных Штатов Америки со стороны правящих классов Англии и попытками последней восстановить колониальное господство на территории США. — *501.*

[421] Третий том указанного издания, содержащий окончание сборника «Шенхус Мор» («Великая книга старины»), вышел в 1873 г., после того как Энгельсом была написана публикуемая работа.

Энгельс первый по достоинству оценил значение этого памятника древнеирландского права как источника для изучения общественного строя древних ирландцев. — *501.*

[422] Энгельс имеет в виду сборник «Rerum Hibernicarum Scriptores Veteres» («Древние летописцы Ирландии»), изданный в четырех томах в 1814, 1825—1826 гг. Ч. О'Конором в Бекингеме.

В этом издании была впервые опубликована часть «Анналов четырех магистров», «Анналы Тигернаха», написанные в XI—XV вв. и охватывающие события с конца III в., «Ольстерские анналы» (составлены различными хронистами XV—XVII вв. и охватывают события, начиная с середины V в.) и упоминаемые Энгельсом ниже «Инисфаленские анналы» (начало написания их обычно относят к 1215 г., изложение событий доведено до 1318 г.) и др. — *504.*

[423] Имеется в виду ирландское восстание 1798 г., участником которого был Артур О'Коннор (см. примечание 393). —*505.*

[424] *Saerrath* и *Daerrath* — два вида держаний в древней Ирландии, при которых держатель, как правило рядовой общинник, брал в пользование у вождя клана или племени и у других представителей родовой знати главным образом скот, а позднее и землю. Держание было связано с частичной утратой личной свободы (в форме Daerrath в большей степени, в форме Saerrath — в меньшей) и выполнением обременительных повинностей в пользу владельца. Эта форма зависимости была характерна для периода разложения родовых отношений в древнеирландском обществе и начала процесса его феодализации, когда при сохранении в целом общинной собственности на землю, скот и сельскохозяйственный инвентарь уже находились в частной собственности и существовали уже зародышевые формы частного землевладения. Подобные отношения регулировались в Ирландии законами брегонов — хранителей и толкователей старинных правовых обычаев — и нашли свое отражение в сборнике древнеирландских законов «Шенхус Мор».

Сделанная Энгельсом здесь отсылка «см. ниже» относилась к разделу этой главы, оставшемуся не написанным автором. — *508.*

[425] S. Bernard. «Vita S. Malachiae». — *509.*

[426] Сочинения Гиральда Камбрийского об Ирландии «Topographia Hibernica» и «Expugnatio Hibernica» (в рукописи Энгельса «Hibernia Expugnata») вошли в 5 том упомянутого Энгельсом издания «Giraldi Cambrensis Opera», выпуск которого был начат Дж. Ш. Бруэром. 5 том, изданный Дж. Ф. Димоком, вышел в 1867 году. — *509.*

[427] Имеются в виду следующие работы: M. Hanmer. «The Chronicle of Ireland» (М. Ханмер. «Хроника Ирландии»); E. Campion. «History of Ireland» (Э. Кэмпьон. «История Ирландии»); E. Spencer. «A View of the State of Ireland» (Э. Спенсер. «Взгляд на положение Ирландии»), опубликованные в издании: «Ancient Irish Histories. The Works of Spencer, Campion, Hanmer and Marleburrough». Vol. I—II, Dublin, 1809 («Старинные сочинения по истории Ирландии. Сочинения Спенсера, Кэмпьона, Ханмера и Мальборо». Тт. I—II, Дублин, 1809); J. Davies. «Historical Tracts». London, 1786 (Дж. Дэвис. «Исторические трактаты». Лондон, 1786); W. Camden. «Britannia». London, 1637

(У. Кэмден. «Британия». Лондон, 1637); F. Moryson. «An Itinerary containing Ten Years Travels through the Twelve Dominions of Germany, Bohmerland, Switzerland, Netherland, Denmark, Poland, Italy, Turkey, France, England, Scotland and Ireland». London, 1617 (Ф. Морисон. «Путевые записки, содержащие описание десятилетнего путешествия по двенадцати странам: Германии, Богемии, Швейцарии, Нидерландам, Дании, Польше, Италии, Турции, Франции, Англии, Шотландии и Ирландии». Лондон, 1617). — *510.*

[428] Это объяснение было дано в публичной лекции Гексли на тему: «Предки и предшественники английского народа», прочитанной в Манчестере 9 января 1870 года. Подробный отчет о лекции был опубликован в газете «Manchester Examiner and Times» («Манчестерский наблюдатель и Времена») 12 января 1870 года. — *511.*

[429] Диодор Сицилийский. «Историческая библиотека», книга V. — *511.*

[430] Strabo. «Geographie», ubersetzt von K. Karcher. Buch 7, Tubingen, 1835 (Страбон. «География», перевод К. Керхера. Книга 7, Тюбинген, 1835). — *511.*

[431] J. Grimm. «Deutsche Rechtsalterthumer». Gottingen, 1828, S. 488. — *511.*

[432] Ch. Fourier. «Le nouveau monde industriel et societaire ou invention du procede d'industrie attrayante et naturelle distribuee en series passionnees» (Ш. Фурье. «Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти»). Первое издание вышло в Париже в 1829 году. Упоминаемое Энгельсом место см. на стр. 399 этого издания. — *512.*

[433] Птолемей. «География», книга II, глава 2. — *512.*

[434] Имеются в виду так называемые «Поэмы Оссиана», написанные шотландским поэтом Макферсоном и изданные им в 1760—1765 гг. в качестве произведений, якобы принадлежащих легендарному кельтскому барду Оссиану. В основу этих поэм Макферсон положил древне-ирландский эпос в более поздней шотландской обработке. — *513.*

[435] S. Eusebius Hieronymus. «Commentariorum in Jeremiam Prophetam libri sex.» Prologus (Евсевий Иероним Блаженный. «Комментарии к книге пророка Иеремии», 6 книг. Пролог). — *513.*

[436] Gennadius. «Illustrium virorum catalogus» (Геннадий. «Список знаменитых мужей»). — *513.*

[437] Имеются в виду следующие работы: Claudianus. «De IV consulatu Honorii Augusti panegiricus» (Клавдиан. «Панегирик IV консульству Гонория Августа»); Isidorus Hispalensis. «Etymologiarum libri XX» (Исидор Севильский. «Этимология», 20 книг); Beda Venerabilis. «Historiae Ecclesiasticae libri quinque» (Беда Достопочтенный. «Церковная история», 5 книг); Anonymus Ravennatis. «De Geographiae libri V» (Равеннский аноним. «География», 5 книг); Eginhart. «Vita et gesta Karoli Magni» (Эгингарт. «Жизнь и деяния Карла Великого»); Alfred the Great. «Anglo-Saxon Version of the Historian Orosius» (Альфред Великий. «Перевод трудов историка Орозия на англосаксонский язык»).

По-видимому, Энгельс пользовался выдержками из упомянутых сочинений по книге: K. Zeus. «Die Deutschen und die Nachbarstamme» (К. Цейс. «Германцы и соседние племена»). См. стр. 568—569 издания, вышедшего в Мюнхене в 1837 году. — *513.*

[438] Ammianus Marcellinus. «Rerum gestarum libri XXXI», liber XX (Аммиан Марцеллин. «История», 31 книга, книга XX). — *514.*

[439] Nennius. «Historia Brittonum»; with an English Version by Gunn. London, 1819, § 15 (Ненний. «История бриттов»; с переводом на английский язык Ганна. Лондон, 1819, § 15). — *514.*

[440] *«Триады»* — средневековые уэльсские произведения, написанные в своеобразной, унаследованной от поэзии древних кельтов Уэльса форме с характерным упоминанием тройного числа лиц, предметов, явлений, о которых идет речь. По своему содержанию «Триады» разделяются на исторические, богословские, правовые, поэтические, нравоучительные. Ранние «Триады» были составлены не позднее X в., но сохранившиеся рукописные списки этих произведений относятся к XII—XV векам. — *514.*

[441] G. W. F. Hegel. «Vorlesungen uber die Geschichte der Philosophie», Bd. 3. In: Werke, Bd. XV, Berlin, 1836, S. 160 (Г. В. Ф. Гегель. «Лекции по истории философии», т. 3. Сочинения, т. XV, Берлин, 1836. стр. 160). — *515.*

[442] *Александрийская школа неоплатоников* — реакционное мистическое направление в античной философии, возникшее в III в. н. э. в Александрии (Египет) и выражавшее идеологию рабовладельческой аристократии в период упадка Римской империи. Источником неоплатонизма послужил объективный идеализм Платона, а также идеалистическая сторона учения Аристотеля, которая в философии неоплатоников была доведена до признания божественного первоначала. В V в. н. э. один из неизвестных последователей школы неоплатоников подписывал свои сочинения, в которых была сделана попытка соединить христианское учение с неоплатонизмом, именем первого христианского епископа Афин Дионисия Ареопагита. — *515.*

[443] *«Сага о Харальде»,* повествующая о подвигах и жизни норвежского короля Харальда, основателя династии Харфагров (Прекрасноволосых), была написана в начале XIII в. средневековым исландским поэтом и летописцем Снорри Стурлусоном. Эта сага представляет собой часть книги Снорри Стурлусона «Хеймскрингла» («Земной круг»), в которой описывается история норвежских королей с древнейших времен до XII века. — *516.*

[444] *«Krakumal»* («Песнь Краки») — одно из произведений средневековой скандинавской поэзии, сложена в форме предсмертного рассказа плененного датского викинга Рагнара Лодброка (IX век) о своих боевых подвигах. По преданию, эту песнь пела своим детям Крака, жена Рагнара, чтобы воодушевить их на месть за отца, убитого королем Нортумбрии Эллой. Энгельс пользовался текстом песни по хрестоматии: F. E. Ch. Dietrich. «Altnordisches Lesebuch». Leipzig, 1864, S. 73—80 (Ф. Э. Х. Дитрих. «Книга для чтения по древнескандинавской литературе». Лейпциг, 1864, стр. 73—80). — *517.*

[445] J. Johnstone. «Lodbrokar-Quida; or the Death Song of Lodbroke». London, 1782 (Дж. Джонстон. «Плач Лодброка; или Предсмертная песнь Лодброка». Лондон, 1782). — *517.*

[446] *«Сага о Ньяле»* — одна из наиболее популярных исландских родовых саг; согласно новейшим исследованиям, записана в конце XIII в. на основании устной традиции и более древних письменных памятников. Основным сюжетом саги является повествование о жизни и гибели исландского хавдинга (представителя родовой знати) Гуннара и его друга мудрого, миролюбивого бонда (свободного общинника) Ньяля, знатока и толкователя старинных обычаев и законов. В текст «Саги о Ньяле» включены две вставки исторического характера — история христианизации Исландии на рубеже X и XI веков и рассказ о сражении норманнов с ирландским королем Брианом Боруа, являющийся достоверным источником, как показал Энгельс, для изучения одного из крупнейших событий ирландской истории XI века — победы, одержанной ирландцами над норманскими завоевателями в 1014 году. Энгельс пользовался текстом соответствующего отрывка из «Саги о Ньяле» по хрестоматии: F. E. Ch. Dietrich. «Altnordisches Lesebuch». Leipzig, 1864, S. 103—108. На русском языке «Сага о Ньяле» была впервые опубликована в сборнике «Исландские саги», Москва, 1956 год. — *518.*

[447] *Инисфаленские анналы* — см. примечание 422. — *518.*

[448] Согласно новейшим исследованиям, упомянутый в «Саге о Ньяле» пункт транскрибируется как Канкараборг, иначе — Кинкора, резиденция короля Бриана в Манстере. — *520.*

[449] Имеются в виду вторжения германского племени кимвров в Южную Галлию и Северную Италию в 113—101 гг. до н. э. В 101 г. до н. э. кимвры были наголову разбиты римским полководцем Марием в битве при Верцеллах (Северная Италия). Борьба римлян с кимврами описана Плутархом в биографии Мария, Тацитом в «Германии» и другими античными историками. — *521.*

[450] *«Беовульф»* — поэма о подвигах легендарного героя Беовульфа, наиболее значительный из сохранившихся памятников древней поэзии англосаксов. Поэма была записана, по-видимому, в VIII веке; в основе ее лежат народные эпические сказания из жизни германских племен первой половины VI века.

«*Песнь о Хильдебранде*» — см. примечание 83.

«*Эдда*» — собрание мифологических и героических сказаний и песен скандинавских народов; сохранилось в виде рукописи XIII в., открытой в 1643 г. исландским епископом Свейнсоном (так называемая «Старшая Эдда») и в виде трактата о поэзии скальдов, составленного в начале XIII в. поэтом и хронистом Снорри Стурлусоном («Младшая Эдда»). Песни «Эдды» отразили состояние скандинавского общества в период разложения родового строя и переселения народов. Среди них встречаются образы и сюжеты из народного творчества древних германцев. — 521.

[451] *Leges barbarorum* (Варварские правды) — записи обычного права различных германских племен, составленные между V и IX веками. — *521.*

[452] На этих словах рукопись Энгельса обрывается. Из сохранившегося плана второй главы его работы по истории Ирландии явствует, что в этой главе («Древняя Ирландия») Энгельс намеревался также осветить вопросы о клановом строе, земельной собственности и законах древних ирландцев (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. X, 1948, стр. 100). Этот существенный пункт плана остался нереализованным. — *522.*

[453] Имеется в виду восстание, поднятое в 1745 г. шотландскими горцами в ответ на притеснения и обезземеливание, осуществляемые в интересах англо-ирландской земельной аристократии и буржуазии. Недовольством горцев воспользовалась часть дворянства горной Шотландии, заинтересованная в сохранении феодально-патриархальной клановой системы и поддерживавшая притязания на английский престол представителей свергнутой династии Стюартов (официальной целью повстанцев было возведение на престол внука Якова II Стюарта Карла-Эдуарда). В результате подавления восстания клановая система в горной Шотландии была разрушена и усилился процесс сгона шотландского крестьянства с земли. — *523.*

[454] Остров Гельголанд (Северное море), населенный в древности германским племенем фризов, в XVIII в. перешел во владение Дании. В 1807 г. во время англо-датской войны 1807—1814 гг. был захвачен Англией и в 1814 г. уступлен ей датчанами по Нильскому мирному договору, подтвержденному затем Венскими трактатами 1815 года. Впоследствии, в 1890 г. Гельголанд был передан Англией Германии в обмен на остров Занзибар. — *523.*

[455] *«Заметка для предисловия к сборнику ирландских песен»* написана Ф. Энгельсом по просьбе старшей дочери Маркса — Женни. Она предназначалась для подготовляемого сборника «Erins-Harfe» («Арфа Ирландии») на слова «Ирландских мелодий» поэта Томаса Мура. Женни Маркс послала заметку Энгельса 17 июля 1870 г. в Ганновер доктору Кугельману для передачи издателю и составителю сборника Ж. Риссе. Однако, судя по имеющемуся в Институте марксизма-ленинизма изданию «Erins-Harfe», вышедшему в Ганновере в 1870 г., заметка Энгельса не была использована в предисловии. Впервые она была опубликована в 1955 г. в итальянском журнале «Movimento Operaio» («Рабочее движение») № 2, а затем в 1957 г. во французском журнале «La Pensee» («Мысль») № 75; на русском языке заметка публикуется впервые. — *525.*

[456] См. примечание 434. — *525.*

[457] Обращение к рабочим обществам было выпущено Генеральным Советом в период становления Интернационала, когда Генеральный Совет боролся за присоединение рабочих обществ и, прежде всего, английских тред-юнионов к Интернационалу. На заседании Генерального Совета 6 июня 1865 г. Постоянному комитету было поручено составление обращения к рабочим обществам о присоединении к Товариществу. Обращение появилось летом 1865 г. в виде отдельной листовки «International Working Men's Association. Central Council, 18, Greek Street, London, W. Trade, Friendly, or any Working Men's Societies are invited to join...» («Международное Товарищество Рабочих, Центральный Совет, 18, Грик-стрит, Лондон, Уэст. Приглашаем профессиональные общества, общества взаимопомощи и другие общества рабочих присоединяться...»). В основу текста обращения легли

резолюции об условиях приема рабочих организаций в Международное Товарищество Рабочих, принятые Генеральным Советом по предложению Маркса (см. настоящий том, стр. 16). — *529.*

[458] Доклад о конгрессе и конференции, составленный Постоянным комитетом по решению Генерального Совета от 13 июня, был зачитан на заседании Совета 25 июля 1865 г. П. Фоксом. Доклад явился результатом активной деятельности Маркса, которому удалось убедить членов Генерального Совета созвать в 1865 г. вместо предусмотренного Временным Уставом конгресса в Брюсселе предварительную конференцию в Лондоне (см. примечание 143). Маркс считал, что местные секции Интернационала еще недостаточно окрепли и созыв конгресса будет преждевременным.

В ходе прений, развернувшихся по данному докладу на заседании Генерального Совета, с особым вниманием обсуждалась программа работы предстоящей конференции. В результате обсуждения программа, предложенная Постоянным комитетом, была принята с некоторыми дополнениями, в частности, по предложению Кримера и Эккариуса в повестку дня конференции пунктом 10 был включен вопрос о постоянных армиях, выдвинутый на обсуждение парижской секцией. В протокольной книге Генерального Совета текст программы вклеен в текст доклада.

Программа Лондонской конференции была воспроизведена в двух листовках, выпущенных Генеральным Советом: «International Working Men's Association, Central Council: — 18, Greek Street, London, W. On the 25th September and following days a Conference of Delegates from the principal branches of the Association... will be held...». London, 1865 («Международное Товарищество Рабочих, Центральный Совет: — 18, Грик-стрит, Лондон, Уэст. 25 сентября и в последующие дни состоится конференция делегатов основных отделений Товарищества...». Лондон, 1865) и «International Working Men's Association, Central Council, 18, Greek Street, London, W. On the 25th of September and three following days a Conference of Delegates from the principal branches of the Association... will be held...». London, 1865 («Международное Товарищество Рабочих, Центральный Совет, 18, Грик-стрит, Лондон; Уэст. 25 сентября и в течение трех последующих дней состоится конференция делегатов основных отделений Товарищества...». Лондон, 1865), а также напечатана в «Bee-Hive Newspaper» № 200, 12 августа 1865 г., извещение о конференции — в «Workman's Advocate» №№ 130, 131, 132 и 133; 2, 9, 16 и 23 сентября 1865 года.

«The Workman's Advocate» («Защитник рабочего») — еженедельная английская рабочая газета, выходившая в Лондоне; возникла в результате реорганизации газеты «The Miner and Workman's Advocate» («Горняк и защитник рабочего») в сентябре 1865 года; официальный орган Генерального Совета Интернационала; в правление газеты наряду с другими членами Генерального Совета входил Маркс. В феврале 1866 г. в связи с усилением в редакции влияния реформистских элементов была снова реорганизована и переименована в «Commonwealth» (см. примечание 140). — *531.*

[459] Публикуемые в томе две заметки из «Vorbote» (вторая заметка — см. настоящий том, стр. 577—578) представляют собой выдержки из писем жены Маркса, Женни Маркс, к руководителю немецких секций Интернационала в Швейцарии И. Ф. Беккеру, написанных ею 29 января 1866 г. и около 5 октября 1867 года.

Письмо от 29 января 1866 г. написано Женни в момент болезни Маркса. Журнал «Vorbote» тогда только начинал издаваться, и Маркс стремился поддержать его, для чего просил Либкнехта, Кугельмана и других своих друзей и соратников снабжать журнал материалом. Сравнение опубликованной в «Vorbote» заметки с рукописью письма показывает, что редакция напечатала выдержку из него без существенных изменений, добавив от себя лишь два последних абзаца.— *534.*

[460] Имеются в виду развернувшие активную деятельность в Англии в 60-х годах XIX в. атеистические общества. Значительное влияние на движение оказывали буржуазные радикалы Ч. Брэдло и др., группировавшиеся вокруг газеты «National Reformer» и проводившие буржуазно-реформистскую пропаганду среди рабочих. — *535.*

[461] См. примечание 195. — *535.*

[462] *«Письмо в газету «Echo de Verviers»* было написано Юнгом по решению Генерального Совета и отредактировано Марксом, как об этом свидетельствуют письма Юнга Марксу 15 и 26 января 1866 года.

Письмо явилось ответом Генерального Совета на анонимную статью, появившуюся в бельгийской буржуазно-демократической газете «L'Echo de Verviers» («Эхо Вервье») №№ 293 и 294, 16 и 18 декабря 1865 г., в которой клеветнически извращалась деятельность Генерального Совета и работа Лондонской конференции 1865 года. Автором статьи был французский мелкобуржуазный республиканец, эмигрант в Бельгии П. Везинье, явившийся рупором враждебных Марксу и Генеральному Совету мелкобуржуазных элементов из Французской секции в Лондоне. Статья Везинье обсуждалась в Генеральном Совете 26 декабря 1865 г., 2 и 9 января 1866 года; Маркс, присутствовавший на этих заседаниях, принимал в обсуждении активное участие и настаивал на исключении Везинье из Интернационала, если он не подтвердит свои обвинения фактами. — *536.*

[463] В работе Лондонской конференции 1865 г. участвовали члены Генерального Совета, являвшиеся одновременно членами лондонского Просветительного общества немецких рабочих — Маркс, Эккариус, Лесснер, Шаппер и другие. — *539.*

[464] *Общество 10 декабря* — бонапартистское общество, созданное в 1849 г., состояло преимущественно из деклассированных элементов. Подробная характеристика этого общества дана Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 167—170). — *541.*

[465] *Грютли-союз* — швейцарская мелкобуржуазная реформистская организация, основанная в 1838 г. как просветительный союз ремесленников и рабочих. Название «Грютли» подчеркивало национально-швейцарский характер организации: согласно преданию, в 1307 г. на лугу Грютли (или Рютли) представители трех швейцарских кантонов заключили союз о совместной борьбе против австрийского владычества. — *541.*

[466] *«Journal de l'Association Internationale des Travailleurs»* — см. примечание 153.

«La Voix de l'Avenir» («Голос будущего») — еженедельная газета, издававшаяся в Ла-Шо-де-Фоне с 1865 по 1868 год; с 1867 г. официальный

орган романских секций Интернационала в Швейцарии; находилась под прудонистским влиянием.

«Der Vorbote» — см. примечание 12.

«The Workman's Advocate» — см. примечание 458. — *543.*

[467] Речь Маркса на заседании. 13 марта 1866 г. отражает один из моментов борьбы Маркса в Генеральном Совете против попыток буржуазных демократов извратить подлинный характер Интернационала как классовой организации пролетариата. Выбывший весной 1865 г. из состава Генерального Совета мадзинист Л. Вольф явился на заседание Совета 6 марта 1866 г. и в отсутствие Маркса выступил с критикой письма Генерального Совета в газету «Echo de Verviers» (см. настоящий том, стр. 536—543), в котором якобы содержались неправильные утверждения, касающиеся Мадзини. Под влиянием оппортунистически настроенных английских членов Совет принял резолюцию, в которой приносил извинения как Мадзини, так и самому Вольфу. 10 марта на дому у Маркса состоялось совещание секретарей-корреспондентов для континентальных стран Европы (Дюпон, Юнг, Лонге, Бобчинский), на котором было решено, что Маркс выступит с протестом на очередном заседании Генерального Совета.

Текст речи, произнесенной Марксом на заседании 13 марта 1866 г., сохранился в протокольной книге Генерального Совета. — *544.*

[468] Устав, предложенный Л. Вольфом 8 октября 1864 г. на первом заседании комиссии по выработке программных документов Международного Товарищества Рабочих, был составлен Мадзини для задуманного им объединения итальянских рабочих обществ. Этот проект, написанный с позиций буржуазной демократии, лег в основу «Акта братства итальянских рабочих обществ», опубликованного в июле 1864 г. в «Il Giornale delle Assoziazioni operaie» («Газете рабочих ассоциаций») и принятого на съезде итальянских рабочих обществ в Неаполе в конце октября 1864 года. — *544.*

[469] Речь идет о Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих (см. примечание 143). В протоколах конференции это заявление Де Папа не нашло отражения. — *544.*

[470] Данный текст Устава и Регламента Международного Товарищества Рабочих, подготовленный к печати на французском языке Марксом и Лафаргом осенью 1866 г., несколько отличается от текста этих документов, утвержденного Женевским конгрессом на заседаниях 5 и 8 сентября 1866 года. После Женевского конгресса, в момент, когда конфискованные французской полицией материалы конгресса не были еще возвращены Генеральному Совету, от секций Интернационала во Франции стали поступать многочисленные просьбы прислать текст Устава и Регламента. Ввиду этого Генеральный Совет принял 16 октября 1866 г. решение осуществить в Лондоне издание этих документов на французском языке. Брошюра вышла в свет в конце ноября 1866 г. под заглавием: «Association Internationale des Travailleurs. Statuts et reglement». Londres, 1866 («Международное Товарищество Рабочих. Устав и Регламент». Лондон, 1866). Из выпущенных 1000 экземпляров 800 экземпляров, посланные во Францию, были задержаны на границе, и издание не получило распространения. Вскоре после этого материалы Женевского конгресса были возвращены Генеральному Совету, который приступил к подготовке официальной

публикации протоколов конгресса и утвержденных им документов как на английском, так и на французском языке в газетах «International Courier» и «Courrier international». Отдельное издание Устава и Регламента вышло в Лондоне в 1867 г. («Rules of the International Working Men's Association». London, 1867).

Сохранилась рукопись перевода Устава и Регламента на французский язык, начатая Марксом и продолженная Лафаргом, текст которой соответствует тексту лондонской брошюры на французском языке. В настоящем томе текст Устава и Регламента печатается по этой рукописи, сверенной с печатным текстом брошюры. — *545.*

471 28 февраля 1867 г. Маркс выступил с речью на праздновании 27-ой годовщины со дня основания лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих (см. примечание 263). На празднестве наряду с немецкими рабочими присутствовали французские члены Интернационала в Лондоне и представители английского рабочего движения. Кроме Маркса, выступили члены Генерального Совета П. Фокс, Г. Эккариус и другие ораторы.

Отчет о собрании, включающий запись речи Маркса, был составлен Ф. Лесснером и послан И. Ф. Беккеру для опубликования в журнале «Vorbote» и напечатан в этом журнале в № 3 за март 1867 года. — *550.*

472 *«Воззвание Генерального Совета о конгрессе в Лозанне»* печатается по французскому варианту, отредактированному Марксом. Первый вариант воззвания на английском языке был составлен комиссией, назначенной Генеральным Советом 4 июня 1867 г., и принят на заседании 9 июля. На этом же заседании Лафаргу было поручено подготовить перевод воззвания на французский язык. Решение о переводе воззвания прежде всего на французский язык было принято в связи с тем, что прудонистское руководство парижских секций подготовило свою программу конгресса помимо Генерального Совета.

Французский вариант воззвания, значительно отличающийся от английского варианта, был издан в Лондоне в виде листовки под названием: «Addresse du Conseil Général de l'Association Internationale. Aux membres et aux sociétés affiliées et à tous les travailleurs» («Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества к членам, к примкнувшим обществам и ко всем рабочим»), и перепечатан в газете «Tribune du Peuple» № 8, 31 августа 1867 г. и ряде других газет. Этот же французский вариант, переведенный И. Ф. Беккером на немецкий язык, был включен им в состав листовки, изданной в Женеве летом 1867 г. под названием: «Einladung zum zweiten Kongres der Internationalen Arbeiter Association am 2.—8. September in Lausanne» («Приглашение на второй конгресс Международного Товарищества Рабочих 2—8 сентября в Лозанне») и воспроизведен в «Vorbote» № 8, август 1867 года. — *551.*

473 Имеется в виду расстрел бельгийских горняков и металлургов в Маршьенне в феврале 1867 года. — *551.*

474 Речь идет о стачках парижских бронзовщиков и портных, происходивших в феврале—марте 1867 года. — *551.*

475 Королевская комиссия по обследованию английских тред-юнионов была назначена в феврале 1867 года. Обследование, вызванное ростом

активности тред-юнионов, было рассчитано на то, чтобы поставить тред-юнионы вне закона или, по крайней мере, ограничить их деятельность. Тред-юнионы ответили на это мероприятие правительства проведением по всей стране митингов, собраний и созывом национальной конференции, состоявшейся в Лондоне 5—8 марта 1867 года. В результате обследования королевской комиссии не удалось выдвинуть обвинений против тред-юнионов. — *552.*

[476] Имеются в виду статьи 6, 7 и 8 Регламента (см. «Rules of the International Working Men's Association». London, 1867). — *553.*

[477] Запись данной речи Маркса сохранилась в протокольной книге Генерального Совета в виде вклейки из газеты «The Working Man» («Рабочий») № 18, 27 июля 1867 г. с поправками, внесенными при утверждении протокола. Выдержка, приведенная Марксом, взята из парламентской Синей книги: «Reports by Her Majesty's Secretaries of Embassy and Legation, on the Manufactures, Commerce, etc., of the Countries in which they reside». London, 1867, № 5, pp. 594—595. Ошибки в цифровых данных, допущенные в самой парламентской Синей книге, оставлены без изменений. Опечатки в цифрах, допущенные газетой, выправлены в соответствии с текстом Синей книги (о Синих книгах см. примечание 4). — *554.*

[478] Речь об отношении Международного Товарищества Рабочих к конгрессу Лиги мира и свободы Маркс произнес на заседании Генерального Совета 13 августа 1867 года. В конце своего выступления Маркс внес проект резолюции (см. настоящий том, стр. 210).

Как сообщал Маркс Энгельсу в письме 4 сентября 1867 г., его речь наделала много шума и вынудила деятелей Лиги мира и свободы выдвинуть более демократическую программу для своего учредительного конгресса, назначенного на 9 сентября 1867 г. в Женеве. В этом же письме Маркс писал, что речь его продолжалась полчаса, но что Эккариус в качестве секретаря-протоколиста включил в отчет о заседании лишь несколько фраз. Отчет появился в «Bee-Hive Newspaper» № 305, 17 августа 1867 года. Рукопись Эккариуса до нас не дошла; в протокольной книге Генерального Совета запись речи Маркса сохранилась в виде вклейки из этого номера «Bee-Hive Newspaper». В еще более кратком изложении речь Маркса появилась в газетах «Liberte» № 8, 25 августа 1867 г. и «Courrier francais» 2 сентября 1867 года. — *556.*

[479] Взгляды основоположников марксизма на роль постоянных кадровых армий в XIX в. освещены в работе Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» (см. настоящий том, стр. 35—78) и в серии статей Энгельса «Заметки о войне» (см. статью «Как вести борьбу с пруссаками» в настоящем издании, т. 17). — *556.*

[480] Отчет Генерального Совета Лозаннскому конгрессу 1867 г., состоящий из общей части и отчетов по отдельным странам, был утвержден на заседании Совета 20 августа и зачитан конгрессу на заседании 3 сентября на французском языке Гильомом и на немецком языке Эккариусом. Он был опубликован в книге «Rapports lus au congres ouvrier reuni du 2 au 8 septembre 1867 a Lausanne». Chaux-de-Fonds, 1867 («Отчеты, зачитанные рабочему конгрессу, происходившему с 2 по 8 сентября 1867 г. в Лозанне». Ла-Шо-де-фон, 1867), вышедшей в свет в апреле 1868 года. Часть отчета, касающаяся Америки, составленная

П. Фоксом, сохранилась также в виде рукописи, приложенной к протокольной книге Генерального Совета.

Лозаннский конгресс Интернационала состоялся 2—8 сентября 1867 года. Маркс, занятый подготовкой к печати I тома «Капитала», на конгрессе не присутствовал. На конгрессе были заслушаны отчет Генерального Совета и доклады с мест, свидетельствовавшие об укреплении организаций Интернационала в отдельных странах. Вопреки Генеральному Совету, прудонисты навязали конгрессу свою повестку дня: вторично были обсуждены вопросы о кооперации, о женском труде, об образовании, а также ряд частных вопросов, которые отвлекли внимание конгресса от обсуждения действительно насущных вопросов, намеченных повесткой дня, предложенной Генеральным Советом. Прудонистам удалось добиться принятия нескольких своих резолюций. Однако им не удалось захватить руководство Интернационалом в свои руки. Конгресс переизбрал Генеральный Совет в прежнем составе и сохранил местом его пребывания Лондон. — *558.*

[481] Решения Женевского конгресса по указанным вопросам были опубликованы в газете «International Courier» №№ 12, 15 и 17; 27 марта, 17 апреля и 1 мая 1867 года.

«*The International Courier*»—см. примечание 167.— *558*.

[482] *«The Working Man»* («Рабочий») — газета, выходившая в Лондоне в 1861—1867 гг. с перерывом при участии французского демократа, эмигранта в Лондоне Жозефа Колле. —*559.*

[483] См. примечание 231. —*560.*

[484] События, о которых идет речь, имели место в октябре — ноябре 1866 года. — *562.*

[485] В ходе движения за избирательную реформу в Англии (см. примечание 170) лондонские рабочие вынуждены были бороться за право проводить массовые митинги в парках столицы. Несмотря на то, что правительство запретило проведение в Гайд-парке митинга, назначенного на 23 июля 1866 г., митинг этот состоялся, и дело дошло до столкновения его участников о полицией. Под давлением народных масс министр внутренних дел дал согласие на использование Лигой реформы лондонских парков для устройства митингов. Тем не менее, во время подготовки второго митинга, назначенного в Гайд-парке на 30 июля, совет Лиги реформы, опасаясь роста революционной активности масс, вынес решение вообще не созывать митингов на открытом воздухе. — *562.*

[486] Письмо секретаря-корреспондента для Бельгии Бессона появилось в «Tribune du Peuple» № 44, 4 ноября 1866 года. — *569.*

[487] Речь идет о резолюции, принятой Генеральным Советом 18 июня 1867 г., в которой Совет приветствовал поведение парижских народных масс во время пребывания царя Александра II в Париже и, в частности, одобрял демонстрацию солидарности с поляками, угнетенными русским царизмом. Резолюция была опубликована в газете «Commonwealth» № 224, 22 июня 1867 года. — *570.*

[488] *Национальный рабочий, союз* — см. примечание 242.

Интернациональный союз литейщиков — крупный профессиональный союз рабочих в Соединенных Штатах Америки, организованный в 1859 г. и окончательно оформленный в 1863 г. под руководством Силвиса, который стал его председателем. Союз объединил в национальном масштабе местные союзы литейщиков, имел свои организации также в Британской Колумбии и Канаде, боролся за централизованные действия местных союзов, организованно руководил стачечным движением, оказал сильное влияние на укрепление других профсоюзов в национальном масштабе. — *571.*

[489] *«The Workingman's Advocate»* («Защитник рабочего») — еженедельная рабочая газета, выходила с 1864 по 1877 г. в Чикаго; освещала вопросы профсоюзного движения, публиковала документы Интернационала, являлась органом Национального рабочего союза. — *572.*

[490] *Союз рабочих Нью-Йорка* — объединение профессиональных союзов рабочих Нью-Йорка, возникшее в 1863 г. и ставившее своей задачей сплочение нью-йоркских рабочих для борьбы с предпринимателями, обеспечение поддержки бастующим и посредничество в разрешении конфликтов между рабочими и предпринимателями. — *574*.

[491] В рукописи П. Фокса, приложенной к протокольной книге Генерального Совета, далее указано, что Маркс, кроме письма Ф. А. Зорге от 10 июля 1867 г., передал Фоксу устав присоединившегося к Товариществу Коммунистического клуба в Нью-Йорке.

Коммунистический клуб в Нью-Йорке был создан в 1857 г. по инициативе немецких революционных эмигрантов Ф. Камма и А. Компа. В его деятельности известную роль играли соратники Маркса — И. Вейдемейер, Ф. А. Зорге, Г. Мейер, А. Фогт. — *574.*

[492] Имеется в виду Интернациональный союз литейщиков, который, как сообщал его руководитель Силвис в письме, зачитанном на заседании Генерального Совета 9 июля 1867 г., израсходовал в 1866— 1867 гг. большие средства на оказание помощи бастующим рабочим. — *576.*

[493] Рукопись этого второго письма Женни Маркс (первое письмо см. настоящий том, стр. 534—535) до нас не дошла. Судя по ее письму И. Ф. Беккеру от 5 октября 1867 г. и его ответу от 7 октября 1867 г., данное письмо было написано около 5 октября 1867 года. — *577.*

[494] Имеется в виду выходившая в Манчестере английская либеральная газета «Examiner and Times» («Наблюдатель и Времена»), возникшая в 1848 г. в результате слияния газет «Manchester Times» («Манчестерские времена») и «Manchester Examiner» («Манчестерский наблюдатель»); под различными названиями издавалась до 1894 года. В 50—60-х годах главным редактором и издателем газеты был Джон Брайт.

Манчестерская школа — направление в экономической политике в первой половине XIX в., отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт, организовавшие в 1838 г. Лигу против хлебных законов. В 60-х годах фритредеры составляли левое крыло либеральной партии. — *577*.

[495] Речь идет о конгрессе буржуазно-пацифистской Лиги мира и свободы в Женеве в сентябре 1867 года. — *577.*

[496] Речь идет о I томе «Капитала» К. Маркса, вышедшем в Гамбурге в сентябре 1867 года. — *578.*

[497] См. настоящее издание, т. 23, стр. 761, 766, 770, 773. — *578.*

[498] Составленная Эккариусом запись доклада Маркса по ирландскому вопросу 16 декабря 1867 г. (набросок этого доклада, сделанный самим Марксом, см. настоящий том, стр. 465—478) предназначалась для опубликования в журнале «Vorbote» и была с этой целью послана Ф. Лесснером И. Ф. Беккеру в Швейцарию, но осталась неопубликованной. — *579.*

[499] См. примечание 401. — *579.*

[500] См. примечание 396. — *579.*

[501] О восстании 1798 г. см. примечание 393. —*580.*

[502] Речь о последствиях применения машин при капитализме была произнесена Марксом на заседании Генерального Совета 28 июля 1868 г. (см. примечание 225). Данная запись, сделанная секретарем Генерального Совета Г. Эккариусом, сохранилась в протокольной книге Генерального Совета в виде вклеенной вырезки из газеты «Bee-Hive» № 354, 1 августа 1868 года. — *582.*

[503] Речь идет об усилении после кризиса 1866 г. пауперизма в Лондоне и особенно в его восточной части — Ист-Энде. — *584.*

[504] Речь о сокращении рабочего дня была произнесена Марксом на заседании Генерального Совета 11 августа 1868 г. в ходе обсуждения этого вопроса, включенного в программу Брюссельского конгресса.

Запись речи сохранилась в протокольной книге Генерального Совета в виде вклейки из газеты «Bee-Hive» № 358, 22 августа 1868 г. с некоторыми поправками, внесенными секретарем. — *585.*

[505] В записи вместо Милнера ошибочно назван Эккариус. Именно Милнер, возражая Эккариусу, утверждал, что сокращение рабочего дня, хотя и является желательным, вызвало бы сокращение производства. — *585.*

[506] Маркс имеет в виду подробное обоснование Эккариусом в его выступлении на этом заседании вопроса о вредном влиянии продолжительного рабочего дня на здоровье рабочих. — *585.*

[507] *«Воззвание к немецким рабочим Лондона»,* написанное Ф. Лесснером, было послано им Марксу для просмотра. Возвращая текст воззвания Лесснеру, Маркс писал ему 11 августа 1868 года: «Из-за орфографических ошибок я ниже переписал все воззвание». Сохранившаяся рукопись Маркса полностью соответствует тексту воззвания, опубликованному в лондонской газете «Hermann» № 502, 15 августа 1868 года. — *586.*

[508] См. настоящее издание, т. 23, стр. 9. — *587.*

[509] Речь, произнесенная Марксом на заседании Генерального Совета 5 января 1869 г., представляет собой сообщение, сделанное им от имени Постоянного комитета. Постоянный комитет на своем заседании 2 января 1869 г. обсудил письмо руанской секции с просьбой о помощи локаутированным рабочим Руана и внес этот вопрос на рассмотрение Генерального Совета. Генеральный Совет принял по сообщению Маркса резолюцию, в которой выразил протест против действий французских предпринимателей и призвал английских рабочих оказать помощь руанским рабочим.

Данная запись, сделанная Юнгом, сохранилась в протокольной книге Генерального Совета. Краткое содержание речи приводится также в отчете о заседании Генерального Совета, помещенном в газете «Bee-Hive» № 379, 16 января 1869 года. — *588.*

[510] Две речи о земельной собственности были произнесены Марксом на заседании Генерального Совета 6 июля 1869 г. в ходе обсуждения программы Базельского конгресса (см. настоящий том, стр. 589). Несмотря на то, что Брюссельский конгресс большинством голосов принял резолюцию в пользу обобществления земельной собственности, вопрос о земельной собственности был вторично включен в программу очередного конгресса по требованию небольшой группы сторонников мелкой частной собственности на землю во главе с прудонистом Толеном.

Первая речь Маркса явилась ответом рабочему Милнеру, который, стремясь обосновать правильность резолюции Брюссельского конгресса, выступил с речью в защиту естественного права человека на землю.

Вторая речь Маркса была ответом на выступление присутствовавшего на заседании в качестве гостя французского анархиста Э. Реклю, заявившего, что крестьяне не участвуют в конгрессах Интернационала и о них не стоит заботиться.

В результате обсуждения Генеральный Совет большинством голосов подтвердил правильность резолюции о собственности на землю, принятой на Брюссельском конгрессе.

Речи Маркса сохранились в протокольной книге Генерального Совета в записи Эккариуса. Краткое содержание речей Маркса приводится в отчете о заседании Генерального Совета 6 июля 1869 г., помещенном в газете «Bee-Hive» № 404, 10 июля 1869 года. — *590.*

[511] Имеется в виду комиссия для подготовки вопроса о собственности на землю, избранная на Брюссельском конгрессе. Комиссия представила конгрессу два доклада по аграрному вопросу — доклад Обри (руанская секция) и доклад Де Папа (брюссельская секция). Комиссия доложила конгрессу о своем единодушии по вопросу об обобществлении такой собственности, как рудники, угольные копи, каналы, дороги и т. д. Однако в отношении пахотной земли единства мнений в комиссии не было достигнуто. Большинство комиссии во главе с бельгийским делегатом Де Папом предложило резолюцию, принятую конгрессом, в пользу обобществления всей земли; меньшинство, возглавляемое французским делегатом прудонистом Толеном, защищало мелкую частную собственность крестьян на землю. — *591.*

[512] Речь о праве наследования была произнесена Марксом на заседании Генерального Совета 20 июля 1869 г. в ходе обсуждения программы Базельского конгресса (см. настоящий том, стр. 589). Речь Маркса

сохранилась в протокольной книге Генерального Совета в записи Эккариуса.

Краткое содержание речи приводится в отчете о заседании Генерального Совета, помещенном в газете «Bee-Hive» № 406, 24 июля 1869 года. — *592.*

[513] В записи Эккариуса допущена ошибка. Имеются в виду ученики Сен-Симона, а не Сен-Симон, умерший в 1825 году (ср. настоящий том, стр. 384). — *593.*

[514] Речь о всеобщем образовании в современном обществе была произнесена Марксом 10 августа 1869 г. на заседании Генерального Совета при обсуждении программы Базельского конгресса (см. настоящий том, стр. 589). В итоге обсуждения этого вопроса на заседании Генерального Совета 17 августа Маркс выступил с заключительным словом. Оба выступления Маркса сохранились в протокольной книге Генерального Совета в записи Эккариуса. Краткое содержание первой речи приводится в отчете о заседании Генерального Совета 10 августа 1869 г., помещенном в газете «Bee-Hive» № 409, 14 августа 1869 года; краткое содержание заключительного слова — в «Bee-Hive» № 410, 21 августа 1869 года. — *595.*

[515] Вопрос о всеобщем образовании обсуждался на трех предыдущих конгрессах Международного Товарищества Рабочих — Женевском 1866 г., Лозаннском 1867 г., Брюссельском 1868 года. — *595.*

[516] Предложение Харриет Ло, высказанное на заседании Генерального Совета 17 августа 1869 г., сводилось к тому, чтобы имущество и доходы церкви были переданы на нужды всеобщего образования. — *596.*

[517] Английский рабочий Милнер на заседаниях Генерального Совета 10 и 17 августа 1869 г. высказал неприемлемое с точки зрения интересов пролетариата предложение о том, чтобы современная ему буржуазная школа давала учащимся знания в области политической экономии, предложение, которое на практике должно было усилить идеологическое влияние господствующей буржуазии на подрастающее поколение. Милнер подчеркивал, в особенности, необходимость дать *учащимся* представление о «стоимости труда» и о распределении. При этом он ссылался, в частности, на американского социалиста-утописта Уоррена, который проповедовал теорию «справедливого обмена». — *596.*

[518] Вопрос об упразднении постоянных армий затронут здесь Марксом в связи с тем, что в ходе обсуждения на заседаниях Генерального Совета выдвигалось предложение об увеличении средств на всеобщее образование за счет ликвидации расходов на содержание постоянных армий. — *597.*

[519] Настоящее обращение, представляющее собой манифест основанной в октябре 1869 г. Лиги земли и труда (см. примечание 334), было составлено около 14 ноября 1869 г. Эккариусом, входившим в комиссию для подготовки обращения. Текст обращения был отредактирован Марксом, что нашло отражение в программе Лиги. — *598.*

[520] Имеется в виду кампания, проводившаяся сторонниками Лиги против хлебных законов, которые в своей демагогической пропаганде внушали

рабочим, что с установлением свободы торговли повысится их реальная заработная плата, и рабочие будут иметь каравай хлеба в два раза больше прежнего («big loaf»). Действительность показала всю лживость этих обещаний. Окрепший в результате отмены хлебных законов (см. примечание 386) промышленный капитал Англии усилил наступление на жизненные интересы рабочего класса. — *598.*

521 Одна из категорий налогоплательщиков, включающая лиц, получающих доход с торговли, и лиц свободных профессий. — *599.*

522 Речи о политике британского правительства по отношению к ирландским заключенным были произнесены Марксом на заседаниях Генерального Совета 16 и 23 ноября 1869 года. На заседании Генерального Совета 9 ноября 1869 г. по предложению Маркса было решено провести дискуссию об отношении британского правительства к ирландским заключенным и о позиции английского рабочего класса в ирландском вопросе. Первой из публикуемых речей Маркс открыл дискуссию и внес резолюцию по этому вопросу (см. настоящий том, стр. 400—401). В прениях, особенно бурно развернувшихся на заседании 23 ноября, против предложенной Марксом резолюции выступил англичанин Моттерсхед, пытавшийся оправдать колониальную политику правительства Гладстона в Ирландии; его поддержал Оджер. Вторая речь Маркса была ответом на выступления этих английских членов Генерального Совета. В протокольной книге Генерального Совета обе речи Маркса сохранились в записи Эккариуса. В отчете о заседании Генерального Совета 16 ноября, помещенном в газетах «Reynolds's Newspaper» 21 ноября 1869 г. и «National Reformer» 28 ноября 1869 г., а также в отчете о заседании 23 ноября — в газетах «Reynolds's Newspaper» 28 ноября и «National Reformer» 5 декабря 1869 г. речи Маркса изложены кратко и неточно. — *604.*

523 Имеется в виду ответ Гладстона на петиции об амнистии заключенных ирландцев, принятые на массовых митингах в Ирландии, в том числе на многотысячном митинге, состоявшемся в Лимерике 1 августа 1869 года. Ответ был дан Гладстоном в письмах к ирландским деятелям О'Ши и Батту (см. примечание 326). — *605.*

524 *Главным центром* (Head Centre) по структуре фенианского братства назывался руководитель тайной организации фениев. Маркс здесь ссылается на газету «New-York Irish People» («Ирландский народ Нью-Йорка»), которая в одной из статей указывала на то, что Гладстон своим отказом амнистировать заключенных фениев лишь усиливает движение фениев. Ссылка дана по газете «Irishman» № 20, 13 ноября 1869 года. — *606.*

525 См. примечание 327. — *606.*

526 См. «Times», 27 октября 1869 года. — *607.*

527 Имеется в виду опубликованное в «Irishman» № 18, 30 октября 1869 г. сообщение о том, что Гладстон в ответном письме к дублинскому отделению общества Древний орден лесников, примкнувшему к движению за амнистию заключенных фениев, отказался признать свои прежние предвыборные обещания об улучшении положения Ирландии.

Древний орден лесников — общество взаимопомощи в Англии, возникшее в 1745 г. как общество королевских лесников и в 1834 г. принявшее данное название. — *607.*

[528] *«Political Register»* — сокращенное название английского еженедельника буржуазных радикалов «Cobbett's Weekly Political Register» («Еженедельная политическая хроника Коббета»), выходившего в Лондоне с 1802 по 1835 год. — *608.*

[529] Имеется в виду отличавшееся беспримерной жестокостью подавление ирландского национально-освободительного восстания в 1798 г. английскими властями (см. примечание 393). Террор английских карателей Маркс сравнивает здесь с репрессиями, имевшими место при подавлении революции в Венгрии в 1849 году. — *608.*

[530] Речь идет о книге: Ledru-Rollin. «The Decline of England». London, 1850 (Ледрю-Роллен. «Упадок Англии». Лондон, 1850). — *608.*

[531] В противовес позиции Маркса, стремившегося к разоблачению колонизаторской политики английского правительства, Оджер требовал смягчения выражений, употребленных при оценке политики Глад-стона в проекте резолюции, внесенном Марксом. Оджер мотивировал свое требование тем, что в противном случае не удастся добиться освобождения заключенных. Он напоминал, что в своем ответе на петиции Гладстон выразил недовольство резким тоном некоторых из них. В записи речи Маркса, опубликованной в «Reynolds's Newspaper» 28 ноября 1869 г., заключительная фраза передана следующим образом: «Вопрос в том, что более важно — завоевать доверие ирландцев или сделать резолюцию приемлемой для Гладстона». — *608.*

[532] Данные статьи по ирландскому вопросу были написаны дочерью Маркса Женни с 27 февраля по 19 апреля 1870 г. для газеты «Marseillaise» (см. примечание 368). Они примыкают по содержанию к статье Маркса «Английское правительство и заключенные фении» (см. настоящий том, стр. 421—426).

Маркс придавал статьям Женни в «Marseillaise» большое значение, третью статью он написал совместно с дочерью. Статьи (за исключением второй) публиковались в газете за подписью Дж. Уильямс, являющейся видоизменением псевдонима, которым Маркс из конспиративных соображений подписывал некоторые письма (А. Уильямс), — *609.*

[533] Речь Гладстона была напечатана в «Times» 4 марта 1870 года. — *612.*

[534] Письмо О'Донована-Россы было напечатано в газете «Irishman» № 32, 5 февраля 1870 года. В последней фразе своего письма О'Донован-Росса упоминает оранжистов — членов реакционного ордена, созданного лендлордами и протестантским духовенством, и риббонистов (или риббонитов) — членов тайных организаций ирландских крестьян-католиков. — *614.*

[535] Сообщение о заключенном фении полковнике Рикарде Бёрке появилось в газете «Irishman» № 27, 1 января 1870 года. Письмо Андервуда от 1 января 1870 г. министру внутренних дел Брусу напечатано в «Irishman» № 28, 8 января 1870 года. Ответ от имени Бруса на письмо Андервуда — в «Irishman» № 30, 22 января 1870 г., ответ на письмо сестры Бёрка, Барри — в № 37, 12 марта 1870 г. той же газеты. — *617.*

[536] *«The Echo»* («Эхо») — буржуазно-либеральная газета, выходила в Лондоне с 1868 по 1907 год. — *617.*

[537] Перефразировка афоризма Вольтера: «Все жанры хороши, кроме скучного». — *617.*

[538] Речь идет о демонстрации лондонских рабочих 24 октября 1869 года. О роли Генерального Совета в кампании за амнистию заключенных фениев см. примечание 326. — *618.*

[539] Анонимная статья, автор которой — Брус — пытался опровергнуть факты, приведенные О'Донованом-Россой, была опубликована в газете «Times» 16 марта 1870 года. — *619.*

[540] Речь Мура в палате общин и ответное выступление Гладстона 17 марта 1870 г. были опубликованы в газете «Times» 18 марта 1870 года. — *620.*

[541] Взрыв в лондонской Клеркенуэллской тюрьме с целью освобождения заключенных фениев был произведен группой фениев в декабре 1867 года. — *621.*

[542] Ж. Маркс использует здесь сообщение из газеты «Irishman» о появлении в 1868 г. Синей книги: «Report of Commission on the Treatment of certain Treason-Felony Convicts in English Prison, who have been transferred thereto at the request of the Irish Government», 1867 («Отчет комиссии по поводу обращения с некоторыми государственными преступниками, заключенными в английской тюрьме, которые были переведены туда по просьбе ирландского правительства», 1867). — *621.*

[543] Имеется в виду попытка восстания фениев в феврале — марте 1867 года. — *621.*

[544] Имеется в виду «Report of Commissioners on the Treatment of the Treason-Felony Convicts in the English Convict Prisons». London, 1867 («Отчет членов комиссии по поводу обращения с государственными преступниками, заключенными в английских тюрьмах». Лондон, 1867). — *623.*

[545] *Coercion Bill* (исключительный закон) был внесен в палату общин 17 марта 1870 г. Гладстоном и принят палатой общин; он предусматривал приостановление конституционных гарантий в Ирландии, введение осадного положения и предоставление английским властям чрезвычайных полномочий для подавления национально-освободительного движения в Ирландии.

Land Bill — см. примечание 358. — *623.*

[546] Имеется в виду книга: F. T. H. Blackwood. «Mr. Mill's Plan for the Pacification of Ireland Examined». London, 1868 (Ф. Т. Г. Блэквуд. «Анализ плана г-на Милля по умиротворению Ирландии». Лондон, 1868). — *623.*

[547] Цитируется статья из газеты «Reynolds's Newspaper», 20 марта 1870 г. за подписью «Гракх».

«Reynolds's Newspaper» («Газета Рейнольдса») — английская газета радикального направления; издавалась в Лондоне с 1850 года. — *624.*

548 Деспотическое государство Дагомея в Африке отличалось своим суровым внутренним порядком, который поддерживался системой шпионажа и доносов. — *624.*

549 Переписка между министром внутренних дел Брусом и Мак-Карти Даунингом о Рикарде Бёрке опубликована в газете «Irishman» № 38, 19 марта 1870 года. — *626.*

550 Письмо Лавелла опубликовано в «Freeman's Journal» 29 марта 1870 года.

«Freeman's Journal» («Газета свободного человека») — ежедневная ирландская буржуазная газета; издавалась в Дублине с 1763 по 1924 год.

Имеется в виду книга: P. Lavelle. «The Irish Landlord since the Revolution». Dublin, 1870 (П. Лавелл. «Ирландский лендлорд со времени революции». Дублин, 1870). — *629.*

551 Новые условия арендных договоров были опубликованы в газете «Irishman» № 37, 12 марта 1870 года. — *630.*

552 Перефразировка слов из хроники Шекспира «Король Генрих VI», ч. 1, акт 1, сцена 2. — *630.*

553 Выдержка из американских газет, а также сообщение нью-йоркского корреспондента приводятся по газете «Irishman» № 40, 2 апреля 1870 года. —*631.*

554 Имеется в виду речь адвоката Лорье, произнесенная 25 марта 1870 г. во время процесса принца Пьера Бонапарта в связи с убийством им журналиста Виктора Нуара и напечатанная во французской газете «Marseillaise» № 97, 27 марта 1870 года. — *633.*

555 Цитируется газета «Times» 8 апреля 1870 года. — *634.*

556 Речь о газете «Bee-Hive» была произнесена Марксом на заседании Генерального Совета 26 апреля 1870 г. в обоснование предложенной им резолюции (см. настоящий том, стр. 442). — *636.*

557 См. примечание 545. — *636.*

558 Содержание письма К. Маркса Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии от 27 июня 1870 г. было изложено председателем суда на лейпцигском процессе 1872 г. по обвинению В. Либкнехта, А. Бебеля и А. Гепнера в государственной измене. Это письмо было предъявлено также в качестве обвинительного материала на процессе против брауншвейгского Комитета Социал-демократической рабочей партии в 1871 году. Подлинником письма мы не располагаем. Публикуемый текст взят из книги «Leipziger Hochverrathsprozes...», Leipzig, 1872; текст письма имеется также в издании 1874 г. и в издании 1894 г., подготовленном В. Либкнехтом по поручению Комитета Социал-демократической рабочей партии. По словам председателя лейпцигского суда, письмо было подписано: «От имени Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих: Карл Маркс, секретарь для Германии». — *637.*

559 Речь о расколе в Романской федерации была произнесена Марксом на заседании Генерального Совета 28 июня 1870 г. в обоснование предложенной им резолюции (см. настоящий том, стр. 451). Сохранилась в записи Эккариуса. — *638.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(сентябрь 1864—июль 1870)

1864

Середина сентября — Маркс принимает приглашение организационного комитета участвовать в качестве представителя немецких рабочих на международном рабочем собрании в Сент-Мартинс-холле, назначенном на 28 сентября. Оратором от немецких рабочих Маркс рекомендует бывшего члена Союза коммунистов И. Г. Эккариуса, которому помогает подготовиться к выступлению.

Середина сентября — декабрь — Маркс напряженно работает над «Капиталом».

28 сентября — Маркс присутствует на международном рабочем собрании в Сент-Мартинс-холле, на котором принимается резолюция об основании Международного Товарищества Рабочих (Интернационала). Маркс избирается членом Временного комитета Товарищества.

4 октября — В ответном письме золингенскому рабочему К. Клингсу Маркс указывает, что хотя он и лишен возможности принять предложенный ему в связи со смертью Ф. Лассаля пост президента Всеобщего германского рабочего союза, официальное выдвижение его кандидатуры на этот пост можно было бы использовать как акт политической демонстрации против прусского правительства, лишившего его подданства, а также для выражения солидарности с Международным Товариществом Рабочих.

5 октября — Маркс избирается Временным комитетом в состав комиссии по выработке программных документов Международного Товарищества Рабочих.

6—17 октября — Маркс болен; ввиду этого он не может принять участия в подготовке программных документов.

Вторая половина октября	Энгельс после возвращения в Манчестер из путешествия по Шлезвиг-Гольштейну продолжает свои занятия германской филологией и историей древних германцев.
18 октября	Маркс на заседании Временного комитета возражает против программы и устава, подготовленных комиссией в духе мадзинистских и оуэнистских идей во время его болезни, и добивается постановления Комитета о возвращении документов в комиссию для доработки.
20 октября	На квартире у Маркса происходит заседание комиссии по составлению программных документов Интернационала.
Между 21 и 27 октября	Маркс пишет заново программные документы Международного Товарищества Рабочих — Учредительный Манифест и Временный Устав; эти документы одобряются комиссией.
1 ноября	На заседании Временного комитета Маркс оглашает Учредительный Манифест и Временный Устав, которые принимаются единогласно. В соответствии с Уставом Временный комитет конституируется как руководящий орган Товарищества (Генеральный Совет; до конца 1866 года — преимущественно Центральный Совет), в составе которого Маркс выполняет обязанности секретаря-корреспондента для Германии.
2 ноября	Энгельс в письме к Марксу делится путевыми впечатлениями, передает свои наблюдения о природе и населении Шлезвиг-Гольштейна.
3 ноября	Маркс после 16-летнего перерыва встречается с М. А. Бакуниным и обсуждает с ним вопросы, связанные с польским восстанием 1863—1864 гг., Международным Товариществом Рабочих и социалистическим движением.
4 ноября	Маркс пишет письмо Энгельсу, в котором подробно излагает обстоятельства основания Интернационала и историю создания программных документов новой пролетарской организации.
7 ноября	Энгельс в ответном письме к Марксу выражает свое удовлетворение по поводу основания Международного Товарищества Рабочих. Энгельс присутствует на заседании правления Шиллеровского общества немецких политических эмигрантов в Манчестере, председателем которого он бил избран в июле 1864 года.
8 ноября	По предложению Маркса Генеральный Совет принимает решение посылать все отчеты о заседаниях Совета в печать через секретаря Совета в связи с тем, что некоторые газеты поместили отчеты в искаженном виде.

9 ноября — Энгельс посылает Марксу отчет буржуазного комитета помощи нуждающимся фабричным рабочим, опубликованный в газете «The Manchester Guardian» («Манчестерский страж»), характеризуя буржуазную «помощь» рабочим как средство, которое предприниматели используют для своего дополнительного обогащения.

Около 14 — около 24 ноября — Маркс и Энгельс получают приглашение сотрудничать в газете «Social-Demokrat» («Социал-демократ»), органе Всеобщего германского рабочего союза, издание которой предполагается в Берлине под редакцией И. Б. Швейцера и И. Б. Хофштеттена; Маркс и Энгельс обсуждают в письмах друг к Другу вопрос о сотрудничестве в газете и, убедившись, что в проспекте газеты отсутствуют типично лассальянские положения, дают свое согласие; они надеются использовать газету для пропаганды идей научного коммунизма в Германии и создания подлинно пролетарской партии.

15 и 22 ноября — Маркс участвует на заседаниях Генерального Совета в обсуждении условий приема рабочих организаций в Интернационал в коллективном порядке и вносит проект резолюций, который принимается единогласно. Резолюции публикуются 26 ноября в газете «The Bee-Hive Newspaper» («Газете-Улей»), органе английских тред-юнионов, объявленном также органом Международного Товарищества Рабочих.

18 ноября — Маркс в связи с работой над «Капиталом» запрашивает у Энгельса официальные материалы о «хлопковом голоде» в Манчестере и о его влиянии на положение рабочих в хлопчатобумажной промышленности.

Между 22 и 29 ноября — Маркс пишет обращение Генерального Совета к А. Линкольну в связи с его вторичным избранием президентом Соединенных Штатов Америки. Обращение публикуется 23 декабря в английской буржуазно-либеральной газете «The Daily News» («Ежедневные новости»), 7 января 1865 г. в «Bee-Hive Newspaper» и других газетах.

Около 24 ноября — Учредительный Манифест и Временный Устав Международного Товарищества Рабочих выходят в свет отдельной брошюрой в количестве 1000 экземпляров.

24 ноября — Маркс посылает Энгельсу только что вышедший Учредительный Манифест и Временный Устав.

Энгельс в письме в Нью-Йорк к своему другу, бывшему члену Союза коммунистов, немецкому социалисту И. Вейдемейеру анализирует ход Гражданской войны и подчеркивает ее огромное значение для будущего развития Соединенных Штатов Америки.

28 ноября — Маркс пишет в редакцию штутгартской газеты «Der Beobachter» («Обозреватель») заявление, направленное против мелкобуржуазного публициста К. Блинда.

3 декабря редакция газеты помещает лишь сопроводительное письмо Маркса и свои «комментарии». Письмо публикуется в гамбургской газете «Nordstern» («Северная звезда») 10 декабря.

Конец ноября — начало декабря Маркс в письмах к своим сторонникам в различных странах — И. Вейдемейеру, Л. Кугельману и другим — сообщает об основании Интернационала и посылает им Учредительный Манифест и Временный Устав.

2 декабря Маркс просит Энгельса сделать взнос в паевой фонд, созданный Генеральным Советом с целью приобретения акций газеты «Bee-Hive», чтобы получить возможность влиять на направление газеты.

6 декабря На заседании Постоянного комитета, исполнительного органа Генерального Совета, Маркс критикует обращение к польскому народу, составленное П. Фоксом в духе буржуазного демократизма и от имени лишь английских членов Интернационала; он показывает идеализацию Фоксом традиционной политики господствующих классов Франции по отношению к Польше и раскрывает реакционную сущность политики правительств царской России, Пруссии и Австрии в польском вопросе.

10 декабря В письме к Энгельсу Маркс информирует его о положении дел в Интернационале и с удовлетворением отмечает присоединение к нему лондонского тред-юниона каменщиков (свыше 3000 человек), не примыкавшего ранее к политическим движениям.

13 декабря Маркс выступает по польскому вопросу на заседании Генерального Совета в связи с обсуждением обращения, составленного Фоксом.

Около 18 декабря 1864 — январь 1865 Маркс в ряде писем к И. Б. Швейцеру и В. Либкнехту подвергает резкой критике культ личности Лассаля в газете «Social-Demokrat» и заигрывание редакции газеты с правительством Бисмарка.

22 декабря Маркс в письме к немецкому социалисту, поэту К. Зибелю просит его рекомендовать Клингсу поставить на очередном генеральном собрании Всеобщего германского рабочего союза вопрос о присоединении Союза к Интернационалу.

1865

3 января На заседании Генерального Совета Маркс возобновляет прения по поводу обращения к польскому народу, составленного Фоксом.

Приблизительно 1—14 января	Маркс в Манчестере у Энгельса; они обсуждают вопросы, касающиеся Международного Товарищества Рабочих и рабочего движения в Германии; встречаются с бывшим лидером чартистов Э. Джонсом.
16 января	В письме к Швейцеру Маркс протестует против опубликования в газете «Social-Demokrat» корреспонденции мелкобуржуазного публициста М. Гесса, в которой некоторые члены парижской секции Интернационала клеветнически обвинялись в бонапартизме.
24 января	По просьбе редакции газеты «Social-Demokrat» Маркс пишет статью о Прудоне; статья, содержащая резкую критику реакционной мелкобуржуазной идеологии Прудона и направленная также против оппортунизма Лассаля, публикуется в газете 1, 3 и 5 февраля. Борясь против проникновения буржуазных элементов в Генеральный Совет и стремясь укрепить его пролетарское ядро, Маркс вносит предложение выдвигать кандидатуры в члены Совета по крайней мере за неделю до избрания и только при условии, что кандидат уже является членом Товарищества; выборы новых членов Совета Маркс предлагает проводить в отсутствие самих кандидатов. Предложение Маркса принимается единогласно.
25 января	Маркс в письме к Энгельсу информирует его о положении в Интернационале и советует написать статью о военной реформе в Пруссии для газеты «Social-Demokrat».
Около 27 января	Энгельс переводит стародатскую антифеодальную народную песню «Барин Тидман» на немецкий язык и отправляет ее со своими комментариями в «Social-Demokrat» с целью побудить газету к выступлениям против феодального дворянства. Корреспонденция Энгельса печатается 5 февраля.
27 января	Энгельс, узнав из присланного ему Марксом письма Либкнехта о том, что Лассаль обещал Бисмарку поддержку Всеобщим германским рабочим союзом захватнической политики Пруссии в Шлезвиг-Гольштейне при условии введения всеобщего избирательного права, в ответном письме к Марксу расценивает это обещание Лассаля как предательство интересов немецкого рабочего класса. Энгельс сообщает также Марксу о своем намерении в статье о военной реформе в Пруссии выступить как против правительства, так и против буржуазной оппозиции.
31 января	Маркс на заседании Генерального Совета участвует в обсуждении вопроса об отношении Международного Товарищества Рабочих к движению за реформу избирательного права в Англии. В своем выступлении Маркс высказывается за участие Товарищества в учредитель-

ном собрании Лиги реформы при условии, если будет принято требование всеобщего избирательного права для всего мужского населения и если в руководящий орган войдут кандидаты, предложенные Генеральным Советом.

Конец января — 11 февраля Энгельс пишет статью «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». Ввиду большого объема статьи, а также из-за нежелания печатать ее на страницах газеты «Social-Demokrat», Энгельс решает опубликовать ее отдельной брошюрой; брошюра выходит в свет в конце февраля в Гамбурге.

Февраль Маркс в письмах к Джонсу в Манчестер намечает тактику борьбы английского пролетариата за реформу избирательного права.

Февраль — середина марта Маркс, наряду с активной деятельностью в Генеральном Совете, напряженно, часто по ночам, работает над «Капиталом».

6 февраля Маркс пишет заявление в редакцию «Social-Demokrat» в связи с опубликованием в этой газете второй клеветнической статьи Гесса, направленной против Интернационала. Заявление, подписанное также Энгельсом, отсылается в редакцию газеты в качестве последнего предупреждения. Однако, считая, что разрыв с газетой должен произойти в связи с ее политической тактикой, а не из-за статьи Гесса, и принимая во внимание отказ Гесса от своих обвинений, Маркс и Энгельс решают не настаивать на опубликовании заявления.

Энгельс участвует в заседании правления Шиллеровского общества.

Приблизительно 7 февраля Маркс произносит речь на юбилейном празднике лондонского Просветительного общества немецких рабочих, в которой критикует взгляды лассальянцев на помощь буржуазного государства производительным товариществам рабочих. Содержание речи в искаженном виде публикуется в отчете о юбилейном празднике, помещенном в газете «Social-Demokrat» 19 февраля.

Около 10 февраля Маркс участвует в заседании подготовительного комитета по организации в Лондоне митинга солидарности с польским национально-освободительным движением в связи с годовщиной польского восстания 1863— 1864 годов.

13 февраля Маркс пишет письмо Швейцеру, в котором подробно останавливается на роли профессиональных союзов как организации рабочего класса для борьбы с буржуазией и подчеркивает, что в Пруссии завоевание права коалиций является частью общедемократической борьбы против реакционной монархии.

Вторая половина февраля — начало марта	Маркс занимается делами Парижского правления Интернационала в связи с конфликтом, возникшим в парижской секции между журналистом А. Лефором, с одной стороны, и рабочими-прудонистами Э. Э. Фрибуром, А. Л. Толеном и др., с другой стороны.
18 февраля	Ввиду того, что «Social-Demokrat» продолжает проводить политику заигрывания с правительством Бисмарка, Маркс пишет от своего имени, а также от имени Энгельса заявление, в котором характеризует лассальянство как «королевско-прусский правительственный социализм» и сообщает об отказе сотрудничать в газете; он отсылает заявление на подпись Энгельсу и 23 февраля отправляет его в редакцию газеты с просьбой опубликовать. Заявление публикуется в газете «Social-Demokrat» 3 марта, а также в других немецких газетах.
27 февраля	Энгельс пишет заметку о предстоящем выходе в свет брошюры «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» и посылает ее в Германию своим сторонникам для публикации в немецкой прессе. Заметка появляется без подписи в газете мелкобуржуазной демократии «Berliner Reform» («Берлинская реформа») 3 марта, а также в других немецких газетах.
Конец февраля	Маркс занят организацией польского митинга. В связи с попыткой английских буржуазных радикалов отсрочить митинг под предлогом его несвоевременности, Маркс заявляет от имени Генерального Совета, что рабочий класс имеет свою собственную внешнюю политику и отнюдь не руководствуется тем, что буржуазия считает своевременным или несвоевременным.
Конец февраля — первая половина марта	Маркс занят делами Лиги реформы, в руководящем органе которой представители Генерального Совета Интернационала завоевывают большинство.
1 марта	Маркс присутствует в Сент-Мартинс-холле на митинге, посвященном годовщине польского восстания 1863— 1864 годов.
6 марта	Энгельс участвует в заседании правления Шиллеровского общества.
7 марта	На заседании Генерального Совета принимаются составленные Марксом проекты резолюций, указывающие путь к ликвидации конфликта в Парижском правлении Интернационала.
10 марта	Энгельс в письме к Вейдемейеру подробно рассматривает ход военных действий на фронтах Гражданской войны в Соединенных Штатах Америки.
Около 13 марта	Маркс пишет рецензию на брошюру Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», которая

публикуется 18 марта в лондонском немецком еженедельнике «Hermann» («Герман»).

15 марта Маркс пишет заявление об отношении к лассальянской газете «Social-Demokrat», в котором раскрывает историю своего и Энгельса сотрудничества в этой газете и причины разрыва с ней. Заявление публикуется 19 марта в газете «Berliner Reform», а также в других газетах.

19 марта — 8 апреля Маркс совершает поездку к своим родственникам в Зальтбоммель (Голландия).

Около 23 марта В отсутствие Маркса в Лондон приходит письмо из Гамбурга от книгоиздателя О. К. Мейснера с договором на издание «Капитала».

28 марта Маркс пишет заявление в редакцию газеты «Berliner Reform», в котором опровергает попытки Швейцера извратить историю разрыва Маркса и Энгельса с газетой «Social-Demokrat». Заявление публикуется в газете 1 апреля.

29 марта Энгельс в письме к немецкому буржуазному философу-неокантианцу Ф. А. Ланге подвергает критике положение буржуазных экономистов о вечном, внеисторическом характере экономических законов и показывает, в частности, что закон народонаселения обусловлен господствующими в данном обществе производственными отношениями.

8 апреля Маркс пишет статью «Президент человечества», направленную против президента лассальянского Всеобщего германского рабочего союза Б. Беккера. Статья публикуется в газете «Berliner Reform» 13 апреля.

11 апреля 1865— 16 января 1866 По поручению Генерального Совета Маркс временно исполняет обязанности секретаря-корреспондента для Бельгии.

12 апреля Маркс присутствует на собрании лондонского Просветительного общества немецких рабочих; в своем выступлении он разоблачает оппортунизм лассальянского руководства Всеобщего германского рабочего союза.

В письме к Марксу Энгельс подробно информирует его о развитии хлопкового кризиса в Англии и других странах.

13 апреля Маркс в письме к Г. Юнгу просит его как секретаря-корреспондента для Швейцарии послать в цюрихскую газету «Der weise Adler» («Белый орел») поправку к опубликованному на ее страницах отчету о польском митинге 1 марта 1865 г. в Лондоне, в котором замалчивалась единогласно принятая на митинге резолюция, предложенная от имени Международного Товарищества

Рабочих. Маркс прилагает к письму текст поправки, который публикуется в газете за подписью Юнга 22 апреля.

25 апреля — На заседании Генерального Совета Маркс докладывает о стачке лейпцигских печатников; вместе с П. Фоксом и У. Р. Кримером он избирается в состав делегации, направляемой к лондонским печатникам, чтобы побудить их оказать материальную помощь бастующим рабочим в Лейпциге.

Между 2 и 9 мая — Маркс пишет обращение Международного Товарищества Рабочих к президенту Соединенных Штатов Америки Э. Джонсону по поводу убийства Линкольна; обращение, принятое единогласно Генеральным Советом, публикуется 20 мая в «Bee-Hive Newspaper», а также в других газетах.

20 мая — Маркс в письме к Энгельсу критикует представленный Генеральному Совету доклад Дж. Уэстона о заработной плате, в котором делалась попытка доказать бессмысленность борьбы рабочих за повышение заработной платы и отрицалась положительная роль тред-юнионов в пролетарском движении.

20 и 27 июня — На заседаниях Генерального Совета Маркс читает доклад о заработной плате, цене и прибыли, в котором опровергает ошибочные взгляды Уэстона и излагает в популярной форме сущность своего учения о прибавочной стоимости.

24 июня — В письме к Энгельсу Маркс сообщает, что ему удалось убедить членов Генерального Совета созвать предварительную конференцию Интернационала в Лондоне вместо предполагавшегося конгресса в Брюсселе, созыв которого он считает преждевременным.

26 июля — На заседании Генерального Совета утверждается подготовленный под руководством Маркса доклад Постоянного комитета о созыве конференции в Лондоне.

31 июля — Маркс, информируя Энгельса о состоянии своей работы над «Капиталом», сообщает, что для завершения теоретической части его труда, охватывающей три книги, ему нужно написать еще три главы, кроме того, ему предстоит написать четвертую книгу, посвященную истории политической экономии.

Август — Маркс болен вследствие переутомления, вызванного усиленной работой над «Капиталом»; во время болезни читает книги по астрономии.

Конец августа — Маркс избирается членом правления газеты «The Workman's Advocate» («Защитник рабочего»), органа Международного Товарищества Рабочих.

Конец августа — середина сентября Энгельс путешествует по Германии, Швейцарии и Италии.

12 сентября На заседании Генерального Совета Маркс выступает в прениях по вопросу об организации предстоящей конференции Интернационала.

Середина сентября Занимаясь подготовкой Лондонской конференции,
Маркс предлагает Либкнехту принять в ней личное участие или представить письменный доклад о рабочем движении в Германии, обращается к Джонсу с просьбой выступить во время Лондонской конференции на вечере по случаю годовщины основания Интернационала.

19 сентября На заседании Генерального Совета Маркс избирается в новый состав Постоянного комитета.

25—29 сентября Маркс принимает участие в Лондонской конференции Интернационала; он присутствует на всех заседаниях конференции, неоднократно выступает по важнейшим вопросам и добивается принятия предложенной им повестки дня предстоящего конгресса; он избирается в состав комиссии, созданной для подготовки информации об Интернационале в газете «Workman's Advocate».

17 октября На заседании Генерального Совета Маркс поддерживает выдвинутое представителями польской демократической эмиграции предложение отметить годовщину польского восстания 1830 г. и советует возложить подготовку собрания на Постоянный комитет.

20 октября — около 2 ноября Маркс находится в Манчестере у Энгельса.

15 ноября Маркс получает письмо от берлинских рабочих Т. Мецнера, З. Мейера и А. Фогта с просьбой приехать в Германию, ввиду того что его личное присутствие могло бы содействовать сплочению лучших сил немецкого рабочего класса.

20 ноября Маркс в письме к Энгельсу просит его прислать фактические данные о положении рабочих в хлопчатобумажной промышленности Манчестера, необходимые ему для работы над «Капиталом».

Декабрь Маркс, являясь членом правления газеты «Workman's Advocate», ведет борьбу против буржуазных элементов в правлении газеты.

В связи с разработкой проблемы земельной ренты Маркс изучает в Британском музее труды по сельскому хозяйству, в частности по агрохимии, читает работы Ю. Либиха и Х. Ф. Шёнбейна.

Декабрь 1865 — январь 1866 Получив письмо от руководителя немецких секций в Швейцарии И. Ф. Беккера относительно предстоящего с января 1866 г. издания журнала «Der Vorbote» («Предвестник»), Маркс обращается к Энгельсу, Либкнехту и Кугельману с просьбой посылать корреспонденции в газету.

26 декабря На заседании Генерального Совета Маркс участвует в обсуждении опубликованной анонимно в бельгийской буржуазно-демократической газете «L'Echo de Verviers» («Эхо Вервье») статьи П. Везинье, клеветнически извращающей деятельность Генерального Совета, а также работу Лондонской конференции, и выступает с опровержением приведенных в статье утверждений.

Конец декабря Маркс заканчивает написание предварительного варианта «Капитала».

1866

Январь Маркс начинает подготовку «Капитала» к печати.

Начало января Энгельс, занимаясь вопросами естествознания, проявляет большой интерес к молекулярной теории; он читает-книгу английского физика Дж. Тиндаля «Теплота, рассматриваемая как род движения».

5 января Маркс информирует Энгельса об оппозиции Генеральному Совету со стороны мелкобуржуазных элементов Французской секции в Лондоне и прудонистов в Брюсселе. Он просит Энгельса выступить в печати с обоснованием позиции пролетариата в польском вопросе.

9 января Маркс в своем выступлении на заседании Генерального Совета опровергает содержащиеся в статье Везинье утверждения и вносит предложение потребовать от него доказательства приведенных им фактов, в противном случае исключить его из Интернационала. Генеральный Совет принимает предложение Маркса.

22 января Маркс присутствует на митинге, посвященном празднованию годовщины польского восстания 1863—1864 годов; он поддерживает внесенную от имени Международного Товарищества Рабочих резолюцию, выражающую сочувствие освободительной борьбе польского народа.

26 января Энгельс запрашивает у Маркса литературу об условиях отмены крепостного права в России и об экономическом положения русского крестьянства.

27 января — Маркс встречается с Юнгом и редактирует написанное им по поручению Генерального Совета опровержение статьи Везинье в «Echo de Verviers». Опровержение печатается в той же газете 20 февраля за подписью Юнга.

Конец января — начало марта — Маркс тяжело болен вследствие напряженной работы над «Капиталом». По мере выздоровления продолжает работу над рукописью I тома; разрабатывает в историческом плане главу о рабочем дне.

Конец января — 6 апреля — Энгельс работает над серией статей по польскому вопросу, в которых обосновывает позицию пролетариата по отношению к национально-освободительному движению угнетенных народов, разоблачая нигилизм прудонистов в национальном вопросе. Статьи публикуются в органе Интернационала, газете «The Commonwealth» («Республика») 24, 31 марта и 5 мая под заглавием «Какое дело рабочему классу до Польши?».

Начало февраля — Маркс, переписываясь во время болезни с членами Генерального Совета, добивается назначения редактором газеты «Commonwealth» Эккариуса, а также создания редакционной наблюдательной комиссии, большинство которой составили члены Генерального Совета, в том числе Маркс.

Около 13 февраля — Маркс по совету Энгельса принимает решение опубликовать в первую очередь I том «Капитала».

Между 14 и 18 февраля — Энгельс находится у Маркса в Лондоне.

Первая половина марта — Отстаивая пролетарский характер Интернационала, Маркс ведет борьбу против буржуазного влияния, проводником которого в Генеральном Совете явилась оппозиция из мадзинистских элементов (Л. Вольф и др.), мелкобуржуазных демократов (члены Французской секции в Лондоне) и реформистских лидеров английских тред-юнионов (Дж. Оджер, У. Р. Кример и др.).

10 марта — На квартире у Маркса происходит совещание секретарей-корреспондентов Генерального Совета для континентальных стран. На совещании принимается решение дать отпор мадзинисту Вольфу, который на заседании Генерального Совета 6 марта пытался опротестовать статью Юнга в «Echo de Verviers» и объявить Дж. Мадзини автором Устава Интернационала. Совещание поручает Марксу выступить с разоблачением Вольфа и его сторонников в Генеральном Совете.

12 марта — Маркс присутствует на заседании акционеров газеты «Commonwealth» и добивается оставления Эккариуса на посту редактора.

12 марта	Маркс на заседании Генерального Совета произносит речь, в которой опровергает заявление, сделанное Вольфом на заседании 6 марта.
15 марта — около 10 апреля	Маркс лечится и отдыхает в Маргете.
Конец марта — 1 апреля	Энгельс отдыхает в Уэльсе.
6 апреля	В письме к Энгельсу Маркс сообщает о своей готовности ехать в Париж, лишь бы убедить французских членов Интернационала в необходимости отсрочить назначенный на май конгресс в Женеве ввиду неподготовленности к нему Международного Товарищества Рабочих, особенно в Англии.
10 апреля	После продолжительной болезни и лечения Маркс снова включается в работу Генерального Совета; он присутствует на его заседании при обсуждении вопроса о сроке созыва Женевского конгресса и других вопросов.
17 апреля	Маркс на заседании Генерального Совета участвует в прениях, развернувшихся в связи с выступлением мадзиниста Вольфа, пытавшегося возобновить свои нападки на статью Юнга в «Echo de Verviers».
1 мая	Маркс в Генеральном Совете выступает в поддержку резолюции о перенесении созыва Женевского конгресса с мая на сентябрь. Энгельс в письме к Марксу сообщает о ввозе английскими предпринимателями в Эдинбург немецких рабочих-портных для использования их в качестве штрейкбрехеров и просит Генеральный Совет принять меры против ввоза в Англию новой группы немецких рабочих.
4 мая	Маркс от имени Генерального Совета пишет воззвание, в котором предостерегает рабочих Германии против попыток английских предпринимателей завербовать их на работу и использовать в качестве штрейкбрехеров. Воззвание печатается в газете «Oberrheinischer Courier» («Верхнерейнский курьер») 15 мая под названием «Предостережение», а также в других немецких газетах.
8 мая	Маркс дважды выступает на заседании Генерального Совета при обсуждении финансовых вопросов, связанных, в частности, с подготовкой Женевского конгресса.
Около 14 мая	После продолжительного перерыва Маркс, несмотря на плохое состояние здоровья, возобновляет подготовку к печати рукописи I тома «Капитала».
15 мая	На заседании Генерального Совета Маркс отвечает Фоксу на критику статей Энгельса «Какое дело ра-

	бочему классу до Польши?» и отстаивает положение Энгельса о том, что политика польской аристократии содействовала разделу Польши иностранными государствами.
25 мая	Энгельс по просьбе Маркса информирует его о развитии экономического кризиса в текстильной промышленности Манчестера и Ливерпуля.
9 июня	Ввиду возрастающего влияния буржуазных элементов в правлении газеты «Commonwealth» Маркс выходит из его состава.
Между 19 июня и 5 июля	Энгельс пишет «Заметки о войне в Германии» в связи с начавшейся войной между Австрией и Пруссией. Заметки печатаются в «Manchester Guardian» 20, 25 и 28 июня, 3 и 6 июля.
19 и 26 июня	Маркс на заседаниях Генерального Совета участвует в обсуждении вопроса об австро-прусской войне, которое превращается в дискуссию по национальному вопросу. В своем выступлении на первом заседании Маркс подвергает критике взгляды прудонистов на национальный вопрос.
Первая половина июля	Маркс изучает распространенную в Англии и Франции философию родоначальника буржуазного позитивизма О. Конта, взгляды которого, воспринимаемые реформистскими руководителями тред-юнионов, могли оказывать влияние на английский рабочий класс.
3 июля	Маркс поддерживает в Генеральном Совете выступление Юнга, отстаивавшего революционную тактику пролетариата и Международного Товарищества Рабочих в период австро-прусской войны.
17 июля	В Генеральном Совете во время дискуссии по вопросу об австро-прусской войне Маркс произносит речь о позиции пролетариата в этой войне.
24 июля	Маркс участвует в обсуждении Генеральным Советом вопросов, связанных с проведением Женевского конгресса и, в частности, повестки дня конгресса, поддерживает предложение о сохранении местопребывания Совета в Лондоне.
Конец июля	Маркс в связи с работой над «Капиталом» изучает только что опубликованные офицальные отчеты о детском труде в промышленности Англии, а также о жилищных условиях английского пролетариата.
31 июля	На заседании Генерального Совета Маркс от имени Постоянного комитета выступает с докладом о повестке дня Женевского конгресса.

Август — начало ноября Маркс испытывает большие материальные затруднения; его письма к родным в Голландию с просьбой о помощи остаются без ответа; как всегда, помощь оказывает Энгельс.

Конец августа Маркс пишет «Инструкцию делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» в связи с предстоящим Женевским конгрессом.

31 августа Маркс в письме к И. Ф. Беккеру дает указания об организации работы Женевского конгресса; не рекомендуя избирать председателем конгресса реформиста Оджера, Маркс, в частности, подчеркивает соглашательскую роль Оджера и других вождей тред-юнионов в Лиге реформы, вступивших на путь компромиссов с буржуазными радикалами в ущерб интересам рабочих.

3—8 сентября На Женевском конгрессе обсуждается написанная Марксом «Инструкция делегатам Временного Центрального Совета». Основные решения конгресса принимаются в соответствии с «Инструкцией». Женевский конгресс утверждает Устав Интернационала, в основу которого положен Временный Устав, написанный Марксом. Инструкция и Устав публикуются вместе с общим отчетом о конгрессе в органах Интернационала на английском, французском и немецком языках.

8 сентября На заседании Женевского конгресса английские делегаты У. Р. Кример и Дж. Картер, отвечая на выпады делегатов-прудонистов против интеллигенции, подчеркивают выдающуюся роль Маркса в основании Интернационала, характеризуют Маркса как человека, который посвятил всю свою жизнь делу рабочего класса. Маркс избирается конгрессом в состав Генерального Совета.

Вторая половина сентября Маркс знакомится с отчетом о работе американского рабочего съезда в Балтиморе, высоко оценивая результаты работы съезда, в особенности его призыв к борьбе за 8-часовой рабочий день, являющийся одним из основных требований Интернационала.

25 сентября На заседании Генерального Совета Маркс вновь избирается секретарем-корреспондентом для Германии.

9 октября По предложению Маркса Генеральный Совет принимает решение послать французскому министру иностранных дел протест против конфискации французскими властями документов Женевского конгресса.

Маркс в письме к Кугельману дает оценку работе Женевского конгресса, подчеркивая его большое влияние во Франции, Англии и Америке; характеризует прудонистов как противников всякого революционного и политического движения пролетариата и отмечает огромный вред, который принес рабочему движению мелкобуржуазный утопизм Прудона.

13 октября	Маркс в письме к Кугельману излагает общий план «Капитала», указывая, что его труд должен состоять из 4 книг: «Книга I) Процесс производства капитала. Книга II) Процесс обращения капитала. Книга III) Формы всего процесса в целом. Книга IV) К истории теории».
Ноябрь 1866 — середина марта 1867	Маркс помогает Эккариусу в написании серии статей, разоблачающих английского буржуазного экономиста и философа-позитивиста Дж. Ст. Милля, взгляды которого оказывали влияние на верхушку английского пролетариата. Статьи публикуются в газете «Commonwealth» под заглавием «Опровержение рабочим некоторых положений политической экономии Джона Стюарта Милля».
Середина ноября	Маркс отправляет в Гамбург книгоиздателю Мейснеру первую часть рукописи I тома «Капитала».
20 ноября	На заседании Генерального Совета Маркс избирается в состав депутации для посещения собрания Лондонского совета тред-юнионов. Маркс вносит на заседании предложение отпраздновать годовщину польского восстания 1863—1864 годов.
27 ноября	В связи с обсуждением в Генеральном Совете вопроса о конфискации документов Женевского конгресса французским правительством, Маркс раскрывает антирабочую сущность политики Наполеона III.
18 декабря	На заседании Генерального Совета Маркс делает сообщение о статьях, помещенных в различных буржуазных газетах, которые вынуждены признать, что Международное Товарищество Рабочих представляет собой значительное явление века.

1867

Первая половина января	Продолжая работу над «Капиталом», и, в частности, дополняя главу о всеобщем законе капиталистического накопления, Маркс читает книгу английского историка-экономиста Дж. Э. Т. Роджерса «История сельского хозяйства и цен в Англии», присланную ему Энгельсом.
Январь — февраль	Маркс испытывает острую материальную нужду; его семье угрожает выселение из квартиры и опись имущества. Энгельс оказывает помощь Марксу.
22 января	Маркс как представитель Международного Товарищества Рабочих присутствует на митинге в Лондоне, посвященном празднованию годовщины польского восстания 1863—1864 годов; он произносит речь и вносит

резолюцию. Речь Маркса и резолюция публикуются в лондонской газете польской демократической эмиграции «Glos Wolny» («Свободный голос») 10 февраля.

29 января Энгельс сообщает Марксу новые данные о положении и борьбе рабочих хлопчатобумажной промышленности Манчестера.

18 февраля Маркс через Кугельмана посылает в ганноверскую либеральную «Zeitung fur Norddeutschland» («Газету для Северной Германии») заметку, в которой опровергает распространенный этой газетой ложный слух, будто он собирается поехать на континент для подготовки восстания в Польше. Газета публикует опровержение Маркса 21 февраля в своей редакции.

28 февраля Маркс произносит на юбилейном собрании лондонского Просветительного общества немецких рабочих речь, в которой освещает проблемы наемного труда и капитала, а также вопросы социальных отношений в Германии. Изложение речи в записи члена Генерального Совета Ф. Лесснера печатается в мартовском номере «Vorbote».

5 марта На заседании Генерального Совета Маркс избирается в состав депутации от Генерального Совета, направляемой к лондонским тред-юнионам с целью добиться от них оказания материальной помощи бастующим рабочим-бронзовщикам Парижа.

2 апреля Маркс в письме к Энгельсу сообщает об окончании работы над I томом «Капитала» и о своем намерении лично отвезти рукопись книгоиздателю в Гамбург.

4 апреля Энгельс в письме к Марксу выражает свою радость по случаю окончания работы над I томом «Капитала» и посылает Марксу деньги на поездку в Гамбург.

10 апреля Маркс уезжает из Лондона в Гамбург.

12 — около 16 апреля Маркс находится в Гамбурге; обсуждает с Мейснером вопросы, связанные с печатанием I тома «Капитала».

Вторая половина апреля — июнь Маркс и Энгельс принимают меры к широкому оповещению через прессу о предстоящем выходе в свет I тома «Капитала»; предпринимают шаги к осуществлению перевода книги на английский и французский языки.

Около 17 апреля — 15 мая Маркс гостит у Кугельмана в Ганновере.

29 апреля В Лейпциге, в типографии О. Виганда начинает печататься I том «Капитала».

5 мая	Маркс получает из типографии первый лист корректуры I тома «Капитала».
16—17 мая	На обратном пути из Ганновера в Лондон Маркс останавливается в Гамбурге для дальнейших переговоров с Мейснером.
19 мая	Маркс возвращается в Лондон.
Вторая половина мая	Маркс получает ответное письмо из Брюсселя от члена Интернационала А. Ванденхутена, содержащее сведения о причинах волнений рабочих-горняков угольного бассейна Шарлеруа.
Приблизительно 21 мая — приблизительно 2 июня	Маркс находится у Энгельса в Манчестере.
Первая половина июня	Энгельс интересуется новейшими теориями в химии; читает книгу немецкого химика А. В. Гофмана «Введение в современную химию».
Июнь	Маркс и Энгельс внимательно следят за ходом судебного процесса по делу заключенных ирландских фениев — участников национально-освободительного движения в Ирландии против английского господства.
3 июня	Маркс посылает на просмотр Энгельсу пять листов корректуры «Капитала» и просит сообщить, какие пункты в изложении форм стоимости необходимо популяризировать в приложении.
4 июня	Маркс избирается в комиссию по составлению воззвания Генерального Совета о предстоящем конгрессе в Лозанне.
16 июня	Энгельс в письме к Марксу сообщает свое мнение о прочитанных им первых листах I тома «Капитала» и высказывает соображения по поводу изложения вопроса о форме стоимости в приложении к тому.
17—22 июня	Маркс, в соответствии с замечаниями Энгельса, пишет приложение «Форма стоимости» к первой главе I тома «Капитала».
24 июня	Энгельс в письме к Марксу рекомендует ему С. Мура, английского юриста, члена Интернационала в качестве переводчика I тома «Капитала» на английский язык, обещая взять на себя непосредственное наблюдение за переводом.
5 июля	Энгельс отправляется в путешествие по Швеции, Дании и Германии. Во время поездки ведет путевой дневник, в котором кратко записывает свои впечатления; заезжает в Ганновер к Кугельману.

9 июля Маркс участвует в обсуждении Генеральным Советом составленного в его отсутствие воззвания о конгрессе в Лозанне; формулирует первый пункт повестки дня конгресса, который включается в воззвание.

Середина июля Маркс редактирует перевод воззвания о конгрессе в Лозанне. Воззвание публикуется в виде листовок на французском и немецком языках, а также в газете «La Tribune du Peuple» («Трибуна народа»), органе секций Интернационала в Бельгии, 31 августа и в других газетах.

16 июля Маркс избирается Генеральным Советом в состав депутации для посещения ежегодного собрания Лондонского совета тред-юнионов.

Около 23 июля Маркс получает из Соединенных Штатов Америки письмо от деятеля рабочего движения А. Ф. Зорге с сообщением о своем намерении основать секцию Интернационала в Хобокене. Зорге просит Маркса прислать Учредительный Манифест и Устав Интернационала, а также сообщить условия приема в Товарищество.

23 июля На заседании Генерального Совета Маркс, основываясь на официальных статистических данных, приведенных в только что вышедшей парламентской Синей книге, опровергает заявления буржуазной прессы, будто бы деятельность тред-юнионов ведет к сокращению железоделательной промышленности в Англии. Запись речи Маркса публикуется 27 июля в английских газетах «The Working Man» («Рабочий») и «Bee-Hive Newspaper». Маркс вносит также предложение, направленное против прудонистов из Парижского правления, о том, что выработка повестки дня конгрессов Интернационала входит в компетенцию только Генерального Совета. Предложение Маркса принимается.

25 июля Маркс заканчивает предисловие к I тому «Капитала» и отсылает его издателю в Гамбург.

Начало августа Энгельс возвращается в Манчестер.

13 августа На заседании Генерального Совета Маркс произносит речь и вносит резолюцию против официального участия Интернационала в конгрессе буржуазно-пацифистской Лиги мира и свободы, который должен состояться в сентябре в Женеве. В своем выступлении он подчеркивает, что подлинным борцом за мир является Интернационал, ибо «объединение рабочего класса разных стран в конечном счете должно сделать войны между народами невозможными». Маркс признает в то же время желательным участие в конгрессе представителей Интернационала в индивидуальном порядке. Предложение Маркса принимается единогласно. Запись речи Маркса

и резолюция публикуются в «Bee-Hive Newspaper» 17 августа 1867 года.

16 августа Маркс заканчивает просмотр последнего листа корректуры I тома «Капитала»; в своем письме к Энгельсу Маркс горячо благодарит за самоотверженную помощь, которую оказал ему Энгельс при создании этого труда.

20 августа На заседании Генерального Совета утверждается отчет Лозаннскому конгрессу, под которым Маркс ставит свою подпись.

Около 24 августа Маркс продолжает работать над II томом «Капитала»; он исследует вопрос об обороте основного капитала.

26—27 августа Энгельс по просьбе Маркса изучает вопрос о возмещении основного капитала и об использовании амортизационного фонда; собирает фактические данные на фабриках в Манчестере и посылает Марксу собственные детальные расчеты по этому вопросу.

27 августа На заседании Генерального Совета Маркс отвечает **на** критические замечания некоторых английских членов, считающих, что Совет уделяет мало внимания обсуждению общих вопросов; он подчеркивает значение практической деятельности Совета и возражает против превращения Интернационала в дискуссионный клуб.

Около 4 сентября Маркс посылает в парижскую левореспубликанскую газету «Le Courrier francais» («Французский курьер»), ставшую органом Интернационала, заметку, в которой приводит сведения директора центрального статистического архива Пруссии О. Хюбнера о бедственном положении трудящихся масс страны. Заметка публикуется в газете 6 сентября с некоторыми искажениями.

6 сентября Маркс избирается Лозаннским конгрессом в состав Генерального Совета.

7—12 сентября Маркс получает от Лесснера и Эккариуса информацию о ходе Лозаннского конгресса Интернационала, а также конгресса Лиги мира и свободы в Женеве.

13 сентября Маркс с П. Лафаргом едет на несколько дней в гости к Энгельсу в Манчестер.

14 сентября Выходит в свет I том основного экономического труда Маркса — «Капитала».

24 сентября На заседании Генерального Совета Маркс вновь избирается секретарем-корреспондентом для Германии; борясь против реформистских лидеров тред-юнионов в Генеральном Совете, Маркс добивается решения об упразднении должности председателя Генерального Совета, которую до этого бессменно занимал член Лондонского совета тред-юнионов Оджер.

12 октября В целях популяризации и пропаганды идей «Капитала», а также для того, чтобы покончить с сознательным замалчиванием буржуазной прессой вышедшего в свет I тома «Капитала», Энгельс пишет две рецензии, одна из которых появляется в приложении к немецкой буржуазно-демократической газете «Die Zukunft» («Будущее») 30 октября, а другая, написанная для немецкой буржуазной «Rheinische Zeitung» («Рейнской газеты»), остается неопубликованной.

Середина октября Придавая большое значение деятельности Либкнехта в Северогерманском рейхстаге, Маркс в своих письмах к нему дает ряд советов и указаний для выступлений. В связи с намерением Либкнехта потребовать в рейхстаге создания комиссии по обследованию положения рабочих в Германии Маркс высылает ему для ознакомления с постановкой этого дела в Англии официальные документы о полномочиях парламентских комиссии.

22 октября Энгельс пишет рецензию на I том «Капитала», которая публикуется 2 ноября в немецкой буржуазно-либеральной «Elberfelder Zeitung» («Эльберфельдской газете»).

2 ноября Маркс в письме к Энгельсу высказывается по поводу перспектив ирландского национально-освободительного движения, обосновывая право Ирландии на отделение от Англии.

Между 3 и 8 ноября Энгельс пишет рецензию на I том «Капитала», которая публикуется 17 ноября в немецкой буржуазно-либеральной «Dusseldorfer Zeitung» («Дюссельдорфской газете»).

8 ноября Энгельс в письме к Кугельману, излагая свою точку зрения на политическую обстановку в Англии, подчеркивает рост симпатии английских рабочих к освободительной борьбе ирландцев против английского господства.

14 и 26 ноября Маркс и Энгельс в письмах друг к другу обмениваются мнениями о философских взглядах рабочего И. Дицгена, изложенных им в письме к Марксу, и дают высокую оценку мировоззрению этого философа-самоучки.

20 ноября На чрезвычайном заседании Генерального Совета Марко зачитывает написанное им по случаю вынесения смертного приговора участникам фенианского движения обращение. Принятое единогласно обращение «Заключенные в Манчестере фении и Международное Товарищество Рабочих» печатается 24 ноября в газете «Courrier francais».

Около 26 ноября Готовясь к очередному заседанию Генерального Совета, Маркс составляет набросок предстоящей речи по ирландскому вопросу.

26 ноября На заседании Генерального Совета при обсуждении ирландского вопроса Маркс решает отказаться от своего выступления, передав слово Фоксу; он считает политически более целесообразным, чтобы после казни 23 ноября в Манчестере трех фениев с протестом против репрессий английского правительства выступил англичанин.

30 ноября Маркс в письме к Энгельсу определяет тактику английского пролетариата в ирландском вопросе, подчеркивая, что главным в этой тактике должна быть борьба за ликвидацию колониального господства Англии над Ирландией и предоставление этой стране национальной независимости.

6 декабря Маркс посылает в газету «Zukunfl» статью «Плагиаторы», направленную против лассальянца Хофштеттена, который в своем выступлении на генеральном собрании Всеобщего германского рабочего союза заимствовал различные места из «Капитала», извратив при этом их содержание и не назвав источника. Статья печатается без подписи в приложении к газете 12 декабря.

12—13 декабря Энгельс пишет две рецензии на I том «Капитала», которые публикуются 27 декабря в газетах «Beobachter» и в органе немецких торгово-промышленных кругов «Gewerbeblatt aus Wurttemberg» («Вюртембергской промышленной газете»).

16 декабря Маркс делает доклад по ирландскому вопросу в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих; в докладе Маркс обстоятельно освещает историю порабощения Ирландии Англией и обосновывает позицию Интернационала по отношению к ирландскому национально-освободительному движению.

Вторая половина декабря 1867 — конец апреля 1868 Несмотря на тяжелое состояние здоровья, Маркс продолжает работать над «Капиталом». Он изучает статистические материалы, парламентские Синие книги, читает труды по сельскому хозяйству Дж. Мортона, К. Н. Фрааса, И. Г. Тюнена.

1868

Первая половина января Энгельс пишет рецензию на I том «Капитала», которая публикуется 21 января в буржуазно-демократической «Neue Badische Landeszeitung» («Новой баденской газете»).

Конец января — март Энгельс много времени уделяет работе в правлении Шиллеровского общества.

Первая половина февраля Маркс и Энгельс в письмах друг к другу обмениваются мнениями о работах немецкого мелкобуржуазного философа и экономиста Е. Дюринга «Умалители заслуг Кэри», «Капитал и труд» и др.

Между 2 и 13 марта — Энгельс пишет рецензию на I том «Капитала» для немецкой рабочей газеты «Demokratisches Wochenblatt» («Демократический еженедельник»); рецензия публикуется 21 и 28 марта.

Около 13 марта — Энгельс в письме к Либкнехту дает ему советы для выступления в рейхстаге с критикой нового промыслового устава.

Середина марта — Маркс и Энгельс изучают труд немецкого историка Г. Л. Маурера «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства», а также другие его сочинения, давая им высокую оценку.

Апрель — Энгельс конспектирует I том «Капитала».

1—5 апреля — Энгельс находится в Лондоне по случаю свадьбы дочери Маркса Лауры и Лафарга.

11—20 апреля — Маркс и Энгельс в своей переписке обсуждают события, связанные с локаутом строительных рабочих в Женеве.

Конец апреля — Маркс исследует вопрос об отношении между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости. В письмах к Энгельсу он сообщает итоги своих исследований по этому вопросу, а также план последующих томов «Капитала», особенно подробно излагая содержание III тома.

5 мая — Маркс после длительного перерыва, вызванного болезнью, присутствует на заседании Генерального Совета.

12 мая — На заседании Генерального Совета Маркс вносит предложение опубликовать официальное разоблачение бельгийского правительства, учинившего кровавую расправу над бастующими углекопами Шарлеруа; предложение Маркса единогласно принимается Советом.

20 мая — Маркс читает в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих лекцию о заработной плате.

Около 22 мая — 1 июля — Энгельс пишет рецензию на I том «Капитала» для английского буржуазно-либерального журнала «The Fortnightly Review» («Двухнедельное обозрение»). Рецензия остается неопубликованной.

Между 25 и 29 мая — Маркс пишет проект резолюции об изменении места созыва намечаемого в Брюсселе конгресса в связи с продлением в Бельгии закона против иностранцев и преследованиями бельгийским правительством членов Товарищества; проект принимается Генеральным Советом 2 июня в отсутствие Маркса и публикуется 6 июня в «Bee-Hive Newspaper». Однако 16 июня, учитывая мнение бельгийской секции, считавшей отказ от созыва конгресса в Брюсселе уступкой правительству, Маркс снимает свое предложение.

29 мая — около 15 июня	Маркс с дочерью Элеонорой гостит в Манчестере у Энгельса.
Около 26 июня	Маркс посылает подробные указания и материалы немецкому социалисту В. Эйххофу для написания им брошюры о Международном Товариществе Рабочих.
4 июля	Маркс в письме к З. Мейеру просит прислать материалы об аграрных отношениях и о положении в сельском хозяйстве Соединенных Штатов Америки, необходимые для разработки в «Капитале» проблемы земельной ренты.
7 июля	На заседании Генерального Совета Маркс предлагает отмежеваться от провокационно-авантюристических выступлений французского мелкобуржуазного демократа, эмигранта Ф. Пиа, выступающего от имени Французской секции в Лондоне. Сформулированная Марксом резолюция принимается Советом и печатается в бельгийских газетах «La Liberte» («Свобода») 12 июля, «La Cigale» («Сверчок») 19 июля и «Tribune du Peuple» 26 июля.
Около 11 июля	Маркс пишет статью «Мой плагиат у Ф. Бастиа», в которой опровергает клевету немецкого вульгарного экономиста Ю. Фаухера, обвинявшего Маркса в рецензии на I том «Капитала» в заимствовании определения величины стоимости у Бастиа. Статья остается неопубликованной.
14 июля	На заседании Генерального Совета Маркс выступает с заявлением, в котором клеймит поведение британского правительства, изъявшего в статьях бюджета о субсидиях эмигрантам прилагательное «польские» перед словом «эмигранты». Заявление Маркса принимается Советом в качестве резолюции и публикуется в газете «Bee-Hive» 18- июля.
Между 18 и 30 июля	Маркс читает и исправляет корректуру работы Эйххофа об Интернационале, которая выходит в свет в августе отдельной брошюрой.
28 июля	При обсуждении повестки дня Брюссельского конгресса на заседании Генерального Совета Маркс произносит речь о последствиях применения машин при капитализме. Запись речи Маркса публикуется в газете «Bee-Hive» 1 августа.
29—31 июля	Энгельс пишет для лейпцигской литературной газеты «Die Gartenlaube» («Беседка») небольшую биографическую статью о Марксе и посылает ее Кугельману. Статья остается неопубликованной.
11 августа	На заседании Генерального Совета в ходе обсуждения повестки дня Брюссельского конгресса Маркс вносит

проект резолюции о последствиях применения машин при капитализме и произносит речь о сокращении рабочего дня. Проект резолюции принимает» я Советом. Запись речи Маркса публикуется в газете «Bee-Hive» 22 августа.

Маркс пересылает Лесснеру отредактированное им «Воззвание к немецким рабочим Лондона» по поводу предстоящего конгресса в Брюсселе, которое публикуется от имени лондонского Просветительного общества немецких рабочих в газете «Hermann» 15 августа.

18 августа — В ответ на приглашение правления Всеобщего германского рабочего союза присутствовать в качестве почетного гостя на генеральном собрании Союза в Гамбурге, Маркс сообщает, что он не может принять это приглашение ввиду загруженности работой в Генеральном Совете в связи с подготовкой к Брюссельскому конгрессу; он одобряет включение в повестку дня генерального собрания вопросов о борьбе пролетариата за политическую свободу, за сокращение рабочего дня, за международное сотрудничество рабочего класса. Ответ Маркса на приглашение публикуется в газетах «Social-Demokrat» 28 августа и «Demokratisches Wochenblatt» 29 августа.

21 августа — около 24 августа — Маркс отдыхает в Рамсгете.

25 августа — На заседании Генерального Совета принимается написанный Марксом проект резолюции о сокращении рабочего дня. Резолюция публикуется в газете «Bee-Hive» 29 августа.

Приблизительно 25 августа — 1 сентября — Маркс составляет отчет Генерального Совета Брюссельскому конгрессу; отчет единогласно утверждается Генеральным Советом 1 сентября и публикуется на английском языке в газете «Times» 9 сентября, на немецком языке — в журнале «Vorbote» за сентябрь, на французском языке — в приложении к газете «Le Peuple Belge» («Бельгийский народ»).

29 августа — Энгельс в Манчестере присутствует на митинге рабочих, организованном Джонсом.

Начало сентября — Энгельс несколько дней проводит в Остенде вместе со своей матерью, приехавшей из Германии. Во время поездки встречается в Лондоне с Марксом.

6—13 сентября — На конгрессе Интернационала в Брюсселе зачитывается и обсуждается написанный Марксом отчет Генерального Совета; принимаются резолюции о последствиях применения машин при капитализме, о сокращении рабочего дня в соответствии с проектами, внесенными Марксом и утвержденными Генеральным Советом. Маркс вновь избирается конгрессом в состав Генерального Совета.

10 сентября Получив от Лесснера подробную информацию о ходе Брюссельского конгресса, Маркс пишет ему и Эккариусу письмо с указаниями о тактике, которой следует придерживаться делегатам Генерального Совета в отношении прудонистов; рекомендует принять на конгрессе резолюцию, разоблачающую подстрекателей войны между Францией и Германией.

11 сентября Немецкие делегаты на Брюссельском конгрессе предлагают резолюцию, в которой рекомендуют рабочим всех стран изучать «Капитал» Маркса, содействовать его переводу на различные языки и отмечают неоценимую заслугу его автора, впервые давшего научный анализ капитализма.

16 сентября Маркс и Энгельс приходят к выводу о необходимости издать популярную брошюру для рабочих о «Капитале». Замысел остается неосуществленным.

Энгельс заявляет о своем выходе из правления Шиллеровского общества в связи с тем, что для чтения лекции в общество был приглашен К. Фогт, разоблаченный Марксом в 1859—1860 гг. как платный агент Луи Бонапарта.

19 сентября — 12 октября Маркс и Энгельс в своей переписке обсуждают вопросы, связанные с развитием рабочего движения в Германии, и вырабатывают тактику по отношению к Всеобщему германскому рабочему союзу и его руководителю Швейцеру.

22 сентября На заседании Генерального Совета Маркс участвует в обсуждении итогов Брюссельского конгресса.

23 сентября Маркс в письме к Либкнехту дает указания о тактике, которой он должен придерживаться по отношению к лассальянскому Всеобщему германскому рабочему союзу.

29 сентября Маркс на заседании Генерального Совета вновь избирается секретарем-корреспондентом для Германии.

Конец сентября— начало октября Энгельс, в связи с запрещением полицией Всеобщего германского рабочего союза в Лейпциге и с закрытием местного отделения Союза в Берлине, пишет две статьи под заголовком «К роспуску лассальянского рабочего союза». Статьи публикуются 3 и 10 октября в «Demokratisches Wochenblatt».

Конец сентября— начало ноября Маркс и Энгельс внимательно следят за развернувшимися в Испании революционными событиями.

Начало октября— начало ноября Маркс и Энгельс читают рукопись И. Дицгена «Сущность головной работы человека», которую Дицген прислал Марксу для ознакомления.

4 октября Маркс пишет заметку о связях Международного Товарищества Рабочих с английскими рабочими организациями, в которой показывает активное участие тред-юнионов и других английских рабочих организаций в деятельности Товарищества; заметка, разоблачающая клевету немецких газет, отрицавших связь английских рабочих организаций с Товариществом, публикуется 17 октября в газете «Demokratiscbes Wochenblatt».

Маркс получает письмо от русского народника Н. Ф. Даниельсона с сообщением о намерении издателя Н. П. Полякова выпустить «Капитал» на русском языке.

6 октября Маркс на заседании Генерального Совета принимает участие в обсуждении вопроса об обращении к избирателям в связи с выдвижением кандидатуры Оджера на выборах в парламент. Считая выдвижение кандидатуры рабочего, члена Генерального Совета, полезным для дела Интернационала, Маркс поддерживает предложение Юнга о составлении такого обращения. Составление обращения поручается Марксу. Обращение принимается Генеральным Советом 13 октября.

7 октября В ответном письме к Даниельсону Маркс сообщает о состоянии своей работы над «Капиталом» и посылает ему по его просьбе автобиографические сведения для русского издания I тома.

12 октября Маркс в письме к Швейцеру, в ответ на его просьбу убедить Либкнехта прекратить борьбу против Всеобщего германского рабочего союза, заявляет, что как секретарь-корреспондент для Германии он обязан ограничиться ролью беспристрастного судьи в отношениях между Швейцером и Либкнехтом. Подвергая критике реформистские взгляды и вредную тактику лассальянцев, Маркс подчеркивает, что оставляет за собой право выступить публично с критикой их взглядов, когда сочтет необходимым сделать это в интересах рабочего движения.

14 октября Маркс присутствует в качестве делегата от Генерального Совета на собрании представителей тред-юнионов, созванном для обсуждения нового законопроекта о тред-юнионах.

Середина октября Энгельс читает I том книги Ч. Дарвина «Изменение домашних животных и культурных растений».

Вторая половина октября Маркс обсуждает с членами Генерального Совета вопрос о деятельности так называемой Французской секции в Лондоне, которая под влиянием Пиа превратилась в орудие интриг мелкобуржуазных элементов против Совета. Маркс получает от Генерального Совета полномочия публично, через прессу, отмежеваться в случае необходимости от этой группировки, утратившей всякую связь с Интернационалом.

Начало ноября Маркс, изучая литературу о земельной ренте и аграрных отношениях, уделяет значительное внимание сельской общине, ее месту и роли в социально-экономическом строе отдельных народов в разные эпохи, в том числе славянских народов, особенно России. Немецкий эмигрант, публицист С. Л. Боркхейм помогает ему переводить русские материалы.

3 ноября На заседании Генерального Совета Марксу поручается редакция перевода резолюций Брюссельского конгресса на английский язык. Резолюции Брюссельского конгресса печатаются вместе с резолюциями Женевского конгресса в газете «Bee-Hive» 21 ноября и 12 декабря.

9 ноября Маркс пишет заметку «Каким образом письмо г-на Гладстона Английскому банку в 1866 г. доставило России заем в 6 миллионов фунтов стерлингов» для английского журнала консервативного направления «The Diplomatic Review» («Дипломатическое обозрение»); статья печатается 2 декабря.

14 ноября Маркс просит Энгельса прислать фактические данные о роли банков в деловых операциях, необходимые ему для освещения этого вопроса в «Капитале».

23 ноября Маркс направляет лондонскому Просветительному обществу немецких рабочих письмо, в котором заявляет о своем выходе из общества в связи с соглашательской позицией общества по отношению к лассальянцам.

Конец ноября Маркс получает от русского революционера А. А. Серно-Соловьевича из Женевы предложение сотрудничать в органе французских секций Товарищества, газете «L'Egalite» («Равенство»), которая должна выходить с 1 января 1869 г. в Женеве; Маркс отказывается от постоянного сотрудничества в газете ввиду большой занятости.

1 декабря Генеральный Совет поручает Марксу хранение архива документов Международного Товарищества Рабочих.

Середина декабря Маркс и Энгельс читают и в письмах друг к другу обсуждают книги французского историка Э. Тено «Париж в декабре 1851 года» и «Провинции в декабре 1851 года», раскрывающие некоторые новые детали истории государственного переворота Луи Бонапарта.

15 декабря Генеральный Совет по предложению Маркса отклоняет просьбу основанного в Женеве Бакуниным международного общества, Альянса социалистической демократии, принять его в состав Интернационала в качестве самостоятельной организации.

18 декабря Энгельс по просьбе Маркса посылает ему свои критические замечания на программные документы Альянса социалистической демократии и решительно высказывается против приема этой организации в ряды Интернационала.

22 декабря Генеральный Совет единодушно одобряет на своем заседании написанный Марксом проект резолюции об отказе принять бакунистский Альянс в состав Интернационала. Резолюция, в которой подчеркивается, что прием международной организации в состав Интернационала привел бы к дезорганизации последнего, посылается в Женеву, а также секциям Интернационала в других странах.

1869

Январь—февраль В связи с работой над «Капиталом» Маркс просматривает английские журналы «Money Market Review» («Обозрение денежного рынка») и «The Economist» («Экономист») за 1868 г. и делает из них многочисленные выписки.

2 января На заседании Постоянного комитета Маркс участвует в обсуждении письма руководителя руанской секции Э. Обри, обратившегося с просьбой о помощи бастующим рабочим Руана. Постоянный комитет поручает Марксу сделать сообщение по этому вопросу на заседании Генерального Совета.

5 января На заседании Генерального Совета Маркс делает сообщение о локауте, объявленном фабрикантами хлопчатобумажной промышленности в Руане; он подчеркивает, что французские фабриканты, снижая заработную плату, стремятся производить свои товары дешевле, чтобы побить английских фабрикантов в конкурентной борьбе. Маркс поддерживает предложение об оказании материальной помощи руанским рабочим.

Конец января Маркс готовит второе издание своей работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Он заново просматривает и редактирует текст брошюры и отсылает ее Мейснеру в Гамбург.

2 февраля При обсуждении на заседании Генерального Совета вопроса о локауте рабочих-красильщиков и ленточников в Базеле Маркс предлагает обратиться к английским тред-юнионам с призывом оказать материальную помощь базельским рабочим.

Приблизительно 4—7 февраля Энгельс находится у Маркса в Лондоне.

Середина февраля	Маркс получает от Де Папа сообщение о безуспешных попытках найти издателя для французского перевода работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».
Около 13 февраля — август	После перерыва в несколько недель, вызванного болезнью, Маркс возобновляет работу над «Капиталом»; изучает литературу по вопросам кредита и банковского обращения, читает книги Дж. Л. Фостера, Ф. Э. Феллера, К. Г. Одермана и делает из них многочисленные выписки.
16 февраля	По предложению Маркса Генеральный Совет принимает решение предварительно сообщить секциям три пункта повестки дня предстоящего Базельского конгресса — о земельной собственности, о кредите и о всеобщем образовании.
Между 17 и 21 февраля	В связи с обращением в Генеральный Совет немецких горняков из Лугау Энгельс по просьбе Маркса пишет на английском языке «Доклад о цеховых товариществах горняков в угольных копях Саксонии», в котором разоблачает произвол шахтовладельцев и указывает на ближайшие задачи рабочих товариществ. Доклад Энгельса зачитывается Марксом и утверждается на заседании Генерального Совета 23 февраля. Переведенный Марксом на немецкий язык доклад публикуется в газете «Social-Dernokrat» 17 марта, в приложении к «Demokratischcs Wochenblatt» 20 марта и в «Zukunft» 20—21 марта.
Март — апрель	Несмотря на плохое состояние здоровья, Маркс наряду с огромной организаторской и политической деятельностью в Международном Товариществе продолжает работу над «Капиталом».
Начало марта	Маркс собирается в Париж к больной дочери Лауре, однако вынужден отложить поездку в связи с тем, что его намерение стало известно французской полиции.
4 марта	Узнав о намерении Либкнехта перепечатать в газете «Demokratisches Wochenblatt» работу «Крестьянская война в Германии», Энгельс пишет Марксу, что считает более целесообразным издать ее отдельной брошюрой. Для газеты он предлагает перепечатать последнюю главу своей работы «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия».
5 марта	Маркс посылает Энгельсу для ознакомления письмо Альянса социалистической демократии Генеральному Совету, а также проект ответного письма Альянсу, согласно которому при условии роспуска организации Альянса и замены в его программе требования

«уравнения классов» требованием «уничтожения классов» его секциям разрешается вступить в Интернационал.

9 марта — На заседании Генерального Совета принимается написанный Марксом ответ центральному бюро Альянса. Этот ответ в виде циркулярного письма рассылается для ознакомления секциям Интернационала.

Конец марта — начало апреля — Энгельс занимается голландско-фризскими языками.

Конец марта — первая половина апреля — Маркс и Энгельс внимательно следят за развитием рабочего движения в Германии и, в частности, за обострившейся борьбой между организациями, возглавлявшимися Либкнехтом и Бебелем, с одной стороны, и Швейцером, с другой.

10 апреля — Ознакомившись со статьей о Лассале, напечатанной одним из основателей христианского социализма в Англии Дж. М. Ладлоу в журнале «Fortnightly Review», Маркс посылает автору статьи I том «Капитала»; в сопроводительном письме он обращает внимание Ладлоу на примечание к предисловию «Капитала», в котором указывается на тот факт, что Лассаль, заимствуя многое из работ Маркса, искажал его взгляды и что у Маркса нет ничего общего с политической тактикой Лассаля.

13 апреля — На заседании Генерального Совета Маркс сообщает о деятельности рабочих депутатов в Северогерманском рейхстаге, отмечает выступление Бебеля, открыто заявившего о своей принадлежности к Интернационалу. Маркс обращает внимание Совета на компрометирующую Международное Товарищество Рабочих деятельность так называемой Французской секции в Лондоне, фактически находящейся вне Интернационала.

27 апреля — В связи с жестокой расправой над бастующими рабочими в Бельгии Маркс на заседании Генерального Совета предлагает не ограничиваться только составлением воззвания, которое он готовит по поручению Генерального Совета, а организовать широкую кампанию протеста.

Начало мая — В связи с дальнейшей работой над «Капиталом» Маркс читает официальные отчеты о применении детского труда в сельском хозяйстве Англии.

Маркс получает от З. Мейера письмо с подробной информацией о рабочем движении в Соединенных Штатах Америки.

Маркс получает письмо от бывшего чартистского лидера Дж. Гарни, переехавшего в Америку, с просьбой прислать ему экземпляр «Капитала», для которого он собирается найти в Нью-Йорке переводчика и издателя.

4 мая Маркс на заседании Генерального Совета зачитывает написанное им воззвание «Бельгийские избиения», которое единодушно одобряется Советом. Воззвание издается на английском языке в виде листовки, французский перевод Маркса печатается в газетах: «L'Internationale» («Интернационал»), органе бельгийских секций Интернационала, 15 мая, «Liberte» 16 мая, «Egalite» 22 мая. Немецкий текст воззвания публикуется в «Demokratisches Wochenblatt» 22 мая.

10 мая Энгельс посылает Марксу деньги в фонд помощи семьям бельгийских горняков, пострадавших во время расправы, учиненной бельгийским правительством.

11 мая На заседании Генерального Совета Маркс выступает с разоблачением подготовки войны против Англии лидерами республиканской партии Соединенных Штатов Америки. Предложенный Марксом текст «Обращения к Национальному рабочему союзу Соединенных Штатов» с призывом к борьбе за сохранение мира единогласно принимается Генеральным Советом. Обращение публикуется в виде листовки на английском языке, а также в газетах «Bee-Hive» 15 мая, «Demokratisches Wochenblatt» 22 мая и в журнале «Vorbote» за август месяц.

Около 14 мая — 23 июня Маркс читает корректуру второго издания своей работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и пишет предисловие; издание выходит в свет в конце июля 1869 года.

25 мая — 14 июня Маркс вместе с младшей дочерью Элеонорой гостит у Энгельса в Манчестере.

22 июня Маркс на заседании Генерального Совета сообщает о полученном им письме от союза переплетчиков Лейпцига, обратившихся с просьбой оказать им помощь в установлении связи с переплетчиками других стран.

23 июня Маркс принимает участие в многолюдном митинге тред-юнионов в Эксетер-холле в Лондоне, организованном в поддержку законопроекта о расширении прав тред-юнионов.

Приблизительно июль — август За перепиской Маркса и Энгельса устанавливается полицейское наблюдение: сначала отдельные, а затем и почти все письма Маркса к Энгельсу подвергаются перлюстрации.

1 июля Энгельс прекращает работу в манчестерской фирме и с этого времени всецело посвящает себя партийной, научной и публицистической деятельности.

Около 2 июля Маркс получает от Либкнехта письмо с просьбой приехать на Эйзенахский съезд социал-демократов Германии. Маркс отклоняет приглашение, дает Либкнехту

указания о принципах, на которых должна основываться самостоятельная рабочая партия в Германии в отличие от мелкобуржуазной Народной партии и сектантской организации лассальянцев. Маркс предлагает также проводить в жизнь резолюцию Нюрнбергского съезда германских рабочих обществ о присоединении к Интернационалу.

6 июля — На заседании Генерального Совета при обсуждении программы предстоящего Базельского конгресса Маркс дважды выступает по вопросу о земельной собственности, подчеркивая, что переход земли в коллективную собственность стал экономической необходимостью.

6—12 июля — Маркс под фамилией Уильямс находится в Париже у Лауры и Поля Лафаргов.

20 июля — На заседании Генерального Совета в связи с подготовкой к Базельскому конгрессу Маркс открывает прения по вопросу об отмене права наследования и высказывается против этого бакунистского лозунга как из теоретических, так и из тактических соображений.

27 июля — В письме к Бебелю Маркс критикует предложение И. Ф. Беккера о построении Интернационала по языковому принципу и предупреждает от возможных ошибочных решений на Эйзенахском съезде по этому вопросу.

Около 28 июля — Энгельс перерабатывает биографическую статью о Марксе, написанную им в конце июля 1868 года. Биография Маркса публикуется в газете «Zukunft» 2 августа и в приложении к газете «Demokratisches Wochenblatt» 21 августа.

3 августа — Маркс оглашает на заседании Генерального Совета подготовленный им доклад о праве наследования. Доклад Маркса утверждается и представляется Базельскому конгрессу от имени Генерального Совета.

9 и 19 августа — Маркс получает от Либкнехта телеграмму об основании в Эйзенахе немецкой Социал-демократической рабочей партии, а также письмо с сообщением о решении Эйзенахского съезда присоединиться к Международному Товариществу Рабочих.

10 и 17 августа — В связи с подготовкой Базельского конгресса Маркс выступает с речью и заключительным словом о всеобщем образовании при капитализме. Он разъясняет необходимость введения государственного обязательного и бесплатного школьного обучения, сочетания умственного образования с физическим трудом и политехническим обучением, высказывается против преподавания религии в школах.

13 августа	Маркс настоятельно рекомендует Юнгу присутствовать на собрании объединенного тред-юниона плотников и столяров, на котором должна обсуждаться кандидатура делегата на Базельский конгресс.
18 августа	Маркс в письме к Энгельсу, ссылаясь на сообщение польского революционера, члена Генерального Совета А. Жабицкого об успешном окончании забастовки польских строительных рабочих в Познани благодаря помощи берлинских рабочих, отмечает значение пролетарской солидарности в экономической борьбе рабочего класса для преодоления национальных предрассудков.
Около 19 августа — начало сентября	Энгельс уезжает в Германию, где проводит несколько дней у родных в Энгельскирхене.
Конец августа — начало сентября	По поручению Генерального Совета Маркс пишет «Отчет Генерального Совета IV ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих» на английском и немецком языках.
4 и 6 сентября	Маркс посылает Базельскому конгрессу составленные им отчет Генерального Совета и резолюции по вопросам образования и права наследования.
6—23 сентября	Энгельс со своей женой Лиззи Бёрнс и Элеонорой Маркс предпринимает путешествие по Ирландии. Он посещает Дублин, Килларни, Корк, отмечая повсюду засилие военщины, сокращение и бедственное положение ирландского населения как результат английской колониальной политики в Ирландии.
7—11 сентября	На Базельском конгрессе Интернационала зачитываются написанные Марксом отчет Генерального Совета и доклад о праве наследования. Маркс вновь единогласно избирается членом Генерального Совета.
Около 8—9 сентября	Маркс получает от Лесснера подробную информацию о ходе работы Базельского конгресса.
Около 10 сентября — 17 сентября	Маркс с дочерью Женни выезжает в Ганновер к Кугельману; по пути они останавливаются в Брюгге и Льеже, проводят один день в Ахене у родственников, посещают Кёльн, заезжают в Зигбург к Дицгену, оттуда — в Бонн, Майнц, в котором проводят один день у немецкого социалиста П. Штумпфа, затем едут в Висбаден, откуда направляются в Ганновер.
Около 18 сентября — 7 октября	Маркс с дочерью Женни отдыхает в Ганновере у Кугельмана.

27 сентября	Энгельс в письме к Марксу делится своими впечатлениями о поездке по Ирландии и просит его вступить в переговоры с Мейснером об издании книги по истории Ирландии, над которой он начал работать.
30 сентября	В беседе с делегацией лассальянского профсоюза рабочих-металлистов во главе с И. Г. Хаманом Маркс подчеркивает значение профессиональных союзов как «школы социализма». В заключение он предостерегает рабочих против культа личности. Отчет о беседе публикуется в органе немецкой Социал-демократической рабочей партии, газете «Der Volksstaat» («Народное государство») 27 ноября в искаженном виде.
Приблизительно конец сентября	Энгельс готовит второе издание своей работы «Крестьянская война в Германии», которое выходит в Лейпциге в октябре 1870 года.
Октябрь — декабрь	Энгельс работает над задуманной им книгой «История Ирландии». Стремясь восстановить действительную картину истории ирландского народа, фальсифицированную буржуазными учеными, Энгельс, наряду с большим количеством исторической литературы, изучает первоисточники на древнеирландском языке.
3 октября	Маркса посещают в Ганновере члены Комитета немецкой Социал-демократической рабочей партии — В. Бракке, Л. Бонхорст и С. Шпир.
8—9 октября	Маркс находится в Гамбурге, где встречается с Мейснером.
11 октября	Маркс возвращается в Лондон.
12 октября	Энгельс приезжает к Марксу в Лондон.
18 октября	Получив из Парижа от переводчика Ш. Келлера рукопись французского перевода второй главы I тома «Капитала», Маркс просматривает текст, делает свои замечания и отсылает его через Лафарга обратно в Париж.
19 октября	На заседании Генерального Совета Маркс делает сообщение об успешном развитии рабочего движения в Германии.
Около 20 октября	Маркс получает из Петербурга от Даниельсона книгу Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России».
24 октября	Маркс принимает участие в многолюдной демонстрации лондонских рабочих, проходившей в Гайд-парке под лозунгом освобождения заключенных фениев.
26 октября	Маркс в своем выступлении на заседании Генерального Совета отмечает, что английская буржуазная печать

замалчивает и фальсифицирует информацию о движении английских рабочих за освобождение Ирландии. Генеральный Совет поручает специальной комиссии во главе с Марксом составить резолюцию по ирландскому вопросу.

30 октября — В связи с кампанией немецкой буржуазной печати против решений Базельского конгресса о передаче земли в общественную собственность Маркс в письме к Энгельсу резко критикует нерешительную и половинчатую позицию Либкнехта и газеты «Volksstaat», которая, идя на уступки мелкобуржуазной Народной партии, не проводила широкой пропаганды базельских решений и неоднократно утверждала, что требование национализации земли, весьма актуальное для Англии, не касается Германии; Маркс подчеркивает, что одна из главных задач в Германии — покончить с крупной земельной собственностью.

Конец октября — В связи с намерением прочитать книгу Флеровского «Положение рабочего класса в России», а также познакомиться с экономическими работами Н. Г. Чернышевского, Маркс начинает изучать русский язык.

Приблизительно ноябрь 1869—9 января 1870 — Маркс читает первую часть книги А. И. Герцена «Былое и думы» — «Тюрьма и ссылка».

Ноябрь — Энгельс по просьбе Маркса, который в этот период занимается вопросом земельной ренты, читает книгу американского вульгарного экономиста Г. Ч. Кэри «Принципы социальной науки», обращая особое внимание на его теорию земельной ренты. В письмах к Марксу сообщает свое мнение о прочитанном.

1 ноября — Ознакомившись с письмом Бонхорста к Марксу, в котором тот просит совета относительно пропаганды среди немецких крестьян, Энгельс пишет Марксу об огромном значении решений Базельского конгресса для выработки правильной тактики Социал-демократической рабочей партии в крестьянском вопросе и показывает на основе конкретного анализа необходимость дифференцированного подхода к различным категориям крестьянства.

9 ноября — На заседании Генерального Совета оглашается письмо отсутствующего по болезни Маркса с предложением обсудить позицию английского правительства и английских рабочих в ирландском вопросе; Совет решает включить выдвинутые Марксом вопросы в повестку дня следующего заседания.

Около 14 ноября — Маркс редактирует обращение, содержащее программу английской рабочей организации Лиги земли и труда, созданной Генеральным Советом.

16, 23 и 30 ноября — Маркс участвует в заседаниях Генерального Совета по ирландскому вопросу; он открывает дискуссию и в своем выступлении разоблачает политику правительства Гладстона по отношению к ирландским заключенным; он предлагает проект резолюции в поддержку движения за амнистию ирландских революционеров. В ходе обсуждения дважды выступает с резкой критикой позиции английских членов Генерального Совета, реформистских лидеров тред-юнионов Т. Дж. Моттерсхеда и Оджера, защищавших политику Гладстона. Резолюция принимается и рассылается всем секциям Интернационала, а также тред-юнионам в Англии. Резолюция публикуется в газетах «Reynolds's Newspaper» («Газета Рейнольдса») 21 ноября, «Volksstaat» 27 ноября, «Internationale» 12 декабря и других.

3 декабря — В письме к тред-юнионистскому лидеру, члену Генерального Совета Р. Аплгарту Маркс разъясняет резолюции конгрессов Интернационала о передаче земли в общественную собственность.

10 декабря — Маркс сообщает Энгельсу, что Келлер прервал работу над французским переводом I тома «Капитала», чтобы подготовить французский перевод работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

14 декабря — На заседании Генерального Совета при обсуждении нападок на Генеральный Совет женевской газеты «Egalite», в редакции которой бакунисты захватили большинство, Маркс официально заявляет, что Либкнехт является членом Международного Товарищества Рабочих, тогда как Швейцер, в защиту которого выступают бакунисты, в Товарищество не вступил и отказался признать Генеральный Совет третейским судьей в конфликте с Либкнехтом.

Около 17 декабря — В связи с мерами, предпринимаемыми Генеральным Советом против подрывной деятельности бакунинского Альянса, Маркс посылает подробную информацию Де Папу для сообщения Бельгийскому федеральному совету Интернационала.

Конец декабря — начало января 1870 — Энгельс гостит у родственников в Бармене, по дороге в Германию заезжает в Лондон к Марксу.

1870

Январь — апрель — Энгельс продолжает работу над книгой «История Ирландии», изучает древнеирландские законы, читает книги Э. Уэйкфилда, Дж. П. Прендергаста, Дж. Н. Мэрфи и произведения других авторов.

Около 1 января — По поручению Генерального Совета Маркс пишет циркулярное письмо Федеральному совету Романской

Швейцарии, в котором опровергаются клеветнические обвинения, выдвинутые против Генерального Совета бакунистами в «Egalite», Маркс разъясняет международное значение национально-освободительной борьбы ирландского народа и ее связь с борьбой против капиталистического строя в Англии. Письмо утверждается и рассылается секциям Интернационала для информации.

6 января — Энгельс возвращается из Германии в Манчестер.

Около 8 января — Маркс пишет Де Папу письмо с подробной информацией о положении дел в Интернационале, посылает ему текст циркулярного письма от 1 января и сообщает о смерти английского рабочего, деятеля тред-юнионов, члена Генерального Совета Р. Шо, на похоронах которого он присутствовал в составе делегации Генерального Совета; часть письма Маркса, посвященная Шо, публикуется в газете «Internationale» 16 января.

Около 15 января — Маркс получает письмо от союза ганноверских механиков с просьбой оказать содействие в установлении связи с английскими механиками; ввиду болезни Маркса, Юнг по его поручению информирует об этом членов Генерального Совета, на заседании которого принимается решение о мерах для установления связи между английскими и немецкими механиками.

Середина января—начало марта — Маркс болен.

23 января — На квартире у Маркса происходит очередное заседание Постоянного комитета.

24 января — Маркс в письме к Де Папу подробно освещает раскольническую деятельность бакунистов в Интернационале. В связи с работой над «Капиталом» Маркс просит также сообщить ему о книгах по сельскому хозяйству и о земельной собственности в Бельгии.

8 февраля — Энгельс оказывает материальную поддержку рабочим Золингена, организовавшим производительное товарищество.

Около 11 февраля — Энгельс пишет предисловие ко второму немецкому изданию своей работы «Крестьянская война в Германии», в котором раскрывает роль крестьянства как союзника пролетариата и намечает тактику пролетариата в крестьянском вопросе. Просмотренное и одобренное Марксом предисловие отсылается Энгельсом Либкнехту. Предисловие впервые публикуется в газете «Volksstaat» 2 и 6 апреля.

21 февраля Маркс посылает в газету «Internationale» материалы, в которых разоблачается жестокое обращение английского правительства с участниками ирландского национально-освободительного движения. Эти материалы печатаются 27 февраля и 6 марта в виде статьи, озаглавленной «Английское правительство и заключенные фении».

27 февраля — 19 апреля При участии Маркса его старшая дочь Женни пишет для французской левореспубликанской газеты «La Marseillaise» («Марсельеза») серию статей, посвященных ирландскому вопросу и разоблачающих жестокое обращение английских тюремщиков с заключенными фениями. Статья печатаются в газете с 1 марта по 24 апреля.

Март — июнь Энгельс внимательно следит за дебатами в палате общин и палате лордов по ирландскому вопросу в связи с прохождением проектов полицейского исключительного закона и земельного акта для Ирландии, внесенных правительством Гладстона.

Около 10 марта Маркс возобновляет работу над «Капиталом».

15 марта После длительного перерыва, вызванного болезнью, Маркс участвует в заседании Генерального Совета, на котором обсуждается вопрос о приеме в Товарищество парижского философского кружка пролетариев-позитивистов.

16 марта Предисловие Маркса ко второму изданию его работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» публикуется в газете «Volksstaat».

24 марта Маркс сообщает недавно созданной в Женеве Русской секции о решении Генерального Совета принять ее в Интернационал и о своем согласии быть ее представителем в Генеральном Совете; подчеркивает значение работ Чернышевского и Флеровского для развития социалистического движения в России. Ответ Маркса публикуется в органе Русской секции, газете «Народное дело» 15 апреля 1870 года.

Маркс напоминает Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии о необходимости в соответствии с Уставом Международного Товарищества Рабочих присылать каждые три месяца Генеральному Совету отчеты о состоянии рабочего движения.

28 марта Маркс как секретарь-корреспондент для Германии посылает через Кугельмана брауншвейгскому Комитету Социал-демократической рабочей партии «Конфиденциальное сообщение», содержащее циркулярное письмо «Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии» от 1 января 1870 г., а также подробную информацию о подрывной деятельности бакунистов в Интернационале и о мерах, принятых в связи с этим Генеральным Советом.

9 апреля — Маркс в письме руководителям немецких секций Интернационала в Соединенных Штатах Америки З. Мейеру и А. Фогту разъясняет позицию Интернационала в ирландском вопросе и указывает на необходимость правильного освещения этой позиции среди американских рабочих.

12 апреля — Маркс присутствует на заседании Генерального Совета, на котором обсуждается вопрос о жестокой расправе с участниками забастовки французских рудокопов в Крезо; Совет поручает Марксу и Э. Дюпону составить воззвание в связи с этой забастовкой.

Около 19—27 апреля — Маркс дважды навещает тяжело больного К. Шаппера, бывшего члена Союза коммунистов. После его смерти запрашивает у Энгельса материал для написания некролога.

26 апреля — На заседании Генерального Совета Маркс выступает с предложением о разрыве Международного Товарищества Рабочих с газетой «Bee-Hive», которая превратилась в буржуазную газету. Предложение принимается единогласно, Совет поручает Марксу подготовить резолюцию по этому вопросу. Написанная Марксом резолюция в форме заявления публикуется 11 мая в газете «Volksstaat», а затем в ряде других органов Интернационала.

28 апреля — Энгельс в письме к Бракке, отмечая значение того факта, что немецкие рабочие провели в рейхстаг группу своих представителей, указывает на необходимость и в дальнейшем добиваться избрания в рейхстаг возможно большего числа рабочих депутатов. Письмо Энгельса публикуется в газете «Volksstaat» 14 мая.

29 апреля — Маркс получает из Женевы первый русский перевод «Манифеста Коммунистической партии», напечатанный в типографии «Колокола» и посылает один экземпляр Энгельсу.

Май — первая половина июля — Энгельс пишет «Историю Ирландии». Из намеченных четырех глав он успел написать первую и часть второй главы. Начавшаяся франко-прусская война, Парижская Коммуна, огромная практическая деятельность в Интернационале помешали Энгельсу завершить его труд.

3 мая — На заседании Генерального Совета утверждается предложенный Марксом текст воззвания о преследовании членов французских секций Международного Товарищества Рабочих. Воззвание публикуется на английском языке отдельной листовкой и в английской либеральной газете «Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф») 4 мая, авторский французский перевод печатается в газете «Marseillaise» 7 мая, а также в других органах печати.

Около 4 мая Маркс настоятельно советует Либкнехту занять более определенную позицию в газете «Volksstaat» по отношению к Бакунину и его сторонникам.

10 мая Маркс пишет проект резолюции Генерального Совета о так называемой Французской секции в Лондоне, в котором дезавуируется эта группа мелкобуржуазных эмигрантов, выступавших от имени Интернационала. Ввиду болезни Маркса проект резолюции зачитывается Юнгом на заседании Генерального Совета и единогласно утверждается. Резолюция публикуется в газетах «Penny Bee-Hive» 14 мая, «Egalite» 21 мая, «Volksstaat» 21 мая, а также в других газетах.

10 — 15 мая Маркс и Энгельс в переписке обсуждают вопрос о месте созыва предстоящего конгресса Интернационала.

17 мая Маркс на заседании Генерального Совета высказывается за принятие предложения Комитета немецкой Социал-демократической рабочей партии о созыве очередного конгресса Международного Товарищества Рабочих в Майнце и предлагает резолюцию по этому вопросу. Принятая единогласно резолюция печатается в газетах «Volksstaat» 25 мая, «Egalite» 28 мая и других органах печати.

19 мая Энгельс в письме к Марксу, оценивая итоги плебисцита, проведенного во Франции правящими кругами для упрочения пошатнувшегося режима Второй империи, с большой похвалой отзывается о поведении французских рабочих, которые активно выразили свое недовольство бонапартистским режимом.

Около 23 мая Маркс получает от Зорге статистические данные о положении рабочих в Соединенных Штатах Америки.

23 мая — около 23 июня Маркс со своей дочерью Элеонорой гостит у Энгельса в Манчестере.

14 июня Маркс и Энгельс обращаются с письмом к Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии по поводу подготовки к предстоящему конгрессу Международного Товарищества Рабочих в Майнце; в письме они предостерегают против попыток лассальянцев сорвать работу конгресса. Письмо публикуется в газете «Volksstaat» 26 июня 1872 года.

27 июня Маркс пишет письмо Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии, в котором решительно возражает против предложения Либкнехта об отсрочке очередного конгресса Интернационала, назначенного на сентябрь 1870 года.

28 июня На заседании Генерального Совета Маркс выступает с речью о расколе в Романской федерации Швейцарии

и предлагает резолюцию, поддерживающую прежний Федеральный комитет в его борьбе против бакунистов. Резолюция принимается единогласно и публикуется в газетах «La Solidarite» («Солидарность») 23 июля и «Le Mirabeau» («Мирабо») 24 июля.

3—4 июля

Маркса дважды посещает русский революционер Г. А. Лопатин, приехавший из Парижа с рекомендациями от Лафарга; он сообщает Марксу о революционном движении в России и, в частности, о ссылке в Сибирь Чернышевского.

Около 5 июля

Энгельс по просьбе дочери Маркса Женни пишет заметку для предисловия к сборнику ирландских песен «Арфа Ирландии».

5 июля

По поручению Генерального Совета Маркс составляет воззвание к рабочим Европы и Соединенных Штатов Америки с призывом поддержать женевских строительных рабочих в их борьбе с предпринимателями. Текст воззвания публикуется под названием «Локаут строительных рабочих в Женеве» отдельной листовкой на английском, немецком и французском языках.

14 июля

В соответствии с решением Генерального Совета Маркс пишет «Конфиденциальное извещение всем секциям», в котором запрашивается мнение секций о целесообразности изменения местопребывания Генерального Совета. Текст извещения рассылается секциям, которые высказываются за то, чтобы Генеральный Совет оставался в Лондоне.

Маркс посылает Юнгу повестку дня очередного конгресса в Майнце. Повестка публикуется в июле отдельной листовкой на английском языке, а также в газетах «Liberte» 31 июля, «Volksstaat» 13 августа и других органах Интернационала.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

С

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

Б

* В скобках указывается название, данное на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, дано краткое пояснение. — *Ред.*

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати
Е. Н. Барвенко, А. Е. Коротеевой
и *Н. М. Мещеряковой*
Экономические работы подготовлены
С. М. Григорьяном и *А. И. Малышем*
под редакцией *Я. Б. Турчинса*
Помощники подготовителей
Э. Д. Вильховченко и *И. П. Данилова*
Редакторы *И. А. Бах, Е. А. Степанова*
Редактор раздела «Из рукописного наследства»
Л. И. Гольман

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*
Корректоры *З. П. Баранова* и *Н. Н. Рощупкина*

*

Сдано в набор 12/IX 1959 г. Подписано
к печати 28/IV 1960 г. Формат 60X92$^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. 54$^{1}/_{2}$*+4 вклейки (*$^{5}/_{8}$ *печ. л.).*
Условн. печ. л. 55,1. Уч.-изд. л. 48,24.
Тираж 140000 экз. Заказ № 1643.
Цена 10 руб.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

*

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.